SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

Годъ XIV-й. № 1-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

ЯНВАРЬ.

1905 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1905.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 30-го декабря 1904 года.

AP50
M47
1905 :1
MAIN

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

		стр.
1.	О РАЗВИТІИ КОНСТИТУЦІОННЫХЪ ФОРМЪ ШВЕЙЦАРІИ. **В. Свѣтлова.**	1
2.	СТИХОТВОРЕНІЕ. *** **А. Черемнова**	30
3.	СЧАСТЬЕ. Повѣсть. **П. Булыгина**	31
4.	ЛАМЕНЕ И ЕГО ВРЕМЯ. **Х. Инсарова**	70
5.	СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ УЧЕНІЯ О ПАРТЕНОГЕНЕЗѢ У ЖИВОТНЫХЪ. **Н. Холодковскаго**	102
6.	ЛЕВКА ГЕМЪ. Разсказъ. **Семена Юшкевича**	121
7.	СТИХОТВОРЕНІЕ. ВИНО. **А. Ѳедорова**	146
8.	БОРЬБА ДУШЪ. Романъ **Густава Гейерстама.** Переводъ со шведскаго **З. Зеньковича.**	148
9.	ПОЛИТИЧЕСКІЯ ПАРТІИ И ОБЩЕСТВЕННОЕ МНѢНІЕ ВЪ ЯПОНІИ. **Н. Азбелева**	175
10.	НАМИ-КО. Современный японскій романъ. **Кенджиро Токутоми.** Переводъ со шведскаго **К. Ж.**	194
11.	ВО ЧРЕВѢ КИТА. Очеркъ. **А. Бибика**	230
12.	ВСЕОБЩЕЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО. **Л. Клейнборта.**	245
13.	СТИХОТВОРЕНІЯ. ТИХІЙ СВѢТЪ. **Г. Галиной.** *** **С. Маковскаго.**	260

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

14.	ТЕАТРАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ. VII. «Въ мутной водѣ», комедія А. А. Потѣхина.—«Авдотьина жизнь», драма соч. С. Найденова.—«Крылья связаны», комедія И. Потапенко. **Ѳ. Батюшкова**	1
15.	ПАМЯТИ А. Н. ПЫПИНА. **П. Щеголева**	9
16.	СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ РОССІИ ВЪ НОВОМЪ ОСВѢЩЕНІИ. **В. Тотоміанца**	11
17.	ЗА МѢСЯЦЪ	17
19.	ПО ПОВОДУ. (Изъ жизни въ провинціи). «Русскій человѣкъ на rendez-vous». — Настроеніе ожиданія въ провинціи. — «Мы еще не умѣемъ говорить». — Какъ «Московскія Вѣдомости» ходятъ въ «народъ».—«Почетные провокаторы» и изслѣдова-	

884367

стр.

тели обывательской души: г.г. Безруковы. Любомудровы, Поповы и Сопроновы. — Проектъ «курсовъ для досужихъ слушателей». — Мнѣніе Достоевскаго о психологіи русскаго шпіона. **І. Ларскаго** 22

19. ИЗЪ РУССКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ. Новыя данныя по дѣлу Чернышевскаго.—Новая замѣтка о попыткѣ его освобожденія.—«Воспоминанія о Чернышевскомъ» В. Г. Короленко въ «Русскомъ Богатствѣ».—«Всемірный Вѣстникъ» ст. г. Батурунскаго «Герценъ, его друзья и знакомые».—Еще о Сахалинѣ—ст. Сѣича въ «Русской Мысли». **В. Богучарскаго** . 34

20. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. Борьба съ реакціей во Франціи. — Рѣчи Жореса и Анатоля Франса. — Дѣло Гренье. — Дебаты въ германскомъ рейхстагѣ. — Митингъ и рѣчь Чэмберлена въ лондонскомъ Истъ-Эндѣ. — Отношеніе рабочей партіи къ предстоящимъ выборамъ въ Англіи. — Общее настроеніе Китая 50

21. ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ. Уроки войны. — Статьи японскихъ авторовъ и толки о мирѣ.—Финансы Японіи.—Эволюція англійскаго трэдъ-юніонизма 62

22. НАУЧНЫЙ ФЕЛЬЕТОНЪ. I. Физика, химія и минералогія. II. Біологія и медицина. **В. Агафонова**. 69

23. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Беллетристика.—Критика и исторія литературы. — Публицистика. — Соціологія и политическая экономія. — Естествознаніе. — Народныя изданія. — Новыя книги, поступившія для отзыва въ редакцію.—Поправка. . . 90

24. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 123

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

25. ДЖОНЪ МОРТОНЪ, НИЩЕНСТВУЮЩІЙ АПОСТОЛЪ. Романъ **У. Б. Максуэлля.** Пер. съ англійскаго **Л. Сердечной** 1

26. ИСТОРІЯ ИСКУССТВА СЪ ДРЕВНИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО НАШИХЪ ДНЕЙ. **Р. Розенберга**. Переводъ съ нѣмецкаго **О. Ѳ. Павловской**, подъ редакціей проф. исторіи искусствъ **А. А. Павловскаго.** 1

Univ. of California

О РАЗВИТІИ КОНСТИТУЦІОННЫХЪ ФОРМЪ ШВЕЙЦАРІИ.

Нынѣ дѣйствующая союзная конституція, вступившая въ силу 29-го мая 1874 г., находится въ тѣсной органической связи съ конституціей 1848 г. Начиная съ этого года—момента основанія союзнаго государства—конституціонный строй Швейцаріи неуклонно и безостановочно развивается въ двухъ направленіяхъ: въ сторону все большей и большей централизаціи политическихъ учрежденій и сплачиванія населяющихъ ее народностей въ единую швейцарскую національность и, во-вторыхъ, въ сторону демократизаціи этихъ учрежденій,—демократизаціи какъ въ области законодательства, такъ и въ области управленія. Однако, и въ конституціи 1848 г. имѣется рядъ сторонъ, связывающихъ ее, если не прямо, то косвенно, съ предыдущимъ періодомъ современной исторіи Швейцаріи. Время гельветической республики отъ 1798—1803 г., когда достигшая власти буржуазія впервые получила возможность реализовать свои общественные и политическіе идеалы, разсматривается, какъ исходный пунктъ всей новѣйшей исторіи Швейцаріи. Начавшись бурнымъ и быстрымъ потокомъ, грозившимъ, какъ казалось, разъ навсегда смести средневѣковый строй и все, что съ нимъ связано, теченіе ея въ эпоху общеевропейской реакціи было сдавлено, сведено почти на нѣтъ, пришедшими въ себя реакціонными силами. Мало-по-малу оно стало пробиваться наружу, пока, наконецъ, подъ вліяніемъ іюльской революціи и послѣдовавшими за нею внутренними переворотами въ большинствѣ швейцарскихъ кантоновъ имъ не была сломлена послѣдняя преграда, не были устранены съ пути послѣдніе пережитки феодализма. Чтобы поставить наше изложеніе въ надлежащую историческую перспективу, необходимо хотя бы въ общихъ чертахъ охарактеризовать этотъ первоначальный періодъ современной Швейцаріи, въ частности, «Гельветику»—тѣ ея истоки, которые, по картинному выраженію Гильти, являются «первымъ стремительнымъ, а потому неудавшимся штурмомъ» демократіи *).

*) *C. Hilty.* „Oeffentliche Vorlesungen über die Helvetik", 1878.

I.

До 1848 г.

Какъ всѣмъ крупнымъ перемѣнамъ, происшедшимъ въ XIX столѣтіи въ общесоюзной жизни Швейцаріи, такъ и революціи 1798 года предшествовало глубокое общественное броженіе во многихъ мѣстахъ страны. Рядъ заговоровъ и возстаній въ теченіе XVIII ст.—женевскія смуты, заговоръ маіора Довеля въ Ваадтѣ, Генци въ Бернѣ, Шено въ Фрейбургѣ—имѣлъ цѣлью въ однихъ случаяхъ независимость данной страны, въ другихъ—уничтоженіе феодальныхъ отношеній, освобожденіе крестьянъ, расширеніе народныхъ правъ. Возстанія эти, жестоко подавлявшіяся господствовавшимъ патриціатомъ, постепенно перешли въ сплошное революціонное движеніе, охватившее громадную часть страны въ годы, непосредственно предшествовавшіе революціи. Подчиненныя или «подданныя» земли стремились къ отдѣленію отъ владѣвшихъ ими кантоновъ, въ самихъ же кантонахъ—Цюрихѣ, Базелѣ и др.—возстававшія народныя массы требовали уничтоженія «десятинъ», равномѣрнаго обложенія всѣхъ гражданъ, свободы промысловъ и передвиженія, улучшеній въ положеніи крестьянства и т. д. Гельветическая конституція 1798 г. должна была безповоротно ликвидировать старыя экономическія полуфеодальныя отношенія. По своему соціальному содержанію, пятилѣтній періодъ Гельветики являлся тѣмъ же, чѣмъ была великая французская революція. Какъ во Франціи, такъ и въ Швейцаріи, буржуазія праздновала медовые дни своего политическаго господства. «Свобода, равенство, братство и собственность!»—таковъ былъ девизъ какъ французской, такъ и швейцарской буржуазіи.

Въ I отдѣлѣ конституціи 1798 г., замѣняющемъ французскую «декларацію правъ человѣка и гражданина», мы между прочимъ читаемъ:

«Не существуетъ никакой наслѣдственной власти, званія или почетнаго титула. Уголовные законы должны воспретить всякій титулъ, всякое установленіе, напоминающее о наслѣдственности. Наслѣдственные почетные титулы порождаютъ высокомѣріе и угнетеніе, приводятъ къ невѣжеству и косности и вводятъ въ заблужденіе относительно людей, событій и вещей».

Если въ этихъ строкахъ объявляется протестъ всему «историческому», то другія статьи швейцарской «декларації» узаконяютъ «естественныя права человѣка». «Естественная свобода человѣка»—гласятъ эти статьи—неотчуждаема. Она не имѣетъ никакихъ границъ, кромѣ свободы ближняго и тѣхъ ограниченій, которыхъ требуетъ общественное благо... Свобода совѣсти неограничена... Свобода печати есть естественное слѣдствіе права каждаго человѣка обогащать свои свѣдѣнія». И далѣе: «частная собственность можетъ быть превращена

въ собственность государства лишь въ крайнихъ случаяхъ, когда этого требуетъ очевидная общественная необходимость, но и тогда лишь за достаточное вознагражденіе. Существуютъ двѣ основы общественнаго благосостоянія: безопасность и просвѣщеніе. Просвѣщеніе лучше богатства и роскоши».

Итакъ, хотя собственность и священна и подлежитъ отчужденію лишь за «достаточное вознагражденіе», тѣмъ не менѣе народнымъ массамъ рекомендуется просвѣщеніе, которое должно предпочитать богатству и благосостоянію. Таковы «главные основные принципы» первой швейцарской конституціи, достаточно выразительно говорящіе намъ о ея соціальномъ происхожденіи.

Однако, если по своему содержанію конституція 1798 г. есть продуктъ всего предыдущаго соціально-экономическаго и политическаго развитія Швейцаріи, то, по своей формѣ, она является болѣе или менѣе точнымъ отраженіемъ французскаго конституціоннаго строя временъ директоріи. Установленная ею демократія была строго централистической и покоилась на чисто представительной системѣ. То и другое должно было послужить непосредственными причинами ея крушенія, такъ какъ этимъ путемъ слишкомъ круто порывалась связь со всѣмъ историческимъ прошлымъ. «Не должно существовать—такъ гласитъ первая статья гельветической конституціи—никакихъ границъ ни между кантонами и подчиненными землями, ни между самими кантонами. Единство отечества и общіе интересы займутъ мѣсто слабаго союза, который охватывалъ несходныя, неравныя, не связанныя между собою мелкія территоріи, подчиненныя мѣстнымъ предразсудкамъ, и руководилъ ими наугадъ. Объединенная сила всѣхъ создаетъ общую силу». «Единая и нераздѣльная республика»—этотъ политическій идеалъ равно воодушевлялъ какъ дѣятелей французской, такъ и швейцарской революціи. «Особенно важно, разумѣется,—говорилъ президентъ національнаго собранія «Гельветики», Петръ Оксъ, составившій проектъ ея первой конституціи,—что отнынѣ каждый изъ насъ представляетъ не отдѣльный свой кантонъ, а всю гельветическую націю, и что, поэтому, мы постоянно должны руководиться интересами не отдѣльныхъ частей, а интересами страны въ цѣломъ». И, дѣйствительно, центръ тяжести политической жизни Швейцаріи конституціей 1798 г. рѣзко и цѣликомъ переносился изъ кантональныхъ рамокъ въ общегосударственныя.

Двадцать два кантона гельветической республики, составленные изъ разнородныхъ земель швейцарской территоріи, получили одинаковое внутренее устройство—повсюду была введена представительная система—и были равны между собою и по своей зависимости отъ правительства, вообще, отъ центральной власти. Каждый кантонъ имѣлъ правительственнаго намѣстника, назначавшагося директоріей и контролировавшаго всѣ учрежденія кантона, его высшій судъ и правительственную камеру. Всѣ законы и постановленія законодательныхъ

палатъ республики были обязательны для кантоновъ. Такъ же обязательны были приказы, которые Директорія могла отдавать черезъ своихъ намѣстниковъ кантональнымъ властямъ.

Законодательная, исполнительная и судебная власть Гельветики была раздѣлена между большимъ и малымъ совѣтами, директоріей и высшей судебной палатой. Выборы въ законодательныя палаты, какъ и во всѣ другія учрежденія страны, были двухстепенные. Каждые сто гражданъ, достигшіе двадцатилѣтняго возраста, выбирали одного избирателя. Избиратели уже отъ себя назначали депутатовъ и должностныхъ лицъ. Законодательная иниціатива принадлежала большому совѣту: сенатъ же или малый совѣтъ утверждалъ или отвергалъ его законы и постановленія. Директорія, стоявшая во главѣ республики, избиралась обѣими законодательными палатами въ числѣ пяти человѣкъ и пользовалась огромной исполнительной властью, какъ въ дѣлахъ внѣшняго, такъ и внутренняго управленія. Она представляла республику предъ другими государствами, назначала посольства, въ извѣстныхъ случаяхъ заключала договоры и союзы. Ей принадлежало право командованія арміей, на составъ которой она могла вліять посредствомъ выбора офицеровъ. Во внутреннихъ дѣлахъ она имѣла право контроля надъ кантональными учрежденіями, назначенія намѣстниковъ, право помилованія. Даже въ высшую судебную палату она могла назначить предсѣдателя, секретаря и прокурора. Сама же эта палата состояла изъ двадцати двухъ членовъ, по одному отъ каждаго кантона. Она судила преступленія членовъ большого совѣта и сената, разбирала крупныя уголовныя дѣла и кассировала рѣшенія низшихъ судовъ по гражданскимъ дѣламъ.

Такова эта единственная въ своемъ родѣ конституція Швейцаріи—единственная, ибо въ первый и до сихъ поръ въ послѣдній разъ учреждался ею строго централизованный государственный строй, который долженъ былъ замѣстить собою союзъ почти ничѣмъ между собою несвязанныхъ разнородныхъ швейцарскихъ земель. Однимъ ударомъ она, по замыслу ея автора и сторонниковъ, должна была превратить Швейцарію въ тотъ цѣльный и неразложимый организмъ, къ которому она успѣла лишь приблизиться за столѣтнюю исторію.

Съ перваго же момента своего существованія эта конституція встрѣтила отчаянное и упорное противодѣйствіе со стороны представителей «стараго порядка». Лишенные своихъ «мірскихъ сходовъ» (Landsgemeinde) и всѣхъ старинныхъ правъ, стародемократическіе кантоны съ швейцарской Вандеей—кантономъ Швицъ—во главѣ повели неутомимую и страстную борьбу съ новыми политическими силами. Заодно съ ними дѣйствовала аристократическая эмиграція, принимавшая участіе въ созданіи европейской коалиціи. Это была борьба между феодальнымъ и буржуазнымъ мірами, политически выражав-

шаяся въ противоположности между кантоналистами и федералистами, съ одной стороны, и централистами или унитаріями—съ другой.

На новую республику ударъ сыпался за ударомъ. Не успѣла еще пришедшая къ власти буржуазія справиться съ помощью французскихъ войскъ съ сопротивлявшейся реакціей, какъ швейцарская территорія сдѣлалась ареной европейскихъ войнъ,—войны между революціонной Франціей и 2-й коалиціей. Къ тому же начались распри въ средѣ самой господствующей партіи, между болѣе умѣренной и крайней ея фракціями.

За короткій періодъ существованія гельветической республики, Швейцарія пережила шесть конституцій и претерпѣла четыре государственныхъ переворота. И когда унитаріи пошли на нѣкоторыя уступки и выработали въ 1802 г. новую конституцію, удовлетворявшую до извѣстной степени стремленію кантоновъ къ независимости тѣмъ, что проводила различіе между общегосударственнымъ управленіемъ и управленіями кантональными, то было уже поздно. Междоусобица и война, частыя смѣны конституцій и государственные перевороты утомили швейцарскій народъ. Большее число правоспособныхъ гражданъ—167.172 чел.—воздержалось отъ голосованія. Изъ тѣхъ же, которые подавали свой голосъ, 72.453 гражданина было за и 92.453 противъ конституціи. Тѣмъ не менѣе, унитаріи объявили ее принятой, причисливъ воздержавшіеся голоса къ голосамъ, поданнымъ за конституцію *).

Но «счетъ былъ ими сдѣланъ безъ хозяина». Централисты не имѣли фактической власти, чтобы провести эту новую конституцію въ жизнь. Пока они поддерживались французскимъ правительствомъ, они еще оставались господами положенія. Во Франціи же за это время директоріальная республика успѣла смѣниться консульствомъ Наполеона. А послѣдній гораздо послѣдовательнѣе и безцеремоннѣе проводилъ свои планы относительно Швейцаріи, чѣмъ правительство директоріи. Зорко слѣдя за всѣми перипетіями развернувшейся борьбы, первое время помогая унитаріямъ осуществлять ихъ централистическія стремленія, онъ теперь внезапно отозвалъ свои войска изъ Швейцаріи и этимъ какъ бы далъ сигналъ къ возстанію федералистовъ. Правительство Гельветики оказалось совершенно безпомощнымъ предъ сомкнувшимися стародемократическими кантонами, перешедшими въ наступленіе. Сначала оно бѣжало изъ Берна въ Лозанну, оттуда оно собиралось уже отправиться озеромъ на французскую территорію, какъ явился «спаситель» въ лицѣ особаго гонца отъ Наполеона. Въ прокламаціи, обращенной къ «населенію Гельветики», первый консулъ предлагалъ себя «посредникомъ»

*) Замѣтимъ здѣсь, что это было первое народное голосованіе на всей швейцарской территоріи.

между боровшимися партіями и приглашалъ лучшихъ политическихъ дѣятелей Швейцаріи въ Парижъ для выработки конституціи.

Самъ Наполеонъ былъ на сторонѣ федералистовъ. Прочно съорганизованная, сплоченная Швейцарія могла бы оказаться менѣе послушнымъ и гибкимъ орудіемъ въ его рукахъ. А она нужна была ему для прикрытія границы Франціи; изъ ея населенія должны были рекрутироваться французскія арміи; она же должна была эксплуатироваться и въ экономическомъ отношеніи. Оставалось, въ виду всего этого, разоренную чужеземными войсками и пятилѣтними внутренними раздорами страну обезсилить въ конецъ, лишивъ и политическаго единства. Въ новой конституціи эта задача вполнѣ разрѣшалась.

Въ «актѣ посредничества» Швейцарія является съ сильно урѣзанной территоріей (Валлисъ и Женева были присоединены къ Франціи). Девятнадцать ея кантоновъ составились изъ 13-ти старыхъ «правящихъ» кантоновъ и 6-ти новыхъ, образованныхъ изъ прежнихъ подданныхъ земель. Для каждаго кантона былъ установленъ особый конституціонный строй: демократическіе—получили свои мірскіе сходы съ нѣкоторыми измѣненіями, городскіе же—представительныя конституціи. Внутри кантоновъ не должно было быть никакихъ политическихъ привилегій. Активное и пассивное избирательное право было поставлено въ зависимость отъ имущественнаго ценза. Отношеніе между кантональной и союзной или центральной властью отбрасывало Швейцарію далеко назадъ отъ завѣтовъ унитаріевъ и дѣлало изъ нея нѣчто промежуточное между государственнымъ союзомъ и союзомъ государствъ. Средневѣковый сеймъ снова появился на исторической сценѣ, хотя и съ нѣсколько болѣе широкими полномочіями. Его депутаты, какъ и въ прежнее время, являлись съ опредѣленными инструкціями отъ своихъ кантоновъ; зато сейму принадлежало верховное начальство надъ союзной арміей, право заключать торговые договоры, обсуждать таможенные тарифы, право установить общешвейцарскую монетную систему и разрѣшать спорные вопросы между кантонами. Связь между кантонами, а слѣдовательно, и общегосударственное единство обезпечивалось еще въ другихъ чрезвычайно важныхъ для Швейцаріи отношеніяхъ, а именно: кантонамъ категорически воспрещалось вступать между собою въ частные союзы, затѣмъ, выговаривалось право осѣдлости (Niederlassungsrecht), гарантировавшее каждому швейцарцу пользованіе политическими правами того кантона, въ которомъ онъ селился. Съ другой стороны, кантонамъ предоставлялось право взиманія нѣкоторыхъ внутреннихъ пошлинъ, въ ихъ же вѣдѣніе была предоставлена почта.

Постоянной исполнительной власти не было установлено. Руководство общими дѣлами находилось въ рукахъ шести кантоновъ, трехъ протестантскихъ и трехъ католическихъ—Фрейбурга, Берна, Золотурна, Базеля, Цюриха, Люцерна. Эти шесть привилегированныхъ кан-

тоновъ назывались директоріальными. Шультгейссъ (правительственный глава) того директоріальнаго кантона, который въ данномъ году былъ первенствующимъ, носилъ титулъ «ландамманна Швейцаріи». Этотъ ландамманнъ велъ союзныя дѣла и былъ въ сношеніяхъ какъ съ отдѣльными кантонами, такъ и съ иностранными державами. «Реальной власти», — такъ характеризуетъ этотъ институтъ Гильти, — онъ никакой не имѣлъ; онъ представлялъ собою лишь удобное орудіе въ рукахъ Наполеона, позволявшее ему избѣгать крайне затруднительныхъ сношеній съ 19 суверенными кантонами въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ пожелалъ бы чего-нибудь отъ нихъ добиться».

Посредническій актъ, вступившій въ силу весною 1803 г., замыкаетъ собою гельветическую республику и открываетъ эпоху «протектората», длившуюся болѣе десяти лѣтъ. Съ нимъ революція сходила со сцены, и реакція вступала въ свои права. Революціонный періодъ въ Швейцаріи, вообще, былъ весьма непродолжителенъ и не имѣлъ той восходящей линіи, которой характеризуется первая половина французской революціи. Начавшись во время упадка послѣдней, хотя военный цезаризмъ во Франціи вступалъ уже въ свое законное революціонное наслѣдіе, гельветическая республика не имѣла благопріятной для своего развитія революціонной атмосферы и скоро ей пришлось почувствовать на себѣ тяжелую руку всемірнаго завоевателя. Съ его «посредничествомъ» начинается періодъ реакціи, а установленныя имъ государственно-правовыя отношенія давали просторъ свободной игрѣ ея силъ. Въ громадномъ большинствѣ кантоновъ сторонники стараго режима вышли побѣдителями изъ выборовъ. Почти повсюду большіе и малые совѣты были ими заполнены. Общинныя права, свобода печати, свобода промысловъ сплошь и рядомъ терпѣли ограниченія. Наконецъ, выкупъ «десятинъ» и земельныхъ оброковъ, это самое существенное наслѣдіе Гельветики, не вездѣ совершался одинаково скоро и безпрепятственно. Такимъ образомъ, когда съ побѣдой союзныхъ войскъ надъ протекторомъ началась длинная ночь общеевропейской реакціи, то она нашла себѣ вполнѣ подготовленную почву и въ политическихъ отношеніяхъ Швейцаріи.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о послѣднемъ конституціоннымъ созданіи разсматриваемой исторической полосы, о такъ называемомъ «союзномъ договорѣ» 7-го августа 1815 г.

Съ паденіемъ Наполеона потеряло силу и его твореніе—посредническій актъ. Въ союзѣ начались новыя смуты, продолжавшіяся почти цѣлыхъ два года. Страна распалась на двѣ части. На одной сторонѣ стояли старые кантоны, которые стремились къ распущенію союза и къ возврату отношеній царившихъ въ XVIII в. Многіе изъ нихъ—во главѣ ихъ былъ Бернъ—требовали возстановленія своихъ прежнихъ границъ, т.-е. уничтоженія независимости образовавшихся во время революціи кантоновъ и возвращенія ихъ въ состояніе подданства. На другой сторонѣ

были, главнымъ образомъ, новые кантоны, заключившіе между собою договоръ, по которому «никакія отношенія подданства, не мирящіяся съ правами свободнаго народа, ие должны были быть возстановлены». Новое чужеземное вмѣшательство, на этотъ разъ союзныхъ иностранныхъ державъ, положило конецъ этимъ распрямъ. Вновь созванный сеймъ, 16-ти-мѣсячная работа котораго заслужила ему названіе «долгаго», выработалъ «договоръ», возвратившій Швейцарію въ главныхъ вопросахъ политической жизни къ дореволюціоннымъ порядкамъ. Союзный договоръ шелъ по пути, намѣченному актомъ посредничества, и окончательно превращалъ Швейцарію въ союзъ независимыхъ другъ отъ друга государствъ. Союзъ состоялъ изъ 22 кантоновъ вмѣстѣ съ присоединенными къ нему Валлисомъ, Женевою и Нейенбургомъ. Компетенція сейма договоромъ еще болѣе съуживалась, сравнительно съ актомъ посредничества. Такъ, у него отнималось право разрѣшать конфликты между кантонами, которые въ этихъ случаяхъ сами назначали себѣ третейскихъ судей. О правѣ осѣдлости въ договорѣ нѣтъ больше и рѣчи. Менѣе отчетливо, чѣмъ въ актѣ посредничества, воспрещаются союзы между отдѣльными кантонами и съ иностранными державами. Кантонамъ же передано почтовое и монетное дѣло и право взиманія таможенныхъ налоговъ. Наконецъ, не былъ возобновленъ институтъ ландамманнства,—отнынѣ союзныя дѣла должны были поочередно вестись однимъ изъ трехъ первенствующихъ кантоновъ — Цюрихомъ, Берномъ и Люцерномъ.

«Пользованіе политическими правами никогда не должно стать привилегіей одного какого-нибудь класса», гласитъ VII ст. союзнаго договора. На самомъ дѣлѣ эта статья оставалась не болѣе, какъ красивой фразой. Цензура, установившаяся послѣ 1803 г., была еще болѣе усилена. Свобода совѣсти была фактически уничтожена, такъ какъ многіе кантоны допускали отправленіе богослуженія лишь по обрядамъ своей церкви. Эта вѣроисповѣдная нетерпимость на почвѣ общаго религіознаго фанатизма охватила какъ католиковъ, такъ и протестантовъ и составляла весьма характерный моментъ надвинувшейся реакціи. Гарантировалась же въ спеціальной статьѣ союзнаго договора полная безопасность монастырямъ и ихъ имуществу.

Право выбора въ законодательныя учрежденія принадлежало въ старыхъ кантонахъ лишь нѣкоторымъ привилегированнымъ фамиліямъ, въ новыхъ же—оно обусловливалось высокимъ имущественнымъ цензомъ. Кромѣ этого, депутатскія полномочія были долгосрочны, выборы производились рѣдко, процедура выборовъ была до нельзя усложнена. Въ довершеніе всего, принимались всевозможныя мѣры, чтобы уменьшить вліяніе избирателей. Результаты всего этого отражались, разумѣется, на составѣ законодательныхъ и правительственныхъ учрежденій—большихъ и малыхъ совѣтовъ. Повсюду городъ получалъ господство надъ «землею», т.-е. деревней, а въ самомъ го-

родѣ патриціатъ избирался въ подавляющемъ количествѣ. Феодальная реакція торжествовала полную побѣду.

Однако, революція сдѣлала свое дѣло. Важнѣйшія ея пріобрѣтенія—уничтоженіе феодальныхъ повинностей, равносильное фактическому освобожденію крестьянъ въ области соціальной, и уничтоженіе отношеній подданства или равенство кантоновъ между собою въ области общенаціональной. Какъ ни малы были эти результаты въ сравненіи съ тою цѣлью, которую она себѣ ставила, какъ ни мрачна была реакція,—политическіе идеалы и конституціонные опыты революціонной эпохи не могли исчезнуть—и это самое главное—изъ общественнаго сознанія, какъ не исчезли тѣ общественныя силы, которыя были ихъ носителями. Этими силами устанавливался предѣлъ царству реакціи и подъ густымъ ея покровомъ зрѣли уже и крѣпли побѣги совершенно иныхъ соціально-политическихъ условій и порядковъ.

II.

Союзное государство 1848 года.

Извѣстіе объ іюльской революціи и объ уличныхъ сраженіяхъ въ Парижѣ точно ударъ грозы пронеслось по всей Швейцаріи. О вліяніи ея на современниковъ даетъ представленіе слѣдующее частное письмо однаго престарѣлаго швейцарскаго патріота. «Годъ I»—такова дата письма. Какъ бы начиная ею новое лѣтосчисленіе, авторъ далѣе восклицаетъ: «Цшокке! Цшокке! Неправда ли мы всѣ стали на цѣлый клафтеръ выше, чѣмъ были 14 дней тому назадъ? Не станетъ ли этотъ іюль началомъ новой, великой эпохи человѣчества? Не стали ли маленькіе люди великими, а такъ называемые великіе люди—малыми? Развѣ мы не всѣ опять равны между собою, не всѣ ли мы снова стали людьми?» «Тургаузцы, проснитесь!—писалъ другой швейцарецъ, пасторъ Борнгаузеръ:—помните о своихъ внукахъ и улучшайте для нихъ свою конституцію!» Долго сдерживаемое народное недовольство прорвало всѣ плотины и громадной волной прокатилось по странѣ. Во многихъ кантонахъ началась конституціонная борьба. Улучшеніе избирательной системы, свобода печати, право петицій, свобода промысловъ, а въ нѣкоторыхъ кантонахъ требованіе участія народа въ законадательствѣ—таковы были лозунги движенія.

Послѣднее открылось громадными народными собраніями, изъ многихъ тысячъ гражданъ каждое. Подъ давленіемъ этихъ массъ, готовыхъ въ каждый моментъ перейти отъ слова къ дѣлу, реакціонныя правительства вынуждались къ пересмотру конституцій, для чего назначались выборы конституціонныхъ совѣтовъ. Вскорѣ къ этимъ народнымъ собраніямъ прибавился петиціонный штурмъ. Нерѣдко между собраніями и военными силами происходили столкновенія. Въ Сенъ-Галленѣ нѣсколько сотъ вооруженныхъ гражданъ ворвались въ пра-

вительственное зданіе и требовали, чтобы ихъ впустили въ залъ засѣданія конституціоннаго совѣта, желая, такимъ образомъ, оказать давленіе на его работы.

Въ значительной своей части требованія народныхъ массъ были удовлетворены. Ослаблены были до извѣстной степени привилегіи городовъ сравнительно съ селами и деревнями; избирательное право освобождено отъ ценза и многихъ искусственныхъ осложненій; цензура была устранена; введены были улучшенія въ школьное дѣло; наконецъ, были сдѣланы нѣкоторыя измѣненія относительно права осѣдлости и свободы промысловъ.

Движеніе было бы успѣшнѣе, если бы оно не было такъ разнородно по своему составу. Вмѣстѣ съ младо-либералами, стремившимися лишь къ нѣкоторому расширенію политическихъ правъ горожанъ,— противъ аристократовъ и старо-либераловъ, отстаивавшихъ существовавшій порядокъ вещей, возстала и крестьянская масса, которая подъ руководствомъ, главнымъ образомъ, своихъ священниковъ, выставляла требованія широкихъ демократическихъ правъ. Антагонизмъ между либеральной и демократической партіей, между сторонниками представительной системы и приверженцами непосредственнаго народнаго законодательства уже имѣется здѣсь въ своемъ зародышѣ. Въ базельскомъ кантонѣ сельское населеніе пришло въ такое броженіе, что большой совѣтъ рѣшился на пересмотръ конституціи: городъ долженъ былъ получить 75, земля же—79 представителей. Сельское населеніе, въ три раза многочисленнѣе городского, не примирилось съ этой «уступкой» и въ четырехтысячномъ собраніи потребовало созыва конституціоннаго совѣта, признанія державности народа и выборовъ въ большой совѣтъ по «количеству населенія», а не на началахъ территоріальнаго раздѣленія. Въ концѣ концовъ движеніе это привело (въ 1832 г.) къ окончательному раздѣленію кантона на двѣ части: Базель-городъ и Базель-земля. Аналогичное движеніе въ Швицѣ также закончилось образованіемъ, хотя и временнымъ, двухъ полукантоновъ подъ названіемъ: «Внутренняя» и «Внѣшняя земля Швицъ».

Совершенно исключительный интересъ представляетъ демократическое движеніе въ Сенъ-Галленѣ 1830 и начала 1831 г., гдѣ впервые въ Швейцаріи отчетливо и ясно формулировалось на народныхъ собраніяхъ требованіе референдума и инціативы. И здѣсь, какъ и въ другихъ кантонахъ, городское населеніе, руководимое либералами, въ рядѣ петицій съ особенной настойчивостью высказывалось противъ непосредственнаго народнаго законодательства. Но сторонники представительной системы не могли устоять передъ натискомъ демократовъ и вынуждены были пойти на компромиссъ. Было введено народное «вэто», принятое въ конституціонномъ совѣтѣ большинствомъ 75 голосовъ противъ 66, высказавшихся за введеніе референдума.

Конституціонная борьба въ ея кантонахъ не могла не отразиться

на судьбѣ союзнаго договора. Уже на сеймѣ 1832 г. большинствомъ $13^1/_2$ кантоновъ рѣшено было учредить коммиссію для пересмотра союзной конституціи. Но еще прежде, чѣмъ коммиссія приступила къ работѣ, радикалы и демократы въ многочисленныхъ адресахъ и заявленіяхъ потребовали созыва національныхъ представителей, избранныхъ по количеству населенія, а не голосованіемъ по кантонамъ. Понятно, что проектъ коммиссіи, оставлявшій сеймъ неприкосновеннымъ и лишь нѣсколько усиливавшій центральную власть учрежденіемъ союзнаго совѣта и союзнаго суда, не могъ ихъ удовлетворить. Не встрѣтивъ ни въ комъ сочувствія, проектъ былъ отвергнутъ какъ консервативными, такъ и радикальными группами.

Однако, агитація въ пользу пересмотра союзной конституціи послѣ этого не прекратилась. Напротивъ того, вся политическая жизнь Швейцаріи въ послѣдующіе полутора десятка лѣтъ стояла подъ знакомъ необходимости такого пересмотра. Все больше и все чаще на поверхность ея выплывали вопросы общаго характера, которыми затрагивались интересы націи, какъ таковой. Нельзя было больше не интересоваться положеніемъ вещей въ сосѣднемъ кантонѣ, и мы видимъ, какъ событія въ одномъ концѣ Швейцаріи быстро отзываются въ политической жизни всѣхъ остальныхъ частей страны. Такъ, знаменитая «цюрихская схватка» 1839 г.—столкновеніе между радикалами и консерваторами, окончившееся побѣдою послѣднихъ, побуждаетъ католическую партію предпринять успѣшную атаку противъ своихъ правительствъ по вопросу объ отношеніи духовной и свѣтской власти. Или, когда протестантское правительство кантона Ааргау закрыло въ 1841 г. монастыри, то католики на основаніи союзнаго договора добились на сеймѣ отмѣны этого распоряженія, и правительство Ааргау вынуждено было открыть женскіе монастыри.

При этомъ оживленіи политической жизни наблюдается чрезвычайно характерное въ исторіи Швейцаріи общественное явленіе. Выше мы говорили о религіозномъ фанатизмѣ, охватившемъ католиковъ и протестантовъ при наступленіи реакціи. Этотъ возвратъ къ религіи, являвшійся однимъ изъ основныхъ тоновъ общеевропейскаго реакціоннаго настроенія, для Швейцаріи пріобрѣталъ тѣмъ большее значеніе, что въ ней еще не заглохли традиціи многовѣковой вражды между католицизмомъ и протестантизмомъ. Реакція оживила, вдохнула душу живу въ этотъ дремавшій религіозный антагонизмъ и облекла имъ борьбу за реальные экономическіе и политическіе интересы. Въ общемъ, можно сказать, что подъ знамя католицизма собрались отсталыя въ экономическомъ отношеніи области Швейцаріи съ преобладающимъ земледѣльческимъ населеніемъ, всѣми силами боровшимся за свой кантональный сепаратизмъ,—подъ протестантизмомъ же выступали промышленныя части страны, для которыхъ вопросъ государственнаго и политическаго единства Швейцаріи былъ вопросомъ жизни

и смерти. Отраженіе этого религіозно-политическаго антагонизма на соціально-экономической основѣ получилось въ такомъ рѣзкомъ раздѣленіи Швейцаріи на два лагеря—на одной сторонѣ «зондербундъ» («отдѣльный союзъ») изъ семи католическихъ кантоновъ: Ури, Швица, Унтервальдена, Цуга, Валлиса, Фрейбурга и Люцерна, и на другой—вся остальная протестантская Швейцарія; раздѣленіе это постепенно создалось въ теченіе 30-хъ и 40-хъ годовъ на почвѣ разнаго рода столкновеній мѣстнаго и общаго характера. Узелъ соціально-политическихъ отношеній Швейцаріи мало-по-малу такъ запутался, что развязать его возможно было только мечомъ.

Въ такой-то знаменательной исторической конъюктурѣ собрался союзный сеймъ въ іюлѣ 1847 г. Знаменательна была рѣчь президента собранія Ульриха Оксенбайна, которой сеймъ открылся. Въ ней промышленная буржуазія, уже чувствовавшая себя господиномъ положенія, какъ бы выступала со своей политической программой. Въ этой рѣчи мы можемъ видѣть, какъ объективный смыслъ назрѣвшаго къ учету историческаго процесса субъективно отражался въ головахъ ея политическихъ представителей.

Описавъ въ восторженныхъ выраженіяхъ, въ которыхъ слышалось вліяніе революціоннаго момента, какъ неутомимый человѣческій духъ, подобно «безъ устали работающей и вѣчно обновляющейся природѣ», находится въ процессѣ безконечнаго развитія; какъ онъ «силою своей воли» побѣждаетъ не только стихіи, но и преодолѣваетъ пространство и время; какъ въ основѣ этого постояннаго роста человѣчества лежитъ «свѣжій жизненный источникъ вѣчно новаго духовнаго міра, который посредствомъ артерій печати и желѣзнодорожныхъ шинъ съ быстротою электрическаго удара проводится въ самые отдаленные уголки человѣческаго общества»; описавъ все это, ораторъ восклицаетъ: «и посреди этого новаго духовнаго міра стоятъ старыя опоры древности, муміеподобные соціальные институты, соотвѣтствующіе давно исчезнувшему міровоззрѣнію, инымъ понятіямъ, потребностямъ и отношеніямъ, не имѣя подъ собою никакой другой основы, кромѣ силы привычки, эгоизма и честолюбія!..» Создавшееся же матеріальное единство, заключалъ ораторъ, требуетъ себѣ соотвѣтственнаго политическаго выраженія. Необходимо во всѣхъ кантонахъ примѣнить принципъ народнаго суверенитета; гражданское законодательство необходимо перестроить на основѣ новыхъ понятій; свободу торговли и передвиженія должно осуществить регулированіемъ таможенныхъ тарифовъ и постройкою новыхъ дорогъ; заботы государства должны распространиться на земледѣліе и альпійское хозяйство; должны быть предприняты военныя реформы; и вѣнцомъ всего этого должно быть созданіе общенаціональной Швейцаріи!

Программа промышленной буржуазіи и ея политическаго оракула,—либеральной партіи, была выставлена и ее оставалось привести въ

исполненіе. Но на пути ея реализаціи стоялъ еще зондербундъ, требовавшій, въ качествѣ условія міра и своего распущенія, самостоятельности въ церковныхъ дѣлахъ и, вообще, признанія суверенитета кантоновъ, т.-е. именно того, съ чѣмъ ни въ коемъ случаѣ либеральная партія не могла бы примириться. Гражданская война была неизбѣжна, сила оружія должна была рѣшить этотъ спорный вопросъ національно-политической жизни Швейцаріи. 4-го ноября 1847 г. война была объявлена, а черезъ 20 дней сеймовыя войска вступали уже въ Люцернъ, этотъ центръ католическаго движенія. Политическое поле было очищено, и либеральная партія могла приступить къ перекройкѣ государственныхъ и политическихъ отношеній по своему желанію.

Центральнымъ пунктомъ былъ вопросъ о томъ, должна ли быть введена двухпалатная система представительства, т.-е. и по кантонамъ, и по количеству населенія, или же должно быть избрано единое національное собраніе всѣмъ швейцарскимъ населеніемъ безъ различія кантональныхъ границъ. Въ первомъ случаѣ Швейцарія получила бы федеративный, а во второмъ—болѣе централизованный государственный строй. Лѣвое крыло либеральной партіи, радикалы, отстаивали единое національное собраніе, хотя и оговаривались при этомъ, что они не имѣютъ въ виду цѣльно-государственнаго устройства Гельветики, въ которой кантоны получили однообразныя политическія учрежденія и никакихъ верховныхъ правъ въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ не сохраняли. Радикалы исходили изъ той точки зрѣнія, что разъ верховная власть принадлежитъ всей швейцарской націи въ цѣломъ, то депутаты должны избираться непосредственно народомъ. Однако, равнодѣйствующая наличныхъ политическихъ силъ прокладывалась не въ сторону радикальной, а умѣренно-либеральной части буржуазіи, желавшей двухпалатной системы представительства, къ которой, во избѣжаніе худшаго, присоединились и консервативные католики. Такимъ образомъ, въ Швейцаріи установилось смѣшанное политическое представительство изъ элементовъ общешвейцарскаго и кантональнаго, выражающееся, съ одной стороны, въ національномъ совѣтѣ, а съ другой—въ совѣтѣ кантоновъ—двухъ учрежденій, изъ которыхъ составляется союзное законодательное собраніе. Этотъ двойственный характеръ централизованности и федеративности составляетъ кардинальную черту союзной конституціи 1848 года.

Вся государственная власть Швейцаріи ею раздѣляется между тремя органами. Законодательная власть принадлежитъ союзному собранію, исполнительная—союзному совѣту и судебная—союзному суду.

Выборы въ національный совѣтъ—всеобщіе, равные, тайные и прямые. Каждый швейцарецъ, достигшій двадцатилѣтняго возраста, пользуется правомъ выбора и можетъ быть самъ избранъ (если не принадлежитъ къ духовному званію) въ національный совѣтъ. Каждые 20.000 гражданъ или излишекъ, превышающій 10.000, посылаютъ

по одному депутату. Выборы въ національный совѣтъ производятся въ округахъ, установленныхъ союзными властями; однако, округа не могутъ состоять изъ частей различныхъ кантоновъ. Кантональный совѣтъ состоитъ изъ 44 депутатовъ, по два отъ каждаго цѣлаго и по одному отъ каждаго полукантона. Способъ и срокъ избранія его членовъ опредѣляется самими кантонами. Члены національнаго совѣта избираются на три года и получаютъ вознагражденіе изъ союзной кассы. Члены совѣта кантоновъ вознаграждаются самими кантонами. Члены обоихъ совѣтовъ голосуютъ не по инструкціямъ отъ своихъ избирателей, а по своему усмотрѣнію. Обѣ палаты засѣдаютъ отдѣльно и сходятся для совмѣстнаго обсужденія лишь въ особыхъ случаяхъ: для рѣшенія спорныхъ вопросовъ о компетенціи различныхъ учрежденій страны, для выборовъ союзнаго совѣта и союзнаго суда.

Такимъ образомъ, по способу избранія и характеру функціонированія, мы видимъ, какъ въ національномъ совѣтѣ воплощается національное начало, а въ кантональномъ—начало федеральное. Если каждый швейцарецъ, избирая депутата въ національный совѣтъ, чувствуетъ себя гражданиномъ не своего кантона, а всей Швейцаріи, самъ же совѣтъ представляетъ всю націю въ ея совокупности, то въ совѣтѣ кантоновъ, наоборотъ, строго соблюдается кантональная независимость, ибо въ немъ кантоны представлены, какъ таковые, всѣ равно и притомъ независимо отъ количества своего населенія.

Союзный совѣтъ и союзный судъ избираются на три года въ общемъ засѣданіи обѣихъ палатъ изъ среды всѣхъ гражданъ страны, первый—въ числѣ семи, второй—въ числѣ одиннадцати членовъ.

Союзный совѣтъ сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ исполнительную власть. Всѣ его рѣшенія принимаются на общемъ засѣданіи большинствомъ голосовъ. Одинъ изъ его членовъ законодательнымъ собраніемъ назначается президентомъ швейцарскаго союза срокомъ на одинъ годъ. Президентъ союза предсѣдательствуетъ въ союзномъ совѣтѣ и ведетъ сношенія съ иностранными государствами. Членъ союзнаго совѣта, бывшій президентомъ, не можетъ быть избранъ на слѣдующій годъ ни въ президенты, ни въ вице-президенты. Члены союзнаго совѣта не могутъ быть депутатами въ союзномъ собраніи, но пользуются правомъ совѣщательнаго голоса и правомъ вносить предложенія по поводу стоящаго на очереди вопроса въ обѣихъ законодательныхъ палатахъ.

Судебной компетенціи союзнаго суда подлежатъ вопросы государственно-правового и гражданскаго характера, входящіе въ рамки союзнаго законодательства. Союзный судъ разбираетъ спорные вопросы между отдѣльными кантонами или между союзомъ и кантонами, между

союзомъ и корпораціями и частными лицами. Наконецъ, его вѣдѣнію подлежатъ уголовныя дѣла по преслѣдованію должностныхъ лицъ и судъ надъ государственными преступленіями. Въ качествѣ уголовнаго суда онъ функціонируетъ при участіи присяжныхъ засѣдателей.

Таковы структура и происхожденіе центральныхъ учрежденій союза, взаимоотношеніе которыхъ юридически не измѣнилось до настоящаго времени. Какъ же разграничивается сфера компетенціи кантоновъ и союзныхъ властей? Каковы политическія права швейцарскаго гражданина въ союзѣ?

«Кантоны суверенны,—гласитъ III ст. союзной конституціи,—и, какъ таковые, пользуются всѣми тѣми правами, которыя не переданы союзной власти». Въ этихъ предѣлахъ союзъ гарантируетъ кантонамъ неприкосновенность ихъ территоріи и ихъ верховную власть. Кантоны обязаны испрашивать у союза гарантію для своихъ конституцій, которая дается имъ подъ слѣдующими условіями: 1) кантональныя конституціи не должны противорѣчить союзной конституціи; 2) политическія права должны ими гарантироваться въ республиканскихъ (представительныхъ) или демократическихъ (т.-е. на основѣ непосредственнаго народнаго законодательства) формахъ; 3) онѣ должны быть приняты народомъ и всегда подвергаться пересмотру, если этого требуетъ абсолютное большинство гражданъ даннаго кантона. Частные союзы и договоры политическаго характера между кантонами воспрещаются; но кантоны имѣютъ право заключать между собою соглашенія по вопросамъ законодательства, суда и администраціи, причемъ, однако, эти соглашенія подлежатъ контролю союзныхъ учрежденій. Въ случаѣ конфликтовъ между собою кантоны обязаны воздерживаться отъ самовластныхъ мѣръ и вооруженныхъ столкновеній и передавать эти дѣла на рѣшеніе союза. Оффиціальныя сношенія между кантонами происходятъ черезъ посредство союзнаго совѣта. Въ исключительныхъ случаяхъ кантоны могутъ входить въ соглашенія съ другими государствами по вопросамъ государственнаго хозяйства, торговли и полиціи, поскольку такими договорами не нарушаются права союза или другихъ кантоновъ.

Дальнѣйшія ограниченія независимость кантоновъ терпитъ въ статьяхъ, формулирующихъ полномочія союзныхъ учрежденій. Союзное войско состоитъ изъ контингентовъ, рекрутирующихся въ кантонахъ. Кромѣ этого войска, союзъ въ случаѣ надобности можетъ распоряжаться и другими военными силами кантоновъ. Все дѣло военнаго обученія централизовано въ союзѣ. Генералъ (главнокомандующій) арміи и начальникъ генеральнаго штаба назначаются союзомъ. На швейцарскихъ границахъ союзъ имѣетъ право взимать ввозныя, вывозныя и провозныя пошлины. Транзитные сборы одновременно отмѣняются на всей швейцарской территоріи. Союзъ принимаетъ на себя

веденіе почтоваго дѣла и гарантируетъ неприкосновенность почтовой тайны. Онъ же регулируетъ монетное дѣло, единицы мѣры и вѣса и пользуется всѣми правами, соединенными съ монетной регаліей. Расходы союза покрываются изъ процентовъ союзнаго военнаго фонда, изъ доходовъ отъ таможенныхъ пошлинъ, почтоваго и таможеннаго управленія, а въ случаѣ надобности также и изъ кантональныхъ взносовъ.

Наконецъ, важнѣйшія статьи, касающіяся правъ гражданина, слѣдующія:

Всѣ швейцарцы равны передъ закономъ. Всѣмъ швейцарцамъ, но исповѣдующимъ какую-либо христіанскую религію, гарантируется право осѣдлости по всей Швейцаріи. Какъ гражданинъ одного общаго отечества, швейцарецъ пользуется политическими правами въ каждомъ кантонѣ, гдѣ онъ поселится. Послѣ продолжительнаго пребыванія,— не болѣе, однако, двухъ лѣтъ,—ему должно быть предоставлено право участія и въ кантональныхъ дѣлахъ. Признанными религіями считаются только христіанскія. Христіанскимъ церквамъ обезпечивается свобода богослуженія. Орденъ іезуитовъ не можетъ быть допущенъ ни въ одну часть Швейцаріи. Гражданамъ обезпечивается право петицій, свобода передвиженія и занятія промыслами. Они пользуются правомъ соединяться въ общества и свободой печати, но съ тѣми оговорками, что въ случаѣ злоупотребленій этими правами могутъ быть изданы соотвѣтственныя постановленія. Къ числу гражданскихъ свободъ слѣдуетъ отнести еще то, что ни союзъ, ни кантоны не должны держать постояннаго войска. Національными языками союза конституція признаетъ три главныхъ языка Швейцаріи: нѣмецкій, французскій и итальянскій.

По всему изложенному до сихъ поръ мы видимъ, что основнымъ моментомъ въ союзной конституціи 1848 г., политической платформой, на которой происходило размежеваніе боровшихся партій, была совокупность вопросовъ о кантональной независимости, съ одной стороны, и государственно-политической централизаціи Швейцаріи, съ другой. Расширеніе народныхъ правъ выразилось, главнымъ образомъ, во всеобщемъ избирательномъ правѣ. Непосредственное же народное законодательство, самое оригинальное явленіе швейцарской конституціонной жизни настоящаго времени, нашло себѣ въ этой конституціи еще очень мало мѣста. Единственно лишь народное «вэто» было установлено для пересмотра конституціи. Приводимъ цѣликомъ статьи, сюда относящіяся:

«Ст. 111. Союзная конституція можетъ быть пересмотрѣна во всякое время.

«Ст. 112. Пересмотръ производится путемъ союзнаго законодательства.

«Ст. 113. Если одна часть союзнаго собранія рѣшитъ приступить

къ пересмотру, а другая не согласится съ нею, или если 5.000 правоспособныхъ швейцарскихъ гражданъ потребуютъ пересмотра союзной конституціи, то въ обоихъ этихъ случаяхъ вопросъ о томъ, производить ли пересмотръ, долженъ быть переданъ на народное голосованіе.

«Если въ одномъ изъ этихъ случаевъ большинство швейцарскихъ гражданъ, участвующихъ въ голосованіи, отвѣтитъ на этотъ вопросъ утвердительно, то для производства пересмотра оба совѣта должны быть вновь избраны.

«Ст. 114. Пересмотрѣнная союзная конституція вступаетъ въ силу, если она принята большинствомъ швейцарскихъ гражданъ, участвующихъ въ голосованіи и большинствомъ кантоновъ».

Это народное вэто послужило впослѣдствіи отправной точкой развитія демократіи въ томъ особенномъ смыслѣ этого слова, какое оно имѣетъ въ политической жизни объединенной Швейцаріи. Пока же демократическая партія обоихъ направленій, консервативнаго и радикальнаго, слишкомъ слаба, чтобы добиться бо́льшаго. Господствующимъ классомъ становится промышленная буржуазія и съ перваго же момента своего воцаренія она, по вопросу о томъ, «быть ли новостроющимся желѣзнымъ дорогамъ собственностью государства или частныхъ обществъ?»—показала, интересы какого цѣлаго ею руководятъ: безъ шума и лишнихъ дебатовъ, слѣдуя манчестерскимъ завѣтамъ буржуазіи, громадное большинство депутатовъ обѣихъ палатъ рѣшило этотъ вопросъ въ пользу частнаго предпринимательства.

Небывалый промышленный расцвѣтъ, наступившій послѣ пріема конституціи, на время примирилъ съ нею недовольные общественные элементы и на первыхъ порахъ упрочилъ ея существованіе. Конституція была принята въ народномъ голосованіи въ $15^1/_2$ кантонахъ съ населеніемъ въ 1.897.887 душъ: Цюрихѣ, Бернѣ, Люцернѣ, Гларусѣ, Фрейбургѣ, Золотурнѣ, Базелѣ, Шаффгаузенѣ, Сенъ-Галленѣ, Граубюнденѣ, Аргау, Тургау, Ваадтѣ, Женевѣ и Аппенцеллѣ Внѣшняго Родена; отвергнута она была въ $6^1/_2$ кантонахъ съ населеніемъ въ 292.371 д.; Ури, Швицѣ, Унтервальденѣ, Цугѣ, Валлисѣ, Тессинѣ и Аппенцеллѣ Внутренняго Родена. 12 декабря 1848 г. сеймъ объявилъ союзную конституцію принятой.

III.

Союзная конституція 1874 г.

Основнымъ моментомъ въ конституціи 1848 г. является централизація государственно-политическихъ отношеній Швейцаріи. Въ конституціи 1874 г., рядомъ съ этимъ моментомъ, выступаетъ еще другой—демократизація ея политическихъ учрежденій, установленіе непосредственнаго народнаго законодательства.

И на этотъ разъ перемѣны въ общесоюзной жизни были отраженнымъ результатомъ тѣхъ измѣненій въ государственно-правовомъ строѣ, которыя произошли почти во всѣхъ швейцарскихъ кантонахъ. А эти измѣненія заключались въ дальнѣйшемъ расширеніи народныхъ правъ, въ введеніи референдума и иниціативы, другими словами: права народа принимать или утверждать выработанные въ законодательныхъ учрежденіяхъ законы и постановленія и въ дополненіе къ этому—права съ своей стороны предлагать новые законы или вносить измѣненія въ дѣйствующіе уже законы.

Кто же былъ носителемъ этого движенія? Какіе общественные элементы выдвигали эти требованія?

Дѣло въ томъ, что въ общей массѣ швейцарскаго населенія доминируютъ средніе общественные классы, именно, мелкобуржуазное крестьянство и мелкая городская буржуазія. Чуть-ли не половина населенія Швейцаріи живетъ земледѣліемъ, а въ области промышленности на долю мелкаго ремесла приходится очень значительная часть общаго годичнаго производства. Вотъ эти-то общественные классы, очень быстро почувствовавшіе гнетъ крупнаго капитала, пышное царство котораго началось послѣ 1848 г., находили свое политическое представительство въ демократической партіи, консервативнаго и радикальнаго лагеря. Оба эти направленія, связанныя одинаковымъ соціальнымъ положеніемъ, расходились по своему историческому происхожденію и своимъ экономическимъ интересамъ. Въ то время, какъ крестьянство, особенно въ католическихъ кантонахъ, требуя расширенія народныхъ правъ, отстаивало при этомъ кантональную обособленность и находилось подъ руководствомъ, главнымъ образомъ, католическаго и протестантскаго духовенства, мелкая городская буржуазія находила своихъ представителей въ рядахъ городской интеллигенціи и часто выступала вмѣстѣ съ либеральной партіей за централизацію государственнаго строя Швейцаріи. Если крестьянство давало собою фундаментъ для демократически-федералистическаго направленія, то мелкая городская буржуазія составляла соціальную основу для направленія демократически-централистическаго. Отсюда понятно, что обѣ части демократіи далеко не всегда шли вмѣстѣ, такъ какъ одна боязливо и ощупью, а другая смѣло и послѣдовательно проводили свои требованія народнаго контроля и законодательства въ дѣлахъ государственнаго управленія. Въ 60-хъ гг. старая и новая демократія, а къ ней въ первое время присоединяются и пробуждающіяся къ политической жизни рабочія массы, вступаетъ въ борьбу съ либеральной партіей, до этого времени безраздѣльно господствовавшей въ союзѣ и большинствѣ кантоновъ.

Сигналъ къ движенію былъ данъ маленькимъ полукантономъ Базель-землею. Конституція 1863 г. вводитъ тамъ обязательный референдумъ, происходящій два раза въ годъ, весною и осенью, а также

конституціонную и законодательную инициативу *), которой могутъ пользоваться 1.500 гражданъ.

Особенно замѣчательно было демократическое движеніе, развернувшееся въ цюрихскомъ кантонѣ въ концѣ 60-хъ гг. Начавшись съ критики извращенныхъ судебныхъ порядковъ, оно, логически развиваясь, пришло къ требованію экономическихъ реформъ (преобразованія налоговой системы), главное же—непосредственнаго участія народа въ законодательствѣ. Въ цѣломъ рядѣ воззваній и памфлетовъ развивается одна основная мысль: не только «все для народа», но и «все посредствомъ народа». Какъ ненавистно стало оппозиціоннымъ элементамъ экономическое и политическое хозяйничанье крупной промышленной буржуазіи, можно судить по слѣдующей тирадѣ. «Какова та система, о которой мы говоримъ?» спрашиваетъ авторъ одного полемическаго произведенія и отвѣчаетъ: «это—система, приведшая къ господству въ кантонѣ коалиціи денежныхъ интересовъ, власти кредита и желѣзныхъ дорогъ, котеріи и закулиснаго правленія»...

Въ конституціонномъ совѣтѣ, избранномъ для пересмотра конституціи, вопросы народнаго законодательства образовали центральный пунктъ всѣхъ преній. Либеральная партія ожесточенно боролась за сохраненіе правъ большого совѣта, доказывая невозможность и вредъ участія народа въ законодательствѣ, называя желаніе ввести его «мистикой» и неосуществимыми «мечтаніями». Но господству ея пришелъ конецъ. «Въ будущемъ,—говорили демократы,—большой совѣтъ уже не будетъ альфой и омегой политической жизни; онъ не будетъ политическимъ опекуномъ, а лишь совѣтникомъ народа, піонеромъ новыхъ идей. Рѣшающую же власть мы всѣми силами будемъ оспаривать у него, такъ какъ находимъ, что каждая уступка въ этомъ отношеніи есть сокращеніе правъ народа».

Въ конституціи, выработанной совѣтомъ и принятой народомъ въ апрѣлѣ 1869 г., статьи о народномъ законодательствѣ выражены слѣдующимъ образомъ:

«Ст. 29. Право предложенія, принадлежащее правоспособнымъ гражданамъ (инициатива), обнимаетъ собою требованія изданія, отмѣны или измѣненія какого-либо закона или постановленія, не переданнаго конституціей въ исключительное вѣдѣніе совѣта.

---

*) Референдумъ и инициатива различаются по объему, какъ конституціонные и законодательные: дѣйствіе первыхъ распространяется на общіе и частные „пересмотры“, измѣненія конституціи, т.-е. основныхъ законовъ страны: дѣйствіе же вторыхъ распространяется на отдѣльные законодательные акты. Референдумъ бываетъ обязательный или факультативный, смотря по условіямъ пользованія. При обязательномъ референдумѣ всѣ рѣшенія, принятыя народными представителями, обязательно и всегда передаются на народное голосованіе; при факультативномъ—лишь въ томъ случаѣ, если этого требуетъ опредѣленное число гражданъ, установленное конституціей.

«Ст. 30. Два раза въ годъ, весною и осенью, происходитъ народное голосованіе (референдумъ) относительно законодательныхъ актовъ кантональнаго совѣта. Въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства, совѣтъ можетъ назначить и экстраординарное голосованіе. На народное голосованіе должны передаваться: 1) всѣ измѣненія конституціи, законовъ и конкордатовъ; 2) тѣ постановленія кантональнаго совѣта, относительно которыхъ ему не предоставлено права окончательнаго рѣшенія; 3) постановленія, которыя кантональный совѣтъ, по собственному желанію, передаетъ на народное голосованіе».

Вліяніе, вызванное цюрихскимъ демократическимъ движеніемъ, было громадно. Большинство кантоновъ ввело въ свои конституціи институты народнаго законодательства. Въ Тургау, гдѣ пересмотръ конституціи закончился еще на нѣсколько мѣсяцевъ раньше, чѣмъ въ Цюрихѣ, были введены, кромѣ факультативнаго референдума большого совѣта, обязательный референдумъ, производящійся два раза въ годъ, инициатива для 2.500 гражданъ и избраніе правительства народомъ. Въ Бернѣ (въ 1869 г.) часть радикаловъ, соединившись съ консерваторами, завоевала обязательный референдумъ. Золотурнъ, Ааргау (1871 г.) присоединили къ этому и право народной инициативы. Такимъ образомъ, во всѣхъ кантонахъ, за исключеніемъ Цуга, Фрейбурга, Базеля—города, Тессина и Женевы, было установлено полное или почти полное участіе народа въ законодательствѣ. Между тѣмъ какъ въ 1860 г. подъ исключительно представительнымъ режимомъ жило еще 1.030.000 швейцарцевъ, въ 1870 г. ихъ было уже только 330.000.

Демократическое движеніе въ кантонахъ выбило либеральную партію изъ занятыхъ ею политическихъ позицій. Вмѣстѣ съ этимъ противорѣчіе между чистой демократіей въ кантонахъ и представительнымъ режимомъ въ союзѣ еще болѣе обострилось; такъ, одни и тѣ же граждане, пользуясь въ кантонахъ правами непосредственнаго законодательства, въ союзѣ этихъ правъ не имѣли. Къ этому присоединились еще моменты иного характера.

Европейскія войны 60-хъ гг. вызвали въ Швейцаріи опасенія въ возможности сохранить нейтралитетъ при существовавшей военной организаціи. Далѣе, установленная ватиканскимъ соборомъ (1870 г.) догма о папской непогрѣшимости побуждала точнѣе разграничить область отношеній между духовной и свѣтской властью и лучше обезпечить политическія права гражданъ, независимо отъ ихъ вѣроисповѣданія. За послѣднія два десятилѣтія обнаружилась также необходимость въ урегулированіи гражданскаго законодательства, такъ какъ путь частныхъ соглашеній между кантонами оказался малоуспѣшнымъ. Наконецъ, на очереди стояло развитіе народнаго образованія—учрежденіе высшихъ техническихъ и юридическихъ школъ въ союзѣ и введеніе безплатнаго и обязательнаго народнаго образованія въ кан-

тонахъ. Всѣ эти преобразованія сводились къ большему объединенію названныхъ областей общественной и государственной жизни и одновременно съ этимъ къ расширенію народныхъ правъ въ смыслѣ непосредственнаго народнаго законодательства.

12-го мая 1872 г. соотвѣтственный проектъ пересмотра конституціи, разработанный и принятый въ союзномъ собраніи, былъ предложенъ на народное голосованіе. Въ силу своихъ крайнихъ для того времени централистическихъ тенденцій, проектъ возстановилъ противъ себя какъ консервативныхъ демократовъ, такъ и настроенныхъ болѣе федералистически французскихъ радикаловъ, опасавшихся съ усиленіемъ центральной власти союза маіоризаціи со стороны нѣмецкихъ кантоновъ, находящихся въ большинствѣ. Проектъ былъ отвергнутъ 13 кантонами противъ 9,—261.071 голосомъ противъ 255.609.

Но дѣло пересмотра не могло уже остановиться. «Пересмотръ убитъ, да здравствуетъ пересмотръ!»—съ этимъ паролемъ побѣжденныя радикально-демократическія партіи снова начали борьбу. Въ массѣ народныхъ собраній, устраивавшихся по всей странѣ, централисты и демократы популяризовали въ народѣ стоящіе на очереди конституціонные вопросы. Въ 1873 г. палаты снова приступили къ пересмотру союзной конституціи. Чтобы привлечь на свою сторону французскихъ радикаловъ, централисты рѣшились ослабить вліяніе союза въ области гражданскаго законодательства сравнительно съ отвергнутымъ проектомъ, и демократы согласились исключить введенную было народную инціативу, уменьшивъ зато количество подписей, необходимыхъ для референдума, съ 50.000 на 30.000. Новый проектъ измѣненій былъ утвержденъ народнымъ голосованіемъ 19-го апрѣля 1874 г. За проектъ высказалось 340.199 гражданъ противъ 198.013. Противъ проекта голосовали всѣ кантоны разбитаго въ 1847 г. Зондербунда.

Ст. 89 конституціи 1874 г., устанавливающая право факультативнаго референдума, гласитъ такъ: «Для принятія союзныхъ законовъ и союзныхъ постановленій необходимо согласіе обоихъ совѣтовъ. Союзные законы, а также общеобязательныя союзныя постановленія, не имѣющіе характера неотложности, должны, сверхъ того, передаваться народу для принятія или отверженія, если этого потребуютъ 30.000 гражданъ или восемь кантоновъ».

Такъ былъ введенъ въ конституціонную жизнь Швейцаріи этотъ своеобразный институтъ непосредственнаго народнаго законодательства.

Для развитія швейцарской національности этотъ институтъ долженъ былъ сыграть ту же сплачивающую роль, какую для объединенной Германіи сыграло всеобщее избирательное право и какую послѣднее могло бы сыграть для раздираемой національными распрями Австріи. Вмѣсто различныхъ національностей, искусственно замкнутыхъ въ традиціонныя государственныя рамки и живущихъ своей обособленной политической жизнью, всеобщее избирательное право, примѣ-

няющееся по всей странѣ, проявляетъ созданныя общимъ экономическимъ развитіемъ крупныя классовыя противоположности и группируетъ общественные классы на почвѣ одинаковыхъ политическихъ стремленій. Участіе въ избирательной борьбѣ развиваетъ классовую солидарность пролетаріата и содѣйствуетъ организаціи его въ общую для всей страны политическую партію. Въ рамкахъ же общенаціональныхъ происходитъ политическая группировка господствующихъ классовъ, въ рядахъ которыхъ ослабляется мелкая національная рознь, вслѣдствіе ихъ противопоставленія общему соціальному врагу—сознательному рабочему классу. Такимъ путемъ крупной политической мѣрой дополняется работа экономическаго процесса и вмѣсто нѣсколькихъ враждующихъ между собою національныхъ организмовъ въ странѣ создается широкая общенаціональная политическая жизнь. Но въ Швейцаріи избирательное право не можетъ явиться сильнымъ политически-централизующимъ факторомъ. Причина этого кроется въ разнообразіи ея соціально-экономическихъ условій и отношеній. Ходомъ экономическаго развитія Швейцарія раздѣлена территоріально на двѣ половины, изъ которыхъ одна становиться все болѣе и болѣе промышленной, другая же исключительно сельскохозяйственной. Если въ сельскомъ хозяйствѣ мелкое землевладѣніе является господствующей экономической формой, то въ промышленности мелкое ремесло играетъ еще очень значительную роль, рабочія же массы, въ силу долго сохраняющейся связи съ землею, лишь очень медленно дифференцируются въ особую соціальную группу. При такой относительно слабой общественной дифференціаціи всеобщее избирательное право, какъ проявитель имѣющихся въ дѣйствительности классовыхъ противорѣчій, не можетъ имѣть такого значенія, какое оно имѣетъ въ крупныхъ капиталистическихъ странахъ. И вотъ въ поискахъ соотвѣтствующихъ учрежденій политическая мысль комбинируетъ готовый историческій матеріалъ—федеративный референдумъ, старинные «опросы народа» и перенесенный на швейцарскую почву французскій плебисцитъ—въ высшую форму современнаго индивидуалистическаго референдума*). Централизующее дѣйствіе этого института громадно. Каждое народное голосованіе, мобилизуя народъ къ общему политическому дѣйствію, фиксируя его вниманіе на вопросы общегосударственной важности, развиваетъ въ немъ сознаніе общей связи, принадлежности къ единой швейцарской національности. Референдумъ и инициатива это та школа политическаго опыта, въ которой швейцарецъ научается сознавать

*) Къ „опросамъ народа“ правительства аристократическихъ кантоновъ прибѣгали въ особо затруднительныхъ случаяхъ, чтобы избавить себя отъ отвѣтственности. При федеративномъ референдумѣ голосованіе производится въ общинахъ, и рѣшенія принимаются большинствомъ общинныхъ голосовъ, при индивидуалистическомъ же референдумѣ рѣшенія принимаются большинствомъ всѣхъ гражданъ, голосующихъ отдѣльно.

себя гражданиномъ не своего кантона, а всего швейцарскаго государства.

Такое значеніе непосредственнаго народнаго законодательства въ союзѣ вполнѣ сознавалось современными политическими дѣятелями Швейцаріи. Одинъ изъ нихъ, Штемпфли, рекомендовалъ его, какъ средство, способное тѣсно связать всѣ швейцарскія народности отъ «Граубюндена до Женевы». Демократъ и централистъ Г. Циглеръ, говоря о необходимости ослабить вліяніе кантоновъ, развиваетъ ту мысль, что лишь введеніемъ референдума можно получить «одинаковую политическую валюту во всемъ отечествѣ». И недаромъ федералисты-демократы именно по этой причинѣ возставали противъ «абсолютизма демократіи», опасаясь уничтоженія «державности» кантоновъ, и требовали, какъ необходимаго противовѣса къ союзному референдуму, кантональнаго голосованія.

Кромѣ приведенныхъ соображеній, была еще одна важная причина, въ силу которой союзный референдумъ становился ничѣмъ неустранимой необходимостью. И не только теперь, при введеніи референдума,—дѣйствіе этой причины должно сказаться каждый разъ, когда вліяніе союза увеличивается на счетъ кантоновъ.

По мѣрѣ того, какъ расширяется компетенція союза, область кантональнаго законодательства все болѣе и болѣе съуживается. Вмѣстѣ съ этимъ населеніе лишается своихъ законодательныхъ правъ по цѣлому ряду важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ. Лишенные своихъ правъ, заинтересованные общественные элементы добиваются компенсаціи въ общесоюзной политической жизни. Постоянное расширеніе народныхъ правъ въ союзѣ должно, поэтому, идти параллельно съ все усиливающейся централизаціей.

Такимъ образомъ, при данномъ соотношеніи общественныхъ силъ объ основныя тенденціи въ конституціонномъ развитіи Швейцаріи—централизація и демократизація—находятся въ постоянномъ взаимодѣйствіи. Два эти фактора, взаимно обусловливаясь и дополняясь, развиваютъ центробѣжныя силы, создаваемыя экономическимъ процессомъ, и содѣйствуютъ сплоченію разноязычныхъ народностей Швейцаріи въ единую сознавшую себя національность.

IV.

Частный пересмотръ союзной конституціи.

Дальнѣйшему развитію народнаго законодательства былъ данъ толчокъ въ 1880 г., когда въ союзное собраніе было внесено предложеніе, покрытое свыше 50.000 подписей и требовавшее, чтобы право выпуска государственныхъ кредитныхъ билетовъ принадлежало исключительно союзу. По этому поводу поднялся вопросъ, распространяется ли дѣйствіе ст. 113 союзной конституціи только на общіе или же и

на частные пересмотры? Неясная формулировка этой статьи допускала толкованіе именно въ послѣднемъ смыслѣ. Но союзное собраніе держалось противоположнаго мнѣнія, интерпретируя ст. 113 такимъ образомъ, что только союзное собраніе можетъ предпринять частные пересмотры конституцій, народу же принадлежитъ починъ одного только общаго пересмотра. Но законодательная практика то и дѣло требовала частичныхъ измѣненій конституціи, которыя союзное собраніе самолично предпринимало. Этимъ порождалась мысль о необходимости расширенія народнаго законодательства правомъ иниціативы, число сторонниковъ которой стало расти съ каждымъ годомъ.

Въ 1884 г. вожди консервативной партіи внесли въ національномъ совѣтѣ рядъ предложеній, между которыми были требованія расширенія народныхъ правъ и устройства выборовъ «по возможности на принципѣ пропорціональнаго представительства». Что касается послѣдняго требованія, то оно понятно для партіи, находящейся въ меньшинствѣ. Относительно же предложенія расширить народныя права, противорѣчащаго позиціи федералистовъ во время компаніи въ 1872—1874 г., вожди консерваторовъ откровенно констатировали происшедшую въ ихъ взглядахъ перемѣну. Характерно данное ими объясненіе: опытъ убѣдилъ ихъ, что массы гораздо консервативнѣе своихъ такъ называемыхъ представителей, и потому они намѣрены стоять за расширеніе народныхъ правъ въ союзѣ! Вѣрно ли это, или нѣтъ, но консервативныя партіи вынуждались къ перемѣнѣ позиціи всѣмъ развитіемъ конституціонной жизни Швейцаріи. Чтобы не потерять своего вліянія на массы, они волей-неволей должны были включить въ свою программу требованія народнаго законодательства. Къ этому же они вынуждались и рабочими массами, которыми отчасти пополняются ряды католической партіи.

Внесенныя въ національный совѣтъ предложенія еще долго оставались бы подъ спудомъ, если бы не петиціи «союза Грютли», поданныя въ концѣ 80-хъ гг. Петиціи требовали введенія обязательнаго референдума, избраніе членовъ союзнаго совѣта непосредственно народомъ и народной иниціативы для частныхъ пересмотровъ союзной конституціи. Это побудило союзное собраніе ускорить дѣло и выбрать въ обѣихъ своихъ частяхъ коммиссіи для обсужденія поставленныхъ требованій. Спорнымъ пунктомъ былъ вопросъ о томъ, должна ли иниціатива представляться только въ видѣ общихъ указаній, или же она, кромѣ этого, можетъ быть формулирована въ разработанномъ проектѣ. Радикалы соглашались лишь на первую ограничительную форму иниціативы, но взяла верхъ вторая точка зрѣнія, которую отстаивали демократы.

Въ измѣненномъ видѣ III отдѣлъ союзной конституціи, касающійся ея пересмотровъ, таковъ:

«Ст. 118. Союзная конституція можетъ быть пересмотрѣна во всякое время, какъ во всемъ ея объемѣ, такъ и по частямъ.

«Ст. 119. Общій пересмотръ совершается путемъ, установленнымъ для союзнаго законодательства.

«Ст. 120. Если одна часть союзнаго собранія рѣшитъ приступить къ общему пересмотру союзной конституціи, а другая не согласится съ ея рѣшеніемъ или если 50.000 правоспособныхъ швейцарскихъ гражданъ потребуютъ общаго пересмотра, то въ обоихъ этихъ случаяхъ вопросъ о томъ, быть ли пересмотру, или нѣтъ, долженъ быть переданъ на голосованіе швейцарскаго народа.

«Если въ какомъ-либо изъ этихъ случаевъ большинство швейцарскихъ гражданъ, участвующихъ въ голосованіи, дастъ на вышеупомянутый вопросъ утвердительный отвѣтъ, то оба совѣта должны быть переизбраны для производства пересмотра.

«Ст. 121. Частный пересмотръ можетъ совершаться или путемъ народной иниціативы, или путемъ, установленнымъ для союзнаго законодательства.

«Народная иниціатива состоитъ въ требованіи, представленномъ 50.000 швейцарскихъ гражданъ, отмѣны или измѣненія опредѣленныхъ статей союзной конституціи.

«Если путемъ народной иниціативы будетъ предложено для пересмотра или внесенія въ союзную конституцію нѣсколько различныхъ предметовъ, то каждый изъ нихъ долженъ составлять содержаніе особаго требованія.

«Требованіе иниціативы можетъ быть представлено или въ видѣ общаго указанія, или въ видѣ подробно разработаннаго проекта.

«Если требованіе иниціативы будетъ представлено въ видѣ общаго указанія и союзныя палаты согласны съ нимъ, онѣ должны выработать проектъ частнаго пересмотра въ смыслѣ, указанномъ иниціативой, и передать его на голосованіе народа и кантоновъ. Если же союзныя палаты не согласны съ представленнымъ требованіемъ, вопросъ о томъ, быть ли пересмотру, долженъ быть переданъ на народное голосованіе, и если большинство швейцарскихъ гражданъ, участвующихъ въ голосованіи, отвѣтитъ на этотъ вопросъ утвердительно, союзное собраніе предпринимаетъ пересмотръ въ смыслѣ народнаго рѣшенія.

«Если же требованіе представлено въ видѣ разработаннаго проекта и союзное собраніе не согласится съ нимъ, проектъ долженъ быть переданъ народу и кантонамъ для принятія или отверженія. Въ случаѣ несогласія съ представленнымъ проектомъ союзное собраніе можетъ вырабатывать свой проектъ или сдѣлать предложеніе отвергнуть требованіе иниціативы—и свой проектъ или измѣненное предложеніе, одновременно съ проектомъ иниціативы, передатъ на голосованіе народа и кантоновъ.

«Ст. 122. Союзный законъ опредѣлитъ формальности, которыя должны соблюдаться при народныхъ требованіяхъ и голосованіяхъ относительно пересмотра союзной конституціи.

«Ст. 123. Пересмотрѣнная союзная конституція или пересмотрѣнная часть ея входитъ въ силу, если онѣ приняты большинствомъ швейцарскихъ гражданъ, участвующихъ въ голосованіи, и большинствомъ кантоновъ.

«При опредѣленіи большинства кантоновъ голосъ каждаго полукантона считается, какъ половина голоса.

«Результатъ народнаго голосованія въ каждомъ кантонѣ считается голосомъ этого кантона».

5-го іюля 1891 года пересмотрѣнный отдѣлъ конституціи былъ принятъ въ народномъ голосованіи 183.029 голосовъ противъ 120.599 и 18 кантонами противъ 3 цѣлыхъ и 2 полукантоновъ (Ааргау, Тургау и Ваадтъ, Базель—земля, Аппецелль Внѣшняго Родена).

Намъ необходимо въ немногихъ словахъ разсказать еще о движеніи въ пользу пропорціональнаго представительства въ союзѣ и избранія союзнаго совѣта непосредственно народомъ,—движеніи, закончившемся такъ называемой «двойной» народной иниціативой (Doppelinitiative). Этимъ мы укажемъ ту линію, по которой идетъ эволюція политическихъ учрежденій Швейцаріи послѣ 1891 г.

Съ введеніемъ референдума и иниціативы законодательная власть союза дѣлится между союзнымъ собраніемъ и швейцарскимъ народомъ непосредственно, чѣмъ въ значительной мѣрѣ уменьшается политическое значеніе союзнаго собранія. На ряду же съ законодательствомъ народа безпрерывно увеличиваются и усложняются полномочія и функціи союзнаго совѣта, какъ слѣдствіе прогрессивной централизаціи государственнаго строя. Цифры, относящіяся къ росту союзнаго бюджета и штата чиновничества, даютъ наглядное представленіе о томъ, какъ вмѣстѣ съ расширеніемъ задачъ увеличиваются сила и значеніе союзнаго совѣта. Въ 1847 г. бюджетъ союза составлялъ около 500.000 франковъ; въ настоящее же время онъ превышаетъ уже 100.000.000 франковъ. До 1848 г. на службѣ у союза было самое большее 10 чиновниковъ; въ 1888 г. чиновниковъ и разнаго рода государственныхъ служащихъ было уже 8.893. И этотъ бюджетъ, и этотъ растущій штатъ чиновничества, которое постепенно складывается въ своего рода бюрократическое сословіе, находится въ полномъ распоряженіи союзнаго совѣта, какъ исполнительнаго органа союза. Между тѣмъ, союзный совѣтъ, пользующійся такой огромной властью, избирается, какъ мы знаемъ, союзнымъ собраніемъ, а не народомъ непосредственно. Этотъ фактъ пріобрѣтаетъ тѣмъ большее значеніе, что существующая въ союзѣ мажоритарная система выборовъ обезпечи-

ваетъ партіи большинства продолжительное господство въ національномъ совѣтѣ, и союзный совѣтъ является косвеннымъ представителемъ лишь одной, можетъ быть, незначительной части населенія. Такимъ образомъ здѣсь наблюдается крупное противорѣчіе между характеромъ законодательной и исполнительной власти союза. «Организація союзнаго законодательства», писала въ 1892 г. «Всеобщая швейцарская газета»,—теперь иная, чѣмъ организація союзнаго управленія. Администрація организована на аристократическихъ началахъ, законодательство—на демократическихъ. Союзное законодательство производится при интенсивномъ содѣйствіи народа, союзная администрація отъ народа независима». И это противорѣчіе тѣмъ острѣе и ощутительнѣе, чѣмъ болѣе растетъ законодательная власть народа и чѣмъ шире дѣлаются задачи и компетенція союза.

Къ этому присоединяется еще слѣдующее. Почти всѣ кантоны съ теченіемъ времени, нѣкоторые послѣ ожесточенной борьбы, ввели у себя выборы кантональныхъ правительствъ посредствомъ народа. А въ союзѣ тотъ же народъ не пользуется правомъ избранія союзнаго правительства, несмотря на то, что компетенція послѣдняго гораздо шире, функціи важнѣе, чѣмъ тѣ, которыя выполняются кантональными правительствами и несмотря также на то, что кантональная власть все больше и больше отчуждается народомъ и передается союзу.

Вопросы «пропорціи» и «народныхъ выборовъ» въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ дѣятельно обсуждались въ прессѣ и народныхъ собраніяхъ. Агитація въ пользу того и другого резюмировалась въ требованіи, выставлявшемся какъ идеалъ народа: «демократизація законодательства и демократизація управленія». На почвѣ этой агитаціи между всѣми партіями, находящимися въ меньшинствѣ, постепенно произошло сближеніе. Всѣхъ ихъ объединяло стремленіе низвергнуть или, по меньшей мѣрѣ, ослабить господствующую либерально-радикальную, или, какъ она сама себя еще именуетъ «свободомыслящe-демократическую» партію.

Въ концѣ сентября 1898 г. въ Люцернѣ съѣхались 233 делегата изъ 23 кантоновъ и полукантоновъ, посланные соціалъ-демократической партіей, «союзомъ Грютли», союзомъ профессіональныхъ организацій, демократическими союзами и соціально-политической фракціей союзнаго собранія. На этомъ собраніи были выработаны проекты для двухъ народныхъ инціативъ. Первая требовала выборовъ въ національный совѣтъ по принципу пропорціональности, причемъ каждый кантонъ и полукантонъ должны были по проекту составить одинъ избирательный округъ. Вторая въ нѣсколькихъ положеніяхъ требовала выбора союзнаго совѣта въ числѣ девяти членовъ всѣми правоспособными швейцарскими гражданами, устройства выборовъ въ одномъ охватывающемъ всю Швейцарію избирательномъ округѣ и представленія французской

Швейцаріи по меньшей мѣрѣ двухъ мѣстъ въ союзномъ совѣтѣ. Оба проекта были приняты въ повторныхъ совѣщаніяхъ соціалъ-демократическихъ и демократическихъ представителей.

Въ предѣлахъ установленнаго закономъ срока было собрано за пропорціональное представительство свыше 64.000 и за народные выборы свыше 56.000 подписей. Но радикальная партія, господствующая въ союзномъ собраніи и управляющая страной посредствомъ избираемаго ею союзнаго совѣта, вовсе и не думала дѣлиться своей властью съ оппозиціонными партіями. Какъ и слѣдовало ожидать, обѣ палаты, куда эти вопросы поступили на обсужденіе, громаднымъ большинствомъ голосовъ высказались противъ того и другого предмета народной инициативы. Теперь оставалось проекты подвергнуть народному голосованію, которое союзнымъ совѣтомъ было назначено на 4-е ноября 1900 г. Несмотря на продолжительную агитацію въ пользу обоихъ требованій, большинство народа вотировало въ духѣ союзнаго собранія. Введеніе пропорціональныхъ выборовъ для національнаго совѣта было отклонено 244.666 голосовъ противъ 169.008 и $10^3/_2$ кантоновъ противъ $9^3/_2$, а требованіе выборовъ союзнаго совѣта народомъ—270.522 голоса противъ 145.926 и $12^4/_2$ кантоновъ противъ $7^2/_2$. За требованія, формулированныя въ инициативахъ, вотировали федералистическіе кантоны, преимущественно французскіе и католическіе земледѣльческіе, причемъ нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напримѣръ, Женева и Люцернъ, высказываясь за пропорціональное представительство въ національномъ совѣтѣ, голосовали противъ избранія союзнаго совѣта непосредственно народомъ, такъ какъ въ такомъ институтѣ они справедливо усматривали новый централизующій рычагъ. Противъ обоихъ требованій высказывались, главнымъ образомъ, крупные промышленные кантоны, имѣющіе за собою верховенство въ союзѣ.

Пораженіе «черно-краснаго альянса», какъ радикальная партія въ насмѣшку окрестила союзъ соціалъ-демократовъ съ консервативно-демократическими католиками, союзъ «клерикализма съ соціализмомъ», отчасти приписывается неподготовленности народныхъ массъ къ выдвинутымъ требованіямъ. Изъ всего правоспособнаго населенія Швейцаріи въ голосованіи участвовало лишь 55,4%. И въ то время какъ въ отвергавшихъ кантонахъ процентъ гражданъ, подавшихъ свой голосъ, доходилъ до 80 и 85, въ принимавшихъ кантонахъ процентъ голосовавшихъ былъ по большей части ниже средняго уровня. Объясняется это тѣмъ, что населеніе большихъ въ сущности и понынѣ «правящихъ» кантоновъ политически болѣе развито и подвижнѣе, чѣмъ населеніе маленькихъ исключительно земледѣльческихъ кантоновъ. Главная же причина той неудачи, которую потерпѣла «двойная» инициатива, заключается, съ одной стороны, въ традиціонномъ конфессіональномъ антогонизмѣ между католиками и протестантами, но въ гораздо

большей степени въ опасеніяхъ, внушенныхъ буржуазнымъ партіямъ, «краснымъ призракомъ», ростомъ соціалъ-демократіи. Боязнь растущаго вліянія соціалъ-демократической партіи побудила буржуазію различныхъ общественныхъ слоевъ и политическихъ направленій тѣсно сплотиться противъ общаго врага. Подъ вліяніемъ той же боязни консервативно-демократическая масса во многихъ случаяхъ вотировала противъ обѣихъ инициативъ, тѣмъ нарушая договоръ, заключенный между вождями ихъ и соціалъ-демократической партіи.

Послѣ пораженія «двойной» инициативы партіи меньшинства стремятся укрѣпиться въ кантонахъ, осуществляя тамъ свои требованія и пріобрѣтая такимъ путемъ опорный базисъ для своей дѣятельности въ союзѣ. Съ тѣхъ поръ идеи пропорціональнаго представительства и избранія правительствъ народомъ сдѣлали въ кантонахъ значительныя завоеванія. Въ настоящее время въ бернскомъ кантонѣ, поднялась агитація въ пользу выбора народомъ кантональнаго правительства. И если движеніе въ этомъ крупнѣйшемъ кантонѣ Швейцаріи и составляющемъ главный оплотъ «свободомысляще-демократической» партіи на этотъ разъ увѣнчается успѣхомъ, то недалеко будетъ то время, когда оба требованія «двойной» инициативы сдѣлаются дѣйствительностью и въ союзѣ.

Относительно эволюціи швейцарскихъ политическихъ учрежденій мы должны въ общемъ сказать, что чѣмъ болѣе Швейцарія втягивается въ міровую торговлю и чѣмъ болѣе, слѣдовательно, она подвергается дѣйствію общихъ торгово-промышленныхъ кризисовъ, чѣмъ болѣе въ ней развиваются капиталистическія отношенія, тѣмъ быстрѣе происходитъ дифференціація ея населенія въ крупные классы, тѣмъ острѣе и непримиримѣе становится классовая борьба и тѣмъ труднѣе и медленнѣе, вслѣдствіе всего этого, совершается дальнѣйшая демократизація политической жизни Швейцаріи.

В. Свѣтловъ.

Проходи, непривѣтное время
Горькой жизни во тьмѣ и въ крови!
Созрѣвай, благотворное сѣмя
Свѣтлой мысли, труда и любви!
Ты заброшено чистой рукою,
Ты согрѣто сердечнымъ огнемъ
И горячей любовной слезою
Ты омыто какъ чистымъ дождемъ.
Надъ тобой проносилися грозы,
Надъ тобой бушевала мятель
И сурово трещали морозы,
Проникая въ твою колыбель.
Но затихнутъ, пройдутъ непогоды
И подъ вешней лазурью, въ теплѣ
Развернутся богатые всходы
Изумруднымъ ковромъ по землѣ.
Время жатвы настанетъ—и бодро
Люди выйдутъ на радостный трудъ.
Будетъ ясное тихое ведро,
Злыя грозы навѣки уйдутъ...
Проходи же суровое время
Горькой жизни въ слезахъ и въ крови!
Созрѣвай благотворное сѣмя
Свѣтлой мысли, труда и любви!

А. Черемновъ.

СЧАСТЬЕ.

Повѣсть.

I.

Старикъ Кармалиновъ проснулся по обыкновенію около девяти часовъ утра, но нѣкоторое время неподвижно лежалъ на спинѣ, тупо глядя куда-то передъ собой и причмокивая толстыми, выпяченными впередъ губами. Если бы какое-нибудь властное побужденіе заставило его сдѣлать усиліе и припомнить, о чемъ онъ думаетъ въ эти минуты, онъ былъ бы въ затрудненіи. Проносились обрывки мыслей о вчерашнемъ большомъ шлемѣ безъ двухъ, о томъ, что исправникъ не показалъ тузовъ, о томъ, что сегодня будутъ играть у податнаго, что Аграфена, его кухарка и экономка, отдала коптить двухъ лещей и что хорошо бы теперь быть уже одѣтымъ и умытымъ. Порой пробѣгали еще болѣе отрывочныя и тяжелыя мысли о необходимости заложить послѣднюю землю или продать единственную оставшуюся у него рощу и о тягости имѣть взрослую дочь. Мысль о дочери уже второй годъ угнетала его. Какъ-то случилось такъ, что раньше онъ не думалъ о ней. Послѣ похоронъ жены Кармалиновъ почувствовалъ большое облегченіе, узнавъ, что восьмилѣтнюю дѣвочку, дочь его, беретъ къ себѣ ея родная тетка, а его сестра. Съ тѣхъ поръ онъ не видалъ дочери болѣе десяти лѣтъ и почти позабылъ о ней. Но года полтора тому назадъ сестра скончалась, а Катерина Валеріановна, уже взрослая дѣвушка, очутилась опять въ Рѣченскѣ, въ родномъ домѣ отца. Это былъ тяжелый ударъ судьбы. Валеріанъ Николаевичъ даже растерялся. Онъ такъ отвыкъ думать о чемъ-либо, кромѣ какъ объ обѣдѣ, о сигарѣ послѣ ѣды, о ежедневной партіи винта, что присутствіе въ его домѣ дочери временами отравляло ему жизнь. Къ чему эта дочь; откуда она, зачѣмъ, что съ ней дѣлать? И скорбная мысль ворочалась порой въ тупо работающей головѣ:

«Пропадетъ дворянская дочь»...

Твердо, хотя и неопредѣленно, улеглась въ его душѣ идея о дворянской чести, какъ нѣкогда, въ дни далекой юности, идея о чести гусарскаго мундира, который былъ тогда на его плечахъ. Эта идея была туманная, мало понятная ему самому, но онъ зналъ, что, проѣдая одно за другимъ имѣнія, хутора, рощи, онъ не грѣшитъ противъ чести. Если онъ не платитъ процентовъ за заложенное сельцо Высокое, то это ничего не значитъ. Банкъ можетъ вернуть себѣ ссуду, продавъ имѣніе.

«Дворянинъ Кармалиновъ никому не обязывается»...

Эта же идея о дворянской чести нарушала его покой при мысли о дочери. Послѣдней не подобало жить такъ, какъ дочери какого-нибудь разночинца. Да и не съумѣетъ она такъ жить. И онъ сокрушенно повторялъ въ умѣ:

— Пропадетъ дворянская дочь...

Когда пробило девять, онъ откинулъ одѣяло, спустилъ ноги на полъ и сталъ медленно одѣваться. Потомъ, умывшись, причесалъ свои жесткіе, коротко остриженные волосы, и повязывая передъ зеркаломъ галстухъ, почувствовалъ, что желудокъ у него ноетъ, стонетъ, что во рту скопляется обильная слюна. Надо было бы побриться, но на это уже не хватало силъ. Наскоро застегнувъ на обвисломъ, огромномъ животѣ жилетныя пуговицы и накинувъ на плечи длиннополый, особаго покроя сѣрый люстриновый сюртукъ, онъ спѣшно направился въ столовую, алчно вдыхая доносившійся до него ароматъ кофе и холодныхъ закусокъ. Онъ теперь ни о чемъ не думалъ, кромѣ какъ о ѣдѣ, и горе было бы суровой, всегда нахмуренной, чемъ-то недовольной, все еще красивой, черноглазой Аграфенѣ, если бы она запоздала съ утреннимъ завтракомъ. Но завтракъ былъ на столѣ. Пощелкивая огромными, выдавшимися впередъ челюстями съ рядами крѣпкихъ зубовъ, спѣшно, съ помутнѣвшимъ отъ алчности взглядомъ, сѣлъ Кармалиновъ за накрытый столъ, засунулъ за воротникъ конецъ салфетки, лихорадочнымъ движеніемъ придвинулъ къ себѣ холодный ростбифъ и, щелкнувъ еще разъ челюстями, раскрылъ свой огромный, какъ у крокодила, ротъ и съ наслажденіемъ, внутренно дрожа отъ алчности, отправилъ туда первый кусокъ. Переминая этотъ пахнувшій кровью, красноватый кусокъ, онъ даже закрылъ глаза отъ удовольствія и думалъ только о томъ, что послѣ ростбифа будетъ ѣсть яйца въ смятку, потомъ сыръ, потомъ хлѣбъ съ масломъ. И все это запьетъ кофе. Жаль, что сегодня нѣтъ бараньихъ котлетъ; непремѣнно надо будетъ заказать ихъ на завтра.

Онъ жадно, все еще чувствуя внутри себя дрожь, ѣлъ кусокъ за кускомъ и все еще не видалъ ничего, кромѣ стола и закусокъ, разставленныхъ кругомъ. Потомъ, когда желудокъ началъ уже

наполняться, способность мыслить понемногу возвращалась къ нему. На одно мгновеніе онъ остановился, какъ бы раздумывая, не возвратиться ли опять къ холодному мясу, но отогналъ эту мысль прочь, протянулъ руку къ хлѣбной корзинкѣ, захватилъ кучу сушекъ и отправилъ ихъ всѣ сразу въ свой огромный ротъ стараго крокодила. И тотчасъ же раздражительно закричалъ:

— Эй, Аграфена!.. Скоро ли кофе?.. Непремѣнно запоздаетъ!..

Теперь онъ изъ себя выходилъ, не видя на столѣ кофе. Желудокъ требовалъ питья, чтобы лучше переварить пищу, и гнѣвъ на Аграфену волновалъ сердце Кармалинова.

Въ комнату медленно вошла высокая, стройная и красивая дѣвушка лѣтъ двадцати.

— Здравствуй,—равнодушно проговорила она и, поцѣловавъ отца въ лобъ, присѣла за столъ въ ожиданіи и для себя чашки кофе.

Старикъ искоса поглядѣлъ на дочь и опять тревожная, мучительная мысль зашевелилась въ его отупѣвшемъ, вяломъ мозгу. Пока Кармалиновъ насыщалъ себя, никакія мысли не удручали его, это бывали самыя счастливыя минуты его жизни.

— Ну?..—вопросительно протянулъ онъ.

— Что?—отвѣтила тоже вопросомъ Катерина Валеріановна и взглянула на него черными, цыганскими глазами.

У нея былъ южный типъ, знойный, жгучій. Красиво очерченное лицо, съ темными волосами, просто, нѣсколько по монашески зачесанными и открывавшими чистый, прекрасный лобъ, съ нѣжными смуглыми щеками, съ большими черными глазами, было дивно хорошо и поражало сочетаніемъ наивной, еще полудѣтской довѣрчивости въ выраженіи съ серьезной напряженностью мысли.

— Спала... хорошо?

— Хорошо.

И разговоръ прервался. Ни Кармалиновъ, ни дочь его не знали, о чемъ говорить другъ съ другомъ. И черезъ минуту Валеріанъ Николаевичъ уже сидѣлъ у себя въ кабинетѣ въ большихъ, такъ называемыхъ вольтеровскихъ креслахъ, курилъ сигару и просматривалъ газету. Въ открытое окно входилъ горячій воздухъ конца мая, слышалось жужжаніе пчелъ надъ кустами акацій и сирени и радостное щебетаніе птицъ въ садахъ. Тишиной, миромъ и радостью жизни вѣяло надъ землей. Кармалиновъ уже позабылъ о дочери и гналъ прочь отъ себя всѣ докучныя мысли. Въ сладкомъ полудремотномъ состояніи сидѣлъ онъ въ покойномъ креслѣ и думалъ о томъ, что ему хорошо, что никакой иной жизни онъ не признаетъ и ни на какое иное существованіе не способенъ...

Только когда время стало подходить къ двѣнадцати, спокой-

ствіе и благодушіе покинули его. Какая-то тревога закралась въ его сердце. Онъ поглядывалъ на часы, безпокойно ворочался въ креслѣ и все прислушивался, не стучатъ ли тарелками въ столовой, не накрываютъ ли къ обѣду. Но въ столовой все было тихо.

Когда время перешло за полдень, безпокойство одолѣло Кармалинова. Съ силой нажалъ онъ пуговку электрическаго звонка и, когда послышался шумъ отворяемой двери, крикнулъ на весь домъ своимъ хриплымъ голосомъ чрезмѣрно ожирѣвшаго человѣка:

— Аграфена, чортъ тебя подери!..

Степенная и суровая Аграфена медленно вошла и спокойно остановилась у притолки.

— Ты что-жъ меня безъ обѣда хочешь оставить, что ли?— кричалъ онъ гнѣвно, брызгая слюной и тараща маленькіе, тупо смотрящіе глаза.

— Время придетъ и обѣдъ подадимъ,—спокойно отвѣтила Аграфена, поворачиваясь уйти.—Вы не балуйте, не переставляйте часовъ...

Кармалиновъ не нашелся ничего возразить, такъ какъ вспомнилъ, что вчера, дѣйствительно, переставилъ часы впередъ, желая ускорить приближеніе радостной минуты ѣды. Приходилось мириться съ обстоятельствами. Но тѣ полчаса, которые прошли, пока подали обѣдъ, были мучительны. Желудокъ ныл, подъ ложечкой сосало, во рту набѣгала слюна. Кармалиновъ всталъ и началъ ходить по комнатѣ, волнуясь, точно конь, который чуетъ, что скоро зададутъ корму. Подъ ложечкой у него сосало все больше и больше. Онъ нетерпѣливо поглядывалъ на часы, и ему казалось, что часовая стрѣлка совсѣмъ не двигается. А изъ отворенной двери во внутреннія комнаты, точно дразня его, доносился запахъ съѣстныхъ припасовъ. Туманъ алчности все болѣе и болѣе опутывалъ его мозгъ. Онъ уже плохо различалъ, что было кругомъ него, и видѣлъ только обѣденный столъ, на которомъ кто-то разставлялъ посуду. Кто это былъ, онъ не интересовался. Онъ слегка стоналъ, глотая обильную слюну и все глядѣлъ помутнѣвшими глазами, не несутъ ли закуски, нѣтъ ли, наконецъ, на столѣ перваго блюда...

Послѣ сытнаго и обильнаго обѣда мысль о дочери опять мелькнула въ его прояснившемся мозгу и опять опечалила душу, но теперь не время было думать о чемъ-либо. Нужно было погрузиться въ безмятежный покой, чтобы совершать пищевареніе. И Кармалиновъ сладко и безмятежно уснулъ въ огромномъ креслѣ, вытянувъ ноги на другое кресло и прикрывшись отъ мухъ газетой...

Его жизнь вся проходила въ этихъ наслажденіяхъ осилившаго нравственные запросы тѣла; мозгъ работалъ тупо и вяло,

и только газета да ежедневный вечерній винтъ указывали еще на то, что онъ хоть немного, но способенъ думать и разсуждать...

II.

Давнишняя наперсница, генеральши Туляковой, Пелагея Ивановна сильно встревожила Николая Васильевича. Она проскользнула въ его кабинетъ, гдѣ онъ только что собирался отдохнуть послѣ обхода полей, и, поджавъ по обыкновенію губы, проговорила своимъ ехиднымъ, шипящимъ голоскомъ:

— Маменька требуютъ васъ къ себѣ.

Молодой Туляковъ тревожно взглянулъ на ея сухую, поджарую фигурку и чувствовалъ, что ненавидитъ это желтое, сморщенное лицо, на которомъ совершенно не было бровей, а главное, ненавидитъ эту крошечную косичку, свернутую какимъ-то нелѣпымъ пучочкомъ на самой макушкѣ остроконечной головы.

Николай Васильевичъ, высокій и плотный мужчина лѣтъ двадцати восьми, не склоненъ былъ, вообще говоря, къ ненависти и гнѣву. Онъ былъ слишкомъ добродушенъ и простосердеченъ для этого, но вызовъ къ матери, строгой и тонной дамѣ, легко могъ означать какое-нибудь томительное нравоученіе со стороны Варвары Сергѣевны, и онъ гнѣвался на посланницу, предчувствуя, что Пелагея Ивановна знаетъ причину, по которой онъ вызванъ. Въ одинъ мигъ въ головѣ его промелькнула мысль о недавней поѣздкѣ въ Москву по порученію генеральши, о нѣкоторыхъ его похожденіяхъ у Омона и въ Яру, о двухъ пѣвичкахъ, которыхъ онъ тащилъ на рукахъ по лѣстницѣ. Неужели до слуха генеральши дошло все это? Очень можетъ быть. Не даромъ вчера заѣзжалъ къ нимъ въ Лѣсное этотъ святоша Гелькинъ, съ которымъ онъ имѣлъ неосторожность ужинать у Омона.

— Зачѣмъ мама зоветъ?—попытался онъ освѣтить положеніе дѣлъ.

— Это увидите сами,—уклончиво и многозначительно отозвалась Пелагея Ивановна и съ нѣкоторымъ злорадствомъ вышла за дверь.

— Кикимора банная,—пустилъ ей вдогонку Туляковъ.

Пелагея Ивановна тотчасъ же опять высунула въ дверь свое сморщенное злобное лицо.

— Я генеральшѣ пожалуюсь... Не извольте говорить такихъ словъ...

Туляковъ съ досадой отшвырнулъ отъ себя газету, которую передъ тѣмъ читалъ.

— Убирайтесь вы къ лѣшему; не васъ я это...

*

— Обидчики! — возмущенно проговорила Пелагея Ивановна, но тотчасъ же скрылась за дверью.

Туляковъ нервно потянулся своимъ могучимъ тѣломъ и взъерошилъ окладистую бороду.

Идти было необходимо и притомъ не медля, иначе генеральша разсердится не на шутку. Но если бы кто зналъ, какъ это тяжело для него, Николая Тулякова, который всегда и во всемъ чувствовалъ себя виноватымъ передъ матерью! Въ чемъ собственно онъ былъ виновенъ, этого онъ не съумѣлъ бы точно опредѣлить. Да онъ и не пытался разобраться въ этомъ. Нѣкоторая мужиковатость, неуклюжее, могучее тѣло, пристрастіе къ деревнѣ, нежеланіе служить, несмотря на хорошій дипломъ высшаго привилегированнаго училища, все это, онъ чувствовалъ, страшно роняло его въ глазахъ матери, урожденной княжны Томской. Онъ виноватъ тѣмъ, что происходитъ по прадѣду отъ мужика и вышелъ наружностью и вкусами въ родъ отца, тогда какъ она, Варвара Сергѣевна, женщина утонченныхъ вкусовъ и привычекъ и не можетъ не проводить половины года за границей. Конечно, онъ глубоко уважаетъ ее, готовъ работать, какъ волъ, чтобы она имѣла возможность проводить зиму въ Парижѣ или Ниццѣ, но съ грустью сознается въ душѣ, что деревня, такъ любимая имъ, значительно теряетъ въ его глазахъ, когда въ родовой усадьбѣ появляются вмѣстѣ съ генеральшей Пелагея Ивановна, Амишка, Бижутка, Зефирка, а также всѣ тѣ безчисленные нотаціи, выговоры, упреки, которые сыпятся на его бѣдную голову мужицкаго правнука. И добро бы со стороны только матери. Нѣтъ, онъ знаетъ, что Пелагея Ивановна, и Амишки, и Бижутки чувствуютъ къ нему какую-то инстинктивную ненависть и подъ высшей охраной генеральши готовы его облаять, укусить, всячески обидѣть...

А между тѣмъ необходимо идти на ту страшную половину большого стариннаго дома, гдѣ вмѣстѣ съ maman царитъ зеленый полумракъ, запахъ дорогихъ куреній, тишина, этикетъ, хорошій тонъ урожденной княжны Томской.

Туляковъ поднялся со стула, оправилъ передъ зеркаломъ прическу, изящнѣе повязалъ галстухъ и пошелъ къ матери, стараясь осторожнѣе ступать по старому паркету своими огромными, тяжелыми шагами. Передъ закрытыми дверями «будуара» онъ наскоро перекрестился и, придавъ своему басовому голосу нѣжный тонъ, проговорилъ вполголоса:

— Можно войти?

Отвѣтъ послѣдовалъ не тотчасъ. Потомъ сердитый женскій голосъ произнесъ изъ-за дверей:

— Странный вопросъ! Мать дожидается цѣлыхъ три часа, а сыну не угодно...

Николай Васильевичъ поспѣшилъ войти и осторожно, почтительно приблизился къ матери. Поцѣловавъ ея сухую унизанную дорогими кольцами руку, онъ осторожно опустился на низенькое кресло.

— Ваше здоровье, maman?

Въ его обращеньи, въ манерахъ была видна привычка человѣка, предназначавшагося съ дѣтства для гостинной, и ничто не обнаруживало того молодушнаго страха, который наполнялъ его сердце въ эти минуты.

Генеральша съ нахмуреннымъ лицомъ глядѣла сквозь окно на усадьбу.

— Что это у васъ за манера оскорблять преданныхъ мнѣ людей?—проговорила она по-французски.

Сердце Тулякова забилось еще сильнѣй.

— Я васъ не понимаю,—попытался онъ схитрить.

— Вы отлично понимаете, о чемъ я говорю,—уже съ явнымъ гнѣвомъ перебила генеральша.—Ки-ки-мора... что это за словечки такія?..

Николай Васильевичъ наморщилъ лобъ и потеръ его рукою. Потомъ взялъ руку матери, поднесъ къ губамъ и проговорилъ:

— Простите, виноватъ...

Но тутъ же добавилъ вполголоса, стараясь заглянуть матери въ глаза и принимая дурашливый видъ:

— А, вѣдь, сходство у ней есть... Особенно въ профиль... А? неправда?

Это была военная хитрость, средство почти отчаянное; но уловка удалась. Варвара Сергѣевна чуть замѣтно улыбнулась, и въ сердцѣ Тулякова родилась надежда на благополучный исходъ свиданія съ грозной матерью.

— Ну, а это что такое?—продолжала уже нѣсколько мягче генеральша,—послала я тебя въ Москву на день, а ты пропадалъ цѣлый мѣсяцъ.

— Недѣлю, maman, только недѣлю...

— Коли мать говоритъ: мѣсяцъ—прошу не возражать... ну, отвѣчайте... Опять, вѣроятно, пѣвицы, трактиры?.. Посмотрите на себя въ зеркало: лицо осунулось, подъ глазами синяки...

— Но, maman... дорога... тряска...

«И откуда она все это узнаетъ?» съ грустью думалъ онъ.

— Ужъ молчи лучше... не раздражай... Вонъ тамъ на столѣ письмо... Возьми и сейчасъ же лично отвези Валеріану Николаевичу Кармалинову... Слышишь? Лично вручи... Ну, стунайте...

Туляковъ поцѣловалъ руку матери, взялъ письмо и поспѣшно вышелъ изъ комнаты, счастливый сознаніемъ, что гроза пронеслась мимо. Душа его ликовала, и онъ не утерпѣлъ, обнялъ и поцѣловалъ подвернувшуюся ему Дуняшу, хорошенькую горничную матери. Поцѣловалъ и съ ужасомъ оглянулся. Дверь въ комнату матери осталась раскрытой, и Варвара Сергѣевна грозно глядѣла на эту сцену.

«Мужикъ, весь въ отца... никакой эстетики»... грустно подумала она и опять принялась за вязанье...

А Николай Васильевичъ приказалъ заложить лошадь, одѣлся понаряднѣе и сѣлъ на крыльцѣ въ ожиданія экипажа. «Нѣтъ на свѣтѣ полнаго счастья», повторялъ про себя Туляковъ давно извѣстную истину. Какъ хороша эта любимая имъ усадьба, доставшаяся отъ отца. Какъ хорошо живется и дышится вотъ въ такой чудесный майскій день, когда на небѣ лѣниво, будто въ истомѣ проходятъ бѣлыя круглыя тучки, не заслоняя свѣта ласковаго, горячаго солнца, когда миріады жизней родятся, любятся, проходятъ свой жизненный путь около тебя, когда все кругомъ тебя отрицаетъ страданіе и смерть, говоритъ и зоветъ къ жизни и къ радостямъ ея. А между тѣмъ именно въ эти лучшіе въ году лѣтніе мѣсяцы жить приходится подъ строгимъ надзоромъ матери и, что всего обиднѣе, подъ надзоромъ этой кикиморы Пелагеи Ивановны.

«Мама что,—поспѣшилъ оправдать ее Туляковъ,—мама аристократка, утонченная натура... Разумѣется, ей тяжело, что я вышелъ не въ нее, а въ нашъ крестьянскій родъ»...

А впрочемъ, думалъ онъ дальше, чего тутъ дурного, что онъ, Туляковъ, по мужской линіи изъ мужиковъ. Это даже хорошо; крѣпче какъ-то. Ну, да, дѣйствительно прадѣдъ Николая Васильевича былъ вольноотпущенный и пришелъ изъ Тульской губерніи въ эти мѣста по мелкимъ торговымъ дѣламъ. Сынъ его повелъ дѣла уже на болѣе широкую ногу, завелъ небольшую фабрику, нажился на подрядахъ и далъ сыну нѣкоторое образованіе. Отецъ Николая Васильевича совсѣмъ вышелъ въ люди, завелъ съ востокомъ торговлю хлопкомъ, добился было милліона, получилъ дворянство, женился уже немолодымъ на княжнѣ, далъ сыну свѣтское образованіе, и хотя разорился подъ конецъ жизни, но все же оставилъ Николаю Васильевичу порядочное состояніе. А сынъ, будто возродивъ въ себѣ прежніе инстинкты предковъ-пахарей, совершенно отшатнулся отъ города и всей душой прилѣпился къ землѣ. Онъ не могъ себя представить иначе, какъ въ деревнѣ, среди природы. Жить для него значило дышать воздухомъ полей и лѣсовъ, пахать и сѣять, отдалиться отъ того, что напоминало культуру города. Отъ послѣдней онъ взялъ только

книги, но даже комфортъ города, перенесенный въ его деревенскій домъ, раздражалъ его. Ничего этого не надо; гораздо пріятнѣе, если стѣны не оклеены бумагой, если обѣдъ подаютъ въ простыхъ глиняныхъ чашкахъ. И напрасно думаютъ, что горожанинъ уменъ, развитъ. Какой-нибудь Парфенъ Силинъ дастъ любому профессору сто очковъ впередъ...

Послѣднее было уже преувеличеніемъ, и Туляковъ сознавалъ въ глубинѣ души, что преувеличиваетъ, но любовь его къ деревнѣ поневолѣ дошла до крайности, потому что право жить въ деревенской усадьбѣ, право не служить, отдалиться отъ «общества», посвятить себя землѣ досталось ему не легко. Строгая генеральша не скоро согласилась на эту «дикую, мужицкую фантазію» сына...

III.

Утро было чудесное. Дорога къ городу ровная и гладкая, какъ полъ. Туляковъ ѣхалъ и блаженно улыбался, глядя на безконечныя поля тянувшейся передъ нимъ ржи и слушая, какъ звенятъ гдѣ-то въ синевѣ небесъ надъ нивами хлѣбовъ жаворонки. Все рожь и рожь кругомъ. Матово-серебристые, еще только вышедшіе изъ трубки молодые колосья будто дремали на солнцѣ подъ ласковымъ дыханіемъ горячаго ароматнаго воздуха. Надъ нивами вились грезы весенней любви, ихъ навѣвали пѣсни жаворонковъ, неумолкаемый шепотъ міріадъ созданій, проходившихъ жизнь всюду кругомъ, у подножія стеблей, въ воздухѣ, въ дыханіи вѣтра. А этотъ теплый и ласковый вѣтеръ, налетая порой, трогалъ, какъ разсѣянный виртуозъ, здѣсь и тамъ поверхность хлѣбнаго моря, и нивы переливались серебромъ и издавали таинственные звуки, чарующіе сердце, ласкающіе слухъ.

Въ сторонѣ отъ дороги мѣстность понижалась, опутывалась мглою дали и заканчивалась зубьями огромныхъ, вѣковыхъ лѣсовъ. Тамъ чуялась влага рѣки, прохлада низменности, но и это было хорошо. Такъ отрадно уйти въ жаркій лѣтній день въ глубину лѣса, гдѣ пахнетъ смолой, земляникой, грибомъ. Огромныя сосны величаво и задумчиво дремлютъ въ покоѣ силы, сознанія могущества и все думаютъ какую-то великую думу. Поколѣнія за поколѣніями безчисленнаго ряда существъ проходятъ мимо нихъ, умираютъ и даютъ жизнь все новымъ и новымъ рядамъ, столѣтія минуютъ, а они, цари лѣсовъ, все попрежнему величавы и спокойны и все думаютъ свою таинственную, великую думу...

Дорога стала опускаться внизъ. Показались верхушки колоколенъ городка и крыши домовъ въ зелени деревьевъ. Туляковъ оторвался отъ своихъ думъ и досадливо сплюнулъ въ сторону.

— Очень было нужно посылать меня съ письмомъ,—проворчалъ онъ про себя,—точно я почтальонъ... Могъ бы и Сергѣй отвезти...

Туляковъ вообще не долюбливалъ Кармалинова, а такъ какъ у Валеріана Николаевича жила теперь дочь, которую онъ однажды мелькомъ видѣлъ, то домъ этотъ сталъ окончательно ему непріятенъ. Гдѣ завелась женщина, тамъ толку не жди. Отъ нихъ надо подальше. Разумѣется, нельзя иногда обойтись безъ пѣвичекъ въ какой-нибудь «Мавританіи», но это можно допустить изрѣдка, да и то въ пьяномъ видѣ...

Городокъ мирно дремалъ, пригрѣтый ласковыми лучами лѣтняго солнца. На улицахъ лишь изрѣдка попадались одинокіе прохожіе, на углу площади дремалъ единственный городской извозчикъ, свѣсивъ голову на грудь, а напротивъ него, опершись о базарный столъ, угрюмо зѣвалъ городовой. Въ мучномъ лабазѣ Сорокодумова двое приказчиковъ, сидя верхомъ на длинной скамьѣ, сражались въ шашки. Рядомъ, въ бакалейной лавкѣ, унылая и толстая Серафима Матвѣевна сѣла такъ, чтобы ее прохватывало сквознымъ вѣтромъ и даже разстегнула верхнія пуговицы лифа, сама все зѣвала и шептала мольбы о помилованіи ее за это. Купецъ Чуриновъ положилъ локти на прилавокъ, прильнулъ къ нимъ головой и сладко храпѣлъ. Миромъ вѣяло надъ тихимъ и лѣнивымъ городкомъ...

Изъ переулка, ведущаго на площадь, выбѣжала вдругъ озабоченная лохматая собачонка, видимо, спѣшившая по какимъ-то собственнымъ дѣламъ. Пробѣгая довольно спокойно по площади, она вдругъ что-то вспомнила, робко оглянулась влѣво и, поджавъ хвостъ, прибавила ходу. Но вслѣдъ за тѣмъ изъ мучной лавки Тупицына вылетѣлъ камень и задѣлъ собачонку по ногамъ. Послѣдняя, перепуганная и оскорбленная, взвизгнула, прижала хвостъ совсѣмъ къ животу и пустилась стрѣлой. Но, отбѣжавъ на другую сторону площади, вдругъ остановилась, обернулась къ лавкѣ и начала озлобленно вылаявать обидчика. Она лаяла долго и визгливо съ короткими промежутками, нѣсколько разъ пыталась уйти, но опять останавливалась и лаяла. Огорченное сердце ея требовало возмездія.

— Васька,—крикнулъ Туляковъ, слѣзая съ тарантаса и подходя къ лавкѣ,—опять ты собакъ гоняешь...

— Здравствуйте, Николай Васильичъ,—отвѣтилъ въ дверяхъ румяный и красивый Тупицынъ, парень лѣтъ двадцади трехъ, одѣтый модно и съ иголочки.—А ловко я ее луканулъ.., То-есть, вѣрите ли, Николай Васильичъ, ни одна шельма не пробѣжитъ мимо, не сбрехавъ... Не любятъ стервы...

— Дѣлать-то тебѣ нечего...

— Извѣстно, наше дѣло какое. Сиди въ лабазѣ да мухъ лови. Какая наша коммерція!.. Только по базарамъ и торгуемъ!..

— Ну, я лошадь у тебя оставлю.

— Еще бы съ... Сергунька, веди къ нашимъ... Зачѣмъ пожаловать изволили, Николай Васильичъ?..

— А я и самъ не знаю. Письмо привезъ къ Кармалинову.

Румяное симпатичное лицо Тупицына подернулось печалью.

— Плохи наши дѣлишки. Послѣднее проживаютъ, Валеріанъ Николаичъ. Все скушали, ничего не остается.

Туляковъ усмѣхнулся.

— А тебѣ что за печаль? Эхъ, Вася, Вася!..

— Какъ не печалиться, Николай Васильичъ, сами извольте разсудить? Ну, что же будетъ съ Катериной-то Валеріановной, когда папаша послѣднее спустятъ? Куда пойдетъ этакая раскрасавица?.. Эхъ-ма!..

— Да неужто ты, въ самомъ дѣлѣ, такъ втюрился?

Вася скорбно тряхнулъ головой, тронулъ рукой свою коротенькую, шелковистую бородку и выплюнулъ остатокъ сахара, который сосалъ, прихлебывая жиденькій чай.

— Все сердце, Николай Васильичъ, пронзено... Эй, Ванька, нацѣди-ка еще кипяточку... Не желаете ли чайку?.. Какъ угодно... Гдѣ ужъ намъ надѣяться, Николай Васильичъ? Самъ превосходно понимаю, что рыломъ не вышелъ, а только... сердце-то, Николай Васильичъ, и у насъ не камень.. Одно то извольте замѣтить: жарища-то вона какая, такъ и печетъ, а поглядите—жакетъ аглицкаго производства, жилетка и все такое; опять же крахмальная сорочка и галстухъ по положенію... Крахмалъ-то таетъ, по животу ползетъ, а терплю... И все-то для нихъ, для божественной Катерины Валеріановны... Одно плохо: образованія у насъ нѣтъ, Николай Васильичъ...

— Да,—разсѣянно проговорилъ Туляковъ.

— Словно чуяло мое сердце. Бывало просишь, просишь маменьку: «маменька, да отдайте меня въ губернію въ училище». А она, царствіе ей небесное, старушка была строгая, возьметъ клюку, да клюкой-то промежъ ушей «Я, говоритъ, тебя обучу»...

— Эхъ, Вася, человѣкъ ты хорошій, душевный, а такими глупостями занимаешься. Что въ нихъ толку, въ бабахъ этихъ? Ерунда одна... Я вотъ и глядѣть-то на нихъ не хочу.

— До поры до времени, Николай Васильичъ.

— Да ужъ мнѣ и то подъ тридцать, а вотъ же ни въ одну еще не втюрился.

— Погоди, постой, еще придетъ на сокола стрѣла каленая. Сами вы изъ себя, Николай Васильичъ, какъ есть молодецъ; не можетъ того быть, чтобы не заиграло ретивое...

Онъ вдругъ сорвался съ мѣста, бросился къ дверямъ, сорвалъ съ головы фуражку и наотмашь отставилъ руку, дѣлая почтительный поклонъ. Туляковъ тоже заглянулъ на улицу черезъ окно. По троттуару проходили двѣ дѣвушки, одна—знакомая ему Вѣрочка Гущина, хорошенькая, пухленькая, всегда веселая и довольная всѣмъ на свѣтѣ; другая—Катерина Валеріановна, высокая, стройная, съ нѣжнымъ румянцемъ на смуглыхъ щекахъ, съ задумчивымъ и печальнымъ выраженіемъ прекрасныхъ темныхъ глазъ. На волнистыхъ черныхъ волосахъ ея съ распущенной косой былъ накинутъ пунцовый шарфъ, и это такъ шло къ ея лицу южнаго, знойнаго типа.

— Красота ненаглядная, — вздохнувъ, прошепталъ Вася и опять взялъ въ руки стаканъ съ жидкимъ чаемъ.

— И вправду хороша,—соглашался Туляковъ.—А только все же скажу: ну ихъ въ болото, всѣхъ этихъ бабъ... Эхъ Вася, Вася, и безъ бабъ хорошо жить на свѣтѣ!.. Ничего, братъ, нѣтъ, лучше, какъ жить... Ну, прощай, купаться иду...

Онъ вышелъ изъ лавки, пересѣкъ площадь и сталъ спускаться по тѣсному, обстроенному какими-то амбарами переулку внизъ къ рѣкѣ Ильмѣ, которая широкой свѣтлой лентой огибала городокъ и скрывалась за большой сосновой рощей, раскинутой надъ ея чистыми водами. У самой рѣки онъ нагналъ стройнаго, съ юношеской походкой и молодымъ, цвѣтущимъ лицомъ, но совершенно сѣдыми волосами, щеголевато одѣтаго въ лѣтній костюмъ господина.

— Здравствуйте, Никодимъ Алексѣевичъ, — проговорилъ Туляковъ, поровнявшись съ нимъ.

Послѣдній быстро обернулся и изящнымъ движеніемъ протянулъ выхоленную руку съ твердыми, отдѣланными ногтями и съ дорогими перстнями на всѣхъ почти пальцахъ.

— Единственному настоящему помѣщику,—бархатнымъ баскомъ отвѣтилъ онъ, совершая рукопожатіе.—Пополоскать грѣшныя тѣлеса хотите? Отлично, идемъ вмѣтѣ...

Онъ заглянулъ въ дорогіе золотые часы, потомъ вынулъ тоже золотой портсигаръ и закурилъ папиросу.

— Не предлагаю; знаю, что вы старовѣръ...—Потомъ зажегъ спичку изъ серебряной спичечницы и сталъ поигрывать многочисленными брелоками на часовой цѣпочкѣ. Это былъ Гущинъ, одинъ изъ мѣстныхъ дѣятелей, человѣкъ лѣтъ за пятьдесятъ, но удивительно сохранившійся и ставшій подъ старость настоящимъ красавцемъ съ своей снѣжной бородой и юношескимъ лицомъ. Туляковъ невольно любовался на него. Все въ Гущинѣ нравилось ему: и эта молодая походка, и живость движеній, и умѣнье говорить, весело, остроумно, не задумываясь надъ темой, и наклон-

ность одѣваться модно и изящно, молодо. Даже то, что онъ носилъ на рукѣ браслетъ, не портило Гущина въ глазахъ Туляковa. Извѣстно было также, что Гущинъ до сихъ поръ великій сердцеѣдъ и въ качествѣ привлекательнаго вдовца съ успѣхомъ ухаживаетъ даже за дѣвицами.

— А послѣ купанья ко мнѣ позавтракать, — приглашалъ Гущинъ.

Туляковъ поблагодарилъ и, наскоро раздѣвшись, выглянулъ въ наружную дверь купальни. Солнце ярко горѣло на расчистившемся небѣ и золотило спокойную гладь рѣки. Прохлада воды манила къ себѣ. Рѣка безшумно двигала куда-то въ невѣдомую даль серебристую массу влаги, отражала глубь неба и чуть слышно шептала что-то у прибрежнаго тростника. А тамъ, далеко за рѣкой тянулись цвѣтущіе луга, испещренные кустами лозняка, окаймленные вдали синѣющими лѣсами. Сводъ неба висѣлъ надъ землей, спокойный, безстрастный, будто наблюдая землю въ разгарѣ ея лѣтней, творческой работы...

Опять захватывающая душу радость овладѣла Туляковымъ. Онъ былъ такъ полонъ жизни, чувствовалъ въ себѣ такое слiяніе съ природой, не смущающейся, вѣрящей въ себя и свои силы, ничего не ожидающей, ни надъ чѣмъ не скорбящей. Жить и жить. И прочь всѣ эти порывы куда-то вдаль, къ чему-то невѣдомому, высокому, недоступному. Прочь и эти мечты о какой-то безпредѣльной любви. Жить и только жить, потому что все живетъ кругомъ, и жизнь кипитъ въ сердцѣ, въ каждомъ движеніи этого молодого, сильнаго тѣла.

Онъ ступилъ шагъ впередъ и, закрывъ глаза, бросился въ мгновенномъ сладкомъ забвеньи въ свѣтлыя воды. Мигъ спустя онъ уже плылъ, упорно и увѣренно работая мускулами и радостно поглядывая на блещущую лазурь неба. Волна ласкала его тѣло, кровь поспѣшнѣе бѣжала по жиламъ. Хотѣлось плыть далеко, неустанно, въ радостномъ сознаніи силы, молодости, беззаботности...

IV.

— Вотъ теперь, и позавтракать хорошо будетъ,—говорилъ Гущинъ на обратномъ пути.—Вѣрочка съ Любочкой ужъ ждутъ насъ.

Туляковъ симпатизировалъ и этимъ барышнямъ. Обѣ онѣ были хорошенькія, румяныя, беззаботныя хохотушки. Обѣ постоянно влюблялись, обѣ, видимо, желали выйти замужъ, но Николай Васильевичъ почему-то чувствовалъ себя съ ними совершенно непринужденно, какъ съ добрыми товарищами и никогда не думалъ о возможности ухаживать за ними.

Любочка была дежурной и разливала кофе. Вѣрочка только что внесла на сковородкѣ яичницу глазунью и нарѣзала тонкими ломтиками ветчину. Съ наслажденіемъ здороваго и сильнаго человѣка сѣлъ Туляковъ за завтракъ и опять думалъ о томъ, что хорошо жить на свѣтѣ.

Онъ не безъ удовольствія поглядывалъ на бѣлые, нѣжные локти Любочки, выставлявшіеся изъ широкихъ разрѣзовъ рукавовъ, и на смѣющееся, съ родинками и ямочками лицо миніатюрной Вѣрочки, но ничего похожаго на влюбленность не было въ его сердцѣ.

Посадить ихъ обѣихъ на руки, побѣгать съ ними по комнатамъ, подурачиться, а потомъ и забыть о нихъ. Онѣ игрушки и не болѣе того. Жизнь не въ томъ, чтобы забавляться этими игрушками, а въ томъ, чтобы быть среди природы, чтобы участвовать въ общей жизни ея, чувствовать біеніе мірового пульса, сознавать себя частицей великаго цѣлаго...

И онъ доканчивалъ яичницу и, улыбаясь, протягивалъ къ Любочкѣ руку за стаканомъ кофе, стараясь при этомъ коснуться бѣленькой и пухленькой ручки дѣвушки.

— А вы знакомы съ дочерью Кармалинова?—спросилъ Гущинъ.

— Мелькомъ. Она, я думаю, не узнала бы меня на улицѣ. Да и я, пожалуй, ее...

— Ну, она замѣтна. Интересная дѣвушка.

— А какая красавица!—воскликнула Любочка.

— И музыкантша,—добавила Вѣрочка.

Но все это очень мало трогало гостя. Онъ намазалъ себѣ огромный ломоть хлѣба масломъ и аппетитно уписывалъ его, доказывая Вѣрочкѣ, что женщина не можетъ быть хорошей музыкантшей.

— Всѣ великіе артисты были мужчины. Женщина не способна подняться на высоту искусства. Женщина слишкомъ на землѣ, въ низинахъ...

— Это дерзость!—возмутилась Любочка.

— Да я съ вами послѣ этого и говорить не хочу, — поддержала ее сестра.

— О присутствующихъ не говорятъ, но, право, человѣкъ начинается только съ мужчины.

Онъ давно усвоилъ этотъ тонъ, полушутливый, полудерзкій въ въ домѣ Гущина. И какъ всегда, хозяинъ заступился за женщинъ. Глаза его загорѣлись какимъ-то уже наполовину забытымъ огонькомъ, лицо стало еще моложавѣе, и онъ заговорилъ своимъ красивымъ бархатнымъ голосомъ.

Женщина на землѣ все; только для женщины и стоитъ жить; женщина импульсъ, пружина жизни. Она вдохновительница, руко-

водящая сила. Она наполовину божество на землѣ. Если бы Гущину, ахъ, вернуть опять молодость, онъ предложилъ бы условіе: десять лѣтъ одиночнаго заключенія гдѣ-нибудь въ сыромъ подземельѣ, но передъ этимъ годъ жизни исключительно въ кругу молодыхъ женщинъ, исключительно въ общеніи съ ними.

— Вы говорите, что онѣ не музыкальны,—закончилъ онъ.—А ну, Вѣра, сыграй-ка этому нечестивцу, этому женоненавистнику.

И Вѣрочка сыграла. Она не безупречно владѣла техникой и выбрала какую-то незначительную, хотя и мелодичную пьеску; но или она умѣла вложить много искренняго чувства въ исполненіе, или Туляковъ былъ какъ-нибудь особенно настроенъ, только вдругъ, вмѣстѣ съ первымъ-же звукомъ тоскливой мелодіи, въ его сердце, полное тоской всеобъемлющей радости и жажды жизни, струей влилась смутная, неопредѣленная грусть. И будто солнце померкло въ это мгновеніе, будто умолкли міріады радостныхъ голосовъ, въ страстной истомѣ шептавшихъ о любви, о счастьѣ жизни кругомъ него—въ воздухѣ, въ вѣтвяхъ деревьевъ, въ изумрудныхъ коврахъ луговинъ. Эта грусть тихой, но неотразимой волной пролилась по всей землѣ, и сердце Тулякова сжалось болью.

«Все вздоръ», подумалъ онъ и даже головой тряхнулъ, чтобы отогнать прочь эти думы. Но звуки лились, и все та же грусть потихоньку томила сердце.

Потомъ, когда уже Вѣрочка перестала играть, онъ нѣсколько раздраженно замѣтилъ:

— Терпѣть не могу музыки.

— Очень вѣжливо, нечего сказать,—обидѣлась Вѣрочка.

— Нѣтъ, я не то... Извините... Вы играете отлично, а только... настраиваетъ музыка какъ-то... Чего лучше музыки лѣса, полей... Эта музыка вливаетъ въ душу бодрость, а вотъ такая...

— А эта разнѣживаетъ, — возразилъ Гущинъ.—Слушаешь, и молодость вспоминаешь, и любить опять хочешь... Эхъ, кабы вернуть молодость, сбросить бы съ плечъ эту проклятую старость...

Туляковъ посидѣлъ еще немного, потомъ простился и направился къ Кармалинову. Послѣдній визитъ его нѣсколько смущалъ; онъ боялся встрѣтиться съ Катериной Валеріановой, хотя и самъ не понималъ, почему робѣетъ передъ этой встрѣчей. Правда, онъ уже сталъ дичать въ деревнѣ, забывалъ прежнюю, привитую воспитаніемъ развязность свѣтскаго человѣка, но все же съумѣлъ бы найтись въ какомъ угодно обществѣ. И все-таки эта дѣвушка, почти незнакомая ему, смущала его. Она представлялась ему стоящей на какой-то недосягаемой высотѣ, холодная, царственно величавая, смотрящая на людей сверху внизъ, какъ на существа безконечно низшія въ сравненіи съ собой...

Валеріанъ Николаевичъ принялъ его въ кабинетѣ. Онъ слегка

приподнялъ свое тучное, тяжелое тѣло и молча протянулъ ему пухлую руку.

— Мать здорова? — прохрипѣлъ онъ съ трудомъ, чтобы хоть что-нибудь сказать.

— Благодарю... Шлетъ вамъ поклонъ и, вотъ, письмо...

— Чай все по монастырямъ на старости ѣздитъ,—усмѣхнулся Кармалиновъ, надѣвая серебряные очки и вскрывая конвертъ.

Онъ пробѣжалъ письмо глазами, крякнулъ, хмуря лобъ, потомъ прочелъ опять все съ начала и до конца и даже пробѣжалъ адресъ на конвертѣ. На его тупомъ деревянномъ лицѣ выразилось что-то вродѣ волненія.

— А вы... того... знаете?—проговорилъ онъ.

— То есть что?

— Ну... содержаніе?

— Нѣтъ... Только мама просила отвѣта...

— Отвѣта?.. гм... Ну, хорошо, скажите, что, молъ, пришлю... съ нарочнымъ пришлю... Этакъ завтра что-ль... Да не хотите ли закусить? Чайку, можетъ? а?..

Туляковъ отказался и, посидѣвъ еще минуты двѣ, сталъ прощаться. И ему показалось, что старикъ какъ-то особенно крѣпко пожалъ его руку и какъ-то все заглядывалъ ему въ глаза, будто хотѣлъ что-то выпытать...

Уже вечерѣло, когда Туляковъ возвращался къ себѣ изъ города. Опять тянулись вокругъ него нивы колосившейся ржи, притихшей, уснувшей въ вечернемъ безмолвіи. Ароматъ влаги шелъ съ полей. Въ неподвижномъ воздухѣ пронеслась стая дикихъ утокъ. Гдѣ-то жужжалъ бекасъ.

А рожь дремала, склонивъ колосья въ нѣгѣ и истомѣ. Земля дышала холоднымъ паромъ и все будто шептала что-то въ глубокой тишинѣ вечера. Въ небѣ загорались первыя звѣзды, и блѣднымъ серебромъ сверкалъ тоненькій серпъ молодого, только что родившагося мѣсяца.

И опять Тулякова охватило чувство радостнаго покоя; опять онъ сознавалъ всѣмъ существомъ своимъ, что неразрывно связанъ съ природой, съ этой кормилицей землей, съ этимъ раздольемъ, ширью полей. Недаромъ онъ внукъ мужика, правнукъ пахаря черноземной полосы. Оторванный отъ природы онъ слабѣетъ духомъ, портитъ сердце. Тогда у него въ головѣ появляются мысли о пѣвичкахъ, о развратѣ, о всякой пакости. Какъ на простого мужика городъ дѣйствуетъ на него тлетворно. И только здѣсь, на землѣ, въ непосредственной близости съ природой, онъ опять оживаетъ, крѣпнетъ тѣломъ и духомъ. И долой всѣ эти мысли о бабахъ, о Любочкахъ, Вѣрочкахъ. Все это вздоръ, баловство. Въ прошломъ году пришлось ему поцѣловать невзначай

въ укромномъ уголкѣ Любочку и, вѣдь, ничего. Никакой влюбленности не появилось ни съ той, ни съ другой стороны. И не вѣритъ онъ въ любовь, страсть къ женщинѣ. Игра крови и больше ничего. Сходиться мужчина съ женщиной должны бы разъ въ годъ для продолженія рода. И только. И ужъ, конечно, дѣтей надо цѣликомъ отдать женщинѣ, такъ чтобы мужчина и въ глаза ихъ не видалъ. Къ чему они мужчинѣ, эти пискуны? Мужчинѣ надо жить на всей своей волѣ: въ поляхъ, въ лѣсахъ, подъ открытымъ сводомъ вотъ этого далекаго, таинственнаго и манящаго неба...

А женщина даже и не понимаетъ прелести природы. На что ужъ умна мама, а сидитъ же цѣлыми днями въ своей полутемной гостиной и развлекается Амишками да Бижутками или бесѣдуетъ съ какими-то подозрительными монахами...

Передъ самой усадьбой мысли Николая Васильевича вернулись опять почему-то въ городъ, и онъ вспомнилъ о Катеринѣ Валеріановнѣ. И весь какъ-то внутренно съежился.

«Фу, ты!—подумалъ онъ.—О ней и думать-то страшно... Что-то недосягаемое она. И неужели найдется мужчина, которому она раскроетъ объятія?..»

V.

Послѣ ухода Тулякова Валеріанъ Николаевичъ долго сидѣлъ неподвижный и нахмуренный. Онъ былъ въ необычномъ для него волненіи; его толстыя, чувственныя губы слегка шевелились, между бровей легла складка. Подходило время пить предвечерній чай, а Кармалиновъ даже и не вспоминалъ о немъ. Наконецъ, онъ позвонилъ и приказалъ позвать барышню.

— Ну?—прохрипѣлъ онъ, когда Катерина Валеріановна вошла къ нему въ кабинетъ.

— Что вы?

— Ну?.. что дѣлать намѣрена?..

Онъ глядѣлъ на нее необычнымъ взглядомъ. Въ глазахъ его было страданіе, голова слегка тряслась. Катерина Валеріановна продолжала недоумѣвать.

— Не знаю, право... Можетъ, пойду къ Гущинымъ...

— Не то... Всегда... потомъ, что будешь дѣлать?.. Замужъ надо...

Она слегка вспыхнула.

— Что это вамъ вздумалось объ этомъ говорить?..

— Надо... замужъ... У меня ничего нѣтъ... Послѣднее проживаю... Дворянка... замужъ надо...

— Я о замужествѣ не думаю... Не надо... не хочу...

— Глупости... Всякая дѣвка хочетъ... Скорѣе выйдешь, выгадаешь... На тряпки будетъ... Ну, ступай...

Затлѣвшаяся мысль потухла; мозгъ усталъ работать. Теперь глаза опять глядѣли тускло, мертвенно. Только челюсти, будто стосковавшіяся по ѣдѣ, свирѣпо защелкали.

— И что тамъ копаются съ самоваромъ?—захрипѣлъ онъ.— Аграфена, чортова кукла! Агра-фе-на!..

Послѣ чаю онъ опять сталъ безпокойно поглядывать на часы. Время шло убійственно медленно, а ему хотѣлось засѣсть за карточный столъ. Его день обязательно кончался картами; онъ игралъ все съ одними и тѣми же партнерами, и они собирались поочередно то у Кармалинова, то у исправника.

Шелъ только шестой часъ и до восьми было такъ мучительно ждать...

Катерина Валеріановна задумчиво прошла въ садъ, постояла тамъ, послушала что-то, потомъ вернулась въ комнаты, машинально раскрыла крышку рояля, тронула клавиши разсѣянной рукой, потомъ взяла два-три аккорда, прислушиваясь къ звукамъ, потомъ заиграла вдругъ какую-то импровизацію безотрадныхъ звуковыхъ образовъ. Она играла артистически, какъ настоящій художникъ. Подъ ея пальцами звуки лились вѣрной, сознательной чередой, мѣшались въ дикую пѣсню, перебивали другъ друга, чтобы мѣняться на все болѣе и болѣе тоскливыя ноты, замирали на верхахъ, тонули въ низкихъ, глубокихъ аккордахъ, всплывали въ новыхъ порывистыхъ откликахъ и сходились всѣ разомъ въ плачущей пѣснѣ...

И вдругъ умолкли. Дѣвушка откинулась на спинку стула, повернула красивую голову къ окну и слушала, точно пораженная чѣмъ-то. Сквозь открытыя окна донеслась иная волна звуковъ, грозная, величавая, манящая. Была суббота, звонили ко всенощной...

Безконечно тоскливая, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, сладкая боль поднялась въ сердцѣ Катерины Валеріановны. Что-то невѣдомое, неясное, но могучее поднялось съ самой глубины души. Въ головѣ пронеслись обрывки какихъ-то милыхъ, уже позабытыхъ наполовину воспоминаній, смутныя, туманныя грёзы о чемъ-то невѣдомомъ, но прекрасномъ, о какомъ-то счастьѣ, еще неиспытанномъ, но чуемомъ, ожидаемомъ всѣми силами неопытнаго, тоскующаго сердца. Дѣвушка наклонилась надъ роялемъ, закрыла лицо руками и заплакала. Она плакала долго, но и сама не могла бы сказать, о чемъ ея слезы, о чемъ тоска. Душа рвалась куда-то, сердце трепетало, болѣло.

Чья-то мягкая маленькая рука осторожно легла на ея голову.

— Катя, что ты? что съ тобой?—послышался голосъ Вѣрочки.

Катерина Валеріановна отняла руки отъ лица и взглянула заплаканными глазами на вошедшую подругу, которая участливо и озабоченно наклонилась надъ ней.

— Не знаю,—прошептала она,—сама не знаю... Душитъ меня что-то... Тяжело мнѣ... тоска такая...

— Выпей воды... Да пойдемъ пройдемся... Вечеръ такой хорошій...

Катерина Валеріановна съ минуту молча глядѣла на хорошенькое, цвѣтущее здоровьемъ лицо Вѣрочки.

— Далеко бы уйти отсюда. — проговорила она будто про себя.—И все бы идти и идти... И все бы искать чего-то, какого-то великаго, нездѣшняго счастья... Вѣрочка, тебя не манитъ уйти?..

Вѣрочка засмѣялась.

— Я бы въ Петербургъ хотѣла... На острова... Мы тамъ провели одинъ годъ... Чудно хороши...

— Ахъ, нѣтъ, не то... Я не про то... Я бы ушла на берегъ моря... Волны бы все наплывали холодныя, голубыя и все бы говорили мнѣ какую-то тайну... Онѣ приходятъ изъ безконечной дали и много знаютъ чудесныхъ разсказовъ... Ахъ, я все глупости говорю...

— Разумѣется, глупости,—подтвердила Вѣрочка и потомъ, задумавшись на минутку и наморщивъ свой красивый чистый лобъ, добавила:

— Тебѣ влюбиться надо...

Катерина Валеріановна вспыхнула и встала.

— Вотъ у тебя такъ совсѣмъ глупости въ головѣ... Послушай, пойдемъ ко всенощной...

Онѣ встали и черезъ минуту уже шли по главной улицѣ. Вечеръ былъ тихій и ароматный. Мягкій воздухъ ласкалъ грудь; дышалось легко, и жизнь казалась такой отрадной.

— Ахъ, Вѣрочка,—прошептала вдругъ Катерина Валеріановна, беря Гущину подъ руку.—Какъ мнѣ счастья хочется, какъ я рвусь къ счастью...

— Не хорошо,—строго оборвала ее Вѣрочка,—мы въ церковь идемъ, а ты съ такими мыслями...

— А что же?—удивилась Катерина Валеріановна.

— Ну, ты о мужчинахъ думаешь.

— Ахъ, Господи! ну, что ты! да развѣ только и счастья, что въ мущинахъ?

— Ну, да ужъ меня не проведешь...

Это замѣчаніе разстроило Катерину Валеріановну. Она не могла теперь молиться съ тѣмъ самозабвеніемъ, которое часто испытывала въ церкви. Опять неопредѣленная, но гнетущая грусть охватила ее. Неужели, если женщина тоскуетъ по какомъ-то не-

вѣдомомъ, но чуемомъ счастьѣ, то это—ничто иное, какъ желаніе любви? А ей, Катеринѣ Валеріановнѣ и думать не хочется о любви. Мужчины ей вообще несимпатичны. Вотъ одинъ развѣ Гущинъ представляетъ исключеніе. Милъ тоже этотъ симпатичный Вася Тупицынъ.

Нѣтъ, она не хочетъ любви; она жаждетъ той тайной душевной гармоніи, которая, хоть изрѣдка, но все же посѣщаетъ человѣка. Хотѣлось бы слиться сердцемъ со всѣмъ живущимъ, раствориться въ той великой любви, которая, она чувствуетъ это, разлита въ мірозданіи и недостатокъ которой въ душѣ человѣка порождаетъ тоску...

И понемногу дѣвушка унеслась сердцемъ за предѣлы храма. Стѣны раздвинулись. Гдѣ-то въ безпредѣльности звучалъ призывомъ могучій колоколъ. Она была въ сферахъ великой міровой любви, полной гармоніи, и сердце трепетало отъ счастья и не хотѣлось возвращаться къ дѣйствительности. Катерина Валеріановна и не замѣчала, что стоитъ на колѣняхъ, что ноги ея устали и что слезы градомъ текутъ по ея поблѣднѣвшимъ щекамъ.

— Катя, Катя,—прошептала надъ ея ухомъ Вѣрочка,—пойдемъ, служба кончилась.

Катерина Валеріановна встала, разбитая, усталая, и оглянулась. Свѣчи и лампады потухали, народъ расходился. Глубоко вздохнувъ, она покорно пошла вслѣдъ за Вѣрочкой къ выходу.

— Не хорошо быть такой экзальтированной,—наставительно замѣтила Вѣрочка.—Надо смотрѣть на жизнь трезво.

А Катерина Валеріановна молча шла по улицѣ и думала все одну и ту же грустную думу. Жизнь? А гдѣ же она, эта жизнь? въ чемъ она? Передъ глазами дѣвушки мирный городокъ тихо дремалъ, утомленный несложной дневной заботой. Здѣсь и тамъ на лавочкахъ передъ домами сидѣли горожанки и тупо, но жадно оглядывали всѣхъ проходящихъ, ожесточенно, съ самозабвеніемъ щелкая подсолнухи. Кое-гдѣ попадались молодыя парочки. Кавалеры старались смѣшить женщинъ, послѣднія жеманно выступали и ненатурально смѣялись.

— Ахъ, я бы хотѣла ѣздить на вельесипедѣ,—проговорила дѣвушка въ пунцовомъ платочкѣ, вскидывая глаза на спутника, длиннаго и тощаго приказчика изъ бакалейной лавки.

— Дозвольте, стану на четвереинки, а вы садитесь...

Кое-гдѣ уже зажигались на карточныхъ столахъ свѣчи, и нетерпѣливые игроки садились за винтъ.

Вѣрочка дошла до дома Кармалинова и простилась, а Катерина Валеріановна подумала немножко и направилась въ городской садъ, раскинутый надъ рѣкой. У входа красовалась огромная афиша, говорящая о скоромъ пріѣздѣ въ городъ на одно только

представленіе всемірно извѣстнаго Антона Мейера и несравненной воздушной прыгуньи Фанни. Катерина Валеріановна съ какимъ-то непонятнымъ ей самой раздраженіемъ прочла этотъ анонсъ и вошла въ запущенный, всегда пустынный садикъ. Она сѣла на скамью надъ рѣкой и грустно задумалась. Такъ вотъ она, эта жизнь, которая рисовалась ей когда-то въ такихъ волшебныхъ, чарующихъ краскахъ! О томъ ли мечтала она столько лѣтъ съ своимъ великимъ другомъ Кирой Савищевой, когда еще училась въ пансіонѣ, и затѣмъ послѣ пансіона, сходясь въ домѣ покойной тети. Онѣ понимали тогда, что еще не знаютъ жизни, что готовятся къ ней и ждали этой жизни съ радостнымъ нетерпѣніемъ. Окончатся скучные уроки, онѣ станутъ взрослыми дѣвушками, и только тогда начнется настоящая жизнь, полное, великое счастье. Нѣкоторую, весьма, впрочемъ, незначительную долю въ этомъ счастьѣ игралъ и невѣдомый «онъ», но и то его ввела порывистая, огневая Кира, всегда увлеченная разными сумасбродными идеями, а Катерина Валеріановна только подчинялась подругѣ и рѣшала про себя, что счастье не въ этомъ, а въ какой-то радостной, захватывающей духъ жизни, въ какой-то вѣчной веснѣ. Она, впрочемъ, никогда не могла точно опредѣлить себѣ, что именно ждала, на что надѣялась. Но ужъ, конечно, она не ожидала, что жизнь такова, какой она увидала ее въ этомъ городкѣ. Здѣсь чиновники только и думаютъ, что о какихъ-то бумагахъ и о винтѣ, купцы дремлютъ въ холодныхъ, полутемныхъ лавкахъ, мѣщане понемножку занимаются ремеслами и очень много виномъ. А всѣ вообще скучаютъ, постоянно ссорятся, судятся, говорятъ другъ про друга всякія гадости; въ видѣ развлеченія мужчины ухаживаютъ за женщинами, а женщины кокетничаютъ съ ними. «Но это все не то, все это не то», мучительно думала она и сжимала до боли свои слабыя, нѣжныя руки. А гдѣ же «то», въ чемъ счастье, какъ жить иначе—она не знала, ее никто не научилъ. Кира, та знала, у Киры уже тогда являлась какая-то идея, а она, Катерина Валеріановна умѣла только играть на рояли и въ звукахъ переноситься въ новый, невѣдомый міръ, полный радости и счастья.

VI.

— Добрый вечеръ... Посиживаете?—раздался позади сочный мужской голосъ и около нея сѣлъ изящный, молодо одѣтый Гущинъ. Она привѣтливо улыбнулась ему и подала руку.

— Вотъ и хорошо, что увидѣлась съ вами,—слегка возбужденно проговорила она, — съ вами легко... Вы такой умный... вы меня успокоите, разсѣете мою хандру...

Онъ глядѣлъ на нее сбоку и поглаживалъ холеной рукой

красивую сѣдую бороду. А глаза его загорались юношескимъ блескомъ, и сердце начинало стучать.

— Ужъ и хандра... Это въ ваши-то годы?.. Да вамъ есть-ли двадцать лѣтъ?

— Мнѣ? Передъ святками стукнетъ двадцать

— Вотъ то-то... Въ эти годы не хандрятъ.

— Скучно жить на свѣтѣ.

— Ну, полноте. Вамъ скучно потому, что сердце начинаетъ просить любви.

— Это какъ?

— Эхъ, поговорилъ бы я съ вами всласть, да партнеры ждутъ, ругаться будутъ... Нѣтъ, вы не хандрите. Вы терпѣливо ожидайте, когда сердце заговоритъ. Тогда и жизнь начнется.

— Ну, посидите еще немножко.

— Посижу, посижу... Около васъ забудешь и о картахъ...

Она привыкла считать его авторитетомъ для себя. Онъ не можетъ ошибаться, потому что онъ умный, умнѣе всѣхъ. И онъ такъ хорошо говоритъ, рѣчь такъ и сыплется изъ его устъ, плавная, красивая. А онъ, возбужденный близостью этой прекрасной дѣвушки и .ея вниманіемъ, самъ увлекался своими словами, позабылъ про то, что его ждутъ у податнаго инспектора, и все говорилъ, говорилъ. Онъ даже взялъ ея красивую, нѣжную руку въ свои руки и гладилъ, отечески убѣждая дѣвушку не хандрить, вѣрить, что счастье ждетъ ее, такую прекрасную и тѣломъ и духомъ.

— Но я вижу, что кругомъ меня и сама я, мы всѣ не такъ живемъ,—пыталась Екатерина Валеріановна пояснить свою тоскливую мысль.—Не то надо для счастья, не то...

— А что же?

— Ахъ, я не знаю...

— Но я за васъ знаю... Надо любви, страсти... Все живущее полно любви... Страсть руководитъ міромъ... Полюбите, пусть въ васъ проснется женщина. Любите, не раздумывая долго, не заглядывая впередъ... Любите настоящимъ моментомъ, отдайте все свое сердце человѣку; не бойтесь страданій... Одинъ мигъ истинной страсти искупаетъ года страданій...

Его глаза разгорѣлись, щеки поблѣднѣли. Онъ нагнулся и поцѣловалъ ея руку. Она задумчиво глядѣла въ зарѣчную даль, гдѣ садившееся солнце золотило луга, и все старалась уяснить себѣ слова сосѣда.

— Неужели это такъ?—проговорила она будто про себя.—Неужели въ этомъ... все?

— Все, дорогая, вѣрьте, что все...

— И... можно такъ полюбить?

— Должно... хоть на мигъ, но должно... Страсть, это—сила, это импульсъ жизни... Охъ!..

Онъ быстро схватился руками за ногу и сталъ растирать. И въ этотъ мигъ сталъ вдругъ не прежнимъ сѣдымъ юношей, а страдающимъ старикомъ, съ потухшими внезапно глазами, съ поблекшимъ лицомъ.

— Не выношу вечерней сырости... Это у меня еще съ турецкаго, вѣроятно, похода... Простудился тогда...

Онъ простился и потихоньку пошелъ, опираясь на трость и осторожно ступая на лѣвую ногу. А на душѣ у него скоплялась горечь. Проклятая старость! Какъ ни крѣпись, какъ ни сберегай себя отъ нея, она знать не хочетъ. Эхъ, если бы хоть десятка полтора лѣтъ съ плечъ долой, никому бы не уступилъ онъ этой дѣвушки. И онъ уже готовъ былъ вернуться опять къ Катеринѣ Валеріановнѣ, опять говорить съ ней, глядя въ ея чистые, восторженные глаза, впивать ароматъ ея волосъ, одежды. Онъ даже пріостановился, но... подумалъ и пошелъ дальше. Нѣтъ, вѣдь, и повинтить тоже хорошо.

Катерина Валеріановна долго еще сидѣла задумавшись на скамьѣ надъ рѣкой. Мысль ея все вертѣлась на словахъ Гущина. Неужели счастье въ любви мужчины? Гущинъ не можетъ ошибаться, Гущинъ другъ ей. А если онъ не ошибается, то пусть же скорѣе приходитъ эта цѣлительница страсть, пусть унесетъ ее, дастъ ей жизнь и счастье, полное, всеобъемлющее...

Но потомъ ей становилось непріятно и стыдно. Она не могла себѣ представить, какъ бы это она позволила цѣловать себя, обнимать. Чувство отвращенія и какого-то негодованія поднималось въ ней. Все это хорошо въ мечтахъ, но на дѣлѣ ни за что, никогда...

Она встала и тихо пошла къ дому. Вечерѣло. Серебряный серпъ мѣсяца показался изъ-за соборной колокольни. Въ воздухѣ чувствовалась влага. Надо было ждать дождя. Когда Катерина Валеріановна вышла изъ сада на улицу, ей, будто невзначай, попался навстрѣчу Вася Тупицынъ, который уже нѣсколько разъ передъ тѣмъ прошелся по саду, не осмѣливаясь подойти къ дѣвушкѣ.

— Здравствуйте,—радушно окликнула она его. Она чувствовала къ нему симпатію и дружбу. Онъ такъ ей преданъ, такъ старается всячески услужить.

Вася сразу очутился на седьмомъ небѣ.

— Наше глубочайшее-съ... Вотъ неожиданная встрѣча!..

— Проводите меня... Скучно мнѣ что-то...

— Въ вашемъ цвѣтущемъ возрастѣ да при такой, можно сказать... Эхъ, Катерина Валеріановна-съ!..

— А вы такой хорошій, такой чуткій... У васъ хорошая душа, Василій Тимоѳеевичъ...

Вася только схватился за затылокъ.

— Разразили вы меня вашими словами, Катерина Валеріановна...

Они подошли къ дому Кармалиновыхъ и присѣли на лавочкѣ у воротъ.

— Въ чемъ счастье?—будто про себя проговорила дѣвушка.— Мнѣ сейчасъ одинъ человѣкъ сказалъ, что счастье въ страсти, въ забвеніи всего для мига любви... Какъ-то дико мнѣ это.

Вася крякнулъ, чмокнулъ и съ отчаянія, что не можетъ какъ слѣдуетъ выразить своей мысли, махнулъ рукой.

— Счастье-съ?.. Для кого какъ... Для меня бы вотъ было счастье, ежели бы вы приказали мнѣ сейчасъ: «Васька, пришло мнѣ въ голову,—иди ты на колокольню да оттель бултыхни башкой внизъ»... То-есть въ моментъ-съ...

— Ну, вотъ, что еще выдумали!..

— То-есть, вѣрите ли слову, Катерина Валеріановна... оно, конечно, человѣкъ и необразованный... ужъ гдѣ намъ?.. А только, Катерина Валеріановна, ежели къ примѣру... только прикажете, какое угодно мученіе приму и за счастье почту...

Онъ почти не помнилъ себя, задыхался, чувствовалъ, что сердце его готово выпрыгнуть изъ груди...

— Вижу это я давеча: Никодимъ Алексѣевичъ ручку вашу облобызалъ... Вотъ, думаю, счастье человѣку...

— Какъ вы сказали?—перебила она, не слушая послѣднихъ его словъ.—Какъ вы сказазали? мученье принять—счастье?

— То есть, вѣрьте слову: на куски дамъ себя рѣзать и за счастье приму...

— Кира тоже говорила, что страданье принять, это—счастье,— задумчиво сказала она...—Спасибо вамъ, вы такой хорошій...

Она протянула ему руку и онъ съ благоговѣніемъ и трепетомъ принялъ эту руку въ обѣ свои, но поцѣловать не осмѣлился.

— Опять же, Катерина Валеріановна, ежели къ примѣру лужа, а вамъ перейти желательно... «Ложись, Васька, а я моими ножками перейду»... То-есть только прикажите...

Она засмѣялась, немного застыдившись и смѣшавшись, и встала.

— Ну, вотъ вы какія глупости... Прощайте, однако... Еще осудятъ меня, что я сижу здѣсь съ вами...

— Да осмѣлься кто слово сказать... Да я... разражу... Счастливо оставаться... Да я... Ахъ, Господи, Боже мой!..

«Онъ ушелъ, счастливый, упоенный нахлынувшимъ на сердце восторгомъ, опьянѣвшій отъ этого короткаго разговора. Она хвалитъ его, говоритъ, что онъ хорошій. Ахъ, онъ съ наслажденіемъ

бы разбилъ себѣ лобъ вонъ объ эту стѣну въ честь обожаемой Катерины Валерьяновны...

А послѣдняя тотчасъ же и позабыла о немъ, какъ только онъ ушелъ. Она замѣчала все разгоравшуюся, но такую почтительную, наивную любовь Васи Тупицына, и эта любовь и трогала, и стыдила ее. Но помнила она о Тупицынѣ и о любви его только, пока объ былъ у нея на глазахъ...

Она прошла въ свою комнату, сѣла къ окну и при слабомъ свѣтѣ догорающаго дня взялась за свою постоянную работу— вязанье кружева. А мысли ея бѣжали далеко назадъ къ днямъ дѣтства. Она опять переносилась воспоминаніями въ домъ тетки, замѣнившей ей мать, потомъ въ пансіонъ, гдѣ испытала первое горячее чувство любви къ школьной подругѣ, Кирѣ Савищевой, гдѣ понемногу ея полудѣтская мысль стала работать надъ вопросами жизни, надъ назначеніемъ человѣка. Она сильно поддавалась вліянію огнецой, страстной подруги и только не могла понять одного: почему Кира, чѣмъ дальше, тѣмъ все сильнѣе хотѣла какого-то страданія, почему именно въ страданіи она видѣла дверь къ тому великому счастью, о которомъ онѣ обѣ мечтали такъ страстно.

Ей вспомнился одинъ осенній тоскливый вечеръ въ пансіонѣ. Лампъ еще не зажигали, но сѣрая мгла все гуще и гуще наполняла большую комнату съ гулкимъ эхо подъ сводчатыми потолками. Кира и она, Катерина Валеріановна, обѣ уже взрослыя дѣвушки на выпускѣ, обѣ красивыя, свѣжія, нѣжныя и привлекательныя, стояли у крайняго окна и задумчиво глядѣли, какъ дождь, неустанный, однообразный, лилъ изъ сѣрыхъ тучъ на покрытую прозрачной мглой землю. Темноглазая, роскошно развитая Кира, похожая на красавца мальчика съ своими коротко остриженными волосами, порывисто схватила руку подруги.

— Катя, я просто не выношу этого сѣраго, скучнаго неба, этой унылой обстановки... Если бы я не знала, что потомъ будетъ опять свѣтъ, солнце, ясное небо, я бы не стала жить... Я не могу, я не могу жить безъ солнца...

Потомъ, задумавшись, проговорила точно про себя:

— И если жизнь сложится сѣрая, осенняя, я тоже не захочу жить...

Катя невольно оробѣла своей еще дѣтской душой.

— Зачѣмъ такъ думать? Не все же только печали въ жизни...

— Слушай, давай дадимъ клятву другъ другу, что мы никогда не примиримся съ осенью, съ сѣрыми сумерками... Что бы ни случилось, мы пойдемъ въ холодъ, въ ненастье впередъ, далеко, пока не найдемъ яснаго неба, золотого солнца...

Она опять напугала подругу своей восторженностью, и въ то

время Катя не совсѣмъ хорошо поняла ее. Теперь она понимаетъ. Не смотря на это ласковое ясное небо, сѣрая осень, скучная, унылая, окружаетъ ее, а она не знаетъ, куда идти и какъ идти, чтобы опять почувствовать весну, и сіяніе солнца, и блескъ радостнаго дня...

На дворѣ появилась сумрачная Аграфена.

— Зачѣмъ глазки портите, барышня?—съ непривычной у нея лаской въ голосѣ проговорила она.

Катерина Валеріановна положила работу на столикъ и вздохнула.

— Такъ. Задумалась я что-то...

— Рано вамъ, барышня, задумываться... А и то сказать, скучно у насъ здѣсь; скучные мы здѣсь люди, невеселые...

— Правда, Аграфена, скучно что-то...

— Коли не скучно... Живемъ, хлѣбъ жуемъ, а пошто живемъ, и сами не знаемъ... Вотъ, я погляжу, погляжу да и уйду отселѣ...

— Куда? что ты?..

— А я знаю куда... Надѣну на плечи котомочку, возьму въ руки палочку, да и пойду въ Кіевъ-градъ, поклонюсь святымъ мощамъ, а потомъ въ Черниговъ къ угоднику, а тамъ къ Тихону Задонскому... А, можетъ, сподобитъ Господь и въ Іерусалимъ пробраться... Такъ и буду вѣкъ коротать...

— Устанешь, Аграфена, отъ такой жизни...

— Устанешь!.. Нѣтъ, я отъ теперешней устала. Силушки моей нѣтъ... Грѣха-то, грѣха что накопила!.. И все-то живемъ мы въ утробу свою, все-то только плоть свою тѣшимъ... Ахъ, Господи, Владыко!..

Болѣзненное и вмѣстѣ сладкое чувство сжало сердце дѣвушки.

— Аграфена,—позвала она задумавшуюся собесѣдницу.

— Что, барышня милая?

— Возьми и меня съ собой...

— Скажете тоже, барышня!.. Гдѣ-жъ вамъ, такой красавицѣ, да нѣжной, да молоденькой!..

— Нѣтъ, Аграфена, пожалуйста... Я сильна, я смогу...

— Вамъ еще пострадать надо. Вотъ, Богъ дастъ, женишка найдемъ, дѣточекъ заведете, материнское страданіе примите, вотъ, и жизнь найдете хорошую... Нѣтъ, ужъ вамъ зачѣмъ? Грѣха на васъ нѣтъ; вся-то вы какъ цвѣточекъ вешній въ полѣ...

Она еще что-то говорила, но дѣвушка уже не слышала ея словъ. Она задумалась, недоумѣвающая, озабоченная. И Аграфена говоритъ о страданіяхъ. Неужели только страданія ведутъ къ счастью. Гущинъ говоритъ о любви, о страсти, а эта женщина о страданіи. Или любовь и страданіе одно и то же? Или въ любви есть страданіе, которое и даетъ счастіе? Въ настоящее

время у нея нѣтъ ни любви, ни страданія, но зато тоска царитъ въ сердцѣ, и сѣрая осень давитъ душу...

VII.

Къ завтраку Варвара Сергѣевна вышла какъ-то торжественно настроенная. Она молча поздоровалась съ сыномъ, налила себѣ рюмку вина и дала рукой знакъ, что кушать не желаетъ. Она молча наблюдала, какъ сынъ съ обычнымъ у него аппетитомъ уничтожаетъ кушанья, и понемногу на глазахъ ея показались слезинки.

— Дитя мое,—проговорила она дрожащимъ голосомъ,—дитя мое, я могу теперь умереть спокойно. Я до конца исполнила мой материнскій долгъ...

Она утерла глаза надушеннымъ платкомъ, взяла поданную ей чашку кофе и предложила хрипящей отъ жира Амишкѣ кусочекъ сахару.

— Что вы, maman? я не понялъ васъ...

Варвара Сергѣевна немножко разсердилась.

— Не перебивай, когда мать говоритъ...

Потомъ, опять впадая въ чувствительный тонъ, добавила:

— Я устроила твою судьбу.

Туляковъ молча и недоумѣвающе глядѣлъ на нее во всѣ глаза.

— Я получила сегодня утромъ письмо отъ этого стараго путаника Валеріана Николаевича. Онъ согласенъ...

— Maman, право, я ничего не понимаю...

— Прошу не перебивать, когда мать говоритъ!.. Что это за новости?.. Ну, такъ я говорю, дитя мое, что старикъ Кармалиновъ согласенъ выдать за тебя Катю...

Николай Васильевичъ такъ и подпрыгнулъ на стулѣ.

— Ка-акъ?!..—могъ онъ только воскликнуть, но мать рѣшительно не обратила на это восклицаніе никакого вниманіе. Она только искоса взглянула на него сердитыми глазами и продолжала наставительно и строго:

— Денегъ намъ не нужно. Намъ нужно крови, крови. Ты, къ сожалѣнію, не можешь хвалиться кровью, потому что вышелъ весь въ отца... Катина мать была моимъ лучшимъ другомъ, существомъ чистымъ, возвышеннымъ, и съумѣла передать дочери свою кровь. Да и родъ Кармалиновыхъ старинный, хорошій родъ...

— Но, мама, подумайте, что вы дѣлаете... Что же это такъ... сразу?.. И не спросясь меня...

— Это что еще за новости? Что, развѣ я тебѣ зла желаю? развѣ я не о твоемъ счастьѣ забочусь?..

— Мама, да помилуйте... да какъ же это такъ?!..

— Прошу тебя, оставь эти глупѣйшія возраженія. Я давно выбрала тебѣ невѣсту. Еще когда вы оба были дѣтьми. Самъ ты не съумѣешь сдѣлать это толкомъ. Или засидишься въ холостякахъ, или попадешь въ руки какой-нибудь Матрены... Я тебя знаю...

— Но, увѣряю васъ, maman...

— Молчи, молчи и молчи!.. Я не понимаю, о чемъ тутъ даже спорить. Я тебѣ выбрала прекрасную, милую, съ мягкимъ характеромъ дѣвушку. И притомъ съ кровью. Ты бы за счастье долженъ почитать... Даю тебѣ срокъ до завтра. Завтра поѣдешь и будешь просить руки Кати Кармалиновой...

Она встала и величественно вышла изъ комнаты. Николай Васильевичъ такъ былъ ошеломленъ этимъ неожиданнымъ приговоромъ матери, что еще долго сидѣлъ за столомъ, тупо глядя черезъ окно въ залитый зеленью садъ. Чего-чего, но этого онъ не ожидалъ. Мелькала въ его удрученной головѣ мысль о красотѣ Катерины Валеріановны, о томъ, что у нея чудныя, бѣлыя ручки, прелестная шейка, но тоска тотчасъ же заливала эту игривую мысль. На что ему жена? Зачѣмъ ему этотъ камень на шею? Онъ хочетъ свободы, хочетъ жить для себя. Вѣдь, это же безбожно со стороны мамы такъ тиранить его.

«До какого, однако, абсурда можетъ дойти женщина,—думалъ онъ.—Конечно, мама умна, мама знаетъ жизнь и людей, но она женщина и вотъ, желая сыну добра, губитъ его»...

Онъ рѣшился на нѣкоторую сдѣлку съ совѣстью и попытался найти защиту въ Пелагеѣ Ивановнѣ. Онъ завлекъ ее въ кабинетъ, усадилъ въ кресло и разсыпался въ похвалахъ ея уму и сердцу. Пелагея Ивановна молча глядѣла на него съ выраженіемъ лица недовѣрчивой моськи.

— Вы знаете,—началъ онъ,—что мама придумала?

Пелагея Ивановна тотчасъ же поджала губы.

— Генеральша только со мной и совѣтовались.

— Голубушка, отсовѣтуйте ей.

Она замахала руками.

— Что вы, что вы! Нѣшто же можно?..

— Пелагея Ивановна, я васъ поцѣлую...

— Охъ, ужъ скажете тоже!.. Бесстыдники!..

— Но послушайте, Пелагея Ивановна, я вамъ подарю сережки, дорогія, съ камнемъ... И шелковое платье...

Но она рѣшительнымъ жестомъ отмахнула рукой.

— Ужъ кабы можно было, ужъ я бы разстаралась... А тутъ и не заикнусь... Да и чего вы? Такая, можно сказать, красавица, а вы упираетесь...

Тогда онъ рѣшился идти къ матери, цѣловалъ ея руки, сталъ передъ ней на колѣни, но Варвара Сергѣевна только сердилась.

— Мама,—упрашивалъ онъ,—вѣдь, съ моей стороны недобросовѣстно жениться безъ любви, не зная дѣвушки, не зная, нравишься ли ей.

Она даже затопала ногами.

— Твой отецъ тоже женился безъ любви, а, надѣюсь, не каялся... И нечего тебѣ узнавать невѣсты; я за тебя узнала... Ну, а она согласится ли, это вопросъ другой... Постарайся, чтобы согласилась... Словомъ, прошу безъ возраженій...

И столько въ его мягкой, податливой натурѣ было почтительности къ матери, сколько уваженія къ ней, съ дѣтства взлелѣяннаго страхомъ передъ деспотической ея натурой, что онъ пересталъ возражать.

Конечно, онъ совершеннолѣтній и можетъ не послушаться, наотрѣзъ отказаться исполнить это, въ сущности, нелѣпое требованіе. Но, вѣдь, это значитъ поднять цѣлую бурю негодованія, поссориться съ матерью. А онъ далъ себѣ слово беречь старуху мать, которая все прихварываетъ, которой, быть можетъ, недолго и жить-то осталось и которая, наконецъ, совершенно зависитъ отъ него въ денежномъ отношеніи. Было бы низко, недостойно порядочнаго человѣка воспользоваться этой зависимостью. Съ другой стороны, Катерина Валеріановна такъ хороша. Въ сущности, онъ ничего не теряетъ. Онъ скажетъ этой Кармалиновой все откровенно; скажетъ, что исполняетъ только требованіе матери. «Если эта дѣвушка не умна, ну, тогда отдастъ мнѣ руку, а мнѣ наплевать... Чего мнѣ бояться?.. А вѣрнѣе откажетъ»...

Онъ заснулъ на этихъ ободряющихъ мысляхъ, но утромъ опять ужаснулся.

— Мама,—умоляюще началъ онъ за утреннимъ чаемъ,—давайте оставимъ все это...

Она подняла на него глаза, и онъ опять оробѣлъ.

— Право, мама, я совершенно не подготовленъ... Ну, зачѣмъ мнѣ жениться?

— Вы, быть можетъ, хотите мнѣ напомнить, что независимы отъ меня, что скорѣй я живу у васъ изъ милости?..

Онъ бросился цѣловать ей руки.

— Мама, мама!..

— Для тебя мой нравственный покой ничего не значитъ...

— Ѣду, ужъ ѣду... Ужъ не говорите... Ѣду...

Черезъ полчаса онъ, дѣйствительно, ѣхалъ къ городъ. Онъ пытался опять настроить себя на болѣе радостный тонъ и все вспоминалъ о бѣленькихъ ручкахъ Катерины Валеріановны. Но день былъ жаркій и душный; черный сюртукъ и накрахмаленная

сорочка угнетали его, и желчь опять поднималась въ немъ. Кабы этихъ бабъ совсѣмъ на свѣтѣ не существовало, было бы несравненно лучше. Никакого отъ нихъ толку нѣтъ; только жизнь портятъ порядочнымъ людямъ. Правду пословица говоритъ, что баба не человѣкъ, и что не душа въ ней, а паръ...

Угрюмый вступилъ онъ въ кабинетъ Кармалинова, но сейчасъ же съумѣлъ придать лицу болѣе подходящее выраженіе.

— Я пріѣхалъ, Валеріанъ Николаевичъ, повторить то, что уже было изложено въ письмѣ къ вамъ моей матери. Прошу вашего согласія сдѣлать предложеніе Катеринѣ Валеріановнѣ...

Кармалиновъ какъ-то растерянно замоталъ головой, потомъ позвонилъ и велѣлъ позвать дочь. Послѣдняя вошла, слегка удивленная и смущенная.

— Объясняйтесь,—проговорилъ старикъ, кивнувъ гостю на дочь, а самъ повернулся къ окну.

Туляковъ стоялъ передъ дѣвушкой, опустивъ голову и чувствуя, что теряетъ бодрость. Она ждала его словъ, величественная, прекрасная и недоступная.

— Катерина Валеріановна,—глухимъ голосомъ началъ Туляковъ,—я уже имѣлъ честь... изъяснить многоуважаемому... Валеріану Николаевичу...

— А вы прямѣй, проще,—поддерживалъ его Кармалиновъ.

— Однимъ словомъ... я имѣю честь...

— Вотъ такъ, такъ,—опять поддержалъ старикъ.

— Просить вашей руки...

Дѣвушка страшно поблѣднѣла, и гнѣвъ сверкнулъ въ ея черныхъ глазахъ. Она отшатнулась и въ упоръ глядѣла на гостя. Вѣдь, это же дерзко. Даже, кажется, незнакомъ съ ней, и вдругъ предложеніе...

Кармалиновъ подмѣтилъ этотъ гнѣвный огонекъ въ глазахъ дочери и поспѣшилъ на выручку жениха.

— Вотъ что,—проговорилъ онъ,—вы того... оставьте-ка насъ съ ней на минутку...

А когда Туляковъ вышелъ въ залу, онъ обратился къ дочери съ неожиданно мягкими нотами въ голосѣ:

— Катя... Я скоро нищимъ буду... Ѣсть нечего будетъ...

Ея сердце дрогнуло. Вотъ оно, первое страданье, которое встрѣчаетъ ее въ ея самостоятельной жизни. И неужели сейчасъ же нужны уже съ ея стороны жертвы? И какъ тяжела кажется ей эта первая жертва! Какимъ оскорбленіемъ звучитъ въ ея ушахъ это предложеніе незнакомаго ей человѣка! Даже познакомиться не потрудился; высмотрѣлъ товаръ и желаетъ купить.

— Папа,—простонала она,—что же это?

— А ты... пожалѣй... старика-отца... Я... виноватъ передъ тобой... Все прожилъ... Прости отца... Согласись... Ѣсть скоро нечего...

Его голосъ дрогнулъ, глаза затуманились. Онъ вдругъ взялъ руку дочери и прижалъ къ губамъ. Сердце Катерины Валеріановны наполнилось ѣдкой болью. Молча вышла дѣвушка въ залу и остановилась передъ Туляковымъ, негодующая, гордая и прекрасная.

— Вы ждете отвѣта?.. Завтра будетъ...

И, не протянувъ даже руки, прошла въ свою комнату.

VIII.

Остатокъ этого дня Катерина Валеріановна провела, какъ во снѣ. Какая-то страшная тяжесть надавила вдругъ на сердце, тоска, чувство, близкое къ отчаянію, охватило ее. Дѣвушка прошла въ садъ, сѣла на лавку и долго, почти до вечера, сидѣла неподвижная, тупо глядя куда-то вдаль тоскующими глазами. Такъ вотъ что ждало ее вмѣсто великаго, захватывающаго душу счастья, о которомъ она грезила, которое представлялось смысломъ, цѣлью жизни. Выходить замужъ потому только, что это нужно отцу; связать навѣки свою судьбу съ судьбой совершенно незнакомаго человѣка; все это казалось ей чѣмъ-то невыразимо уродливымъ, постыднымъ. Гнѣвъ на Тулякова охватывалъ ее все болѣе и болѣе. Что онъ, этотъ непрошенный женихъ,—просто ли ничтожность, котораго женятъ, какъ женили нѣкогда въ купеческой средѣ по выбору родителей, или это шелопай, которому нѣтъ дѣла до чувствъ женщины, который не хочетъ и думать о томъ, что и у женщины есть сердце, самолюбіе, гордость?..

Она ненавидѣла Тулякова, а сама чувствовала, что не будетъ въ силахъ устоять передъ просьбой отца, что жалость къ этому странному для нея, почти чуждому человѣку, который такъ униженно молилъ у нея милости для него перевѣситъ ненависть къ Тулякову, отвращеніе къ нежданному и позорному браку.

Когда уже стало смеркаться, она порывисто встала, накинула на голову чадру и прошла къ Гущинымъ. Никодимъ Алексѣевичъ былъ дома и внимательно раскладывалъ пасьянсъ, вооруживъ глаза черепаховымъ пенснэ, изящно одѣтый, пахнущій духами, красивый, моложавый.

— А!—воскликнулъ онъ, поднимаясь навстрѣчу гостьѣ.—Здравствуйте... Что вы такая блѣдная?..

— Я къ вамъ,—проговорила дѣвушка.—Мнѣ надо съ вами

посовѣтоваться... Боже мой! Никого-то у меня нѣтъ, никто мнѣ не подастъ помощи...

Онъ совсѣмъ встревожился.

— Что такое? Вы меня пугаете...

Они прошли въ кабинетъ Гущина и сѣли у окна.

— Меня замужъ выдаютъ, принуждаютъ,—проговорила Катерина Валеріановна, еще болѣе блѣднѣя.

И наскоро, дрожащимъ голосомъ, путаясь въ словахъ, волнуясь отъ негодованія, разсказала всю сцену предложенія. Гущинъ зажмурилъ глаза и нервно теръ лобъ бѣлой, сверкающей перстнями рукой.

— Эхъ, больно даже слышать, что не будетъ уже прелестной, идеальной этой дѣвушки,—съ чувствомъ проговорилъ онъ.

Потомъ взялъ ея руку, погладилъ и поцѣловалъ.

— Вѣдь, вы поэзія моей жизни... Я молодѣю сердцемъ, когда гляжу на васъ... Не выходите за него, ma belle...

Какая-то робкая надежда постучалась въ ея сердце.

— А отецъ-то?.. Какъ онъ жалко молилъ меня... Говоритъ, что ѣсть ему скоро нечего... Ахъ, помогите, научите...

Онъ отпустилъ ея руку и откинулся на спинку кресла.

— Да... Дѣла у него неважны .. И знаете, невесело стать его зятемъ... Вѣдь, онъ сколько состояній скушалъ!.. Вы и представить себѣ не можете, что онъ проживаетъ исключительно на себя.

— И дѣйствительно... ему нѣтъ... выхода?

— Никакого... Да и вамъ тоже...

— Ахъ, что обо мнѣ говорить... Мнѣ ничего не нужно... Я въ монастырь уйду...

— Ну, это все фантазіи... Дитя вы еще, несмышленочекъ... Эхъ, кабы я... Ну, да что толковать... А знаете, въ сущности выходъ не дуренъ. Этотъ Туляковъ хорошій малый, простой...

— Но я его совсѣмъ не знаю... Я его, кажется, и не видала никогда.

— Его и знать нечего. Онъ весь, какъ на ладонкѣ. Страшно молодъ, хочетъ жизни, свободы, что называется, не перебѣсился. Я люблю такихъ... Вотъ мамаша у него такъ ой-ой!.. Нѣтъ, ничего, выходите за него...

Сердце Катерины Валеріановны опять упало.

— Это вашъ совѣтъ?

— Да.

— Но, вѣдь, это же ужасно!..

— Нѣтъ, полноте. Сколько дѣвушекъ сочли бы себя счастливыми. Женихъ молодъ, богатъ, собой не дуренъ. И притомъ не

глупый, образованный, очень добрый, съ мягкимъ характеромъ. Вотъ maman наша, ну, да не вѣчно ей жить...

Дѣвушка совсѣмъ побѣлѣла.

— И выхода нѣтъ?—прошептала она.

— Повѣрьте, это отличный отличный выходъ изъ положенія... Но жаль васъ терять, охъ, какъ жаль...

Онъ опять протянулъ руки, чтобы взять ея руку, но Катерина Валеріановна не замѣтила его движенія. Она встала, кивнула ему головой и вышла изъ дому.

Ночь находила тихая, торжественная. Шумъ дневной умолкъ, и только гдѣ-то въ сторонѣ чуть слышно журчалъ серебромъ ручей, сбѣгая къ рѣкѣ холодной струей. Звѣзды зажигались въ темнѣющей лазури и будто все что-то шептали, будто говорили о какой-то тайнѣ.

Катерина Валеріановна присѣла у порога своего дома, подняла глаза къ звѣздамъ, и слезы неудержимо полились по ея щекамъ. Зачѣмъ не умерла она раньше, чѣмъ жизнь стала посылать ей горе, испытанія? Зачѣмъ въ душу ея заложена такая жажда счастья, когда на счастье нѣтъ надежды, когда печаль подстерегла ее при самомъ вступленіи въ самостоятельную жизнь? И опять дѣвушка горько плакалась на вторгнувшагося въ ея жизнь Тулякова и винила его, ненавидѣла...

Когда онъ на другое утро пріѣхалъ за отвѣтомъ, она встрѣтила его съ суровымъ видомъ, свысока гордая, презирающая.

— Идите за мной,—отрывисто проговорила она и пошла въ садъ.

Она сѣла на скамью, но его не пригласила садиться, и онъ стоялъ передъ ней, смущенный, оробѣвшій и униженный.

— Что васъ побуждаетъ дѣлать ваше... предложеніе?—сказала она все попрежнему жесткимъ, уничижающимъ голосомъ.— Вѣдь, вы меня совсѣмъ не знаете...

Онъ еще ниже опустилъ голову.

— Я вамъ откровенно скажу: я не могу, не въ силахъ противиться волѣ матери... Она приказала, я повинуюсь.

— Очень лестно для меня...

— Простите... не обижайтесь... Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, мы совершенно не знаемъ другъ друга...

Онъ говорилъ такъ искренно, такъ простодушно и съ такимъ достоинствомъ, что она невольно смягчилась.

— Я не обижаюсь... Ну?.. на что же вы надѣетесь? Стерпится—слюбится? Такъ?.. Предупреждаю, я вамъ буду совершенно чужой... Я никогда, слышите, никогда не внесу въ вашу жизнь ни тѣни чувства. Я никогда не забуду, никогда не прощу, *вамъ* не

прошу, что меня высмотрѣли и сторговали, какъ товаръ на рынкѣ. Вы всегда будете для меня болѣе чужой, чѣмъ кто-либо. Я васъ просто не буду замѣчать... Ну? нужна я вамъ такая?

— Я все приму, какъ должное... Вы знаете, почему я прошу вашей руки...

Она совсѣмъ смягчилась и знакомъ пригласила его сѣсть около нея.

— Мнѣ жаль васъ... Говорятъ, что вы хорошій человѣкъ... Подумайте, какъ вы губите себя... Откажитесь отъ вашихъ словъ. Умоляю васъ, откажитесь...

— Откажитесь вы. Вамъ легче это сдѣлать, вы самостоятельнѣе...

— Нѣтъ, я должна согласиться... Меня отецъ не принуждаетъ, а проситъ, умоляетъ... Я жертву приношу, я продаю себя.

— А я... я не могу спорить съ матерью...

— Но это же позорно! Что за рабство? Вы взрослый...

Онъ пожалъ плечами.

— Эта зависимость сложилась давно... Съ дѣтства такъ... И отецъ былъ такой же подневольный. А теперь, какъ я буду спорить. Ей и жить-то осталось немного, и вдругъ я отравлю ея послѣдніе дни. Вѣдь, она состарилась на этомъ самовластіи.

Катерина Валеріановна помолчала немного.

— А знаете ли вы,—проговорила она измѣнившимся голосомъ,—понимаете ли, что мы оба совершаемъ очень гнусное дѣло?.. А? какъ вамъ думается?

Онъ только вздохнулъ.

— Пожалуй, красиваго въ этомъ немного. Но, вѣдь, мы ничѣмъ особенно не свяжемъ себя. Измѣнятся обстоятельства, я устрою разводъ. Торжественно обѣщаю вамъ подчиниться всѣмъ вашимъ требованіямъ и дальше необходимаго не томить васъ этими ненавистными вамъ цѣпями...

— И вамъ тоже...

— Ну!.. Въ случаѣ чего, я сейчасъ же разводъ...

— Послушайте, мнѣ себя жаль, а васъ вдвое... Помните, я не отступлю отъ своихъ словъ. Я васъ не буду знать, не буду замѣчать...

— Все принимаю. Это мнѣ наказаніе за мое малодушіе, за то, что не съумѣлъ, когда еще было можно, стать независимымъ...

Она глубоко вздохнула, потомъ страшно поблѣднѣла.

— Ну, если такъ... я... согласна...

Онъ почтительно поцѣловалъ ея руку и всталъ.

— Еще одно слово. Я приношу жертву отцу; вы должны согласиться обезпечить его жизнь...

— Даю слово.

— О, какъ это тяжело! Какое униженіе, какъ я преступна!.. Ну, довольно, довольно... Итакъ, мы женихъ и невѣста... Уговоритесь тамъ... Я ни во что, ни во что не вмѣшиваюсь... Я ничего не хочу знать, когда и какъ. Скажутъ мнѣ: сегодня вѣнчаться,—поѣду... А вы постарайтесь бывать у насъ до свадьбы настолько часто, чтобы не вышло какихъ пересудовъ... Но не чаще. И когда будете пріѣзжать, меня не вызывайте, со мной по возможности не говорите... Играйте съ отцомъ въ шашки; онъ любитъ... А я вамъ чужая, чужая... Вотъ мои условія. Хотите принимайте, хотите нѣтъ. Теперь прощайте...

Она встала и направилась къ дому. Туляковъ принималъ слова ея, какъ пощечины, чувствовалъ себя униженнымъ, уничтоженнымъ. Мелькавшая за послѣднее время мысль о красотѣ Катерины Валеріановны теперь совершенно исчезла. Онъ ненавидѣлъ эту такъ больно оскорблявшую его дѣвушку и жалѣлъ себя, только одного себя.

«Ну, что же,—думалъ онъ,—мать увидитъ, что мы живемъ какъ кошка со собакой, и согласится на нашъ разводъ. А тогда я добьюсь его, хотя бы супруга моя и была противъ того»...

Онъ прошелъ въ кабинетъ къ старику Кармалинову и сухо доложилъ ему:

— Ваша дочь приняла мое предложеніе...

Валеріанъ Николаевичъ тупо посмотрѣлъ на него.

— Ну, и ладно... Матери скажите, что я радъ... Тамъ насчетъ свадьбы... того... уговоритесь...

— Вы мнѣ позволите быть вамъ... полезнымъ... Я обѣщалъ Катеринѣ Валеріановнѣ...

Глаза Кармалинова слегка загорѣлись.

— Дворянинъ Кармалиновъ помощи не принимаетъ... Столбовой... Мнѣ о дочери шло... Не чужая...

Туляковъ молча поклонился и направился домой.

IX.

Свадьба была назначена на двадцать пятое августа. Знакомые поздравляли Катерину Валеріановну, говорили, что она дѣлаетъ во всѣхъ отношеніяхъ блестящую партію. Вѣра и Любочка Гущины съ ногъ сбились, осматривая спѣшно готовящееся приданое, выбирая для невѣсты матеріи, полотна, кружева, соборные пѣвчіе каждый день разучивали концертъ; предводительскій поваръ уже два раза ѣздилъ въ губернскій городъ за винами и закусками, а сама невѣста не принимала во всѣхъ этихъ заботахъ ни малѣйшаго участія. Тупое равнодушіе, апатія, духовная дремота охватили ее съ нежданной силой, и дѣвушка порой позабывала, гдѣ

она и что съ ней. Кто пріѣхалъ?—женихъ. Ахъ, да, вѣдь у ней есть женихъ, тотъ высокій, полный, съ окладистой бородой мужчина, котораго она припоминаетъ какъ сквозь сонъ. Это женихъ, и скоро будетъ свадьба, и у нея будетъ мужъ. Въ этомъ есть что-то невыразимо грустное; какая-то печаль связана у нея съ представленіемъ о женихѣ, но она и этого не можетъ себѣ уяснить. Она опять погружается въ душевную спячку, живетъ прошлымъ, видитъ себя дѣвочкой-подросткомъ и горячо бесѣдуетъ съ Кирой Савищевой о пробуждавшихся запросахъ сердца и разума. И все чаще и чаще прерывала эти мечты страшнымъ вопросомъ: «А такъ ли я живу? а что я сдѣлала до сихъ поръ хорошаго, правильнаго въ жизни?»

Она холодѣла, сознавая, что отвѣтъ на эти вопросы можетъ быть лишь одинъ—отрицательный. Это не жизнь; это праздникъ, отдыхъ безъ предшествующихъ дней труда, а потому томительный, удручающій. Но какъ жить, въ чемъ жизнь, она не знала, никогда не знала. Но надо узнать, надо разспросить, научиться, прочитать гдѣ-нибудь. Надо бы Киру повидать; Кира такая умная, и навѣрное теперь уже узнала и живетъ, какъ надо, и счастлива. Необходимо надо узнать, потому что надо счастья, потому что цѣль всего—это счастье. И оно есть, оно гдѣ-то впереди, недалеко; стоитъ сдѣлать къ нему вѣрный шагъ, и оно явится сразу, всепобѣждающее, лучезарное... Но потомъ она сразу вспоминала о дѣйствительности и падала духомъ. Ничего не надо, не о чемъ заботиться. Жизнь окончена; вопросовъ больше нѣтъ; лучезарное счастье не придетъ никогда, никогда...

Послѣ сѣраго, унылаго дня наступилъ холодный, ненастный вечеръ. Былъ канунъ дня, назначеннаго для свадьбы.

Валеріанъ Николаевичъ еще въ сумерки ушелъ на обычную партію винта; въ комнатѣ было тихо и темно. Невѣста ходила по залѣ скорбная, апатичная. Хотѣлось заплакать, а слезъ не было, Грудь болѣла; сердце сосала тоска. Дождь билъ въ стекла оконъ; вечеръ надвигался сплошною угрюмою тьмой. Аграфена внесла въ залу свѣчу, спросила, ставить ли самоваръ и, получивъ отрицательный отвѣтъ, ушла. А эта зажженная свѣча, озарявшая большую комнату неровнымъ, колеблющимся свѣтомъ, придала дому еще болѣе унынія. На дворѣ шумѣла непогода; дождь лилъ все сильнѣй и сильнѣй и не хотѣлъ перестать...

Старинные, въ огромномъ краснаго дерева футлярѣ, часы медленно и томительно пробили одиннадцать разъ. Невѣста взяла свѣчу и прошла въ свою комнату. Тамъ она сѣла передъ зеркаломъ и стала вглядываться въ свое отраженіе. Прекрасное лицо исхудало, потемнѣло; глаза потухли, окружились синевой. Какой-то тупой гнѣвъ поднялся изъ глубины сердца дѣвушки. Она нена-

видѣла въ эту минуту себя, свое тѣло, молодость, красоту. Въ порывѣ внезапно налетѣвшаго безумнаго отчаянія схватила она себя за грудь, рвала платье, сорочку, царапала нѣжное, прекрасное тѣло. Ей будто хотѣлось уничтожить эту красоту, состарить молодую, еще не вполнѣ развитую грудь. На что все это? Ничего не надо; жизнь окончена...

Порывъ проходилъ, наступалъ упадокъ силъ. Дѣвушка пересѣла на кровать, прилегла и заснула...

Свѣча догорѣла и, вспыхивая слабымъ синеватымъ пламенемъ, потухла. Сквозь опущенныя шторы пробивался робкій разсвѣтъ. А дождь, не умолкая, лилъ на землю...

Катерина Валеріановна проснулась вдругъ и сразу сѣла на постели, припоминая что-то страшно тяжелое, но неизбѣжное. И вдругъ припомнила: это утро—послѣднее утро ея дѣвической жизни; отъ сегодня уже нѣтъ болѣе надеждъ на счастье, нѣтъ грёзъ молодости. Мракъ и тоска; безпросвѣтная, унылая жизнь.

Катерина Валеріановна встала, порылась въ столикѣ и вынула оттуда пачку писемъ. Она знала содержаніе ихъ наизусть. Это были письма Киры, полныя молодыхъ, наивныхъ разсужденій о цѣляхъ жизни, о назначеніи человѣка, мечтаній о счастьи, сладкихъ грёзъ.

Эти письма были для Катерины Валеріановны чѣмъ-то дорогимъ, почти священнымъ. Но теперь они не нужны, потому что все кончено, не о чемъ больше мечтать. И она, не колеблясь зажгла свѣчу и одно за другимъ сожгла надъ тазомъ всѣ эти письма. Но когда почернѣлъ, потухъ послѣдній листокъ, печаль съ удвоенною силой охватила душу дѣвушки. Давно жданныя слезы хлынули, наконецъ, изъ глазъ. Съ глухимъ стономъ опустилась Катерина Валеріановна на колѣни, припала головой къ постели и плакала неудержно, отчаянно...

День все болѣе и болѣе осиливалъ ночную тьму; вѣтеръ утихъ, но дождь, не переставая, шелъ однообразно и тоскливо. Это начинался первый брачный день Катерины Валеріановны...

Былъ еще одинъ человѣкъ, который усиленно тосковалъ въ ожиданіи свадьбы Катерины Валеріановны.

— Послушай, Вася,—сказалъ Гущинъ, зайдя на домъ къ Тупицыну.—Такъ, братъ, нельзя. Лавка у тебя сколько вонъ времени все заперта; приходится забирать у другихъ...

— Одно слово, загулялъ Васька... Дозвольте налить коньячку...

— Оставь... Ты и то, видно, полбутылки ужъ высосалъ...

— Теперича Вася Тупицынъ загулялъ... Теперича многое можетъ произойти. И первымъ дѣломъ полицейскому надзирателю неповиновеніе и протоколъ. Властямъ не повинуемся. Секретарю

въ ухо. Опять протоколъ. Въ «Портъ-Артурѣ» всю посуду вдребезги... Эхъ, пропадай все!..

— А ты полно, дурачина; парень ты хорошій, а все глупостями занимаешься...

— Не могу, Никодимъ Алексѣичъ, потому сердце все въ клочьяхъ. Вѣрите ли слову, Никодимъ Алексѣичъ, вторую недѣлю пью, и тоски запить не могу... Сердце-то, Никодимъ Алексѣичъ, и у насъ есть, даромъ, что необразованные...

Въ тотъ же вечеръ Вася засѣдалъ съ компаніей какихъ-то писарьковъ во вновь открытомъ трактирѣ «Портъ-Артурѣ», пилъ пиво и пускалъ на улицу пустыми бутылками.

— Купецъ, не хорошо, не приказано,—неувѣренно говорилъ подъ окномъ городовой.

— Кто мнѣ смѣетъ не приказать?—возражалъ Вася и усиливался плеснуть пивомъ въ лицо полицейскому.

— Гляди, фараонова мышь!.. Увертливъ, прохвостъ... Ну, лови!..

Онъ пустилъ прямо стаканомъ. Составленъ былъ новый протоколъ...

Въ самый день свадьбы Кармалиновой Вася уныло ходилъ по базару и старался опрокидывать лотки и столы продавцовъ. Между торгующими послышался ропотъ.

— Это что же за манера, за такая?

— Ишь, словно съ цѣпи сорвался!..

— И впрямь, бѣлены, видно, объѣлся.

— Въ часть его свести, и все тутъ...

Вася двигался впередъ съ задумчивымъ видомъ.

Огромный рыжій мужчина, какъ пудрой, усыпанный мукой, выдвинулся впередъ и сдѣлалъ свирѣпое лицо.

— А ты не безобразь,—кричалъ онъ,—мы-те, братецъ, такъ шею накостыляемъ, что до свадьбы не забудешь...

Вася посмотрѣлъ на него осовѣлыми глазами, подавшись слегка назадъ и раскрывъ ротъ. Потомъ съ какой-то грустью въ лицѣ медленно и плавно отвелъ руку и вдругъ закатилъ говорившему пощечину. Тотъ даже за шапку схватился отъ изумленія.

— Нѣтъ, ты постой, нѣтъ, погоди,—заоралъ онъ, опомнившись и бросаясь вслѣдъ за Васей, который уже шелъ дальше.—Драться нонѣ не приказано.

Вася круто повернулся и сталъ грозно наступать на него.

— Повтори, какое ты слово сказалъ!.. Повтори или погибни, несчастный!..

— Какое-те слово?.. Нѣтъ, ты не смѣй озорничать... Братцы, будьте свидѣтелями... Грозитъ...

Кругомъ собиралась толпа. Въ заднихъ рядахъ зловѣще шумѣли; слышались угрозы. Впереди стоящіе съ жаднымъ любопытствомъ слушали, что будетъ.

— Нѣтъ, ты повтори, что сказалъ,—продолжалъ Вася, сверкая глазами и дрожащимъ голосомъ.—До свадьбы?.. Это я-то... я... до свадьбы?.. Свинья ты полосатая... Не понимаешь, что «увялъ младый пѣвецъ»... Николи свадьбы... моей... не бывать...

Его лицо вдругъ перекосилось; онъ схватился обѣими руками за виски и громко заплакалъ. Въ толпѣ послышался будто вздохъ; какая-то женщина ахнула; потомъ послышались сочувственныя, въ общемъ одобрительныя замѣчанія.

— Нарѣзался, видно, здорово...

— Налимонился...

— Водка-те, кого хошь, осилитъ...

— Ишь убивается парнишка..

Вася поднялъ голову и сердито крикнулъ рыжему мучнику, хватая его за рукавъ.

— Идешь!..

— Отвяжись, оглашенный,—возразилъ было тотъ, но тотчасъ же умолкъ, смягченный и тронутый: Вася тащилъ его прямо въ «Портъ-Артуръ»...

П. Булыгинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЛАМЕНЕ И ЕГО ВРЕМЯ.

I.

«Все, что я знаю, все, что я могу,—я слагаю у вашихъ ногъ» *). Съ такими восторженными словами обращался къ аббату де-Ламене будущій перъ Франціи, молодой и пламенный католическій ораторъ, графъ де-Монталамберъ. Это было въ началѣ тридцатыхъ годовъ, когда Ламене основывалъ свою газету «L'Avenir». Но еще ранѣе вліяніе, пріобрѣтенное геніальнымъ католическимъ писателемъ, было громадное «магическое», какъ отзывается другой его ученикъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи знаменитымъ доминиканскимъ проповѣдникомъ, Лакордеръ. Еще наканунѣ двадцатыхъ годовъ, когда вышелъ первый томъ «Опыта о религіозномъ индифферентизмѣ», католики провозгласили Ламене «современнымъ Боссюэ», «католическимъ Руссо». Не меньшей славой пользовался онъ и позже, когда, покинувъ ряды ультрамонтанской партіи, Ламене примкнулъ къ республиканской демократіи. «Вами поручено мнѣ печатаніе одной книги г. Ламене, которая надѣлаетъ много шума,—говорилъ Сентъ-Беву типографщикъ Плассанъ по поводу «Словъ одного вѣрующаго».—Мои рабочіе не могутъ набирать ее, не увлекаясь и не приходя въ восхищеніе. Вся типографія взбудоражена. Я—другъ правительства и не желаю поставить свое имя подъ этимъ изданіемъ» **). Такое же «увлеченіе» и «восхищеніе» вызывалъ Ламене и среди широкой публики.

Но слава Ламене не ограничивалась одной Франціей. Она переходила далеко за ея границы. О немъ бесѣдовали и спорили въ заграничныхъ литературныхъ кругахъ и въ дипломатическихъ салонахъ. Въ послѣднихъ, пока Ламене былъ еще ярымъ католикомъ, его называли «величайшимъ писателемъ нашего времени» (слова Каподистріи), но впослѣдствіи Меттернихъ не находилъ достаточно ироническихъ словъ, чтобы уязвить «якобинскаго аббата». Въ то время Ламене сталъ идоломъ демократической молодежи, и когда въ Парижѣ его памфлеты выходили новыми и новыми изданіями, въ Петербургѣ, въ кружкѣ

*) „L'école Manaissienne. Montalambert", par M-gr Ricard. Paris. 1884, p. 51.
**) Ste-Beuve. „Portraits contemporains", p. 41.

петрашевцевъ, Милюковъ читалъ переведенныя на церковно-славянскій языкъ главы изъ «Словъ одного вѣрующаго» *). Но Ламене оказывалъ вліяніе на русскую общественную мысль и раньше, будучи еще только авторомъ «Опыта о религіозномъ индифферентизмѣ». И дѣйствительно, какимъ писателемъ могъ вдохновляться Чаадаевъ **), если не тѣмъ представителемъ католической мысли во Франціи двадцатыхъ годовъ, который оставилъ далеко позади себя и Бональда, и де-Местра, и къ которому послѣдніе сами относились съ почтительнымъ уваженіемъ? «Буря, которую вызываютъ разсѣянныя по всей землѣ страницы Ламене—писалъ его современникъ Лемони въ своей «Galerie des Contemporains»—такая же, какъ бури, которыя когда-то подымали грозныя буллы Григорія VII, мятежническіе тезисы Лютера, а въ наше время пламенныя рѣчи О'Коннеля».

Является вопросъ: чему обязанъ былъ Ламене тѣмъ обаяніемъ и энтузіазмомъ, которые онъ вызывалъ у однихъ, и ужасомъ и отвращеніемъ, которыми встрѣчали его у другихъ? Если смотрѣть на сочиненія Ламене—безразлично, какого періода его жизни—нельзя сказать, чтобы они отличались глубиной теоретической мысли. Да и великіе мыслители вообще мало доступны широкой публикѣ, и поэтому такъ мало среди нихъ такихъ, которые при жизни еще пользовались бы большой извѣстностью. Наоборотъ, воздѣйствіе, которое оказывали сочиненія Ламене на публику, было непосредственнымъ. Его сочиненія, за исключеніемъ философскаго трактата «Esquisse d'une philosophie», вышедшаго въ началѣ сороковыхъ годовъ и оставшагося незаконченнымъ, были доступны всякому среднему читателю, а его памфлеты назначались для самой широкой публики. Онъ былъ въ полномъ смыслѣ слова *народнымъ писателемъ*. Тутъ онъ и являлся выразителемъ нуждъ и стремленій своего времени или, лучше сказать, тѣхъ партій, къ которымъ онъ принадлежалъ въ различные періоды своей жизни.

Наконецъ, мы должны принять во вниманіе и страну, и эпоху, въ которую онъ дѣйствовалъ, чтобы понять весь громадный историческій интересъ, который представляетъ еще и теперь Ламене.

Въ исторіи современной цивилизаціи Франція останется классической страной общественныхъ движеній. Въ ней больше, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ, общественные классы имѣли историческую возможность совершить свое полное развитіе, выработать подходящія имъ формы общежитія и создать законченную идеологію. Полное развитіе этой идеологіи относится именно къ реставраціи и іюльской монархіи, когда жилъ и писалъ Ламене. Не говоря уже о другомъ, достаточно сказать, что съ именемъ Ламене связано появленіе ультрамон-

*) „Русская Старина" 1886 г. т. XXX, стр. 694—698.

**) А. Пыпинъ указываетъ на знакомство Чаадаева съ кружкомъ Свѣчиной, однимъ изъ посѣтителей которой былъ и Ламене.

танства, съ одной стороны, и такъ называемаго христіанскаго соціализма, съ другой,—два теченія, съ которыми приходится считаться и въ наши дни, чтобы еще увеличить интересъ къ ихъ самому блестящему представителю.

Но своимъ идеямъ Ламене умѣлъ придать извѣстную привлекательность и тѣми пріемами обоснованія, въ которыхъ онъ, какъ увидимъ, дѣйствительно, является новаторомъ, а точно также своимъ выходящимъ изъ ряда писательскимъ талантомъ. Какъ стилистъ, Ламене одинъ изъ первыхъ, если не самый первый представитель общественно-политической литературы девятнадцатаго столѣтія. Его великолѣпной прозой, удовлетворяющей и самый изысканный вкусъ, не могли не увлекаться не только его друзья, но и его враги. Поэтому не нужно считать преувеличеніемъ слова Ренана: «Мы обязаны Ламене нѣсколькими десятками страницъ изящнаго стиля—самыхъ лучшихъ въ наше столѣтіе *).

II.

Въ литературѣ уже стало избитымъ мѣстомъ положеніе, что во всякомъ творчествѣ отражается среда, окружающая писателя, но эта среда преломляется черезъ психологію данной геніальной личности, что и накладываетъ на произведеніе глубокій индивидуальный отпечатокъ. Степень и характеръ таланта, темпераментъ автора, какъ и всѣ тѣ элементы, составляющіе основу его чувствующаго и мыслящаго «я», его нравственной и интеллектуальной физіономіи, сказываются всецѣло на его произведеніяхъ. Безъ знанія этого внутренняго міра писателя его творчество останется для насъ непонятнымъ. Въ частности по отношенію къ Ламене остались бы непонятными и тѣ перемѣны въ его взглядахъ и симпатіяхъ, въ которыхъ его такъ часто упрекали, а также и его стиль—не напрасно говорятъ: le style c'est l'homme—и вообще весь характеръ его дѣятельности.

Какіе мотивы являются основными, преобладающими въ психологіи Ламене? На этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ отвѣтъ: аффекты преобладаютъ у него надъ критической мыслью. Нельзя лучше оттѣнить эту черту его психологіи, какъ сравнивъ Ламене съ другимъ дѣятелемъ той же эпохи, знакомымъ уже читателямъ нашего журнала, а именно съ Сенъ-Симономъ. Геніальный умъ постоянно держалъ Сенъ-Симона на одномъ и томъ же наблюдательномъ посту, съ котораго онъ смотрѣлъ на людей и событія съ глубокимъ интересомъ и въ то же самое время съ хладнокровіемъ математика, рѣшающаго какую-нибудь задачу. Онъ жилъ для человѣчества, но не жизнью человѣчества. Ламене, наоборотъ, живетъ своимъ сердцемъ, своими чув-

*) Ernest Renan. „Lamennais“ („R. des Deux mondes“, Août, 1857).

ствами, онъ смотритъ на міръ сквозь призму своего субъективнаго настроенія, онъ смотритъ на него, какъ поэтъ, ищущій во внѣшнихъ событіяхъ объекта для изліянія своего лиризма.

Всѣ свидѣтели жизни Ламене представляютъ его намъ человѣкомъ съ слабой физической организаціей, но съ сильно развитой нервной возбуждаемостью. Родившійся до нормальнаго срока, онъ сохранилъ на всю жизнь нервный физическій недугъ, проявлявшійся въ «частыхъ припадкахъ, сопровождаемыхъ спазмами». Маленькій, худощавый, съ слабымъ, едва слышнымъ голосомъ, съ взглядомъ, постоянно направленнымъ «внутрь себя»—вотъ какъ описываютъ Ламене его современники. Еще съ дѣтства онъ проявляетъ склонность къ уединенію, къ созерцательной жизни и къ разсудочности. «Онъ отличался странной лихорадочной пылкостью,—пишетъ его внукъ Блэзъ,—слѣдствіе экзальтированнаго и пылкаго темперамента. Онъ былъ въ дѣтствѣ капризенъ и раздражителенъ и отдавался приступамъ гнѣва, которые часто заканчивались обмороками». О своихъ обморокахъ говоритъ нерѣдко и самъ Ламене, напр., въ письмѣ къ Витролю отъ 28-го іюня 1827 г.

«Онъ родился резонеромъ, — пишетъ тотъ же Блэзъ. — Когда онъ долженъ былъ принять первое причастіе, онъ вспомнилъ прочитанные имъ доводы противъ этого акта, которые не мало должны были поразить священника, приготовлявшаго его къ воспріятію этого таинства. Они начали спорить, примѣшалось личное самолюбіе, и въ результатѣ получилось то, что Ламене не захотѣлъ уступить; причастіе было отложено». Жить далеко отъ внѣшнаго міра, среди своихъ любимыхъ авторовъ, отдаться всецѣло своимъ мыслямъ,—вотъ сокровенное желаніе Ламене. «То, что составляетъ мою радость въ глуши нашихъ лѣсовъ, это—возможность стоять вдали отъ всѣхъ этихъ бурныхъ сценъ,—пишетъ Ламене въ письмѣ отъ 26-го февраля 1815 г., имѣя въ виду парижскія событія.—Я слышу, какъ бушуютъ вдалекѣ отъ меня человѣческія страсти, и если этотъ шумъ меня и не усыпляетъ, онъ, по крайней мѣрѣ, меня никогда и не будитъ. Я живу съ мертвыми и нахожу въ большинствѣ случаевъ ихъ несомнѣнно болѣе пріятными, чѣмъ живыхъ людей».

На самихъ же живыхъ людей Ламене [въ своихъ встрѣчахъ производилъ впечатлѣніе какого-то отшельника. Въ его манерахъ виденъ былъ человѣкъ, выросшій среди книгъ и далеко отъ жизни, человѣкъ «не отъ міра сего». «Если бы вы видѣли этого человѣка съ такимъ хрупкимъ тѣломъ,—пишетъ Лемони,—съ худымъ и болѣзненнымъ лицомъ, на которомъ лежитъ отпечатокъ страданія и покорности судьбѣ, подымающаго время отъ времени на васъ свой застѣнчивый и затуманенный взглядъ, говорящаго голосомъ настолько слабымъ, что вы его едва слышите, погруженнаго въ глубокое внутреннее созерцаніе, «смотрящаго внутрь себя», вы съ трудомъ повѣрили бы, что въ этомъ

жалкомъ тѣлѣ вы имѣете предъ собою одного взъ величайшихъ агитаторовъ нашего времени, священника, который приводитъ въ волненіе массы, не имѣя иного средства, кромѣ своего пера». Этотъ портретъ пополняется Wiseman'омъ—будущимъ англійскимъ кардиналомъ и авторомъ извѣстнаго католическаго романа «Fabiola». «Трудно объяснить себѣ,—пишетъ Wiseman,—скрытыя причины того вліянія, которое оказывалъ Ламене на людей. Его видъ, его фигура не представляли собою ничего внушительнаго... Онъ былъ лишенъ всякой внѣшней красоты, если бы не его слово—могучій органъ, посредствомъ котораго въ чудной послѣдовательности выливались наружу его ясныя, сильныя и глубокія мысли. Въ разное время я нѣсколько разъ имѣлъ съ нимъ долгія бесѣды и всегда находилъ его такимъ же... Ничтожный вопросъ вызывалъ у него приливъ мыслей, внезапный и ровный потокъ которыхъ, безъ всякой ряби на поверхности, напоминалъ свѣжій ручей среди спаленныхъ жарою луговъ. Онъ разсматривалъ свой объектъ въ цѣломъ, затѣмъ раздѣлялъ его на части, какъ сдѣлали бы Массильонъ или Флешье, и въ той же самой симметріи. Затѣмъ, приступая къ каждой изъ этихъ частей, онъ не оставлялъ ихъ раньше, чѣмъ онѣ не были развиты, объяснены и доказаны; лишь тогда онъ подходилъ къ заключенію. Его рѣчь была тиха и немного монотонна; но зато у него рѣдко бывали колебанія или перерывы. Его фразы были такъ красивы и такъ хорошо отшлифованы, что, если бы вы закрыли глаза, то могли бы подумать, что онъ вамъ читаетъ готовое, законченное послѣ долгихъ трудовъ, сочиненіе».

Той же красотой и внѣшней симметріей отличались и сочиненія Ламене, но именно ихъ слишкомъ большая логичность и указываетъ на субъективность его мыслительнаго процесса. Обыкновенно выдающіеся и глубокіе мыслители менѣе понятны потому, что они всегда имѣютъ въ виду и противоположную точку зрѣнія. Ихъ фразы часто длинны, тяжелы и неуклюжи, потому что они ограждаютъ свои сужденія оговорками, которыя предупредили бы возраженія читателя: Ламене—субъективистъ и односторонень, какъ всѣ созерцатели. Онъ невольно отстраняетъ всѣ противорѣчія, чтобы облегчить работу своей мысли. Но зато и его стройная рѣчь обрывалась внезапно, онъ терялъ нить своей мысли, если ловкій противникъ начиналъ ему возражать. «Тогда онъ бывалъ принужденъ возратиться къ началу,—пишетъ другой свидѣтель его споровъ, – строить снова свою теорію» *).

«Если есть что-нибудь, что мнѣ всегда было противно, это—заниматься собою, думать и говорить о себѣ» **). Такъ писалъ Ламене въ

---

*) „Lamennais. Correspondance etc. publiées selon le voeu de l'auteur“ par E. Forgues. P. 1864. T. I, pp. 76—77.

**) Spuller. „Lamennais“. Paris. 1892, p. 9.

одной замѣткѣ 1851 года, въ отвѣтъ на сдѣланное ему предложеніе написать свои мемуары. Дѣйствительно, въ этомъ отношеніи Ламене былъ примѣромъ скромности, въ противоположность Шатобріану, который не только написалъ свои мемуары, гдѣ, конечно, выставляетъ самого себя въ самомъ завидномъ свѣтѣ, но и издалъ ихъ еще при жизни. Однако, если Ламене не любитъ говорить о себѣ, его субъективное «я» больше, чѣмъ у какого-либо писателя, опредѣлило характеръ и содержаніе его произведеній. «Тоскливая душа въ больномъ тѣлѣ»—вотъ какъ Ренанъ характеризуетъ Ламене. «Вы правы, милый другъ, говоря, что въ моей душѣ много грусти,—писалъ самъ Ламене 12-го марта 1823 г. одной своей знакомой, и прибавлялъ:—эта грусть родилась вмѣстѣ со мной». Эта тоска, эта грусть проникаютъ и всѣ его литературныя произведенія и другія, болѣе непосредственныя выраженія его внутренняго настроенія, т.-е. его многочисленныя письма. «Она отправилась туда, куда пойдемъ мы всѣ,—пишетъ онъ де-Витроллю 15-го января 1833 г. по поводу смерти одной ихъ общей знакомой.—И такъ же, какъ она, мы не знаемъ часъ нашего отбытія. Если бы я видѣлъ предъ собою лишь то, что меня окружаетъ, я бы ускорилъ часъ моихъ пожеланій. Я уже усталъ на нашей печальной землѣ, которая такъ холодна, такъ грустна, такъ пуста, такъ мало въ состояніи дать то блаженство, котораго жаждетъ наше сердце и которое всегда убѣгаетъ отъ насъ». «Въ теченіе полустолѣтія моей карьеры я испытывалъ только одну сторону жизни: ея страданія. Представляетъ ли она другую? Я не знаю: мнѣ извѣстно только одно, что въ этой жизни есть цѣль, и лишь бы эта послѣдняя была достигнута; все остальное не имѣетъ значенія». Эта грусть наполняетъ душу Ламене въ теченіе всей его жизни, но усиливается, принимаетъ какіе-то почти патологическіе размѣры, пугавшіе его друзей, которые пытались разогнать его «меланхолію», въ переживаемые имъ критическіе моменты. Онъ впадаетъ въ такое состояніе, когда смерть кажется ему, какъ онъ самъ выражается, повторяя слова Фенелона, «лишь утѣшеніемъ». «Я не чувствую въ себѣ никакого желанія жизни, смерти, радости или печали,—пишетъ онъ въ 1808 г.—Все хорошо, потому что все мнѣ кажется одинаково безразличнымъ. Ни видъ этихъ поблекшихъ полей и падающихъ листьевъ, ни шумъ вѣтра, который поетъ свою унылую пѣснь, не вызываютъ въ моемъ разумѣ ни одной мысли, ни одного чувства въ моемъ сердцѣ. Все скользитъ какъ бы по поверхности, не проникая сквозь апатію, тупость и горечь»... То же самое говоритъ онъ и въ другихъ письмахъ, относящихся къ этой эпохѣ. «Я нахожусь обыкновенно въ томъ состояніи,—пишетъ онъ брату,—которое англичане называютъ dispondency, когда наша душа лишена всякаго стимула и чувствуетъ себя какъ бы придавленной своей собственной тяжестью». «Скажи, что ты думаешь обо мнѣ?—пишетъ онъ немного спустя также своему брату.—Я себя не узнаю

больше. Уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ я переживаю состояніе непонятнаго изнеможенія. Ничто меня не тревожитъ, ничто не интересуетъ, все мнѣ противно. Если я сижу, нужно сдѣлать почти неслыханное усиліе, чтобы встать. Мыслить меня утомляетъ. Я не знаю, на что направить остатки моей угасающей впечатлительности; желаній у меня нѣтъ никакихъ. Я износилъ свою жизнь»... И это онъ писалъ въ 1808 г., когда ему было всего 25 лѣтъ. «Милый другъ, я желаю уйти, довольно съ меня на этой землѣ», говоритъ онъ въ 1827 г. во время тяжелой болѣзни, а по выздоровленіи онъ почти жалѣетъ объ этомъ. «Я опять на землѣ,—пишетъ онъ графинѣ Зенфтъ.—Послѣ того, какъ я дошелъ до пристани, могучая рука опять отбросила меня назадъ, въ бурныя волны, itemur jactatus in alto. А между тѣмъ надоѣла, увы! мнѣ земля, и объ ней я не жалѣлъ» *). При его гипертрофированной чувствительности Ламене утомляло все, и печаль, и радость. За годъ до только что процитированнаго письма онъ изображаетъ свое состояніе словами Микеля Анжело:

«...il ben, per durar poco l'alma, non men chél mal m'aggrava e preme» **).

Между тѣмъ въ этой печальной душѣ, гдѣ все сѣро, какъ въ пустынѣ, раздается иногда крикъ вѣры и надежды. Безсознательно Ламене отыскиваетъ противоядіе своей меланхоліи въ провозглашеніи цѣлесообразности человѣческой жизни. Этому взгляду онъ остался вѣренъ до конца своихъ дней. Онъ былъ телеологомъ и въ клерикальный періодъ своего развитія, когда уповалъ на «вѣрные пути Провидѣнія», представителемъ котораго на землѣ являлась католическая церковь, онъ остался телеологомъ и въ республиканско-демократическій періодъ своего развитія, когда, развѣнчавъ католическаго Бога, поставилъ на его мѣсто разумное бытіе, для котораго прогрессъ составлялъ одинъ изъ законовъ его проявленія, а демократія—орудіе этого проявленія. Ту роль, которую онъ раньше приписывалъ католической церкви, онъ сталъ приписывать теперь массамъ. Вотъ почему Ламене былъ правъ, защищая себя отъ противниковъ: «Меня обвиняютъ въ томъ, что я измѣнялъ себѣ, тогда какъ я оставался вѣренъ самому себѣ» (On m'accuse d'avoir changé. Je me suis continué ***).

Перемѣны Ламене были бы для насъ непонятны, если мы не имѣли бы въ виду эти двѣ стороны его психологіи: *съ одной стороны, глубокій врожденный пессимизмъ, съ другой—теоретическій оптимизмъ, явившійся естественнымъ усиліемъ утѣшить себя, овладѣть собою.* Эта антитеза выдвигается во всѣхъ произведеніяхъ Ламене. Онъ,

---

*) „Lamennais. Correspondance", etc., pp. 312—313.

**) Добро своимъ непомѣрнымъ существованіемъ не меньше, чѣмъ зло, давитъ и утомляетъ мою душу.

***) Spuller, p. 15.

скептикъ и невѣрующій въ душѣ, пишетъ самую пламенную критику, которая когда-либо была сдѣлана, противъ религіознаго индифферентизма. Въ этомъ трехтомномъ сочиненіи самое главное мѣсто посвящено полемикѣ противъ скептической философіи и доказательству возможности точнаго знанія. Два самые знаменитые его памфлета «Слова вѣрующаго» и «Книга народа» являются ничѣмъ другимъ, какъ только развитіемъ антитезы между мрачной дѣйствительностью и тѣмъ, что было бы, если бы люди захотѣли жить по христіанской морали. Сквозь свое прошлое, полное испытаній, онъ видитъ и лучше понимаетъ страданія массы и спѣшитъ ее «утѣшить», какъ самъ онъ объяснилъ появленіе «Книги народа». До конца онъ остается въ своей роли священника и пророка. Онъ обращается изъ глубины своего сердца къ чувствамъ и къ благороднымъ инстинктамъ массы и меньше всего къ тому, что называется обыкновенно *ихъ сознаніемъ*. Ламене—поэтъ-мистикъ католицизма вначалѣ, демократъ впослѣдствіи. Въ этомъ несомнѣнно и скрывалась причина его широкой популярности.

«Нужна пища для моей внутренней дѣятельности; я ощущаю внутреннюю силу, которая меня толкаетъ, и я долженъ исполнить свою миссію».

Такъ писалъ Ламене своему знакомому Маріону. Наполнявшія его сердце чувства стремились выйти наружу, Ламене искалъ объекта ихъ приложенія, но онъ не могъ долго искать, онъ долженъ былъ схватиться за то, что казалось ему въ данный моментъ ближайшей цѣлью. Потомъ событія, опытъ и, наконецъ, внутренняя неспособность привязаться надолго къ какому-нибудь предмету толкали его въ другую сторону. «Вы—дитя бури», писалъ ему однажды его другъ де-Витроль. «Вашему духу сказано, какъ вѣчному жиду: ты никогда не остановишься», писалъ тотъ же корреспондентъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя *). «Я получилъ отъ Провидѣнія счастливую способность, говоритъ на этотъ разъ самъ Ламене своему близкому знакомому Сентъ-Бёву,—всегда страстно увлекаться тѣмъ, что я считаю истиной, *тѣмъ, что мнѣ кажется истиной въ данную минуту*. Я сейчасъ же отдаюсь этому, какъ моему долгу, *не слишкомъ заботясь о томъ, что могъ говорить раньше*» **). Именно это отсутствіе критическаго отношенія къ тому, что онъ могъ говорить раньше, и является слабой стороной Ламене. Его идеи, при болѣе трезвомъ взглядѣ, должны были казаться ему самому часто совершенно неожиданными. Такое признаніе мы находимъ въ одномъ изъ его сравнительно недавно напечатанныхъ писемъ къ Монталамберу. «Мой трудъ подвигается мало-по-малу, но, подвигаясь впередъ, онъ расширяется. *Истина толкаетъ меня впередъ*

*) „Correspondance inedite entre Lamennais et baron de Vitrolles". Paris. 1886, pp. 249 и 278.

**) Sainte-Beuve. Causeries de Lunbis. T. XV, p. 65 (cd. 1862).

и иногда обнаруживается помимо меня. Не то, чтобы я хотѣлъ ее скрывать—этого, разумѣется, нѣтъ,—но она иногда переходитъ предѣлы человѣческой осторожности» *). Это «обнаруживаніе истины» *помимо его воли* даетъ намъ пониманіе всего умственнаго процесса Ламене. Незамѣтно для самого себя онъ переходилъ отъ одной точки зрѣнія къ другой, оставаясь все-таки вѣрнымъ основнымъ мотивамъ своей психологіи.

Характернымъ для Ламене и непосредственно вытекающимъ изъ этой подвижности его ума является то обстоятельство, что онъ, какъ бы чувствуя нетвердость своихъ сужденій, искалъ всегда какого-нибудь внѣшняго одобренія. «Я нуждаюсь въ человѣкѣ, который руководилъ бы мною, который бы поддерживалъ и подымалъ бы меня, въ человѣкѣ, знающемъ меня и которому я могъ бы говорить все»—такъ писалъ самъ Ламене своему брату. Какъ увидимъ, въ теченіе своей длинной карьеры Ламене не разъ находился подъ постороннимъ вліяніемъ. Конечно, онъ подчинялся ему настолько, насколько естественно происходившія въ немъ самомъ перемѣны предрасполагали его къ этому. Кромѣ критеріума дружескихъ отзывовъ, у него была еще другая путеводная звѣзда — это отношеніе *самой публики.* Оно опредѣляло часто эволюцію нашего писателя. И съ полнымъ правомъ могъ сказать Шереръ, что «Ламене принадлежалъ къ тѣмъ умамъ, въ которыхъ жизнь вида господствуетъ надъ индивидуальной жизнью, и что нуждался въ одобреніи и поддержкѣ массы и человѣчества» **).

III.

Внѣшнія условія жизни Ламене такъ сложились, что могли только усугубить всѣ задатки его природы, и къ этимъ условіямъ прежде слѣдуетъ отнести семейную среду, атмосферу которой самъ Ламене охарактеризовалъ слѣдующими глубоко грустными словами: «Тоска родилась въ семьѣ, во время одной зимней ночи». Семейныя несчастья, политическія событія и изгнаніе, неудачная любовь, воспоминаніе о которой, по словамъ Сентъ-Бёва, долго тяготѣло надъ душой Ламене, наконецъ, монашество и бѣдность, заставившая его жить въ деревнѣ,— все это только усиливало ту меланхолію, къ которой Ламене и такъ уже былъ склоненъ по своей болѣзненности.

Фелисе Ламене родился въ небольшомъ, портовомъ городкѣ Сенъ-Мало—родина также и другого знаменитаго французскаго писателя, Шатобріана—19-го іюня 1782 г., въ богатой буржуазной семьѣ. Его отецъ, Пьеръ Ламене, принадлежалъ къ самымъ крупнымъ судохозяевамъ и пользовался большимъ вліяніемъ среди своихъ согражданъ.

---

*) „Lettree de Lamennais à Montalambert" „Revue de Paris" 15 oct. 1897, p. 680).
**) Spuller, p. 263.

Въ оппозиціонномъ движеніи французской буржуазіи ея богатое меньшинство, т.-е. крупная буржуазія, было самымъ отсталымъ отрядомъ. Ея борьба противъ дворянства выражалась, главнымъ образомъ, въ томъ, что она старалась, подражая этому дворянству, ассимилироваться съ нимъ и такимъ образомъ мало-по-малу занять его мѣсто. Не въ открытомъ стремленіи низверженія правительства, а въ постоянныхъ попыткахъ сближенія съ нимъ, пріобрѣтенія его довѣрія и его уступокъ заключалась та политика, которую сознательно или безсознательно проводила крупная буржуазія. Подражаніе дворянству выражалось и въ способѣ воспитанія дѣтей, и въ домашнемъ обиходѣ, и въ внѣшнихъ манерахъ. Крупные буржуа приставляли, подобно дворянамъ, къ своимъ фамильнымъ именамъ названіе какого-нибудь помѣстья, которые они съ этой цѣлью покупали. Этимъ объясняется и происхожденіе имени Ламене.

Отецъ Ламене назывался просто Пьеромъ Роберомъ, но онъ купилъ маленькое помѣстье «Ламене», точно такъ же, какъ его другой братъ Денисъ купилъ себѣ другое помѣстье, Судре. И они стали называться: первый—Пьеръ Роберъ Ламене, а второй—Денисъ Роберъ Судре. Но, конечно, это подражаніе дворянскимъ правамъ оставалось не санціонированнымъ, пока король самъ не давалъ представителямъ буржуазіи дворянскій чинъ. Послѣдній былъ мечтою, которую лелѣялъ каждый буржуа, которую и отцу Ламене въ концѣ концовъ удалось, осуществить. Въ 1788 г.—значитъ, всего за годъ до революціи—Людовикъ XVI торжественной грамотой пожаловалъ Пьеру Роберу дворянскій чинъ «за его выдающіяся качества въ области коммерціи и судоходства и за его услуги въ области частной и общественной благотворительности» *). Еще сильнѣе роялистскихъ тенденцій семейство Ламене отличалось своимъ ярко католическимъ духомъ, который въ Бретани, извѣстной и въ наше время своей экономическо-общественной косностью, всегда былъ особенно живучъ. Вотъ въ краткихъ словахъ та семейная атмосфера, окружавшая Ламене, которая не могла не отразиться на складѣ его міросозерцанія.

Дѣтство Ламене было тяжелое. Какъ мы уже упомянули выше, онъ родился преждевременно, за два мѣсяца до срока, и при этомъ съ физическимъ недугомъ, заключавшимся въ ненормальной вдавленности груди. Лишь благодаря неутомимымъ заботамъ его родныхъ и преданной старой служанки Вильменъ, можно было спасти хилаго ребенка отъ смерти, угрожавшей ему каждую минуту. Какъ всѣ болѣзненныя дѣти, онъ былъ капризенъ, упрямъ и «невѣроятно непослушенъ». Окружающіе спѣшили удовлетворять всѣ его желанія, такъ какъ иначе его гнѣвъ переходилъ въ нервные припадки со спазмами. Фели, какъ

*) Въ клерикальный періодъ своей дѣятельности Ламене подписывалъ свое полное имя—аббатъ де-Ламене, а впослѣдствіи просто Ламене.

его называли дома, было шесть лѣтъ, когда онъ потерялъ свою мать, и о ней у него сохранилось только два воспоминанія, какъ она читала свою молитву и играла на скрипкѣ. Религіозность и любовь къ музыкѣ перешли и къ Ламене. Послѣ смерти матери воспитаніемъ Фели занялась его родная тетка, которая была замужемъ за его же роднымъ дядей Денисомъ. Вслѣдствіе своей крайней раздражительности, Ламене инстинктивно избѣгалъ общества и игръ своихъ сверстниковъ. Его жизнь проходила въ семейномъ кругу и въ одинокихъ прогулкахъ, въ которыхъ его сопровождала всегда гувернантка. Во время этихъ прогулокъ пріучился онъ любить бретонскую природу, скалы и море, которыя глубоко врѣзались въ его живое, жадное къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ воображеніе. Меланхолическіе пейзажи окрестностей Сенъ-Мало встаютъ часто въ его описаніяхъ и являются самыми пріятными воспоминаніями его юности. Когда въ 1831 г. онъ предпринимаетъ путешествіе по Италіи, то, несмотря на всѣ ея красоты, Ламене въ своихъ письмахъ отдаетъ предпочтеніе Бретани. «Такова сила первыхъ впечатлѣній, — пишетъ онъ,—что среди этихъ пріятныхъ и великолѣпныхъ картинъ ничто для меня не можетъ сравниться съ тѣми, которыя въ первый разъ поразили мои юные взоры: съ неровными и пустынными холмами древней Арморики, съ ея бурями, съ гранитными скалами, омываемыми зеленоватыми волнами, съ ея утесами, побѣлѣвшими отъ пѣны волнъ, съ ея пустынными и безконечными побережьями, гдѣ до уха долетаетъ лишь глухой шумъ моря, острый крикъ кружащейся подъ тучей чайки и печальное, но пріятное щебетаніе морской ласточки».

Его постоянно тянетъ туда, къ утесамъ, къ песчанымъ берегамъ океана, въ Бретань, внѣ которой его сердце не можетъ «акклиматизироваться», какъ онъ пишетъ въ другомъ письмѣ. Не разъ впослѣдствіи, въ парижскій періодъ своей жизни, Ламене спрашивалъ у своего бретонскаго знакомаго Маріона подробности относительно перемѣнъ, происшедшихъ въ Сенъ-Мало, относительно новыхъ построекъ, бассейновъ, домовъ и т. д.

Первые годы своей юности Ламене провелъ въ самомъ городѣ Сенъ-Мало, но съ наступленіемъ революціи и сопровождающихъ ее событій въ положеніи его отца должны были произойти большія перемѣны. Главная изъ нихъ заключалась въ его матеріальномъ разореніи. Съ прекращеніемъ морской торговли, вслѣдствіе начавшихся войнъ, отецъ Ламене, имѣвшій до 17 парусныхъ судовъ, потерялъ все свое состояніе. Для семейства, когда-то богато жившаго, наступили дни бѣдности и лишеній; но чтобы имѣть болѣе полную картину ихъ печальнаго положенія, нужно прибавить и гоненія, которымъ оно должно было подвергнуться за свои роялистско-католическія убѣжденія. Во время террора, когда открытое богослуженіе было дозволено только священникамъ, присягнувшимъ на вѣрность конституціи, въ мансардѣ

дома Ламене происходила регулярная тайная служба, которую совершалъ бѣглый аббатъ Виль. Она начиналась обыкновенно послѣ полуночи: простой деревянный столъ замѣнялъ алтарь, старшій братъ Ламене, Жанъ, помогалъ священнику, а старая служанка Вильменъ для большей безопасности сторожила у дверей.

Картина этихъ мрачныхъ дней не могла остаться безъ вліянія на впечатлительнаго ребенка. Онъ возненавидѣлъ революцію и полюбилъ католицизмъ и его представителей, окруженныхъ ореоломъ мучениковъ. Въ это время въ своихъ играхъ маленькій Фели подражалъ часто богослуженію, изображая изъ себя священника, за что и получилъ отъ своихъ товарищей прозвище «маленькаго ханжи». Но въ этомъ проявлялась скорѣе подражательная склонность ребенка, чѣмъ истинное его призваніе. Наоборотъ, когда религіозный вопросъ ставился предъ нимъ ребромъ, его врожденный скептицизмъ выплывалъ наружу и наполнялъ его всякими сомнѣніями. Мы знаемъ, уже вслѣдствіе какихъ причинъ онъ не былъ допущенъ къ первому причастію.

Плохое матеріальное положеніе заставило все семейство Ламене покинуть Сенъ-Мало и переселиться въ единственно у нихъ сохранившееся другое имѣніе Ла-Шене, гдѣ было суждено Ламане провести большую часть своей жизни. Здѣсь подъ руководствомъ своего дяди Дениса, привязавшагося тѣмъ больше къ дѣтямъ своего брата, что у него не было собственныхъ, Фели и получилъ свое первое образованіе. Первое время Ламене туго давался умственный трудъ. Его неспокойный и нетерпѣливый характеръ не могъ переносить принудительныхъ занятій, и онъ убѣгалъ съ уроковъ; поэтому неудивительно, что десяти лѣтъ онъ не умѣлъ еще ни читать, ни писать. Но зато, когда онъ самъ заинтересовался наукой, онъ предался ей со всей горячностью своего темперамента. Раньше дядя Ламене въ качествѣ наказанія запиралъ его въ свою большую библіотеку, теперь самъ Ламене прибѣгаетъ къ хитростямъ, чтобы попасть туда. Въ его чтеніи не было никакой системы: древніе языки, исторія, литература, теологія, философія—все это онъ читалъ и поглощалъ безъ всякой предварительной подготовки. Это несомнѣнно отразилось на тѣхъ теоретическихъ недостаткахъ его произведеній, въ которыхъ позже его будутъ упрекать не только враги, но и друзья. Однако, Ламене сохранилъ до конца жизни взглядъ, что значеніе руководителя въ образованіи ребенка не существенно. «Существенно,—говорилъ онъ,—чтобы ребенокъ читалъ и чтобы онъ любилъ читать. Выборъ чтенія произойдетъ позже» *). Такъ защищалъ Ламене въ 1826 г. одного юношу отъ упрековъ въ чтеніи романа Лесажа «Жиль Блазъ».

Но, если чтеніе Ламене было безъ системы, то нельзя сказать, что оно было и безъ разбора. У него уже были извѣстныя симпатіи къ

*) „Correspondance de Lamennais“ etc. p. 61.

тѣмъ или другимъ писателямъ, опредѣлившіяся подъ вліяніемъ семейной среды. Особенное вліяніе въ это время долженъ былъ оказывать на Ламене его дядя — большой противникъ энциклопедистовъ, противъ которыхъ онъ даже написалъ цѣлую книгу, оставшуюся неизданной. Позже къ вліянію Дениса нужно прибавить и вліяніе старшаго брата Ламене, Жана, который еще съ молодости посвятилъ духовному призванію. Характеренъ фактъ, доказывающій, какъ быстро развивался умъ Ламене: въ 1796 г., т.-е., будучи всего четырнадцати лѣтъ отъ роду, во время одной поѣздки въ Парижъ, онъ помѣстилъ нѣсколько статей въ столичныхъ газетахъ.

Первое продолжительное отсутствіе Ламене изъ деревни относится къ 1803—1804 г., когда онъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ поступаетъ въ Сенъ-Мало учителемъ математики въ одну духовную школу. Но черезъ годъ или два послѣ этого, въ связи съ новой наполеоновской организаціей народнаго образованія, которое цѣликомъ перешло въ вѣдѣніе государства, оба брата Ламене должны были покинуть свой постъ и вернуться обратно въ Ла-Шене. Къ этому періоду жизни и относится все болѣе проявляющаяся склонность Ламене къ теологіи. Старшему брату удалось побѣдить, по крайней мѣрѣ внѣшнимъ образомъ, сомнѣнія Ламене и заставить его въ 1804 г., т.-е. когда ему уже было 22 года, принять причастіе. Это былъ торжественный актъ вступленія Ламене на «путь истины». Въ 1808 г. выходитъ его первый трудъ, посвященный церкви—«Разсужденіе о положеніи церкви во Франціи въ XVIII-мъ столѣтіи и въ настоящее время». Эта книга была написана въ сотрудничествѣ съ братомъ, но она характерна потому, что въ ней выступаетъ тотъ клерикально-теократическій взглядъ, на защиту котораго Ламене посвятилъ столько лѣтъ своей жизни.

Къ этой книгѣ Ламене, представляющей интересъ во многихъ отношеніяхъ, мы вернемся дальше; здѣсь достаточно сказать, что ея главная цѣль—внутренняя реорганизація церкви въ виду новыхъ историческихъ условій ея существованія.

Яркія клерикальныя тенденціи этой книги, направленной въ защиту независимости католическаго духовенства, не могли понравиться правительству Наполеона I, который, какъ извѣстно, низвелъ французскую церковь до подчиненной роли особаго чиновничества, «святой жандармеріи». Книга была запрещена, несмотря на то, что Ламене избѣгалъ всякихъ нападеній на правительство и даже, наоборотъ, разсыпался въ похвалахъ по адресу «геніальнаго человѣка», т.-е. Наполеона.

Къ этой эпохѣ—1809 г.—относится одно событіе въ жизни Ламене, которое опредѣлило дальнѣйшую его карьеру. Онъ вступилъ въ такъ называемые «ordres mineurs», т.-е. сдѣлался послушникомъ. Самъ Ламене, при своей обыкновенной нерѣшительности, навѣрно не предпринялъ бы такого шага, если бы окружавшіе его аббаты не толкали его постоянно къ этому. Къ нимъ нужно отнести знакомаго уже

намъ аббата Виля и другихъ двухъ аббатовъ, Брюте и Тейссьера, о которыхъ Ламене часто упоминаетъ въ своихъ письмахъ. Но несомнѣнно, что самое рѣшительное вліяніе на него все-таки оказалъ его старшій братъ, аббатъ Жанъ. Послѣдній, въ противоположность Фели, отличался сильной волей и религіознымъ фанатизмомъ. Въ теченіе своей долгой совмѣстной жизни съ Фели онъ постепенно ввелъ его въ кадры борющагося католицизма. Посвященіе Ламене подготовлялось втайнѣ. Аббатъ Жанъ не хотѣлъ даже, чтобы объ этомъ узналъ ихъ отецъ, считавшій, что для ихъ семейства довольно уже и одного священника.

Самъ Ламене, даже послѣ такого систематическаго воздѣйствія на него, согласился не безъ глубокой внутренней борьбы. Иногда его будущее казалось ему заманчивымъ, и онъ, благодаря своему пылкому воображенію, нерѣдко впадалъ въ религіозный экстазъ; но затѣмъ наступали сомнѣніе, тоска, и онъ исполнялся отчаяніемъ человѣка, сознающаго свою «недостойность». Тогда къ нему на помощь являлись друзья, которые одобряли и поддерживали его падающій духъ.

«О, блаженная вѣчность, дорогая отчизна! — восклицаетъ Ламене въ моментъ энтузіазма.—Снизойди, снизойди до меня, Господь Богъ мой, Іисусъ! Моя душа томится, она изнемогаетъ въ пламенномъ стремленіи соединиться съ Тобой! О, мое сокровище, о, все мое богатство! Когда я думаю,—я, жалкое созданіе,—что ты вѣчно будешь моимъ удѣломъ, я не нахожу больше словъ, Господь мой, и тогда я только въ тишинѣ могу любить и обожать тебя».

Умудренные опытомъ друзья въ этомъ же самомъ экстазѣ Ламене не могли не чуять скрытую опасность. Они находили тонъ его писемъ «немножко преувеличеннымъ». Они были правы: вскорѣ за письмами такого рода слѣдовали другія, уже полныя разочарованія. Мы видѣли выше нѣсколько образцовъ этихъ писемъ, писанныхъ въ 1809 г. Въ такихъ случаяхъ аббатъ Жанъ обыкновенно спѣшилъ подыскать для своего брата благочестивыя развлеченія, а аббатъ Виль старался увѣрить его, что счастья на землѣ нѣтъ и не можетъ быть. «Напрасно, другъ мой, будемъ мы искать истинное счастье на землѣ. Богъ создалъ насъ для самого себя, и только въ немъ мы найдемъ то полное спокойствіе и то чувство полнаго внутренняго довольства, о которомъ мы вздыхаемъ такъ неустанно».

«Я скорѣе завидую аббату Вилю, чѣмъ жалѣю его,—писалъ Ламене своему брату.—Его внутреннее душевное спокойствіе меня трогаетъ, но оно мнѣ непонятно. Не то, чтобы я не представлялъ себѣ, что вѣрой можно подняться выше физическихъ страданій,—тѣмъ болѣе, что время вырабатываетъ въ насъ привычку переносить ихъ; но можно ли сказать то же самое о страданіяхъ души, о скрытомъ безпокойствѣ больного сердца, въ которомъ перерождаются и самыя благородныя чувства и у котораго хватаетъ силы лишь для того, чтобы

терзаться—вотъ, что не можетъ мириться съ тѣмъ спокойствіемъ, которымъ мы восхищаемся, и что не позволяетъ мечтать о другомъ покоѣ, кромѣ покоя могилы... Будущее меня пугаетъ».

Изъ всего этого видно, что, если Ламене, наконецъ, и поступилъ въ монашескій орденъ, то это было не слѣдствіемъ глубокаго призванія, а скорѣе результатомъ слабости человѣка, который предоставляетъ другимъ руководить собой потому, что у него нѣтъ достаточныхъ силъ сопротивляться. Послѣ описаннаго нами событія, Ламене остался въ деревнѣ до 4-го апрѣля 1815 г., когда онъ въ письмѣ, помѣченномъ той же датой, извѣщаетъ одну свою родственницу, что черезъ «два часа» онъ отправляется въ дорогу, съ намѣреніемъ поселиться въ одной изъ французскихъ колоній. Въ сущности Ламене бѣжалъ отъ новаго правительства, которое Наполеонъ учредилъ послѣ своего возвращенія съ острова Эльбы. Вмѣсто французской колоніи Ламене поѣхалъ въ Англію.

IV.

Пребываніе Ламене въ Англіи было непродолжительно, т.-е. до пораженія Наполеона при Ватерлоо и вторичнаго возстановленія Бурбоновъ на французскомъ престолѣ. Но эти нѣсколько мѣсяцевъ, проведенныхъ въ изгнаніи, имѣли для дальнѣйшей жизни Ламене важное значеніе. Въ періодъ лондонской жизни онъ встрѣтился съ аббатомъ Карономъ, жившимъ тамъ еще съ первыхъ годовъ французской революціи. Аббатъ Каронъ сдѣлался для Ламене тѣмъ, что на монашескомъ языкѣ называется «духовнымъ отцомъ». Блестящія дарованія Ламене навели Карона на мысль сдѣлать изъ него апостола католицизма. Для этого прежде всего слѣдовало заставить Ламене принять священническій санъ. За это и взялся съ энергіей Каронъ. Какъ видно, друзья самого Ламене, а именно аббаты Брюте и Тейссьеръ, а также аббатъ Жанъ Ламене, съ которыми Каронъ вошелъ въ переписку, настаиваютъ на томъ же. Каронъ обнадеживаетъ ихъ: «Положитесь на мое сердце и еще больше на мою совѣсть относительно судьбы дорогого Фели,—писалъ онъ изъ Лондона аббату Брюте.—Онъ отъ меня *не ускользнетъ*. Церковь получитъ то, что ей принадлежитъ». Однако, и на этотъ разъ Ламене сдался не безъ внутренней борьбы, и теперь она была гораздо сильнѣе, чѣмъ при его вступленіи въ послушники. Въ самомъ началѣ, въ Лондонѣ, Ламене кажется безповоротно рѣшившимся. «Наконецъ, благодаря моему доброму и нѣжному отцу (аббату Карону), я принялъ окончательное рѣшеніе»,—пишетъ Фели своему брату въ августѣ 1815 г., но немного дальше онъ прибавляетъ слѣдующія, характерныя для его внутренняго состоянія, слова: «Стыдъ, тьма и глубокое униженіе тому злосчастному (Ламене

имѣетъ въ виду себя), который такъ долго убѣгалъ отъ своего божественнаго Учителя и въ такомъ ужасномъ помраченіи отказывался отъ счастья служить ему. Но увы! даже въ настоящій моментъ я очень хорошо чувствую, что, если моя воля не находилась бы вполнѣ въ рукахъ моего дорогого отца, если его совѣты не поддерживали бы меня, если я не рѣшился бы безусловно слушаться его спасительныхъ указаній, да, даже въ эту минуту я могъ бы опять впасть въ свою прежнюю нерѣшительность и снова очутиться въ той бездонной пропасти, откуда меня вынесла его милостивая рука».

Въ ноябрѣ 1815 г. Ламене пріѣзжаетъ въ Парижъ и подъ руководствомъ аббата Тейссьера поступаетъ въ сенъ-сюльписскую семинарію, чтобы приготовиться къ рукоположенію. 2-го декабря онъ былъ сдѣланъ иподіакономъ и по поводу этого событія пишетъ своей сестрѣ: «Не можешь себѣ вообразить, какъ много мнѣ стоилъ этотъ шагъ». Такъ же «много» стоили ему и дальнѣйшіе переходы по лѣстницѣ церковной іерархіи до полнаго священническаго сана. Это случилось въ 1816 г., когда Ламене было уже 34 года. Не будемъ излагать въ подробностяхъ всѣ тѣ критическія минуты, которыя переживалъ онъ при всякой новой церемоніи. Эта сторона его характера намъ уже извѣстна. Достаточно привести лишь отрывки письма къ брату, написаннаго черезъ нѣсколько дней послѣ рукоположенія Ламене въ священники. «Хотя г. Каронъ нѣсколько разъ мнѣ совѣтовалъ молчать о моихъ истинныхъ чувствахъ, я считаю, однако своимъ долгомъ объясниться съ тобою разъ навсегда. Съ этого момента я считаю себя— и не могу не считать—крайне несчастнымъ... Я не думаю упрекать кого бы то ни было. Отъ своей судьбы не убѣжишь. Но если бы я былъ болѣе увѣренъ въ себѣ и менѣе слабъ, мое положеніе было бы совершенно иное. Въ концѣ концовъ, оно таково, каково оно есть, и все, что мнѣ остается дѣлать,—это примириться съ своимъ положеніемъ и забыться у подножія того столба, къ которому прикованы мои цѣпи. Я буду счастливъ, если добьюсь того, чтобы больше никто не приходилъ ко мнѣ, подъ различными надоѣдливыми предлогами, смущать мой сонъ».

Однако, изъ этого письма и изъ поведенія Ламене, какъ при первомъ его вступленіи въ монашескій орденъ, такъ о теперь, при вступленіи въ священническій санъ, не нужно заключать, что Ламене относился отрицательно къ католицизму. Нѣтъ, онъ былъ католикомъ, но въ то же время онъ не хотѣлъ и отрѣшиться отъ своей личной свободы. Онъ представлялъ себѣ свою роль проповѣдника католицизма нѣсколько иначе, въ видѣ свободной дѣятельности среди общества. Его подвижной темпераментъ, его живое воображеніе, складъ его ума, постоянно нуждающагося въ новой и новой формѣ дѣятельности, инстиктивно возставали противъ монашескаго идеала, полнаго отреченія отъ своей личности. «Не въ этомъ самоотреченіи,—писалъ онъ позже,—

заключается истинное назначеніе человѣка, такъ какъ человѣкъ рожденъ для дѣйствія».

Возвратившись во Францію, Ламене переиздалъ запрещенное наполеоновской полиціей «Разсужденіе о состояніи церкви въ XVIII-мъ столѣтіи и въ настоящее время». Послѣ рукоположенія въ священники онъ искалъ въ новыхъ литературныхъ работахъ средства разогнать свое тоскливое состояніе. Результатомъ этого явилась книга о «Религіозномъ индифферентизмѣ», сдѣлавшая его извѣстнымъ во всѣхъ концахъ католическаго міра.

Раньше, чѣмъ говорить объ этомъ послѣднемъ произведеніи, остановимся на нѣкоторыхъ эпизодахъ предшествующей жизни Ламене, пополняющихъ его характеристику. Одинъ изъ біографовъ Ламене, а именно Сентъ-Бёвъ, говоритъ о какой-то неудачной любви Ламене *). Объ этомъ обстоятельствѣ самъ Ламене не любилъ разсказывать, но, по словамъ Сентъ-Бёва, который въ парижскій періодъ жизни Ламене былъ однимъ изъ его ближайшихъ знакомыхъ, внутренняя боль этого перваго несчастья никогда не покидала Ламене. Вообще онъ никогда не пользовался расположеніемъ женщинъ; его застѣнчивость, и самое главное—отсутствіе у него всякой внѣшней привлекательности уничтожали для Ламене съ этой стороны всякія надежды. Не разъ его большому самолюбію приходилось переносить тяжелыя испытанія. Пріѣхавъ въ Англію, онъ обратился для полученія уроковъ къ покровительницѣ католиковъ, леди Жернингамъ, сестрѣ лорда Страфорда, но благородная англійская леди нашла его до такой степени некрасивымъ, что только за одно это отказала ему во всякой помощи **). Самъ Ламене разсказывалъ впослѣдствіи, съ какимъ отвращеніемъ смотрѣла на него леди Жернингамъ, когда онъ ей представился въ первый разъ ***). Съ тѣхъ поръ Ламене сохранилъ къ женщинамъ вообще, а къ свѣтскимъ въ частности, въ своихъ личныхъ отношеніяхъ, какой-то страхъ.

Неудовлетворительность одного изъ самыхъ интимныхъ чувствъ должна была ожесточить Ламене еще больше противъ свѣтскаго общества. Но это объясняетъ и другую сторону его характера—сильно развитое у него чувство дружбы, въ которомъ онъ долженъ былъ сосредоточить всю пламенность своей сентиментальной, нуждающейся въ взаимной привязанности души. Объ этомъ свидѣтельствуетъ его огромная корреспонденція, посредствомъ которой онъ, будучи оторванъ большую часть своей жизни отъ своихъ, друзей, жилъ въ постоянномъ общеніи съ ними. Но и въ этой области ему приходилось

---

*) Sainte-Beuve. „Portraits contemporains“ (ed. 1853), p. 143.

**) Mirecourt. „Nos Contemporains. M. de Lamennais“ (1856) и еще Rispal. „La Mennais“. (Correspondant за 1855, p. 828).

***) Spuller, p. 72.

испытывать не мало огорченій. Если его идейныя перемѣны не помѣшали тому, что многіе друзья первой молодости остались ему вѣрными и послѣ того, какъ онъ разошелся съ ними во взглядахъ, другіе, самые близкіе—тѣ, которые принадлежали къ духовному сословію, въ томъ числѣ и его братъ, должны были порвать съ нимъ.

Смерть также время отъ времени уносила изъ кружка Ламене дорогихъ ему людей, и на каждую изъ этихъ потерь онъ реагируетъ всѣмъ своимъ существомъ. Еще въ Лондонѣ онъ сошелся съ молодымъ англичаниномъ Мурманомъ и, несмотря на разницу лѣтъ, сильно привязался къ нему. Подъ вліяніемъ Ламене Мурманъ начинаетъ сильно увлекаться католицизмомъ. По возвращеніи Ламене во Францію между ними завязывается длинная переписка—настоящій религіозно-сентиментальный романъ въ письмахъ. Часто эти письма перехватываются родными Мурмана, но Ламене не отчаивается, онъ пишетъ иногда до шестнадцати писемъ, чтобы получить отвѣтъ только на одно. Онъ находитъ возможность, несмотря на свою бѣдность, достать 5.000 франковъ, чтобы устроить отъѣздъ Мурмана изъ Англіи. Дѣло въ томъ, что Мурманъ не могъ бы покинуть родину, не уплативъ неустойку своему хозяину, у котораго онъ служилъ провизоромъ-химикомъ. И какое горе долженъ былъ испытать Ламене, когда въ январѣ 1819 г. онъ получилъ отъ пріемнаго отца Мурмана извѣстіе о смерти послѣдняго.

По словамъ окружавшихъ тогда Ламене, смерть молодого друга была для него жесточайшимъ ударомъ *). Воспоминанія объ Анри Мурманѣ продолжали еще долго жить въ душѣ Ламене. «Вчера я еще перечитывалъ,—писалъ онъ нѣсколько лѣтъ спустя послѣ смерти Мурмана,—письма моего дорогого Анри; я долго плакалъ и мнѣ сдѣлалось дурно. Эти очень еще живыя воспоминанія плохо дѣйствуютъ на меня. Иногда бываетъ опасно сосредоточивать свои взгляды на загробной жизни, вслѣдствіе того отвращенія, которое вызываетъ у насъ земная жизнь. Когда сердце начинаетъ чувствовать влеченіе къ неземному, человѣкъ какъ бы весь изнемогаетъ и дѣлается безполезнымъ на землѣ».

V.

Литературно-публицистическую дѣятельность Ламене можно раздѣлить на три періода, сообразно тремъ главнымъ фазисамъ, черезъ которые прошла его философская мысль. Первый періодъ, самый длинный, охватываетъ все время отъ появленія перваго сочиненія Ламене до паденія Карла X, т.-е. до самой іюльской монархіи. Въ этотъ періодъ, къ которому относятся «*Разсужденіе о церкви въ XVIII- мът.*»

*) „Correspondance“ etc., p. 24.

«*Опытъ противъ религіознаго индифферентизма* (*1817*), *Церковъ и государство*» (*1826*), а также нѣкоторыя брошюры и множество статей, появившихся въ «*Conservateur*», «*Drapeu Blans*» и «*Memorial Catholique*, Ламене является по своимъ убѣжденіямъ роялистомъ-ультрамонтаномъ. Ультрамонтаномъ онъ остается и во второмъ періодѣ своей дѣятельности, но уже ищетъ спасенія церкви не въ союзѣ съ монархической властью, а въ союзѣ съ демократами. Этотъ періодъ исчерпывается газетой «L'Avenir». Онъ самый короткій, длившійся, въ общемъ, всего два года, но самый интенсивный по работѣ, полный драматическихъ эпизодовъ и столкновеній съ папской властью, результатомъ которыхъ было отпаденіе Ламене отъ церкви. Наконецъ, къ третьему, республиканскому періоду, длившемуся съ 1834 по 1854 г., т.-е. до смерти писателя, относятся «Слова одного вѣрующаго», «Книга народа», «Современное рабство», «Очерки одной философіи», «Страна и правительство», а также множество маленькихъ брошюръ и статей, печатавшихся въ редактируемыхъ Ламене газетахъ «Le Monde» и «Le Peuple Constituant» и въ другихъ періодическихъ изданіяхъ республиканской партіи. Но объ этомъ будетъ рѣчь позже. Теперь мы изучаемъ Ламене ультрамонтана и роялиста.

Однако, чтобы понять все значеніе Ламене, какъ представителя этого направленія, мы должны предварительно сказать нѣсколько словъ о положеніи католической церкви во Франціи въ занимающую насъ эпоху.

Разрушеніе «стараго режима» во время революціи было частичнымъ, т.-е. лишь постольку, поскольку онъ закрывалъ третьему сословію путь къ власти. *Все, что могло быть совмѣстимо съ господствомъ этого сословія, продолжало жить и существовать и при новомъ режимѣ. Это въ особенности было вѣрно по отношенію къ католической церкви.*

Борьба противъ католицизма велась не только философами XVIII столѣтія. Если послѣдніе нападали на католическій догматизмъ, то свѣтская королевская власть еще раньше вела борьбу противъ католической церкви, которая, какъ извѣстно, благодаря своему сословному характеру и своей особой организаціи, являлась независимой силой.

Еще при Людовикѣ XIV свѣтская власть противопоставила знаменитой формулѣ Амвросія, «не церковь живетъ въ имперіи, а имперія въ церкви», извѣстные четыре тезиса Боссюэ, провозглашающіе равенство свѣтской власти съ папской и право первой рѣшать всѣ организаціоные вопросы церкви. Такъ была создана галликанская церковь. Она продолжала признавать авторитетъ папы въ вопросахъ о догматахъ, но и въ этой области Боссюэ признавалъ высшимъ авторитетомъ вселенскіе соборы. Такимъ образомъ, католическая церковь во Франціи хотя и продолжала существовать, но потеряла свое прежъ-

нее преобладаніе надъ свѣтской властью. Тѣмъ не менѣе она сохранила свою независимость въ предѣлахъ галликанскихъ тезисовъ и въ то же самое время духовенство оставалось отдѣльнымъ привиллегированнымъ сословіемъ, располагавшимъ громадными движимыми и недвижимыми имуществами. Одни духовные ордена, по вычисленіямъ Талейрана, владѣли недвижимымъ имуществомъ на сумму около двухъ милліоновъ франковъ.

Французская революція пошла гораздо дальше королевской власти. Не только провозглашеніе политическаго равенства всѣхъ гражданъ уничтожало духовенство, какъ отдѣльное сословіе, но еще рѣшеніемъ 2-го ноября 1789 года всѣ его имущества были конфискованы въ пользу націи, а духовные ордена перестали существовать. Это было лишь начало. Чѣмъ больше духовенство объявляло себя солидарнымъ съ роялистской партіей, часть которой въ сущности оно составляло, тѣмъ больше направлялись на него репрессивныя мѣры революціонныхъ парламентовъ, такъ что, наконецъ, конвентъ запретилъ и самое богослуженіе. Католическая церковь перестала существовать подъ какой бы то ни было внѣшней формой. Однако, всѣ эти мѣропріятія революціонной эпохи не могли уничтожить фактическую силу французскаго католицизма. Народъ въ большинствѣ случаевъ оставался преданнымъ католическому догмату, такъ какъ скептическая критика философовъ XVIII столѣтія *по самому своему узкому классовому характеру не могла затронуть широкія массы.* Даже та самая буржуазія, во имя и въ интересахъ которой отрицались старыя догмы, оставалась въ своемъ большинствѣ вѣрной католицизму и гораздо больше вѣрующей, чѣмъ сама аристократія, давно уже щеголявшая своимъ невѣріемъ. Достаточно вспомнить только, въ какихъ кругахъ вращались энциклопедисты Дидро, Даламберъ и какого общественнаго происхожденія были Вольтеръ, Гольбахъ и Гельвецій, чтобы знать, что ихъ книги пользовались не меньшимъ, если не большимъ успѣхомъ среди аристократіи, чѣмъ среди разночинной интеллигенціи. Это обстоятельство имѣлъ въ виду Робеспьеръ, воскликнувшій: «атеизмъ— это аристократическая доктрина!» *). Такова судьба каждаго осужденнаго сойти съ исторической сцены класса, что онъ самъ подтачиваетъ ту же идеологическую основу, на которой онъ держится. Поэтому мы видимъ, что сатира на аристократію, «Свадьба Фигаро», пишется аристократомъ Бомарше и встрѣчается апплодисментами самой аристократіи.

Такъ или иначе, но разрушеніе католическаго догмата до и во время революціи было лишь поверхностное. Репрессивныя мѣры только усилили религіозныя чувства. Кровь, пролитая во время террора, какъ бы смыла съ католической церкви грѣхи, которые лежали на ней со

*) Aulard. „Histoire politique de la Révolution Française".

временъ инквизиціи. Для новыхъ поколѣній, видѣвшихъ страшныя гоненія революціонной эпохи, аргументъ о политической тиранніи церкви въ прошломъ не былъ достаточно вѣскимъ. Въ то же самое время, когда церковь какъ бы реабилитировала себя въ глазахъ общества, въ составѣ самого духовенства произошла характерная перемѣна. Она лучше всего видна, если взять цифры удаленныхъ другъ отъ друга эпохъ. Такъ, наканунѣ революціи изъ 134 архіепископовъ и епископовъ было только 5, вышедшихъ изъ народа, т.-е. изъ буржуазіи; наоборотъ, по новой статистикѣ девяностыхъ годовъ, изъ 90 архіепископовъ и епископовъ только 4 принадлежатъ въ аристократіи *). Эта характерная перемѣна въ составѣ высшаго французскаго духовенства—она также относится и къ среднему—намѣчалась еще во время французской революціи. Послѣдняя произвела среди французскаго духовенства своего рода естественный подборъ. Большая часть стараго распущеннаго духовенства эмигрировала за границу, гдѣ жила субсидіями Пита. Другая часть—вродѣ Талейрановъ и Фуше—пошла на сдѣлку съ революціей, отказавшись отъ своей вѣры, лишь бы сохранить свое положеніе. Въ странѣ, среди народа, остались самые преданные и честные священники, которые, какъ, напр., знакомый намъ аббатъ Виль, рискуя своей жизнью, совершали богослуженіе въ мрачные дни террора. Служить церкви при такихъ условіяхъ уже не представлялось легкимъ средствомъ создать себѣ хорошее положеніе, а труднымъ апостольствомъ, которое могло увлечь только идеально настроенныя души. Этому религіозному прозелитизму отдавались представители всѣхъ слоевъ общества. Шатобріанъ, написавшій въ изгнаніи «Опытъ о революціяхъ»—книгу, проникнутую религіознымъ скептицизмомъ XVIII столѣтія и полную «заблужденій», заставившихъ плакать мать писателя, пишетъ теперь «Геній христіанства». Молодые люди изъ буржуазной среды бросаютъ свѣтскія школы, чтобы сдѣлаться священниками или миссіонерами. Такъ, тѣ два аббата, Брюте и Тейссьеръ, которые оказали такое сильное вліяніе на Ламене, начали свою карьеру, первый—студентомъ медицины, второй—ученикомъ политехнической школы. «Религіозное чувство обнаруживается со всѣхъ сторонъ»—говорилъ позже, имѣя въ виду эту эпоху, Бенжаменъ Констанъ **). Поэтому неудивителенъ тотъ энтузіазмъ, съ которымъ было встрѣчено въ 1797 г. по всей Франціи возстановленіе культа, т.-е. открытаго богослуженія. Онъ былъ лишь проявленіемъ религіознаго подъема, положившаго свой отпечатокъ на всѣ умы первой трети девятнадцатаго столѣтія, включительно до соціальныхъ реформаторовъ, ученіе которыхъ проникаетъ религіозный оттѣнокъ.

*) H. Taine. „Origine de la France contemporaine. Regime Moderne“, т. III (ed. 1899), стр. 110.

**) „Tendance générale des esprits dans le XIX siècle“. „Rev. Encyclop.“, 1828. Dec. (Цитировано по Иванову. „Сенъ-Симонъ и сенъ-симонисты“, 145).

Фурье прославляетъ Бога, однимъ изъ законовъ котораго является «притяженіе страстей», Сенъ-Симонъ озаглавливаетъ свое послѣднее произведеніе заглавіемъ «Новое христіанство», а Кабе пишетъ свое «Истинное христіанство». Пьеръ Леру, Рейно и всѣ другіе второстепенные реформаторы заражены тѣмъ же спиритуализмомъ. Тайныя республиканскія общества, основывавшіяся въ началѣ реставраціи, хотя и являлись по своимъ тенденціямъ антикатолическими, ставятъ на первый планъ въ своихъ программахъ изученіе отвлеченныхъ философскихъ вопросовъ. Основанный въ 1818 г. Базаромъ тайный кружокъ, называется «Diablement philosophique». Другое тайное общество «Друзей истины» ставитъ на очередь изученіе отношенія *морали къ религіи* *). Въ большинствѣ случаевъ деизмъ и любовь къ демократіи идутъ въ это время рука объ руку. Спиритуализмъ какъ реакція противъ скептической философіи XVIII в., торжествуетъ по всей линіи; но больше и лучше всего могла использовать это настроеніе католическая церковь, явившаяся единственной серьезной организаціей, оставшейся отъ стараго режима.

Свѣтская власть, т.-е. Наполеонъ I, въ свою очередь, не могла игнорировать громадную общественную силу католицизма и старалась использовать ее, подчинивъ своимъ политическимъ цѣлямъ. Силой онъ навязываетъ въ 1801 г. папской власти знаменитый конкордатъ, оставшійся въ дѣйствіи и по наше время. Онъ уничтожаетъ независисимость католической церкви во Франціи, живущей съ 1797 г., какъ свободное учрежденіе, поддерживаемое исключительно помощью прихожанъ, и цѣлымъ рядомъ мѣропріятій превращаетъ духовенство въ «священную жандармерію», какъ выражался одинъ изъ министровъ Наполеона, Порталисъ. Наполеонъ вернулся къ традиціямъ королевской власти, создавъ снова національную церковь, но усиливъ еще больше ея зависимость отъ свѣтской власти. По конкордату, католическая церковь не только перестала быть господствующей, такъ какъ конкордатъ признавалъ равныя права и за другими культами, но назначеніе епископовъ и священниковъ зависѣло уже отъ французскаго правительства, а не отъ папы, какъ было раньше. Роль послѣдняго ограничивалась лишь утвержденіемъ рѣшеній свѣтской власти. Наконецъ, по конкордату, духовные ордена были запрещены, за исключеніемъ тѣхъ, которые правительство само находило нужнымъ допустить **).

Только что почувствовавъ себя свободной и сильной, церковь снова очутилась подъ ярмомъ свѣтской власти. Но это ярмо было теперь гораздо невыносимѣе. Раньше свѣтская и духовная власть тѣсно

---

*) Georges Weill, „Histoire du Paris Républicain“. Paris. 1900, p. 16—17.

**) „Le centenaire du Concordat d'aprés nouveaux documents“ („correspondant“ 190).

переплетались между собою. Архіепископы и епископы стараго режима были въ то же время и сеньорами, управлявшими провинціями, занимавшими важное мѣсто при дворѣ, раздѣлявшими политическую власть съ остальной аристократіей. Теперь они, какъ и все среднее и низшее духовенство, стали чиновниками, судьба которыхъ находилась вполнѣ въ рукахъ высшаго начальства. Поэтому, чтобы сохранить возможно больше свое вліяніе, чтобы оградить себя возможно больше отъ посягательствъ враждебно настроенной свѣтской власти, духовенство должно было усилить свою внутреннюю дисциплину, поднять свой умственный и нравственный уровень. Выразителемъ этой потребности и явился Ламене. Его задачи опредѣлялись тѣми трудностями, съ которыми духовенству пришлось бороться. Скептической философіи онъ долженъ былъ противопоставить католическій догматизмъ, претензіямъ свѣтской власти—папскій авторитетъ, къ которому духовенство, чувствуя себя изолированнымъ, должно было чаще и чаще прибѣгать. «Пользуясь покровительствомъ свѣтской власти, — писалъ недавно орлеанскій епископъ Туше, — епископы стараго режима мало нуждались въ поддержкѣ Рима... Но теперь, когда мы лишены поддержки власти, которая относится къ намъ скорѣе враждебно, чѣмъ дружески, мы выработали себѣ привычку чаще обращаться къ папѣ» *). Въ настоящее время это ясно, но тогда это долженъ былъ доказывать Ламене. Съ другой стороны, въ этомъ именно противопоставленіи свѣтской власти папскому авторитету скрывается вся доктрина ультрамонтанства, логическимъ заключеніемъ и развитіемъ которой является теократія, т.-е утвержденіе, что имперія должна жить въ церкви, а не церковь въ имперіи. Наконецъ, третья важная задача, которую долженъ былъ намѣтить Ламене, это—тѣ внутреннія преобразованія въ церкви, которыя дали бы ей силу, нужную въ борьбѣ съ новымъ врагомъ.

Разрѣшеніе этихъ трехъ задачъ и было предметомъ первой книги Ламене: «Разсужденіе о состояніи церкви въ XVIII ст. и въ настоящее время». Она выражала интересы послѣ революціоннаго органическаго періода католицизма. Въ ней прежде всего удѣлено большое мѣсто рѣзкой критикѣ матеріалистической философіи XVIII ст. Здѣсь Ламене могъ проявить весь свой, такъ богатый рессурсами, полемическій талантъ. Наполеонъ самъ не любилъ «идеологовъ», и критика, направленная противъ нихъ, не могла ему не нравиться. Но относительно всего, что касалось критики свѣтской власти и вообще отношенія церкви къ государству, Ламене долженъ былъ быть крайне осторожнымъ. Полиція Бонапарта не шутила съ его противниками... Поэтому Ламене старается заручиться симпатіями представителей деспотической власти, указывая на общіе интересы, существующіе между авто-

*) M-gr Touchet. „La vie intime de l'Eglise (см. въ „Католическомъ сборникѣ". P. 1901 p. 873).

кратіей и церковью. «Да будетъ мнѣ позволено—пишетъ Ламене—сдѣлать здѣсь странное сопоставленіе. Въ то время, какъ ложная метафизика, вродѣ сенсуализма Кондильяка, подчиняла, такъ сказать, душу чувствамъ, волю органамъ, простое существо—сложному существу, нелѣпая и вредная политика подчиняла государя народу, власть—подданнымъ». Мы уже знаемъ, что такія заявленія не помѣшали тому, чтобы книга была запрещена и вышла снова лишь въ 1815 г. Но и тогда они сохраняли весь свой интересъ, въ особенности въ той части, которая касалась внутренней реорганизаціи церкви.

Что представляла съ точки зрѣнія внутренней организаціи до-революціонная церковь? Представимъ слово одному изъ теперешнихъ авторитетныхъ представителей самой церкви. «При старомъ режимѣ,—пишетъ орлеанскій архіепископъ,—епископы, бывшіе крупными феодалами и исполнявшіе какія-нибудь должности при дворѣ, жили вдали отъ своей паствы. Они совсѣмъ не знали своихъ священниковъ. Семинаристы видѣли своего духовнаго руководителя лишь при рукоположеніи. Общихъ соборовъ не было. Епископы объѣзжали свои округа разъ въ 10 или 15 лѣтъ». «Семинаріи стараго режима,—по словамъ Тэна,—были скорѣе свѣтскими, чѣмъ духовными заведеніями. Семинаристы пользовались большой свободой, были въ постоянномъ общеніи съ свѣтскимъ обществомъ, посѣщали салоны и устраивали въ самыхъ стѣнахъ семинаріи театральныя представленія, пасторали и другія свѣтскія развлеченія». Если изъ этой отдаленной эпохи мы вернемся къ описываемой нами, мы увидимъ противоположную картину. Теперь епископы постоянно живутъ въ своемъ округѣ, часто объѣзжая его и находясь въ постоянномъ общеніи съ своей паствой и священниками. Послѣдніе, послѣ окончанія семинаріи, гдѣ царитъ необыкновенно суровая дисциплина, подвергаются еще цѣлому ряду упражненій, имѣющихъ цѣлью укрѣпить ихъ вѣру. Ежегодно они пишутъ сочиненія на темы, задаваемыя епископомъ, и эти сочиненія разбираются потомъ на общихъ собраніяхъ. Кромѣ того, каждый священникъ долженъ разъ въ годъ или въ два года проводить вакаціонное время въ той семинаріи, гдѣ онъ кончилъ курсъ. Несомнѣнно здѣсь сказывается то трудолюбіе и болѣе высокая нравственность, которыя внесли въ духовенство буржуазія и народъ,—крестьянскія и рабочія массы, среди которыхъ, главнымъ образомъ, духовенство начало рекрутироваться послѣ революціи *). Но этими результатами католическая церковь обязана также преобразованію своей внутренней организаціи, намѣченному не только въ общемъ, но и въ подробностяхъ въ вышеупомянутой

*) Въ наше время духовенство, въ особенности низшее, рекрутируется въ католическихъ пріютахъ, куда поступаютъ дѣти народа (См. „Возрожденіе католицизма во Франціи". „Міръ Божій", іюль 1901, стр. 64).

книгѣ Леменс. Она явилась своего рода манифестомъ-программой католицизма.

Но если это первое сочиненіе было еще недостаточно, чтобы установить за Ламене славу талантливѣйшаго защитника церкви, то вскорѣ въ этомъ уже не могло оставаться никакихъ сомнѣній. Мы имѣемъ въ виду впечатлѣніе, произведенное слѣдующимъ его сочиненіемъ о «Религіозномъ индифферентизмѣ».

Ламене не былъ ни первымъ, ни единственнымъ талантливымъ писателемъ, бравшимся защищать церковь. До него писалъ де-Местръ, но, по признанію самихъ католическихъ исторіографовъ, онъ мало понималъ самую доктрину католицизма, «смѣшивая рѣдкія проявленія божественной благодати съ естественнымъ порядкомъ... и считая чудеса почти обычнымъ средствомъ царствія Божія на землѣ» *). Кромѣ того, его главное сочиненіе: «О папѣ»,—гдѣ онъ, пользуясь историческимъ методомъ, что въ глазахъ Сенъ-Симона было его незамѣнимой заслугой,—вышло въ 1819 г., т.-е. позже книги Ламене. Другой католическій писатель, Бональдъ, былъ мало доступенъ публикѣ. Большой славой и извѣстностью изъ защитниковъ католицизма пользовался Шатобріанъ, «Геній христіанства» котораго вышелъ еще въ 1801 г. Но оставляя въ сторонѣ блестящія литературныя достоинства этой книги, нужно признать, что она не имѣла философской стоимости. Шатобріанъ прославляетъ церковь за ея соціальную роль въ прошломъ, когда она являлась защитницей слабыхъ и угнетенныхъ. Въ самой религіи онъ видитъ только одну утилитарную сторону, своего рода утѣшительницу человѣчества въ его страданіяхъ. Онъ самъ, невѣрующій когда-то, сдѣлался вѣрующимъ не своимъ разсудкомъ, а своимъ сердцемъ. «Я плакалъ и увѣровалъ. Мое убѣжденіе вышло изъ сердца». Такъ писалъ самъ Шатобріанъ въ предисловіи къ «Генію христіанства». Уже тогда одинъ изъ ортодоксальныхъ философовъ-мистиковъ, Сенъ-Мартенъ, замѣтилъ Шатобріану: «Насколько больше былъ бы авторъ въ согласіи съ духомъ религіи, если бы онъ сначала вѣрилъ, а потомъ плакалъ! Насколько отраднѣе были бы тогда его слезы» **).

Ламене также чувствомъ дошелъ до католицизма, но, разъ онъ его принялъ, онъ хотѣлъ посмотрѣть на него съ научно-философской точки зрѣнія.

Первая мысль объ «Опытѣ противъ религіознаго индифферентизма» пришла Ламене еще въ 1814 г. и, какъ видно изъ письма къ брату, на это натолкнула его книга Шатобріана, но Ламене хотѣлъ, въ оправданіе религіи, въ такъ называемую апологетику внести новые элементы. Старые пріемы больше не могли импонировать. «Я знаю многихъ лицъ,—писалъ Ламене въ 1821 г. къ де-Местру,—которыя изъ христіанъ

*) Chanoine Jules Didiot. „Philosophie“ „Un siècle“ etc., p. 383.

**) Sainte-Beuve. „Chateaubriand et son groupe littéraire sous l'Empire“. T. I.

превратились въ невѣрующихъ. Это не значитъ, что старая апологетика не вѣрна; нѣтъ, она была хороша для той эпохи, когда появилась, когда все было непоколебимо и господствовали принимаемые всѣми принципы. Но она не удовлетворяетъ или слабо удовлетворяетъ разумъ при новомъ состояніи общества... Традиціонный методъ... теперь недостаточенъ. Послѣ того, какъ разумъ провозгласилъ себя суверенным, нужно прямо идти на него, поймать его на самомъ же его тронѣ и заставить, подъ угрозой смерти, преклониться предъ разумомъ Бога» *).

Посмотримъ теперь, какъ Ламене исполнилъ свою задачу.

Для большей систематичности мы раздѣлимъ «Трактатъ о религіозномъ индифферентизмѣ» на часть полемическую и часть догматическую.

«Самый больной вѣкъ,—начинаетъ свою книгу Ламене,—не тотъ, который увлекается заблужденіями, а тотъ, который не знаетъ и презираетъ истину. Тамъ, гдѣ видны бурные порывы, тамъ живетъ еще сила и, значитъ, тамъ еще есть надежда, но когда прекращается всякое движеніе, когда пульсъ перестаетъ биться и холодъ проникаетъ до самаго сердца, чего можно тогда больше ожидать, кромѣ ближайшаго и неминуемаго разложенія?» Не нужно послѣ этого удивляться, что Ламене посвящаетъ цѣлыя страницы борьбѣ съ религіознымъ равнодушіемъ тѣхъ католиковъ, у которыхъ вѣра сводится къ обрядности. Не менѣе строгъ онъ и къ тѣмъ, которые смотрятъ на религію, какъ на вспомогательное средство управлять массами и держать ихъ въ покорности, или, какъ говоритъ Корнель:

„Pour contenir le peuple ou pour l'émouvoir
Et dessus la faiblesse affermir le pouvoir".

Такихъ государственныхъ людей Ламене характеризуетъ мѣткимъ словомъ «Макіавели религіи» **). Разсмотрѣвъ различныя формы индифферентизма, Ламене переходитъ къ критикѣ философіи XVIII ст. Онъ противопоставляетъ прежде всего деистовъ, вродѣ Руссо, атеистамъ, пользуясь аргументами первыхъ противъ послѣднихъ. *Нѣчто* не можетъ произойти изъ *ничто*, разумъ въ человѣкѣ не можетъ произойти изъ матеріи, его существованіе предполагаетъ существованіе разумнаго міропорядка, т.-е. Бога. Въ то же самое время Ламене подвергаетъ анализу понятіе матеріи, стараясь доказать, что ея опредѣленіе, данное философами, полно внутреннихъ противорѣчій. Покончивъ съ атеистами, онъ возвращается къ деистамъ, къ проповѣдникамъ «естественной религіи», кажущейся Ламене только иной формой того же философскаго скептицизма, который, отбросивъ ученіе церкви, успокоился на схемѣ, созданной собственнымъ воображеніемъ философовъ. Чтобы сохранить за собою право на «заблужденія», философы выду-

*) Spuller, p. 108.

**) „Essais sur l'indifference en matière de Religion", ed. 1817. T. I, p. 56.

мали доктрину о религіозной терпимости, которая представляетъ не что иное, какъ другое названіе религіознаго индифферентизма. Поэтому онъ одинаково возстаетъ и противъ терпимости, и противъ индифферентизма. «Да, мы не толерантны,—говоритъ Ламене въ предисловіи ко второму тому своей книги,—не по отношенію къ личностямъ, а по отношенію къ доктринамъ. Никогда мы не согласимся, что противоположныя ученія одинаково вѣрны, что два человѣка, изъ которыхъ одинъ отрицаетъ то, что утверждаетъ другой, одинаково правы».

Однако, терпимость философовъ основана на чемъ-то болѣе вѣскомъ, чѣмъ на простомъ равнодушіи къ истинѣ. По отношеніи къ религіознымъ догматамъ она основывается на отрицаніи возможности познать суть вещей, а слѣдовательно на допустимости многихъ гипотезъ; что же касается познанія конкретнаго міра, то послѣдній такъ широкъ и необъятенъ, что никогда человѣческій разумъ не сможетъ его охватить. Отсюда и необходимость широкой свободы и терпимости для критики и изслѣдованія. Но эти общепринятыя положенія философіи XVIII-го ст. не могли остановить Ламене, такъ какъ онъ считалъ, что познаваніе истины есть одна изъ основныхъ способностей человѣческаго духа. Уже Тертуліанъ далъ то опредѣленіе, которое за нимъ повторяетъ Ламене: «человѣкъ—существо, которое можетъ познавать истину» (animal rationale sensus et scientiae copacissimum). «Все существуетъ только истиною,—пишетъ Ламене,—такъ какъ истина есть сущее, а помимо есть только небытіе. Желаніе познавать, врожденное человѣку, есть не что иное, какъ желаніе существовать и естественное стремленіе къ жизни. Отсюда это страстное исканіе истины и та чистая и живая радость, которую мы испытываемъ при видѣ истины. Это чувство имѣетъ такіе глубокіе корни въ насъ самихъ, что ничто не можетъ уничтожить его, даже извращенная любовь къ заблужденіямъ. Истину ненавидятъ и заблужденія любятъ только тогда, когда путемъ особой работы добиваются того, что представляютъ себѣ заблужденія—истиной, а истину—ложью, только тогда, когда небытіе прикрываютъ подобіемъ существованія, — также какъ гробъ окружаютъ картинами жизни и эмблемами безсмертія».

Вотъ почему для Ламене скептицизмъ—ложное ученіе, противное человѣческой природѣ и при этомъ скрывающее въ себѣ крупное и роковое для самого себя противорѣчіе. И дѣйствительно, несмотря на свой скептицизмъ, скептики признаютъ, по крайней мѣрѣ, одну истину, а именно, что нельзя познать истину.

Не трудно замѣтить, что здѣсь у Ламене происходитъ смѣшеніе между философскимъ познаніемъ истины и чисто внутренней психологической увѣренностью (certitude), что мы познаемъ истину. Безъ этой увѣренности немыслима была бы никакая не только практическая, но и умственная дѣятельность. Человѣкъ, сомнѣвающійся во всемъ,—абсурдъ, невозможность, противорѣчіе въ себѣ. Но если по-

слѣдовательный скептицизмъ немыслимъ, какъ индивидуальное психологическое состояніе, это еще не предрѣшаетъ вопроса о немъ, какъ о философской доктринѣ, точно также, какъ увѣренность, что солнце взойдетъ завтра, послѣзавтра и всегда, пока оно существуетъ, не предрѣшаетъ вопроса о томъ, является ли оно отдѣленнымъ отъ нашего представленія о солнцѣ, или же, какъ утверждаютъ идеалисты школы Берклея, оно не существуетъ внѣ нашего внутренняго міра.

Но утвержденіе Ламене о возможности познанія истины или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ истинъ, и въ томъ числѣ религіозныхъ, только предпосылка къ дальнѣйшимъ умозаключеніямъ. Теперь для него выступаетъ другой вопросъ: какимъ образомъ познаемъ мы истину? Въ чемъ заключается тотъ критерій, что данное наше представленіе истинно, а не ошибочно. Этотъ критерій Ламене видитъ въ «всеобщемъ согласіи». Истинно только то, что общепризнанно или имѣетъ тенденцію стать общепризнаннымъ. Выше индавидуальнаго разума стоитъ «авторитетъ» коллективнаго разума.

Интересно посмотрѣть, какимъ логическимъ путемъ Ламене доходитъ до этого заключенія, которое въ сущности является краеугольнымъ камнемъ его апологетики католицизма, хотя его критерій истины далеко не неразрывно связанъ съ его католицизмомъ. Мы замѣтили выше, что Ламене отличаетъ у человѣка способность познавательную; эта способность, по его представленіямъ, отдѣлена отъ способности разсудочной. Чтобы убѣдить своихъ читателей въ этомъ, онъ даже ссылается на самого Юма, сказавшаго, что «главная цѣль, которую ставятъ себѣ скептики при всѣхъ своихъ изслѣдованіяхъ и спорахъ, это—уничтожить разумъ разсужденіемъ» (to destroy raison by raticionation and argument **). Какъ Ламене понялъ это мѣсто Юма, — гдѣ въ сущности говорится о различныхъ состояніяхъ одного и того же разума,—въ данномъ случаѣ не важно. Характеренъ только выводъ, который онъ дѣлаетъ отсюда, а именно, что познаніе истины есть не дѣло разсудочности, а вѣры въ «авторитетъ» другихъ. Но уже католики, критикующіе Ламене, замѣтили, что человѣкъ вѣритъ въ тѣ истины, которыя онъ призналъ таковыми своимъ разсудкомъ, и что убѣжденіе предшествуетъ вѣрѣ ***). Даже математическія аксіомы и теоремы мы принимаемъ не исключительно на вѣру, а благодаря тому, что онѣ соотвѣтствуютъ извѣстнымъ представленіямъ, выработаннымъ уже нашимъ разумомъ.

Однако, если Ламене не удалось «захватить индивидуальный разумъ на его тронѣ», тѣмъ не менѣе онъ — и въ этомъ заключается его заслуга, хотя это уже доказывалъ Ридъ и другіе представители

*) „Essais sur l'indifference“ etc. T. II, p. 72.

**) Lamennais. „Essais“. T. II, p. 71 (éd. 1844).

***) De Chalambert. Lamennais ete. (Correspondant 25 XI 1854 p. 247).

шотландской школы, — показалъ громадную роль, которую играетъ «коллективный разумъ», какъ критерій истины. Эта часть разсужденія Ламене остается въ силѣ и теперь, и поэтому мы постараемся ее резюмировать.

Какая изъ всѣхъ истинъ, которыя въ своемъ развитіи узнаетъ человѣкъ, является для него самой несомнѣнной? Конечно, это—увѣренность въ своемъ собственномъ существованіи. Когда Декартъ сказалъ свою знаменитую фразу: «Cogito ergo sum», онъ далъ незыблемую основу человѣческимъ знаніямъ. Человѣкъ не сомнѣвается въ другихъ истинахъ потому, что онъ не сомнѣвается въ самомъ себѣ. «Открытіе Декарта, — пишетъ Ламене, — было чѣмъ-то вродѣ молніи, прорѣзавшей хаосъ нашихъ ощущеній и чувствъ». Но анализъ Ламене идетъ еще дальше.

Онъ не сомнѣвается, что сознаніе своего собственнаго «я» является вообще первымъ актомъ сознанія. Но какъ человѣкъ достигаетъ познанія своего собственнаго «я»? Гдѣ онъ находитъ гарантію, что его собственное «я» не ошибается? Здѣсь «cogito ergo sum» недостаточно: оно можетъ ввести человѣка въ заблужденіе. Ламене набрасываетъ предполагаемый разговоръ, который могъ происходить между ученикомъ Декарта и однимъ сумасшедшимъ. Послѣдній считаетъ себя Декартомъ. Когда его собесѣдникъ замѣчаетъ ему, что Декартъ умеръ два столѣтія тому назадъ,—сумасшедшій отвѣчаетъ: «вы ошибаетесь, я—Декартъ? Мое внутреннее сознаніе мнѣ говоритъ, что я Декартъ». Значитъ индивидуальное сознаніе само нуждается въ критеріумѣ. Мы входимъ въ заколдованный кругъ: всякое докательство истины требуетъ въ свою очередь тоже доказательства. Изъ этого заколдованнаго круга мы не выйдемъ, оставаясь въ предѣлахъ индивидуальной психологіи.

«Какъ не понять, — говоритъ Ламене, обращаясь къ послѣдователямъ Декарта,—что нельзя ничего доказать иначе, какъ съ помощью нѣсколькихъ уже достовѣрныхъ истинъ, что чрезвычайно противорѣчиво пытаться доказывать первую истину и что, поэтому, увѣренность не только не опирается на доказательство, но всякое доказательство было бы невозможно безъ предшествующей увѣренности, которая составляетъ всю его силу». Этотъ критеріумъ человѣкъ именно и находитъ въ окружающемъ его обществѣ. «Въ этой невозможности сомнѣваться, или, если уже и сомнѣваешься, то въ увѣренности быть объявленнымъ сумасшедшимъ, нелѣпымъ или невѣждой со стороны остальныхъ людей, и заключается общечеловѣческая достовѣрность (критерій); это всеобщее признаніе, sensus communis, и является для насъ гарантіей истины. И другой гарантіи, кромѣ этой нѣтъ. Иначе человѣкъ, одинъ со своимъ разсудкомъ, оставался бы въ постоянномъ недоумѣніи, точно такъ же, какъ если бы онъ находился среди множества зеркалъ, отражающихъ различнымъ образомъ ту же самую фигуру».

Такимъ образомъ, истина для Ламене является коллективнымъ продуктомъ. Только то истинно, что общепризнано. Однако, не нужно забывать, какъ замѣтилъ Шереръ, что общепризнанность является не источникомъ и не доказательствомъ истины, а скорѣе послѣдствіемъ ея очевидности *). Дѣйствительно, индивидуальный умъ черпаетъ свои первыя истины въ обществѣ, но потомъ онъ уже самъ вырабатываетъ новыя истины, которыя въ свою очередь дѣлаются достояніемъ всего общества. Позже и самъ Ламене оттѣнялъ все болѣе неразрывную связь, существующую между разумомъ отдѣльнаго человѣка и собирательнымъ разумомъ коллективности, показывая, что въ сущности даже и здѣсь не можетъ идти рѣчь о двухъ различныхъ разумахъ, а лишь «о двухъ степеняхъ одного и того же, всегда себѣ идентичнаго индивидуальнаго разума **)». Но такъ какъ часть всегда меньше цѣлаго, то и всѣ люди вмѣстѣ всегда будутъ имѣть меньше шансовъ ошибиться, чѣмъ отдѣльный человѣкъ. Этимъ далеко не отрицается, что отдѣльный человѣкъ открываетъ такія истины, которыхъ до него никто не зналъ, но если онѣ таковы, то въ силу своей очевидности онѣ непремѣнно должны стать всеобщими.

Но въ то время, когда Ламене писалъ еще свой *опытъ противъ индифферентизма* онъ, въ виду той цѣли, къ которой стремился, невольно долженъ былъ возможно больше унизить индивидуальный разумъ передъ коллективнымъ. Индивидуальный разумъ философовъ отвергалъ католическую религію, но если коллективный разумъ массы ее признавалъ, одно уже это говорило въ ея пользу. Что же касается того обстоятельства, что до католицизма существовали другія религіи, также «общепризнанныя», то Ламене легко избавляется отъ этого указаніемъ, что все существенное въ этихъ религіяхъ перешло къ католицизму. Такъ же онъ относится къ существующимъ и въ наше время религіямъ. Этому тезису Ламене посвящаетъ множество страницъ, гдѣ онъ старается доказать, что философы древняго міра, европейскаго и восточнаго, были отчасти несознательными католиками. Что же касается невѣрующихъ философовъ новой исторіи, Ламене противопоставляетъ имъ вѣрующую толпу. Эта послѣдняя, благодаря своему здравому разсудку, не ошибается, тогда какъ философы «особой работой добились того, чтобы представлять себѣ заблужденіе истиною, а истину—ложью». «Заблужденіе всегда находится въ самыхъ высшихъ сферахъ,—пишетъ Ламене,—недоступныхъ толпѣ». Такимъ образомъ, католическая церковь есть истинная церковь. Ея «авторитетъ» основанъ на вѣкахъ, ему нужно вѣрить и повиноваться.

Наше короткое изложеніе «Опыта противъ индифферентизма», касающееся лишь руководящихъ идей, не даетъ никакого представленія

*) Ed. Scherer. Melanges de eritique réligieuse p. 1856 pp. 306—307.

**) Lamennais. Troisiéme melange p. IX (ed 1835).

о той пламенности и о томъ полемическомъ талантѣ, которыми проникнуты всѣ страницы этой книги. Впрочемъ, въ этомъ можно убѣдиться по громадному эффекту, который она произвела на всю публику и въ частности на католическую. Неизвѣстный наканунѣ бретонскій священникъ сдѣлался предметомъ восторженныхъ отзывовъ. Когда одни называли его новымъ Боссюэ, другіе желая превзойти первыхъ, провозглашали Ламене «послѣднимъ изъ отцовъ церкви». Больше всего успѣха книга имѣла среди низшаго духовенства, которое, не разбираясь въ тонкостяхъ католической теологіи, приходило въ восхищеніе отъ оригинальной апологетики католицизма Ламене; больше же всего его захватывалъ пламенный лиризмъ книги. «Мнѣ кажется,—пишетъ Ламене какой-то монахъ траппистъ,—что послѣ того, какъ я прочелъ вашу книгу, я чувствую себя сильнѣе, я вижу лучше и слышу яснѣе. Да будетъ благословенно имя Господне, братъ мой во Христѣ, за все то, чѣмъ онъ васъ одарилъ въ свою славу. Если эти страницы оставили въ моемъ уже изсохшемъ, охладѣвшемъ и почти мертвомъ сердцѣ такое сильное и глубокое впечатлѣніе, то какъ же онѣ должны дѣйствовать на тѣхъ, которые свѣжѣе меня» *). «Вотъ человѣкъ, который будетъ подыматься въ то время, какъ я буду опускаться,—говорилъ гермопильскій епископъ, аббатъ Фрейсину.—И почему этому не быть такъ, если этотъ человѣкъ обладаетъ краснорѣчіемъ, которое въ состояніи разбудить и мертваго». «Появленіе этой книги,—писалъ де-Местръ,—было настоящимъ землетрясеніемъ подъ свинцовымъ небомъ».

Портреты Ламене стали распространяться сотнями экземпляровъ по всѣмъ городамъ Франціи **). Позже, когда въ 1824 г. Ламене поѣхалъ въ Римъ, ему предлагаютъ кардинальскую шапочку и постъ при Ватиканѣ, а папа гордится тѣмъ, что портретъ Ламене является вмѣстѣ съ Распятіемъ, единственнымъ украшеніемъ его кабинета ***). Наконецъ, книги Ламене вызвали цѣлую литературу: по поводу ея и ея автора было написано до 350 брошюръ и статей. Характерно для психологіи Ламене, о которой мы говорили уже во второй главѣ, какъ онъ самъ отнесся къ своему успѣху. Для него это было неожиданностью. Онъ не знаетъ самъ, вѣрить ли ему или нѣтъ всему тому, что говорится о немъ. «Я чувствую, сколько во всемъ этомъ есть преувеличеннаго,—пишетъ онъ своему брату.—Скажи мнѣ свое искреннее мнѣніе; ни въ какомъ случаѣ оно не будетъ строже моего собственнаго». «Что касается меня,—пишетъ онъ позже,—я написалъ плохую

*) „Lamennais"—Porgues. Correspondance т. I, p. 40.

**) „Мы купили двѣ фотографіи вашего портрета, сдѣлавшагося теперь рѣдкостью,—пишетъ аббатъ Жербе;—подъ тѣмъ, который попался мнѣ, были написаны неизвѣстной рукой слѣдующія слова: „Усердный покровитель всеобщаго обученія"!!!

***) Spuller, 122.

книгу и всегда, когда я брался за перо, чтобы писать, я ощущалъ необъяснимое отвращеніе и тоску». Онъ такъ же скептически относится и къ предполагаемому воздѣйствію своей книги. «Подняться изъ бездны заблужденій на вершины истины,—писалъ онъ де-Местру,—вопреки наукѣ, печатному станку и человѣческимъ страстямъ—это мнѣ кажется противнымъ всему тому, что мы знаемъ о законахъ, управляющихъ нравственнымъ міропорядкомъ».

Съ ортодоксально-католической точки зрѣнія энтузіазмъ католиковъ по поводу книги Ламене врядъ ли былъ основателенъ. Сама попытка Ламене доказать посредствомъ всеобщаго разума истинность католической церкви должна была показаться еретической. Для ортодоксальныхъ теологовъ христіанская религія была истиной не потому, что она была самой логической для всѣхъ существовавшихъ до тѣхъ поръ религій, а потому, что она была единственной религіей, полученной черезъ божіе откровеніе. Ея божественное происхожденіе избавляло ее отъ юрисдикціи, если можно такъ выразиться, человѣческаго разума. Болѣе того: она можете казаться послѣднему во многихъ отношеніяхъ абсурдной, но религія не должна подчиняться его суду, а наоборотъ, «гордыня человѣческаго разума», какъ говорилъ Боссюэ, должна преклониться передъ религіей.

«Церковь никогда не учила отъ имени человѣческаго рода; наоборотъ, она была создана для того, чтобы поправлять и вести его» *). Такъ говорилъ послѣ смерти Ламене одинъ изъ его католическихъ критиковъ. То же самое говорили, впрочемъ, еще при жизни Ламене и іезуиты, а также нѣкоторые близкіе знакомые писателя. «Несчастный, онъ не знаетъ катехизиса!» воскликнулъ аббатъ де-Женеттъ, прочитавъ книгу Ламене. Другой аббатъ, Каронъ, покровитель Ламене, пишетъ ему письмо, умоляя его не писать больше о такихъ важныхъ вещахъ, не посовѣтовавшись раньше съ католическими лицами **). Самъ папа осудилъ въ особой энцикликѣ доктрину о «коллективномъ разумѣ», но это уже было послѣ выхода самого Ламене изъ церкви, и пока этого не случилось, Ватиканъ пользовался его авторитетомъ, чтобы укрѣпить свое положеніе во Франціи.

Х. Инсаровъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

*) Rispal. „De la Menais“ („Correspondent“, Mai et Décembre, 1855).

**) P. G. Longhoge. „Lamennais“ (Etudes, publiées, par la compagnie de Jésu P. 1900. Mai p. 439).

Современное состояніе ученія о партеногенезѣ у животныхъ.

Явленіе партеногенеза или дѣвственнаго размноженія имѣетъ сложную и длинную исторію и въ разныя времена подъ этимъ именемъ разумѣлись различныя вещи. Въ томъ видѣ, какъ оно понимается теперь, т.-е. какъ развитіе яицъ безъ оплодотворенія,—явленіе это впервые точно было установлено лишь Зибольдомъ въ 1856 году; другими словами—научному пониманію партеногенеза нѣтъ еще и пятидесяти лѣтъ. Великое же значеніе этого интереснаго явленія для выясненія многихъ наиболѣе общихъ вопросовъ біологіи начало обрисовываться лишь въ теченіе послѣднихъ двухъ десятилѣтій.

Первые зачатки свѣдѣній о партеногенезѣ встрѣчаются еще у Аристотеля, у котораго мы находимъ утвержденіе, что пчелиная матка безъ оплодотворенія можетъ производить трутней. Затѣмъ цѣлый рядъ сообщеній о дѣвственномъ размноженіи нѣкоторыхъ насѣкомыхъ и ракообразныхъ появился въ XVII-мъ и XVIII-мъ столѣтіяхъ. Такъ Гедаръ (Goedart) вывелъ изъ гусеницы и куколки бабочку *Orgyia gonostigma*, которая, не будучи оплодотворена, откладывала способныя къ развитію яйца (1667); Левенгукъ (1695) и Боннэ (1745) наблюдали дѣвственное размноженіе травяныхъ вшей или *тлей (Aphidae)*; регенсбургскій пасторъ Шефферъ (1755—6) сообщилъ о подобномъ же размноженіи *водяныхъ блохъ (дафній)* и *щитней (Apus)*. Съ тѣхъ поръ многіе естествоиспытатели, и въ числѣ ихъ такія знаменитости, какъ Тревиранусъ, Бурмейстеръ, Лакордеръ и другіе, сообщали о разныхъ примѣрахъ «Lucina sine concubitu», т.-е. зачатія безъ оплодотворенія. Но большею частью случаи эти были недостаточно провѣрены; не съ достовѣрной точностью было доказано отсутствіе самцовъ, которые,—напримѣръ, у бабочекъ,—проявляютъ особенную чуткость при отыскиваніи самокъ, и при неполномъ контролѣ опытовъ легко можно было предполагать, что пробравшіеся какимъ-нибудь образомъ самцы оплодотворили самку. Да и вообще необходимость оплодотворенія для развитія яйца казалась столь ясною и безспорною, что самое предположеніе о возможности исключеній изъ этого правила являлось въ

высшей степени страннымъ и невѣроятнымъ,—и это не только въ тѣ времена, когда ученіе о партеногенезѣ только что зарождалось, но, какъ мы увидимъ, и во времена гораздо позднѣйшія. Когда, напримѣръ, Констанъ де-Кастелль (1795) сообщилъ знаменитому Реомюру, какъ президенту парижской академіи, о своемъ открытіи дѣвственнаго размноженія у *тутоваго шелкопряда (Bombyx mori)*, то Реомюръ отвѣтилъ ему: ex nihilo nihil fit (изъ ничего ничего не выходитъ); и сконфуженный Констанъ счелъ себя вынужденнымъ оправдывать свою «ошибку» тѣмъ, что, можетъ быть, гусеницы оплодотворялись передъ окукленіемъ.

Долгое время партеногенезъ смѣшивали съ безполымъ размноженіемъ; даже самый терминъ «партеногенезъ» былъ введенъ Р. Оуэномъ именно для обозначенія безполаго размноженія (путемъ дѣленія или почкованія), которое встрѣчается у многихъ низшихъ животныхъ. За безполое размноженіе считался также и партеногенезъ *тлей*. Эти мелкія насѣкомыя имѣютъ различный и иногда чрезвычайно сложный, запутанный циклъ развитія, но въ простѣйшей формѣ онъ протекаетъ слѣдующимъ образомъ. Осенью бываетъ поколѣніе тлей, состоящихъ изъ самцовъ и самокъ. Самки послѣ оплодотворенія откладываютъ яйца, которыя перезимовываютъ, а слѣдующею весною изъ этихъ яицъ выходятъ молодыя тли. Эти послѣднія вскорѣ рождаютъ, безъ оплодотворенія, новое поколѣніе тлей. Новорожденныя тли, достигнувъ зрѣлости, рождаютъ безъ оплодотворенія опять новое поколѣніе,—и подобный процессъ повторяется нѣсколько разъ въ теченіе лѣта, причемъ одно живородящее поколѣніе смѣняется другимъ и всѣ они происходятъ безъ оплодотворенія. Только осенью рождаются вышеупомянутые самцы и самки и тогда, послѣ оплодотворенія, откладываются зимующія яйца. Такимъ образомъ при размноженіи тлей чередуются два рода поколѣній: поколѣнія живородящихъ тлей и поколѣніе самцовъ и самокъ. Подобный способъ размноженія знаменитый датскій естествоиспытатель Стенструпъ назвалъ (1842) перемѣною поколѣній; поколѣніе, производящее потомковъ безъ оплодотворенія, онъ назвалъ поколѣніемъ кормилицъ, въ отличіе отъ поколѣнія настоящихъ самокъ, которыя размножаются посредствомъ оплодотворенныхъ яицъ. Это мнѣніе поддерживалось по отношенію къ тлямъ долгое время. Сперва утверждали (Карусъ, 1849), что живородящія тли—безполыя существа, что дѣтеныши зарождаются въ нихъ не изъ яицъ, а изъ особыхъ «зачатковъ», состоящихъ изъ безформенной зернистой массы. Позднѣе узнали, что живородящія тли имѣютъ вполнѣ развитой женскій половой аппаратъ; тѣмъ не менѣе ихъ долгое время не признавали за самокъ, а продолжали считать «кормилицами», называя яичники ихъ «зародышниками» (Keimstöcke—Зибольдъ), а яйца—зачатками (Keim—Зибольдъ) или лже-яйцами (pseudova—Гексли). Много пришлось потратить труда, пока было, наконецъ, признано, что эти

лже-яйца—въ сущности тѣ же настоящія яйца, только имѣющія ускоренное развитіе. Убѣжденію, что живородящія тли не самки, а какія-то безполыя существа, много способствовало отсутствіе у нихъ сѣмепріемника (receptaculum seminis),—особаго резервуара, въ которомъ у насѣкомыхъ сохраняется мужское сѣмя, вводимое при совокупленіи,—хотя отсутствіе этого органа доказываетъ вовсе не безполую, а развѣ только исключительно дѣвственную природу данныхъ самокъ—неспособность ихъ къ оплодотворенію. Нѣкоторые считали тлей не за безполыя существа, а за гермафродитовъ, или допускали, что оплодотвореніе одного поколѣнія простираетъ свое вліяніе на цѣлый рядъ слѣдующихъ поколѣній.

Ученіе о дѣвственномъ размноженіи не могло прочно стать на научную почву, пока не получило могучаго толчка со стороны Зибольда, который желалъ, между прочимъ, выяснить вопросъ о партеногенезѣ пчелъ, энергично возбужденный въ сороковыхъ годахъ знаменитымъ пчеловодомъ, католическимъ патеромъ Дзирдзономъ. Дзирдзонъ выступилъ съ смѣлою гипотезой, что трутни (самцы) пчелъ всегда развиваются изъ неоплодотворенныхъ яицъ. Мысль эта была, какъ мы видѣли, въ общихъ чертахъ высказана уже Аристотелемъ, но Дзирдзонъ обставилъ ее убѣдительными доказательствами и опытами. Пчеловодамъ давно было извѣстно, что царицы съ поврежденными крыльями, слѣдовательно, неспособныя къ оплодотворенію, которое у пчелъ всегда совершается на лету, въ воздухѣ,—все-таки кладутъ яйца, но изъ этихъ яицъ развиваются исключительно трутни; далѣе, извѣстно было, что рабочія пчелы, имѣющія слишкомъ узкія половыя части и совершенно неразвитой сѣмепріемникъ, тѣмъ неменѣе иногда кладутъ яйца, изъ которыхъ опять-таки развиваются трутни. Въ доказательство правильности своей гипотезы Дзирдзонъ произвелъ слѣдующій интересный опытъ. Онъ скрестилъ царицу итальянской разновидности пчелы, которая отличается болѣе свѣтлою окраской, съ нѣмецкими трутнями. Въ результатѣ такого скрещиванія получилось потомство, въ которомъ только трутни сохранили свѣтлую окраску итальянки-матери, а рабочія и царицы представляли помѣсь итальянской пчелы съ нѣмецкою. Отсюда Дзирдзонъ вывелъ заключеніе, что въ тѣхъ случаяхъ, когда въ сѣмепріемникѣ царицы находится сѣмя, оплодотворенію подвергаются всѣ яйца, кромѣ тѣхъ, изъ которыхъ развиваются трутни; послѣднія же проходятъ по яйцепроводамъ и влагалищу мимо сѣмепріемника, не подвергаясь оплодотворенію.

Гипотеза патера-пчеловода возбудила большіе споры и множество возраженій съ разныхъ сторонъ и была принята только послѣ того, какъ пчеловоды обратились къ содѣйствію спеціалистовъ за разрѣшеніемъ спорныхъ вопросовъ. Взявшись за это дѣло, Зибольдъ доказалъ присутствіе сперматозоидовъ (мужскихъ оплодотворяющихъ

элементовъ) въ яйцахъ, положенныхъ въ ячейки, служащія для развитія рабочихъ и матокъ (царицъ), и постоянное отсутствіе ихъ въ яйцахъ трутневыхъ ячеекъ. Отсюда онъ заключилъ, что оплодотворенная царица, когда она посѣщаетъ ячейки разныхъ сортовъ, поступаетъ различно: кладя яйца въ ячейки матокъ или рабочихъ, она выпускаетъ сѣмя изъ сѣмепріемника и оплодотворяетъ яйцо; если же она погружаетъ задній конецъ тѣла въ трутневую ячейку, то не выпускаетъ сѣмени на яйца и они остаются неоплодотворенными. Такимъ образомъ пчелы имѣютъ двоякое размноженіе: типическое половое—для развитія рабочихъ и царицъ—и партеногенетическое, при которомъ происходятъ трутни.

Зибольдъ опубликовалъ эти данныя въ своемъ классическомъ сочиненіи «Wahre Parthenogenesis bei Schmetterlingen und Bienen» (1856), въ которомъ впервые было точно установлено понятіе о дѣвственномъ размноженіи, какъ о развитіи изъ настоящихъ, но неоплодотворенныхъ яицъ. Въ этомъ же сочиненіи онъ доказалъ, что партеногенезъ составляетъ обычную форму размноженія у нѣкоторыхъ бабочекъ (роды *Solenobia*, *Psyche*), у которыхъ самцы встрѣчаются очень рѣдко. Доказательства, приведенныя Зибольдомъ, были настолько вѣски, что сомнѣваться въ возможности развитія изъ неоплодотворенныхъ яицъ сдѣлалось невозможнымъ для каждаго образованнаго зоолога. Правда, еще долгое время высказывались разныя сомнѣнія; еще въ 1868 г. Плато высказывалъ надежду, что «настанетъ день—и, можетъ быть, очень скоро,—когда оба эти слова—партеногенезъ и гетерогонія—исчезнутъ навсегда изъ серьезной науки»; правда, еще въ концѣ XIX-го вѣка Фабръ выражался о теоріи Дзирдзона, что «эта теорія по своему нѣмецкому происхожденію, способна внушить лишь глубочайшее недовѣріе», и еще недавно одинъ извѣстный нѣмецкій пчеловодъ (Дикель) всячески старался поколебать ученіе Дзирдзона, но научная провѣрка каждый разъ подтверждала показанія Зибольда, Впрочемъ и тѣ ученые, которые, обладая сами основательными знаніями по анатоміи и исторіи развитія животныхъ, оцѣнили по достоинству работу Зибольда, не могли все-таки отнестись къ результатамъ ея иначе, какъ съ чувствомъ неудовольствія и нѣкотораго раздраженія: до такой степени явленіе дѣвственнаго размноженія не вязалось съ установившимися догматами тогдашней біологіи. Такъ, знаменитый физіологъ Рудольфъ Вагнеръ высказался въ своемъ рефератѣ статьи Зибольда, что «партеногенезъ принадлежитъ къ числу самыхъ неудобныхъ фактовъ, противорѣчащихъ общимъ законамъ жизненныхъ явленій», и что «радоваться прочному установленію этого факта столь же невозможно, какъ невозможно было бы радоваться физику, если бы вдругъ оказались исключенія изъ закона тяготѣнія». Также и Лейдигъ, уже тогда прославленный своими гистологическими изслѣдованіями, высказался, что,

какъ ни интересна работа Зибольда, но общее впечатлѣніе ея—непріятно, «особенно для тѣхъ, которые съ любовью отстаиваютъ мысль, что природа твердо держится извѣстныхъ правилъ въ важнѣйшихъ жизненныхъ процессахъ и не легко отказывается отъ нихъ». Ученымъ точно жаль было разстаться съ привычною для нихъ рутиною; точно страшно было открывающихся новыхъ горизонтовъ! Какою юношескою бодростью, какою свѣжестью мысли звучитъ, въ сравненіи съ этими трусливыми жалобами рутинеровъ, умный и дальновидный совѣтъ Клода Бернара своимъ ученикамъ: «никогда не бойтесь противорѣчивыхъ фактовъ; очень и очень часто въ нихъ скрывается зародышъ открытія!»

Какъ бы то ни было, фактъ партеногенеза былъ прочно установленъ и оказалось, что явленіе это довольно распространено въ животномъ царствѣ. Не всѣ, правда, сообщенія о партеногенезѣ тѣхъ или другихъ животныхъ заслуживаютъ полнаго довѣрія,—многія, безъ сомнѣнія, основаны на ошибкахъ,—но и отбросивъ всѣ сколько-нибудь сомнительныя показанія, мы находимъ все-таки очень значительное число видовъ, которымъ свойственно дѣвственное размноженіе, а въ нѣкоторыхъ группахъ животныхъ партеногенезъ настолько обыченъ, что прямо вытѣснилъ обычную форму полового размноженія. Чаще всего партеногенезъ встрѣчается у *членистоногихъ* животныхъ (Arthropoda), а именно у *насѣкомыхъ* и *ракообразныхъ*. Изъ *насѣкомыхъ* онъ найденъ у нѣкоторыхъ *бабочекъ* (роды *Solenobia*, *Psyche*, *Bombyx Liparis* и многіе другіе роды, относительно которыхъ показанія требуютъ, однако, провѣрки), *перепончатокрылыхъ* (*пчелы*, *осы*, *муравьи*, *орѣхотворки*, многіе *пилильщики*), у *хоботныхъ* (*тли*, *червецы*), у нѣкоторыхъ *двукрылыхъ* (*Cecidomyidae*),—гдѣ, вслѣдствіе ранняго развитія половыхъ органовъ, еще личинка дѣлается способною размножаться партеногенетически, что и получило названіе педогенеза, т.-е. дѣтскаго размноженія; подобнымъ же образомъ, по нѣкоторымъ показаніямъ, размножаются куколки нѣкоторыхъ видовъ комаровъ изъ рода *Chironomus*. Относительно другихъ отрядовъ насѣкомыхъ показанія о партеногенезѣ недостовѣрны; такъ, напр., изъ *жуковъ* дѣвственное размноженіе приписывается листоѣдамъ *Eumolpus vitis* и *Gastrophysa raphani*. Изъ *ракообразныхъ* партеногенезъ чрезвычайно распространенъ у *листоногихъ* раковъ, именно у *водяныхъ блохъ* (*Daphnidae*), *щитней* (*Apus*) и другихъ *листоногихъ* (*Branchipus*, *Artemia*, *Limnadia*), затѣмъ у *ракушковыхъ рачковъ* (*Ostracoda*). Въ другихъ классахъ членистоногихъ животныхъ партеногенезъ не встрѣчается, если не считать нѣсколькихъ сомнительныхъ показаній относительно многоножекъ (*Geophilus*) и клещей (*Trombidiidae*, *Gamasidae*). Затѣмъ дѣвственное размноженіе весьма обычно въ нѣкоторыхъ классахъ типа *червей*. Здѣсь оно всего болѣе распространено у *коловратокъ* (*Rotatoria*), найдено также у нѣкоторыхъ мелкихъ кольчецовъ (*Chae-*

togaster) и *круглыхъ червей* (*Nematoda*). Изъ *моллюсковъ* развитіе неоплодотвореннаго яйца наблюдалось у *Firola*, изъ *иглокожихъ* — у разныхъ видовъ *морскихъ ежей* и *звѣздъ*. Были показанія о существованіи его въ зачаточномъ видѣ и у *позвоночныхъ*, но данныя эти оказались ошибочными.

Если партеногенезъ, такимъ образомъ, встрѣчается у весьма различныхъ животныхъ, то свойственъ онъ имъ въ весьма различной степени. Такъ у *иглокожихъ*, у нѣкоторыхъ *бабочекъ* (*Liparis, Bombyx*) и др. онъ появляется лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ, единично, тогда какъ нормально господствуетъ типичное половое размноженіе. Такой партеногенезъ называется факультативнымъ. У *пчелъ*, *осъ*, *муравьевъ* партеногенетически развиваются только самцы, самки же всегда происходятъ изъ оплодотворенныхъ яицъ; такому партеногенезу присвоено названіе арренотокіи. У бабочекъ родовъ *Psyche* и *Solenobia* и у *тлей* въ цѣломъ длинномъ рядѣ партеногенетическихъ поколѣній появляются исключительно особи женскаго пола, что и называется телитокіею. Есть и такіе случаи, когда въ одномъ и томъ же поколѣніи изъ неоплодотворенныхъ яицъ развиваются и самцы, и самки; такъ бываетъ, напр., въ томъ поколѣніи тлей, которое происходитъ отъ такъ называемыхъ плодоносокъ (sexuparae), т.-е. порождается этими плодоносками (живородящія тли) или вылупляется изъ отложенныхъ ими яицъ (*Chermes, Phylloxera*).

Въ большинствѣ случаевъ (не говоря уже о факультативномъ партеногенезѣ) дѣвственное размноженіе не продолжается безконечно, а чередуется съ нормальнымъ размноженіемъ черезъ оплодотвореніе. Иногда это чередованіе происходитъ неправильно, самцы даннаго вида чрезвычайно рѣдки и появляются лишь послѣ длиннаго, даже многолѣтняго ряда поколѣній исключительно женскаго пола. Такъ, напр., у *щитней* (*Apus*), со времени ихъ открытія (1756 г.) Шеффероmъ, втеченіе 100 лѣтъ были извѣстны только самки и лишь въ 1857 г. Коцубовскому удалось найти самца. Подобнымъ же образомъ и у нѣкорыхъ бабочекъ самцы появляются лишь изрѣдка, черезъ большіе промежутки времени: у *Solenobia lichenella* Гартманнъ въ теченіе 8 лѣтъ наблюдалъ дѣвственное размноженіе, причемъ всѣ особи были, конечно, самки. Очень рѣдки также самцы у *Psyche helix*, гдѣ ихъ только въ 1866 году удалось вывести Клаусу, причемъ оказалось, что уже ранѣе (1852 г.) самецъ этого вида былъ описанъ Брюаномъ подъ особымъ видовымъ названіемъ (*Psyche crenulella*). У семи видовъ *круглыхъ червей* (*Nematoda*) Мопа не могъ найти самцовъ (у *Rhabditis Schneideri*, напр., среди 4.039 индивидовъ, выведенныхъ въ культурахъ, не было ни одного самца); ясно, что они или вовсе не существуютъ, или крайне рѣдки и не имѣютъ существеннаго значенія. Вообще изъ самаго факта рѣдкости самцовъ дѣлается во многихъ случаяхъ заключеніе о вѣроятномъ партеногенезѣ даннаго вида; само собою разу-

мѣется, что для научнаго утвержденія партеногенеза необходимо строгое опытное доказательство, что особи этого вида могутъ быть выведены изъ завѣдомо неоплодотворенныхъ яицъ. Иногда самцовъ долго не находятъ не потому, чтобы они были рѣдки, а по мелкости ихъ, особой неожиданной ихъ формѣ,—вообще по трудности нахожденія и узнанія ихъ. Такъ, самцы у тлей рода *Chermes* долгое время оставались неизвѣстными, пока открытіе мелкихъ самцовъ у другихъ видовъ и родовъ тлей (*Pemphigus, Phylloxera*) не навело на мысль искать подобныхъ же самцовъ и у *хермесовъ*, гдѣ они и были открыты впервые Блохманомъ въ 1887 году.

Во многихъ случаяхъ партеногенезъ правильно чередуется съ обоеполымъ поколѣніемъ. Такъ, у *орѣхотворокъ* (*Cynipidae*),—мелкихъ перепончатокрылыхъ насѣкомыхъ, личинки которыхъ живутъ въ обусловливаемыхъ ими болѣзненныхъ наростахъ—галлахъ или орѣшкахъ—на дубѣ и другихъ растеніяхъ,—многіе виды обнаруживаютъ такъ называемую гетерогонію, т.-е. чередованіе несходныхъ поколѣній. Такъ какъ отдѣльныя поколѣнія очень сильно различаются между собою и выходятъ изъ весьма различныхъ галловъ, то ихъ прежде считали даже за отдѣльные виды и только подробное изученіе біологическаго цикла ихъ выяснило, что очень часто предполагаемые самостоятельные виды орѣхотворокъ представляютъ только извѣстное поколѣніе тѣхъ или другихъ уже ранѣе извѣстныхъ видовъ. Такъ, напр., у орѣхотворки *Andricus globuli* весеннее партеногенетическое поколѣніе, называвшееся прежде *Aphilothrix globuli*, выходитъ изъ зимующихъ мелкихъ кругловатыхъ галловъ, образующихся изъ почекъ дуба; особи этого поколѣнія откладываютъ яйца въ верхушечныя или пазушныя почки дуба, вслѣдствіе чего вокругъ развивающейся личинки образуются болѣе крупные галлы въ видѣ вздутій у основанія молодыхъ побѣговъ, а изъ этихъ галловъ выходитъ въ іюнѣ или въ іюлѣ лѣтнее поколѣніе, состоящее изъ самцовъ и самокъ и извѣстное подъ именемъ *Andricus inflator*. Это обоеполое поколѣніе откладываетъ оплодотворенныя яйца, изъ коихъ выходятъ личинки, развивающіяся въ упомянутыхъ зимующихъ кругловатыхъ галлахъ.

При размноженіи тлей также обыкновенно наблюдается гетерогонія и отдѣльныя поколѣнія также иногда бываютъ до того различны по своему строенію или мѣстообитанію, что прежде принимались за самостоятельные виды. Размноженіе тлей усложняется еще особымъ явленіемъ—переселеніемъ или миграціею, причемъ отдѣльныя поколѣнія живутъ на разныхъ кормовыхъ растеніяхъ. То растеніе, на которомъ живетъ обоеполое поколѣніе даннаго вида, называется настоящимъ кормовымъ растеніемъ его, а тотъ видъ растенія, на которомъ извѣстныя тли живутъ лишь временно, пока не появится поколѣніе, обратно переселяющееся на настоящее кормовое растеніе,—носитъ названіе промежуточнаго растенія. Термины эти заимствованы изъ жи-

вотной паразитологіи, гдѣ также различаются (напр., для ленточныхъ и пузырчатыхъ глистъ) настоящіе и промежуточные хозяева. Очень подробно изученъ такой миграціонный циклъ у разныхъ видовъ тлей рода *Chermes*, настоящимъ кормовымъ растеніемъ которыхъ служитъ ель. Вотъ, для примѣра, біологическій циклъ зеленаго хермеса (*Chermes viridis*), для котораго настоящимъ кормовымъ растеніемъ служитъ ель, а промежуточнымъ — лиственница.

1-е поколѣніе. Безкрылая, вышедшая изъ оплодотвореннаго яйца матка-основательница, перезимовавъ, весною сосетъ у основанія почки ели и кладетъ многочисленныя яйца.

2-е поколѣніе. Тли, вышедшія изъ яицъ, забираются между хвоинками раскрывающейся почки, которая, вслѣдствіе раздраженія, причиняемаго хоботками сосущихъ тлей, сильно разбухаетъ и превращается въ шишкообразный галлъ; внутри этого галла тли ростутъ и получаютъ зачатки крыльевъ. Когда галлъ въ серединѣ лѣта (въ іюлѣ) раскроется, тли выходятъ изъ него, окрыляются и улетаютъ на лиственницу, почему это поколѣніе и называется крылатами эмигрантами.

3-е поколѣніе. Изъ яицъ, отложенныхъ крылатыми эмигрантами на хвоѣ лиственницы, выходятъ мелкія тли, которыя переползаютъ на кору и остаются здѣсь зимовать, образуя поколѣніе промежуточныхъ матокъ.

4-е поколѣніе. Весною промежуточныя матки (всѣ остающіяся безкрылыми) выростаютъ и кладутъ яйца, изъ которыхъ выходятъ тли, получающія съ возрастомъ крылья и улетающія снова на ель. Это четвертое (окрыленное) поколѣніе тлей называется плодоносками.

5-е поколѣніе. Плодоноски на ели откладываютъ яйца, изъ которыхъ выходятъ чрезвычайно мелкіе безкрылые самцы и самки. Оплодотворенныя самки откладываютъ яйца, дающія начало первому поколѣнію.

Такимъ образомъ здѣсь за четырьмя партеногенетическими поколѣніями всегда слѣдуетъ пятое обоеполое, заканчивающее и возобновляющее біологическій циклъ. Какъ ни сложенъ самъ по себѣ этотъ циклъ, однако въ немъ возможны дальнѣйшія усложненія. Такъ, у нѣкоторыхъ видовъ хермесовъ (*Ch. strobilobius*, *Ch. sibiricus* и др.) четвертое поколѣніе раздваивается: однѣ изъ относящихся къ нему тлей окрыляются и становятся плодоносками, а другія остаются безкрылыми и кладутъ яйца на промежуточномъ растеніи (у *Ch. strobilobius* на лиственницѣ, у *Ch. sibiricus* на сибирскомъ кедрѣ); изъ яицъ этихъ выходитъ не обоеполое поколѣніе, а опять таки партеногенетическія тли, остающіяся безкрылыми и кладущія яйца, дающія начало новому поколѣнію такихъ же тлей и т. д. Эти безкрылыя поколѣнія, живущія на промежуточномъ растеніи и размножающіяся партеногенетически неопредѣленно долгое время, называются переселенцами или

изгнанниками (exsules). Благодаря этимъ переселенцамъ партеногенезъ у данныхъ видовъ тлей получаетъ нѣкоторое преобладаніе надъ амфигоніею: кромѣ обычнаго миграціоннаго цикла (совершаемаго въ теченіе двухъ лѣтъ), у нихъ имѣются еще побочные партеногенетическіе циклы, неопредѣленной продолжительности, на промежуточномъ растеніи. Наконецъ, у нѣкоторыхъ видовъ партеногенезъ получаетъ рѣшительное преобладаніе, дѣлаясь исключительною формою размноженія, причемъ миграція совершенно выпадаетъ и весь циклъ развитія совершается въ теченіе одного года. Такъ, у *желтаго еловаго хермеса* (*Chermes abietis* Kalt) крылатыя тли, вышедшія изъ галловъ на ели, не улетаютъ на лиственницу или на другое растеніе, но кладутъ яйца на ели же; вылупившіяся изъ этихъ яицъ личинки, отличающіяся удлиненною формою тѣла и очень длинными щетинками хоботка, зимуютъ у основанія почекъ ели, а весною, созрѣвъ, кладутъ яйца и обусловливаютъ образованіе галла, въ которомъ живетъ вылупившееся изъ отложенныхъ ими яицъ и впослѣдствіи окрыляющееся поколѣніе. Здѣсь, такимъ образомъ, весь циклъ состоитъ всего только изъ двухъ поколѣній,—одного безкрылаго и одного крылатаго,—и оба эти поколѣнія размножаются партеногенетически. Другой видъ—зеленоватый хермесъ (*Chermes viridanus*)—живетъ исключительно на лиственницѣ, которая для другихъ видовъ служитъ только промежуточнымъ растеніемъ, и имѣетъ еще болѣе упрощенный циклъ; здѣсь въ теченіе года развивается всего только одно партеногенетическое поколѣніе: перезимовавшія личинки ростутъ и окрыляются, а окрылившись, кладутъ яйца, изъ которыхъ вылупляются зимующія личинки.

Такимъ образомъ мы видимъ, что партеногенезъ можетъ сдѣлаться исключительною формою размноженія. Кромѣ тлей, это наблюдается, напримѣръ, у нѣкоторыхъ видовъ *орѣхотворокъ* (*Cynipidae*), какъ это доказано Адлеромъ; то же сообщаетъ въ новѣйшее время Мопа относительно нѣкоторыхъ видовъ свободно живущихъ *круглыхъ червей* (*Nematoda*); то же можно считать, по крайней мѣрѣ, весьма вѣроятнымъ, если не несомнѣннымъ, для многихъ *коловратокъ*, *дафній*, *ракушковыхъ рачковъ*. Правда, мысль о возможности исключительнаго партеногенеза кажется многимъ зоологамъ трудно допустимою, но это лишь выраженіе той же рутины, той же неохоты признавать нѣчто, противорѣчащее общепринятому шаблону, какъ мы это видѣли по отношенію къ установленію самаго факта партеногенеза. Какъ пришлось въ концѣ концовъ признать этотъ фактъ, такъ и случаи исключительнаго партеногенеза, будучи уже въ настоящее время точно доказаны, дождутся, наконецъ, всеобщаго признанія.

Много труда потребовало точное установленіе всѣхъ только что изложенныхъ фактовъ; колоссальная масса кропотливой работы и умственной энергіи была потрачена для достиженія этой цѣли. Но недостаточно установить новый фактъ: умъ невольно стремится объяснить его, т.-е.

поставить въ связь съ тѣми фактами и явленіями, которые намъ болѣе извѣстны и понятны, или, по крайней мѣрѣ, кажутся таковыми. Прежде всего самъ собою напрашивается вопросъ: въ чемъ же состоитъ сущность партеногенеза и въ какомъ отношеніи находится онъ къ другимъ формамъ размноженія?

Въ недавнее время было весьма распространено мнѣніе, что партеногенезъ представляетъ одну изъ формъ такъ называемаго безполаго размноженія, да и до сихъ поръ можно еще встрѣтить это мнѣніе въ учебникахъ. Безполымъ размноженіемъ называется размноженіе посредствомъ дѣленія или почкованія, безъ участія половыхъ органовъ, наблюдаемое у многихъ низшихъ животныхъ (у *простѣйшихъ*, у *губокъ*, *полиповъ*, нѣкоторыхъ *червей* и проч.). При почкованіи отъ материнскаго организма отдѣляются части, живущія затѣмъ самостоятельно; части эти называются почками, и почки эти бываютъ большею частію наружныя, рѣже внутреннія (напр., у *губки-бадяги*). Состоятъ онѣ всегда изъ многихъ клѣтокъ, которыя происходятъ отъ разныхъ зародышевыхъ пластовъ (первичныхъ органовъ, дающихъ въ эмбріональномъ развитіи начало разнымъ органамъ животнаго). Если допустить, что, кромѣ многоклѣточныхъ почекъ, могутъ быть и одноклѣточныя, то такою одноклѣточною почкою и явится партеногенетическое яйцо.

Какъ ни соблазнительно подобное объясненіе по своей кажущейся простотѣ, однако оно совершенно не выдерживаетъ критики. Партеногенетическое яйцо потому уже не можетъ быть сравниваемо съ почкою, что почка не принадлежитъ по существу никакому отдѣльному органу и можетъ развиваться изъ самыхъ различныхъ частей тѣла, а партеногенетическое яйцо всегда развивается въ женской железѣ,—въ яичникѣ. Даже у живородящихъ тлей, гдѣ половой аппаратъ болѣе или менѣе сильно уклоняется отъ обычнаго для насѣкомыхъ типа, пришлось, какъ мы видѣли, признать предполагаемые «зачатки» за настоящія яйца, «зачаточники» за яичники, а самихъ тлей — за настоящихъ самокъ. Еще яснѣе это для другихъ насѣкомыхъ или вообще животныхъ, обладающихъ дѣвственнымъ размноженіемъ. У пчелъ, напр., женская половая клѣтка, несомнѣнно представляющая собою настоящее яйцо, можетъ развиваться и съ оплодотвореніемъ (когда изъ нея должна развиться рабочая пчела или матка), и безъ оплодотворенія (въ случаѣ, если изъ нея развивается трутень). То же самое видимъ мы и во всѣхъ случаяхъ факультативнаго партеногенеза, приведенныхъ выше: совершенно одинаковыя яйца могутъ развиваться и съ оплодотвореніемъ, и безъ оплодотворенія. Наконецъ, въ новѣйшее время доказано, какъ будетъ изложено ниже, что во многихъ случаяхъ можно возбудить дѣвственное размноженіе искусственно: можно заставить яйцо, нормально требующее оплодотворенія, развиваться безъ оплодотворенія.

Такимъ образомъ теперь выяснено съ полной несомнѣнностью, что партеногенезъ никоимъ образомъ не представляетъ собою одной изъ формъ безполаго размноженія, а относится всецѣло къ размноженію половому, но при участіи только одного изъ половъ, именно женскаго. Это не безполое, а однополое размноженіе, и такъ какъ существуютъ виды, которые размножаются исключительно партеногенетически, то, слѣдовательно, существуютъ однополые виды, у которыхъ всѣ особи бываютъ женскаго пола, самцы же вполнѣ отсутствуютъ.

Разъ доказано, что партеногенезъ представляетъ одну изъ формъ полового размноженія, то естественно предположить, что онъ есть лишь результатъ видоизмѣненія обычной формы полового размноженія (амфигоніи), черезъ подавленіе потребности яйца въ оплодотвореніи; другими словами, онъ не является переходомъ отъ безполаго размноженія къ половому, а имѣетъ происхожденіе вторичное, т.-е. происходитъ отъ обоеполаго размноженія. И дѣйствительно, простыя соображенія, какъ и самые факты, неотразимо приводятъ къ этому выводу, который въ настоящее время получилъ почти всеобщее признаніе.

Такъ, по отношенію къ многимъ партеногенетически размножающимся животнымъ, напр., къ тлямъ, ясно до очевидности, что дѣвственное размноженіе чрезвычайно выгодно для нихъ въ смыслѣ могучаго орудія борьбы за существованіе. Появляясь въ цѣломъ рядѣ поколѣній только въ видѣ самокъ, которыя могутъ размножаться, не дожидаясь встрѣчи съ самцами, и черезъ то быстро производятъ многочисленное потомство,—тли необыкновенно быстро увеличиваются въ числѣ и покрываютъ съ избыткомъ всѣ безчисленныя потери, причиняемыя имъ хищниками, паразитами, измѣненіями погоды и проч. Только съ помощью партеногенеза тли и могутъ существовать,—иначе онѣ постоянно истреблялись бы поголовно. Но что партеногенезъ у нихъ произошелъ отъ обоеполаго размноженія, доказывается уже тѣмъ, что у огромнаго большинства ихъ самцы правильно появляются черезъ извѣстное число поколѣній. У нѣкоторыхъ видовъ, какъ мы уже знаемъ, партеногенезъ усиливается появленіемъ побочныхъ цикловъ въ лицѣ выше описанныхъ переселенцевъ. У другихъ видовъ дѣло усиленія партеногенеза насчетъ амфигоніи идетъ еще дальше. Такъ у европейскаго *сосноваго хермеса* (*Chermes pini*), живущаго на соснѣ, миграція на ель, ведущая къ появленію обоеполаго поколѣнія, бываетъ лишь въ единичныхъ случаяхъ (лишь въ нѣкоторые годы болѣе обильно), обыкновенно же крылатыя плодоноски не развиваются, а вмѣсто нихъ возникаютъ другія крылатыя, кладущія яйца на соснѣ же, причемъ изъ этихъ яицъ вылупляется не обоеполое поколѣніе, а зимующія на соснѣ личинки безкрылаго партеногенетическаго поколѣнія. Да если миграція у этого хермеса и бываетъ, то обыкновенно его обоеполое поколѣніе вымираетъ, не отложивъ яицъ, или оплодотворенныя яйца не развиваются; галловъ же его на ели до сихъ поръ

еще ни разу не удалось найти. Возможно, что эти галлы окажутся тождественными съ галлами *восточнаго хермеса* (*Ch. orientalis*), встрѣчающимися на кавказской ели (Picea orientalis), рѣже на нашей сѣверной ели (P. excelsa), такъ какъ этотъ хермесъ весьма похожъ на нашего сосноваго хермеса и эмигрируетъ изъ галловъ на сосну; но пока это только предположеніе. Если это предположеніе подтвердится, то придется признать, что нашъ сѣверный сосновый хермесъ образовалъ особый видъ или видоизмѣненіе, у котораго миграція появляется лишь временами, въ видѣ какъ бы біологическаго рудимента,—какъ воспоминаніе о происхожденіи отъ южнаго, правильно мигрирующаго вида,—и уже не имѣетъ практическаго значенія. Подобную же угасающую миграцію нашелъ недавно Нюсслинъ у одного вида западно-европейскихъ хермесовъ, живущаго на пихтѣ (*Chermes funitectus*). Наконецъ миграція совершенно угасаетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ не появляется и обусловливаемое ею обоеполое поколѣніе и наступаетъ исключительный партеногенезъ, какъ мы это видѣли у желтаго еловаго и зеленоватаго лиственичнаго хермеса. Такимъ образомъ на примѣрѣ размноженія разныхъ видовъ тлей можно шагъ за шагомъ прослѣдить постепенное усиленіе партеногенеза насчетъ амфигоніи вплоть до окончательнаго его господства.

Вейсманъ совершенно правильно приводитъ въ связь съ происхожденіемъ партеногенеза отъ амфигоніи то обстоятельство, что партеногенезъ особенно распространенъ именно у членистоногихъ животныхъ, по высотѣ своей организаціи неспособныхъ къ безполому размноженію, которое встрѣчается у низшихъ животныхъ, гдѣ, наоборотъ, партеногенезъ бываетъ лишь въ видѣ исключенія.

Но если партеногенезъ есть производная форма отъ обычнаго полового размноженія, то весьма интересенъ вопросъ: что же за причины могли повести къ образованію такой производной формы? Тотъ фактъ, что партеногенезъ можетъ встрѣчаться у животныхъ самыхъ разнообразныхъ типовъ, яйца которыхъ чрезвычайно различаются между собою, невольно наводитъ на мысль, что онъ является выраженіемъ присущей каждому яйцу (въ большей или меньшей степени) способности самостоятельнаго развитія. Обыкновенно яйцо не развивается, не вступивъ въ соединеніе съ мужскою половою клѣткою (живчикомъ), но весьма нерѣдко оно оказывается способнымъ развиться и безъ этого соединенія. Почему же это?

Вопросъ, конечно, весьма не легкій, тѣмъ болѣе, что намъ, собственно говоря, столь же мало извѣстны и причины, обусловливающія необходимость оплодотворенія въ большинствѣ случаевъ. Мы знаемъ только изъ опыта, что оплодотвореніе обыкновенно бываетъ нужно для развитія яйца, но почему оно нужно,—этого мы не знаемъ, и только въ силу обычности этого факта онъ кажется «понятнымъ», въ дѣйствительности же онъ нисколько не понятнѣе дѣвственнаго развитія яйца. Въ обоихъ случаяхъ мы пока можемъ лишь дѣлать догадки,

строить теоріи, и если приближаемся къ объясненію факта, то успѣхи наши сводятся болѣе къ тому, что мы глубже и детальнѣе познаемъ формы совершающихся здѣсь явленій, чѣмъ сущность ихъ.

Какія же все-таки были и существуютъ попытки объяснить явленія партеногенеза?

Прежде всего, при изученіи свойствъ партеногенетическаго яйца, здѣсь, какъ и по отношенію въ цѣлымъ животнымъ, исходили изъ привычнаго представленія о необходимости оплодотворенія и, подобно тому, какъ тлей или дафній нѣкогда считали гермафродитами, пытались доказать гермафродитную, т.-е. двуполую природу партеногенетическаго яйца. Обыкновенное яйцо, по этой теоріи, какъ настоящая женская клѣтка, нуждается въ дополненіи своей женской природы мужской природою, что и достигается черезъ соединеніе съ живчикомъ. Партеногенетическое же яйцо имѣетъ природу двойную: въ немъ, кромѣ женскаго вещества, есть еще и мужское вещество, которымъ и замѣняется отсутствіе оплодотворенія. Такъ, Бальбіани одно время приписывалъ роль «мужского элемента» такъ называемому «желточному ядру», находящемуся въ протоплазмѣ нѣкоторыхъ яицъ наряду съ ихъ настоящимъ ядромъ (зародышевымъ пузырькомъ). Что такое это желточное ядро,—и до сихъ поръ хорошенько неизвѣстно (возможно, что подъ этимъ именемъ соединяются различныя образованія,—частію отложенія питательныхъ веществъ, частью центрозома—особое тѣло, управляющее дѣленіемъ клѣточнаго ядра); во всякомъ случаѣ, нѣтъ никакого основанія считать это образованіе за мужской элементъ, да и бываетъ оно обыкновенно въ яйцахъ тѣхъ животныхъ, для которыхъ партеногенезъ съ достовѣрностью не наблюдался. Новыя теоріи гермафродитизма яйца появились, когда было описано выдѣленіе созрѣвающимъ для оплодотворенія яйцомъ такъ называемыхъ направительныхъ пузырьковъ или полярныхъ клѣтокъ. Процессъ этотъ состоитъ въ томъ, что ядро яйца, приблизившись къ поверхности его, повторно дѣлится два раза, причемъ отдѣлившіяся половины (при каждомъ изъ дѣленій), окруженныя небольшимъ количествомъ протоплазмы, отшнуровываются отъ яйца въ видѣ двухъ мелкихъ клѣтокъ, которыя и извѣстны подъ именемъ полярныхъ клѣтокъ. Оставшаяся часть ядра отходитъ снова въ глубину яйца, образуя такъ называемое женское ядро, которое при оплодотвореніи соединяется съ мужскимъ ядромъ, происходящимъ изъ головки живчика. Одно время думали, что отдѣленіе направительныхъ пузырьковъ бываетъ только у тѣхъ яицъ, которыя нуждаются въ оплодотвореніи, а партеногенетическія яйца не отдѣляютъ этихъ пузырьковъ; такимъ образомъ выходило, что, отдѣляя пузырьки, яйцо выбрасываетъ свою мужскую субстанцію и изъ гермафродитной клѣтки дѣлается настоящею женскою клѣткою, способною въ воспріятію чужой мужской субстанціи, вносимой живчикомъ (Бальфуръ, Майнотъ). Вскорѣ, однако, выяснилось, что *всѣ* яйца, какъ партеногенетическія, такъ и оплодотворяемыя, отдѣляютъ направитель-

ные пузырьки, такъ что только изложенная теорія оказалась ошибочною. Однако, все-таки нашлось различіе (по крайней мѣрѣ для значительнаго большинства случаевъ) между партеногенетическими и оплодотворяемыми яйцами: первыя отдѣляютъ обыкновенно только одинъ пузырекъ, а вторыя—всегда два (Вейсманъ и др.). Это дало поводъ предполагать, что невыдѣляемый второй пузырекъ соотвѣтствуетъ у партеногенетическихъ яицъ мужскому ядру, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ наблюдалось, что онъ образуется и начинаетъ отдѣляться, но опять втягивается въ яйцо и сливается съ женскимъ ядромъ (Брауеръ). Однако, несмотря на это, пузырекъ этотъ никоимъ образомъ нельзя признать за мужскую клѣтку и ядро его за мужское ядро, такъ какъ, по изслѣдованіямъ Гертвига и другихъ, выяснилось съ полною несомнѣнностью, что направительные пузырьки—не что иное, какъ недоразвитыя яйца, т.-е. клѣтки женскія (наблюдали даже, что они, отдѣлившись, могутъ оплодотворяться живчикомъ и начинаютъ развиваться, подобно яйцамъ). Сверхъ того, сдѣлался извѣстнымъ цѣлый рядъ случаевъ, когда образуются два направительныхъ пузырька, а яйцо все таки развивается партеногенетически (неоплодотворенныя яйца пчелъ, нѣкоторыхъ бабочекъ, яйца коловратокъ рода *Asplanchna*, дающія начало самцамъ). Изъ всего этого очевидно, что теорія гермафродитной природы яйца должна быть окончательно отвергнута и что для объясненія партеногенеза надо поискать другихъ теорій.

Въ поискахъ за причинами, побуждающими яйцо къ развитію безъ воздѣйствія на него живчика, обращались, между прочимъ, къ теоріи естественнаго подбора. Будучи, несомнѣнно, выгоденъ въ борьбѣ за существованіе, партеногенезъ можетъ быть разсматриваемъ, какъ одно изъ приспособленій (въ половой сферѣ) къ извѣстнымъ жизненнымъ условіямъ. Развивая эту точку зрѣнія, Дюзингъ указалъ на тотъ замѣчательный фактъ, подтверждаемый статистическими изслѣдованіями, что всѣ организмы имѣютъ какъ бы способность при недостаткѣ въ индивидахъ какого-либо одного пола производить именно этотъ полъ, чѣмъ и регулируется постоянное численное отношеніе между полами. Напримѣръ, послѣ большихъ войнъ, когда истребляются огромныя количества недѣлимыхъ мужского пола, замѣчается значительный перевѣсъ въ числѣ рожденій именно индивидовъ мужского пола. Такимъ же образомъ дѣйствуютъ, кромѣ прямого недостатка въ самцахъ, всѣ эквивалентныя условія, напр., рѣдкое оплодотвореніе самокъ, истощеніе самцовъ, ихъ относительная старость и проч. Съ этой точки зрѣнія отчасти «объясняется» арренотокія. Очевидно, отсутствіе оплодотворенія яицъ (обычно нуждающихся въ оплодотвореніи) равносильно крайнему недостатку въ самцахъ и должно вести къ крайне увеличенному произведенію недѣлимыхъ мужского пола. Такъ и бываетъ у *пчелъ*, *осъ* и другихъ насѣкомыхъ, гдѣ, слѣдовательно, партеногенезъ является какъ бы приспособленіемъ къ недостатку въ самцахъ. Ясно,

что къ телитокіи это объясненіе не подходитъ: тамъ самцовъ тоже долгое время нѣтъ или они даже совсѣмъ отсутствуютъ, но въ результатѣ рождаются не самцы, а самки. Въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ, повидимому, другой факторъ развитія,—именно обиліе питанія. На основаніи многочисленныхъ біологическихъ и статистическихъ данныхъ оказывается, что при обильномъ питаніи родится обыкновенно значительно больше самокъ, нежели самцовъ. Отсюда выясняется происхожденіе телитокическаго партеногенеза: это есть приспособленіе къ благопріятнымъ условіямъ питанія, которыми видъ, такъ сказать, спѣшитъ воспользоваться, усиленно размножаясь на ихъ счетъ.

Если допустить, что все это вѣрно, т.-е., что арренотокія является приспособленіемъ къ недостатку въ самцахъ, а телитокія—къ обилію питанія, то все-таки нельзя не замѣтить, что этимъ развѣ лишь еще подробнѣе подтверждается важное біологическое значеніе партеногенеза, но не только сущность его, а даже матеріальная основа его остается столь же неясною, какъ она была и безъ этой теоріи. Въ самомъ дѣлѣ: пусть партеногенезъ есть приспособленіе къ тѣмъ или другимъ условіямъ жизни; но какимъ же образомъ происходитъ это приспособленіе и что именно за измѣненія совершаются въ яйцѣ, давая ему способность развиваться безъ участія живчика? Пока мы этого не знаемъ, собственно нельзя говорить о научномъ объясненіи партеногенеза. Кромѣ того, случаи факультативнаго партеногенеза, который появляется лишь единично, иногда лишь весьма рѣдко у даннаго вида животныхъ, не имѣютъ приспособительнаго характера и требуютъ особаго объясненія.

Въ виду этого весьма важно, что дѣвственное развитіе яйца можетъ быть вызвано искусственно, причемъ мы не только знаемъ способы, которыми можно его вызвать, но въ новѣйшее время стали извѣстными и нѣкоторыя морфологическія явленія въ яйцѣ, дѣлающія его способнымъ развиваться безъ оплодотворенія. Еще въ 1886 году русскому ученому А. Тихомирову удалось показать, что, дѣйствуя на неоплодотворенную грену (отложенныя яйца) *тутоваго шелкопряда* разведенными водою кислотами, теплою водою, потираніемъ кисточкою или суконкою, можно заставить весьма большой процентъ яицъ развиваться партеногенетически. Позднѣе онъ повторилъ и расширилъ эти опыты и убѣдился, что дѣвственное развитіе грены вообще возбуждается самыми разнообразными раздраженіями,—химическими, электрическими, механическими, термическими. Отсюда онъ заключилъ, что для возбужденія способности яйца въ развитію нужно вообще лишь какое-нибудь раздраженіе. Роль живчика и состоитъ, по его мнѣнію, именно въ томъ, что онъ раздражаетъ яйцо, примѣшивая къ нему свою субстанцію; раздраженіе же, вносимое живчикомъ, можетъ быть замѣнено разнообразными другими раздраженіями.

Какъ ни интересны эти факты, но все еще оставалось неяснымъ: что же, собственно, происходитъ въ яйцѣ вслѣдствіе испытываемыхъ

имъ раздраженій и почему вліяніе живчика эквивалентно химическому, механическому и другимъ чисто внѣшнимъ воздѣйствіямъ? Это и было въ значительной степени разъяснено опытами Лёба, Моргана, Уильсона и другихъ, произведенными на болѣе благопріятномъ матеріалѣ, чѣмъ яйца насѣкомыхъ,—именно на яйцахъ *иглокожихъ и червей*.

Чтобы понять, въ чемъ состояли открытія этихъ ученыхъ, надо знать нѣкоторыя явленія, которыя происходятъ въ животной клѣточкѣ при ея дѣленіи, такъ какъ развитіе яйца, какъ женской половой клѣтки, именно и начинается съ дѣленія его ядра. Обыкновенное или «митотическое» дѣленіе клѣтки происходитъ вкратцѣ слѣдующимъ образомъ. Плотное вещество ядра (хроматинъ), имѣющее въ покоѣ обыкновенно сѣтеобразное расположеніе, распадается на нѣсколько нитей или палочекъ—такъ называемыхъ хромозомъ, которыя расщепляются вдоль, каждая на двѣ совершенно равныя половины. Въ это время около ядра появляется маленькое тѣльце, такъ называемая центрозома, которая дѣлится на два тѣльца и оба этихъ «полярныхъ тѣльца» располагаются по противоположнымъ полюсамъ ядра, причемъ каждое изъ нихъ окружено системою лучей,—сіяніемъ. Часть этихъ лучей проникаетъ въ ядро, образуя такъ называемое ядерное веретено, и прикрѣпляется къ хромозомамъ, расположившимся въ экваторіальной плоскости ядра, причемъ къ каждой половинѣ расщепляющейся хромозомы прикрѣпляются лучи, идущіе отъ того и другого полярнаго тѣльца. Дальнѣйшая картина дѣленія производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто лучи сокращаются, подобно эластическимъ тяжамъ, разрываютъ хромозомы на ихъ уже расщепившіяся половины и оттягиваютъ эти половины въ полюсамъ, такъ что отъ каждой хромозомы одна половина отойдетъ къ одному полюсу, другая—къ другому, гдѣ и образуются, черезъ перепутываніе хромозомъ, два новыхъ ядра. Во всякомъ случаѣ центрозома и продукты ея дѣленія—полярныя тѣльца—необходимы для того, чтобы дѣленіе ядра могло совершиться. И вотъ въ результатѣ многочисленныхъ наблюденій надъ яйцами различнѣйшихъ животныхъ выяснилось, что въ яйцѣ послѣ выдѣленія направительныхъ пузырьковъ собственной центрозомы не имѣется и потому ядро его самостоятельно дѣлиться не можетъ. Недостающая центрозома вносится при оплодотвореніи живчикомъ и такимъ образомъ роль живчика состоитъ не только въ присоединеніи мужского ядра къ женскому, но и въ доставленіи яйцу центрозомы.

Въ 1899 году американскій ученый Лёбъ сообщилъ, что при прибавленіи къ морской водѣ небольшихъ количествъ хлористаго магнія неоплодотворенныя яйца *морскихъ ежей*, лежавшія въ этой водѣ, начинали дробиться и развивались до образованія характерныхъ личинокъ (*Pluteus*). Почти одновременно Морганъ также опубликовалъ работу о развитіи личинокъ морскихъ ежей изъ неоплодотворенныхъ яицъ подъ вліяніемъ прибавленія къ морской водѣ различныхъ солей причемъ онъ замѣтилъ, что въ протоплазмѣ этихъ яицъ образуются

сіянія (видѣнныя имъ, впрочемъ, еще въ 1896 году при подобныхъ же условіяхъ), и въ зависимости отъ этихъ сіяній яйца начинаютъ дробиться и развиваться. Наконецъ, Уильсонъ нашелъ въ такихъ искусственно вызванныхъ сіяніяхъ несомнѣнныя центрозомы или полярныя тѣльца. Мэтьюсъ получилъ подобные же результаты при сильномъ встряхиваніи яицъ *морскихъ звѣздъ* въ морской водѣ, Винклеръ—при дѣйствіи на неоплодотворенныя яйца морскихъ ежей экстракта ихъ мужского сѣмени. Подобные же результаты были достигнуты при дѣйствіи разныхъ солей на неоплодотворенныя яйца нѣсколькихъ видовъ морскихъ *червей*. Словомъ, оказалось, что видимая сущность искусственнаго партеногенеза,—какъ назвали эти явленія, — состоитъ въ томъ, что различныя раздраженія, испытываемыя яйцомъ, ведутъ за собою образованіе въ немъ центрозомы, а разъ образовалась центрозома, то можетъ начаться и развитіе, такъ какъ ядро яйца получаетъ возможность начать процессъ митотическаго дѣленія.

Лёбъ высказалъ мнѣніе, что съ открытіемъ искусственнаго партеногенеза вопросъ о сущности оплодотворенія и о роли центрозомы переносится изъ области морфологіи въ область физики и химіи. Бовери—одинъ изъ лучшихъ знатоковъ въ вопросахъ клѣточнаго дѣленія и начальныхъ процессовъ развитія яйца—справедливо замѣчаетъ, что блистательное открытіе Леба естественно могло возбудить въ авторѣ такую увѣренность въ физико-химическомъ рѣшеніи вопроса,—но что въ настоящій моментъ эта увѣренность еще нѣсколько преждевременна. Дѣло въ томъ, что для физико-химическаго объясненія явленій партеногенеза и оплодотворенія мало еще знать, какимъ образомъ мы можемъ искусственно вызвать образованіе центрозомы,—надо еще физико-химически связать это образованіе съ процессомъ самаго дѣленія ядра и клѣтки; кромѣ того, прибавимъ мы, надо знать и химическую природу самой центрозомы, отъ чего мы еще весьма далеки, а также надлежитъ выяснить, отчего столь разнообразныя раздраженія приводятъ къ одинаковому результату.

Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ открытіе искусственнаго партеногенеза и связанныхъ съ нимъ явленій въ яйцѣ означаетъ собою новую эпоху въ вопросѣ не только о дѣвственномъ размноженіи, но и о факторахъ митотическаго дѣленія клѣточнаго ядра, — т.-е. въ вопросѣ весьма общаго значенія и первостепенной важности. Но и въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ изученіе партеногенеза стоитъ въ связи съ важными вопросами общаго біологическаго характера. Таковъ, напр., вопросъ о происхожденіи половъ,—вопросъ, надъ которымъ ломали и ломаютъ себѣ голову ученые всѣхъ временъ и всѣхъ странъ, о которомъ еще недавно надѣлала столь много безплоднаго шума пресловутая теорія Шенка. Мы видѣли, что въ большинствѣ случаевъ при дѣвственномъ размноженіи изъ неоплодотворенныхъ яицъ развиваются недѣлимыя исключительно одного какого-нибудь пола: при телитокіи—женскаго, при арренотокіи—мужского. Обыкновенно телитокію

объясняютъ избыточнымъ питаніемъ, такъ какъ лѣтнія поколѣнія многихъ рачковъ, тлей, коловратокъ, — всѣ бываютъ женскаго пола и только съ ухудшеніемъ питанія (къ осени или зимѣ) появляются самцы и требующія оплодотворенія самки. Въ пользу такого толкованія говорятъ и нѣкоторые опыты надъ тлями (Гельди, Келлеръ), когда голоданіе вело за собою ускоренное появленіе крылатыхъ плодоносокъ. Но есть и случаи, которые не поддаются такому объясненію: такъ, напр., у нѣкоторыхъ тлей изъ рода *Nachnus* самцы и оплодотворяемыя самки появляются уже въ началѣ лѣта, а одновременно съ ними существуютъ и продолжаютъ размножаться до осени партеногенетическія особи. Тутъ должны, слѣдовательно, быть какія-либо особыя причины для появленія амфигоніи. Очевидно, что въ телитокическомъ яйцѣ должна быть центрозома; удерживается ли она потому, что при телитокіи отдѣляется (опять-таки по неизвѣстной намъ причинѣ) только одинъ направительный пузырекъ, а не два, или же она образуется вновь вслѣдствіе раздражающаго вліянія внѣшнихъ условій,—этого мы пока не знаемъ, а между тѣмъ рѣшеніе этихъ-то вопросовъ именно и могло бы приблизить насъ къ выясненію причинъ телитокіи, т.-е. производства исключительно женскихъ недѣлимыхъ. Столь же трудно, если еще не труднѣе,—объясненіе арренотокіи. При развитіи пчелиныхъ самцовъ (трутней) яйцо отдѣляетъ два направительныхъ пузырька и, такъ какъ при этомъ оно не оплодотворяется, то центрозома, обусловливающая способность развитія этого яйца, должна происходить изъ самого яйца. Возникаетъ ли она здѣсь вслѣдствіе какого-нибудь специфическаго раздраженія, — это опять коренной вопросъ, разрѣшеніе котораго можетъ бросить свѣтъ на происхожденіе мужского пола. Дикель, напр., приписываетъ регулирующее (по отношенію къ полу) вліяніе выдѣленію слюнныхъ железъ рабочихъ пчелъ, которое примѣшивается къ воску ячей улья, служащихъ для развитія личинокъ; конечно, это только гипотеза, которую не мѣшало бы провѣрить точными опытами. Вейсманъ склоненъ допустить нѣкоторое вліяніе этого выдѣленія железъ на развитіе личинокъ, но только не по отношенію къ полу, который зависитъ, по его мнѣнію, у пчелъ исключительно отъ оплодотворенія или неоплодотворенія яйца. Какъ ни трудны эти вопросы,—однако ясно, что явленія партеногенеза представляютъ исключительно благопріятную почву для рѣшенія вопроса о происхожденіи половъ—уже по той причинѣ, что въ нихъ мы прямовидимъ, какъ нѣкоторыя яйца предназначены именно къ производству того или другого пола, и остается лишь отыскать причины этого предназначенія.

Другой весьма важный вопросъ, тѣсно связанный съ предыдущимъ,—это вопросъ объ измѣняющемъ вліяніи внѣшнихъ факторовъ на развитіе. И въ этомъ отношеніи партеногенетическія животныя представляютъ весьма удобный матеріалъ для изслѣдованія. Уже есть указанія, что измѣненіе жизненныхъ условій отражается опредѣленными измѣненіями на біологическомъ циклѣ тлей и другихъ живот-

ныхъ, имѣющихъ дѣвственное размноженіе,—остается лишь предпринять систематическіе опыты въ этомъ направленіи и попытаться связать измѣненіе внѣшнихъ формъ съ явленіями, происходящими въ яйцѣ, особенно въ его ядерномъ аппаратѣ.

Третій вопросъ первостепенной біологической важности, связанный съ явленіями дѣвственнаго размноженія, — это вопросъ о критеріи вида. Практически видъ устанавливается обыкновенно на основаніи извѣстной суммы морфологическихъ признаковъ, т.-е. на основаніи внѣшней формы или внутренняго строенія организма. Большею частью при этомъ называютъ «видомъ» совокупность такихъ, морфологически различимыхъ, формъ, которыя не обнаруживаютъ никакихъ морфологическихъ переходовъ къ другимъ формамъ и, кромѣ того, имѣютъ опредѣленное географическое распространеніе. Но вотъ среди *тлей* существуютъ виды, весьма сходные и, такъ сказать, параллельные между собою, но какъ параллельныя линіи никогда не сходятся, такъ и эти виды, несмотря на свое внѣшнее сходство, доходящее иногда почти до полнаго морфологическаго тождества, имѣютъ глубокое различіе въ своемъ біологическомъ циклѣ: одинъ изъ этихъ видовъ (напр., *зеленый еловый хермесъ*) размножается съ миграціею и его дѣвственное размноженіе правильно чередуется съ амфигоніею, а другой (напр., *желтый еловый хермесъ*) миграціи не имѣетъ и размножается исключительно дѣвственнымъ путемъ. Пока біологическій циклъ этихъ видовъ не былъ изученъ во всѣхъ подробностяхъ, виды эти смѣшивались между собою. Такимъ образомъ оказывается, что критерій вида, какъ опредѣленной совокупности независимыхъ формъ, долженъ быть существенно пополненъ: индивиды, принадлежащіе къ одному виду, должны имѣть одинаковый циклъ развитія. Сходные по внѣшности, но различные по біологическому циклу виды получили названіе біологическихъ или физіологическихъ видовъ. Эти біологическіе виды чрезвычайно интересны опять-таки въ томъ отношеніи, что представляютъ благодарный матеріалъ для рѣшенія вопроса, насколько измѣненія въ циклѣ развитія могутъ быть сведены на явленія, происходящія въ яйцѣ и его ядерномъ аппаратѣ.

Словомъ, новѣйшія открытія въ области ученія о партеногенезѣ даютъ надежду на выясненіе многихъ важныхъ біологическихъ вопросовъ путемъ сведенія ихъ на почву цитологіи, т.-е. ученія о клѣткѣ и въ особенности о половыхъ клѣткахъ. «Оплодотвореніе есть целлюлярная проблема», по словамъ О. Гертвига; то же самое можемъ мы сказать теперь и о партеногенезѣ и о связанныхъ съ нимъ общихъ біологическихъ вопросахъ, которые все болѣе и болѣе сводятся къ изученію жизни клѣтки. Сперва мы сведемъ ихъ на цитологическую почву, а затѣмъ, можетъ быть, оправдаются и смѣлыя надежды Леба и другихъ о сведеніи этихъ вопросовъ на почву физики и химіи.

Н. Холодковскій.

ЛЕВКА ГЕМЪ.

Разсказъ.

Туманъ побѣлѣлъ, порозовѣлъ. Гдѣ-то зазвонили въ колокола и окраина проснулась. На улицахъ, нелѣпо широкихъ и нелѣпо узкихъ, поднималась утренняя сонная жизнь. На дворахъ звякали колокольчики, появлялись мужчины и женщины, то въ одиночку, то парами или въ кучку, кто съ инструментомъ за плечами, а кто такъ, иныя женщины съ корзинками въ рукахъ, и всѣ исчезали въ осеннемъ туманѣ.

Старуха Голда зажгла лампочку и, трясясь отъ холода, вошла въ лавочку. На стойкѣ спалъ женихъ Этель, ополченецъ Мотель, длинный и худой парень лѣтъ двадцати пяти. Она безцеремонно растолкала его и прогнала въ комнату. Потомъ повозилась у бочонка съ сельдями, залила разсоломъ высохшую за ночь горку огурцовъ и стала снимать съ дверей тяжелый крюкъ.

— Доброе утро,—произнесла покупательница Перель, увидѣвъ Голду въ дверяхъ лавочки.

— Доброе утро,—угрюмо отвѣтила старуха.—Вашъ мужъ тоже запасный?

— Дорогая, кто сказалъ вамъ: нѣтъ?—быстро подхватила Перель.—Мой Волфъ запасный! А мужъ Песьки?

— Вы угадали! Кого находитъ счастье? Бѣдняка, погорѣльца! Вотъ открыла лавочку. Мнѣ бы лучше закрыть ее. Женихъ ополченецъ, а мужъ дочери запасный. Да, да запасный!

— Вы продаете картофель?—перебила ее Перель.

— Конечно! Почему же мнѣ ее не продавать.

— Такъ дайте мнѣ три фунта. Вѣсы у васъ хорошіе? Вы честная женщина, а вѣсы могутъ быть плохими. Вотъ, говорятъ, теперь на фабрикахъ дѣлаютъ только плохіе вѣсы. Не знаю, можетъ быть, такъ и нужно! Можетъ быть, нужно, дорогая...

Она уныло покачала головой и обѣ зашли въ лавочку. Послышался плачъ ребенка. На минуту плачъ затихъ и сейчасъ же опять возобновился.

— Не могу слышать плача дѣтей,—грустно выговорила Перель.—Я и сама готова заплакать.

— Это сынокъ Песьки плачетъ,—сердито произнесла Голда.—Бѣдняжка всю ночь не спала. Бѣдняжка въ шестомъ мѣсяцѣ, но отъ горя два раза чуть не сбросила. Въ первый разъ двѣ недѣли тому назадъ, когда сгорѣла ея лавочка и маленькое добро, второй разъ, пять дней тому назадъ, когда умеръ ребенокъ. А Нахмале ничего знать не хочетъ. Замучилъ Левку, замучилъ Пеську. Спросите его, отчего онъ плачетъ?

— Я очень жалѣю дѣтей, очень,—повторила Перель.—Въ нихъ радость, и горе отъ нихъ сладкое. А у меня нѣтъ ни одного, да, ни одного! Пять лѣтъ замужемъ, а дѣтей нѣтъ, дорогая...

Вошли еще двѣ женщины, обѣ какія-то темныя, сѣрыя, и руки отъ холода держали спрятанными подъ мышками. Одна спросила крупы, другая муки, и сейчасъ же заговорили о войнѣ.

— Хотѣла бы уже услышать что-нибудь повеселѣе,—уныло сказала Перель.—Война, война! Голова не на мѣстѣ и нѣтъ силъ уже жалѣть себя, жалѣть людей.

— Нѣтъ силъ,—есть силы, а запасныхъ будутъ брать,—увѣренно повторила спросившая муку и постучала ногами отъ холода.—Мой мужъ не выдумаетъ. И если онъ уже киваетъ головой вотъ такъ, то нечего спорить. Онъ сказалъ: «запасные, готовьтесь!» Люди ходятъ по улицамъ, какъ козленочки... Вотъ такъ мнѣ и кажется: какъ козленочки! Невинные, бѣденькіе, а смерть уже стоитъ за плечами.

— Стоитъ смерть,—пробормотала Перель, поблѣднѣвъ.—Дорогія мои, зачѣмъ война?

— И я бы спросила, зачѣмъ война,—вмѣшалась рыжая, покупавшая крупу. — Жили тихо, тихо. Тихо умирали съ голоду, тихо мучились! Пошла бы и къ старшему, и спросила: зачѣмъ война? Или мало наши сердца дрожатъ? Или мало мы плачемъ? Или мы требуемъ чего-нибудь? Надо же знать почему?

— Теперь вижу, съ кѣмъ дѣло имѣю,—мрачно выговорила Голда.—Вы не сошли съ ума? Говорить! Откусите свой языкъ. Хотятъ войны,—не мое дѣло. Не мое дѣло, говорю вамъ. Не знаю, кто воюетъ, что воюетъ... У меня не спросили,—я не отвѣчу. Но моему Левкѣ надо уѣхать. Тоже козленочекъ, а уговорите-ка его! Я кричу съ перваго дня: ему нужно уѣхать. Но подождалъ пожара, подождалъ смерти ребенка, а не ѣдетъ. Не ѣдетъ!

— Дорогая, — мягко сказала Перель, — никому не хочется уѣхать.

— Какъ не хочется? Еврей воинъ? Еврей убійца? Не знаю, какъ вашъ мужъ, но Левка, вѣдь, настоящій козленочекъ. Онъ тихій человѣкъ, хорошій человѣкъ, работящій человѣкъ и любитъ

Пеську и дѣтей, какъ три мужа и три отца. Но все же онъ козленочекъ!..

— Онъ походитъ на моего мужа,—сказала рыжая.—Готъ тоже рвется на войну, а ужъ дуракъ, а дуракъ!..

— Всѣ хороши,—хмуро замѣтила Голда.—Умные люди давно разъѣхались...

На порогѣ показался человѣкъ весь въ заплатахъ и прорычалъ хриплымъ голосомъ.

— Вы возьмете сегодня керосинъ? Давайте-ка свою кубышку.

Песька уже давно проснулась, разбуженная болью, начавшейся гдѣ-то внизу, не то въ спинѣ, не то въ животѣ. Она спала на кровати матери, единственной кровати въ комнатѣ, и измученная безсонной ночью уже какъ въ кошмарѣ терзалась видѣніями. Нахмале плакалъ, кто-то его успокаивалъ, доносился изъ лавочки голосъ матери, покупателей,—все было дальнимъ, какъ будто на краю свѣта и не трогало ее.

«Кажется,—подумала она, вдругъ вздрогнувъ отъ боли, и прислушалась къ себѣ.—И этому нужно радоваться?—съ недоумѣніемъ спросила она себя.

Лишь на-дняхъ она похоронила четырнадцатимѣсячнаго мальчика, прекраснаго чудеснаго мальчика, и образъ его больного и слабаго не отходилъ отъ нея во всѣ эти дни страданія и скорби. Онъ умеръ, онъ умеръ! Казалось ей, что никогда уже она не будетъ плакать такими слезами, никогда другая жгучая, ядовитая печаль не заглушитъ отчаянія, что навсегда залегло въ ея душѣ. Дѣвственное горе, наивысшее горе первой потери подняло ея внутреннее существо такъ высоко, а оттуда сверху ей простой, темной, ей кроткой что-то открылось... Почему? И по ночамъ она тревожила мужа и съ недоумѣніемъ требовала отвѣта: «почему, Левка? Почему жизнь, почему смерть?» И въ пораненномъ сердцѣ, и въ пораненныхъ глазахъ мелькалъ кривой, замученный ребенокъ, какъ лезвее разсѣкалъ ей мозгъ и она спрашивала вся въ горѣ, вся въ смятеніи: «почему замученный? Ты знаешь, Левка? Если онъ данъ былъ для радости, зачѣмъ отняли его? И гдѣ мои радости? И если нужны были его страданія, то къ чему? Почему не мои, а его безсильнаго, его молчаливаго? Не знаешь, Левка? А что есть смерть, Левка? Тамъ-ли она въ мальчикѣ или въ моемъ сердцѣ?»

Но когда проходило, снова мелькалъ ребенокъ, то здоровый, то больной, душа ея рвалась къ обоимъ, и въ гнѣвѣ и въ страданіи ей хотѣлось крѣпко накричать на кого-то, упасть на колѣни...

Опять кольнуло гдѣ-то далеко, но прошло сейчасъ же, и теперь это далекое было знакомое, столь знакомое, что она повѣрила...

— Ну да,—какъ бы нехотя согласилась она.—Вотъ нужно сбросить!.. А что есть жизнь?..

Левка Гемъ проснулся и, стараясь не разбудить Песьки, молча началъ одѣваться. Голоса въ лавочкѣ безпокоили его и, словно тамъ могли услышать, онъ поминутно шикалъ.

— Тише женщины, тише! Женщины, женщины, женщины!..

— А что есть жизнь, Левка?—прошептала Песька.

— Ты не спишь, Песька, испуганно спросилъ онъ? Я думалъ,—ты спишь.

— Что-то плохо мнѣ, Левка! Ну, хорошо,—дѣти мѣшаютъ,—матери не мѣшаютъ, но кому-то мѣшаютъ. Но что есть жизнь, Левка? И почему?

— Жизнь? Что Песька? Какъ разъ кстати,—жизнь! Положимъ, теперь утро, но спросить можно. Всегда можно спросить. Но почему-то не знаю я, что есть жизнь. Хотѣлъ бы знать, но не знаю. Жизнь!

— Что-то мнѣ плохо, Левка, такъ плохо...

Она притянула его къ себѣ и долго молча держала за руку. И онъ молчалъ, согрѣтый ея любовью, и оба тихо вздыхали въ нѣжномъ страхѣ передъ невѣдомымъ, роковымъ.

— Будутъ брать запасныхъ,—внезапно прошепталъ Гемъ, моргая во тьмѣ глазами. И вчера слышалъ, и на прошлой недѣлѣ, и ночью мнѣ снилось...

— А почему Левка, почему? Вотъ мать идетъ. Встань и уйди отъ меня! Какъ жаль нашей прежней комнатки, нашей прежней жизни!..

Она отвернулась къ стѣнѣ и беззвучно заплакала. Вошла Голда, нагрѣла руки подъ подушкой Песьки и сердито сказала.

— Хотѣла бы знать, до какихъ поръ людямъ можно спать? А ты, Левка, сидишь? Ты не сиди, ты ступай въ городъ! Ступай! Прислушивайся! Семка, вставай!

Она нагнулась къ пятнадцатилѣтнему сыну, спавшему на полу и стала тормошить его.

— Не хочу,—крикнулъ Семка,—смотри-ка, она дерется.

— Развѣ я бью тебя?—удивлялась Голда.—Ты спишь, а я съ четырехъ утра на ногахъ. Встанешь, скажешь: «дай кушать. Дай кушать, мать!» А хлѣбъ хочетъ работу! Почему Этель спитъ? Вотъ она модистка. Модисткѣ работать нужно, а она спитъ. И будетъ голодная, голодная...

Она начала ходить изъ угла въ уголъ, поднимая всѣхъ лежавшихъ здѣсь, и какъ бы на зовъ этого знакомаго, тревожащаго голоса отозвались двое дѣтей Левки Гема, спавшіе съ Этель.

— Здѣсь нѣтъ богачей!—не унималась старуха.—Какіе богачи собрались здѣсь? Но никого не беретъ за душу, никто не крикнетъ! Какое хорошее дѣло мы сдѣлали? Вѣдь кричать нужно,

ревѣть нужно! Былъ пожаръ, похоронили мальчика,—она вдругъ заплакала обильными слезами,—довольно? Нѣтъ не довольно! Нужна еще война. А кому нужна война? Намъ! Тупые люди,—намъ! Вы думаете другимъ? Намъ! Только намъ!..

Она разъ пять выбѣгала въ лавочку и въ комнату доносился ея хрипловатый, плачущій голосъ, а когда возвращалась, то говорила, словно рѣчь ея не прерывалась.

— Вотъ взяли Мойшку въ прошломъ году и теперь онъ на войнѣ. Отъ Мойшки было столько пользы, сколько отъ Семки, но, вѣдь, взяли сына, взяли мозгъ, мою кровь... И кто знаетъ, что съ нимъ?

— Если бы ты не кричала!—прошептала Песька, повернувшись.

— Сейчасъ я запою! Гдѣ взять силъ, чтобы безъ словъ на плечахъ носить горе, въ сердцѣ носить горе? Если твоя лавочка сгорѣла, если ты теперь голая, голодная, если твой Левка запасный и долженъ бояться войны,—какъ молчать? Только отъ Наума еще есть радости, только отъ него... А посмотри-ка на насъ. Посмотри на Маню, на Этель, на ея жениха. И все сидитъ и давитъ и хочетъ сидѣть и давить маленькую несчастную лавочку.

— Меня не трогайте,—послышался голосъ Мотеля изъ дальняго угла.—Вы можете жаловаться, кричать, — но меня не трогайте. Я этого не люблю. Моргну глазомъ и уѣду въ Америку.

— Моргни,—хотѣла бы уже видѣть.—Я не поморщусь, нѣтъ нѣтъ! Дай Богъ! Уѣзжай. Видѣла счастье Песьки, вижу и счастье Этель.

Раздался пронзительный плачъ и длинная худая дѣвушка выскочила на середину комнаты. Неумытая, растрепанная, наскоро втыкая булавки въ волосы, она плакала страстно, точно такъ изболѣлась ея душа, что только дикимъ воплемъ она могла отогнать свое страданіе. И сама себя прерывала такими же страстными пылкими словами, такими же страстными всплескиваніями рукъ.

— Смотри-ка на нее!—возмутилась Голда, но отступила. Чтобъ ты онѣмѣла!

— Вотъ я уйду,—вмѣшался Левка, поднимаясь.—Я прошу! Песька больна,—какъ разъ кстати она больна! Почему-то теперь она больна...

— Ты говоришь, ты!—кричала дѣвушка.—Зачѣмъ ты дѣтей родила? Я твое горе на плечахъ носила, двадцать восемь лѣтъ, я его носила. Я помогала тебѣ сердцемъ, никто не помогалъ,—я помогала. Такъ что же ты мое сердце мучишь? Цѣло мое сердце, цѣлы мои надежды? Такъ еще ломать, еще топтать. Ты мать,—я хочу знать, ты ли мать? Что ты мнѣ дала? Жизнь! Я

дарю тебѣ теперь эту жизнь. Бери ее, но не бей кнутомъ, не бей камнемъ... Я работаю, я! Что во мнѣ теперь? Здоровье осталось тамъ, въ мастерской, годы здѣсь. Такъ отчего же его гонишь? Человѣкъ меня полюбилъ, мою душу полюбилъ, не трогай послѣдняго, не смѣй трогать...

— Но если онъ хочетъ жениться, пусть работаетъ! Пусть работаетъ. Хлѣбъ любитъ трудъ. Вотъ ты вѣришь, а я нѣтъ. На кого ты разсчитываешь? Я его понимаю, я его насквозь вижу. Америка, такъ Америка, лишь бы трудъ. У него ремесло, но онъ любитъ много спать.

— Вотъ вы все кричите,—вдругъ вмѣшалась Песька,—а у меня боли... да боли. Плачутъ мои дѣти... Подойдите къ нимъ. Кажется... я рожаю.

— Песька,—крикнулъ Гемъ, бросившись къ ней.—Вы видите? Люди, видите? Сестры, видите? Я просилъ, а никому нѣтъ дѣла. Почему-то нѣтъ дѣла. Тебѣ легче, Песька? Какъ разъ кстати былъ пожаръ, и война, и ребенокъ умеръ... Какъ разъ кстати... И никто не жалѣетъ. Я всѣхъ жалѣю, а насъ никто. Почему-то никто. Вотъ такъ и никто... Скажи, Песька, «легче»—и я засмѣюсь.

— Рожаешь!—перебила его Голда и затряслась отъ радости.—Ну слава, слава же Богу.

— Вы ссоритесь,—говорила Песька, обводя всѣхъ глазами,—а почему нельзя жить въ мирѣ? Вотъ мальчикъ мой умеръ, Левка еще на войну пойдетъ, а я... Ахъ, опять прошли боли!

Отъ криковъ проснулся старикъ Мендель, мужъ Голды, и крякхтя произнесъ:

— Что-то сегодня совсѣмъ подняться не могу. У меня были сны,—ахъ, какіе сны! Который часъ? Что? Ахъ кости, ну ужъ кости у меня. Въ землю они хотятъ, въ землю!

Онъ былъ мрачный, придавленный человѣкъ и съ ранняго утра не видѣлъ въ мірѣ ничего веселаго, бодраго. Каждое его слово, казалось, пребывало въ рѣкахъ крови, каждое пахло какими-то неискоренимыми, застарѣлыми мученіями, и самъ онъ, сморщенный, угнетенный, съ своей сѣдой бородой, дико разросшейся по маленькому лицу, съ тоскующими глазами, тоже казался упорной, застарѣлой болѣзнью, которую ничто не способно было извести.

— Ахъ кости, ахъ вы кости,—опять заскрипѣлъ онъ съ укоромъ, когда сталъ одѣваться.

Семнадцатилѣтняя Маня, работавшая у швеи, одѣвалась подъ одѣяломъ.

Она была полной, какъ нѣкогда Этель, цвѣтущей миловидной дѣвушкой, съ толстой свѣтлой косой. На выкатѣ глаза портили выраженіе ея лица, но пріятность оставалась въ полныхъ щекахъ, въ кругломъ подбородкѣ, въ косѣ.

— Мотель,—произнесла она,—голосъ у нея былъ низкій, щекочущій какой-то,—подайте мнѣ кофточку.

Она нисколько не стыдилась своей наготы, забавлялась частыми и нарочито неловкими прикосновеніями Мотеля къ ней и иногда безотчетно дрожала.

— Ну дайте же,—повторила она, скрестивъ какъ въ мольбѣ руки на груди.

Старикъ уже одѣлся. Въ комнатѣ, получавшей свѣтъ только изъ лавки, было попрежнему темно. На плитѣ въ чайникѣ уже закипала вода.

— Кто мнѣ дастъ чаю?—мрачно произнесъ Мендель, усаживаясь за столомъ? Левка, садись со мной. Люблю я Левку. Вотъ человѣкъ! Ничего себѣ человѣкъ. Но что съ нимъ будетъ?

Песька вздохнула. Какъ тяжело было ей жить среди родныхъ, отъ которыхъ отвыкла за пять лѣтъ замужества! Они казались ей чужими, непонятными съ своими криками, дрязгами, внезапными слезами, внезапными радостями. Выросла ли она среди этихъ глубоко преданныхъ другъ другу враговъ? Утѣшеніе она находила лишь по ночамъ, когда могла шептаться съ Левкой о ребенкѣ, о войнѣ, особенно о войнѣ, и она не отрывалась отъ него, словно не желая отдать его дыханія, такъ страшно было ей сознавать свое безсиліе. Мгновеніями ей хотѣлось, несмотря на ночь, выть отъ скорби, голосить отъ жалости, совершить безумное, лишь бы нельзя было отнять у нея послѣднюю защиту сердца, и плакала, безъ конца плакала, когда представляла себѣ Левку раненымъ въ полѣ или умирающимъ. Но наступало утро, снова были ссоры, ужасы, снова кричала проклятая жизнь, и оба, безсильные, становились чужими другъ другу. Она очнулась отъ шума. Теперь кричалъ Мотель, а старуха выла отъ ярости, и Маня смѣялась.

— Не надо,—попросила она—не надо больше.

Ея голосъ заглушила Этель. Мендель сидѣлъ передъ недопитымъ стаканомъ, прислушивался къ ссорѣ и громко говорилъ, обращаясь къ Левкѣ Гему:

— Когда умру, Левка, я у Бога въ домѣ стекла выбью.

— Ну, ну,—поддразнила Маня.

— Выбью, всѣ стекла выбью,—сурово и мрачно повторилъ старикъ, повернувшись къ дочери.—Если ты, Богъ, рождаешь людей,—подумай о нихъ! Да, подумай о нихъ. Хочешь благословенія отъ людей, заслужи его! Вотъ какъ должно быть.

— Лучше бы выбилъ прежде, чѣмъ родился, отецъ,—разсмѣялась Маня.

Въ лавочкѣ появились покупатели. Старуха и Этель вышли изъ комнаты и стало тихо. Левка Гемъ пересѣлъ къ Песькѣ и сейчасъ же послышался ихъ шопотъ. А старикъ все сидѣлъ, какъ

каменный, передъ недопитымъ стаканомъ, и нельзя было догадаться, видѣлъ ли онъ, что происходило за столомъ между Мотелемъ и Маней, которая загадочно улыбалась, слышалъ ли онъ вздохи Левки, тихій плачъ Песьки, молча цѣловавшихъ своихъ дѣтей.

Онъ глядѣлъ въ глубь жизни, онъ не одобрялъ...

Слухи о мобилизаціи запасныхъ съ каждымъ днемъ становились настойчивѣе. Неизвѣстно было, кто ихъ распускалъ, изъ какихъ источниковъ черпались свѣдѣнія, но каждая вѣсть создавала сумятицу и ужасъ, и всѣ опускали руки, какъ предъ неизбѣжной высшей карой. Городская машина замедляла ходъ и въ центрѣ и въ окраинахъ. Народъ цѣпенѣлъ... Неспрошенный и незаинтересованный, онъ мрачно готовился къ жертвѣ безъ мечты о спасеніи, не зная надежды, а въ тѣхъ углахъ, гдѣ билась непокорная человѣческая воля,—тамъ его еще не было, туда не проложило дороги его отчаяніе. И только женщины плакали, плакали днемъ, плакали по ночамъ, и одинъ лишь плачъ ихъ вызывалъ искры молчаливаго гнѣва.

Самой важной заботой въ семьѣ Голды сталъ вопросъ о Левкѣ Гемѣ. Лавочка ежедневно теряла покупателей. Песька не выздоравливала, простудился второй ребенокъ,—все было второстепеннымъ, неважнымъ. Царилъ въ домѣ вопросъ о Левкѣ Гемѣ. Одинъ видъ его, покорный, растерянный, приводилъ всѣхъ въ бѣшенство, и въ неистовыхъ крикахъ, безумныхъ, не выносимыхъ, протекала жизнь. По вечерамъ приходили сосѣди лавочники, съ упоеніемъ разговаривали о войнѣ, объ ужасахъ, о евреяхъ, совѣтовали, разъясняли, а Левка Гемъ, какъ всегда молчаливый, какъ всегда нерѣшительный, держался возлѣ Песьки и нельзя было разобрать, понимаетъ ли онъ, что угрожаетъ ему, хочетъ ли онъ спастись. Онъ молчалъ... Старуха кричала, лавочники кричали,—Левка Гемъ молчалъ... Самъ онъ глубоко въ душѣ растерялся съ перваго момента и сердцемъ не вѣрилъ въ свое спасеніе. Словно въ кошмарѣ проходили у него тягостные дни бездѣлія и страха. Днемъ, выгоняемый Голдою, онъ покорно обѣгалъ городъ и тоже какъ въ кошмарѣ безтолково разспрашивалъ и безтолково разсказывалъ о войнѣ, о грозившей мобилизаціи и только ночью раскрывалъ свою правду Песькѣ и, какъ всегда, несмѣло цѣловалъ рукава ея кофты то одинъ, то другой...

Въ первую субботу послѣ осеннихъ праздниковъ у Голды собрались гости. Пришелъ лавочникъ Фавлъ, человѣкъ съ изуродованной рукой, веселый и безпечный, пришелъ продавецъ овса и отрубей, запасный Энохъ, лавочникъ Азикъ, тоже запасный, высокій мужчина съ черной густой бородой, носившій сапоги и зимой и лѣтомъ, и въ комнатѣ сразу сдѣлалось тѣсно.

Левка Гемъ, при видѣ гостей, взялъ Нахмале на руки, усѣлся подлѣ Песьки, а Мендель, стараясь быть пріятнымъ, громко сказалъ:

— Открой Маня, дверь, что во дворъ выходитъ,—здѣсь жарко какъ въ банѣ.

— Ну, ну,—шутливо перебилъ его Фавлъ, поднявъ изуродованную руку,—еврей любитъ баню... не кровавую!

Энохъ засмѣялся и весело подмигнулъ сразу обоими глазами. Фавлъ поднялся и еще разъ повторилъ, и всѣ вздрогнули: «не кровавую!»

Только что на улицѣ, держа Азика подъ руку, онъ шопотомъ говорилъ:

— Я бы не пошелъ къ Левкѣ,—теперь я вездѣ гость. Но я веселъ, Азикъ! Совсѣмъ не знаю, откуда у меня эта веселость,—но я веселъ. Пойду къ Левкѣ... Посмотрю кстати и Маню. Дѣвушка становится, я бы сказалъ, не на шутку интересной.

Онъ выставилъ во тьмѣ свою изуродованную руку безъ двухъ пальцевъ и, задыхаясь отъ смѣха, прибавилъ.

— Никто не могъ предвидѣть, Азикъ, что рука,—вотъ эта рука превратится въ капиталъ. Война! Вотъ Ханка хочетъ выйти за меня. Кто? Гордячка Ханка хочетъ пойти за Фавла... Не вѣрьте въ Бога послѣ этого!

Теперь его подмывало что-то. Хотѣлось шутить, говорить громко, вызывать хохотъ, а то, что Маня разносила чай и косу отбрасывала то на спину, то на грудь, рождало мысль о томъ, что его желаютъ обольстить.

Старикъ Мендель разговаривалъ о дѣлахъ съ Энохомъ. Энохъ, человѣкъ съ глазами фанатика, худой и низколобый, упрямо утверждалъ, что никто ему не вернетъ ни копейки за товаръ, взятый въ долгъ.

— Я роздалъ извозчикамъ свыше ста рублей,—произнесъ онъ громко,—и первый назову дуракомъ того, кто мнѣ вернетъ деньги. А Америка не близка отсюда. Но пусть, пусть... Имъ вѣдь нужно было уѣхать.

— Получите доллары,—вмѣшался Фавлъ.—Мы всѣ получимъ доллары.

— Вотъ мы шутимъ,—серьезно сказалъ Азикъ,—а должники разбѣгаются съ нашими деньгами. Въ лавочкахъ не торгуютъ. Война разорила насъ...

— Не разсказывайте,—мрачно отозвалась Голда,—и товаровъ нѣтъ, и покупателей нѣтъ, и жизни нѣтъ. Почему вы разсмѣялись, Энохъ? Вы о другомъ? Садись, Левка, нечего лѣзть людямъ въ глаза.

— Я-таки сяду,—согласился Гемъ, моргнувъ глазами.

Энохъ взялъ стаканъ одной рукою, а другой сдвинулъ шапку на затылокъ и сердито сказалъ:

— О другомъ, Голда? Неправда, о томъ самомъ. Я смѣюсь! Что скажете, Мендель на этотъ смѣхъ?

— Ого,—поддержалъ его Фавлъ,—поднявъ изуродованную руку такъ, какъ бы предлагалъ ее всѣмъ купить у него,—говорите, наконецъ. Я хочу смѣяться.

Голда стояла уже, уперевъ руки въ бока и лицо ея, только что серьевное, тревожное, теперь выражало презрѣніе.

— Можно думать,—холодно сказала она обернувшись къ нему, вы только и ждали того, чтобы Господь наслалъ войну. Не понимаю вашей веселости, вашего смѣха.

— Очень нужно понимать,—возбужденно отвѣтилъ Фавлъ, бросивъ взглядъ въ сторону Мани.

— Съ вами лучше не разговаривать. Хотѣла бы знать, какъ еврей можетъ теперь смѣяться? Я полгода, какъ не вижу веселаго еврея.

— Евреи никогда не веселы,—замѣтила Маня.—Нѣтъ веселыхъ евреевъ!

— Слышите, Мендель,—говорилъ Энохъ, взявъ старика за бороду,—если человѣкъ смѣется, надо поискать гнѣва. Да да, гнѣва. Вѣрьте Мендель и вы Голда, человѣкъ всегда носитъ маску. Но какъ добраться до сути?.. Вотъ я смѣюсь... Если нѣтъ словъ,—кто становится языкомъ? Смѣхъ! Смѣхъ закрытая книга. Налейте мнѣ еще чаю, Маня. Вы хотѣли сказать, Фавлъ...

— Ничего, ничего, продолжайте,—я послѣ скажу.

— Вы знаете, Мендель, и я знаю,—началъ Энохъ,—и весь городъ отъ верху и до низу знаетъ, что разъѣзжаются. Вы думаете, запрещаютъ? Не запрещаютъ. Уѣзжай! Но если еврей не хочетъ пойти на войну, если онъ прячется, переѣзжаетъ, уѣзжаетъ изъ страны, я понимаю. Это ясно, это пойметъ ребенокъ и даже «они» понимаютъ... Желчь смѣется!.. Дайте же мнѣ досказать, Голда...

— Онъ говоритъ очень благородно,—отозвался Мендель.

— Если бы у меня, напримѣръ, была родина, кто бы могъ меня прогнать изъ страны? Страхъ? Смерть? Врагъ? Нѣтъ я не такой! Фавлъ и Азикъ знаютъ, что я не такой. Я бы на рукахъ пошелъ, если бы не было ногъ, я бы ртомъ камни бросалъ въ врага, если бы я лишился рукъ, я бы плевалъ на врага до тѣхъ поръ, пока бы изъ моихъ легкихъ кровь не пошла.

— Хорошо сказано,—съ удивленіемъ произнесъ Мендель.

— И совсѣмъ не хорошо,—отозвался Левка Гемъ.—Почему, то не хорошо. Сколько людей уже отдали свою жизнь на войнѣ... И забыли еще сказать, что врагъ человѣкъ! Какъ разъ кстати и человѣкъ..

— Теперь я понимаю,—сказала Голда, садясь.—Ты, Левка, молчи, ты, Левка, ничего не понимаешь. Можете смѣяться Фавлъ. И они не хотятъ! Положимъ никому не сладко...

— Что сладко?—переспросилъ Фавлъ и внезапно забылъ о Манѣ.—Добрая вы какая! Понимаете вы, что говорите? Вотъ здѣсь получилось письмо отъ одного заготовщика, который выѣхалъ въ Америку. Хорошее письмо, стоило его прочитать.

— Левка долженъ бѣжать, — серьезно сказалъ Мендель — и всѣмъ намъ нужно бѣжать.

— Долженъ, долженъ,—передразнила Голда, отчего же ты его не заставишь? Перетащи-ка его черезъ границу. Видѣли вы Азикъ? Любовь къ женѣ, къ дѣтямъ, къ странѣ и чортъ знаетъ еще къ чему.

— Я, положимъ, тоже люблю мой городъ,—осторожно сказалъ Азикъ.

— Вотъ видите, — обрадовался Левка Гемъ и поднялся. — Есть такіе люди! Какъ разъ кстати есть. Я не спорю, — нѣтъ, нѣтъ, — но почему-то есть и такіе люди. Я-таки не хочу на войну...

— Раскрылъ уже ротъ,—разсердилась Голда. Твое дѣло слушаться. Меня слушаться, ихъ слушаться. Что, что, а на войну ты не долженъ пойти.

— Я тоже это говорю,—согласился Гемъ,—конечно—не долженъ...

— Говоришь,—передразнила старуха.—Къ чему же эти слова: я люблю страну. А я такъ никого не люблю. Вотъ вся правда. Слышали? Любовь къ женѣ, къ дѣтямъ? Я не говорю: нѣтъ, но уѣзжай. Отчего же ты не уѣзжаешь?

— Отчего, отчего? Какъ разъ кстати... Кто это можетъ сказать? Вы кричите, и я уже ничего не понимаю.

— И не надо, не надо. Слышишь, что въ городѣ дѣлается,— уѣзжай!

— Ну, а Песька, а дѣти? Почему, Азикъ, начали воевать? Совсѣмъ не знаю, почему начали воевать и что мнѣ дѣлать? И какъ разъ кстати голова ничего не придумываетъ. Нехорошо въ моей головѣ. А уѣхать нужно, таки нужно.

Онъ нерѣшительно осмотрѣлъ всѣхъ и опять сѣлъ, положивъ заснувшаго Нахмале возлѣ Песьки.

— Онъ долженъ уѣхать,—серьезно сказалъ Фавлъ.

— Ну вотъ, ну вотъ,—безпомощно выговорилъ Гемъ, снова поднимаясь.

— Если онъ не хочетъ уѣхать въ Америку,—продолжалъ Фавлъ,—дайте ему поднять десять пудовъ... Не поможетъ, дайте пятнадцать пудовъ. Или пусть отрубитъ себѣ два пальца...

*

Левка Гемъ стоялъ неподвижно и, совершенно сбитый съ толку, говорилъ Азику:

— Что еще можно выдумать? Десять пудовъ, Америка, отрубить пальцы! И хочется сойти съ ума! Понимаете, Азикъ? Нѣтъ, вы не понимаете. Война? Война!

— Вотъ гдѣ правда,—съ живостью выговорилъ Азикъ,—какъ будто ждалъ этого вопроса. Война! Но, вѣдь, это такое, что не укладывается въ головѣ, не укладывается!

Всѣ замолчали, испуганные его тономъ, и съ безпокойствомъ обернулись къ нему. Дрожали они и моргали глазами. Они были простые, несложные люди, съ тихими, скорбными интересами, тоже простыми и несложными, несмотря на нароставшую изъ года въ годъ тяготу. Все у нихъ было размѣренно, опредѣленно, никакого усилія мозга, кромѣ надрыва чувствъ, не требовала текущая жизнь, текущія событія, лавочка или ремесло, покупатели или работа, дѣти, смерти, голодъ,—о чемъ нужно было размышлять, что изобрѣтать? Подобно дикарямъ, они ничего не знали о другомъ мірѣ, объ иныхъ интересахъ людей, человѣчества, и когда къ нимъ доходило что-нибудь изъ общей жизни, они, подобно дикарямъ же, пугались и всѣ ждали, что ихъ задушатъ, замучатъ. Теперь надо было отвѣчать! Они могли быть добрыми или злыми, нищими или съ достаткомъ, сознавать свою связь съ людьми, или не сознавать, но каждый долженъ былъ дать отвѣтъ... Война била по головамъ, гвоздила мозгъ, тревожила, надо было приспособить ее къ своей жизни, размѣнять ее на мелочи, чтобы она стала простая, понятная. Она ворвалась въ жизнь внезапно,—непремѣнно надо было опредѣлить ей мѣсто, чтобы упала съ головы страшная, необыкновенная и незнакомая тяжесть...

— Война,—повторилъ Азикъ съ недоумѣніемъ, и всѣ почувствовали это недоумѣніе въ своемъ сердцѣ.—Тамъ проливаются рѣки людской крови, мы потеряемъ нашихъ братьевъ, нашихъ дѣтей, намъ вернутъ калѣкъ! За что? Мы хотимъ понять... я хочу понять и не понимаю. Я не могу умомъ обнять. Можетъ быть, такъ и надо...

— Что вы сказали,—съ крикомъ перебила его Голда?

— Подождите... Можетъ быть, не нужно! Я хочу понять. Если бы меня спросили, а я имѣлъ власть рѣшить, какой отвѣтъ, я бы далъ? Воевать или не воевать?.. И я не знаю, клянусь не знаю. Вѣдь и я запасный! Я бы только сказалъ: несчастье! Мнѣ жаль людей, мнѣ жаль себя, но, вѣдь, это только значитъ, что мнѣ жаль людей, а не то, что нужно или не нужно воевать.

— Мнѣ жаль евреевъ,—печально сказалъ старикъ.

— А я всѣхъ жалѣю,—возразилъ Азикъ,—но это другое...

Должна же быть высокая мысль, если люди убиваютъ другъ друга! Но какая? Народъ разоряется и нашъ, и ихъ... Зачѣмъ, для чего? И ужели никто объ этомъ не знаетъ, ужели никому не больно за то, что происходитъ и здѣсь и тамъ. А война, вѣдь, только разгорается...

— Войны не должно быть!—запротестовала Песька, приподнимаясь. — Если кровь, что оправдаетъ ее? Если насиліе, что оправдаетъ его?

— И я такъ же думаю,—выговорилъ Левка Гемъ, блеснувъ глазами.—Но кто насъ послушаетъ?

Становилось отчего-то страшно. Никто ясно не вникалъ въ эти мысли, но въ нихъ, туманныхъ, чувствовался ударъ простой, разлинованной, несложной жизни... Разговоръ принялъ другое направленіе. И никто больше не говорилъ о Левкѣ Гемѣ, о бѣглецахъ, о мобилизаціи. И даже старуха Голда не протестовала, не приставала. Ея мозгъ работалъ... Надъ чѣмъ? Развѣ она знала? Вѣдь она была какъ во снѣ и думала... Она думала о жизни, о правдѣ, о злѣ...

Въ серединѣ осени объявлена была мобилизація запасныхъ и напряженный страхъ разрѣшился въ безуміи. До сихъ поръ, пока война втягивала людей изъ другихъ городовъ, была еще какая-то безпечность: города, казалось, принадлежали другой странѣ, и только чувствовался гнетъ обнищанія, ужасъ чужого ужаса. Сейчасъ, когда красное чудовище войны запылало надъ роднымъ городомъ, вой пронесся сверху до низу. Всѣ интересы смѣшались, и въ братскомъ чувствѣ общаго отчаянія людямъ захотѣлось тѣсно слиться въ одно, превратиться во что-то ненужное, хилое, болѣзненное, которое слѣдовало бы зарыть въ землю. Теперь каждый укорялъ другъ друга въ слѣпотѣ, въ беззаботности, и старая дорожная телѣга тронулась въ путь вонъ изъ родины... Ничто не могло удержать бѣгства испуганныхъ. Бѣжали сытые, бѣжали голодные, бѣжали ужасненные... Всѣ знали, что уходъ каждаго — приговоръ къ смерти своего близкаго, но паника была такъ велика, такимъ невыносимымъ казалось чудовище войны, что человѣческія чувства уступили... И слабые слѣдили за здоровыми, распускались слухи о томъ, что границы закрыты, а пойманныхъ приговариваютъ къ разстрѣлу, и было такое настроеніе, что съ минуты на минуту ждали какихъ-то волненій, какихъ-то расправъ... Наступалъ самый страшный, самый мучительный моментъ расплаты народа...

У Песьки, при извѣстіи о мобилизаціи, начались роды. Призвали бабку, чрезвычайно грязную одноглазую старуху, и всю ночь тѣсная комната оглашалась криками. Левка Гемъ съ Нахмале на

рукахъ простоялъ въ лавкѣ у окна до утра и, когда бабка пришла сказать ему, что роды кончены, онъ заплакалъ. Наступалъ отдыхъ, но эти роды среди суеты издерганныхъ отъ горя людей, этотъ уродецъ трупикъ, о которомъ нужно было позаботиться, эта болтливая одноглазая старуха казались такими ненужными, такъ некстати примѣшались къ главному несчастью, что даже Голда растерялась. День пробѣжалъ въ слѣпой торопливости. Трупикъ былъ убранъ. Песька меньше страдала и теперь можно было заняться вопросомъ о Левкѣ, котораго уже ничто не должно было удержать.

— Вотъ что,—сказалъ Мотель, подсѣвъ къ Левкѣ,—я думаю, вамъ пора собираться. Песька сбросила и васъ ничто не удерживаетъ здѣсь. Завтра ночью навѣрно будетъ облава и васъ заберутъ. Если вы боитесь, я могу поѣхать съ вами до границы. Этель меня отпуститъ.

— Я поѣду, Мотель, да поѣду, но... вѣдь всѣ не могутъ уѣхать. Вотъ Азикъ не уѣзжаетъ, вотъ Энохъ не уѣзжаетъ и пойдутъ на повѣрку.

— Спорить съ вами, Левка, я не могу. Довольно уже говорили объ этомъ, довольно кричали и ссорились. Я знаю только то, что теперь нельзя шутить. И я готовъ вамъ помочь.

— Таки нельзя шутить,—согласился Гемъ,—почему-то нельзя. Но все-таки кто-нибудь долженъ остаться...

Онъ запнулся, заморгалъ глазами, и всѣ съ испугомъ посмотрѣли на него.

— Ну да,—съ усиліемъ выговорилъ онъ.—Что вы на меня смотрите? Всѣ не могутъ уѣхать.

— Какое тебѣ дѣло до всѣхъ,—вскипѣла Голда.

— Такое есть дѣло. Я не говорю, что хочу пойти на войну. Но дѣваться некуда... Ну и... надо идти!

— Какъ идти, разсвирѣпѣла старуха,—куда идти? Песька, что же ты молчишь?

Она зажала ротъ Нахмале, который началъ кричать, и набросилась съ руганью на Менделя.

— Не бейте моего мальчика,—слабо возмутился Гемъ.

— Началось,—пробормотала Этель.

— Началось! Я бы и тебя побила! Что же онъ съ ума сошелъ? Что же это шутки? Не надо было жениться, не надо было дѣтей наплодить, если онъ такой. Довольно съ нимъ разговаривать. Онъ глупый быкъ, и мы его за рога вытащимъ отсюда. Пойду за Наумомъ...

Вечеромъ вся семья была въ сборѣ. Раньше явился Азикъ и разсказалъ о завтрашнемъ утрѣ, объ ужасахъ въ городѣ, о слезахъ, и всѣ мрачно слушали его, а Левка Гемъ, сидѣвшій подлѣ

Песьки, какъ виновникъ, лишь моргалъ глазами. Потомъ Азикъ ушелъ и стало еще печальнѣе. Но когда явился старшій сынъ Наумъ, прилично одѣтый, самоувѣренный человѣкъ, съ золотымъ кольцомъ на указательномъ пальцѣ, всѣ страхи исчезли, и сѣрая комнатка ожила.

— Ну, здравствуйте, здравствуйте,—весело говорилъ Наумъ. подходя къ каждому въ отдѣльности.—Что-то лица у васъ скучныя. Война!..

— Навѣрное будешь чай пить,—произнесла Голда. съ радостью оглядывая его. Какъ ты красивъ, какъ ты одѣтъ!

— Ты могла бы привыкнуть къ этому,—усмѣхнулся Наумъ.—А отецъ, какъ всегда, печаленъ. Но я его люблю. Тебя я люблю, отецъ.

Мендель улыбнулся.

— Что мнѣ въ твоей любви,—отозвался онъ.—Я не говорю: нѣтъ!.. Мать сказала бы: дай деньги. Но вотъ ты живешь далеко, рѣдко бываешь у насъ и не знаешь, какого Бога мы имѣемъ. Нехорошо у насъ, такъ ужъ нехорошо...

— Перестанемъ говорить о Богѣ,—нахмурилась Голда,—его еще не хватаетъ здѣсь. У насъ есть свой Богъ—Левка! Присядь къ столу, Наумъ. Есть Богъ, нѣтъ Бога—не наше дѣло!

— Я думаю, что Богъ есть, навѣрное есть, и я въ него вѣрю всей душой,—несмѣло вмѣшался Левка Гемъ.—Песька тоже вѣритъ всей душой.

— Ага, запасный!—со смѣхомъ сказалъ Наумъ.—Еще онъ не уѣхалъ?

Разговоръ сразу сталъ интереснымъ и важнымъ. Всѣ посмотрѣли на Наума и снова обрадовались, точно только онъ могъ разрѣшить ихъ горе.

— Въ городѣ разсказываютъ исторіи,—смиренно замѣтилъ Гемъ, ни къ кому не обращаясь. Говорятъ, что Исеръ развелся съ Ханкой, потому что уходитъ на войну. Только я не разведусь, нѣтъ, не разведусь...

— Да,—прервалъ наступившее молчаніе Мендель, нѣтъ радостей въ городѣ. Но гдѣ есть радости?

Наумъ поднялъ голову и обвелъ всѣхъ взглядомъ. И взглядъ его выражалъ равнодушное презрѣніе. Бѣдняки, нищіе, темные! Такихъ онъ не терпѣлъ, и въ каждомъ видѣлъ фанатика, желавшаго страдать, ищущаго страданіе. Самъ способный, ловкій, начавшій приказчикомъ въ кабакѣ, онъ успѣлъ побывать вездѣ и на жизнь не жаловался. Не было ремесла, мастерства котораго бы онъ не зналъ, онъ знакомъ былъ съ хлѣбнымъ дѣломъ, зналъ фельдшерство, недурно разбирался въ гражданскихъ и уголовныхъ законахъ, но все еще не избралъ спеціальности, благодаря волѣ къ лучшему, желанію большаго...

— У кого есть радости, у кого нѣтъ,—самоувѣренно произнесъ онъ...

— Ты, дорогой, нигдѣ не пропадешь,—радостно сказала Голда. Но что дѣлать съ нашимъ дуракомъ?

— Съ кѣмъ, съ Левкой? Ему нужно уѣхать...

— Вы правы,—сдержанно отвѣтилъ Гемъ. Но что-то у меня нѣтъ смѣлости. Не будемъ говорить, что у меня въ умѣ. Но что-то у меня смѣлости нѣтъ. Вотъ такъ ничего не боюсь! Я даже смѣлый, честное слово, но какъ разъ этого пугаюсь. Говорятъ, границы закрыты. Говорятъ, пойманныхъ перестрѣляли...

— Вы дуракъ,—серьезно сказалъ Наумъ.—Кто же теперь этого боится?

— Я то же самое говорю,—поддержала Голда.

Песька сейчасъ же заплакала и изъ деликатности закрыла ротъ подушкой.

— Вы правы,—робко отозвался Гемъ.—Я таки не только боюсь, но объ этомъ ничего не скажу. И выходитъ, что я все-таки чего-то боюсь. Вотъ такъ я смѣлый,—скажи Песька, развѣ я не смѣлый? Вамъ нужно было видѣть, какъ я бросался въ огонь, когда у меня горѣла лавочка! Я какъ левъ бросался... Э, я уже не то говорю, что хочу,—пробормоталъ онъ...

— Можетъ быть, вы не желаете спастись,—сказалъ Наумъ,—откройте правду.

— Можетъ быть, можетъ быть... Развѣ я знаю? Что-то какъ разъ кстати не хочется. Вотъ я согласенъ, что нужно уѣхать, но не ѣдется.

Наступило молчаніе, на мигъ нарушенное громкимъ вздохомъ Песьки. Мендель сидѣлъ, затаивъ дыханіе, и съ трудомъ сдерживался, чтобы не сказать: это нужно понять! Наумъ закурилъ и внимательно всмотрѣлся въ лицо Левки Гема. И впервые ему показалось что-то новое, неожиданное въ немъ. Глядѣла маска съ упорнымъ, загадочнымъ выраженіемъ, и тайну хранила маска.

— Я не то хотѣлъ сказать,—какъ бы говорила она,—да, не то!

— Вы просто съ ума сошли,—сухо сказалъ Наумъ.—Просто надо взять кнутъ и крикнуть вамъ: уѣзжай! И сѣчь до границы, до границы.

— Конечно, конечно,—подхватила Голда.

— Таки слѣдовало бы,—согласился Гемъ и заморгалъ глазами.

— Какъ вы думаете, напримѣръ,—вскипѣлъ Наумъ,—что вы опять моргаете?—примутъ васъ или не примутъ? Нѣтъ, вы скажите, что объ этомъ думаете? Вѣдь завтра же вы будете подъ ружьемъ. Не понимаю, о чемъ думаетъ Песька? Почему ты молчала, Песька, до сихъ поръ?

— Песька думаетъ о новомъ ребенкѣ,—сердито сказала Голда.

— Дайте мнѣ понять, что вы находите худого въ Америкѣ? Тамъ доллары растутъ въ воздухѣ, какъ здѣсь вишни на деревѣ. Ради чего же вамъ подвергаться опасности? Подождите, не пугайтесь! Можетъ быть, вамъ хочется воевать, можетъ быть, вамъ хочется подстрѣлить пару враговъ? Или вамъ Песька надоѣла?

— Таки не надоѣла,—несмѣло отвѣтилъ Левка, лишь теперь испугавшись.

— Не надоѣла, не надоѣла,—передразнилъ Наумъ, начиная сердиться.—Почему же вы не уѣзжаете? Можетъ быть, еще скажете, что еврей долженъ идти на войну? Если да, объясните за что ему сражаться? За родину? Но страна не родина и объ этомъ даже мальчики не спорятъ. Можетъ быть, за что нибудь другое,— за то, что намъ здѣсь великолѣпно, что насъ обижаютъ. Надо же знать, за что еврей долженъ пойти на смерть?

— Таки надо,—замѣтилъ Левка,—но кто скажетъ? Э, это уже не то опять,—пробормоталъ онъ.—А вотъ съ войны возвращаются, вспомнилъ онъ.—И Азикъ не уѣзжаетъ, и Энохъ не уѣзжаетъ...

— Что такое,—крикнулъ Наумъ, потерявъ терпѣніе.—Къ чорту Азика, къ чорту всѣхъ Азиковъ. У васъ жена, дѣти, вотъ что важно. Мнѣ еще нужно его уговаривать! Вы жалкій, несчастный! Вы не смѣете такъ говорить. Скажите Песькѣ, чтобы она приготовила для васъ сундучокъ въ дорогу. Я васъ за уши вытащу отсюда. Быть такимъ бараномъ и не понимать... Подумайте! Ты страдаешь, ты голодаешь, ты мучишься,—нѣтъ, ты еще на войну пойди... Дуракъ вы! Три раза дуракъ! Ночью вы уѣдете,— сегодня ночью! Онъ шутитъ... Онъ думаетъ, что эта война прогулка. Четверть страны пропадетъ отъ этой войны.

Онъ закурилъ и опять заговорилъ, и теперь всѣ слушали съ благоговѣйнымъ ужасомъ. Выростало чудовище свирѣпое, обозленное... Выяснялась просто и наглядно ненужность войны, преступность войны и слова свѣтили, какъ звѣзды въ мракѣ. Прошли толпы людей такихъ замученныхъ, растерянныхъ, скорбныхъ, прошли молча, не зная зачѣмъ...

— Ой, ой,—вскрикивалъ Левка Гемъ и закрывалъ глаза отъ ужаса.

А старикъ сіялъ. Онъ трясся отъ волненія, поднимался съ мѣста и снова садился.

— У тебя что-то есть въ душѣ, замирая отъ радости сказалъ онъ наконецъ.—Вотъ всѣ мы здѣсь,—у насъ нѣтъ, а у тебя есть. Сидишь въ этой тьмѣ! Ни свѣта, ни звѣзды! Этель кричитъ, мать кричитъ, стѣны кричатъ,—но о чемъ? А теперь хорошо. Что-то высшее я услышалъ.

— Не говори съ дуракомъ, Наумъ,—перебила старика Голда.

Вотъ такъ онъ сидитъ цѣлый день въ углу, а о чемъ думаетъ, не знаю. Все бормочетъ: «я у Бога въ домѣ стекла выбью».

— Не твое дѣло,—хмуро отвѣтилъ Мендель.—Можетъ быть, за эти слова съ меня слѣдуетъ кожу содрать, но не тебѣ. Ты молчи! Ты кричи о грошикахъ... Я свое знаю. Разъ есть міръ надо его устроить, непремѣнно надо... Надо!

— Оставьте,—перебилъ ихъ Наумъ.—Будете ссориться въ другое время.

— И все-таки Азикъ не уѣзжаетъ, Энохъ не уѣзжаетъ,—замѣтилъ Гемъ послѣ молчанія. Тоже люди! Война,—а они люди! Мучаются, а не уѣзжаютъ. Почему то не уѣзжаютъ. Хорошо-бы знать почему, а вотъ не узнаешь... Я правду говорю, да Песька? Скажи ты хоть! И на войнѣ тоже не мало людей. И это хорошо было бы узнать почему, но не узнаешь. Нѣтъ не узнаешь! Такъ уже сдѣлано, что не узнаешь! Почему то!

Онъ тянулъ слова, видимо подыскивалъ ихъ, и каждое стоило ему мучительныхъ усилій. И оттого, что онъ то поднимался, то садился и пальцемъ какъ будто грозилъ кому-то, тоже несмѣло, Пескѣ хотѣлось обнять его и сказать ему: «хорошій!»

— Левку надо понимать,—тихо сказала она.

— Правда, правда,—обрадовался онъ.—Таки не хочется на войну, но нужно понять человѣка, я о человѣкѣ говорю. Уѣхать таки хорошо и нужно, какъ разъ кстати, нужно. Но что-то стыдно. Почему-то стыдно. Хорошо бы знать почему, а никто не скажетъ.

— Вы ночью уѣдете,—съ ненавистью крикнулъ Наумъ,—я это на себя беру. Такъ ведетъ себя лошадь, когда конюшня горитъ. Тащи ее, умоляй ее. она стоитъ. Почему стыдно? Отвѣчайте, что значитъ о человѣкѣ? Вы опять моргаете? Какое вамъ дѣло...

— Таки нѣтъ дѣла, какъ разъ кстати нѣтъ дѣла, а какъ будто и есть, Наумъ. Вотъ вы кричите .. Машина тоже умѣетъ свистѣть. Ну такъ что же? А я о человѣкѣ говорю. У него сердце, ему жалко чего-то, ему стыдно чего-то и ему больно и что-то онъ любитъ, да, любитъ! И не знаетъ онъ, что дѣлать!..

— Съ нимъ ты сговоришься!—отозвалась Голда.—Всѣ дни это слышу. Если бы я его раньше знала, за милліонъ не выдала бы за него Песьки.

— А я люблю Левку,—сказала Песька.—Нѣтъ другого Левки. Другого Левки нѣтъ въ мірѣ!

— Перестанемъ спорить,—устало заговорилъ Наумъ.—Левка долженъ уѣхать. Такой Левка непремѣнно долженъ уѣхать. Я скорѣе калѣку отпустилъ бы на войну, чѣмъ его.

Наступило молчаніе... Старикъ вздыхалъ, и Левка вздыхалъ, и Песька вздыхала и, какъ въ чудо не вѣрилось, что сейчасъ родятся

такія слова, которыя разсѣютъ мракъ, нависшій надъ семьей, распутаютъ узелъ, не здѣсь придуманный, не здѣсь завязанный...

Пріемъ запасныхъ шелъ своимъ порядкомъ. На большихъ дворахъ, на улицахъ передъ зданіями, въ пригородныхъ селеніяхъ и въ окрестныхъ садахъ еще съ разсвѣта толпы женщинъ съ дѣтьми на рукахъ, окруженныя любопытными и близкими, усталыя и измученныя ждали рѣшенія судьбы. И повсюду эти толпы настроенныя гнѣвно, шопотомъ и громко въ тягучихъ и страстныхъ разговорахъ выкладывали другъ передъ другомъ все свое отчаяніе, весь свой ужасъ и неожиданными словами, неожиданными вскрикиваніями выражали протестъ. Но никто не выдавался въ этой массѣ одинаково чувствующихъ сердецъ, и всѣ на большихъ дворахъ, на улицахъ передъ зданіями, въ пригородныхъ селеніяхъ и въ окрестныхъ садахъ одинаково страстно проклинали міръ, проливали слезы...

Песька послѣ отъѣзда Левки отдохнула душой и хотя отъ него еще не было извѣстій, и она сомнѣвалась, перешелъ ли онъ границу, все же до этого траурнаго утра прожила спокойно. День начался дурно. Старуха Голда накрыла Семку въ тотъ моментъ, когда онъ запускалъ руки въ денежный ящикъ и дикая сцена драки между сыномъ и матерью до того потрясла Пеську, что забывъ о себѣ, она бросилась въ лавочку разнимать ихъ. И когда наступила тишина, у нея начался жаръ и боли.

У Этель было свое горе. Въ женихѣ она, двадцативосьмилѣтняя швея, полюбила не столько его, сколько свою мечту о прекрасной Америкѣ, мечту, которую онъ могъ осуществить послѣ женитьбы. Но Мотель все время настаивалъ на вѣнчаніи не здѣсь, а въ Америкѣ, и до сихъ поръ добивался одного: получить отъ нея на руки деньги для поѣздки. Наканунѣ у нея былъ съ нимъ рѣшительный разговоръ и теперь сидя на кровати подлѣ Песьки, которой призналась во всемъ, она монотонно говорила:

— Это моя послѣдняя игра, Песька... Мнѣ двадцать восемь лѣтъ, силъ уже нѣтъ и, если онъ заберетъ деньги, я повѣшусь...

— Моему Левкѣ я бы довѣрила жизнь,—тихо сказала женщина и поморщилась отъ боли.

— Я не говорю о довѣріи. Песька. Кому я не вѣрила? Но тутъ все, мое все тутъ! Я работала и отдавала деньги первому жениху, онъ умеръ, но оставалась надежда. А теперь мнѣ кажется, что я только ради того бѣжала въ страданіи эти двадцать восемь лѣтъ, чтобы добраться до нея, до Америки... И ее мнѣ уже нельзя потерять.

— Я бы и жениху отдала деньги,—задумчиво выговорила Песька,—да, отдала бы... Что-то колетъ у меня вотъ здѣсь и, ка-

жется, Этель, придется пойти въ больницу. Я бы довѣрила. Развѣ въ жизни нужно брать зломъ, силой? Надо раскрыть всѣ слабыя мѣста свои. Надо дать увидѣть свою слабость! И кто убьетъ безпомощнаго, слабаго?..

— А я не могу,—сверкнувъ глазами, сказала Этель.—Мнѣ милѣе моя смерть.

— Вотъ Америка,—меланхолично говорила Песька и морщилась! Я не боролась, нѣтъ, не боролась... Я одного слова не сказала... Я знаю, что Левкѣ лучше было бы не уѣзжать. Я уже знаю, почему лучше! Что-то въ этомъ есть нехорошее, что-то стыдное, а люди, вѣдь, вездѣ умираютъ. Но я не боролась. Зачѣмъ гнѣвъ, зачѣмъ насиліе, когда есть сердце? А въ сердцѣ, Этель, все... да, все!..

Она говорила слабо, слабо, и звуки ея слабые доходили до глубины сердца и тревожили.

— Всѣ говорили, Песька,—и я тоже думала,—что ты самая глупая у насъ,—съ порывомъ призналась Этель.—Должно быть, для праведной жизни, для доброй жизни нуженъ не умъ...

— Вотъ я, Этель, сказала бы жениху такъ: возьми мои сто пятьдесятъ рублей, возьми ихъ... И не плакала бы! Я бы только сказала... Но сказала такимъ голосомъ, что въ немъ лежало бы мое сердце. И онъ бы не взялъ...

Изъ лавки доносилось жужжаніе Голды. И не нужно было догадываться, о чемъ говорилъ этотъ плачущій, надоѣдливый голосъ.

— Я отдамъ ему деньги,—вдругъ покорно сказала Этель,—я отдамъ! Можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, да въ самомъ дѣлѣ, когда отдаешь послѣднюю душу, послѣднюю вѣру это видно по глазамъ и имѣетъ власть надъ чужимъ сердцемъ. Моя жизнь! О, если бы я родилась въ другой семьѣ, выросла среди другихъ людей, то, можетъ быть, можетъ быть...

Она не договорила,—у нея запрыгало лицо,—и съ надрывомъ заплакала.

— Я не могу такъ глубоко думать,—откровенно созналась Песька.—Я знаю одно: надо быть человѣкомъ, человѣкомъ...

Разговоръ прервалъ Фавлъ. Онъ вбѣжалъ въ лавочку сморщенный какой-то, постарѣвшій и, запыхаясь, прокричалъ:

— Только что случилось несчастье. Башмачникъ Лейзеръ повѣсился. Во дворѣ повѣсился. На своемъ поясѣ. Доктора его признали годнымъ,—и онъ повѣсился. Вышелъ и повѣсился. Жена уже не кричитъ. Она лежитъ возлѣ него, какъ мертвая. А дома трое дѣтей.

— О жизнь,—произнесла Песька,—о жизнь...

Теперь лишь открылась ей тайна собственнаго сердца. Все

время отчего-то ныла и недовольна была душа ея. Она и понимала, но не постигала... Война, война! Она знала все, что всѣ говорили противъ войны, противъ злой необходимости пожертвовать жизнью, но не это ее задѣвало, а мучила внутренняя, сочившаяся кровью рана, протестъ безъ проклятій, какая-то не знакомая боль... И она не постигала, какъ будто забыла извѣстное, важное,—и страдала! Иногда ей казалось, вотъ вотъ безпокойство разрѣшится, найдется отвѣтъ, но не было отвѣта, не приходило разрѣшеніе, и терзало душу безпредметное отчаяніе, далекое и странно близкое. Теперь лишь раскрылась тайна ея сердца! Съ ея внутренней душой имѣла связь смерть человѣка, призванная, преступная,—пришелъ свѣтъ и словно невидимой рукой опять зажглись слова, столь прямыя, столь справедливыя, которыхъ не хватало ей, которая знала давно...

Не надо бороться, не надо. Никогда не надо! Вотъ правда!

казалось ей, лишь только эта тайна будетъ сказана вслухъ, міръ одѣнется въ новыя одежды и надъ людьми засіяетъ прекрасное солнце любви и добра...

— Я пошла бы туда,—возбужденно выговорила она,—я сказала бы, но я не въ силахъ подняться...

Въ лавочкѣ стихло. Старики ушли съ Фавломъ. И до вечера въ домѣ была страшная, неуклюжая тишина, точно послѣ похоронъ, точно послѣ замолкнувшихъ рыданій. Насыщенный ужасомъ городъ, пропадая во мракѣ и отчаяніи, какъ бы сгинулъ въ этомъ зловѣщемъ молчаніи, и, чудилось, онъ никогда уже не закричитъ своими голосами побѣды и мученія и будетъ тихо, скорбно, страшно до скончанія міра...

— А отъ Левки все нѣтъ вѣстей, когда наступила ночь,—произнесла Голда. Но если его поймали... И если его поймали!..

На дворѣ было невесело. Отовсюду нагнало тучъ и съ сумерекъ падалъ осенній дождь, нехорошій дождь. Голда закрыла двери отъ лавочки крюкомъ, какъ дѣлала зимой, но настойчиво стучали въ окна струи воды и, казалось, тамъ на улицѣ происходитъ недоброе, ходитъ несчастье съ клюкой въ рукахъ и стучитъ, стучитъ...

— Мнѣ весь день кажется, что вотъ-вотъ, кто-то придетъ,—выговорила Песька.—Я безпокоюсь и не знаю, отчего.

Ей не отвѣтили и каждый подумалъ про себя: бѣдная, бѣдная!

Старикъ началъ раздѣваться. На стѣнахъ появились тараканы и зашуршали; и они творили жизнь!

— Да, надо ложиться,—зѣвнувъ до слезъ, произнесъ вдругъ Мотель, выходя въ лавочку,—и всѣ вздрогнули.

— Подожди,—дрожащимъ голосомъ сказала Этель,—я сейчасъ приду и помогу тебѣ.

Онъ взглянулъ на нее и дико обрадовался.

«Ого,—подумалъ онъ,—ого!..»

Старуха начала ворчать. Что за разговоры ночью? Маня, раздѣвшись, стояла уже у дверей, играя наготой передъ Мотелемъ, и, когда перехватила его жаркій взглядъ, улыбнулась, потушила лампу и легла.

— Плохо тому, кто теперь переходитъ границу,—зѣвая, произнесла Голда и прислушалась.

— Есть Богъ,—прошептала Песька,—Онъ есть, мать!

А ночь шла. Какъ усталый путникъ въ безконечной степи, безъ звѣзды впереди, она шла усталая, залитая кровью, залитая слезами, она шла, чтобы идти и снова придти и идти безъ конца. И шла безрадостная навстрѣчу безрадостному дню...

Вошла Этель и во тьмѣ шаги ея казались покорными.

— Кто тамъ,—прошептала Песька?

Она присѣла на кровати, морщась отъ острой боли, и, повернувшись, бросила во тьму:

— Моя душа съ тобой, Этель!

Этель не отвѣтила и пошла раздѣваться.

— Кто-то стучитъ,—произнесла она вдругъ громко и прислушалась.

— Гдѣ стучатъ,—спросила Голда соннымъ голосомъ!

Песька замерла. Конечно это онъ, пронеслось у нея!

— Стучатъ,—послышался изъ лавочки голосъ Мотеля. Сейчасъ узнаю, что это.

— Опять разговоры,—проворчалъ Мендель. Даже ночью нѣтъ покоя!

Упалъ желѣзный крюкъ. Проснулся ребенокъ и отъ страха заплакалъ.

— Вотъ ужъ ночь,—недовольно сказала Голда и поднялась. —Съ кѣмъ это Мотель разговариваетъ?

Донеслось восклицаніе, потомъ голосъ, знакомый, невозможный...

— Но это Левка,—все плохо соображая—крикнула Песька,—ну, да, Левка. Я съ ума сошла! Зажги, Этель, лампу.

Никто не понималъ, что случилось, а темнота вносила еще большій безпорядокъ въ начинавшійся шумъ.

— Кто пріѣхалъ, кто?—допрашивала Голда, поймавъ чьи-то руки.—Какъ онъ смѣлъ пріѣхать, слѣпая лошадь! Пусть ѣдетъ назадъ!

— Конечно, назадъ,—мрачно поддержалъ Мендель.—Какъ здѣсь темно. Вотъ уже темно! Я тоже говорю: назадъ! Закройте двери,—его еще могутъ увидѣть. Почему онъ пріѣхалъ? Маня, зажги лампу...

Комната освѣтилась вдругъ. Наступилъ тревожный мигъ.

Кто-то робкими шагами входилъ въ комнату и, казалось, шелъ безконечно долго, безконечно медленно.

— Это Левка,—равнодушно сказала Маня.—Подождите, я закроюсь.

— Левка,—прошептала Песька,—Левка!..

— Почему ты вернулся?—съ негодованіемъ спросилъ старикъ.

— Ты спрашиваешь,—крикнула Голда, выходя изъ столбняка.—Да, да, это Левка. Пріѣхалъ молодецъ! Ну, что скажешь, старый дурень,—набросилась она на мужа.—Разскажи-ка, какъ ты у Бога теперь въ домѣ стекла выбьешь.

— Если ты, Левка, не уѣдешь,—мрачно сказалъ Мендель,—я сейчасъ иду повѣситься. А ты, Іегова, спишь! Ты не слышишь, Іегова, не хочешь слышать? Безъ стыда, Іегова!

— Зачѣмъ разговаривать съ нимъ?—спросила Голда.—Возьмите палку и гоните его, какъ собаку. Какъ ты смѣлъ пріѣхать, слѣпая лошадь? Молчи, Песька, теперь кричать нужно, драться нужно, кусаться нужно. Встань! Утюгомъ разбей ему голову. Или мы всѣ съ ума сошли. Этель молчи, не могу слышать твоего голоса. И деньги пропали, деньги пропали!..

Она не выдержала отчаянія и ярости, терзавшихъ ея душу, и стала рвать на себѣ волосы.

— Дайте мнѣ сказать,—слабо запротестовалъ Левка.—Дайте же.

Онъ стоялъ, облитый свѣтомъ лампы, такой изнуренный, такой несчастный... Съ одежды его текла вода; онъ топтался на мѣстѣ и повторялъ, словно передъ нимъ стояли толпы судей: «дайте же мнѣ сказать».

— Что сказать, слѣпая лошадь?—перебила его Голда.—Въ Америкѣ тебѣ плохо? Въ Америкѣ? Въ Америкѣ!—все возвышала она голосъ.

— Ну да,—все какъ бы умоляя, отвѣтилъ Левка.—Вотъ вы кричите, и у меня нѣтъ мыслей. Почему-то я ихъ теряю. Я вѣдь вамъ прежде сказалъ, что не ѣдется. Я таки хотѣлъ, я таки уѣхалъ, но, какъ разъ кстати, не могъ уѣхать. Почему-то не могъ. Честное слово не могъ, вѣрите? Я самъ говорилъ себѣ и такъ и вотъ такъ, я кричалъ на себя, не помогало, не помогало!..

Песька сидѣла неподвижно и внимательно, внимательно слушала. Какъ будто къ ней доносились звуки изъ другого міра, и могла лишь по тону,—не по словамъ,—разобрать истинный смыслъ, она тихо повторяла все, что говорилъ Левка. И сердце ея разрывалось отъ жалости къ нему.

— Я и самъ не зналъ, что со мной, почему-то не зналъ,—говорилъ Левка, обращаясь къ старику и старухѣ, и они отворачивались отъ него.—Ну хорошо! Я говорилъ себѣ: Америка! Что означаетъ Америка? Почему мое сердце не согрѣвалось, я спрошу

васъ? Почему? Какое-то чужое имя, холодное имя! Америка! Вы хоть что-нибудь чувствуете? Когда я прятался по городамъ, я сидѣлъ, какъ глухой звѣрь, и думалъ: Америка! Но когда я лежалъ спрятанный подъ кроватью и говорилъ Америка,—я плакалъ! Да, да, я плакалъ. Почему-то захотѣлось домой. Вѣдь это разрываетъ сердце, увѣряю васъ. Что-то само плачетъ! Не хочешь, а плачетъ! И такъ заскучалъ я за камнями, за домами! Я бы полъ жизни отдалъ, чтобы увидѣть ихъ. А что мнѣ камни въ Америкѣ? Въ какомъ родствѣ я съ Америкой? И я лежалъ и плакалъ. Да, да, я плакалъ.

— Что же ты хотѣлъ смѣяться, слѣпая лошадь?—нетерпѣливо оборвала его Голда.—Или намъ нужно знать, что ты дѣлалъ подъ кроватью? О чемъ ты здѣсь будешь думать, въ казармѣ?

— Таки скверно,—согласился Гемъ и заморгалъ глазами.

— Ему надо было бы отдохнуть,—робко вмѣшалась Песька.—Посмотрите на него!.. Мнѣ кажется, онъ сейчасъ упадетъ!..

— Молчи, Песька,—грозно крикнула Голда.—Отдохнуть! Я бы прокляла тебя! Умереть ему нужно, а не отдохнуть!

— Не сердитесь на меня, не кричите на Пеську!—съ страданіемъ заговорилъ Левка.—Мотель, попроси ты за насъ! Вотъ вы шумите. Къ чему это? Какъ разъ кстати, не нужно. Вѣдь я тоже мучаюсь. Я больше васъ мучаюсь, а я не кричу. Вотъ вы говорили: Америка! Уѣзжай въ Америку! Развѣ я съ вами споримъ? Америка, пусть Америка... Но когда я не могу, вѣрьте мнѣ, не могу... У себя просилъ—не могу! Разъ за всѣ разы! Вы думаете, это легко? Попробуйте-ка сами! Попробуйте только выѣхать изъ города! Сидишь въ телѣгѣ, и не только сердце твое плачетъ, но вся земля. Да, да, вся земля. Развѣ это улицу перейти? Это уѣхать навсегда... А я не хочу въ Америку! Почему-то не хочу! Убейте меня, а я не могу! Разъ за всѣ разы!

— А на войнѣ тебѣ лучше будетъ, дуракъ?—не утерпѣлъ старикъ.

— Таки не лучше,—согласился Левка,—какъ разъ кстати, но что же дѣлать? Есть такіе счастливцы, которые могутъ уѣхать! Что же изъ того? Есть птицы и онѣ умѣютъ летать... такъ я виноватъ? Я люблю мой городъ, здѣшнихъ людей, здѣсь я и то могу дѣлать, и другое могу сдѣлать, а тамъ что? Что я, Левка, тамъ буду дѣлать... Вы видите меня, Левку, въ Америкѣ?

— И такому барану я отдала дочь свою,—закрывъ уши ладонями, закричала Голда.—Погибъ бы ты раньше, чѣмъ я тебя узнала! Дуракъ, лошадь, вѣдь на войнѣ тебя перваго убьютъ. И изъ твоего глупаго мяса колбасу сдѣлаютъ для собакъ...

— Ну, пусть сдѣлаютъ. Что вы меня пугаете? Какъ разъ кстати этого я не боюсь. Что-то оно легче. Разъ за всѣ разы!

И почему не пойти на войну, я васъ спрошу? Вѣдь идутъ же другіе. Чѣмъ я лучше ихъ? Хотѣлъ бы узнать, чѣмъ я лучше ихъ. Развѣ я избранникъ? Вашъ Наумъ избранникъ, а не я. Ну, такъ я пойду. Таки не хочется идти, но всѣ идутъ и я пойду. Разъ за всѣ разы,—и конецъ.

— Слышишь, Песька, ты слышишь? Почему этотъ человѣкъ не мой мужъ? Скажите мнѣ почему? Я бы изъ его кожи ремни вырѣзывала! Вотъ говорили съ этой стѣной... «Какъ разъ кстати, разъ за всѣ разы»! Слѣпая лошадь! Слѣпая! Даже разговаривать не умѣешь. Даже языкомъ ворочать не умѣетъ. Но подожди, подожди, запоешь ты въ казармѣ.

— Таки запою! Можетъ быть, меня и убьютъ. Ну, пусть убьютъ. Это таки больно, это страшно, но что мнѣ дѣлать, когда я не люблю Америки? А тутъ у насъ есть Богъ. Правда, у насъ есть Богъ, Песька... И съ войны возвращаются.

Песька молчала и слушала, понуривъ голову. «Конечно, кто слабъ, тотъ силенъ. Но если Левка не можетъ?.. И если онъ не можетъ?» захотѣлось ей вдругъ крикнуть въ горѣ, но удержалась и заплакала...

И ничего въ мірѣ не было нѣжнѣе, прекраснѣе, благовоннѣе этихъ чудесныхъ слезъ! Словно въ нихъ отразилось и ея горе, и ея покорность, и ея жертва,—такъ заплакала она...

Этель заговорила и долго лился ея страстный голосъ... Мотель не поддерживалъ ее. Старикъ отвернулся, почувствовавъ въ сердцѣ глубокую боль. Жалостнымъ, недоумѣвающимъ взглядомъ оглядѣлъ онъ Левку, Пеську, двоихъ дѣтей, спавшихъ на полу и посмотрѣлъ вверхъ. И его взоръ встрѣтилъ закопченный потолокъ грязной комнаты, жалкой комнаты... А Голда, увидѣвъ обоихъ рядомъ, точно лишь теперь поняла глубину несчастья, и закричала всѣми голосами отчаянія... И до самаго утра не прерывались разговоры, грязные и трогательные, высокіе и страшно земные, но—высокіе и низкіе—ихъ заливали слезы, кровавыя слезы несчастнѣйшихъ сердецъ, не единственныхъ сердецъ. Такъ мучились вездѣ, такъ бились вездѣ...

Семенъ Юшкевичъ.

ВИНО.

I.

Подъ лучами солнца зрѣетъ,
Наливаясь, виноградъ,
Въ каждой каплѣ страсть лелѣетъ
И забвенья свѣтлый ядъ;
Освѣжается росою,
Пьетъ полдневные лучи,—
Оттого въ винѣ порою
Искры влаги горячи,
И съ кипящими струями
Льется въ жаждущую кровь
Небо съ яркими звѣздами,
Вдохновенье и любовь.
Весь упругій и янтарный,
Сокомъ жизни налитой,
Онъ прельщаетъ лучезарной,
Откровенной наготой;
Вѣтеръ кисть его цѣлуетъ,
И влюбленная заря
Пламенѣетъ и тоскуетъ
Въ спѣлыхъ капляхъ янтаря.
Оттого съ веселымъ жаромъ
Въ нихъ горитъ издалека
Опьяняющимъ пожаромъ
Ненасытная тоска.

II.

Въ буйномъ вихрѣ, въ дикой пляскѣ
Мчатся звѣзды и цвѣты.
Жизнь рисуется, какъ въ сказкѣ,
Міръ въ сіяніи мечты.
Настоящее, былое
Предстаетъ въ волшебномъ снѣ.
Все и доброе и злое
Преломляется въ винѣ,

Возникаетъ въ сочетаньяхъ
Новыхъ красокъ и лучей,
Въ мрачныхъ тѣняхъ и сіяньяхъ,
Недоступныхъ для очей.
Но и пыткамъ острой муки
Облегченіе дано.
Для рыданья—пѣсенъ звуки,
Для забвенія—вино.

III

Я стакану не дамъ опустѣть,
И не дамъ я уму отрезвѣть,
Истекающей крови остыть,
Истомленному сердцу—изныть.
Ночь темна,—буду пить до зари.
О, гори, мое пламя, гори!
Пусть летятъ однодневки ко мнѣ
И сгораютъ на яркомъ огнѣ.
На бумагу упалъ мотылекъ:
Обожженный, средь траурныхъ строкъ,
Онъ трепещетъ безсильнымъ крыломъ,
Эго ты мое счастье въ быломъ.

IV.

Проснулся день голубоглазый;
Его привѣтствуетъ земля.
Росинки блещутъ, какъ алмазы,
И дышутъ свѣжестью поля.
Ворвался съ первой пѣсней птицы
Прохладный утренникъ въ окно
И освѣжилъ мои рѣсницы
И погасилъ мое вино.
Передо мной въ плѣну хрустальномъ
Цвѣты мертвѣютъ отъ тоски,
Роняя съ шопотомъ печальнымъ
Полуживые лепестки.
Мой бѣдный столъ усыпанъ ими,
Они средь ровныхъ черныхъ строкъ
Лежатъ намеками нѣмыми,
Какъ этотъ мертвый мотылекъ.
Я пью послѣдній свой глотокъ
Съ лучами солнца золотыми.

А. Ѳедоровъ.

БОРЬБА ДУШЪ.

Романъ **Густава Гейерстама.**

Пер. со шведскаго **З. Зеньковичъ.**

ЧАСТЬ I.

Надъ глубокой долиной, гдѣ темная линія сосноваго лѣса рѣзко ограничиваетъ снѣжный покровъ, пріютился маленькій отель. Изъ-за зеленыхъ угловъ его выглядываютъ жидкія низкорослыя березки съ тощими стволами, а прямо отъ веранды, украшенной по случаю Рождества елками, вьется проѣзжая дорога, убѣгая прямо въ лѣсъ.

По этому проселку въ холодное декабрьское утро одиноко шелъ человѣкъ. Его тусклые безъ всякаго выраженія глаза смотрѣли въ пространство, словно онъ ничего не видѣлъ или не хотѣлъ, не могъ видѣть.

Въ своемъ модномъ пальто для гулянья, въ легкой темной мѣховой, низко надвинутой на глаза шапкѣ человѣкъ этотъ былъ явно не здѣшнимъ.

Вотъ ѣдутъ дровни и проѣзжій невольно берется за шапку, какъ будто сомнѣваясь, слѣдуетъ ли ему поклониться чужому барину или лучше оставить его въ покоѣ.

А вотъ въ саняхъ сидятъ двое; одинъ поворачиваетъ къ другому свою закутанную голову, словно взглядомъ говоря, что они знаютъ кого встрѣтили.

Вѣдь докторъ Кристіанъ Мордтманъ крупный человѣкъ, и газеты (онѣ все знаютъ!) разсказываютъ, что онъ вынужденъ былъ искать въ горахъ отдыха для своихъ усталыхъ нервовъ и рѣшилъ провести Рождество съ семьей тамъ въ отелѣ, гдѣ уже зажигались огни. Крупнымъ человѣкомъ считалъ себя онъ самъ, крупнымъ считали его и другіе, а высокомѣріе не позволяло ему замѣтить, на какомъ шаткомъ основаніи построилъ онъ свое зданіе и какъ легко оно можетъ рухнуть. Вся его фигура была проникнута увѣренностью въ успѣхѣ, и эта вѣра годами гипнотизировала его самого и всѣхъ окружающихъ. Однако, за этой внѣшностью таилось сомнѣніе, которое (хотя онъ самъ едва сознавалъ его) подрывало его равновѣсіе гораздо сильнѣе, чѣмъ какое угодно переутомленіе.

Докторъ Мордтманъ тяжело ступалъ по глубокому снѣгу, его большая грузная фигура медленно подвигалась впередъ. На лицѣ его, сѣровато-блѣдномъ, одутловатомъ, съ мутнымъ взглядомъ, лежалъ отпечатокъ, свойственный людямъ, переутомленнымъ излишней работой и излишне-разсѣянной жизнью столицы.

Неловко чувствовалъ онъ себя въ толстыхъ валенкахъ, которые шерстяными тесьмами были привязаны къ его ногамъ,

Окрестность была подернута страннымъ полумракомъ, и только на вершинахъ горъ далеко на краю долины лежалъ слабый отблескъ свѣта.

Несмотря на то, что, по времени, былъ еще день, солнце давно уже закатилось. Оно исчезло, едва успѣвъ взойти, и оставило за собою холодный пустой воздухъ, слабо освѣщенный блѣдными звѣздами. Темной ломаной линіей спускался лѣсъ въ долину и сново медленно поднимался по склону хребта, исполинскимъ вѣнкомъ окаймляя бѣлоснѣжную вершину, гдѣ притаился солнечный лучъ.

Пѣшеходъ видѣлъ все это, но, въ сущности, картина не производила на него впечатлѣнія. Онъ шелъ охваченный изумленіемъ—какъ могло случиться, что онъ попалъ въ эту обстановку, казавшуюся ему отвратительной и чуждой? Онъ дошелъ до поворота въ лѣсъ; по обѣимъ сторонамъ дороги высились огромные снѣжные сугробы. Еще немного и долина съ далекимъ бѣлымъ пейзажемъ, убѣгавшимъ за линію лѣса, исчезла и вокругъ одинокаго человѣка воцарилась та удивительная тишина, которой дышатъ вѣковые лѣса. Пробираясь впередъ, онъ часто останавливался, словно прислушиваясь, и, наконецъ, услышалъ этотъ необыкновенный шопотъ, только изрѣдка прерываемый шумомъ снѣга, падавшаго съ вѣтвей сосны. Лѣсъ шелестѣлъ вокругъ, а чувство одиночества, заброшенности все глубже проникало въ душу.

Вдругъ путникъ рѣшилъ, что не хочетъ больше стоять и смотрѣть въ темноту, повернулъ и пошелъ домой по своимъ прежнимъ слѣдамъ.

Попрежнему медленно и тяжело подымался онъ.

Докторъ Кристіанъ Мордтманъ чувствовалъ здѣсь свое ничтожество, а эта мысль до сихъ поръ была ему незнакома. Она усиливала его недовольство, а пронизывающій холодъ забирался ему за мѣхъ шубы. Вотъ онъ опять на опушкѣ и его поразило, какимъ холодомъ и сумракомъ вѣетъ изъ долины. Черныя деревья вырисовывались на бѣломъ, искристомъ покровѣ горы, вершина которой уже потухла. Все стало темно, холодно, спокойно, какъ бываетъ всегда тамъ, гдѣ исчезнетъ жизнь. Если бы докторъ Мордтманъ посмотрѣлъ вверхъ, онъ замѣтилъ бы, что тамъ зажглись и мерцаютъ звѣзды. Скоро онѣ засверкаютъ милліонами огней, маленькія, большія... вспыхнутъ ряды факеловъ, а если бы онъ понималъ окружающее, онъ зналъ бы, что отблескъ пламени означаетъ сѣверное сіяніе. Но одинокій человѣкъ не обращалъ на это вниманія, да, пожалуй, еслибъ и обратилъ, картина не произвела бы на него впечатлѣнія.

Тяжело шелъ онъ по своимъ слѣдамъ и ему все время казалось, что онъ идетъ по мѣсту, откуда нѣтъ возврата.

Внезапно вспомнились ему слова, слышанныя имъ нѣсколько дней назадъ, когда онъ еще жилъ среди людей и представлялъ собой извѣстную величину: «Доктору слѣдуетъ поберечься. Первый разъ не имѣетъ значенія, но это является предостереженіемъ».

Такъ говорилъ его врачъ; и вотъ онъ, докторъ философіи Кристіанъ Мордтманъ, сидитъ здѣсь вдали отъ дѣлъ, отъ банковыхъ операцій, отъ биржевыхъ спекуляцій, отъ всего хаоса, ради котораго онъ простился съ наукой и вступилъ, что называется, въ жизнь.

Какой это Мефистофель прокрался въ его комнату и сидѣлъ противъ него за рабочимъ столомъ, у лампы, освѣщавшей на половину исписанный листъ бумаги? Докторъ смѣется при этомъ воспоминаніи, но смѣхъ звучитъ дѣланно, и онъ закусываетъ себѣ губы.

Передъ нимъ сидѣлъ человѣкъ—онъ отлично помнитъ его—и говорилъ, говорилъ о томъ, какой онъ знаменитый историкъ, и спрашивалъ, легко ли жить знаменитымъ именемъ и чрезмѣрнымъ умственнымъ трудомъ, никогда не зная отдыха. «Вы человѣкъ практическій, г-нъ докторъ,—говорилъ онъ.—Я знаю это, но жизнь шире и разнообразнѣе, нежели вы думаете». Говорившій былъ смуглый человѣкъ, съ плутоватымъ взглядомъ и явнымъ стремленіемъ къ наживѣ. Докторъ Мордтманъ былъ тогда совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, не зналъ жизни, которая вдругъ поманила его широкими доходами и обширной дѣятельностью. Потому-то онъ и согласился на предложеніе и вѣрилъ, что свершитъ крупныя дѣла, работая на новомъ поприщѣ. Какъ ребенокъ, сидѣлъ онъ среди ненасытныхъ хищниковъ и только въ день краха ихъ предпріятія понялъ, откуда шли его доходы. Такова была проба, и Кристіанъ Мордтманъ дорого заплатилъ за первый опытъ. Съ улыбкой вспомнилъ онъ жалкаго Мефистофеля, которому заложилъ свою душу.

Отчего, однако, думаетъ онъ обо всемъ этомъ именно теперь? Онъ глянулъ вверхъ и взоръ его встрѣтилъ сосновый лѣсъ; темнѣе, гуще тѣснился онъ зубчатымъ гребнемъ по горѣ, на вершинѣ которой погасъ уже весь свѣтъ.

Звѣзды висѣли низко, словно онѣ были искрами, вспыхнувшими на иглахъ сосенъ, а подъ ними стлался холодный туманъ. Какія мысли тѣснились въ его мозгу? Почему вспомнилъ онъ теперь о томъ, что давно уже всѣми забыто? И что значитъ слово, только что мелькнувшее въ его памяти?

Первое предостереженіе!

Какая связь между этимъ словомъ, холодно дѣловито высказаннымъ за деньги наемнымъ врачомъ, и тѣмъ, что кипѣло и бушевало на днѣ его души и рвалось наружу, помимо его воли, которая старалась отвоевать свою свободу.

Задыхаясь, остановился докторъ Мордтманъ передъ дверьми отеля и разомъ почувствовалъ, что все тѣло его покрылось холоднымъ потомъ...

Да, да... Идти было тяжело, да и вообще директоръ больше привыкъ ѣздить. Ходьба требуетъ времени, а время—деньги для загнаннаго человѣка...

Повернувшись къ отелю, онъ увидѣлъ освѣщенныя окна. Падавшій изъ нихъ свѣтъ рѣзко выдѣлялся среди окружавшей его темноты...

Докторъ направился прямо къ двери, отворилъ ее; на него пахнуло теплomъ, и онъ почувствовалъ опять ту же головокружительную пустоту, какъ тогда... тамъ... далеко... въ чужомъ... городѣ... гдѣ съ нимъ сдѣлалось... Здѣсь его мысль оборвалась. Словно свѣтъ погасъ въ его душѣ, все стало темно, холодно.

Потерявъ сознаніе, онъ упалъ на лѣстницу, не имѣя даже силы удержаться, не крикнувъ даже на помощь.

Когда докторъ Мордтманъ пришелъ въ себя, то увидѣлъ, что лежитъ въ постелѣ, а немного поодаль на диванѣ сидитъ его жена. Она не читаетъ, ничѣмъ не занимается, даже не смотритъ въ ту сторону, гдѣ онъ лежитъ.

Серьезно, молча, одинокая, сидитъ она, уйдя въ свои мысли или, быть можетъ, въ свою скорбь.

Мужъ чувствовалъ, какъ силы его прибывали, но видъ жены не давалъ ему возможности заговорить съ нею.

Тутъ отворилась дверь и блѣдный тринадцатилѣтній мальчикъ, съ блестящими глазами, съ мягкимъ очертаніемъ рта, на цыпочкахъ прокрался въ комнату, положилъ узкую длинную руку на плечо матери и шепнулъ вполголоса:

— А какъ папа?

Докторъ Мордтманъ закрылъ глаза, чтобы никто не догадался, что онъ слышитъ. Онъ чувствовалъ, какъ отъ слабости у него за сомкнутыми вѣками, дрожали слезы.

II.

На слѣдующій день Мордтманъ былъ на ногахъ, но боялся еще выходить изъ комнаты. Въ комнатѣ непрерывно горѣлъ огонь. Дрова трещали, разбрасывая снопы искръ.

Передъ каминомъ задумчиво сидѣлъ Мордтманъ. На изсѣро-блѣдномъ лицѣ его проступили тонкія морщины, не сглаживаемыя болѣе внутренней энергіей. На диванѣ нѣсколько позади мужа сидѣла фру Берта и читала свѣже-разрѣзанную книгу, на яркой обложкѣ которой стояло имя извѣстнаго писателя.

Время отъ времени она вставала и подходила, не безпокоя больного, къ камину и молча поправляла огонь. Прежде чѣмъ взяться за

книгу она незамѣтно, но съ каждымъ разомъ внимательнѣе вглядывалась въ блѣдное лицо усталой фигуры въ креслѣ. Плавно, беззвучно двигалась она по комнатѣ, а когда взглядъ ея упадалъ на мужа, на лицѣ ея появлялось выраженія вопроса, страха, ожиданія и безнадежности. Казалось, она многаго желала, но не могла. Если бы она время отъ времени не перевертывала страницы, можно было бы подумать, что она не читаетъ, а только думаетъ, разсуждаетъ про себя. Несмотря на тепло отъ камина, дуновеніе холода и смерти чувствовалось въ комнатѣ.

На улицѣ ночью температура повысилась, къ утру вѣтеръ завывалъ въ трубѣ, а къ полудню вокругъ маленькаго отеля уже бушевала вьюга, заметая оконныя рамы. Мятель всю долину обратила въ снѣжную тучу, а сосновый лѣсъ и вершины горъ мелькали, какъ причудливые призраки въ минуты затишья, когда вьюга задерживала дыханіе, чтобы съ новою яростью вихремъ носиться по всей долинѣ...

Вдругъ человѣкъ у камина пошевельнулся, въ ту же минуту жена подняла глаза отъ книги и съ напряженнымъ вниманіемъ стала слѣдить за движеніемъ больного.

Вотъ онъ съ усиліемъ поднялся и всталъ совершенно прямо, словно ничего не случилось, а потомъ началъ, не обращая вниманія на присутствіе жены, шагать взадъ и впередъ по комнатѣ.

Фру Берта не въ состояніи дальше слѣдить за мыслью знаменитаго автора. Быть можетъ, она слишкомъ рѣзко отличается отъ ея собственной. Дѣлая видъ, что читаетъ, она, собственно, желала скрыть то, что происходило въ ея душѣ. Положивъ закрытую книгу на столъ, она неподвижно сидѣла, а на лицѣ ея, еще моложавомъ, застыло выраженіе испуга, какъ будто она увидѣла нѣчто невидимое другимъ людямъ. Пустынно, безлюдно было то, что она видѣла, потому что чѣмъ дальше она туда смотрѣла, тѣмъ болѣе потухшимъ казался ея взоръ, а лицо словно каменѣло.

Если бы кто-нибудь увидѣлъ эту пару, ему трудно было бы представить себѣ, что́, въ сущности, въ этой нѣмой сценѣ разыгрывалось между Кристіаномъ Мордтманомъ и его женой. Окруженные каждый своей особой атмосферой, они сидѣли въ одной комнатѣ, повидимому ничѣмъ не связанные другъ съ другомъ.—Большая комната была устлана ковромъ. Медленные, тихіе шаги ходившаго едва были слышны. Группами была расположена мебель въ этой ничего не говорящей просторной гостиной, гдѣ только бѣлыя гардины на окнахъ да нѣсколько захваченныхъ съ собою бездѣлушекъ на столѣ и на полкѣ скрашивали отчасти холодъ казеннаго изящества отеля. Въ комнатѣ было достаточно мѣста для двоихъ, причемъ каждый могъ легко выбрать себѣ уголокъ, гдѣ онъ не помѣшаетъ другому. Направо и налѣво двери вели въ отдѣльныя спальни...

Мордтманъ остановился у окна и смотрѣлъ на мятель, слѣдя за поединкомъ между деревьями и вихремъ, который старался сломить

ихъ. Они отчаянно боролись за свою жизнь, а вьюга гигантскимъ облакомъ кружилась вокругъ.

Наконецъ изъ груди больного вырвался тяжелый вздохъ, тотчасъ же подавленный; онъ спохватился, что не одинъ—онъ привыкъ владѣть собою. Эта почти незамѣтная игра вызвала соотвѣтствующее выраженіе на лицѣ жены, но оно скользнуло, оставивъ на застывшихъ чертахъ лишь отпечатокъ неудовольствія и презрительной усталости.

Контрастъ борьбы за окнами и тишины въ комнатѣ дѣйствовалъ какъ-то странно, вызывая впечатлѣніе жуткаго одиночества. Значитъ, между этими людьми, которые казались чужими, но дышали однимъ воздухомъ, все-таки была какая-то связь.

Отъ одного къ другому вела тропинка; происходившее въ одномъ встрѣчало отзвукъ въ душѣ другого, хотя отзвукъ этотъ и производилъ впечатлѣніе скорѣе недовольства, чѣмъ чего-либо другого. Какъ ни казались эти люди безразличными другъ къ другу, все же зритель легко могъ замѣтить, что безразличіе это чисто внѣшнее. Ихъ воля не стремилась къ борьбѣ, ихъ чувства не враждовали. Каждый изъ нихъ былъ поглощенъ самимъ собою, и точка соприкосновенія ихъ лежала въ далекомъ прошломъ, и не легко было найти къ ней путь.

Стоя у окна Мордтманъ вдругъ повернулъ голову къ женѣ и поспѣшно спросилъ:

— А гдѣ Юнгве?

— У меня. Онъ читаетъ,—отвѣтила фру Берта.

— А не слишкомъ ли много онъ читаетъ? — замѣтилъ нѣсколько раздраженно мужъ.—У него такой замореный видъ.

— Что же хочешь ты, чтобы онъ дѣлалъ въ такую погоду? Д въ сущности, одно только чтеніе и доставляетъ ему удовольствіе.

— Это правда.

Въ комнатѣ снова водворилось молчаніе. На этотъ разъ тишина заключала въ себѣ еще больше безпокойства, была черезчуръ мучительна и должна была прерваться.

Черезъ минуту Кристіанъ Мордтманъ медленно, съ усиліемъ, какъ будто вопросъ былъ для него пыткой, спросилъ:

— Сегодня Рождество?

— А развѣ ты не знаешь?

Фру Берта подалась впередъ и зрачки ея расширились не то отъ удивленія, не то отъ испуга.

Мордтманъ сдѣлалъ попытку улыбнуться, но улыбка замерла.

— Какъ странно вышло съ этимъ обморокомъ,—продолжалъ онъ.— Я думалъ, что этимъ не кончится.

«Онъ боится смерти», подумала жена, и мысль эта опять пробудила презрѣніе въ ея душѣ. Однако, къ ней примѣшалась доля состраданія. Она взглянула на мужа и съ горечью и грустью замѣтила, какъ онъ состарился.

Морщины на лицѣ его стали глубже, и хотя тщательно подстриженныя бакенбарды и скрадывали линіи, но не могли сгладить черту усталости около рта, которой соотвѣтствовалъ усталый, лишенный воли взглядъ прежде такихъ живыхъ глазъ. Берта отвѣчала уже въ болѣе мягкомъ тонѣ:

— Обморокъ длился около получаса. Остальной вечеръ и всю ночь ты спалъ.

— Давали мнѣ морфій?

— Да. А ты не помнишь?

— Какъ слышишь,—нѣтъ.

Въ тонѣ звучали рѣзкость и раздраженіе. Про себя Мордтманъ думалъ:

«Моя способность спать поддерживаетъ меня. Хорошо, пока такъ продолжается».

Черезъ минуту онъ продолжалъ вслухъ:

— Будемъ мы сегодня праздновать Рождество?

— Я думала, что ты пожелаешь этого ради Юнгве.

Послѣднія слова были сказаны нѣсколько несдержаннымъ, вызывающимъ тономъ. Въ глазахъ отразилось чувство, до сихъ поръ подавляемое и теперь проснувшееся въ душѣ женщины.

Но Мордтманъ сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ враждебности, сквозившей въ игрѣ лица и въ голосѣ.

— Что могу я имѣть противъ этого?—сказалъ онъ — Зачѣмъ ребенокъ будетъ страдать по нашей винѣ?

Фру Берта была удивлена: въ голосѣ мужа внезапно появился мягкій оттѣнокъ.

«Что въ немъ происходитъ?» думала она и въ памяти ея всталъ образъ мужа, какимъ онъ былъ прежде.

— Какъ случилось, что лицо это, прежде дышавшее мягкостью, съ годами пріобрѣло отпечатокъ горечи и озлобленія? Выраженіе это могло сглаживаться, исчезать на моментъ подъ вліяніемъ энергіи, отражавшейся въ этихъ правильныхъ чертахъ.

Слишкомъ хорошо знала его фру Берта, а потому не обращала вниманія на происходившія въ немъ перемѣны. Стоило только всмотрѣться и горечь эта всплывала, какъ будто въ этомъ человѣкѣ, съумѣвшемъ поймать счастье и заставившемъ его служить себѣ, гнѣздилось втихомолку другое существо, также стремившееся проявить себя, если бы только удалось улучить минутку... Но время было все на счету.

Не долго, однако, фру Берта имѣла возможность предаваться подобнаго рода размышленіямъ. Находившаяся позади нея дверь отворилась и въ комнату вошелъ Юнгве, блѣдный по обыкновенію, но съ лихорадочнымъ блескомъ въ глазахъ. Вся наружность фру Берты разомъ перемѣнилась. Фигура ожила, глаза загорѣлись, на губахъ заиграла улыбка, быстрымъ ласковымъ движеніемъ она притянула маль-

чика къ себѣ. Но Юнгве замѣтилъ мертвенно-блѣдную фигуру отца, который все еще стоялъ у окна, поглощенный зрѣлищемъ мятущейся природы или, быть можетъ, прислушивался къ другому мятежу, который явственнѣе всего могъ слышать онъ самъ.

Не по лѣтамъ чуткій ребенокъ сразу пересталъ улыбаться, прижался тѣснѣе къ матери и не сказалъ того, что собирался сказать.

Мордтманъ повернулся и, не говоря ни слова, вышелъ, затворивъ за собою дверь. Изъ другой комнаты можно было слышать, какъ онъ шагалъ взадъ и впередъ по узкой, устланной ковромъ комнатѣ.

Мать и сынъ будто этого только и ждали; оставшись одни, они почувствовали себя просто и естественно, тогда какъ раньше они были связаны, стѣснены. Черезъ открывшуюся въ переднюю дверь внесли какъ разъ то, о чемъ мальчикъ хотѣлъ разсказать (онъ увидѣлъ *это* въ окно!), но промолчалъ въ присутствіи отца. Въ эту минуту черезъ настежъ отворенныя двери втащили елку и въ корридорѣ раздалось ликующее щебетанье Юнгве.

Отца не было, мальчикъ могъ дать исходъ своимъ чувствамъ. Ему никогда не приходило въ голову, что отецъ можетъ участвовать въ томъ, что радуетъ его съ матерью. Отецъ былъ здѣсь потому, что папа *долженъ* быть. У папы, однако, свои заботы, папа занятъ, папа рѣдко бываетъ дома. А когда это случается, онъ запирается у себя, выходитъ только къ обѣду. Къ нему никто не смѣетъ войти: папа не любитъ, чтобы ему мѣшали. Юнгве, вообще, мало знакомъ съ отцомъ и никогда не задумывался надъ этимъ обстоятельствомъ. Случилась необыкновенная вещь—папа заболѣлъ и мальчикъ могъ только изумиться, какъ это могло произойти.

Въ жизнь вошло нѣчто новое и мучило его потому, что мама стала задумчива, разсѣяна. А они всегда были друзьями, играли, какъ дѣти, между собою.

Пришло Рождество, и все было не такъ какъ прежде. «Но елка все-таки будетъ», думалъ Юнгве. И съ этой мыслью въ его голову закралось слабое представленіе о томъ, что на этотъ разъ онъ долженъ повеселить свою маму.

Въ большой чужой комнатѣ, въ то время какъ мятель заносила снѣгомъ окна, а огонь трещалъ въ каминѣ, они стали убирать елку. Вставляли свѣчи, развѣшивали привезенныя изъ дому украшенія. Оживленно работая, мать и сынъ улыбались другъ другу, обмѣнивались пустыми ничего не значущими замѣчаніями. Наконецъ, елка готова, стоитъ во всей красѣ, и виѳлеемская звѣзда взошла на ея вершинѣ. Вокругъ звѣзды и ниже красовались бездѣлушки, которыя хранятся отъ Рождества до Рождества, пестрые блестящіе сахарные ангелы, флаги, сверкающіе шарики, яблоки, конфекты, все, что создаетъ изъ елки красу и радость дѣтства. Но когда елка была уже украшена и

стояла въ сумракѣ здѣсь, въ этомъ домѣ, гдѣ никто не жилъ, а всѣ только останавливались, Юнгве охватило странное чувство.

Удивленно озирался онъ: контрастъ между чужой обстановкой и рождественскимъ деревомъ былъ такъ рѣзокъ, что даже ребенокъ ощутилъ его, и въ голосѣ у него звучало разочарованіе, когда онъ промолвилъ:

— А странная елка въ этомъ году.

У Берты, какъ и у мужа, были свои огорченія, но все, что касалось ребенка, она схватывала тѣмъ инстинктомъ, который никогда не ошибается и вѣрно судитъ. Она жила въ постоянномъ страхѣ за его нервную, мягкую, рано развившуюся душу, которая была такъ чувствительна къ теплу и такъ боялась холода. Когда дѣло шло о мальчикѣ, инстинктомъ любви чувствовала она малѣйшій диссонансъ и готова была отвратить все, что могло хоть сколько нибудь нарушить радость праздника. Веселымъ тономъ, улыбаясь, поспѣшила она шуткой сгладить его грустное замѣчаніе:

— Все оттого, что мы не дома,—сказала она.—Подожди, пока зажжемъ свѣчи! Тогда она будетъ совсѣмъ иная.

Мальчикъ кивнулъ на слова матери и улыбнулся. Однако, по ея тону онъ слышалъ, что она говоритъ, желая его утѣшить, между тѣмъ какъ онъ, кажется, не нуждался въ утѣшеніи, и весь день не могъ забыть, что елка выглядитъ какъ-то особенно.

Онъ обѣдалъ вмѣстѣ съ родителями, а когда они сѣли у камина за кофе, мальчикъ шмыгнулъ въ свой уголокъ и сидѣлъ тамъ съ книгой въ рукахъ, въ ожиданіи, когда, наконецъ, настанетъ Рождество.

Рождество пришло, и фру Берта сдѣлала все, чтобы Юнгве и вдали отъ дома почувствовалъ прелесть праздника.

Ему подарили новыя лыжи, рукавицы и сапоги для лыжъ, шерстяные носки и шапку съ наушниками. Онъ получилъ салазки и новые коньки. Съ ними онъ будетъ ходить въ спортивный паркъ въ Стокгольмѣ. А лыжи, конечно, обновитъ здѣсь, какъ только вьюга уляжется и, понаѣздятъ дорогу въ снѣгу. Кромѣ того, ему подарили книгъ съ картинками и хорошихъ книгъ для чтенія, цѣлую кучу новыхъ книгъ,—глаза у него сіяли въ предвкушеніи наслажденія.

Получилъ онъ и новую пару платья, но всего больше обрадовался онъ часамъ. У него собственные часы, съ вензелемъ! Много еще получилъ онъ разныхъ вещей, которыя дарятъ дѣтямъ богатые люди.

А все-таки Рождество было не такое, къ какому мальчикъ привыкъ. Чего-то недоставало, что-то было иначе. И ни подарки, ни лакомства не могли заставить Юнгве забыть это. Наконецъ, усталый, счастливый и все же полный этимъ тихимъ смущеніемъ, которое онъ не могъ выразить словами, онъ простился съ родителями и съ часами

въ рукахъ пошелъ спать. Въ дверяхъ однако онъ оглянулся на елку, опять его словно кольнула мысль о томъ, что елка какъ-то особенно выглядитъ. Онъ былъ уже большой мальчикъ и, когда мать вошла поцѣловать его и погасить свѣчу, ему было совѣстно опять говорить о томъ же. «Глупости все это», подумалъ Юнгве и, засыпая, забылъ обо всемъ.

Дверь закрылась и фру Берта вернулась на свое мѣсто въ большой комнатѣ. Елка погашена, на столѣ лежатъ подарки, а двое людей, которыхъ жизнь связала, сидятъ одиноко, чужіе другъ другу, и ищутъ словъ, чтобы прервать тишину, которая была еще болѣе тягостной, чѣмъ обыкновенно, благодаря близости Рождества.

III.

Мордтманъ молчалъ почти весь вечеръ. Время отъ времени онъ вынуждалъ себя сказать нѣсколько словъ, вѣдь было Рождество и присутствіе ребенка обязывало къ этому. Теперь они одни и сидятъ молча потому что имъ *нечего* сказать другъ другу. Дома въ Стокгольмѣ они не обратили бы на это никакого вниманія. Тамъ вся обстановка, самая жизнь въ столицѣ мѣшала имъ почувствовать неестественность или тяжесть подобнаго положенія. А теперь у нихъ одновременно родился одинъ и тотъ же вопросъ: «Неужели намъ не о чемъ поговорить другъ съ другомъ. Быть можетъ, страхъ передъ болѣзнью связываетъ наши языки. Или пропасть между нами такъ непроходимо глубока?» Таковы приблизительно ихъ мысли. Но они не могли попасть на тропинку, которая соединяетъ человѣческія души, и говорили лишь незначительныя слова, которыя говорятся только потому, что нужно что-нибудь сказать.

Дни шли медленной чередой, и силы Мордтмана понемногу возстановлялись. Врачъ запретилъ ему получать письма, читать газеты, такъ что онъ былъ совершенно отрѣзанъ отъ міра, который еще недавно былъ его средой. Мысль, не имѣя на чемъ остановиться въ настоящемъ, невольно возвращалась къ прошедшему и въ памяти Мордтмана вставали не карающіе призраки, а живые образы, залитые свѣтомъ дѣйствительности. Они сопровождали его въ лѣсъ, разговаривали, жили въ его душѣ, когда онъ шелъ по тропинкѣ черезъ долину въ горы. Они рѣяли вокругъ него, когда онъ грѣлся у камина. Когда онъ просыпался, они толпились уже у постели, чтобы встрѣтить его.

Однажды вечеромъ произошло нѣчто необычайное: Мордтманъ безъ всякихъ приготовленій повернулся къ женѣ и сказалъ:

— Я не слишкомъ обезпокою тебя, если поговорю съ тобою сегодня?

Молчаніе настолько тяготило обоихъ, что даже необыкновенная форма вопроса не обратила на себя вниманіе фру Берты и не вызвала удивленія. Она просто отложила книгу и отвѣтила:

— Наоборотъ. Я все время желала и ждала этого.

Глаза фру Берты заблестѣли—она ждала, что теперь получитъ объясненіе этой внезапной болѣзни, которая, въ сущности, была для нея загадкой. Кристіанъ Мордтманъ былъ всегда такъ сдержанъ, что фру Берта и не подозрѣвала о его болѣзни, а разговоры доктора обиняками о нервности мужа, о необходимости отдыха, строгой діэты, воздержанія особенно отъ алкоголя и т. п. отнюдь не удовлетворяли ее. Теперь она напряженно ждала—что-то будетъ, и не могла понять, откуда въ голосѣ мужа взялись эти новыя ноты, такъ непохожія на все, что она слышала раньше. «Должно быть, это слѣдствіе болѣзни,— подумала она. — И вѣрно ему трудно говорить». Эта неожиданная мысль настроила ее кроткимъ образомъ и, когда она встрѣтила взоръ мужа, она поняла, что и онъ думаетъ о прошломъ и оно пугаетъ его. Сидя въ ожиданіи, что скажетъ мужъ, она чувствовала однако, что его слова ничего не измѣнятъ въ прошедшемъ.

Мордтманъ заговорилъ:

— Я былъ боленъ, какъ тебѣ извѣстно. Не думаю, чтобъ докторъ зналъ, какъ давно длится моя болѣзнь. Мнѣ самому извѣстно это еще меньше. Оглядываясь на прошлое, я не помню въ сущности дня, когда вставалъ здоровымъ, душою и тѣломъ, когда я здоровымъ ложился спать. Вопросъ не въ маленькихъ обморокахъ, не въ повышенной нервности, не въ возбужденной фантазіи. Дѣло гораздо серьезнѣе. Быть можетъ, причина гораздо глубже и теперь сказывается результатъ многихъ лѣтъ. Не хочешь ли послушать *мою* сказку, хотя я много лѣтъ не открывалъ книгъ, кромѣ конторскихъ, а литературой пользовался только, какъ средствомъ противъ безсонницы. Эту привычку я сохранилъ съ тѣхъ давнихъ временъ, когда я былъ бѣденъ, счастливъ и свободенъ. Теперь все иначе. Я богатъ, потому что умѣю добывать деньги. Я несчастенъ, потому что то, чѣмъ я нѣкогда жилъ, для меня не достижимо. Я несвободенъ, потому что водоворотъ, въ который я попалъ, никогда не выпуститъ меня. Пока я здѣсь, я свободенъ, но стоитъ только мнѣ вернуться туда—я погибъ. Я знаю это и все-таки вернусь. Иного выхода для меня нѣтъ, и я слишкомъ старъ, чтобы начинать снова.

— Онъ говоритъ все это,—подумала фру Берта,—совершенно спокойно, какъ будто дѣло идетъ о постороннемъ.

— Я собираюсь разсказать тебѣ сказку,—продолжалъ Кристіанъ Мордтманъ,—и предупреждаю, она не изъ веселыхъ. Она въ одномъ стилѣ съ нашей обстановкой: все погружено въ зимнюю спячку, покрыто тяжелымъ снѣжнымъ покровомъ... Я, пожалуй, думаю, что она еще болѣе гармонируетъ съ городомъ, откуда я только что ушелъ (хотя мнѣ кажется, съ того времени прошли годы), гдѣ все перепуталось въ сказочномъ хаосѣ, возможномъ только при участіи сатаны.

Кристіанъ Мордтманъ усмѣхнулся, глаза его блеснули. Онъ продолжалъ:

— Вотъ именно о дьяволѣ хочу я разсказать. Одинъ поэтъ однажды уже создалъ изъ этой сказки мастерское произведеніе. Зовется оно «Фаустъ», а дьяволъ красиво названъ Мефистофелемъ. Ты, вѣрно, помнишь, что сказка начинается въ кабинетѣ Фауста. Мысль эта мелькнула у меня наканунѣ сочельника, въ тотъ самый день, когда со мною сдѣлался послѣдній обморокъ. Съ тѣхъ поръ она неразлучна со мною всякій разъ, какъ я иду въ лѣсъ. Да! Фаустъ прошелъ черезъ міръ сомнѣній и мукъ. Онъ знаетъ все, что достушно человѣческому познанію. Болѣе—онъ убѣдился и понялъ, что все, къ чему человѣчество стремится—лишь суета, что смыслъ жизни—горе и отчаяніе. Онъ не выпиваетъ кубокъ съ ядомъ—и критика это объясняетъ его инстинктивной вѣрой въ нѣчто высшее. А Гёте считается положительнымъ умомъ... Въ сущности, все это только слова. Мефистофель, разгадавшій загадку жизни, знаетъ это лучше. «Скучна, сѣра теорія, мой другъ. Златое древо жизни вѣчно юно. Ступай за мной! Я покажу тебѣ жизнь». И Фаустъ идетъ за нимъ. Ставъ снова юношей, Фаустъ выходитъ снова въ жизнь. Остальное разсказано въ повѣсти. Но—замѣть! Фаустъ сохранилъ голову старика при юномъ тѣлѣ, при сильныхъ страстяхъ, желаніяхъ, упованіяхъ и стремленіяхъ, при умѣньи пользоваться наслажденіями. Желая покорить міръ,— идетъ онъ объ руку съ Мефистофелемъ. Но на плечахъ у него голова старика. Все, что онъ пережилъ, что создало его «я», весь опытъ, воспоминанія, все это неприкосновенно и неизмѣнно живетъ въ его мозгу. Таковъ Фаустъ и съ такими данными для него открыта одна дорога: хладнокровнаго повелителя. Этотъ Фаустъ не удовлетворится хорошенькой дѣвушкой и пустыми мечтами. Ему нужно гораздо больше. Онъ долженъ повелѣвать. Его путь не тотъ, что ведетъ къ трагическому концу и заставляетъ человѣка склониться. Нѣтъ, онъ долженъ господствовать, подчинять другихъ, покорять, угнетать, подавлять все вокругъ, довольствоваться самимъ собою и чувствовать себя рожденнымъ для побѣдъ. Это не тотъ сверхчеловѣкъ, о которомъ мечталъ Ницше, а тотъ, который является идеаломъ каждаго практическаго дѣльца.

Фру Берта очнулась отъ своей обычной апатіи, и глаза ея съ загадочнымъ выраженіемъ были прикованы къ безпокойному лицу мужа. Вотъ она пошевелилась, словно желая перемѣнить положеніе и тихо замѣтила.

— Ты хочешь сказать—негодяй крупнаго калибра.

Мордтманъ на минуту остановился, словно задерживая настоящій отвѣтъ, и сухо возразилъ:

— Слово мало значитъ для дѣла.

Затѣмъ онъ продолжалъ прерванную рѣчь, глядя въ окно, какъ будто разговаривалъ съ самимъ собою.

— Тебѣ не нравится мое толкованіе «Фауста». Ты, быть можетъ,

находишь его циническимъ. Возможно, что ты и права. Иногда мнѣ казалось, что такой Фаустъ могъ бы быть написанъ. Несчастье только въ томъ, что если его написать съ необходимой пророческою силою—никто не былъ бы въ состояніи его прочесть. Солнце померкло бы въ глазахъ читателя, все, созданное имъ, рухнуло бы. Устоялъ бы только одинъ гигантъ-творецъ, предрекшій судный день міра и всеобщее уничтоженіе, надъ которымъ прозвучатъ хохотъ дьяволовъ и стенаніе справедливо осужденныхъ. Но потомъ все смолкнетъ. Все кончится.

Мордтманъ глубоко вздохнулъ, а лицо его исказилось quasi улыбкой.

— Такія мысли приходятъ мнѣ въ голову, когда я подписываю нѣкоторыя бумаги или когда я разсматриваю банковыя книги и начинаю разбираться въ истинномъ значеніи цифръ. Скромныя, прямыя чистенькія стоятъ цифры, какъ солдаты... Откуда однако у меня это сравненіе. Должно быть, оно приснилось мнѣ недавно или очень давно. Почемъ я знаю. Докторъ говоритъ, что слово это относится къ моей болѣзни. Опасно думать о такихъ вещахъ. Дѣло можетъ кончиться сумасшествіемъ. Я пересталъ думать объ этомъ, вотъ неврастенія, повидимому, и улеглась. Однако, можно полагать, что благопріятнымъ признакомъ является уже и тотъ фактъ, что я могу говорить объ этомъ. Извѣстно вѣдь, что сумасшедшій только тогда окончательно выздоравливаетъ, когда онъ можетъ, не страшась, самъ назвать свою болѣзнь. Такъ утверждали, по крайней мѣрѣ, прежде. Прекрасно помню, что отецъ говорилъ нѣчто подобное. Разумѣется, тотъ, кто установилъ этотъ критерій, не заглядывалъ глубоко въ тайникъ человѣческой души. Я могу безъ колебаній высказать предъ тобою эти мысли.

Но въ то же время я чувствую, что сама мысль хватаетъ меня за горло, душитъ меня, такъ что тайна останавливается въ моей груди, и я задыхаюсь отъ недостатка воздуха. Съ мучительной точностью различаю я, что здраво и что ненормально въ моемъ мышленіи. Но обѣ стороны одинаково владѣютъ мною. Разсудокъ не служитъ мнѣ защитой. Такъ испорченъ міръ и мы съ нимъ.

«Это больше, нежели простая нервность», думаетъ фру Берта. Но въ ту же минуту мысль исчезаетъ, какъ будто она не въ силахъ удержать ее, и она, какъ загипнотизированная, опять не сводитъ глазъ съ лица мужа. Опьяненный собственными словами, Мордтманъ продолжаетъ:

— Словно солдаты стоятъ цифры въ моихъ книгахъ. Однѣ подъ рубрикой дебета, другія на сторонѣ кредита. Я не могу дѣлать съ ними все, что хочу, но онѣ повинуются моему малѣйшему знаку. Я не всемогущъ, но *кое-что* въ моей власти. Я могу перемѣщать ихъ справа налѣво и слѣва направо. Я могу передвигать ихъ изъ столбца въ столбецъ, оперировать съ ними, заставляя ихъ служить моей волѣ и тѣмъ планамъ, что зародились въ моемъ мозгу.

Мысль о томъ, что цифры—солдаты впервые явилась у меня, когда я научился этому искусству. Это геніальная мысль, почти болѣе геніальная, чѣмъ открытіе способа золотить потерю простымъ переносомъ проигрыша въ графу выигрыша. Такія вещи нельзя дѣлать, какъ попало и когда попало. Не можетъ ихъ дѣлать и *кто попало*. Это дѣлается съ умомъ и въ подходящемъ мѣстѣ. Вносится въ соотвѣтствующую рубрику. Кто этого не понимаетъ, не годится въ качествѣ главы. Это величайшая тайна коммерческихъ предпріятій нашего времени, и она оставитъ нѣкоторый слѣдъ въ міровой исторіи, хотя направленіе уже уступаетъ мѣсто другому.

Сдѣлавъ это открытіе, я впервые подумалъ о солдатахъ. Мысль эта явилась результатомъ сознанія власти. Я уже не былъ больше скромнымъ счетчикомъ, который втихомолку, сидя за конторкой, несетъ свою общественную службу. Я сталъ полководцемъ на полѣ брани, а полководецъ на войнѣ значитъ больше, чѣмъ король. Быть можетъ, ты возразишь, что мы живемъ не въ военное время. Ошибка! Колоссальное недоразумѣніе! Никогда еще война не была ожесточеннѣе, чѣмъ теперь, никогда еще не была столь продолжительна.

Война, о которой я говорю, и которую не видитъ общество, не ограничивается страной или народомъ, она охватываетъ всю землю съ сѣвера до юга и съ востока до запада. Волны этой бури на міровомъ океанѣ пѣною брызжутъ въ невѣдомыхъ пустыняхъ Тибета и на пески Сахара; ими орошена трава американскихъ пампасовъ, ими смыта знаменитая китайская стѣна. Непрестанно ведется эта борьба, и ведется съ неменьшимъ ожесточеніемъ, съ неменьшей яростью, оттого что оружіе ея не требуетъ крови, оттого, что не слышно пушекъ. Ты спросишь, кто же побѣдители? Алчные, сильные, хищные звѣри, отвѣчу я. Ихъ время настало. Имъ принадлежитъ настоящее. Среди нашей цивилизаціи, среди разговоровъ о тысячелѣтнемъ царствѣ мира, среди борьбы съ природой, склонившейся предъ человѣкомъ, и при наличности борьбы за права порабощенныхъ, хищникъ все-таки живъ въ человѣкѣ. Хищника чтутъ люди и въ глубинѣ души только ему хотятъ покориться. Предъ нимъ они падаютъ ницъ, быть можетъ, по старой, не забытой привычкѣ. Хищники знаютъ это, и тѣ, кто мечтаютъ о власти и господствѣ, тѣ не садятся, какъ Мольтке, за письменный столъ и съ булавками вмѣсто солдатъ не учатся разсчитывать при «данныхъ условіяхъ». Они избираютъ болѣе прямой путь. Они, вѣдь, понимаютъ и прозрѣваютъ время. Они знаютъ истинныя средства и истинный смыслъ борьбы. Потому-то они замѣнили солдатъ цифрами, сидятъ спокойно за изящными письменными столами, изъ-за которыхъ сокрушаютъ сильныхъ міра и управляютъ міровымъ механизмомъ, словно играютъ въ мячъ. Въ послѣднее время вкусъ къ этой игрѣ сталъ развиваться и въ маленькихъ странахъ, которыя держались въ сторонѣ. Увлеченіе военной игрою создало и умѣнье. Хо-

чешь знать, какъ оно называется? Зовется это—вывести капиталъ родной страны на рынокъ, какъ содѣйствующій факторъ въ великой міровой работѣ. И это считается патріотическимъ актомъ. Возвышенное слово! И оно ведетъ далеко. Ведетъ, пока народъ не понимаетъ значенія цифръ. Цифры, говорится, обозначаютъ деньги. Деньги обозначаютъ міръ. Здѣсь и скрывается тайна великихъ иллюзій, какъ я уже говорилъ тебѣ. И горе намъ, хранителямъ таинственной силы, въ тотъ день, когда тайна будетъ раскрыта.

Мы ведемъ войну съ цифрами, съ деньгами, съ міромъ. Цифры—наши солдаты, и солдаты идутъ на поле сраженія. Солдаты должны покорять мирныхъ гражданъ, ихъ можно посылать въ огонь отрядами или всей массой, они вооружены скорострѣльными ружьями, какъ смѣлые піонеры. Они могутъ служить тяжелой артиллеріей и подвигаться подъ громъ пушекъ, обладая такими орудіями разрушенія, какія еще и не снились самымъ смѣлымъ военнымъ изобрѣтателямъ. Вѣдь эти солдаты несутъ свою службу, не разсуждая, ничего не требуя для себя, они отличные рабы, безгласные, алчные до грабежа, безсовѣстные. Для себя они ничего не оставляютъ, все приносятъ своимъ господамъ.

Ихъ господа не знаютъ сна. Во время войны всегда спятъ въ полглаза. Ихъ господа знаютъ, откуда можно ждать нападенія, гдѣ брешь слаба. Туда и направляютъ они свои полчища. Въ худшемъ случаѣ господинъ дурно разсчиталъ. Тогда ему не увидать больше своихъ людей и приходится выставить новыхъ. Но часто разсчетъ его оказывается вѣрнымъ. Въ такомъ случаѣ войско его возвращается удвоеннымъ, готовое къ новымъ подвигамъ; не знающее устали, непоколебимое, катится, какъ лавина, и до безконечности увеличиваетъ свою силу. Плоды земные, работу фабрикъ, результатъ торговли, плоды науки за нѣсколько десятковъ тысячъ лѣтъ, творенія искусства, послѣдній грошъ бѣдняка все идетъ на усиленіе этой современной арміи, которую сильный можетъ имѣть въ рукахъ, если только онъ обладаетъ силой и мужествомъ начать игру и счастливо поведетъ ее.

Ты, можетъ быть, спросишь, какое все это имѣетъ отношеніе къ сказкѣ о Фаустѣ? Или ко мнѣ? О, подумай немножко! Я еще не совсѣмъ сошелъ съ ума. Мысль моя еще не такъ безсвязно работаетъ. Я прекрасно знаю, что я не Фаустъ. Но и я когда-то сидѣлъ въ своей тѣсной рабочей комнаткѣ и работалъ для будущаго. До обѣда я работалъ въ государственномъ архивѣ, гдѣ у меня было скромное мѣстечко. Мы только что встрѣтились съ тобою, поженились и вѣрили, что нашли свое счастье.

А въ самомъ дѣлѣ нашли ли мы его? Я работалъ надъ большимъ сочиненіемъ, которое должно было со временемъ выйти въ свѣтъ—помнишь ли ты не написанную книгу по «исторіи шведскаго общества», въ которой я, отбросивъ предразсудки прошлаго и современныя предвзятыя идеи, собирался изобразить постепенный ростъ швед-

скаго общества до нашихъ дней. Когда я сидѣлъ за работой и предъ моимъ духовнымъ взоромъ порою открывалась перспектива историческихъ періодовъ, мнѣ казалось, что я вижу яснѣе и смотрю дальше чѣмъ другіе, на меня нисходила тишина, выше которой для меня ничего на свѣтѣ не существовало. Потомъ я шелъ къ тебѣ, ты сидѣла у лампы за работой. Мнѣ казалось, что ты счастлива со мною, и въ этомъ чувствѣ я находилъ свое удовлетвореніе, покой и награду.

Но были ли мы въ сущности счастливы другъ съ другомъ? Не доносился ли къ намъ постоянно грозный гулъ окружающей жизни, гдѣ въ массѣ тонули и кабинетныя стремленія юнаго ученаго, и мечты молодой женщины о любви и очагѣ? Зараза была разлита кругомъ. Мы вдыхали ее съ окружающимъ воздухомъ, съ каждымъ глубокимъ вздохомъ мы безсознательно вдыхали нѣчто, что заключало въ себѣ опасность для нашей скромной трудовой и семейной жизни. Мы знали, что остановиться не сможемъ. Ты знаешь, когда намъ не хватало, мы дѣлали долги. Законъ лишеній мы оба мало признавали.

Теперь я снова вернусь въ кабинетъ Фауста или не-Фауста, если это кажется тебѣ болѣе подходящимъ для моей персоны.

Ко мнѣ не явился Мефистофель въ шляпѣ съ перомъ и въ красномъ плащѣ. Вмѣсто него пришелъ пронырливый дѣлецъ изъ тѣхъ, что на дюжину приходится тринадцать, и попросилъ удѣлить ему нѣсколько минутъ для разговора. Онъ открылъ, что страховое общество «Tirfius», большинство акцій котораго было въ его рукахъ, нуждается въ новыхъ силахъ. Онъ предложилъ мнѣ вознагражденіе шесть тысячъ кронъ и я боялся показать ему, что у меня голова закружилась при такой неслыханной цифрѣ.

Понимаешь ли ты, что маршировка и полковая музыка барабаннымъ боемъ и трубами зажгли огонь въ нашей крови?

Я вижу тебя передъ собою, горящую волненіемъ, когда я разсказалъ тебѣ о нашемъ неслыханномъ счастьѣ.

— А ты можешь остаться въ архивѣ и продолжать свою работу?— сказала ты.

— Разумѣется! Не думаешь же ты, что я продался за чечевичную похлебку?

Какими мы были дѣтьми!

Мы перестали быть домосѣдами, начали показываться въ обществѣ. Веселье нигдѣ безъ насъ не обходилось. Намъ не нужно было экономить. Мы располагали десятью тысячами и жизнь наша была усѣяна розами. Помнишь ты это? Нашъ домъ измѣнился. Нашъ кругъ знакомыхъ сдѣлался инымъ. Мы сами настолько измѣнились, что не смѣли ни думать о перемѣнѣ, ни говорить о ней.

Такъ продолжалось четыре года. Но когда общество лопнуло, я опять остался съ моей недописанной рукописью и съ моимъ мѣстомъ въ архивѣ. Помнишь ты, что было потомъ?

Фру Берта глубоко сидѣла въ креслѣ все время, пока Мордтманъ говорилъ. Иногда она ежилась, словно отъ холода. Въ первый разъ за все продолженіе рѣчи Мордтманъ взглянулъ на жену и былъ пораженъ выраженіемъ ея лица.

— Ты помнишь это?—повторилъ онъ.

— Помню,—тихо отвѣтила жена.—Черезъ полгода родился Юнгве.

Фру Берта сказала это, наклонилась и заглянула въ огонь.

IV.

Мордтманъ, разумѣется, слышалъ эти слова, но они скользнули, не нарушивъ теченія его серьезныхъ мыслей. Онъ продолжалъ, понизивъ голосъ, съ меньшей горячностью.

— Я не это имѣлъ въ виду. Помнишь ли ты, какъ я страдалъ въ то время? Отъ самой неудачи...

Фру Берта подняла на него глаза и поняла безсмысленность попытокъ нарушить ходъ мысли, которая все глубже зарывалась въ самой себѣ.

«Кристіанъ боленъ,—подумала она,—и серьезнѣе, чѣмъ я предполагала, серьезнѣе, чѣмъ кто-либо думаетъ. И я ничѣмъ не могу ему помочь».

Словно угадавъ или подслушавъ мысли жены, Кристіанъ продолжалъ:

— Я стараюсь выяснить все это самому себѣ. Долго я думалъ надъ этимъ. Мнѣ кажется, если ты выслушаешь меня, будетъ лучше, чѣмъ если я буду одинъ думать объ этомъ. Замѣть: ужасно потерпѣть неудачу и глубоко понимать себя. Право, этого довольно, чтобы сломить человѣка.

Настоящимъ младенцемъ ходилъ я въ это общество, младенцемъ высидѣлъ тамъ цѣлыхъ четыре года. Не заглядывая даже въ конторскія книги, я представлялъ собою вывѣску страхового общества «Tirfius». «Tirfius» огромными буквами красовалось на пути въ мой кабинетъ, гдѣ я очистилъ цѣлую полку, чтобы помѣстить папки съ бумагами и проспектами этого блестящаго предпріятія. «Tirfius» выдѣлялись черныя буквы на толстой бронзовой доскѣ у воротъ, преграждая путь прохожему и зазывая его ко мнѣ. «Tirfius» синими буквами было напечатано на бѣлой доскѣ подъ нашими именами на входныхъ дверяхъ. «Tirfius» было напечатано на моихъ визитныхъ карточкахъ, «Tirfius» на анонсахъ. Главный агентъ Кристіанъ Мордтманъ, докторъ философіи.

Словомъ, «Tirfius» преслѣдовало меня, мое имя было приковано къ нему. Наше общество видѣло во мнѣ будущаго дѣльца, съ которымъ полезно поддерживать связь. Друзья относились ко мнѣ съ какимъ-то особымъ оттѣнкомъ почтенія, смыслъ коего я, по наивности, не понималъ, но оно сообщало легкость даже моей походкѣ. Я былъ уже

въ преддверіи того міра, гдѣ пріобрѣтается видное положеніе, власть, но въ преддверіи стояли многіе, да немногіе проникли въ царство власти. Когда пришла бѣда, какъ будто кто-то потянулъ меня назадъ. За мною закрылись двери, предо мной былъ хаосъ, а я носился въ воздухѣ, готовый низринуться Богъ вѣсть въ какую бездну.

Подумай, что̀ это значило для *меня*, Берта. Подумай! Я помню это время, какъ будто оно было вчера. Мнѣ кажется, что такое состояніе долженъ испытывать рабочій, когда у него подъ ногами ломается доска, какъ разъ въ ту самую минуту, когда онъ собирался закрѣпить рядъ камней, чтобы класть слѣдующій слой и такъ до крыши. Большинство въ такомъ случаѣ теряютъ способность соображать и хватаются за нескрѣпленные камни. Или же падаютъ плашмя, ни за что не хватаясь. Да, правду говоря, и не легко сохранить присутствіе духа, когда опора уходитъ изъ-подъ ногъ и причиной не твой невѣрный шагъ, а то, что сама почва ускользаетъ. Здѣсь необходимо самообладаніе, а между тѣмъ его не позаимствуешь у толпы, которая суетней и криками о помощи старается ободрить бѣднягу, который того и гляди сорвется.

Что же въ такомъ случаѣ дѣлаетъ тотъ, кто не совсѣмъ теряется? Онъ оглядывается и хватается за какую-нибудь поперечную балку. Удастся это ему—онъ спасенъ. Но удача не зависитъ только отъ него одного, а зависитъ отъ массы случайностей. Я стоялъ на доскѣ и выводилъ стѣну. Подо мною подломилась доска и раскрылась пропасть, глубину которой я не могъ опредѣлить, потому что боялся взглянуть внизъ, но я чувствовалъ ее. И ощущеніе это было настолько ужасно, что у меня голова кружится при одномъ только воспоминаніи. Сознанія, однако, я не потерялъ, и мнѣ удалось за что-то ухватиться, но этимъ дѣло не исчерпалось.

Самый худшій моментъ наступаетъ послѣ того, какъ человѣкъ ухватился за что-нибудь руками и, ясно сознавая лежащую внизу пропасть, ищетъ опоры для ногъ. Много приходится ему пережить въ эти минуты, пока онъ снова почувствуетъ, что *стоитъ*.

Много прошло времени, прежде чѣмъ я снова убѣдился въ этомъ, А до той поры я ничего не видѣлъ, кромѣ грозившей опасности, не сознавалъ ничего, кромѣ необходимости снова встать на ноги, не слышалъ ничего, кромѣ кричавшей внизу подо мною толпы, которая въ сущности уже предвкушала наслажденіе, при видѣ ближняго, который падаетъ и разбивается. Я даже думаю, что именно мысль о разочарованіи толпы—зачѣмъ я не упалъ—и удержала меня. Разумѣется, я нѣсколько обезумѣлъ, когда опасность открылась предо мною, но въ обществѣ я былъ веселъ, развязенъ. Я напрягъ всю энергію, чтобы не имѣть убитаго вида. Что дѣлалъ я въ то время, я не разсказывалъ никому, не исключая и тебя. Уже много утекло времени, и разъ я началъ, я продолжаю:

Я пользовался всякимъ моментомъ, чтобы знакомиться съ подробностями дѣловыхъ отношеній. Я знакомился съ людьми, которые даже не подозрѣвали существованія другъ друга. А между прочимъ я изучалъ бухгалтерію. Разнообразіе интересовъ было у меня столь велико, что впослѣдствіи я едва могъ понять, какъ это я успѣвалъ разбираться во всемъ.

Впрочемъ, мы всегда, оглядываясь на тяжелый, запутанный періодъ нашей жизни, задаемъ себѣ вопросъ: неужели я пережилъ все? Неужели это было возможно? Какимъ образомъ избѣжалъ я пропасти, которая грозила поглотить меня, и какъ я занялъ то положеніе, которое занимаю теперь?

Мы знаемъ объ этомъ такъ же мало, какъ если бы намъ сегодня предложили разсчитать, что мы будемъ дѣлать въ будущемъ году въ это время. И въ этой способности забывать и лежитъ большая доля человѣческой силы. Тѣ, кто не умѣютъ забывать, становятся писателями, мечтателями, мыслителями, людьми, лишенными мужества, которые не умѣютъ устраивать свою жизнь.

— А ты умѣешь?—внезапно спросила фру Берта.

Перерывъ былъ такъ неожиданъ, что Мордтманъ не сразу отвѣтилъ. Онъ только поднялъ глаза оттого, что прервали теченіе его мысли, и удивленно отвѣтилъ, когда жена повторила свой вопросъ:

— А ты сомнѣваешься?

Фру Берта отвернулась. Она не улыбнулась наивности вопроса, хотя и прекрасно понимала ее. Не вполнѣ разбиралась она въ этой странной смѣси яснаго сознанія своего положенія и разгоряченнаго воображенія, которая отличала всю рѣчь мужа. Она казалась ей безумной, но вмѣстѣ съ тѣмъ справедливой и ясной, запутанной и цѣлесообразной въ одно и то же время. Отвѣтить на быстрый вопросъ мужа она не могла и, руководствуясь счастливымъ инстинктомъ, просто попросила мужа продолжать. Воспоминанія съ такой силой владѣли Кристіаномъ Мордтманомъ, что онъ немедленно забылъ обиду, причиненную ему словами жены, пропустилъ ихъ мимо ушей и съ той обычной миной, которой отклонялъ вмѣшательство въ свои дѣла, продолжалъ прерванную рѣчь.

— Помню, меня всегда поражало, что ты, повидимому, такъ мало принимала участія во всемъ, что касалось меня, а слѣдовательно и тебя, обоихъ насъ. Но задуматься надъ этимъ у меня не было времени. Я вспоминаю теперь объ этомъ, какъ о чемъ-то, что неожиданно и быстро врѣзалось въ мои созрѣвшіе планы. Долго я ждалъ, оглядывался, прислушивался. И въ одинъ прекрасный день я утвердился, почувствовалъ почву подъ ногами. Неожиданно предо мной открылась возможность, и я ухватился за нее. Это было незначительное побочное занятіе въ другомъ страховомъ обществѣ, предложенное

мнѣ въ качествѣ выхода за небольшое жалованье. Я принялъ мѣсто, потому что оно открывало мнѣ дальнѣйшія перспективы.

Работа моя въ конторѣ была въ сущности пустякъ, но я былъ поглощенъ другой, крайне важной. Я принялся изучать среду, въ которой вращался. Для меня, какъ историка, это представляло наибольшій интересъ, и я всегда воображалъ, что если я что-нибудь знаю и понимаю, такъ именно ростъ и возможныя направленія нашего общества. Сколько я писалъ и говорилъ на эту тему! Чѣмъ больше я всматривался, чѣмъ глубже входилъ во все, что прежде было для меня тайной,—я подразумѣваю вопросы современности, дня,—тѣмъ болѣе поражали меня мои открытія. Я положительно не сомнѣваюсь, что, оставайся я идеологомъ, какимъ былъ, ставя впервые конторскія книги на полку, я испугался бы и, разумѣется, не съумѣлъ бы использовать свои открытія, какъ сдѣлалъ это позднѣе.

А открылъ я все, о чемъ говорилъ минуту назадъ. Я постигъ значеніе цифръ, я уяснилъ себѣ ихъ языкъ, увидѣлъ, что все, чѣмъ полны наши книги и газеты, всѣ эти горы печатанной бумаги, имѣющія единственной цѣлью сбить съ толку того, кто и такъ ничего не понимаетъ, въ сущности не стоитъ и получасового размышленія! Секретъ нашего общества заключается въ его разложеніи. Классъ вооруженъ противъ класса, правящіе органы враждуютъ между собою. Несчастная скованная пресса приноситъ зла не больше, чѣмъ ее вынуждаютъ. Мысль безвредна. Да и гдѣ мысли еще не высказанныя? Такъ называемыя истины до такой степени пережеваны, что ихъ глашатаи улыбаются, произнося свои блестящія фразы. Что значитъ религія въ обществѣ, гдѣ образованный классъ высмѣиваетъ высочайшіе символы и снисходительно критикуетъ всѣ общественныя путы? Что значитъ право въ такое время, когда никто не желаетъ склоняться, а всякій стремится повелѣвать? Что значитъ истина, если каждый проявляетъ свой умъ въ роли Пилата? Среди образованныхъ Пилатъ положительно болѣе популяренъ, чѣмъ Христосъ. Здѣсь и секретъ. Недавно еще было общественное мнѣніе, къ которому относились съ уваженіемъ. Что сталось съ нимъ теперь? Такъ называемая цивилизація до такой степени усложнила жизнь, что истерзанное общественное мнѣніе положительно не въ состояніи считаться со всѣми мелочами, ежедневно всплывающими рядомъ съ закономъ. Всюду царитъ хаосъ и снова нужно божественное слово: «Да будетъ свѣтъ». И мы живемъ среди этого хаоса. Если бы я раньше, лѣтъ пятнадцать назадъ, увидѣлъ бы то, что вижу теперь,—я говорю это совершенно спокойно,—я теперь ворочалъ бы милліонами вмѣсто того, чтобы возиться съ нѣсколькими жалкими сотнями тысячъ. Но все-таки я проснулся или—если это слово тебѣ нравится больше—я *озвѣрѣлъ*. Я понялъ, что отъ меня зависитъ—подняться надъ темнымъ царствомъ

хаоса, въ которомъ я народился, или смѣшаться съ атомами, изъ которыхъ сильные высасываютъ свою пищу. Я узналъ—я, который прежде сокрушался объ обществѣ,—что именно въ современномъ обществѣ, гдѣ конкуренція безгранична, гдѣ страхъ обезпеченныхъ передъ великимъ переворотомъ (который, не взирая на наши мольбы, непремѣнно совершится!) отнялъ послѣдній здравый смыслъ, и мѣсто человѣку который хочетъ подняться и жить лучше, чѣмъ рабочіе муравьи. Именно теперь, какъ никогда раньше—и, вѣроятно, никогда въ будущемъ—могу я спокойно и беззаботно воспользоваться тѣмъ, что мною добыто, положить въ карманъ и назвать своимъ. Правду говоря, теперь я уже не мечтаю, какъ бывало въ дѣтствѣ, не воображаю себя рыцаремъ или викингомъ.

Разница между тѣмъ, что я видѣлъ прежде,—когда я скромнымъ ученымъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ и воображалъ, что могу заглянуть въ будущее,—и тѣмъ, что я увидѣлъ теперь, очень проста: теперь я спрашиваю, какъ можно использовать то, что существуетъ? А раньше я спрашивалъ: что лежитъ позади всякаго явленія?

Послѣднее меня не коснется. Первое сдѣлало меня тѣмъ, что я есть.

Фру Берта сидѣла молча и прислушивалась къ этимъ безсвязнымъ рѣчамъ, поражавшимъ, однако, ясностью, и въней крѣпло ощущеніе, все время преслѣдовавшее ее.

«Такъ поступаютъ и думаютъ очень многіе, но тотъ кто говоритъ объ этомъ такъ громко и откровенно, долженъ быть душевно больнымъ, особымъ непонятнымъ для меня образомъ».

На минуту ей стало жутко быть съ мужемъ одной, и она испытала то, что чувствуетъ человѣкъ, увидя предъ собою призракъ.

Фру Берта была полна воспоминаній, они глубоко гнѣздились въ ея душѣ и такъ мучительно внѣдрились въ ея существо, что она не могла справиться со страхомъ, который внушало ей состояніе мужа. Разумѣется, не могла она находить естественнымъ, что Кристіанъ Мордтманъ, который въ теченіи долгихъ лѣтъ обмѣнивался съ нею лишь самыми обыденными рѣчами, теперь обнажалъ передъ нею сокровенные тайники души. Въ то же время слова мужа вызвали въ душѣ ея горькія воспоминанія.

Быть можетъ, и она въ послѣднее время оглядывалась назадъ и переживала вещи, о которыхъ не часто говорила, но которыя значили для нея больше, чѣмъ все остальное. Непривычное одиночество дѣйствовало на нее.

Слушая мужа, она постепенно забывала свои страхи, предъ нею живѣе вставали воспоминанія прошлаго и всего, что связано съ нимъ. Кристіанъ замолчалъ, какъ будто отдыхая послѣ долгаго разговора. Берта забыла, что мужъ боленъ, что его нужно щадить, забыла, что

она такъ долго молчала. Словоохотливость мужа заразила ее, и она не могла удержать словъ, просившихся у нея съ языка.

— Помнишь...—тяжело начала она. Голосъ ея звучалъ жестко, слова тѣснились въ груди и она должна была перевести дыханіе, чтобы продолжать,—то время,—рѣзко проговорила она, въ упоръ глядя на мужа,—когда ты сталъ тѣмъ, что ты есть, то время, когда ты иначе сталъ смотрѣть на жизнь, когда родился нашъ ребенокъ, Кристіанъ, а ты этого не видѣлъ.

Широко раскрытыми глазами смотрѣла Берта на мужа, губы ея лихорадочно дрожали. Въ ту же минуту въ душѣ ея мелькнула мысль: «если онъ сознаетъ, что говоритъ, онъ пойметъ меня и отвѣтитъ». Напряжено ждала она, какъ будто поставила смѣлый опытъ и наблюдаетъ за ходомъ его. «Еслибы мнѣ удалось обратить его вниманіе на меня!» подумала она и въ ту же минуту замѣтила, что лицо Кристіана стало совершенно непроницаемымъ, глаза потускнѣли.

— Ты слушаешь меня, Кристіанъ?—спросила она болѣе мягкимъ тономъ.

— Да,—послышался отвѣтъ. — Я слушаю тебя, но не понимаю смысла твоихъ словъ.

Тутъ снова страхъ проснулся въ душѣ фру Берты, страхъ быть съ глазу на глазъ съ этимъ человѣкомъ, слова котораго будили въ ней мучительныя воспоминанія. Ее охватилъ ужасъ при мысли, что Юнгве можетъ проснуться, что онъ испугается, какъ она. Она встала, открыла дверь въ свою спальню и прислушалась.

Юнгве спалъ и фру Берта нѣсколько успокоилась, убѣдившись, что онъ не испытаетъ страха, наполнявшаго ея душу, но дверь закрыть не посмѣла: при открытой двери она чувствовала себя менѣе одинокой. «Нужно что-нибудь сдѣлать,—думала она.—Мнѣ этого не выдержать. Не позвонить ли? Найти какой-нибудь предлогъ, чтобы позвать сюда кого-нибудь?» Въ нерѣшительности она стояла и прислушивалась. Было за полночь. Всѣ спали. Въ три высокія окна глядѣла ясная зимняя ночь; сѣверное сіяніе пылало на небѣ, освѣщая бѣлый съ чернымъ пейзажъ. Въ глазахъ у Берты рябило, взоръ ея утратилъ свою ясность.

Кристіанъ Мордтманъ поднялся и, не говоря ни слова, не пожелавъ даже покойной ночи, не обративъ вниманія на присутствіе жены, ушелъ къ себѣ и заперъ за собою дверь. Все произошло такъ быстро и тихо, что показалось Бертѣ скорѣе сномъ, чѣмъ дѣйствительностью. Съ минуту она ходила взадъ и впередъ, глядя на запертую дверь и стараясь уловить какой-нибудь звукъ изъ комнаты мужа.

Если бы дѣло шло о ея жизни, она не могла бы пересилить себя и открыть дверь, чтобы взглянуть, что дѣлаетъ больной.

Она услышала, какъ въ ея комнатѣ безпокойно ворочался Юнгве,

пришла въ себя и бросилась къ нему, боясь какъ бы мальчикъ не проснулся и ей не пришлось бы отвѣчать на его вопросы. Дрожа всѣмъ тѣломъ, двойнымъ запоромъ заперла она дверь, словно боялась, что съ нею что-нибудь случится, если она заснетъ съ открытой дверью.

Поставивъ свѣчку на полъ, она сѣла въ самый темный уголъ комнаты, чтобы свѣтъ не разбудилъ ребенка. Долго сидѣла она въ раздумьи, со страхомъ перебирая въ памяти все, что слышала и видѣла. Свѣча догорѣла, но она замѣтила это только, когда загорѣлась бумага и черный дымъ потянулся къ потолку. Тутъ она вскочила, въ паническомъ ужасѣ отъ окружающей ея темноты и, не находя спичекъ, зажгла отъ свѣчки и поспѣшно стала раздѣваться. Дрожа какъ отъ холода, легла она въ постель, но свѣчку не погасила,—лежать и смотрѣть въ темноту она не могла.

V.

Кристіанъ Мордтманъ шагаетъ взадъ и впередъ по своей комнатѣ и не можетъ успокоиться. Его мучитъ мысль, странная, удивительная мысль. Мысль эта не относится ни къ фактомъ прошлаго, ни къ области возможнаго, это не забота, не разсужденіе. Онъ думаетъ о томъ, что собирается сдѣлать именно теперь, тайкомъ отъ всѣхъ, и мысль эта такъ проста и невинна, какъ только можно себѣ представить, а между тѣмъ такъ невѣроятно мучительна, такъ полна невыразимаго, непонятнаго страданія.

Кристіанъ уже не шагаетъ по своей комнатѣ въ маленькомъ отелѣ на далекомъ сѣверѣ, гдѣ звѣздная ночь сіяетъ надъ смолкшими лѣсами и долинами, надъ мирно спящими людьми, надъ домомъ, гдѣ пріютился онъ самъ съ женою и ребенкомъ. Онъ видитъ себя въ просторной изящной комнатѣ, устланной персидскимъ ковромъ, съ тяжелыми занавѣсями, съ письменнымъ столомъ и стуломъ изъ краснаго дерева, съ полками по стѣнамъ, съ открытымъ денежнымъ шкафомъ подлѣ стула: стоитъ ему протянуть руку и онъ, не вставая, достанетъ что ему нужно. Онъ опять ходитъ по комнатѣ, а невысказанная мысль заставляетъ его улыбаться. Онъ беретъ большой листъ бумаги и ясно видитъ, что вынимаетъ его именно изъ денежнаго шкафа. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ помнитъ, гдѣ онъ находится, и подозрительно озирается—не шпіонитъ ли кто-нибудь за нимъ, не похитятъ ли у него его тайну. Онъ хватаетъ карандашъ, ищетъ линейку, но не находитъ. Пустяки! Онъ обойдется. Твердой рукой проводитъ онъ длинныя, прямыя линіи, онѣ составляютъ столбцы, онъ торжествующе улыбается, глядя на то, какіе они ровные, отчетливые.

Онъ садится и работаетъ, работаетъ съ лихорадочной поспѣшно-

стью и заполняетъ весь листъ. Онъ пишетъ только цифры, онѣ стоятъ тѣсными, правильно расположенными рядами, съ головокружительнымъ числомъ нулей справа, цифры встрѣчаются, соединяются линіями, подчеркиваются, снабжаются мистическими непонятными буквами и значками, заключающими обозначенія и указанія, ясныя только для самого пишущаго.

Вотъ онъ въ конторѣ; толпа народа ждетъ его выхода. Это все смиренные должники, которые терпѣливо просятъ разрѣшенія изложить свою нужду великому директору. Въ сторонѣ расположились посланные высокопоставленныхъ персонъ, которыхъ всемогущій держитъ въ рукахъ и можетъ уничтожить однимъ почеркомъ пера. Здѣсь же можно видѣть агентовъ и маклеровъ, орудіе въ невидимой рукѣ, управляющей человѣческими судьбами, случайно то возносящей ихъ, то низвергающей въ бездну. Безпрестанно приходятъ новыя лица. Шума, однако, никакого. Кругомъ смертельная тишина, какъ въ могилѣ. Никто не смѣетъ заговорить, напомнить о себѣ. Великій человѣкъ слишкомъ могущественъ, рука его слишкомъ сильна, чтобы кто-нибудь дерзнулъ потревожить его.

А онъ все сидитъ за своимъ столомъ и играетъ цифрами, онѣ его солдаты и готовы, по единому знаку, завоевать міръ, сложить сокровища у его ногъ, или, вѣрнѣе, въ несгораемый шкафъ, гдѣ хранится столько тайнъ. Среди работы онъ вдругъ встаетъ, тихонько открываетъ дверь въ большую комнату, гдѣ все тихо и темно, и смотритъ, какъ будто предъ нимъ переполненная пріемная, качаетъ головой, вынимаетъ часы, снова садится къ столу и съ довольной улыбкой взираетъ на головокружительный приходъ.

— Нѣкогда я былъ нищимъ и не зналъ жизни,—говоритъ онъ.— Сидѣлъ я въ своемъ кабинетѣ и раздумывалъ надъ исторіей шведскаго общества, не понимая, что она давно уже закончена, и что мнѣ остается только войти въ это общество. У меня была жена и мы ждали ребенка. Для нихъ я работалъ. Иной цѣли въ жизни у меня не было.

Онъ возвышаетъ голосъ, какъ будто боится возраженій, но тотчасъ же снова шепчетъ:

— Тс! никто за стѣною не долженъ слышать, что мы здѣсь говоримъ. Никто не долженъ проникать въ нашу тайну. Шведское общество было достойно всяческой славы со своими Карлами, Густавами и великими полководцами. Но всѣ они спятъ въ Дончарской церкви, а все-таки въ прошломъ шведское общество отнюдь не было то, чѣмъ можетъ стать теперь. Когда мой принципъ будетъ признанъ, я разовью его дальше. Я найду средство вывести насъ на новую дорогу. Это сдѣлаетъ моя книга о ходѣ развитія шведскаго общества. Но я не буду писать ее, я создамъ самое общество. Оно еще не готово,

какъ я предполагалъ раньше. Его нужно создать. И это—моя миссія *Ille faciet.*

Кристіанъ Мордтманъ кладетъ перо и зажигаетъ гаванну. Счастливымъ взоромъ слѣдитъ онъ за струйками дыма, который вьется вкругъ него, и всѣми чувствами наслаждается сигарой. Вотъ онъ встаетъ и направляется къ двери. Едва онъ открываетъ ее, по лицу его мелькаетъ тѣнь и во взглядѣ отражается невыразимый ужасъ.

Кристіанъ уже не сидитъ за письменнымъ столомъ въ кабинетѣ своей конторы. Все, что онъ только что видѣлъ и чувствовалъ вокругъ себя, персидскій коверъ, тяжелыя зановѣси, изящная мебель, открытый денежный шкафъ, искатели наживы, наполнявшіе пріемную,—все исчезло... Онъ опять въ убогой спальнѣ заброшеннаго на далекомъ сѣверѣ отеля, за окнами котораго звѣздное небо сверкаетъ надъ окутаннымъ снѣгомъ лѣсомъ. Все это сознаетъ Мордтманъ, когда открываетъ дверь и съ ужасомъ видитъ, что въ средней комнатѣ никого нѣтъ. Сознаніе его пробудилось, и онъ чувствуетъ, что стоялъ на границѣ, за которой разсудокъ теряетъ власть надъ человѣческими поступками.

Долго стоитъ онъ, погруженный въ раздумье, и сигара гаснетъ въ его рукѣ. Дрожа, отбрасываетъ онъ ее прочь и, стараясь успокоиться, забрать себя въ руки, подходитъ къ столу и беретъ бумагу, испещренную таинственными знаками и цифрами. Не смѣя посмотрѣть на написанное, рветъ онъ листъ въ мелкіе клочки, кидаетъ въ печь и зажигаетъ. Пусть все сгоритъ до тла, пусть не будетъ свидѣтелей противъ него, пусть никто не разскажетъ о томъ, чего никто не видѣлъ.

— Какъ часто случаются со мной подобныя вещи?—шепчетъ онъ. —Часто ли бываетъ это въ послѣднее время?—Кристіанъ сознательно напрягаетъ свою память и вспоминаетъ, что въ разговорѣ съ врачомъ онъ умолчалъ о томъ, что директоръ банка, докторъ Кристіанъ Мордтманъ, можетъ дѣйствовать и думать, причемъ его личность не принимаетъ въ этомъ никакого участія, можетъ дѣйствовать, какъ автоматъ, подчиняясь таинственнымъ силамъ, которыя стремятся подорвать его нервную систему и отвлечь его отъ самого себя такъ далеко, что возврата уже не будетъ.

— Черезъ границу—шепчетъ онъ,—черезъ границу. Какъ часто можетъ человѣкъ переходить границу и возвращаться назадъ? Какъ далеко нужно зайти, чтобы не найти дороги назадъ? И что бываетъ въ такомъ случаѣ?

«Какъ это произошло?—думаетъ онъ дальше.—Есть ли это слѣдствіе переутомленія, недосыпанія, слишкомъ интенсивнаго образа жизни? Что это такое? Можетъ быть, это месть со стороны моей подавленной души?»

Смутно Кристіанъ вспоминаетъ свои собственныя слова:

«Если я когда-нибуть почувствую, что мнѣ грозитъ сумасшествіе—я знаю, что это можно чувствовать прежде, чѣмъ это случится—я не проживу и часа. Никто не увидитъ меня въ такомъ состояніи, когда человѣкъ перестаетъ быть господиномъ надъ собою».

Мысль мелькнула и ушла, не производя на больного никакого впечатлѣнія. Онъ смотрѣлъ въ свою душу и то, что онъ видѣлъ, будило въ немъ никогда еще не испытанный страхъ.

— Мнѣ нуженъ сонъ,—пробормоталъ онъ.—Отдыхъ и покой.

Поспѣшно зажегъ онъ свѣчу на ночномъ столикѣ и погасилъ лампу. Въ эту минуту онъ не желаетъ ничего, кромѣ покоя, жаждетъ забытья.

— Морфію, шепчетъ онъ.—Шпритцъ у жены. Нужно добыть и спрятать у себя. Кристіанъ слабъ и боится одиночества.

— Человѣкъ—бормочетъ онъ,—человѣкъ!..

Голосъ его звучитъ глухо и пугаетъ его самого. Впервые вспоминаетъ онъ въ эту ночь, что жена его въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него. Нужно только пойти туда, попросить позволенія посидѣть минутку, сказать, что нездоровится. Можетъ быть, удастся достать и шпритцъ. Все будетъ совершенно естественно, не вызоветъ никакихъ опасныхъ вопросовъ.

Вѣдь жена знаетъ, что онъ боленъ.

Въ надеждѣ избавиться отъ ужаснаго безпокойства Кристіанъ Мордтманъ выходитъ въ большую темную комнату, борясь со страхомъ одиночества, крадется, какъ злодѣй, къ двери въ комнату жены и берется за ручку.

Онъ помнитъ, что мальчикъ спитъ, что жена можетъ испугаться, если ее неосторожно разбудить.

Тихонько ступаетъ онъ и тихонько поворачиваетъ ручку.

Тутъ онъ почувствовалъ, что дверь замкнута на ключъ изнутри и и въ ту же минуту понялъ, что нѣчто случилось (что именно онъ не помнитъ), вѣрно онъ напугалъ ее и вотъ она замкнулась, чтобы сумасшедшій не вломился и не задушилъ ее сонную.

Онъ понимаетъ, что дверь закрыта отъ него и его начинаетъ мучить мысль:

«Что именно случилось? Что сдѣлалъ я? или сказалъ? Что?»

Но память отказывается служить ему, онъ ничего не помнитъ. Онъ чувствуетъ только, что мозгъ какъ будто шевелится у него въ головѣ.

На порогѣ своей комнаты онъ оборачивается и замѣчаетъ что въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится дверь въ комнату жены, видно свѣтлое пятнышко; онъ понимаетъ, что это свѣтъ изъ замочной скважены, значитъ тамъ горитъ свѣча, значитъ жена не спитъ и слышала все.

«Будь спокойна, замѣчаетъ онъ про себя и исчезаетъ въ свои одинокой спальнѣ

А за запертой дверью, по ту сторону темной комнаты лежитъ фру Берта и старается думать о себѣ, объ Юнгве, который спитъ на кушеткѣ, подлѣ ея кровати. Она вспоминаетъ прошлое, видитъ маленькій мірокъ, распавшійся, когда двое бѣдняковъ вдругъ разбогатѣли.

Она уже забыла о мужѣ, думаетъ только о себѣ и объ Юнгве и ей кажется, что они составляютъ цѣлое и третьему нѣтъ мѣста подлѣ нихъ.

Спать она не можетъ. Она все еще не можетъ оправиться отъ недавняго испуга, не можетъ не слышать рѣчи Мордтмана, которая однообразно и мѣрно нарушаетъ тишину комнаты. Въ то же время она видитъ его, видитъ, какъ шевелятся его губы, какъ онѣ смыкаются во время молчанія, какъ меркнутъ только что блестѣвшіе глаза.

Всего яснѣе представляется онъ ей въ послѣднюю минуту, когда онъ сидѣлъ, погруженный въ свои мысли, не замѣчая ея присутствія, какъ онъ пошелъ, сгорбленный, старый, смотря туда, куда никто. кромѣ него, не могъ уже заглянуть.

Вдругъ она услышала, какъ ручка повернулась разъ, другой, затѣмъ въ наступившей тишинѣ услышала шаги, скрадываемые ковромъ, и поняла все, поняла, что онъ не спитъ и пришелъ къ ней, она не знаетъ чего онъ хочетъ, зачѣмъ пришелъ, знаетъ только, что испугъ ослабляетъ ея тѣло и сковываетъ ея волю. Тихо лежитъ она и ждетъ утра, тогда какъ Кристіанъ борется съ фуріями, которыя день и ночь терзаютъ его душу.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ПАРТІИ И ОБЩЕСТВЕННОЕ МНѢНІЕ ВЪ ЯПОНІИ.

ВВЕДЕНІЕ.

Всѣ «западные» авторы сочиненій о Японіи могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи. Одни относятся къ этой странѣ съ симпатіей и вѣрой въ прочность достигнутыхъ ею успѣховъ съ начала эры мейдзи (1867 годъ); другіе (число ихъ, кстати сказать, весьма незначительно) склоняются къ мнѣнію, что эти успѣхи эфемерны, и дальнѣйшія событія покажутъ, что «новая Японія» уподобляется въ своемъ ростѣ ребенку, относительно котораго приходится въ концѣ концовъ признать, что «чудо исчезло, а дитя осталось». Тѣ и другіе, однако, согласны въ томъ, что въ исторіи государствъ на всемъ земномъ шарѣ нѣтъ другого примѣра такого быстраго и тріумфальнаго восхожденія по лѣстницѣ международнаго положенія ихъ, какое совершила Японія за послѣдніе 37 лѣтъ своей жизни. Никто не станетъ спорить также и о томъ, что такой результатъ не могъ бы быть достигнутъ никакими усиліями ни абсолютнаго правителя, ни представительнаго правительства, если бы въ воспитанныхъ вѣками свойствахъ народа не было вспаханной для него почвы. Но даже и принимая наличіе послѣдней, какъ conditio sine qua non, все-таки остается мѣсто вопросу, въ какой мѣрѣ обязана Японія настоящимъ своимъ могуществомъ еще другимъ факторамъ ея государственной жизни, а именно: личности ея императора—микадо Мутсу-Хито, талантамъ государственныхъ людей, собравшихся кругомъ его трона въ первые годы эры мейдзи, и, наконецъ,—говоря общепринятымъ языкомъ,—дѣятельности политическихъ партій, всегда тѣсно связанной съ общественнымъ мнѣніемъ.

Что касается личности императора, то едва ли можно сомнѣваться, что велика заслуга того правителя, который, будучи еще почти ребенкомъ (Мутсу-Хито унаслѣдовалъ отъ своего отца престолъ 14 лѣтъ отъ роду), сумѣлъ порвать связывавшія его вѣковыя путы, пробить непроницаемый до него слой вѣковыхъ предразсудковъ, отдѣлявшій его отъ жизни государства, и изъ глубинъ вѣковъ вызвать къ этой жизни императорскую власть, погребенную до него подъ бременемъ вѣковыхъ традицій, для того, чтобы явиться реформаторомъ въ европейскомъ смыслѣ этого слова. Правда, нѣкоторые писатели утвер-

ждаютъ, что самая юность Мутсу-Хито въ эпоху государственнаго переворота говоритъ, что онъ игралъ въ послѣднемъ только пассивную роль; но при оцѣнкѣ такого мнѣнія не надо забывать, что между первымъ годомъ этого переворота (1867) и годомъ дарованія императоромъ своему народу конституціи (1889) прошло около 22 лѣтъ, въ теченіе которыхъ Мутсу-Хито,—неоднократно имѣвъ возможность сдѣлать попытку возвратиться къ абсолютизму въ образѣ правленія своимъ государствомъ, и при томъ при сочувствіи этому возврату не только со стороны народа, но также и со стороны нѣкоторыхъ изъ ближайшихъ своихъ совѣтниковъ,—ни разу не измѣнилъ знамени, которое поднялъ при восшествіи на престолъ, а напротивъ, безъ колебаній развертывалъ его все шире и шире. Это одно уже заставляетъ признать, что участіе микадо въ побѣдоносномъ шествіи его государства по пути просвѣтительныхъ реформъ далеко не пассивное. Въ то же время, однако, нельзя сравнивать личность микадо съ величайшими монархами Европы,—напримѣръ, съ Петромъ Великимъ, какъ дѣлаетъ это Д. И. Шрейдеръ въ интересномъ трудѣ своемъ «Японія и японцы», *) и скорѣе можно согласиться съ Дюмоларомъ, который замѣчаетъ, что «Микадо Мутсу-Хито, даже по словамъ близкихъ къ нему людей, далеко не геній». Но такъ какъ, будучи отъ природы здравомыслящимъ, проницательнымъ и доброжелательнымъ правителемъ, онъ «всегда умѣлъ прислушиваться къ совѣтамъ людей, окружавшихъ его», то великія событія, которыми отмѣчено его царствованіе, составятъ самую блестящую страницу японской исторіи; «и личность нынѣшняго государя останется навсегда въ глазахъ народа символомъ грандіознаго обновленія Японіи».

Но самъ собою возникаетъ вопросъ, дѣйствовали ли эти совѣтники микадо—«люди начальнаго періода эры мейдзи», какъ называютъ ихъ иногда въ японской печати,—«на свой страхъ», какъ единственные носители того направленія, которое проводили, или же они являлись лишь представителями цѣлыхъ политическихъ партій,—т.-е., иначе говоря, въ какой мѣрѣ приходилось этимъ людямъ считаться съ общественнымъ мнѣніемъ? Вопросъ этотъ имѣетъ не только историческій интересъ, а, мы можемъ сказать, и практическое значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, если бы оказались правы тѣ авторы, которые думаютъ, что съ естественнымъ исчезновеніемъ со сцены вышеупомянутыхъ дѣятелей въ Японіи не остается будто бы людей, подготовленныхъ къ продолженію ихъ работы, то она не только не была бы въ состояніи продолжать путь прогресса, но и начала бы падать въ своемъ могуществѣ.

Будучи далеки отъ претензіи, что въ настоящей статьѣ мы исчерпываемъ этотъ вопросъ сколько-нибудь полно, мы все-таки надѣемся

---

*) „Японія и японцы". Путевые очерки современной—Японіи. Д. И. Шрейдера. С.-Петербургъ 1895 г.—Стр. 423.

что, благодаря перечисляемымъ ниже источникамъ, намъ удалось дать не безынтересный матеріалъ для отвѣта на него.

Источники: „Brief Sketch of the History of Political Parties in Japan". by *A. H. Lay*, Esq. Напечатано въ изданіи: „Transactions of the asiatic society of Japan". Vol. XXX, Part III; December 1902. Въ этомъ обстоятельномъ трудѣ прослѣжена исторія политическихъ партій въ Японіи, отъ возникновенія ихъ до іюля мѣсяца 1902 года. Авторъ—англійскій дипломатъ, жившій въ Японіи и присутствовавшій, по приглашенію микадо, при торжественномъ актѣ провозглашенія конституціи въ этой странѣ,—близко знакомъ съ предметомъ своего изслѣдованія, которое имѣетъ особенную цѣнность по объективности изложенія. Событія, лица, даты, причины и слѣдствія приведены и названы въ немъ „по первоисточникамъ". 2) „Japan by the Japanese. A survey by its highest authorities", *edited by Alfred Stead*. London. 1904; статьи въ этой книгѣ: „The Duties of political parties", by *Marquis Hïrobumi Ito;* „Diplomacy", by *Professor Nagao Ariga*. и „The Press", by *Mr. Zumoto* (editor of the „Japan Times"). Имена авторовъ названныхъ статей достаточно вѣско говорятъ за компетентность высказываемыхъ въ нихъ мнѣній и достовѣрность приводимыхъ фактовъ. 3) „Japan in Transition" by *Stafford Ransome*. London & New-York. 1899. Авторъ—бывшій корреспондентъ газеты „Morning Post" съ Дальняго Востока—обстоятельно разсматриваетъ соприкасающіеся съ содержаніемъ нашей статьи вопросы въ главахъ: „Politics in the past & present" и „Our prospects under the revised Treaties". 4) Things Japanese, by *B H. Chamberlain*. London. 1902. Хорошо извѣстная справочная книга объ Японіи; статьи въ ней: „Newspapereres" и „Treaties with Foreign Powers". 5) *Генрихъ Дюмоларъ*. „Японія". Изданіе редакціи „Новаго журнала иностранной литературы". С.-Петербургъ. 1904. Къ разсматриваемому нами вопросу относятся главы III, IV и XI. 6) „Story of Japan", by *David Murray*. „War Edition". London. 1904. Главы XV („The Restored Empire") и XVI („Japan since 1890"), составленная бывшимъ британскимъ консуломъ въ Нагасаки, *J. H. Longford*. 7) Личныя наблюденія автора въ Японіи осенью 1903 года. Наблюденія эти, къ сожалѣнію, слишкомъ кратковременны и потому, по необходимости поверхностны, но они все-таки имѣютъ нѣкоторую цѣну потому, что относятся къ горячему въ Японіи времени, близко предшествовавшему началу военныхъ дѣйствій между нею и Россіей.

При ссылкахъ на упомянутые источники въ нашей статьѣ, мы для краткости, будемъ называть только авторовъ и странницы сочиненій, къ которымъ относятся эти ссылки.

I.

„Рожденіе" идеи о представительномъ правительствѣ въ Японіи.—Возникновеніе первыхъ политическихъ ассоціацій въ столицѣ и провинціи.—Неосуществившееся пророчество британскаго посланника въ Японіи (Гарри Паркеса) о близости дезорганизаціи послѣдней въ политическомъ отношеніи.—Мнѣнія Муррэя и Лэя о значеніи дѣятельности политическихъ партій въ Японіи.

Идея народнаго представительства въ японскомъ правительствѣ, можно сказать, родилась вмѣстѣ съ реставраціей, когда нынѣ правящій императоръ Мутсу-Хито въ присягѣ *), произнесенной имъ «предъ лицомъ неба и земли» при восшествіи на престолъ, заявилъ о своемъ

*) Го Сеймонъ, въ 14-й день 3-го мѣсяца 1-го года мейдзи (6-го апрѣля 1868 года).

желаніи, чтобы въ государственныхъ учрежденіяхъ были люди изъ всѣхъ частей страны; чтобы государственныя дѣла рѣшались *въ согласіи съ общественнымъ мнѣніемъ* и чтобы законныя желанія всѣхъ классовъ народа были удовлетворены.

Это заявленіе императора можетъ разсматриваться, какъ исходный пунктъ движенія по направленію къ организаціи парламентскихъ установленій. Разъ возникнувъ, оно неудержимо шло впередъ, и «потому— говоритъ Лэй *) — весь духъ эры мейдзи проникнутъ реформами, имѣвшими въ виду постепенное расширеніе правъ народа», хотя вслѣдствіе неизбѣжной горячности и увлеченій въ средѣ энергичныхъ представителей общества «правительство нерѣдко находило себя вынужденнымъ дѣйствовать, какъ предупредительный тормазъ, противъ описанной стремительности и нецѣлесообразной поспѣшности». Общественное мнѣніе съ самаго начала раздѣлилось на два теченія, изъ которыхъ одно шло въ направленіи постепеннаго прогресса, быть можетъ, съ примѣсью консерватизма, а другое какъ будто стремилось перепрыгивать черезъ препятствія, забывая о томъ, что если они не будутъ уничтожены органически, то могутъ, и оставшись позади, надѣлать серіозныхъ хлопотъ. Въ результатѣ борьбы между этими двумя направленіями, все-таки уже въ 1874 году сдѣлалось ясно, что правительство твердо рѣшилось разрабатывать проектъ народнаго собранія, и потому естественнымъ ходомъ событій было учрежденіе ассоціацій, которыя имѣли цѣлью обсужденіе политическихъ вопросовъ и постепенно выросли въ настоящія политическія партіи. Такъ, самымъ первымъ политическимъ обществомъ была возникшая въ Токіо ассоціація *Айкоку* (патріотическое общество),—родоначальница партіи *Дзіюто* (либеральная партія), о которой мы упоминаемъ ниже. Главными дѣятелями этой ассоціаціи были даровитые самураи Итагаки Тайсуке, изъ префектуры Коци, и Ето Симпеи, изъ префектуры Сага. Оба они были сначала членами государственнаго совѣта и оставили эту должность, какъ недовольные медленною разработкой правительственнаго проекта о народномъ собраніи. Задачами своими *Айкоку* провозгласила «удовлетвореніе правъ народа и подготовку его къ самоуправленію, свободѣ и независимости».

Излишняя «ревность» друзей этого дѣла нанесла ему съ самаго начала серіозный ударъ, когда восемь сторонниковъ ассоціаціи сдѣлали вооруженное нападеніе на князя Ивакуру—защитника «политики осмотрительности» въ прогрессивномъ движеніи. Случившееся вскорѣ послѣ того открытое возмущеніе Ето Симпеи, упрекавшаго правительство въ отсутствіи патріотизма, «такъ какъ оно не думаетъ подчинить себѣ Корею», также дало врагамъ ассоціаціи великолѣпное оружіе для борьбы противъ народнаго движенія. Ето Симпеи поплатился жизнью,

*) A. H. Lay, p. 364.

а Итагаки вынужденъ былъ возвратиться въ свою родную провинцію, поклявшись, однако, что посвятитъ свою жизнь дѣлу организаціи представительныхъ учрежденій. Тамъ онъ скоро основалъ первую провинціальную ассоціацію, назвавъ ее *Риссиша* (высшая правда)—титулъ, которымъ онъ хотѣлъ характеризовать значеніе того, что̀ считалъ задачей своего существованія.

Не прошло нѣсколько лѣтъ, какъ и въ столицѣ, и въ провинціи насчитывались уже десятки политическихъ партій, возникновеніе и дѣятельность которыхъ сопровождались нерѣдко прискорбными проявленіями страстности и нетерпимости. Съ развитіемъ въ странѣ высшихъ учебныхъ заведеній не только прогрессивныя идеи, но, къ сожалѣнію, и партійныя страсти, проникли и туда. Такъ, Чамберлэнъ *) въ статьѣ своей о токійскомъ университетѣ пишетъ:

«Съ 1888 года здѣсь возникъ классъ бездѣльныхъ молодыхъ людей, называемый по-японски *соши*,—юныхъ агитаторовъ, которые забрали всю политику въ свои руки, навязываютъ свои воззрѣнія и свое содѣйствіе государственнымъ дѣятелямъ и преслѣдуютъ—съ дубиной и ножомъ въ рукахъ—тѣхъ, чьи мнѣнія въ дѣлѣ общественныхъ интересовъ отличаются отъ ихъ собственнаго»...

«Будемъ надѣяться,—продолжаетъ далѣе Чамберлэнъ,—что анархія никогда не посѣтитъ опять Японіи. Если же это случится, то она найдетъ въ этомъ классѣ молодыхъ людей готовое для себя орудіе».

Начальный періодъ дѣятельности политическихъ партій, точно такъ же, какъ и первые годы существованія конституціи, когда отсрочки занятій и распущенія сеймовъ «слѣдовали другъ за другомъ съ головокружительною быстротой», вызвалъ со стороны британскаго посланника въ Японіи, сэра Гарри Паркеса, предсказаніе, что «страна эта въ близкомъ будущемъ уподобится самымъ революціоннымъ южно-американскимъ республикамъ» **). Однако, Муррэй по этому поводу замѣчаетъ: «Пророчество—опасное дѣло по отношенію къ каждой странѣ, и оно еще опаснѣе, когда относится къ странамъ Дальняго Востока, а тѣмъ болѣе къ Японіи, гдѣ часто случалось больше неожиданностей, чѣмъ во всякой другой странѣ этого Востока. Положеніе Японіи теперь не похоже на дезорганизованное банкротство южно-американской республики, хотя первый періодъ дѣятельности сейма, въ самомъ дѣлѣ, могъ заставить думать, что по крайней мѣрѣ часть пророчества сэра Гарри Паркеса осуществится. Внезапно эмансипированные отъ всякихъ ограниченій, которыя сдерживали ихъ въ границахъ приличія, члены сейма давали волю своему, какъ будто неудержимому, желанію глумиться надъ министерствами, и, казалось, какъ будто въ этомъ желаніи всѣ существенные интересы страны будутъ принесены въ жертву

*) B. H. Chamberlain, p. 133.

**) D. Murray, p. 416.

партійнымъ злобамъ. Но ходъ событій показалъ другое. Какъ бы ни были сильны внутреннія разногласія,—патріотизмъ, распространенный во всемъ народѣ, отъ высшаго до низшаго представителей его, соединяетъ ихъ прочно, когда судьба приводитъ ихъ отечество лицомъ къ лицу съ иностранными врагами. Всѣ мелкіе интересы тогда подавляются, партійной злобы какъ не бывало, и ропотъ оппозиціи смолкаетъ». Дѣйствительно, въ очеркѣ «Исторіи политическихъ партій въ Японіи», написанномъ Лэемъ (Lay), легко видѣть постоянное оправданіе этой характеристики Муррэя: именно такъ, какъ, говоритъ онъ, было и на всемъ протяженіи длиннаго дѣла о пересмотрѣ договоровъ Японіи съ иностранными державами, и въ періодъ работы перваго сейма, когда партіи слились въ одно желаніе о томъ, чтобы этотъ опытъ дѣятельности новорожденнаго, дорогого народу, учрежденія не былъ скомпрометированъ; единеніе политическихъ партій помогло правительству довести до конца японо-китайскую войну 1894—1895 гг. и, наконецъ, оно же способствовало дѣлу той неусыпной подготовки Японіи къ войнѣ съ Россіей, которая началась вслѣдъ за вынужденнымъ отреченіемъ первой отъ Ляодунскаго полуострова и которая лежитъ теперь на насъ такимъ тяжелымъ гнетомъ... Недаромъ, повидимому, Лэй приходитъ къ заключенію, что всѣ отрицательныя стороны дѣятельности политическихъ партій и страстнаго проявленія общественнаго мнѣнія падаютъ по сравненію съ цѣнными плодами той «школы», какую представляетъ собою свободная и дѣятельная работа такихъ партій.

II.

Значеніе для Японіи пересмотра договоровъ съ иностранными державами.—Сущность прежнихъ договоровъ Японіи.—Первая попытка пересмотра договоровъ въ 1872—74 гг.—Основанія второй попытки пересмотра договоровъ и причины неудачи ея.—Третья попытка пересмотра, начавшаяся въ 1880 г. подъ руководствомъ Инуе и Окумы.—Свидѣтельство Лэя о значеніи въ то время общественнаго мнѣнія въ Японіи.—Оживленіе дѣятельности политическихъ партій вслѣдствіе обѣщанія императора о созваніи народнаго собранія въ 1890 году.—Отказъ Окумы отъ офиціальныхъ обязанностей, съ цѣлью отдаться дѣлу организаціи политической партіи.—Ходъ дѣла о пересмотрѣ договоровъ подъ руководствомъ Инуе и министра-президента Ито.—Увлеченіе со стороны ихъ идеей европеизаціи общества и прекращеніе третьей попытки.—Политика графа Окумы въ руководительствѣ четвертой попыткой пересмотра договоровъ.—Значеніе договора съ Мексикой.—Вліяніе на ходъ дѣла провозглашенія конституціи 11-го февраля 1889 года.—Неожиданный перерывъ пересмотра и оживленная оппозиція общества противъ продолженія переговоровъ на проектированныхъ правительствомъ началахъ.—Пятая попытка продолженія дѣла и прекращеніе ея вслѣдствіе покушенія на жизнь Окумы.—Характеристика работъ правительства передъ созывомъ перваго сейма и удачный исходъ занятій послѣдняго.—Характеристика, данная профессоромъ Нагоа Аригa, о положеніи дѣла пересмотра договоровъ до конституціи въ Японіи.—Единеніе политическихъ партій въ этомъ дѣлѣ.—Представленіе сейма императору о необходимости окончанія пересмотра договоровъ.—Побѣдоносный для Японіи исходъ этого дѣла.—Заключеніе.

Отсылая тѣхъ, кто хочетъ ознакомиться подробно съ исторіей политическихъ партій въ Японіи, къ упомянутому труду Лэя, постараемся

прослѣдить здѣсь вліяніе ихъ и общественнаго мнѣнія на ходъ событій въ этой странѣ на конкретномъ примѣрѣ, а именно на исторіи вопроса «О пересмотрѣ трактатовъ» Японіи съ иностранными державами. Мы избираемъ именно этотъ примѣръ, а не какой-либо другой, потому, что результатъ упомянутаго пересмотра имѣетъ такое большое значеніе для Японіи, что, напримѣръ, англичанинъ Рэнсомъ *) считаетъ его «дипломатическою побѣдой этой страны надъ всѣми цивилизованными» государствами, во многихъ отношеніяхъ гораздо болѣе рѣшительной и серіозной, чѣмъ ея стратегическая побѣда надъ Китаемъ въ войну 1894—95 г.». Еще рѣшительнѣе характеризуетъ этотъ результатъ Дюмоларъ, въ трудѣ котораго читаемъ **):

«Не надо отъ себя скрывать, что съ момента реставраціи 1868 г. вопросъ о пересмотрѣ договоровъ сдѣлался задачей японской политики, и стремленіе къ международному равенству стало постоянной цѣлью токійскаго кабинета. Мысль эта все себѣ подчиняла. Она создавала и низлагала министерства; упуская ее, хотя бы на мгновеніе, изъ виду, даже въ вопросахъ, не имѣющихъ, казалось бы, къ неіі никакого отношенія, вы рискуете составить самое невѣрное представленіе о японской исторіи послѣднихъ лѣтъ. Этотъ необыкновенный подъемъ не только объясняетъ результаты, столь неожиданно удивившіе европейское общественное мнѣніе, но и—какія бы оговорки ни пришлось сдѣлать въ дальнѣйшемъ—представляетъ великолѣпный примѣръ упорства и продуманной рѣшимости и вообще является фактомъ, достойнымъ навести на размышленіе всѣхъ, кто не желаетъ признать Японію тѣмъ что она есть въ дѣйствительности, т.-е. могущественною силой, съ которой прежде всего надо считаться при разрѣшеніи вопроса о Дальнемъ Востокѣ».

Первый договоръ, заключенный Японіей съ иностранной державой, былъ договоръ, «вырванный» у японцевъ въ мартѣ 1854 г., подъ впечатлѣніемъ страха ихъ предъ куро-фуне (черными кораблями) американскаго комодора Перри. Японскій историкъ говоритъ: «На шестомъ мѣсяцѣ шестого года Кайеі (7-го іюля 1853 г.), въ царствованіе императора Комеи Тенно, американскій уполномоченный Перри прибылъ въ Урага, въ Сагами, съ четырьмя кораблями и письменно предложилъ дружественный и коммерческій договоръ. Обычай, существовавшій съ давнихъ временъ, запрещалъ иностраннымъ судамъ входъ въ какой-либо портъ, кромѣ Нагасаки. Уполномоченному объяснили законъ, но тотъ слышать ничего не хотѣлъ. О цѣли посѣщенія американской эскадры было сообщено въ Кіото, откуда тотчасъ послѣдовалъ императорскій указъ, предписавшій синтоистскимъ священникамъ храма Изе молиться, чтобы варвары удалились». Но «варвары», какъ

*) Ransome, p. 323.

**) Дюмоларъ, стр. 216.

извѣстно, оказались не уступчивыми. Они не удовольствовались отсрочками и обѣщаніями и ушли только послѣ того, какъ добились удовлетворенія своихъ требованій.

Договоръ 1854 года съ Соединенными Штатами былъ возобновленъ въ 1858 году. Начиная съ этого времени, Японія заключила подобные же договоры почти со всѣми европейскими державами, а именно: съ Голландіей, Россіей, Англіей, Франціей, Португаліей, Пруссіей, Швейцаріей, Бельгіей, Италіей, Даніей, Испаніей, Швеціей, Германіей и, наконецъ, послѣдній договоръ былъ подписанъ съ Австро-Венгріей въ 1869 году. По этимъ договорамъ были открыты для иностранцевъ порты: Іокогама, Кобе, Осака, Нагасаки, Ніигата и Хакодате, внѣ которыхъ европейцы не могли торговать и путешествовать безъ паспортовъ. Односторонними не въ пользу японцевъ и тяжелыми для нихъ являлись тѣ статьи договора, которыми установлена была ничтожная пошлина на предметы, привозимые въ Японію, а главное обезпечивалась иностранцамъ *привилегія экстерриторіальности*, т.-е. подсудность иностранцевъ только своимъ консуламъ.

Эта привилегія, по существу дѣла, была, однако, естественна, такъ какъ уголовные и гражданскіе законы Японіи того времени такъ далеко уклонялись отъ требованій юридической этики европейцевъ и американцевъ и во многихъ отношеніяхъ были такъ жестоки, что подчиненіе послѣднихъ этимъ законамъ не представлялось возможнымъ.

Но «4-ое іюля 1872 года было днемъ, послѣ котораго Японія могла требовать пересмотра трактатовъ, подписанныхъ правительствомъ Токугавы,—говоритъ японскій профессоръ Нагао Арига *),—такъ какъ императорское правительство пересмотрѣло уголовный кодексъ и отмѣнило систему пытокъ». Съ цѣлью подготовки такого пересмотра, правительство микадо въ томъ же году послало въ Соединенные Штаты миссію князя Ивакуры и одновременно поручило министру иностранныхъ дѣлъ, графу Соедзима, открыть совѣщанія съ иностранными послами въ Токіо по тому же предмету.

Эта первая попытка пересмотра договоровъ прервалась безъ всякаго результата, сначала вслѣдствіе посылки графа Соедзима въ Китай, а затѣмъ, вскорѣ послѣ возвращенія его оттуда, вслѣдствіе паденія его кабинета.

Вторая систематическая попытка пересмотра договоровъ была сдѣлана графомъ Терадзима, министромъ иностранныхъ дѣлъ, непосредственно послѣ междоусобной войны 1877 года. Такъ какъ для него было ясно, что пока юридическія установленія въ Японіи не будутъ реформированы на европейскій ладъ, иностранныя державы не уступятъ привилегіи экстерриторіальности, то онъ поставилъ главной

*) Professor Nagao Ariga, p. 204.

цѣлью пересмотра учрежденіе тарифной автономіи. Свои идеи онъ развилъ слѣдующимъ образомъ *):

«Когда договоры были заключены, то ни правительство, ни народъ Японіи ничего не понимали относительно иностранной торговли, и поэтому все было сдѣлано такъ, какъ желали иностранныя державы; но болѣе чѣмъ десять лѣтъ опыта научили насъ понимать, что эти договоры попираютъ наше право на независимость весьма существеннымъ образомъ. Сверхъ того, такъ какъ наше правительство начало великое дѣло національнаго прогресса и народнаго просвѣщенія, то общественныя издержки возрастаютъ изъ года въ годъ; и такъ какъ разсматриваемые договоры закрываютъ путь къ увеличенію государственныхъ доходовъ ввозными пошлинами, то правительство вынуждено увеличивать внутренніе налоги, какъ единственное средство отвѣтить возрастающимъ потребностямъ. Но разъ государство будетъ ослабляться вслѣдствіе наложенія на народъ непосильнаго бремени, то политика національнаго прогресса и открытія страны для иностранцевъ можетъ сдѣлаться непопулярной и встрѣтиться съ неожиданными препятствіями, вслѣдствіе недовольства народа. *Этого правительство боится болѣе всего* **). Поэтому мы полагаемъ, что пришло время и что чрезвычайно важно возстановить право независимости Японіи въ дѣлахъ таможеннаго тарифа, какъ единственное средство покрыть финансовый дефицитъ, и *удовлетворить общественное мнѣніе*, способствуя въ то же время и развитію международной торговли».

Соединенные Штаты охотно согласились на предложеніе графа Терадзима, и новый трактатъ, подписанный въ Вашингтонѣ, былъ обнародованъ въ Токіо 25-го іюля 1878 года. Однако, этотъ дипломатическій актъ былъ совершенно платоническимъ, такъ какъ однимъ изъ пунктовъ его обусловливалось, что онъ вступаетъ въ силу не ранѣе того времени, когда другія державы, съ своей стороны, согласятся на пересмотръ договоровъ.

Такъ какъ тарифная реформа касалась болѣе всего Англіи, то упоминавшійся уже нами выше британскій посланникъ, сэръ Гарри Паркерсъ, сильно оппонировалъ пересмотру договоровъ; и усиліямъ графа Терадзима, казалось, грозило полное пораженіе, когда несчастный для Англіи инцидентъ положилъ конецъ этому дѣлу. Въ 1878 году англичанинъ, по имени Гартлей, тайно ввезъ опіумъ, чѣмъ нарушилъ одно изъ требованій дѣйствовавшаго договора; но такъ какъ Японія не имѣла никакой юрисдикціи надъ иностранцами, то дѣло это было передано британскому консулу, который, по тѣмъ или другимъ основаніямъ, оправдалъ виновнаго. «Это сильно раздражило *японское общество*, которое теперь *сочло мѣры графа Терадзима недостаточными*

*) Prof. Nagao Ariga, p. 205.

**) Курсивъ нашъ.

и требовало не только тарифныхъ, но одновременно и судебныхъ реформъ» *). Графъ Терадзима подалъ въ отставку, которая была принята.

Слѣдующій министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Инуе, также горячо работалъ надъ пересмотромъ трактатовъ, въ согласіи съ членомъ государственнаго совѣта графомъ Окума. Въ іюлѣ 1880 года были обнародованы новый уголовный кодексъ и законъ о криминальномъ судопроизводствѣ, составленные французскимъ юристомъ г. де-Буассонадомъ (de-Boissonade) и одобренные сенатомъ (ген-ро)—единственнымъ законодательнымъ учрежденіемъ въ то время; и этотъ актъ, казалось, могъ подготовить почву для успѣха разсматриваемаго дѣла. Согласно планамъ графовъ Инуе и Окумы, Японія должна была возстановить какъ тарифную автономію, такъ и судебную самостоятельность свою въ сношеніяхъ съ иностранными державами, во-первыхъ, не сразу, а постепенно, а во-вторыхъ, не вполнѣ на правахъ взаимнаго равенства.

Переговоры были ведены подъ большимъ секретомъ, но сущность обсуждавшихся проектовъ была неожиданно опубликована «Іокогамскимъ Вѣстникомъ» вслѣдствіе нескромности голландскаго посланника.

Японское общество увидѣло въ этихъ проектахъ ничѣмъ не оправдываемыя полумѣры, «и скоро такое *общественное мнѣніе* начало выражаться такъ шумно, что голландскій посланникъ былъ отозванъ, и переговоры прекратились. Такъ окончилась третья попытка пересмотра договоровъ въ 1880 году» **).

О томъ, насколько сильно выросъ къ тому времени активный интересъ японскаго общества къ государственнымъ дѣламъ, читатели могутъ получить понятіе изъ слѣдующихъ строкъ Лэя ***):

«Въ 1880 году въ Токіо собрались делегаты отъ различныхъ политическихъ партій, какъ представители, избранные 97-ю лицами, которыя дѣйствовали отъ 22 префектуръ, 2 городовъ и 87.000 народа, и пытались вручить свою петицію сначала *Гадзоквану*, а затѣмъ и *Денро-ину*. Послѣдняя не была, однако, принята на томъ основаніи, что законъ не предусматривалъ никакого учрежденія для пріема политическихъ петицій. Несмотря на то, вслѣдъ за этой петиціей, нашли путь въ Токіо изъ различныхъ мѣстностей многіе другіе документы подобнаго рода;—и утверждали, что къ концу апрѣля семь или даже восемь десятыхъ всего населенія страны подали свой голосъ съ просьбой объ учрежденіи парламента». Правительство боролось съ этимъ движеніемъ, между прочимъ, ограничительными законами о митингахъ и политическихъ ассоціаціяхъ, подъ вліяніемъ которыхъ «нѣкоторыя изъ

*) Ibidem, p. 206, курсивъ нашъ.
**) Ibidem, p. 206. Курсивъ нашъ.
***) A. H. Lay, pp. 381—382.

послѣднихъ распались, но только на-время и только для того, чтобы появиться въ будущемъ въ болѣе устойчивой организаціи»... «Движеніе въ пользу учрежденія народнаго собранія оказалось въ десять разъ сильнѣе, чѣмъ то, которое повело къ ниспроверженію правительства Токугавы. Тогда только самураи и высшіе классы общества принимали участіе. Теперь все населеніе было въ высшей степени живо заинтересовано въ исходѣ своихъ требованій, и событія доказали вѣрность его сужденій». Многіе общественные дѣятели работали въ этомъ направленіи, и между прочимъ Фукузава, всегда откликавшійся на важнѣйшіе вопросы, касающіеся народной жизни страны, развилъ мнѣніе въ одной изъ своихъ работъ, что «наилучшее средство вывести правительство и народъ на путь взаимнаго согласія между собою, это—народныя собранія».

«Общественное мнѣніе сдѣлалось къ тому времени силою, съ которой приходилось теперь считаться такъ, какъ не приходилось ни въ какой изъ предшествовавшихъ періодовъ исторіи Японіи. Въ рядахъ самого правительства росло сознаніе, что уступки въ логичной мѣрѣ желаніямъ народа не могутъ отсрочиваться долѣе». Именно тогда столь извѣстный нынѣ графъ (тогда еще не имѣвшій этого титула) Окума, вѣроятно, болѣе, чѣмъ какой-либо другой государственный дѣятель, принялъ дѣло народа къ сердцу и представилъ императору соображенія о желательности національнаго собранія въ ближайшемъ будущемъ (1883 году). Его надежды скоро осуществились.

«Въ лѣтописяхъ внутренней политики Японіи,—читаемъ мы у Лэя,—1881 годъ стоитъ на видномъ мѣстѣ. 12-го октября его величество императоръ провозгласилъ знаменитый императорскій указъ, въ которомъ дано было обѣщаніе, что парламентъ будетъ учрежденъ въ 1890 году. И одною изъ подготовительныхъ мѣръ къ тому была, какъ извѣстно, посылка въ 1882 году Ито, въ сопровожденіи значительнаго числа молодыхъ чиновниковъ, для изученія политическихъ системъ на Западѣ.

«Различныя ассоціаціи, разсѣянныя по странѣ и преслѣдовавшія задачи реформъ и народнаго представительства, видѣли уже близкое осуществленіе ихъ. Теперь надо было позаботиться о подготовкѣ выборовъ въ сеймъ, и вслѣдствіе этого въ 1882 году возникли, частью на счетъ старыхъ партій, серіозныя новыя, которыя существуютъ еще и понынѣ, хотя названія ихъ измѣнились въ теченіе различныхъ стадій ихъ существованія».

Дзіюто, или либеральная партія, какъ она тогда называлась, подъ предсѣдательствомъ Итагаки.

Риккенъ каи-синъ-то, партія конституціонной реформы или либерало-консервативная; это—прародительница политическихъ партій *Симпото* и болѣе поздней *Кенсеи-хонто*. Надъ организаціей ея особенно работалъ Окума, отказавшійся «для лучшаго исполненія своего дѣла

отъ своихъ офиціальныхъ обязанностей еще въ октябрѣ 1881 года и увлекшій за собою наиболѣе обѣщавшихъ изъ правительственныхъ чиновниковъ,—въ числѣ ихъ министра земледѣлія и торговли и многихъ другихъ». Окума же былъ первымъ предсѣдателемъ разсматриваемой партіи, девизомъ которой, говоря коротко, было «стремленіе къ англійскимъ парламентскимъ учрежденіямъ во внутреннемъ управленіи Японіи и поднятіе международнаго положенія во внѣшней политикѣ ея».

Третья и послѣдняя изъ большихъ партій называлась *Риккенъ Теи-сеи-то*, т.-е. «Конституціонная императорская партія»; она возникла въ мартѣ 1882 года, какъ оппозиція противъ болѣе прогрессивныхъ и народныхъ партій: ее характеризовали также титуломъ «Правительственная партія мейдзи». Среди главныхъ дѣятелей ея были издатель офиціальной газеты «Ници-Ници-Симбунъ» и газетные дѣятели другихъ органовъ печати. Партія отстаивала «осмотрительность» въ дѣлѣ реформъ, нападая на слишкомъ радикальныхъ, по ея мнѣнію, политиковъ, и вообще носила болѣе консервативный характеръ, чѣмъ Дзіюто и Каи-синто. Однако фактъ, что и она даже имѣла во главѣ своего титула эпитетъ «Риккенъ», что̀ значитъ «конституціонная», ярко рисуетъ настроеніе общества въ то время.

Но возвратимся теперь къ вопросу о пересмотрѣ договоровъ. Съ выходомъ въ отставку Окумы, графъ Инуе сдѣлался единственнымъ руководителемъ этого дѣла. Онъ задался цѣлью для успѣшнаго окончанія послѣдняго, не только добиться того, чтобы правительство возможно скорѣе реформировало законъ и офиціальныя учрежденія Японіи на европейскій ладъ, но также чтобы и въ обычаяхъ Японіи произошли такія перемѣны, которыя показали бы европейцамъ, что его соотечественники готовы во всемъ подражать имъ и что поэтому, слѣдовательно, существующіе договоры являются прямымъ анахронизмомъ. Уже въ 1882 году онъ пригласилъ иностранныхъ посланниковъ въ Токіо на предварительное совѣщаніе о пересмотрѣ трактатовъ, въ программу котораго входило все, что̀ было связано съ этимъ вопросомъ; но корейскія событія послѣдующихъ затѣмъ двухъ годовъ и происшедшія вслѣдствіе этого осложненія съ Китаемъ помѣшали его работѣ, которая на-время затихла, пока, наконецъ, въ 1885 году портфель министра-президента преобразованнаго кабинета **) не принялъ его большой другъ и товарищъ по клану, нынѣ маркизъ Ито.

---

*) Ibidem, p. 383.

**) Въ декабрѣ 1885 года старая организація Дайдзоквана—великаго императорскаго правительства—съ его первымъ министромъ, министрами лѣвой и правой сторонъ и штабомъ „совѣтниковъ"—была замѣщена настоящею системой съ министрами, стоящими каждый во главѣ своего министерства, и съ отвѣтственностью передъ императоромъ за свое дѣло, хотя и подчиняясь въ своихъ дѣйствіяхъ общему руководству министра-президента.

Этотъ послѣдній государственный дѣятель вполнѣ сочувственно отнесся къ идеямъ министра иностранныхъ дѣлъ и къ необходимости скорѣйшей европеизаціи японскаго общества... Поэтому формальное совѣщаніе о пересмотрѣ договоровъ было открыто, 1-го мая 1886 г., «посреди европейскихъ вечеринокъ, garden parties, баловъ и т. п.» *). Въ совѣщаніи приняли участіе посланники двѣнадцати державъ, и оно было прекращено на время только послѣ семи дѣятельныхъ засѣданій для того, чтобы иностранные дипломатическіе представители имѣли время получить инструкціи отъ своихъ правительствъ. Тѣмъ временемъ и въ министерствѣ юстиціи шла дѣятельная работа по кодификаціи новыхъ законовъ, а министерство внутреннихъ дѣлъ было занято изученіемъ системъ мѣстнаго управленія въ Европѣ, съ каковой цѣлью генералъ Ямагата (нынѣ маркизъ и маршалъ) путешествовалъ по Европѣ.

Засѣданія совѣщанія по пересмотру трактатовъ возобновились 20-го октября того же года, а въ апрѣлѣ 1887 года была выработана и окончательная редакція проекта новыхъ договоровъ.

Вопросъ объ экстерриторіальности европейцевъ и американцевъ былъ рѣшенъ и теперь не вполнѣ удовлетворительно для Японіи; «однако, несмотря на то, дѣло пересмотра договоровъ, можетъ быть, и пришлобы къ концу на этотъ разъ»,—замѣчаетъ профессоръ Нагао Арига, «но условія, при которыхъ велось оно, а именно европеизація Японіи, не нравились извѣстному классу людей, какъ въ правительственной средѣ, такъ и внѣ ея. Поэтому упомянутый проектъ, представленный въ совѣтъ министровъ въ маѣ мѣсяцѣ, не встрѣтилъ единодушнаго одобренія. Покойный графъ Катсу, который раньше былъ членомъ правительства Токугавы, и рѣдкій государственный умъ и личныя качества котораго обезпечили мирный переходъ власти отъ сіогуна къ новому императорскому правительству, представилъ въ кабинетъ меморандумъ, исчисляющій «двадцать одну ошибку времени», какъ слѣдствіе попытки подражать внѣшнимъ формамъ западной цивилизаціи. Позднѣе членъ самого кабинета, генералъ Таки, министръ торговли и земледѣлія, недавно возвратившійся изъ Европы, указалъ на семь дефектовъ въ проектѣ договора и отказался отъ портфеля. Даже де-Буассонадъ, французскій юристъ, который былъ занятъ составленіемъ нашего кодекса, самъ возражалъ противъ системы допущенія иностранныхъ судей въ японскіе суды. Записки этихъ двухъ послѣднихъ лицъ были секретно отпечатаны партіей студентовъ патріотовъ и свободно циркулировали посреди токійскихъ политиковъ-аматеровъ. Отсюда явилось возникновеніе многихъ новыхъ ассоціацій для оппозиціи заключенію договоровъ въ предлагавшейся правитель-

*) Professor Nagao Ariga, p. 207.

ствомъ формѣ и почти ежедневныя демонстраціи въ городахъ и провинціяхъ».

Одинъ незначительный самъ по себѣ случай, имѣвшій мѣсто, какъ разъ въ это время, еще усилилъ непопулярнось иностранной политики графа Инуе. Въ октябрѣ 1886 года англійскій пароходъ «Нормантонъ» потерпѣлъ крушеніе у береговъ Киснима, при чемъ весь экипажъ его былъ спасенъ, «даже и китайскій слуга», за исключеніемъ сорока японскихъ каютныхъ пассажировъ, которые всѣ пошли ко дну вмѣстѣ съ судномъ. «Некорректность поведенія капитана была очевидна, и *общественное мнѣніе* громко потребовало возмездія, вслѣдствіе чего правительство передало капитана британскому консульскому суду. Но послѣ продолжительнаго слѣдствія виновный не получилъ наказанія, котораго заслуживалъ въ глазахъ японскаго народа» *).

Послѣ двадцати девяти засѣданій, 29-го іюля 1887 года, графъ Инуе вынужденъ былъ объявить отсрочку совѣщаній на неопредѣленное время подъ предлогомъ, что до продолженія пересмотра трактатовъ необходимо закончить кодификацію гражданскихъ и коммерческихъ законовъ, и самъ отказался отъ должности, которую занималъ въ теченіе восьми лѣтъ... Такимъ образомъ и четвертая попытка пересмотра договоровъ окончилась безъ результатовъ.

1-го февраля 1888 года министръ-президентъ маркизъ Ито уговорилъ принять портфель министра иностранныхъ дѣлъ графа Окума, который посвятилъ всю свою энергію дѣлу пересмотра трактатовъ. Его политика была діаметрально-противоположна политикѣ предшественника, и онъ началъ съ того, что настаивалъ на истолкованіи существовавшихъ тогда договоровъ «съ большой строгостью», отнявъ отъ иностранцевъ всѣ такія привилегіи и льготы, которыя не были выговорены точно,—для того, чтобы заставить иностранныя правительства самихъ почувствовать необходимость измѣненія порядка вещей. Между прочимъ онъ добился того, что упомянутыя правительства признали за Японіей право пересматривать и подписывать новые договоры съ каждою державой отдѣльно, не дожидаясь одновременнаго соглашенія со всѣми другими, какъ то требовалось и представляло большія затрудненія въ предшествовавшихъ попыткахъ рѣшенія вопроса.

Въ результатѣ такого образа дѣйствій, уже 30-го ноября 1888 года былъ подписанъ весьма дружескій договоръ между Японіей и Мексикой, въ которомъ не было уже и тѣни экстерриторіальной юрисдикціи и который вообще отвѣчалъ принципу взаимнаго равенства договаривающихся сторонъ. Большого практическаго значенія этотъ договоръ, конечно, не имѣлъ, такъ какъ сколько-нибудь значительныхъ торговыхъ сношеній между Мексикой и Японіей не было; но онъ далъ

*) Ibid.. p. 209; курсивъ нашъ.

японцамъ большое нравственное удовлетвореніе, а для другихъ державъ послужилъ какъ бы прокладывающимъ путь прецедентомъ.

Вскорѣ послѣ того пришли къ концу и переговоры съ Соединенными Штатами, посланникъ которыхъ въ Токіо просилъ инструкцію отъ своего правительства телеграммой въ концѣ 1888 года и получилъ черезъ 48 часовъ отвѣтъ, что онъ долженъ принять договоръ въ такой редакціи, какая предложена Японіей. Тогда Окума, уже съ большими надеждами добиться полнаго удовлетворенія интересовъ своего отечества, пригласилъ принять участіе въ дѣлѣ пересмотра договоровъ Англію, Францію, Германію, Россію, Италію и Австро-Венгрію.

Между тѣмъ въ Японіи случилось событіе, которое дало упомянутому дѣлу, какъ и всѣмъ другимъ начинаніямъ Японіи, новую и широкую перспективу, а именно,—провозглашеніе 11-го февраля 1889 г. года конституціи. Все населеніе страны одушевилось новыми надеждами и между прочимъ все громче и громче заявляло, что заключеніе новыхъ международныхъ договоровъ, вмѣсто старыхъ, должно окончиться возможно скорѣе, и притомъ безусловно на началахъ взаимнаго равенства.

11-го іюня 1889 года японскимъ правительствомъ была получена телеграмма, возвѣстившая о подписаніи проекта новаго договора съ Германіей, переговоры съ которою велись между японскимъ посланникомъ въ той странѣ, маркизомъ Сайондзи, и графомъ Гербертомъ Бисмаркомъ. Это считали большимъ успѣхомъ на сторонѣ графа Окума, тѣмъ болѣе, что, повидимому, и Россія склонялась къ соглашенію въ духѣ желаній Японіи. Но опять, и совсѣмъ неожиданно, дѣло затормозилось: корреспондентъ лондонской газетю «Times» сообщилъ оттуда сущность упомянутаго проекта, который появился въ большомъ числѣ оттисковъ между японскими читателями. Они увидѣли тогда, что въ немъ предусматривается введеніе въ высшее судебное учрежденіе, при разсмотрѣніи дѣлъ по обвиненіи иностранцевъ, живущихъ въ Японіи, иностранныхъ судей. Общество опять зашумѣло, и въ концѣ концовъ противъ новой редакціи трактатовъ возникла большая оппозиція, какъ въ самомъ правительствѣ, такъ и внѣ его. Особенно вѣски были возраженія маркиза Ито и графа Инуе—перваго потому, что онъ считалъ введеніе иностранныхъ судей въ судебныя учрежденія въ Японіи несогласнымъ съ духомъ новой конституціи, а послѣдняго потому, что то же самое допущеніе было причиной неуспѣха его проекта два года назадъ. Никакіе компромиссы и полумѣры, предлагавшіеся кабинетомъ министровъ, желавшимъ скорѣйшаго окончанія такъ долго висящаго надъ нимъ дѣла, не могли успокоить общество.

«Никогда политическая борьба не была такъ шумна и горяча въ Японіи, какъ въ это время. Члены партіи графа Окумы энергично защищали его проекты въ рѣчахъ и газетахъ; но зато всѣ другія партіи считали, что принятіе такихъ проектовъ граничило бы съ ос-

корбленіемъ націи. Во всѣхъ провинціяхъ и между всѣми классами населенія начали возникать ассоціаціи и клубы, издающіе свои собственные печатные органы, съ цѣлью помѣшать правительству безвозвратно ратификовать договоры, что̀ предполагалось сдѣлать къ февралю слѣдующаго года. Въ концѣ сентября сенату было представлено отъ имени народа триста пять адресовъ, изъ которыхъ 185, подписанныхъ 63.616 лицами, были противъ заключенія договоровъ, а 120, подписанныхъ 6.759 лицами, были за это заключеніе.

Министръ-президентъ графъ Курода, смѣнившій Ито, который оставилъ этотъ постъ еще до обнародованія конституціи, для исполненія почетной и отвѣтственной обязанности главнаго редактора и комментатора статей ея, рѣшился поддержать графа Окума какою бы то ни было цѣной; но министръ финансовъ графъ Матсуката и министръ путей сообщенія графъ Гото, за спиной которыхъ стояла сильная группа политическихъ ассоціацій, оппонировавшихъ сторонникамъ проекта, убѣдили императора еще разъ пересмотрѣть послѣдній; и съ этой цѣлью 15-го октября 1889 года было собрано совѣщаніе изъ государственныхъ дѣятелей, подъ личнымъ предсѣдательствомъ микадо. Не придя ни къ какому результату въ первый день, совѣщаніе собралось 18-го октября, когда было уже почти рѣшено отвергнуть проектъ. Къ сожалѣнію, политическіе враги Окумы не дождались этого рѣшенія, которое удовлетворило бы ихъ, и во время перерыва совѣщанія Окума, возвращаясь въ министерство иностранныхъ дѣлъ, около 4 час. пополудни, былъ серіозно раненъ динамитною бомбой, брошенной въ его карету бывшимъ самураемъ изъ Укуока, Тсунеки Курусима, который сейчасъ же затѣмъ перерѣзалъ себѣ горло острымъ кинжаломъ и умеръ на мѣстѣ. Рана графа Окума не была смертельной, но ампутація его лѣвой ноги помѣшала ему принимать участіе въ дѣлахъ государства въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Кабинетъ Курода вышелъ въ отставку 25-го числа, и императоръ, затрудняясь избрать новаго премьера изъ лицъ, занимавшихъ государственныя должности въ тотъ моментъ, вызвалъ дѣятеля дней реставраціи, князя Сандзо, изъ его уединенія и поручилъ ему образованіе новаго кабинета. Такъ окончилась пятая попытка пересмотра договоровъ, такъ же неудачно, какъ предшествовавшія ей.

Между тѣмъ вниманіе общества было на время отвлечено отъ этого вопроса, такъ какъ приближался 1890 годъ,—одинъ изъ самыхъ «дѣловыхъ» годовъ въ политической исторіи Японіи, потому что въ теченіе его долженъ былъ собраться въ первый разъ императорскій сеймъ, и механизмъ конституціи тѣмъ самымъ долженъ былъ подвергнуться первому своему испытанію. Многое въ сферѣ законодательства могло быть затруднено придачей этого новаго механизма, котораго

*) Ibidem, p. 212.

дѣйствія никто не могъ предвидѣть, и потому между другими законами были, такъ сказать, «наскоро проведены» гражданскій и коммерческій кодексы, гражданское судопроизводство и законъ объ организаціи судебныхъ учрежденій... Все это было результатомъ напряженной работы спеціальной кодификаціонной комиссіи. При этомъ гражданскій кодексъ былъ редактированъ де-Буассонадомъ; коммерческій кодексъ—замѣчательнымъ германскимъ юристомъ, докторомъ Реслеромъ; а гражданское судопроизводство и законъ объ организаціи судебныхъ учрежденій—другимъ германскимъ юристомъ, докторомъ Рудольфомъ. Много было возраженій противъ этихъ поспѣшныхъ кодификацій, и сенатъ (генро-инъ), который скоро долженъ былъ уступить мѣсто имперскому сейму, отвергнулъ ихъ. Однако, необходимость завершенія ихъ, какъ прелиминарныхъ шаговъ къ заключенію новыхъ договоровъ, и опасеніе, что предстоящій сеймъ можетъ никогда не пропустить ихъ—внушили кабинету графа Ямагата—тогдашняго министра-президента, смѣлость провозгласить ихъ въ началѣ 1890 года.

Умѣстно прибавить здѣсь, что «гражданскій и коммерческій кодексы были впослѣдствіи тщательно пересмотрѣны съ согласія сейма, такъ что они теперь отвѣчаютъ требованіямъ японской жизни и учрежденій вполнѣ хорошо и не слышно никакихъ жалобъ на ихъ иностранное происхожденіе» *).

Съ приближеніемъ первыхъ выборовъ 1890 года политическая жизнь народа, съ его газетами, митингами, партіями и т. п., пріобрѣла новую силу и новый смыслъ, и когда эти выборы состоялись, то оказалось, что хотя въ палатѣ общинъ партіи графа Итагаки (Дзіюто) и графа Окума (Риккенъ-каи-син-то) были представлены самымъ значительнымъ числомъ членовъ, но что все-таки ни которая изъ нихъ не располагала абсолютнымъ большинствомъ. Несмотря на то, первая сессія закончилась, хотя и не безъ шума, въ общемъ, хорошо, «главнымъ образомъ изъ почтенія къ императору, горячее желаніе котораго видѣть успѣхъ перваго опыта новаго на всемъ Востокѣ учрежденія внушило всѣмъ сочувствіе къ нему и духъ умѣренности» **).

Послѣ окончанія занятій перваго сейма снова выплылъ наружу горячій интересъ общества къ дѣлу пересмотра договоровъ, положенію котораго до обнародованія конституціи профессоръ Нагао Арига даетъ слѣдующую интересную характеристику:

«Для Японіи, не подготовленной жить рука объ руку съ иностранцами, при ея абсолютной, хотя и никоимъ образомъ не деспотической, системѣ правленія, и при ея законахъ, еще мало развитыхъ, попытка успѣшнаго пересмотра договоровъ была равносильна стараніямъ достигнуть невозможнаго—иначе, какъ при условіи, что цивилизованныя

*) Ibidem, p. 213.
**) Ibidem, p. 214.

государства Европы получатъ увѣренность въ обезпеченіи защиты жизни, имущества и торговли ихъ подданныхъ самыми законами Японіи. И пока послѣдняя не гарантировала такой увѣренности, никакое правительство не могло безопасно довѣрить своихъ подданныхъ нашему попеченію, и потому западныя державы должны были, по необходимости, держаться системы экстерриторіальности, т.-е. системы «поселеній» и «консульской юрисдикціи». Но теперь, когда конституціонная форма правленія, административныя установленія и кодексы законовъ, основанные на тѣхъ же принципахъ, какъ и въ Европѣ и въ Америкѣ, были провозглашены и начали спокойно функціонировать въ Японіи, всякое возраженіе противъ пересмотра договоровъ теряло свой «raison d'être».

«Народъ, конечно, понялъ это,—говоритъ Лэй *)—и жгучій вопросъ о пересмотрѣ договоровъ, поставленный имъ впереди всѣхъ другихъ политическихъ интересовъ Японіи такъ на много лѣтъ, сдѣлалъ болѣе, чѣмъ что-либо другое, для обнаруженія общей почвы, на которой всѣ политическія партіи могли отбросить свои мелкія взаимныя пререканія и придти къ единенію. Чѣмъ дольше продолжались переговоры, тѣмъ сильнѣе и сознательнѣе возрастали требованія народа. Даровитые члены партій начали обращать свою энергію, главнымъ образомъ, на нападеніе на правительство за его нетвердую политику въ дѣлѣ пересмотра договоровъ». Разрозненныя политическія группы опять соединились на-время «въ общемъ желаніи нанести пораженіе всякой такой программѣ пересмотра, при которой Японія не могла бы обезпечить признанія за собою абсолютной равноправности съ иностранными державами».

Въ августѣ 1892 года маркизъ Ито опять сдѣлался премьеромъ, а портфель министра иностранныхъ дѣлъ былъ въ рукахъ искуснаго дипломата графа Мутсу. Въ теченіе четвертой сессіи сейма, въ 1893 году, палата общинъ представила императору адресъ, «почтительно высказывая свое мнѣніе о необходимости закончить послѣднее дѣло реставрированія императорскаго правительства, т.-е. заключеніе новыхъ договоровъ, не при допущеніи какихъ-либо полумѣръ, какъ это пытались сдѣлать до сихъ поръ, а на почвѣ абсолютнаго равенства съ иностранными державами».

Эта работа не была трудна теперь, по вышеизложенной причинѣ. И кромѣ того графу Мутсу пришла счастливая мысль перенести переговоры съ каждою державой въ ея столицу, давъ неограниченныя полномочія японскимъ посланникамъ переговариваться съ правительствами, къ которымъ они были аккредитованы, лишь бы они отстаивали проектъ, посланный имъ изъ Токіо. Методъ, въ общемъ, оказался успѣшнымъ. Еще передъ японо-китайскою войной Англія подписала

*) A. H. Lay, p. 410.

новый договоръ въ іюлѣ 1894 года, а эта война (1894—1895 года), показавъ истинную силу Японіи и ея способность дѣйствовать, согласно принципамъ цивилизованныхъ государствъ, не только во время мира, но и во время войны, и даже по отношенію къ непріятелю, еще болѣе облегчила дѣло». Соединенные Штаты подписали договоръ въ теченіе самой войны, а остальныя державы—непосредственно послѣ нея... И всѣ эти новые договоры должны были войти въ силу одновременно, въ маѣ 1899 года.

Сущность дипломатической побѣды японцевъ состоитъ въ томъ, что, во-первыхъ, въ новыхъ договорахъ уничтоженъ принципъ экстерриторіальности иностранцевъ, пребывающихъ въ Японіи, и права ихъ теперь основываются на предписаніяхъ японскихъ законовъ, а во-вторыхъ, во всѣ договоры входитъ статья о наиболѣе благопріятствуемой націи, въ силу которой права и льготы, гарантированныя подданнымъ одного государства, распространяются и на подданныхъ другого государства.

«1899 годъ, навѣрное, останется,—говоритъ Дюмоларъ *),—одной изъ наиболѣе славныхъ эпохъ въ воспоминаніяхъ каждаго добраго японца. Онъ вѣчно будетъ напоминать о томъ часѣ въ исторіи этой страны, котораго столь страстно ожидали въ продолженіи тридцати лѣтъ, часѣ освобожденія отъ иностранной опеки и признанія Японіи къ глазахъ міра свободной и просвѣщенной»... И мы надѣемся, что изложенная нами исторія усилій, которыя сдѣлала имперія микадо для окончательнаго «освобожденія себя, какъ международной личности, отъ опеки иностранцевъ», показываетъ, что они увѣнчались такой блестящей побѣдой, въ значительной мѣрѣ—если даже не главнымъ образомъ—благодаря умѣлому отношенію правительства къ требованіямъ общественнаго мнѣнія.

Н. Азбелевъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

*) Дюмоларъ, стр. 216.

НАМИ-КО.

Современный японскій романъ.

Кенджиро Токутоми.

Переводъ со шведскаго **Н. Ж.**

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ШВЕДСКОМУ ПЕРЕВОДУ.

«Нами-Ко»—одинъ изъ популярнѣйшихъ романовъ въ японской литературѣ. Причина этого лежитъ въ безусловной правдивости разсказа, тщательной и безыскусственной обработкѣ подробностей, отражающихъ современную японскую жизнь. Популярность «Нами-Ко» зависитъ также и оттого, что разсказъ этотъ не имѣетъ подобнаго въ современной японской литературѣ, какъ выраженіе господствующаго воинственнаго настроенія въ Японіи. Китайско-японская война 1894—1895 года была не только историческимъ событіемъ, въ которомъ столкнулись двѣ націи. Здѣсь въ первый разъ проявилось національное сознаніе Японіи, какъ независимой націи, съ собственнымъ существованіемъ и собственными задатками. Тридцать лѣтъ, предшествовавшихъ этому событію, были временемъ ассимиляціи, раскола и путаницы въ мысляхъ и взглядахъ. Нація медленно вырабатывала свой этическій идеалъ, заключающійся въ соединеніи древняго духа самураевъ съ великими идеями гуманности. Война послужила къ выраженію того, что ранѣе было лишь всеобщей тенденціей. «Нами-Ко» дорога поэтому для японскаго народа патріотическими характерами Такео и генерала.

Можно указать еще на одинъ важный пунктъ, на одну тенденцію разсказа, характеризующую всѣ литературныя произведенія Токутоми, пріобрѣтшія ему столькихъ почитателей въ Японіи. Благодаря особымъ условіямъ, въ Японіи совершается очень много дурного, вслѣдствіе произвольнаго примѣненія правъ, которыми пользуется глава семьи. Вопросъ о разводѣ, какъ онъ трактуется въ «Нами-Ко», болѣе всего бросается въ глаза. И авторъ вывелъ его передъ японцами во всей его неприглядности. Онъ борется за человѣчность и свободу, и особенность эта дѣлаетъ его произведенія жизненными и симпатичными.

Кенджиро Токутоми родился въ 1868 году въ одномъ южномъ городѣ Кумамато, въ Японіи. Образованіе онъ получилъ въ высшемъ учебномъ заведеніи въ Дашишѣ. Когда братъ его, Сихиро Токутоми,

изъ первыхъ писателей Японіи, образовалъ въ 1888 году литературное общество подъ названіемъ «Мин-Ю-Ша», то онъ сдѣлался его членомъ и въ теченіе почти четырнадцати лѣтъ живо интересовался успѣхами этого общества. Медленно, но вѣрно онъ пріобрѣлъ и самостоятельное положеніе среди японскихъ писателей, и слава его достигла апогея, когда въ 1900 году появился его первый большой романъ «Нами-Ко». Другія значительныя его произведенія: «Омоіиде-Но-Кіі» и «Куро-Шіо» («Черный потокъ»), первый—родъ дневника, полнаго поэтической фантазіи и глубокихъ мыслей, второй—бытовой романъ, пріобрѣтающій все болѣе распространенную извѣстность.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Довольно справедливо было сказано когда-то, что одна половина міра не знаетъ, какъ живетъ другая; и это въ особенности вѣрно по отношенію къ освѣдомленности Запада о цивилизаціи Востока, въ частности же о нашей японской цивилизаціи. Романъ «Нами-Ко» написанъ не для того, чтобы раскрыть нашу жизнь и наши обычаи передъ иноземцами, потому что во время изданія этой книги, или четыре года назадъ, я и не мечталъ, что она когда-либо будетъ переведена или даже достигнетъ той популярности, какую она пріобрѣла въ моей родной странѣ. Однако, неожиданнымъ ея результатомъ было то, что говорящій по-англійски народъ захотѣлъ ознакомиться съ великой моральной борьбой, которая ведется въ настоящее время въ Японіи.

Какъ ни невѣроятной можетъ показаться эта книга для западнаго пониманія, но она основана на истинномъ происшествіи. Я былъ глубоко потрясенъ, услышавъ впервые о несчастной Нами-Ко, и тутъ же рѣшилъ написать разсказъ изъ ея жизни.

Я не намѣревался, разумѣется, посредствомъ сочиненныхъ фактовъ преобразовывать соціальные нравы и обычаи моей родины, ибо я, несомнѣнно, болѣе романистъ, нежели реформаторъ, но такъ какъ разоблаченіе какого-нибудь неустройства есть первый шагъ къ устраненію этого неустройства, то, можетъ быть, я сдѣлалъ больше, нежели самъ имѣлъ въ виду. Правда, въ послѣдніе годы были приняты законы о разводѣ, до извѣстной степени стремящіеся къ признанію правъ жены и охраненію святости семейныхъ узъ, и человѣчность, свобода и справедливость день за днемъ подтачиваютъ старыя, изношенныя конфуціанскія понятія, но я долженъ все же признать, что укоренившееся зло отмираетъ не такъ легко, и много еще слезъ прольется въ это переходное время.

Написанный мною разсказъ—изображеніе лишь одного происшествія изъ многихъ подобныхъ. Еслибъ случайно эта простая исторія—и, какъ я надѣюсь, многія въ такомъ же родѣ—могла бы показать вамъ,

обитающимъ по ту сторону Тихаго океана, какъ живемъ, думаемъ и чувствуемъ мы, и какъ много и съ какой борьбой намъ приходится преодолѣвать, и этимъ завязала бы узы симпатіи между нами, то это, несомнѣнно, послужило бы на пользу всему человѣчеству.

Кенджиро Токутоми.

Токіо.
21-го января 1904 года.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Глава I.

Медовый мѣсяцъ.

Былъ вечеръ въ Икао, городѣ въ Іошу, славящемся своими теплыми веснами. Въ третьемъ этажѣ отеля Шигира стояла, облокотясь на перила веранды, дама и смотрѣла на красивый пейзажъ. Ей было около восемнадцати лѣтъ. Волосы ея со вкусомъ были причесаны въ маге *), и она была одѣта въ сѣрое шелковое платье, поддерживаемое ниже груди зеленымъ шарфомъ.

Кожа ея была свѣтла и чиста, и, несмотря на ея впалыя щеки и нѣсколько сросшіяся брови, дама казалась столь же кроткой, столь была стройна и прелестна. Она была похожа не на сливовое дерево, дерзающее цвѣсти на блѣдномъ сѣверномъ вѣтрѣ, и не на вишневые цвѣты, лепестки которыхъ порхаютъ тамъ и сямъ въ весеннее утро. Она была какъ робкая маргаритка, смутно мерцающая въ сумеркахъ лѣтняго вечера.

Отдаленные холмы у Никко и Ашіо и вдоль берега Эшиго и Оноко, близкія верхушки Комоши и Акаги ослѣпительно сіяли въ замирающемъ солнечномъ свѣтѣ. Даже вороны, съ карканьемъ взлетѣвшія съ близъ растущаго дерева, казалось, засверкали какъ бы золотыми брызгами, когда два клочка облаковъ поднялись изъ-за Акаги. Дама на открытой верандѣ въ третьемъ этажѣ слѣдила за ними глазами.

Пушистыя облака, не больше того, что можно было бы обнять руками, медленно раздѣлялись и, сверкая словно двѣ золотыя бабочки, поплыли рядомъ къ Ашіо по безграничному пространству. Солнце садилось, и съ росой и сумерками подулъ прохладный вѣтерокъ. Оба облачка расплылись въ розовое пятно, раздѣлились и одиноко плыли въ медленно темнѣющемъ воздухѣ. Но только на минуту. Одно становилось все меньше и меньше и наконецъ растаяло, почти незамѣтно.

---

*) Маге—сокращенное слово Марумаге—названіе прически замужнихъ женщинъ.

Другое побѣднѣло, перейдя въ безцвѣтный сѣрый тонъ, и безцѣльно плыло дальше.

Теперь горы и облака заволокись тьмой, но на открытой верандѣ въ третьемъ этажѣ въ ночномъ мракѣ виднѣлось блѣдное лицо.

— Барышня... О, что это со мною! Я такъ забывчива,—сказала Ику и засмѣялась.—Я хотѣла сказать: барыня. Я только что вернулась. Какъ темно!... Милая На́ми, гдѣ вы?

Когда На́ми окликнули, она отвѣтила:

— Я здѣсь.

— Почему вы сидите снаружи? Идите сейчасъ же въ комнаты, вы можете простудиться. Баринъ еще не вернулся домой?

— Удивляюсь, что онъ дѣлаетъ,—отвѣтила молодая женщина, отодвигая въ сторону ширмы и входя въ комнату.—Можетъ, лучше послать за нимъ кого нибудь.

— Да, я пошлю.

Ику, старая женщина за пятьдесятъ лѣтъ, нащупала, между тѣмъ, впотьмахъ спички и зажгла лампу.

Въ ту же минуту послышалось, какъ горничная поднимается по лѣстницѣ. Она принесла письмо и подала его Ику.

— Благодарю за хлопоты!—сказала Ику.—Баронъ немножко запоздалъ, но мы послали ему навстрѣчу мальчика. Онъ вѣрно скоро придетъ. Вотъ письмо,—прибавила она и передала его Нами-санъ.

— Письмо отъ отца! Отчего Такео такъ медлитъ?—Дама въ марумаге взяла письмо и разсматривала знакомый почеркъ.

— Письмо отъ графа?—спросила Ику.—Любопытно, что онъ скажетъ. Навѣрное, онъ опять написалъ что-нибудь занятное, какъ обыкновенно.

Дѣвушка, приставивъ передвижную ширму и помѣшавъ огонь, пошла въ нижній этажъ. А старуха положила пакетъ, бывшій у нея въ рукѣ, въ шкафъ и сказала, подходя къ Нами:

— Какъ здѣсь холодно. Не то, что въ Токіо.

— Нельзя ожидать другого, когда вишневыя деревья цвѣтутъ здѣсь въ маѣ. Но подойди и сядь поближе, Ику!

— Извините!—сказала Ику и опустилась на сидѣнье около своей госпожи.

Старуха любовно разсматривала лицо своей госпожи и сказала:

— Никакъ не могу повѣрить, что вы, теперь такая хорошенькая въ маге, та же самая малютка, которую я кормила грудью. Точно вчера было то время, когда вы звали меня мамой, послѣ смерти вашей матери.—И она продолжала со слезами на глазахъ: — въ день свадьбы я думала о вашей матери: какъ бы она была счастлива, еслибъ могла васъ видѣть въ вашемъ красивомъ нарядѣ.

Ику вытерла глаза. Молодая женщина сидѣла, склонивъ голову, словно сочувствуя служанкѣ. Кольцо на ея правой рукѣ, лежавшей на рѣшеткѣ передъ огнемъ, сверкало въ свѣтѣ пламени.

Старуха быстро подняла голову.

— Простите меня! Я говорю такія глупости. Съ годами глупѣешь. Вамъ было такъ скучно, когда вы были ребенкомъ. Просто удивительно, какъ вы могли выдержать это. Но отнынѣ будетъ одно счастье. Вашъ мужъ такъ добръ...

Въ эту минуту на лѣстницѣ крикнулъ слуга:

— Баронъ вернулся!

— Боже мой, какъ я усталъ!

Молодой человѣкъ двадцати трехъ лѣтъ, одѣтый въ иноземное платье, скинулъ съ себя свои японскія туфли и вошелъ въ крайнюю комнату, слегка кивнувъ шедшему ему навстрѣчу слугѣ. Вдругъ онъ остановился и обернулся къ мальчику, несшему бумажный фонарь.

— Благодарю! Но если хочешь быть милъ, вставь эти цвѣты въ теплую воду.

— О, какіе красивые! — сказала молодая женщина, подходя къ нему.

— Да, я тоже скажу, какія красивыя азаліи!—подхватила Ику.— Гдѣ господинъ досталъ ихъ?

— Они красивы, не правда ли? Посмотри на эти желтые! Я хотѣлъ попросить Нами-санъ убрать ихъ завтра. Да, ну а теперь я возьму ванну!

Нами-санъ и старуха пошли обратно въ комнату.

— Господинъ такой веселый. Морскіе офицеры всегда веселые, не правда ли, госпожа?

Не отвѣчая, Нами улыбалась, чистя заботливо верхнее платье мужа. И повѣсивъ его, она слегка прикоснулась къ нему губами.

Черезъ нѣсколько минутъ послышались тяжелые шаги по ту сторону ширмъ, и молодой человѣкъ вошелъ въ комнату.

— Ну вотъ, я и доволенъ! – воскликнулъ онъ.

— Да когда же это вы успѣли выкупаться?—сказала Ику.

— На то я и мужчина, я полагаю.

Онъ весело засмѣялся и облачился съ помощью жены въ стеганый кимоно съ широкой каймой. Онъ шаловливо сѣлъ на подушку и потеръ руками щеки. Голова его съ коротко остриженными волосами была кругла, какъ каштанъ, а загорѣлое отъ солнца лицо красно, какъ яблоко. Брови его были темны, а глаза свѣтлы, и хотя у него были настоящіе, похожіе на «гусеницу», усы, онъ былъ такъ моложавъ, что нельзя было не улыбнуться его невинному виду.

— Вотъ тебѣ письмо, милый,—и Нами-санъ подала ему письмо.

— О, оно, кажется, отъ твоего отца.

Онъ немного перемѣнилъ позу и распечаталъ письмо. Въ немъ лежало другое, запечатанное.

— А вотъ и другое для Нами-санъ. Онъ, должно быть, хорошо поживаетъ. Ой, ой, ой, вотъ такъ шутникъ! Точно я слышу его самого.

Онъ, смѣясь, отложилъ письмо.

— Отецъ проситъ меня поклониться тебѣ, Ику,—сказала Нами и отвела глаза отъ письма, обращаясь къ старухѣ, накрывавшей столъ къ обѣду.—Онъ говоритъ, что ты должна хорошенько беречься. Ты не привыкла къ этому климату, и твоя старая болѣзнь легко можетъ вернуться.

— Какъ онъ добръ, что думаетъ объ этомъ.

— Теперь я не прочь чего-нибудь покушать,—сказалъ молодой человѣкъ.—Я съѣлъ всего на всего два маленькихъ рисовыхъ пирожка, а ходилъ цѣлый день. Я ужасно голоденъ. Что это за рыба? Она не похожа на корюшку.

— Ее называютъ «юамали», такъ, кажется, Ику?

— Да, такъ. Она вкусная, очень вкусная. А вотъ и чашка съ рисомъ. Пожалуйте. Господинъ очень голоденъ.

— Еще бы! Я прошелъ отъ Харуна черезъ Сóма и къ Футатсутаке. Какъ разъ, когда я спускался по утесамъ Бюобю, я встрѣтилъ мальчика, котораго вы за мной послали.

— Неужели ты такъ далеко зашелъ?

— Да. Видъ съ горы Сома былъ великолѣпный. Мнѣ хотѣлось, чтобы Нами-санъ была со мною. Въ одну сторону передъ тобой широко простирается низина, по которой извивается рѣка Тонé и далеко-далеко исчезаетъ въ туманѣ. Въ другую сторону—одна за другой поднимаются мягкія возвышенности, а за самыми отдаленными горными цѣпями и надо всѣми горами вздымается словно мечта бѣлая вершина Фузіямы. Еслибъ я только могъ писать стихи, я бы посоперничалъ съ поэтомъ Хитомаро.—Онъ громко засмѣялся.—Еще чашечку, пожалуйста.

— Какъ это должно быть красиво! Какъ мнѣ бы хотѣлось быть тамъ!—сказала Нами-санъ.

— Гм... еслибъ Нами-санъ могла лазить, я бы наградилъ ее орденомъ Золотого Дракона. Я никогда въ жизни не видѣлъ такой крутой и дикой пропасти. Около дюжины желѣзныхъ цѣпей вдѣлано въ стѣну утесовъ, и приходится взбираться съ ихъ помощью. Для меня это пустяки, ты знаешь, я тренировался въ Іедзимѣ и въ военной морской школѣ и могу взлѣзть на мачту и спуститься съ рей. Но ты навѣрно никогда даже не коснулась уличной грязи въ Токіо своей маленькой ножкой.

— Какъ тебѣ на стыдно!—отвѣтила она, улыбаясь, и покраснѣла.—Я занималась гимнастикой въ школѣ...

— Вздоръ! Я не очень вѣрю въ гимнастику въ женскихъ школахъ. Вспоминаю, какъ однажды, посѣщая школу, я увидѣлъ дѣвушекъ съ вѣерами, дѣлающихъ разныя фигуры въ то время, какъ кто-то игралъ на роялѣ, а нѣкоторыя пѣли народную пѣсню. Сначала я подумалъ, что это какой-нибудь фантастическій танецъ. Но потомъ я сообразилъ, что это *и* было то, что вы называете гимнастикой!

Онъ снова засмѣялся.

— Не говори такъ...

— Дай мнѣ разсказать! Рядомъ съ дочерью Іамаки стояла красивая дѣвушка съ длинными распущенными волосами и—какъ вы это называете?—да, въ платьѣ цвѣта спѣлой сливы, и она танцовала, не думая совершенно о незнакомцѣ. Я увѣренъ, что это была Нами-санъ. Что, ни слова въ отвѣтъ?

— Какъ ты болтаешь! Ты знаешь дочь Ямаки?

— Да, отецъ мой вывелъ его въ люди, и онъ иногда приходитъ въ гости, Нами-санъ. Ну вотъ, ты и замолчала, а?

— Глупости!

— Мужъ и жена не должны такъ ссориться,—сказала Ику и засмѣялась.—Идите пить чай и все опять пойдетъ по хорошему.

Глава II.

Нами-Ко.

Молодой человѣкъ, котораго мы представили въ предыдущей главѣ, былъ баронъ Такео Кавашима. Онъ совсѣмъ недавно женился на Нами Катаока, старшей дочери графа генералъ-лейтенанта Ки-Катаока, извѣстнаго за выдающагося воина. Чтобы насладиться своимъ отпускомъ, онъ поѣхалъ въ Икао съ своей женой и ея старой кормилицей Ику.

Мать Нами умерла, когда Нами было восемь лѣтъ. Она была тогда такъ мала, что не могла теперь ясно вспомнить свою мать. Но она знала, что мать всегда была нѣжна съ ней, и помнила, какъ, лежа на смертномъ одрѣ, она взяла маленькую ручку Нами въ свою и сказала: «Дорогое дитя мое, мама уѣзжаетъ очень далеко, и ты должна обѣщать мнѣ быть хорошей, милой дѣвочкой и любить своего папу и маленькую Ко-шанъ». Потомъ она заплакала. «Ты будешь думать обо мнѣ, когда я уѣду, правда?» просила она.

И она гладила волосы Нами, которые тогда были длинные, но потомъ были коротко подстрижены на лбу. Эти минуты глубоко врѣзались въ память Нами, и не проходило дня, чтобъ она не думала о матери.

Черезъ годъ послѣ этого появилась мачиха. Тогда все измѣнилось. Родная мать ея была изъ знатной семьи самураевъ и хотя она была бережлива во всемъ, но слуги говорили, что болѣе мирнаго дома, чѣмъ ея, не было. Вторая мать была тоже изъ извѣстнаго рода самураевъ, но она жила ребенкомъ въ Англіи, и ей такъ понравилась Европа, что ея дѣятельная натура не давала ей покоя, пока она не преобразовала всего, что дышало свѣтлымъ воспоминаніемъ о настоящей матери Нами. Она высказывала отцу Нами всѣ свои мысли о маломъ и большомъ безъ малѣйшаго стѣсненія, и онъ обыкновенно шутя отвѣчалъ: «Совершенно вѣрно! Ты знаешь это лучше меня». Но однажды, раз-

говаривая со своимъ первымъ секретаремъ за саке, онъ сказалъ, смѣясь и глядя на свою жену: «Совѣтую вамъ, Намба, не брать въ жены ученой дѣвушки, не то вы будете безжалостно осмѣяны за свое невѣжество». Какъ ни находчивъ былъ Намба, онъ все же не могъ найти ни слова въ отвѣтъ и только смущенно игралъ своимъ стаканомъ. Увѣряли также, что Намба впослѣдствіи говорилъ своей женѣ, что дочери ихъ не должны слишкомъ много учиться, и что ихъ воспитаніе должно быть такъ же просто, какъ воспитаніе въ дѣтскихъ народныхъ школахъ.

Дѣвочкой Нами была привѣтлива и весела. Для отца ея было наслажденіемъ, когда онъ бралъ свою шляпу изъ ея маленькихъ ручонокъ, и она прощалась съ нимъ у рѣшетки, сидя на рукахъ кормилицы. Ей было тогда всего два года. Сердце ребенка—что весенняя травка. Снѣгъ лежалъ на ней тяжелымъ слоемъ; но она начинаетъ расти, какъ только наступаетъ теплая погода, и если люди не затопчутъ ее. Горе, испытанное Нами, когда умерла ея мать, было слишкомъ глубоко для восьмилѣтняго ребенка. И кто же могъ сомнѣваться, что она не вырастетъ красивымъ цвѣткомъ, если только ласковое сіяніе солнца будетъ озарять ее. Когда она увидѣла мачиху съ большимъ ртомъ и косыми глазами, въ незнакомой прическѣ и надушенныхъ платьяхъ, ей, конечно, было немного страшно подойти къ ней.

Кроткую Нами, однако, было легко завоевать, еслибъ мачиха съ самаго начала не почувствовала странной непріязни къ ребенку. Безчувственная, себялюбивая, педантичная и къ тому же злая, она обращалась съ маленькой, несвѣдущей восьми или девятилѣтней дѣвочкой, какъ со взрослой. Бѣдненькая Нами всегда была одна и узнала, какъ печаленъ и холоденъ міръ. У Нами была мать, но она не могла любить ее; у нея была сестра, но она не могла любить ее. У нея былъ также отецъ, Ику и тетка, сестра ея родной матери. Но какъ она ни была къ нимъ привязана, она жила не вмѣстѣ съ теткой, а Ику была только служанка. И кромѣ того ничто въ домѣ не ускользало отъ глазъ мачихи, и всякая маленькая ласка между Ику и Нами дѣлала зло скорѣе хуже, чѣмъ наоборотъ. Только отецъ—онъ былъ сама любовь. Но и онъ боялся столкновеній съ своей женой, и только изъ заботливости о Нами онъ бранилъ ребенка въ присутствіи матери, но за ея спиной успокаивалъ Нами ласковыми словами. Эта постоянная борьба въ немъ живо воспринималась Нами. Ея маленькое сердечко вздымалось отъ нѣжности и благодарности къ нему, и ей казалось, что у нея хватитъ мужества пойти ради него въ огонь и въ воду.

Но еслибъ Нами показала хоть тѣнь подобныхъ чувствъ, то ей было бы много непріятностей, потому что мачиха не терпѣла подобнаго вторженія въ ея, какъ ей казалось, исключительное право любить его. И если Нами была молчалива и равнодушно замкнута, то ее безжалостно называли хитрой, упрямой и злой. Однажды, при какомъ-то

ничтожномъ недоразумѣніи, на Нами устремился цѣлый потокъ презрительныхъ словъ на текучемъ нарѣчіи Кошу, съ подражаніемъ англійской манерѣ. И не только Нами была высмѣяна, но досталось и ея покойной матери. Но когда Нами готова была отвѣтить, мысль объ отцѣ тотчасъ же остановила горькія слова.

Въ другой разъ ее такъ несправедливо заподозрили, что она горько плакала за ширмой надъ своимъ несчастьемъ. Былъ ли у нея, дѣйствительно, отецъ? Да, у нея былъ отецъ, и отецъ, очень ее любившій. Но для дѣвочки, для которой домъ является міромъ, мать значитъ больше, чѣмъ пять отцовъ вмѣстѣ взятыхъ. А десять лѣтъ съ такой мачихой, какъ у Нами, легко вызываютъ все дурное въ ребенкѣ и отнимаютъ у него блескъ юности и красоты.

Графъ говорилъ обыкновенно:

— Въ Нами, въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ничего дѣтскаго. Она такъ тиха и серьезна.

О, нѣтъ никакой разницы между цвѣтами,—цвѣтутъ ли они въ простой глиняной кружкѣ или въ драгоцѣнномъ китайскомъ фарфорѣ. Всѣмъ имъ нуженъ согрѣвающій солнечный свѣтъ. И Нами была цвѣтокъ, возросшій въ постоянной тѣни.

Поэтому, когда Нами была помолвлена съ Такео, и брачная церемонія окончилась, она испустила глубокій вздохъ облегченія. И отецъ ея, мачиха, тетка и Ику сдѣлали то же самое, каждый думая свои думы.

Старая кормилица ворчала, что хотя графиня сама любила хорошо одѣваться, но дала Нами только плохія, будничныя платья. Она плакала надъ приданымъ Нами и со скорбью думала о тѣхъ дняхъ, когда была жива мать Нами. Но Нами была рада оставить домъ своего отца и мечтала о неизвѣданной доселѣ свободѣ и объ ожидавшемъ ее счастьѣ. Поэтому ей не такъ тяжело было проститься съ любимымъ отцомъ.

Глава III.

Папоротники.

Дорога, идущая отъ Икао къ Мицусавано-Кваннону, тянется почти на три мили и извивается, какъ змѣя, по голой горѣ, кромѣ одного мѣста, гдѣ утесъ спускается къ долинѣ, и дальше, тамъ, гдѣ она исчезаетъ въ провалѣ, но снова появляется на другой сторонѣ. Она такъ ровна, что по ней можно идти съ завязанными глазами. Оттуда видно равнину Іомо. Дорога идетъ по поросшимъ травой лугамъ, а изъ черной земли, гдѣ сжигали прошлогоднюю листву, весной выбивается свѣжая трава. Густой клеверъ, золотистый рисъ и голубые колокольчики пускаютъ почки. Земля похожа на мягкій коверъ, усѣянный красивыми цвѣтами и высокими папоротниками.

Въ одинъ солнечный день Такео и Нами, вмѣстѣ съ Ику и одной служанкой, пришли сюда нарвать молодыхъ папоротниковъ. Уставъ отъ работы, они выбрали тѣнистое мѣсто для отдыха, и дѣвушка разостлала платокъ на травѣ. Такео сѣлъ безъ церемоній, но Нами сняла съ себя туфли и отряхнула свой кимоно свѣтло-краснымъ носовымъ платкомъ, прежде чѣмъ граціозно сѣсть.

— О, какъ мягко!—сказала она.—Такая постель можетъ годиться и королю!

— Какъ госпожа хороша сегодня! И я давно не слышала, чтобъ она пѣла такъ, какъ сегодня.—Ику смотрѣла на нее съ восхищеніемъ.

— Я слишкомъ много пѣла, и мнѣ хочется пить.

— Жаль, я не захватила съ собой чаю,—сказала дѣвушка и развязала узелъ, изъ котораго достала апельсины, пироги и суши.

— Апельсины будутъ вкусны!—воскликнулъ Такео. И взявъ одинъ и начавъ его чистить, онъ продолжалъ:— смотри, Нами-санъ! Тебѣ такъ не очистить апельсина, а?

— Еще бы, я думаю.

— Господинъ,—прервала дѣвушка,—среди вашихъ папоротниковъ пропасть сорной травы.

— Берегись! Ты стараешься скрыть свою собственную вину, указывая на вину другихъ,—сказалъ Такео.—Но какая прекрасная погода! Здѣсь божественно!

— Какое великолѣпное небо! Вотъ было бы красивое платье изъ такой матеріи,—замѣтила Нами.

— Можетъ быть, оно годилось бы лучше для морской куртки.

— Какъ благоухаетъ воздухъ! Послушай, вонъ заливается трелью жаворонокъ.

— Прекрасно, теперь я сытъ!

— Что скажешь, Матсу, не начать ли тебѣ опять работу?—спросила кормилица. И дѣвушка и она пошли снова собирать папоротники.

— Милая Ику, оставь намъ немножко! Развѣ она не бодра для своего возраста, Нами-санъ?

— Да, очень.

— Нами-санъ, ты не устала?

— Нѣтъ, сегодня ни крошечки. Кажется, мнѣ никогда еще не было такъ весело.

— Когда я бываю на морѣ, то часто вижу красивые виды, но пейзажъ, видимый вотъ такъ, съ высокой горы, особенно обворожителенъ. Ты не чувствуешь себя освѣженной? Видишь эту сверкающую бѣлизну внизу налѣво? Это Шибукава, гдѣ мы завтракали по дорогѣ сюда. А тамъ, видишь, что-то похожее на голубую ленту? Это рѣка Тоне. Видишь, правда? А дальше, если прослѣдишь по склону горы Акаги—да, какъ разъ гдѣ поднимается дымъ—какъ разъ на склонѣ ты увидишь городъ. Это Майебаши. А вонъ тамъ серебряная до-

рожка! Это тоже Тоне. Ты не можешь ее уже видѣть. Очень туманно. Намъ бы надо было захватить съ собой бинокль, правда, Нами-санъ? Но, можетъ быть, этотъ туманный и плотный фонъ въ концѣ концовъ поэтичнѣе.

Нами положила свою руку на колѣно Такео и вздохнула.

— Я хотѣла бы навсегда остаться здѣсь съ тобой!—сказала она.

Двѣ желтыхъ бабочки порхнули мимо, задѣвъ вуаль Нами, и послышался звукъ какъ бы шаговъ по травѣ. Косая тѣнь упала передъ обоими влюбленными.

— Такео-санъ!

— А, Хиджива-кунъ! Какъ ты нашелъ насъ?

Вновь прибывшій былъ мужчина около двадцати шести лѣтъ, одѣтый въ форму лейтенанта. Онъ былъ необыкновенно красивъ, даже для солдата, и, какъ ни странно, совершенно не загорѣлъ. Однако, что-то портило его красоту, и это была саркастическая черта вокругъ рта и непріятный блескъ въ черныхъ глазахъ. Этотъ молодой человѣкъ, Ясуико Хиджива, былъ двоюроднымъ братомъ Такео и хотя и ниже его чиномъ, но однимъ изъ замѣтнѣйшихъ офицеровъ при штабѣ главной квартиры.

— Ты удивленъ, увидя меня здѣсь, не правда ли? У меня были кое-какія дѣлишки въ Такасаки вчера, и я тамъ переночевалъ. Сегодня утромъ я пріѣхалъ въ Шибукава и узналъ, что оттуда до Икао очень недалеко. Вотъ я и направился туда и спросилъ о васъ въ отелѣ. Тамъ мнѣ сказали, что вы пошли рвать папоротники, и я пустился за вами. Но я долженъ вернуться завтра. Боюсь, что я, можетъ быть, мѣшаю.

— О, нисколько! Ты видѣлъ маму?

— Да, вчера утромъ. У нея былъ здоровый видъ. Но она навѣрно безпокоилась за васъ.—Его черные глаза пронзительно смотрѣли на Нами, когда онъ спросилъ ее:

— А какъ поживаютъ въ Акасакѣ?

Румянецъ, окрашивающій лицо Нами, становился все гуще, и она опустила голову.

— Смотри-ка, вотъ я получилъ теперь подкрѣпленіе! — крикнулъ Такео.—Теперь ужъ невозможно со мной справиться. Теперь здѣсь и сухопутная и морская военныя силы. Теперь и тысяча амазонокъ не могутъ повредить намъ ни крошки. Эти женщины,—онъ указалъ на кормилицу и служанку,—только что, когда мы были одни, пытались утверждать, что я не могу собрать столько папоротниковъ, сколько онѣ, и что я рву сорную траву вмѣсто папоротниковъ.

Старуха вздрогнула и слегка сдвинула брови, говоря:

— Хиджива-сама! Какая неожиданность увидѣть васъ здѣсь.

— Я телеграфировалъ ему и просилъ подкрѣпленія,—сказалъ Такео.

— Вы шутите,—сказала Ику.—Неужели вы въ самомъ дѣлѣ это

сдѣлали? Вотъ какъ, вы уѣзжаете завтра? Госпожа, намъ нужно идти домой впередъ, чтобы приготовить все къ обѣду.

— Да, отлично! Ступайте. Хиджива-санъ пойдетъ съ нами, и вы должны приготовить намъ что-нибудь хорошее. Мы голодны, какъ волки. Что, ты тоже уходишь, Нами-санъ? Останься съ нами. Ты хочешь ускользнуть со своими союзниками? Не бойся! Мы больше не будемъ ссориться.

Нами не могла не согласиться и осталась, а Ику и дѣвушка связали то, что было съ ними, собираясь уйти.

Трое оставшихся начали опять разыскивать папоротники, и такъ какъ было еще не очень поздно, пошли дальше къ Мицусава-но-Каваннону, прежде чѣмъ повернуть назадъ и спуститься съ горы.

Вечернее солнце надъ горной цѣпью Монокики пылало во всемъ великолѣпіи. Трава по обѣимъ сторонамъ дороги впивала золотые лучи и казалась горящей, какъ море свѣта, а одиноко стоящія пиніи бросали длинныя тѣни на гору. Овальные, безмолвные холмы купались въ потокѣ свѣта, а въ деревняхъ по долинѣ изъ многихъ домиковъ поднимался дымъ. Крестьянинъ, пахавшій на быкахъ, дополнялъ картину; тихій вечерній воздухъ оглашался мычаньемъ животныхъ, когда пахарь подгонялъ ихъ.

Такео и Хиджива, болтая, шли рядомъ, а Нами слѣдовала за ними. Они прогуливались тихонько, перешли долину и приблизились къ дорогѣ на гору, залитую солнцемъ.

Вдругъ Такео остановился.

— Ай, я забылъ свою палку! Какъ разъ тамъ, гдѣ мы отдыхали по дорогѣ домой. Подождите минутку, я сейчасъ сбѣгаю за ней.

— Позволь мнѣ пойти съ тобою,—попросила Нами-санъ.

— Нѣтъ, лучше подожди. Это не такъ далеко. Я буду бѣжать все время.

Такео почти принудилъ Нами остаться, бросилъ связку папоротниковъ на траву и побѣжалъ внизъ въ долину.

Когда Такео ушелъ, Нами молча остановилась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Хидживы. Такео неясно былъ виденъ на горѣ по ту сторону, а на поворотѣ дороги онъ исчезъ изъ виду.

— Нами-ко-санъ!

Нами, отвернувъ лицо, вздрогнула при дружескомъ обращеніи.

— Нами-ко-санъ!—повторилъ Хиджива и подошелъ ближе.

Нами отступила на шагъ, но должна была поднять голову. И встрѣтившись взглядомъ съ его черными глазами, она снова отвернула лицо.

— Поздравляю васъ!

Она молчала, но покраснѣла.

— Поздравляю васъ! Вы очень счастливы. Но,—прибавилъ онъ недобрымъ голосомъ,—вы знаете, есть одинъ, который несчастливъ.

Нами стояла, глядя въ землю, и пыталась проткнуть травинку своимъ зонтикомъ.

— Нами-ко-санъ!

Какъ бѣлка, преслѣдуемая змѣей, она взглянула на своего противника.

— Чего вы хотите отъ меня?

— Деньги и баронскій титулъ, это не такъ-то плохо. Поздравляю!

— О чемъ вы говорите?

— Выдти замужъ за дворянина, у котораго есть деньги, даже если онъ немножко ребячливъ, и пренебречь тѣмъ, кто бѣденъ и влюбленъ— это нынѣшнія знатныя дѣвушки могутъ. Но, конечно, вы исключеніе!

Какъ ни была кротка Нами, она загорѣлась отъ негодованія и гордо взглянула на Хидживу.

— О чемъ вы говорите? Повторите это такъ, чтобы Такео слышалъ, вы, жалкій трусъ! Вы посылаете мнѣ письмо, раньше чѣмъ спросить моего отца, какъ дворянинъ. Я не потерплю этого больше.

— Что?

Хиджива былъ мраченъ и съ закушенными губами хотѣлъ подойти къ ней ближе.

Вдругъ послышалось ржаніе, и крестьянинъ верхомъ на лошади показался на вершинѣ горы.

— Добрый вечеръ!—Всадникъ поднялъ шляпу и проѣхалъ мимо, оглядываясь и дивясь, кто бы могли быть эти молодые люди.

Хиджива не шевельнулся. Жесткія черты нѣсколько смягчились, но для того только, чтобы уступить мѣсто обычной саркастической усмѣшкѣ вокругъ тонкихъ губъ.

— Гм... отошлите мнѣ его обратно, если не хотите оставить у себя.

— Отослать обратно, что?

— То, о чемъ вы говорите. То, что ненавидите.

— У меня нѣтъ его.

— Гдѣ же оно?

— Я сожгла его—эту грязную бумажонку!

— Увѣрены въ этомъ? Никто не видѣлъ его?

— Конечно, никто.

— Навѣрное?

— Не говорите со мной.

Разгнѣванные взгляды Нами встрѣтились съ злобными глазами Хидживы. Ее пронизала легкая дрожь, и она отвернулась. Въ ту же минуту на горной вершинѣ по ту сторону долины показался Такео. Онъ былъ красенъ, какъ вишня, рдѣющая на вечернемъ солнцѣ.

Нами испустила глубокій вздохъ.

— Нами-ко-санъ!

Хиджива упорно старался поймать взглядъ Нами, но она избѣгала его. Наконецъ, онъ сказалъ:

— Нами-ко-санъ, одно слово, прежде чѣмъ я оставлю васъ. Будьте осторожны! Скройте хорошенько тайну отъ Такео и отъ вашихъ родителей тоже. Если же нѣтъ—вамъ придется раскаяться!

Онъ подчеркнулъ эти слова угрожающимъ взглядомъ и отошелъ на нѣсколько шаговъ, чтобы сорвать цвѣтокъ.

Махая палкой, Такео быстро поднимался въ гору, спрашивая ихъ:

— Я заставилъ васъ долго ждать? Я совсѣмъ задохнулся. Я бѣжалъ всю дорогу, чтобъ вы знали. Но палку нашелъ. Нами-санъ, что это? Тебѣ нездоровится?

Хиджива отвѣчалъ вмѣсто нея, прикрѣпляя на груди только что сорванныя фіалки:

— Ты такъ долго не возвращался, что она стала безпокоиться, не заблудился ли ты.

Онъ засмѣялся. Такео тоже засмѣялся.

— Стала безпокоиться! Ну, пойдемте, однако, домой!

Три тѣни медленно исчезли одна за другой по направленію къ Икао.

Глава IV.

У Ямаки.

Въ купе второго класа на трехчасовомъ поѣздѣ изъ Такасаки сидѣлъ въ углу единственный пассажиръ, положивъ ноги на диванъ. Онъ читалъ газету и курилъ. Это былъ Ясуико Хиджива.

Нетерпѣливымъ жестомъ онъ отбросилъ газету.

— Ба!

Онъ съ раздраженіемъ растопталъ папиросу, которую уронилъ, и съ минуту въ сомнѣніи смотрѣлъ въ окно. Затѣмъ въ нерѣшимости онъ началъ гулять по вагону и вернулся потомъ на свое мѣсто. Онъ скрестилъ руки и закрылъ глаза, все мрачнѣе сдвигая черныя брови.

Ясуико Хиджива не имѣлъ ни отца, ни матери. Отецъ его, самурай при династіи Кагошимы, погибъ во время революціи. Чума унесла его мать, когда ему было всего 6 лѣтъ. Тетка его, сестра его матери и мать Такео Кавашимы, взяла его на свое попеченіе. Она обращалась ласково съ Ясуико, но дядя не любилъ его. Въ праздники Такео одѣвали въ роскошныя шелковыя платья и сажали между почетными гостями, Хиджива же имѣлъ только одно ситцевое платье и былъ незначительнѣе всѣхъ. Такимъ образомъ онъ рано научился чувствовать свое положеніе, рано понялъ, что онъ, въ отличіе отъ Такео, у котораго были родители, богатство и знатность, долженъ самъ пробивать себѣ дорогу руками и головой. Разумѣется, онъ скоро научился ненавидѣть Такео и дядю.

Онъ быстро открылъ, что существуютъ два пути, по которымъ

можно идти впередъ,—широкій и узкій,—и поклялся брать всегда кратчайшій. Еще во время пребыванія въ военной школѣ, когда товарищи трудились надъ уроками и экзаменами, Хиджива искалъ знакомства съ вліятельными людьми своего округа и тщательно выбиралъ такихъ друзей, которые могли быть ему полезны въ будущемъ. Его способности быстро обнаружились послѣ экзаменовъ. Въ то время, какъ остальные еще не оправились отъ первой радости по случаю полученія чина, онъ устроился такъ, что попалъ въ главную квартиру. Товарищи были прикомандированы къ пѣхотнымъ полкамъ и должны были проводить все время въ безконечныхъ военныхъ упражненіяхъ и походахъ, Хиджива же имѣлъ завидный постъ, гдѣ важныя государственныя тайны повѣрялись его ушамъ.

Слѣдующій важный вопросъ былъ хорошая партія. Онъ понималъ, что на этомъ свѣтѣ можно пробиться только, благодаря хорошей женитьбѣ, точь-въ-точь какъ обезьяны спускаются къ водѣ, сплетая древесныя вѣтви. Онъ взвѣсилъ наличные рессурсы и нашелъ, что дочь маркиза должна выйти замужъ за барона, дочь графа за знатнаго офицера, а дочь милліонера за сына герцога. Его острые глаза остановились, наконецъ, на семействѣ генерала Катаока. Хотя генералъ жилъ уединенно, имя его было извѣстно всѣмъ, и онъ пользовался особымъ расположеніемъ при дворѣ. Хиджива быстро усмотрѣлъ его незамѣтное, но крупное вліяніе, и мало-по-малу постарался приблизиться къ нему подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ и удачно завязалъ знакомство съ его семьей. Онъ выбралъ старшую дочь, Нами. Онъ выбралъ ее, замѣтивъ, что она была любимицей генерала, тогда какъ мачиха не обращала на нее вниманія и хотѣла выдать ее замужъ возможно скорѣе.

И выборъ его подкрѣпился его любовью къ ея тихому и благородному характеру. Онъ выжидалъ случая. Генералъ былъ человѣкъ, никогда не выдававшій своихъ чувствъ, и Хидживѣ поэтому не легко было разобрать, какое впечатлѣніе онъ произвелъ на него. Зато онъ былъ увѣренъ, что привлекъ на свою сторону госпожу Катаока. Въ другой дочери, пятнадцатилѣтней и для своихъ лѣтъ очень развитой, Камѣ, онъ также пріобрѣлъ друга. У генерала было еще двое дѣтей отъ второй жены, но тѣ не интересовали его. Кромѣ того, была еще старая кормилица, Ику, служившая еще въ то время, когда была жива мать Нами, и оставленная, по особому желанію генерала, когда всѣ остальные служащіе были отпущены теперешней хозяйкой. Она постоянно находилась при Нами и Хиджива, повидимому, ей не нравился. Это немного его безпокоило, но онъ отбрасывалъ это, такъ какъ намѣревался посвататься къ Нами-санъ. Онъ нѣсколько лѣтъ выжидалъ благопріятнаго случая. Наконецъ, терпѣнье его истощилось. Онъ написалъ самое прекрасное любовное письмо, какое только могъ придумать, положилъ его въ двойной конвертъ, запечаталъ и напи-

салъ адресъ измѣненнымъ, женскимъ почеркомъ, послѣ чего послалъ его Нами по почтѣ.

Но въ тотъ же день онъ неожиданно получилъ командировку. Когда черезъ три мѣсяца онъ вернулся домой, его ожидалъ сюрпризъ: Нами, сватомъ у которой былъ графъ Като, членъ верхней палаты, вышла замужъ не за кого иного, какъ за его двоюроднаго брата, Такео Кавашиму.

Внѣ себя отъ озлобленія, по случаю этого неожиданнаго разочарованія, Хиджива разорвалъ въ клочки красивую шелковую матерію, купленную имъ для Нами въ Кіото, такъ какъ думалъ, что свѣтлые цвѣта предвѣщаютъ ему счастье.

Хиджива все же не могъ окончательно погибнуть отъ неудачи, и быстро возвратился къ своему обычному настроенію духа. Однако, онъ боялся, что понесетъ еще потерю и лишится вліятельнаго покровителя, если Нами покажетъ любовное письмо отцу или Такео.

Такъ какъ Нами была очень скрытна, то онъ не могъ знать, что она о немъ думаетъ, и при своемъ посѣщеніи въ Такасаки воспользовался поэтому случаемъ повидаться съ новобрачными въ Икао, чтобы разузнать, какъ обстоятъ дѣла. Одно чувство владѣло имъ теперь всецѣло—ненависть къ Такео.

Хидживѣ представилось, будто кто-то кричитъ: «Такео! Такео!» и онъ очнулся отъ своихъ грезъ. Выглянувъ въ окно, онъ увидѣлъ, что поѣздъ какъ разъ остановился у станціи, и кондукторъ кричалъ:

— Агео! Агео! Анамма!

Хиджива выбранилъ самого себя и началъ ходить взадъ и впередъ по вагону. Онъ пожималъ плечами, какъ бы желая стряхнуть съ себя что-то противное, потомъ сѣлъ. Но глаза его смотрѣли злобно, и ротъ былъ плотно сжатъ.

Поѣздъ отошелъ отъ Агео и, промчавшись съ быстротою молніи мимо нѣсколькихъ станцій, остановился у Оджи. Пять или шесть пассажировъ вошли въ вагонъ второго класса, песокъ на платформѣ заскрипѣлъ подъ ихъ ногами. Среди нихъ былъ мужчина лѣтъ пятидесяти. У него было темное, красное лицо, съ косо поставленными глазами, и подъ лѣвымъ глазомъ красная бородавка, величиной съ горошину. Онъ былъ богато одѣтъ въ двойныя платья изъ шелка ихираку, съ толстой золотой цѣпью, обвитой вокругъ бѣлаго креповаго пояса, и носилъ тяжелое золотое кольцо на правой рукѣ.

Когда онъ садился, онъ и Хиджива случайно взглянули другъ на друга.

— О, Хиджива-санъ!

— Да, какъ поживаете?

— Гдѣ вы были?—говоря это, мужчина съ красной бородавкой поднялся и сѣлъ рядомъ съ Хидживой.

— Въ Такасаки.

— Въ Такасаки?—вопросительно взглянувъ на собесѣдника, онъ прибавилъ негромко:—вы не торопитесь? Давайте, поужинаемъ вмѣстѣ.

Хиджива кивнулъ утвердительно. Недалеко отъ перевоза на Гашибѣ и совсѣмъ близко отъ воды стоялъ домъ, который легко могъ бы быть принятъ за модное мѣсто свиданій, еслибъ на вывѣскѣ не было написано: «Вилла Хіоцо Ямаки». Въ одной изъ комнатъ второго этажа, гдѣ фантастическая шимада *) могла бы прихорашиваться къ чарующей музыкѣ, и гдѣ картежники должны бы сидѣть на ярко красныхъ одѣялахъ, постланныхъ сверхъ зеленыхъ ковровъ, сидѣли теперь Хиджива и «Красная Бородавка», никто иной, какъ самъ владѣлецъ дома, Хіоцо Ямаки.

Дѣвушка, прислуживавшая имъ, была, повидимому, отослана. Передъ «Красной Бородавкой» лежала маленькая записная книжка, а поперекъ нея карандашъ. На листкахъ было записано множество именъ съ адресами и оффиціальными титулами. Они были отмѣчены разными знаками: кружкомъ, квадратомъ, треугольникомъ, или цифрами, или буквами, нѣкоторыя были зачеркнуты и на ихъ мѣсто вписаны другія.

— Топъ! Хиджива-санъ, значитъ, рѣшено? Но прошу васъ, извѣстите меня, какъ только все выяснится. Увѣрены ли вы въ томъ, что вамъ удастся?

— Совершенно. Министръ уже имѣетъ это. Но вы знаете, другіе тоже стараются, такъ что вамъ лучше быть пощедрѣе.—Онъ указалъ на фамиліи въ книжкѣ.—Этотъ вотъ—архинегодяй. Вы должны взяться за него хорошенько.

— Каковъ же онъ?

— Съ нимъ не стоитъ ссориться. Я знаю его не очень хорошо, но говорятъ, что онъ очень разборчивъ. Единственный способъ съ нимъ—это идти прямо къ дѣлу и на колѣняхъ. Но если это не пойдетъ—берегитесь!

— Я утверждаю,—есть много щепетильныхъ лицъ въ арміи, но навѣрное столько же, представляющихъ полную противоположность. Въ прошломъ году, когда мы заключали контрактъ относительно обмундировки этого полка, все шло спокойно, точь-въ-точь, какъ обыкновенно. Но былъ одинъ капитанъ—какъ это его звали?—съ рыжими усами. Онъ надѣлалъ-таки намъ массу непріятностей и отыскалъ какіе-то недостатки въ поставкѣ. А когда нашъ поставщикъ послалъ ему обычный ящикъ съ пирогами, онъ заявилъ, что не беретъ взятокъ, и что солдату постыдно позволять вліять на себя подарками. Вы бы посмотрѣли на него, какъ онъ подъ конецъ бросилъ ящикъ на полъ. Понимаете, онъ былъ полонъ серебра и только сверху лежалъ

*) Шимада—прическа японской пѣвицы, или гейши (какъ здѣсь), или незамужней молодой женщины.

тонкій рядъ пироговъ. Вотъ была непріятная дилемма! Пирожныя крошки и серебряныя деньги по всему полу! А онъ взбѣсился еще больше и сказалъ, что никогда не видѣлъ ничего позорнѣе, и пригрозилъ, что предастъ это дѣло гласности. Мы съ трудомъ успокоили его. Это была тяжелая работа. Вотъ такіе могутъ доставить затрудненія! По поводу затрудненій, Такео-санъ тоже изъ этого разряда. Почти невозможно растолковать ему. На-дняхъ...

— Такео унаслѣдовалъ столько денегъ отъ отца, что имѣетъ возможность дѣлать такъ, какъ хочетъ—быть упрямымъ и твердымъ, какъ чортъ. Но кто одинокъ, какъ я, вы знаете...

— О, я чуть не забылъ!—«Красная Бородавка» съ минуту посмотрѣлъ на Хидживу, затѣмъ вынулъ пять бумажекъ по пяти іенъ каждая.—Это на дорогу. Остальное послѣ.

— Благодарю, принимаю безъ оговорокъ.—Онъ быстро засунулъ ихъ въ карманъ. Но, Ямаки-санъ!

— Да?

— Старая истина: нельзя жать не посѣявъ.

Ямаки лукаво улыбнулся и похлопалъ Хидживу по плечу.

— У васъ голова на настоящемъ мѣстѣ, — сказалъ онъ. — Жаль, что вы по крайней мѣрѣ не начальникъ коммиссаріата.

Хиджива захохоталъ.

— Но, Ямаки, короткій мечъ героя Кіомасу хватаетъ дальше, чѣмъ три фута и три дюйма *) въ рукахъ ребенка.

— Хорошо сказано! Но, мой другъ, я предостерегаю васъ отъ этого дѣла. Непосвященному оно едва ли можетъ удасться.

— Ну, хорошо! Да, это рискованная игра, вы знаете. Но мнѣ нужно идти. Я пріѣду опять черезъ нѣсколько дней, какъ только узнаю что-нибудь. Нѣтъ, благодарю, лучше я возьму дорогой куруму.

— Какъ хотите. Мнѣ жаль, что жена не можетъ повидать васъ сегодня. Она у моей дочери.

— А, О-Тойо-санъ! Она больна?

— Да, уже съ мѣсяцъ. Поэтому жена пріѣхала съ ней сюда. Говорю вамъ, Хиджива-санъ, не женитесь слишкомъ рано и не заводите себѣ дѣтей. Нѣтъ ничего лучше, какъ быть холостякомъ, если хочешь зарабатывать деньги.

Хиджива покинулъ виллу Ямаки, и домохозяинъ и служанка проводили его до рѣшетки.

Разставшись съ своимъ гостемъ, Ямаки вернулся въ комнату. Подвижная дверь беззвучно отворилась, вошла среднихъ лѣтъ женщина и сѣла рядомъ съ нимъ. Цвѣтъ ея кожи былъ свѣтелъ, волосы жидки, и два переднихъ зуба были длиннѣе другихъ.

— Хиджива-санъ ушелъ?

---

*) Три фута и три дюйма—длина большого меча.

— Да, ушелъ только сейчасъ. Какъ здоровье о-Тойо?

Женщина съ длинными передними зубами сдѣлала серьезное лицо и отвѣчала: — Я совершенно теряю терпѣнье. Кане, — обратилась она къ служанкѣ, — ты можешь пойти погулять немножко. Сегодня она опять разбила чашку, и при малѣйшемъ поводѣ рветъ въ клочки платья и безумствуетъ на множество ладовъ. И ей теперь восемнадцать лѣтъ!

— Если все пойдетъ кругомъ, намъ придется отослать ее въ больницу Сугамо, бѣдняжку.

— Тутъ не надъ чѣмъ шутить. Ее очень жаль, по моему. Она сказала сегодня Таке: «Неблагодарный Такео-санъ! Какъ онъ жестокъ! Въ прошломъ году я послала ему къ новому году пару шерстяныхъ носковъ, которые сама связала, и вышитый носовой платокъ, и перчатки и нѣсколько мелочей, а въ этомъ году красную шерстяную жилетку, и все на собственныя деньги. И подумай, даже не справившись нисколько обо мнѣ, онъ женился на этой некрасивой, неуклюжей, высокомѣрной Нами-ко-санъ. О, какъ онъ жестокъ, жестокъ! Я дочь Ямаки. Почему я должна затмеваться Нами-ко-санъ? Какъ зло и жестоко!» И она заплакала. Милый, не можемъ ли мы сдѣлать что-нибудь для нея? Она такъ влюблена въ него.

— Вздоръ! «Какова мать, такова дочь», говоритъ поговорка. Ты какъ разъ подходящая мать для такой сумасшедшей дѣвчонки. Ты знаешь, Кавашима недавно получилъ дворянство, очень богатъ и совсѣмъ не глупъ. Я дѣлалъ все, что могъ, чтобъ женить его на О-Тайо, но все лопнуло. Свадьба была, и все кончено. Если только Нами-санъ не умретъ или они не разведутся, то нѣтъ никакой надежды. Оставь значитъ эти сумасбродные планы и постарайся выдать ее за какого-нибудь приличнаго человѣка. Ты такъ непредпріимчива!

— Все это глупости. Я не могу думать, какъ ты, и не такъ изворотлива, какъ ты—тебѣ пятьдесятъ лѣтъ и ты выставляешь себя посмѣшищемъ передъ женщинами!

— Тебѣ не зачѣмъ упражнять свое краснорѣчіе на мнѣ. Ты настоящая... злишься изъ-за пустяковъ. Я люблю О-Тойо столько же, сколько и ты. Она наша дочь. Поэтому, вмѣсто того чтобы мечтать о невозможномъ, я стараюсь придумать что нибудь, что сдѣлало бы ее счастливой на всю жизнь. Пойдемъ, О-Суми, пойдемъ къ ней и поболтаемъ немножко.

Они пошли вмѣстѣ по корридору къ комнатѣ О-Тойо.

Происхожденіе Хіоцо Ямаки было туманно, но онъ считался теперь однимъ изъ извѣстнѣйшихъ дѣльцовъ. Въ началѣ его карьеры ему много помогалъ покойный отецъ Такео, и онъ до сихъ поръ былъ преданъ семейству Кавашима. Нѣкоторые увѣряли, что это объяснялось тѣмъ, что родъ Кавашима былъ одинъ изъ богатѣйшихъ среди новаго дворянства, но это объясненіе, вѣроятно, было не совсѣмъ

вѣрно. Онъ жилъ въ Шибѣ и имѣлъ виллу около Гашибы, близъ перевоза. Прежде онъ былъ, какъ полагали, ростовщикомъ, теперь же, главнымъ образомъ, поставщикомъ въ армію, сынъ его былъ въ Америкѣ для изученія коммерціи, а дочь его Тойо совсѣмъ недавно кончила школу. О его женѣ — никто не зналъ, какъ и гдѣ онъ женился на ней—было извѣстно только, что она изъ Кіото. Она была простая женщина, и многіе удивлялись, какъ Ямаки могъ довольствоваться ею. Но дѣло въ томъ, что у него было много маленькихъ «подругъ», къ которымъ эпитеты «восхитительной, очаровательной, прелестной» и проч. подходили какъ нельзя лучше, и которыя постоянно ожидали его посѣщенія. И это не было тайной для его жены.

Въ альковѣ стояла арфа, мандолина и стеклянный ящикъ съ большой куклой. Въ одномъ углу былъ красивый письменный столъ, въ другомъ—большое зеркало, идущее отъ самаго пола. Невольно спрашивали себя, какая принцесса живетъ въ этой комнатѣ, видя стоявшую по срединѣ постель, на которой все было шелковое. На ней лежала дѣвушка лѣтъ семнадцати. Она лежала на боку и дико теребила волосы, уложенные въ большую шимаду. Кожа ея была свѣжа и щеки гладки и круглы. Она какъ будто была красива, но если сказать откровенно, то формы ея были чрезмѣрно круглы. Она держала ротъ открытымъ, какъ будто устала закрывать его, а глаза подъ тонкими бровями были окружены большими мѣшками и смотрѣли тускло, какъ бы затуманенные. У нея былъ такой видъ, какъ будто она только что проснулась отъ глубокаго сна.

— Дура!—крикнула она на дѣвушку, выходившую изъ комнаты и втихомолку хихикавшую надъ приказаніями своей барышни.

Тойо вскочила съ постели и начала какъ въ лихорадочномъ бреду разбрасывать постельное бѣлье. Потомъ она пошла въ альковъ и взяла большую картину, на которой была сфотографирована группа школьницъ въ одинаковыхъ хакамахъ. Она серьезно разсматривала ее острыми, какъ иголки, глазами и ткнула пальцами въ одинъ изъ портретовъ. Чтобы выразить свое отвращеніе, она начала царапать картину ногтями.

Кто-то отворилъ задвижную дверь.

— Кто это? Таке?

— Да, именно Таке, хорошенькая Таке.

И отецъ ея Ямаки вошелъ, смѣясь, вмѣстѣ съ матерью и сѣлъ около ея постели. Дѣвушка старалась спрятать картину и нагнулась надъ ней.

— Какъ ты чувствуешь себя, О-Тойо? Лучше? Что это у тебя? Покажи-ка! Дай-ка посмотрѣть, что это такое! Это, вѣдь, портретъ Нами-ко-санъ, или нѣтъ? Вотъ это мило. Какъ ты испортила его. Было бы во сто разъ лучше прочесть заклинаніе надъ какой-нибудь могилой, чѣмъ такъ по-дурацки вести себя.

Жена его воскликнула испуганно:

— Не совѣтуй же ей подобныхъ вещей!

— О-Тойо, ты дочь Хіоцо Ямаки, не правда ли? Будь добра и попытай счастья еще разъ! Вмѣсто того, чтобы быть вѣрной тому, кто даже не обращаетъ на твою любовь вниманія, постарайся заполучить сына милліонера, вродѣ Митсуи или Митсубуши, или сына маршала, перваго министра, или, еще лучше, какого-нибудь иностраннаго принца. Какъ ты можешь быть такъ глупа?

Злая и крикливая съ матерью, ея милость О-Тойо была чрезвычайно безпомощна съ отцомъ. Она оставалась мрачной и ничего не отвѣчала.

— Отвѣчай же, дитя мое! Ты не можешь забыть Такео? Ты его все еще любишь? Скажи, О-Тойо, хочешь поѣхать въ Кіото и немного поразвлечься? Это пріятная поѣздка. Тамъ есть много интереснаго, на что стоитъ посмотрѣть, а кромѣ того ты можешь поѣхать въ Нишиджинъ. Онъ славится своими тканями, и ты можешь купить себѣ красивое оби или нѣсколько платьевъ. Что ты скажешь объ этомъ? Ты не можешь сказать на это: нѣтъ, не правда ли? Ты давно не была тамъ. О-Суми,—сказалъ онъ, обращаясь къ женѣ,—ты тоже можешь поѣхать съ О-Тойо.

— Ты тоже ѣдешь съ нами, я полагаю?—спросила она.

— Я? Какія глупости! Ты не знаешь, какъ я занятъ.

— Тогда и я не поѣду.

— Это еще что? Развѣ ты не дѣлаешь, что я говорю?

— Ха, ха!

— Что?!

— Ха, ха, ха!

— Чего ты такъ хохочешь? Скажи, почему ты не хочешь ѣхать?

— Я не могу пустить тебя на всѣ четыре стороны.

— Ба! Какъ ты можешь говорить такія вещи при О-Тойо! О-Тойо, твоя мать говоритъ неправду. Не обращай на нее вниманія!

— Нечего разыгрывать передо мной святошу,—отвѣтила О-Суми.

— Я не желаю слушать такой вздоръ! Ну, О-Тойо, не грусти. Будь добра. Немножко терпѣнія, и все пойдетъ хорошо.

Глава V.

Генералъ у себя дома.

Въ одну субботу вечеромъ, въ серединѣ іюня, когда каштановыя деревья цвѣли вокругъ дома въ Акасакѣ, графъ, генералъ-лейтенантъ Катаока сидѣлъ, удобно развалившись на стулѣ передъ письменнымъ столомъ. Ему немногимъ перевалило за пятьдесятъ, но затылокъ его былъ уже нѣсколько обнаженъ и волосы начали сѣдѣть. Его тучная особа вѣсила больше двухсотъ фунтовъ, и даже «Арабъ» вспотѣлъ

бы подъ нимъ. Толстая шея его исчезала между могучими плечами, и двойной побородокъ соединялся съ грудью. Животъ его былъ огроменъ, а ноги толсты, какъ у слона. Лицо его побурѣло отъ загара, у него была большой носъ и толстыя губы, но борода была рѣдкая, а брови плохія. Глаза же, наоборотъ, противорѣчили всей его внѣшности. Они были совсѣмъ маленькіе и привѣтливо смотрѣли на людей. И вокругъ рта всегда играла улыбка, придававшая черту добродушія всей его фигурѣ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ генералъ однажды охотился въ горной мѣстности. Онъ былъ одѣтъ въ свое обычное платье. И когда онъ попросилъ чашку чая въ маленькой избушкѣ, гдѣ жила одинокая женщина, то послѣдняя, тщательно разсматривавшая его, выразила изумленіе въ слѣдующихъ словахъ:

— Какой жирный! У тебя, кажется, еще нѣтъ охотничьей добычи?

Генералъ улыбнулся и отвѣтилъ:

— Нѣтъ еще.

— О, ты не можешь жить охотою. Ходи на поденную работу, говорю тебѣ, и ты за свою толщину будешь получать пятьдесятъ сенъ *).

— Черезъ мѣсяцъ?

— Что ты, черезъ годъ, разумѣется. Но только работай. Для начала можешь получить немножко работы у меня.

— Благодарю за совѣтъ! Я, можетъ быть, приду и поймаю васъ на словѣ.

— Отлично! Жалко тратить такое прекрасное тѣло на охоту.

Этотъ комическій маленькій эпизодъ былъ излюбленнымъ разсказомъ, которымъ онъ забавлялъ своихъ гостей. И люди, не знавшіе его, легко могли судить о немъ такъ же, какъ и эта старуха. Но знавшіе его, знали, что этотъ вѣрный солдатъ былъ словно желѣзная стѣна въ тревожныя времена. Спокойный, какъ богъ, и массивный, какъ маленькая гора, онъ вселялъ мужество въ цѣлое войско солдатъ, если грозила опасность.

На столѣ около него стоялъ синій кувшинъ съ прямымъ карликовымъ бамбукомъ. Наверху на стѣнѣ висѣли портреты императора и императрицы. Ниже на той же стѣнѣ висѣла картина съ буквами, нарисованными Наншу и обозначавшими: «Будь милосердъ». На книжной полкѣ ряды книгъ, на рѣшеткѣ очага и на угловой этажеркѣ— портреты японцевъ и иностранцевъ, изъ коихъ нѣкоторые были въ военной формѣ.

Зеленыя гардины были откинуты въ сторону, и шесть оконъ на востокъ и западъ стояли широко растворенными. На востокѣ, надъ переполненными толпой улицами, видѣлся Тами-маши и кудрявые холмы Рейнана, надъ которыми крѣпость Атаго вздымала свои зубцы.

*) Сена, около копейки.

Высоко въ воздухѣ кружилъ коршунъ. Садъ былъ обращенъ на югъ и затѣненъ цвѣтущими каштановыми деревьями. Сквозь промежутки въ листвѣ можно было видѣть Хикава-Шринъ, гдѣ на дворѣ зеленымъ скипетромъ поднимался тополь.

Лѣтнее небо свѣтило изъ этого окна, какъ голубой шелкъ. Вездѣ въ свѣжей зелени великолѣпно распускались похожія на бѣлые хохолки цвѣточныя кисти, выдѣлявшіяся на голубомъ воздухѣ. Одна вѣтка протянулась къ самому окну, отягченная цвѣтами, какъ эполетами, и цвѣточные лепестки впивали весь свѣтъ солнца и преломляли его въ изумрудные, сапфировые и янтарные лучи. При малѣйшемъ дыханіи вѣтерка благоуханіе стремилось въ комнату. Благоухающія лавандой тѣни танцовали на страницѣ «Сибирской желѣзной дороги въ наши дни», которую генералъ держалъ въ рукѣ. На минуту онъ закрылъ свои маленькіе глазки и глубоко вздохнулъ, но затѣмъ, медленно взглянувъ вверхъ, снова обратилъ ихъ на книгу.

Гдѣ-то со скрипомъ вытащили колодезную бадью, но затѣмъ все быстро стихло. И послѣобѣденный покой спустился надъ домомъ, какъ вдругъ показались два малыша, совѣщаясь, какъ бы имъ пробраться въ комнату. Сначала они просунули головы въ полуотворенную дверь, но тотчасъ же спрятали ихъ опять, причемъ послышалось сдавленное хихиканье. Одинъ былъ восьмилѣтній мальчикъ, въ матросскомъ костюмѣ, товарищъ его—дѣвочка двумя-тремя годами моложе. Длинные волосы свисали ей на глаза, и она была одѣта въ платьице съ красной каймой и въ красное оби.

Оба проказника съ минуту поколебались, но имъ стало невозможно дожидаться дольше, они раздвинули дверь во всю ширину и ворвались въ комнату. Бумажная крѣпость «Сибирская желѣзная дорога въ наши дни» была легко взята штурмомъ, они напали на генерала и забрали въ плѣнъ его массивныя колѣна, «Морякъ» справа, а «Кудрявая головка»—слѣва.

— Папа!

— Уроки кончились?—спросилъ генералъ, смѣясь, голосомъ, выходившимъ изъ глубины его тучнаго тѣла. И онъ похлопалъ «Моряка» по спинѣ и погладилъ волосы «Кудрявой головки».

— Какъ прошелъ экзаменъ? Хорошо?

— Папа, я получилъ А по ариѳметикѣ.

— Папа, учительница похвалила меня за рукодѣлье!

«Кудрявая головка» вынула свою работу и положила ее на колѣни отцу.

— Славно! Славно!

— Потомъ В за чистописаніе и чтеніе, а всѣ остальные С. Но потомъ меня поколотилъ Мина-Ками. Это меня разозлило!

— Хорошо! А о чемъ же ты читалъ сегодня?

«Морякъ» просіялъ и отвѣтилъ:

— Да, папа, о Масатсурѣ. Мнѣ ужасно нравится Масатсура. Кто больше, Масатсура или Наполеонъ?

— Оба они великіе люди.

— Папа, я люблю Масатсуру, но по моему моряки шикарнѣе. Папа въ арміи, но я пойду во флотъ!

Генералъ смѣялся.

— Тогда ты будешь матросомъ подъ командой Такео-сана.

— О, онъ только лейтенантъ. Я буду генералъ-лейтенантомъ!

— Во флотѣ это называется не такъ. Это называется адмираломъ. Ты будешь адмираломъ.

— Но, папа, ты, вѣдь, генералъ-лейтенантъ. Папа, генералъ-лейтенантъ лучше лейтенанта, правда?

— Лейтенантъ или генералъ,—кто толковѣе, тотъ и лучше.

— Папа, папа! послушай папа! — кричала «Кудрявая головка» и вскочила на колѣна къ отцу.—Учительница разсказывала такую смѣшную исторію — о кроликѣ и черепахѣ. Хочешь я разскажу тебѣ ее? Были разъ кроликъ и черепаха... Смотри-ка, вонъ мама идетъ!

Часы въ эту минуту пробили два, и высокая дама, лѣтъ около сорока, вошла въ комнату. Волосы ея были причесаны на иноземный манеръ, завиты и раздѣлены проборомъ надъ высокимъ лбомъ. Большіе глаза шли нѣсколько вкось и выдавали ея властный характеръ. Темная кожа ея была слегка нарумянена, а зубы были очень бѣлы. Она была одѣта въ изысканно изящное платье съ чернымъ шелковымъ оби, на пальцахъ ея сверкали драгоцѣнныя кольца.

— Вы опять повисли на папу.

— Да, я разспрашивалъ ихъ о школѣ. Ну, теперь время и папѣ заняться своимъ урокомъ. Ступайте играть. А потомъ мы всѣ вмѣстѣ пойдемъ гулять.

— О, какъ весело! — воскликнула «Кудрявая Головка».

— Ура! — кричалъ «Морякъ».

Дѣти взялись за руки и, подпрыгивая отъ восхищенія, выбѣжали изъ комнаты. Издали доносились крики «ура» и «пусти меня, Ки-шанъ!»

— Говори, что хочешь, но ты слишкомъ распускаешь дѣтей.

Генералъ улыбнулся.

— Не совсѣмъ такъ. Но дѣти чувствуютъ себя лучше, когда знаютъ, что ихъ любятъ.

— Но, другъ мой, ты знаешь: строгій отецъ и нѣжная мать—говорится даже въ народѣ. Но если ты ихъ такъ балуешь, то пословица не оправдывается, и наказывать ихъ приходится всегда мнѣ. Бѣдная я, въ концѣ концовъ я сдѣлаюсь для нихъ настоящимъ пугаломъ.

— Ну, не упрекай меня такъ. Прошу тебя, будь немножко снисходительной. Итакъ, магистръ, будьте добры, садитесь!

Генералъ, улыбаясь, взялъ со стола старую книгу и началъ мед-

ленно читать ломаннымъ языкомъ по-англійски, со своимъ сатсульскимъ акцентомъ.

Жена слушала внимательно и изрѣдка поправляла его.

Это былъ ежедневный урокъ генерала. Отличившись во время революціи 1868 года, онъ дѣлалъ такую блестящую карьеру, что ему не оставалось времени на изученіе иностранныхъ языковъ. И только теперь, въ послѣдній годъ онъ вышелъ въ отставку. Нѣсколько часовъ своего свободнаго времени онъ тотчасъ же посвятилъ англійскому языку. И госпожа Шиге вызвалась помочь ему. Она была дочерью почтеннаго Хошу Самурая и такъ долго прожила въ Лондонѣ, что едва ли можно было достать лучшаго учителя въ Японіи. Она такъ пропиталась западными идеями, что старалась вести весь свой домъ такъ, какъ видѣла и научилась въ этой далекой странѣ. Но старанія ея удавались плохо. Слуги втихомолку смѣялись надъ ея незнаніемъ, а дѣти питали бо́льшую склонность къ своему добродушному отцу. Подобныя неудачи и восточный нравъ ея мужа, никогда не привязывавшагося къ мелочамъ, часто выводили изъ себя бѣдную Шиге.

Наконецъ, послѣ неслыханныхъ усилій, генералъ дочиталъ страницу и только что хотѣлъ начать переводить, какъ дверь отворилась, и вошла красивая дѣвушка лѣтъ пятнадцати, съ повязанной въ волосахъ красной лентой. Увидя отца, держащаго маленькую книжку въ своей большой рукѣ и читающаго такимъ же тономъ, какъ школьники, она начала неудержимо хохотать и возвѣстила:

— Мама, тетя Като въ твоей комнатѣ.

— Развѣ?

Шиге чуть-чуть сдвинула брови и, казалось, выжидала, чтобы мужъ сказалъ что-нибудь.

И генералъ облегченно потянулся и придвинулъ къ себѣ стулъ, говоря:

— Попроси ее пройти сюда!

— Добрый вечеръ! — ласково привѣтствовала сорокапятилѣтняя дама, входя въ комнату. На ней были синіе очки, вѣроятно, чтобъ предохранить ея слабые глаза отъ свѣта. Она была немного похожа на Нами-санъ, и не безъ причины, такъ какъ была сестрой первой жены генерала Катаока. Она была замужемъ за графомъ Като, членомъ верхней палаты, и это она, вмѣстѣ съ мужемъ, служила посредницей при замужествѣ Нами съ Такео.

Генералъ съ улыбкой подвинулъ ей стулъ и задернулъ маленькую гардинку на противоположномъ окнѣ.

— Садись, пожалуйста!—попросилъ онъ.—Давненько мы тебя не видали. Твой мужъ очень занятъ теперь?

— О да! Онъ точь-въ-точь садовникъ, всегда съ ножницами въ рукахъ. Сейчасъ еще слишкомъ рано для ирисовъ, но гранатовыя де-

ревья, которыми онъ такъ гордится, стоятъ въ полномъ цвѣту, и розы тоже распускаются. Приходите посмотрѣть на нихъ. Онъ просилъ меня спеціально пригласить васъ. — Она обернулась къ госпожѣ Катаока.—И возьмите съ собой Ки-шанъ и Ми-шанъ.

Откровенно говоря, графиня не особенно любила госпожу Като. Большое различіе въ воспитаніи и характерѣ дѣлало взаимное пониманіе почти невозможнымъ. И, кромѣ того, графиня не могла забыть, что она была сестрой первой жены, и это мучило ее. Она желала одна властвовать надъ сердцемъ генерала и держать въ домѣ скипетръ, какъ королева. Но тутъ была сестра первой жены, которая не только являлась для генерала ея вѣрнымъ изображеніемъ, но и, симпатизируя втайнѣ Нами и кормилицѣ Ику, напоминала ему о томъ, что было. И, оживляя такимъ образомъ воспоминаніе о покойницѣ, она оспаривала ея власть, и это она не могла перенести. Теперь когда Нами и Ику уѣхали, все враждебное исчезло, но каждый разъ, какъ она видѣла графиню Като, ей казалось, точно покойница встаетъ изъ гроба, чтобы отнять у нея мужа и ея достоинство, какъ хозяйки, и критиковать ея манеру вести хозяйство, которую она съ такимъ трудомъ выдумала.

Графиня Като вынула нѣсколько мелочей изъ своего шелковаго мѣшечка.

— Это для маленькихъ Ки-шанъ и Ми-шанъ. Развѣ уроки еще не кончились? Я ихъ не вижу. О, вотъ смотри-ка! — Она протянула искусственный цвѣтокъ дѣвушкѣ съ красной лентой, какъ разъ вошедшей съ чашками чая. — Маленькій подарочекъ для Кома-санъ!

— Очень, очень благодарю! Это очень ихъ порадуетъ.

Графиня Катаока положила подарки на столъ. Въ эту минуту слуга доложилъ, что какой-то господинъ изъ Краснаго Креста желаетъ съ ней поговорить. Уходя, она кивнула Комѣ и что-то шепнула ей. И дѣвушка пробралась назадъ и спряталась за гардину, въ то время какъ мать пошла по корридору въ гостиную.

Кома съ красной лентой была дочерью первой жены. Несмотря на это, графиня очень любила ее, хотя терпѣть не могла Нами. Графиня считала молчаливую и замкнутую Нами упрямой и хмурой, но любила младшую сестру за ея живой нравъ, такъ подходившій къ ея собственному. Чтобы хорошенько проучить Нами и показать свѣту, каковы могутъ быть мачихи, она настолько же баловала Кому, насколько ея мужъ былъ слабъ къ Нами. Есть правило, гласящее, что деспотическій человѣкъ дѣлаетъ такъ, какъ хочетъ, не обращая вниманія на другихъ, но, съ другой стороны, онъ часто бываетъ лишенъ критики. Никто такъ не податливъ на лесть, какъ онъ. Графиня Катаока была образованная и одаренная женщина, всегда бывшая сильнѣе своего мужа въ доказательствахъ, какъ ни велика была его военная слава, но, въ противоположность ему, находившему друзей всюду, куда онъ

ни приходилъ, она всегда была одинока. И въ одиночествѣ своемъ радовалась тѣмъ, кто держались за ея юбку. Честные и откровенные слуги разсчитывались одни за другими и замѣнялись льстивыми и низкопоклонными. Кома-санъ, разумѣется, не имѣла причины не любить свою сестру, но когда замѣтила, что мачихѣ нравилось, если она дурно говорила о Нами, она быстро усвоила себѣ скверную привычку разсказывать разныя исторіи, такъ что Ику дѣлала ей гримасы. Однако, графиня, повидимому, спеціально интересовалась ими и давала ей часто, даже послѣ замужества Нами, маленькія порученія подобнаго рода.

Кома, стоявшая у другого окна на восточной верандѣ, слышала грубый смѣхъ отца въ перемежку съ болѣе звонкимъ смѣхомъ тетки. Но голоса быстро понизились, и она не могла различать словъ. Изрѣдка вѣтеръ доносилъ до нея слова «свекровь» и «Нами-санъ»; тѣмъ внимательнѣе прислушивалась молодая дѣвушка съ красной лентой въ волосахъ.

„Тогда сбираются смѣлые герои въ обширной странѣ,
Безчисленна дикая толпа враговъ.
Люди Кам'куры, вамъ не прилично страдать боязнью,
Вы никогда не дрожали передъ смертью и опасностью!"

«Морякъ» бѣжалъ, напѣвая эту пѣсенку, и увидѣлъ «Красную Шапочку», неподвижно стоявшую на верандѣ. Несмотря на ея попытки заставить его замолчать,—она закрывала ротъ рукой, качала головой и въ заключеніе повернулась къ нему спиной, — онъ вбѣжалъ стремглавъ, крича: «Кома-шанъ! что ты тамъ дѣлаешь?» Она снова постаралась остановить его, но раздраженная множествомъ «что?» злобно крикнула: «фу!» Затѣмъ убѣжала сама, пожимая плечами надъ своей глупой неудачей. «Шпіонка!» крикнулъ «Морякъ» ей вслѣдъ и пошелъ въ комнаты. Увидѣвъ тетку, онъ, улыбаясь, поклонился и сталъ затѣмъ возлѣ отца.

— Мой милый Ки-шанъ, кажется, ты выросъ съ тѣхъ поръ, какъ я видѣла тебя въ послѣдній разъ. Ты ходишь въ школу каждый день? Да? А изъ ариѳметики! Это пріятно слышать! Приходи же къ намъ въ гости вмѣстѣ съ папой и мамой.

— Гдѣ Миши? Посмотри, вотъ тетинъ подарокъ. Нравится ли онъ тебѣ?—Генералъ далъ ему пирогъ и прибавилъ:—ты не знаешь, гдѣ мама? Она еще въ гостиной? Скажи ей, что тетя уходитъ.

Когда ребенокъ вышелъ, генералъ задумчиво посмотрѣлъ на свою гостью и сказалъ:

— Прошу тебя, устрой это съ Ику безотлагательно, будь такъ добра. Я все время думалъ, что такъ оно и выйдетъ. Я бы не отправилъ ее съ ними, но Нами этого хотѣлось, и ей тоже. Да. И ты понимаешь, что я хочу сказать.

Разговоръ былъ прерванъ госпожой Катаока, которая вошла и сказала, глядя на графиню Като:

— Развѣ ты уходишь такъ скоро? Мнѣ очень жаль, что я была занята этимъ посѣтителемъ. Онъ только что ушелъ. Онъ опять приходилъ говорить о благотворительномъ базарѣ. Боюсь, съ нимъ немного можно будетъ подѣлать. Такъ ты уже уходишь? Пожалуйста передай мой поклонъ Шицу-ко-санъ. Я очень скучаю по ней съ тѣхъ поръ, какъ Нами уѣхала.

— Она была нездорова и долгое время не выѣзжала съ визитами. Прощайте.

— Прощай!

— Я провожу тебя немножко,—сказалъ генералъ.—О, чуть-чуть. Ки и Ми, идемте съ нами!

Графиня Катаока сѣла въ кресло въ кабинетѣ, смотря на проспектъ, идущій до базара. Она кивнула Комѣ.

— Кома-санъ, о чемъ они говорили?

— Да, мама, я не очень-то хорошо слышала. Что-то объ Ику.

— Объ Ику?

— Да, кажется. Старуха-мать Такео-сана заболѣла ревматизмомъ и очень раздражительна. И одинъ разъ Ику говорила объ ней въ комнатѣ Нами-санъ. «Чего это старуха такъ ворчитъ?—сказала она.— «Мнѣ васъ жалко. Но она стара, такъ что когда-нибудь да умретъ же!» Ну, не глупа ли Ику, мама, чтобы такъ говорить?

— Она постоянно устраиваетъ непріятности, старая пустомеля.

— И случилось какъ разъ такъ, что та вошла въ комнату и слышала, что говорила Ику, и ужасно разозлилась.

— Да, вотъ что бываетъ, когда подслушиваютъ.

— Она такъ разозлилась, что Нами было ужасно много непріятностей, и она пошла къ тетѣ Като.

— Къ тетѣ?

— Нами со всѣмъ идетъ къ ней.

Графиня улыбнулась презрительно.

— Тогда папа сказалъ, что отошлетъ Ику на виллу, чтобъ она присматривала за ней.

— Онъ сказалъ это?—вырвалось у графини.—Это все?

— Я бы послушала еще, но тутъ какъ разъ прибѣжалъ Ки-шанъ, такъ что я ничего не слышала больше.

Глава VI.

Свекровь.

Мать Такео звали Кеи, и ей было пятьдесятъ три года. За исключеніемъ рѣдкихъ припадковъ ревматизма, она пользовалась отличнымъ здоровьемъ. Увѣряли, что она легко проходила десять миль до кладбища, на которомъ былъ погребенъ ея мужъ. Она вѣсила болѣе полутораста фунтовъ, и немногія дамы изъ общества превосходили ее

въ этомъ отношеніи. Полнота ея началась лѣтъ шесть назадъ, когда умеръ ея мужъ, Мишитаке, до того она была блѣдна и тонка, какъ спица. Шутники сравнивали ее съ гуттаперчивымъ мячемъ, раздувавшимся снова, какъ только переставали сжимать его.

Мужъ ея былъ самурай династіи Кагошима, и не много значилъ, когда женился. Но онъ выдвинулся во время революціи и довольно долго былъ выдающимся намѣстникомъ при министерствѣ Окубо. Однако, онъ былъ безпощадной натурой и оттолкнулъ отъ себя товарищей, за исключеніемъ немногихъ, между ними графа Като. Послѣ сверженія Окубо, онъ уже не пользовался большимъ общественнымъ довѣріемъ. Правда, онъ получилъ баронскій титулъ, за то, что, какъ говорили, имѣлъ счастье родиться въ Кагошимѣ. Чтобы усыпить свое неукротимое неудовольствіе, Мишитаке, упрямый какъ татаринъ, сталъ пить, и пропустивъ бакаловъ пять саке, каждый по полу-литру слишкомъ, онъ посматривалъ на общество, поднявъ плечи, съ лицомъ, краснымъ, какъ у дьявола, и никто не осмѣливался противорѣчить ему.

Такого печальнаго хозяйства, какъ въ семьѣ Кавашима, съ трудомъ можно было найти. Весь домъ дрожалъ передъ тираномъ, и семья жила точно въ грозу подъ высокимъ деревомъ, не защищенная громоотводомъ. За исключеніемъ Такео, который ребенкомъ сдѣлалъ отца своей любимой куклой и не зналъ лучшаго, чѣмъ онъ, товарища игръ,—жена его, слуги и даже ширмы въ комнатахъ знали тяжесть хозяйской руки. Даже Ямаки, крупный коммерсантъ, былъ хорошо знакомъ съ этой рукой, но все же никогда не пропускалъ визита къ Кавашимѣ и находилъ это дешевой цѣной за то, что пріобрѣлъ посредствомъ его милости или немилости—какъ угодно.

Когда разносилось, что его милость не въ духѣ, даже крысы въ кухнѣ переставали грызть, и когда его злобный голосъ гремѣлъ по всему дому, какъ громъ, даже самый ловкій слуга въ страхѣ ронялъ ножи. А подчиненные офицеры, дежурившіе при немъ, обыкновенно справлялись сначала у прислуги, съ какой стороны дуетъ вѣтеръ.

Подумайте, какая невѣроятная кротость требовалась отъ госпожи Кеи въ теченіе безъ малаго тридцати лѣтъ ея супружеской жизни. Пока были живы родители мужа, она не находила ничего особеннаго въ его характерѣ, но какъ только они умерли, одинъ вскорѣ послѣ другого, свойства ея мужа выступили въ настоящемъ освѣщеніи, и ея терпѣніе подверглось тяжелому испытанію. Сначала она противилась, но скоро убѣдилась, что это ни къ чему. Она перестала держать голову прямо. Она склонялась, какъ тростникъ подъ вѣтромъ, или, что считается лучшей самозащитой, обращалась въ бѣгство.

Со временемъ она, однако, научилась справляться съ нимъ, и иногда дѣлала по своему, но мужъ ея все-таки не измѣнился. Послѣдніе три, четыре года его жизни онъ былъ одержимъ совершеннымъ бѣшенствомъ, отягчаемымъ еще алкоголемъ, и, несмотря на свои двад-

цать лѣтъ опыта, она глубоко чувствовала горечь своей несчастной жизни. Она часто думала, несмотря на своего любимаго сына Такео и сѣдые волосы, что предпочла бы быть замужемъ за могильщикомъ и жить тихой, незамѣтной жизнью, чѣмъ пользоваться сомнительной честью, быть баронессой и женой намѣстника. Но время шло, и тридцать лѣтъ уже протекло, когда она увидѣла своего злого мужа Мишитаке неподвижно лежащаго въ гробу, съ безжизненнымъ лицомъ, обращеннымъ къ небу. Она испустила вздохъ облегченія и, бѣдное существо, залилась слезами.

Она плакала, но отъ освобожденія, а вмѣстѣ со свободой пришла и жажда власти. Пока былъ живъ ея крупный и громогласный мужъ, ей ничего не приходилось говорить. Но теперь она выползла изъ своего угла и выросла въ ширину вмѣстѣ съ властью. Тѣ, кто видѣли, какъ она была робка при жизни мужа, находили перемѣну совершенно невѣроятной. Одинъ философъ сказалъ когда-то, что мужъ и жена, какъ духовно, такъ и тѣлесно, дѣлаются все болѣе похожими другъ на друга съ каждымъ годомъ. Правда или нѣтъ, но такъ было съ госпожой Кеи. Весь ея видъ, вся манера и, прежде всего, ея вспыльчивость были не что иное, какъ настоящій двойникъ ея покойнаго мужа.

«Если убить кого-нибудь въ Нагасаки, то родится врагъ въ Іедо», говоритъ пословица, указывающая на особый законъ дѣйствія и взаимодѣйствія въ природѣ. Какой-нибудь либералъ можетъ проявить въ парламентѣ текучее краснорѣчіе противъ существующаго порядка, но какъ многіе подозрѣваютъ, его пылъ есть въ значительной мѣрѣ жажда мести противъ лихоимца, вчера высосавшаго его кровь. Низкое давленіе воздуха въ Китайскомъ морѣ вызываетъ наводненіе въ средней Японіи, и вслѣдствіе почвенныхъ обваловъ въ глубинѣ Тускароры море заходитъ на берега. Природа всегда стремится къ равновѣсію. И чтобы достигнуть этого равновѣсія, робкій ведетъ себя какъ скупецъ, имѣющій получить платежи по долговымъ обязательствамъ и не дающій ни дня отсрочки, тогда какъ великодушный полагается на Провидѣніе. А какъ ищетъ малодушный удовлетворенія? Онъ слѣдуетъ закону движенія и нападаетъ тамъ, гдѣ противодѣйствіе слабѣе. Такъ говоритъ одинъ знатокъ людей.

Баронесса Кавашима, кротость которой подвергалась самымъ крайнимъ испытаніямъ, рѣшила, что теперь настала и ея пора. И не успѣли еще хорошенько привинтить крышку гроба, какъ баронесса широко распахнула дверь своего терпѣнія. Того, кого она всего больше боялась, не стало, и его ненавистная рука уже не лежала на ней тяжело. Она показала, что молчала не потому, что ни о чемъ не думала. Она хотѣла показать, что она его лучшая половина, и потребовала лицъ, которымъ онъ давалъ взаймы денегъ. Суммы значительно возросли отъ того, что платежъ ихъ откладывался съ года на годъ. Между ними была во всякомъ случаѣ большая разница. Покойный баронъ

смотрѣлъ на вещи скорѣе широко, и хотя онъ былъ горячъ, но въ гнѣвѣ его было что-то почти симпатичное, жена же его была себялюбива, подозрительна, мелочна и совершенно лишена чувства мужской справедливости. Она была несносна, и слугамъ при ней жилось, пожалуй, еще хуже.

И она была свекровью Нами.

Для каждой новобрачной послѣ свадьбы наступаетъ время испытанія, такъ какъ она должна утвердить свои права въ качествѣ молодой жены. Какъ бы она раньше ни заплетала волосы, теперь она должна причесывать ихъ въ марумаге, что ей дозволяется только по выходѣ замужъ. Несмотря на это, случается, что какой-нибудь невѣжественный курумщикъ назоветъ ее барышней, что должно быть обидно для замужней женщины, не имѣющей мужества самой разъяснить ошибку. Дома она тоже чувствуетъ себя смущенной, когда слуги величаютъ ее «барыней», титулъ, еще слишкомъ почетный для нея. Но она быстро привыкаетъ къ новому положенію и начинаетъ видѣть обстоятельства въ ихъ настоящемъ свѣтѣ, тогда какъ раньше, по скромности, воспринимала ихъ какъ сквозь туманъ. Нами какъ разъ достигла этого поворотнаго пункта въ своей жизни.

Такъ какъ нравы и обычаи мѣняются съ каждой семьей, то она знала, что не должна мѣрить новый домъ той же мѣркой, что и старый. Она не должна была забывать, что Нами Катаока уже болѣе не существуетъ, что она теперь Нами Кавашима. То были послѣднія слова, сказанныя ея нѣжнымъ, заботливымъ отцомъ, когда она стояла въ своемъ вѣнчальномъ нарядѣ, и коляска дожидалась ее. Она помнила совѣтъ, и видѣла въ новомъ домѣ, что разница была огромна.

Домъ Кавашимы былъ роскошнѣе дома ея отца. Онъ считался однимъ изъ самыхъ видныхъ среди новаго дворянства, ибо состояніе, накопленное отцомъ Такео, было значительно. Ей казалось, однако, что по сравненію съ семействомъ Катаока, такъ любимомъ изъ-за ея отца, и гдѣ все было привѣтливо и свѣтло, какъ солнце, здѣсь все было мрачно, какъ лужа. Родственниковъ было немного, знакомыхъ мало, и даже тѣ, которые заходили при жизни отца Такео, отстранились послѣ его смерти. Кромѣ того вдова не любила общества, а сынъ, который долженъ бы быть представителемъ дома, былъ слишкомъ еще молодъ и имѣлъ слишкомъ незначительный чинъ, да кромѣ того мало могъ бывать дома. Свекровь Нами не любила ничего новаго или веселаго, но зато, разумѣется, была очень щедра на наставленія. Она была такъ бережлива, что вызывала осужденіе слугъ, имѣвшихъ здравыя понятія о домашнихъ потребностихъ. Но что бы ни говорили, все было, какъ всегда у офицеровъ, чисто и благородно.

Какая разница дома и здѣсь! Здѣсь царили старомодные обычаи и деревенскія привычки, какъ будто они одни и существовали на свѣтѣ. Старуха вела хозяйство совершенно такъ, какъ тридцать лѣтъ

назадъ, когда была женой бѣднаго самурая. Привычка дѣлать все собственными руками, прежде бывшая необходимостью, теперь превратилась въ ея вторую натуру. Тасаки, толковаго и честнаго малаго, прежде бывшаго только простымъ слугой, она сдѣлала управляющимъ, и сама высчитывала ежемѣсячные расходы на дрова, угли и прочее, точка въ точку. И когда Ику пріѣхала въ качествѣ горничной Нами, вдова сказала съ изумленіемъ: «Нечего сказать, важные господа!» То, что Ику должна была оставить домъ, зависѣло не только отъ гнѣва, вызваннаго ею, когда она говорила въ тотъ разъ съ Нами о старухѣ.

Нами была умна, но она все же была молода, и потому было удивительно, что она умѣла такъ хорошо приспособиться къ инымъ привычкамъ новаго дома. Но Нами въ совершенствѣ понимала важность отцовскаго совѣта и рѣшила довольствоваться своимъ новымъ положеніемъ. И случай проявить свое рѣшеніе на дѣлѣ не заставилъ себя долго ждать.

Вскорѣ послѣ возвращенія изъ Икао Такео получилъ приказъ выйти въ море. Нами знала, что разъ она вышла замужъ за моряка, то должна была иногда оставаться одна, но ей показалось ужаснымъ разставаться такъ скоро послѣ свадьбы, и нѣкоторое время она просидѣла совершенно молча.

Отецъ Нами зналъ Такео до свадьбы и очень любилъ его. И она повѣрила своему отцу на слово и сказала «да». И оказалось, что она поступила правильно. Она нашла Такео мужественнымъ и благороднымъ, прямодушнымъ и сердечнымъ Въ немъ не было ни тѣни низости, онъ былъ настоящимъ портретомъ ея любимаго отца. Даже его походка, быстрая и смѣлая, его смѣхъ, похожій на дѣтскій, напоминали отца. «Я счастлива,—думала она,—что имѣю такого мужа!» И она полюбила его всѣмъ сердцемъ. И Такео тоже питалъ къ ней безраздѣльную любовь, потому что она была такъ нѣжна. Онъ самъ еще былъ почти ребенкомъ, и ему казалось что онъ получилъ и сестру, и жену въ то же время, и ласкалъ ее, называя «своей милой Нами-санъ». Прошло всего три мѣсяца послѣ ихъ свадьбы, но они любили другъ друга такъ, какъ будто любили уже въ предшествовавшемъ существованіи. Хотя разлука была только временная, они едва могли справиться со своимъ горемъ.

Но Нами не пришлось долго плакать надъ своей утратой.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Такео съ свекровью ея случился приступъ ревматизма, и ея обычная раздражительность стала еще сильнѣе. И такъ какъ Ику уже оставила ее, то Нами одной пришлось испытывать ее.

Старшіе кадеты всегда дразнятъ новичковъ, но черезъ годъ новички не знаютъ ничего веселѣе, какъ дразнить тѣхъ, кто моложе ихъ. Казалось бы, свекровь, которая можетъ помнить свой собственный горькій опытъ, при вступленіи въ новую родню, не должна бы столь су-

рово относиться къ молодой невѣсткѣ. Но такова слабость человѣческой природы, что когда юность отцвѣтетъ, и у нея самой есть женатый сынъ, то властолюбіе овладѣваетъ ею, и она становится какъ разъ такой же свекровью, какъ та, которую она такъ сильно ненавидѣла.

— Смотри, вотъ здѣсь ты сдѣлала ошибку на самомъ видномъ мѣстѣ. Здѣсь должно быть четыре пальца, и заворачивай вотъ такъ. Те, душа моя!—говоритъ она невѣсткѣ:—не такъ! Постой, дай-ка сюда! Сохрани меня Богъ, ты, должно быть, проспала всѣ свои двадцать лѣтъ. И ты хозяйка, ты! Ай-ай!

Если подобное маленькое происшествіе пробудитъ въ ней воспоминаніе о давно умершемъ язвительномъ голосѣ и остромъ взглядѣ, нѣкогда столь же дѣйствительномъ, какъ она сама—дѣйствительность для той, кто стоитъ передъ ней, и если она тогда почувствуетъ жалость и втайнѣ постарается загладить свои слова, то эта женщина, навѣрное, сродни богамъ. Но большинство управляются принципомъ око за око, зубъ за зубъ и мстятъ невѣсткѣ изъ Нагасаки за то, что сдѣлала имъ свекровь въ Іеддо. Свекровь Нами принадлежала къ этой послѣдней категоріи.

Повиноваться сначала оевропеившейся мачихѣ, а потомъ старомодной свекрови—такова была участь бѣдной Нами. Много разъ Нами изъ истиннаго и откровеннаго состраданія просила позволенія помочь больной старухѣ, часто нуждавшейся въ комъ-нибудь, кто бы ходилъ за ней. Но такъ какъ она не была привычна къ такому уходу, то паціентка вовсе не была довольна ея ласковыми стараніями. Она благодарила Нами, но въ слѣдующую минуту разражалась такимъ крикомъ и такой дикой злобой противъ бѣдной служанки, что Нами, привыкшая къ изящному и саркастическому краснорѣчію мачихи, пугалась. Но это было только первыя недѣли, затѣмъ Нами самой пришлось принимать ужасную брань. И такъ какъ единственный другъ ея въ домѣ, Ику, уѣхала, то она часто думала, что жизнь ея такъ же безпросвѣтна, какъ и раньше. Но когда она входила въ свою комнату и видѣла портретъ мужа въ серебряной рамѣ на столѣ, то всѣ остальныя чувства исчезали передъ нѣжностью, наполнявшей ее, когда она брала его въ руки. Она долго разсматривала его, и цѣловала, и ласкала и шептала, какъ будто онъ могъ слышать ее: «Пріѣзжай, пріѣзжай скорѣе, мой дорогой!» Ради него она могла выпить до дна самую горькую чашу, могла унижаться и повиноваться свекрови.

Глава VII.

На маневрахъ.

Дорогая Нами! Гонгконгъ, іюль.

Пишу тебѣ при девяноста девяти градусной жарѣ, обливаясь потомъ. Ты получила мое письмо изъ Сасехо, надѣюсь? Послѣ того, какъ

мы бросили тамъ якорь, была прекрасная погода, день за днемъ, и такъ жарко, что даже мы, морскіе герои Непобѣдимыхъ острововъ, изнемогали. Около дюжины нашихъ офицеровъ и солдатъ получили солнечный ударъ, но я держался молодцомъ и ни разу не обременялъ лазарета. Жгучее солнце экватора опалило меня, и безъ того уже темнокожее существо, до такой черноты, что я едва узнаю самого себя. Когда мы сегодня пристали къ берегу, и я зашелъ въ цирульню и увидѣлъ себя въ зеркало, то на меня смотрѣлъ совершенно новый человѣкъ. Одинъ изъ моихъ проказниковъ-товарищей посовѣтовалъ мнѣ послать тебѣ мой портретъ именно теперь, но я, разумѣется, поберегусь. У насъ былъ прекрасный вѣтеръ все время, за исключеніемъ одного раза, когда мы попали въ «монсонъ», а сюда мы благополучно прибыли вчера утромъ съ великимъ ликованіемъ.

Въ Сасехо я получилъ твое милое письмо, которое много разъ перечитывалъ. Я огорченъ, что къ мамѣ опять вернулась ея старая болѣзнь. Но очень пріятно знать, что ты при ней. Я увѣренъ, что ты ухаживаешь за ней вмѣсто меня. Когда она больна, ей трудновато угодить, и я много думаю о тебѣ, какъ-то ты справляешься.

Надѣюсь, что въ Акасакѣ всѣ здоровы. Какъ поживаетъ дядя Като? Все съ садовыми ножницами въ рукахъ? Кормилица Ику уѣхала, насколько я понялъ. Я не знаю, какъ это вышло, но огорченъ за тебя, что она не съ тобою. Поклонись ей отъ меня, когда будешь писать, и скажи, что я привезу ей много маленькихъ подарочковъ. Я очень люблю ее. Она всегда такая веселая и ты навѣрно скучаешь по ней. Часто ли навѣщаютъ тебя тетя Като и Шицу-ко-санъ?

Я слышалъ, что Хиджива приходитъ часто? У насъ мало родни. Хиджива—родственникъ, и мама, конечно, его любитъ. Быть ласковой съ нимъ, значитъ быть ласковой съ ней. Онъ умный и всегда можетъ посовѣтовать, и я надѣюсь, что онъ можетъ немножко помочь тебѣ если понадобится.

Твой влюбленный
Такео.

P. S. Прочти прилагаемое письмо къ мамѣ.

P. S. Мы останемся здѣсь нѣсколько дней. Когда мы нагрузимся и пр., то пойдемъ въ Сидней черезъ Манилу, а потомъ въ Санъ-Франциско мимо Новой Каледоніи и Фиджи, а оттуда домой черезъ Гавайскіе острова. Надѣюсь быть дома къ періоду дождей.

P. S. Адресуй письма въ японское консульство, Санъ-Франциско, U. S. A.

Дорогая Нами! Сидней, августъ.

Въ маѣ я былъ въ Икао съ Нами-санъ и рвалъ папоротники, а теперь я въ Сиднеѣ, далеко въ южномъ полушаріи. Когда я по вечерамъ смотрю на южное звѣздное небо и вспоминаю прошедшіе дни,

*

то не могу не думать о томъ, какъ перемѣнчиво все въ этомъ мірѣ, гдѣ мы живемъ. Прошлый разъ, когда мы были въ морѣ, я иногда страдалъ морской болѣзнью, теперь я удивляюсь тому, что такъ здоровъ. И новое, и странное чувство постоянно сопровождаетъ меня въ этомъ путешествіи. На вахтѣ, когда я одинъ стою на мостикѣ и смотрю на темное южное небо съ миріадами звѣздъ, оно особенно овладѣваетъ мною, и я постоянно вижу передъ собой твое дорогое лицо. Не смѣйся надо мною! Среди товарищей я притворяюсь беззаботнымъ и пою вмѣстѣ съ ними:

„Какое дѣло намъ, средь подвиговъ въ чужбинѣ,
До слезъ, что льются дома".

но—о, не смѣйся!—портретъ Нами-санъ всегда со мною во внутреннемъ карманѣ. И даже теперь, въ то время, какъ я пишу, я такъ хорошо вижу передъ собою ту, что прочтетъ эти строки дома, въ маленькой комнаткѣ, затѣненной пальмами.

Въ гавани стоитъ много увеселительныхъ яхтъ. Я мечтаю о томъ, что счастье будетъ къ намъ благосклонно, и думаю, что когда Нами-санъ и я состаримся, у насъ будетъ такая большая яхта, по крайней мѣрѣ, въ пять тоннъ. Я буду капитаномъ, а наши сыновья и внуки матросами, и мы поѣдемъ по всѣмъ четыремъ морямъ. Мы поѣдемъ и въ Сидней, и я раскажу тебѣ тогда, Нами-санъ съ красивыми бѣлыми волосами, какъ, много-много лѣтъ назадъ, одинъ молодой морской офицеръ мечталъ о ней, когда мракъ спускался по вечерамъ.

Твой безвозвратно влюбленный
Такео.

Мой возлюбленный Такео! Токіо.

Я читаю и перечитываю твое письмо отъ 15-го іюля изъ Гонгконга, и все съ тѣмъ же восторгомъ. Я такъ рада, что ты здоровъ, несмотря на ужасную жару. Мамѣ лучше, и ты не безпокойся о ней. Мои одинокіе дни идутъ приблизительно одинаково. Я стараюсь угождать мамѣ, особенно теперь, когда тебя нѣтъ. Но съ грустью признаю, что это мнѣ далеко не удается. Я нетерпѣливо жажду того дня, когда ты снова благополучно будешь дома.

Въ Акасакѣ всѣ здоровы. Они переѣхали на дачу около Цуши. Като уѣхали въ Окитсу, и мы очень одиноки въ Токіо. Ику тоже въ Цуши и здорова. Я передавала ей твои поклоны, и она пишетъ, что такъ растрогана, что плакала отъ благодарности.

Я узнала, что есть много важныхъ вещей, которымъ я не училась. Дома отецъ всегда совѣтовалъ мнѣ, насколько я могу, принимать участіе во всѣхъ домашнихъ дѣлахъ, но тогда я пренебрегала этимъ и теперь стыжусь за свое невѣжество. Я съ удовольствіемъ буду также читать по-англійски, какъ ты просилъ меня, но боюсь, что мама будетъ недовольна, если я буду сидѣть такъ много безъ работы.

Поэтому въ настоящее время я всецѣло отдаюсь хозяйству. Но не думай, что я пренебрегаю ученіемъ безъ уважительныхъ причинъ.

Я стыжусь самой себя, но иногда я чувствую себя такой печальной и одинокой, что еслибъ у меня были крылья, какъ у голубки, я бы перелетѣла къ тебѣ черезъ море. Единственное мое утѣшеніе смотрѣть на твой портретъ и на снимокъ съ твоего корабля. Когда я была въ школѣ, я не интересовалась географіей, но теперь разыскала старую позабытую карту и развлекаюсь, слѣдя по ней путь твоего корабля. Иногда мнѣ хотѣлось бы быть мужчиной и матросомъ, чтобъ сопровождать тебя въ твоихъ путешествіяхъ. Прости мою глупость, дорогой мой, потому что всѣ мои мысли съ тобою. И никогда раньше я не обращала вниманія на бюллетени о погодѣ въ газетахъ, а теперь изучаю ихъ всякій день. И хотя я знаю, что ты плывешь далеко отъ тѣхъ мѣстъ, о которыхъ въ нихъ говорится, но я все же безпокоюсь, когда они указываютъ бурю. Прошу тебя, берегись хорошенько. Я люблю тебя.

Твоя жена Нами.

Мой возлюбленный Такео! Токіо, октябрь.

Я вижу тебя каждую ночь во снѣ, потому что такъ сильно тоскую о тебѣ. Мнѣ снилось эту ночь, что мы съ тобой сидимъ на кораблѣ и ѣдемъ въ Икао рвать папоротники. Вдругъ кто-то подошелъ, не знаю, кто, и сталъ между нами, и въ то время, какъ я видѣла, что ты исчезаешь какъ туманъ, который расплывается, я упала за бортъ. Я закричала во снѣ, и мама разбудила меня. Сладко было проснуться и узнать, что все это былъ сонъ. Но мое безпокойство еще не совсѣмъ прошло, и я жажду, чтобы ты поскорѣе вернулся домой. Я жажду поговорить обо всемъ съ самимъ тобою. Каждое утро я пытаюсь прочесть по облакамъ на востокѣ, что съ тобой. Письмо это, можетъ быть, разойдется съ тобою, но я все же посылаю его въ Гонолулу. Еслибъ ты зналъ, какъ я люблю тебя.

Твоя жена Нами.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВО ЧРЕВѢ КИТА.

(Очеркъ).

Одинъ паровозъ недавно пришелъ изъ-подъ поѣзда и съ сердитымъ шипѣньемъ выпускалъ паръ; другой только готовился въ дорогу,—изъ его широкой трубы выросталъ густой, черный дымъ и, клубясь, обнимался съ бѣлой струей пара и желтымъ и душнымъ туманомъ стлался по мрачному сараю депо: лишь въ двухъ-трехъ шагахъ обрисовывались громадные силуэты паровозовъ, погруженныхъ въ угрюмыя думы.

Подъ брюхомъ одного изъ нихъ мигала коптилка и тускло освѣщала фигуры двухъ мальчиковъ, лѣтъ пятнадцати; они сидѣли на шпалахъ, положенныхъ поперекъ канавы, и, согнувшись въ три погибели, сверлили гнѣздо для шпильки въ коробкѣ парораспредѣлителя. Отъ копоти и грязи ихъ лица были совсѣмъ черны, и глаза рѣзко выдѣлялись, отражая свѣтъ лампочки.

Рычагъ трещотки размѣренно, какъ маятникъ, качался взадъ-впередъ; время-отъ-времени мальчики останавливались, одинъ изъ нихъ подкручивалъ центръ,—и снова рычажокъ качался и кричалъ:

— Трр... Трр...

Кричалъ торопливо и однообразно, точно спѣшилъ разсказать что-то, но помнилъ только начало разсказа.

Мальчики, казалось, совсѣмъ ушли въ работу; вдругъ одинъ изъ нихъ, худой, съ острыми чертами лица и несоразмѣрно большой головой, бросилъ рычажокъ, смахнулъ со лба потъ рукавомъ грязной блузы и сказалъ:

— Нѣтъ, Сашка! это все ерунда: никакого яду въ человѣкѣ не можетъ быть.

Другой медленно посмотрѣлъ на него большими вдумчивыми глазами.

— Это почему же?

Голосъ его хрипѣлъ отъ копоти и онъ кашлялъ.

— Да потому... Потому что сказано: «человѣкъ созданъ по образу и подобью Божьему»! понялъ?—сказалъ Степка убѣжденно и важно.

— Ну, а если все это въ книжкѣ есть?

— Ну что-жъ? Ну и пускай себѣ въ книжкѣ... А все-таки въ человѣкѣ нѣтъ яду этого самаго.

— Степка! Да ты только пойми, голова: въ книжкѣ сказано, что у человѣка, понимаешь... ну, тоже, какъ, значитъ, и у животныхъ, есть ядъ,—понимаешь? И ядъ даже такой ядовитый, что не у всякаго животнаго есть такой.

Сашка возбуждался.

— Ну!?—процѣдилъ Степка и скептически сжалъ губы.— Приравнялъ тоже! Человѣкъ и—животное... ха!..

— Да ты что фыркаешь? Значитъ есть, коли въ книжкахъ пишутъ!

— А наплевать мнѣ на книжки твои!—рѣшительно заявилъ Степка.

Съ минуту длилось молчаніе.

Вдругъ лицо Сашки расплылось и онъ, лукаво щуря глаза, спросилъ:

— Ты знаешь Фенина?

— Знаю. Ну?

— А отчего у него на губѣ рана и ему дѣлали операцію?

— Отчего... Извѣстно—Гришка Безпалый его за губу укусилъ, цѣловались съ пьяныхъ глазъ.

— Ну, а отчего губа болитъ, ты мнѣ скажи?

— Дуракъ ты, Сашка. Ха. Да понятно же оттого, что эту губу Гришка укусилъ!

— А вотъ и не потому! Эге! И напрасно ты ругаешься. Губа болитъ потому, что въ ранку слюна попала.

— Да ты-то почемъ знаешь? Видѣлъ, что ли?

— Не видѣлъ. А вотъ въ книжкѣ сказано, что слюна содержитъ много яду, и если она попадаетъ въ кровь другого человѣка, то тогда...

— По-оди ты къ чорту съ книжками своими, дуракъ!

— Самъ ты дурень набитый! Дерево стоеросовое!—вскипѣлъ Сашка.

— Книжникъ и... фарисей!—презрительно бросилъ Степка.

— Что-о? фарисей?—глухо переспросилъ Сашка и судорожно сжалъ кулаки.

— Ты что, драться хочешь? Ну, ударь! Ударь!—взвизгиваетъ Степка, вытянувъ впередъ лицо.

Онъ былъ золъ: его возмущало то, что Сашка забиваетъ его не столько своими мыслями, сколько взятыми изъ книжекъ.

— Бей же!

Сашка злобно посмотрѣлъ ему въ глаза и отвернулся. Оба напряженно замолчали. Раздраженіе сжалось въ комокъ и притаилось...

Лѣнивой походкой къ паровозу подошелъ машинистъ; пригнувшись на толстыхъ, короткихъ ногахъ, онъ посмотрѣлъ сквозь спицы колеса.

— Эй вы, сороконожки! Вы чего же сидите?

Мальчики вздрогнули. Степка рѣзко повернулся и показалъ шишъ.

Машинистъ опѣшилъ и изумленно ворочалъ выпуклыми, рачьими глазами. Длинные красноватые усы нервно подергивались.

— Такъ ты... ахъ, ты-жъ...—Онъ прохрипѣлъ замысловатое ругательство и полѣзъ было подъ паровозъ.

Сашка схватилъ молотокъ.

— Не лѣзь! Эй, слышишь, дядя, не лѣзь лучше!

Въ глазахъ блеснула смѣлая рѣшимость.

— Это тебѣ не Мишка и не Ванька!—сдержанно сказалъ Степка и показалъ полуаршинную пилу.

Машинистъ побагровѣлъ, но струсилъ и остановился. Затѣмъ разразился бранью и торопливо ушелъ.

— Въ контору пошелъ,—опредѣлилъ Сашка.

— Дрянь!—процѣдилъ Степка и сплюнулъ.

— Давай-ка приналяжемъ, а то придерутся.

— Да ну ихъ къ чорту!—махнулъ рукою Степка; но потомъ добавилъ:

— А впрочемъ давай, гдѣ наша не пропадала!

И оба, согнувшись, усердно принялись за работу.

Коптилка стояла подъ самыми физіономіями и чадила немилосердно; отъ ея гари въ глазахъ стояли слезы и пересыхало во рту.

Сашка часто чихалъ и ругался, Степанъ только сосредоточенно сопѣлъ.

Паровозъ, выпускавшій паръ, притихъ, точно обезсилѣвъ отъ раздраженія; слышался хоръ другихъ звуковъ. Кто-то звонкими, отчетливыми ударами рубилъ желѣзо. Вотъ, тяжело громыхая громадными чоботьями, прошелъ куда-то кочегаръ.

— А все черезъ тебя,—буркнулъ Степка.

— Ступай къ чорту!—равнодушно отвѣтилъ Сашка, не отрываясь отъ работы.

— Черезъ ядъ твой...

Сашка сдѣлалъ губами презрительную гримасу.

Замолчали... Послышались шаги.

— Идутъ!—шепнулъ Степка.

Начальникъ депо и машинистъ остановились у паровоза.

— Эти?

— Эти, эти. Павловъ одинъ, а другой—не знаю.

Начальникъ нагнулся.

Трещотка отчаянно кричала.

— Эй, вы, слышите? Перестаньте!

Трещетка смолкла.

— Вы что же это, а? Кто оскорбилъ господина Втулкина?

— Какого?—мрачно спросилъ Степка.

— Машиниста!

— Не знаемъ. Мы никого не трогали.

— Что? Что, что? А кто съ молоткомъ да съ пилой?.. Да это они, Михаилъ Ивановичъ, они!

Машинистъ почти задыхался.

— Слушай, Павловъ, вылѣзай-ка сюда!

— Да, вѣдь, мы, господинъ начальникъ, ничего, вѣдь, онъ...

— Вылѣзай!

Подъ паровозомъ послышалась возня, шлепанье по мокрой и грязной канавѣ, и затѣмъ изъ нея вылѣзъ Степка.

Сашка бросилъ работу,—сперва хотѣлъ вылѣзти за пріятелемъ, но раздумалъ и остался сидѣть подъ паровозомъ, непріятно прислушиваясь.

Лицо начальника, полное, бритое, надвигалось на Степку.

— Какъ ты смѣлъ?

Степка взглянулъ ему на пенснэ, на блестящія пуговицы и уставился на скрестившихся топорикѣ и молоточкѣ.

— Ну, отвѣчай же, чортъ тебя возьми, отвѣчай!

— Онъ самъ пристalъ къ намъ... ругался...—робко отвѣтилъ Степка и хмуро посмотрѣлъ на машиниста.

Тотъ какъ-то странно взвизгнулъ и затоптался на мѣстѣ.

— Ахъ ты... щенокъ, дрянь!..

— Ну вотъ, чего онъ ругается?!—мрачно замѣтилъ Степка, смотря на пенснэ.

— Да ты-то что за цаца?—начальникъ внушительно шагнулъ впередъ.

Откуда-то вынырнули двое рабочихъ, — и по лицу Степки мелькнула слабая надежда. Но рабочіе торопливо прошли мимо нихъ, заискивающе поклонились начальнику и затѣмъ исчезли въ дыму, неся картузы въ рукахъ.

— Избалованы! Въ конецъ распущены!—возмущался машинистъ.

— А вотъ я ему покажу! У-у-у, ска-а-тина... Маршъ котлы чистить!

И, уходя, онъ еще разъ промычалъ:

— У-у-у...

Машинистъ посмотрѣлъ черезъ плечо на Степку и ехидно и торжествующе улыбнулся. Тотъ показалъ ему кукишъ и высунулъ языкъ, на что машинистъ многозначительно показалъ кулакъ.

Постоявъ съ минуту, Степка повернулся и побрелъ на кочегарку. Нѣсколько разъ онъ косился на паровозъ, потомъ махнулъ рукою и сплюнулъ.

— Свинья! — пробурчалъ онъ, переступая порогъ жаркой кочегарки.

Сашка слышалъ весь разговоръ, нѣсколько разъ порывался выйти изъ-подъ паровоза, но что-то удерживало его; когда всѣ разошлись, онъ долго сидѣлъ, задумавшись и не принимаясь за работу; ему стало нестерпимо жарко и онъ нѣсколько разъ размазывалъ рукавомъ грязь на мокромъ лбу.

Вдругъ схватилъ пилу и со злобою швырнулъ отъ себя вдоль брюха паровоза.

Пила, звеня, ударилась по оси и съ жалобой чмокнулась въ канаву.

Онъ спрыгнулъ со шпалъ и рѣшительно направился въ контору.

...Начальникъ сидѣлъ за зеленымъ столомъ и что-то читалъ. Передъ нимъ лежали, зачѣмъ-то, куски желѣза и мѣди, образцы рудъ. На стѣнахъ, на черныхъ полированныхъ доскахъ висѣло множество всевозможнаго инструмента. Правда, все это покрылось слоемъ пыли, но на Сашку оно производило давящее впечатлѣніе.

— Господинъ начальникъ! — окрикнулъ онъ и смутился: хотѣлъ произнести тихо, а вышло громко.

— Господинъ начальникъ!

Прошла длинная пауза, потомъ начальникъ отозвался:

— Что нужно?

Сашка замялся. Кашлянулъ и хрипло буркнулъ:

— Напрасно...

— Что... что такое?

Начальникъ поднялъ голову и прищурился.

— Да Степку... осудили вотъ...

— Ты, что же, щенокъ, смѣешься, что ли?

— Я... ничего.. чего тутъ смѣяться.. Я говорю, что... насчетъ котла вотъ...

Начальникъ нахмурился.

— Вотъ что; ступай-ка ты тоже въ котелъ. Я и забылъ про тебя. Васъ, видно, два сапога пара.

— Машинистъ вѣдь...

— Ну—пшолъ! Пшолъ, тебѣ говорятъ!

— И пойду! — дерзко отвѣтилъ Сашка и вышелъ изъ конторы.—Ну и ладно... Ну и пойду! — бурчалъ онъ вслухъ, сходя по лѣстницѣ.

А внутри что-то бурлило и жгло.

Тѣсно и одиноко въ котлѣ и весь онъ гудитъ и стонетъ отъ толпящихся въ немъ звуковъ.

Степка, голый, стоитъ на колѣняхъ и со всего плеча рубитъ киркой накипь; бѣлая, какъ соль, она брызжетъ ему въ лицо и на грудь и больно впивается, точно уколы булавки. Онъ напряженно сощурилъ глаза, и на его лицо легли рѣзкія, страдальческія и злыя складки.

Вдругъ онъ съ силой швырнулъ кирку и пополъзъ къ отверстію люка. Здѣсь онъ сталъ на ноги и, вытянувъ голову кверху, жадно глоталъ болѣе свѣжій воздухъ.

Онъ задыхался. Сердце стучало глухо и тяжело, голова кружилась.

А надъ коптилкой повисло облачко; черной, прозрачно-волокнистой вуалью оно тянулось къ выходу, и Степка глоталъ эту вонючую и ѣдкую гарь керосина.

Протянувъ руки кверху, онъ схватился за рубецъ шва, но не поднялся,—опустилъ руки и какъ-то вдругъ осунулся и сѣлъ на дно котла.

Нѣтъ у него ни друга, никого... никого, кто бы его приласкалъ, съ кѣмъ бы онъ подѣлился своими думами и чувствами,—онъ одинъ... да, одинъ въ цѣломъ мірѣ!..

Внутри что-то дрогнуло и больно ущемило его за сердце.

Степка уткнулъ голову межъ колѣней и зарыдалъ. Рыдалъ долго и неугомонно, какъ ребенокъ, безсильный и затерянный.

Кисти рукъ, черныя отъ грязи, судорожно стискивали колѣни, и голова, тоже черная, странно подпрыгивала на колѣняхъ, а блѣдныя, сухія плечи дрожали зыбью и конвульсивно сжимались.

Слезы, теплыя и соленыя, ползли въ ротъ...

Вдругъ обозлился.

Зачѣмъ онъ плачетъ? Слабость, вѣдь, слабость это! Только бабамъ да ребятишкамъ пристало плакать, а, вѣдь, онъ... И притомъ изъ-за чего, изъ-за кого онъ плачетъ? Ха! Стоятъ ли они всѣ этого?...

Степка больно укусилъ себя за руку и замолчалъ.

А мысль приняла другое направленіе: ему хотѣлось отомстить и машинисту, и начальнику, и... и даже Сашкѣ,—да даже ему, чорту толсторожему!

Онъ началъ придумывать способъ мести... Но озлобленіе скоро пропало, и онъ чувствовалъ себя опять безсильнымъ и равнодушнымъ; только глубоко гдѣ-то внутри сосало что-то горькое и тоскливое.

Въ головѣ лѣниво бродили мысли и воспоминанія.

«...И все-таки—этотъ Сашка!»

Какъ дружно жили они, когда ходили въ приходскую школу:

вмѣстѣ дрались, вмѣстѣ и безъ обѣдовъ оставались. Вдвоемъ они никого не боялись, особенно послѣ того, какъ одолѣли силача Ершикова. Лѣтомъ вмѣстѣ ходили на рѣку, купались и удили рыбу... Всегда вмѣстѣ.

И какъ хорошо они понимали другъ друга!.. Однажды, когда отецъ совсѣмъ зря жестоко прибилъ его, Сашка такъ горячо возмущался и плакалъ... Ха, плакалъ!? И все-то онъ лицемѣрилъ! Никогда онъ не былъ искреннимъ и не любилъ его,—все это—ложь... да, ложь, чортъ возьми, ложь! ...И странно,—почему это онъ такъ привязался къ Сашкѣ? Мало ли у него знакомыхъ и товарищей по школѣ, по улицѣ и по мастерской!! И однако только съ Сашкой онъ чувствовалъ себя хорошо. И если бы вотъ теперь, въ этой исторіи съ машинистомъ, Сашка велъ себя, какъ слѣдуетъ, то тогда, конечно, и котелъ...

Углы губъ задрожали.

Степка до боли прикусилъ губу и выпрямился.

— Да ну его къ..., съ Сашкой вмѣстѣ!—злобно выругался онъ и вызывающе посмотрѣлъ въ конецъ котла.

Потомъ скомкалъ въ кучу растрепанную паклю и легъ на животъ; попробовалъ было посвистать, но скоро бросилъ,—губы дрожали,—и задумчиво уставился на красный языкъ лампочки.

Сосѣдній котелъ шумѣлъ и глухо урчалъ. Въ его предохранительномъ клапанѣ пронзительно шипѣлъ паръ. Надъ крышей чохкалъ паръ, вылетавшій изъ машины въ трубу, а машина глухо и уныло стонала, словно жалуясь на каторгу своей работы.

...Вдругъ послышался какой-то шорохъ и брань. Въ люкъ упала, звякнувъ, кирка, и показались голыя ноги.

Сашка спрыгнулъ на дно котла.

— Сволочи и подлецы!—посыпалъ онъ по чьему-то адресу и подошелъ къ Степкѣ.

— Понимаешь, Степа, какіе это все дряни! Вотъ взялъ бы ихъ, кажется, всѣхъ, да и повѣсилъ рядышкомъ,—понимаешь?.. Да ты чего носъ свой воротишь?

Степка молчалъ.

— Ты что, сердишься на меня, что ли?

— А ступай ты къ чорту съ ними вмѣстѣ!

Сашка вытянулъ голову и заморгалъ глазами.

— Ты... ты что, въ серьезъ, что ли?

— Га! Товарищи тоже называются... Знаемъ мы, братъ, такихъ товарищей! Много такихъ-то!

И зачѣмъ-то онъ переставилъ коптилку на другое мѣсто, потомъ опять на прежнее.

Сашка слабо и больно улыбнулся и поднялъ кирку.

— Такъ ты думаешь, что я... Ну ладно... что-жъ, все

равно...—несвязно бормоталъ онъ, отходя въ противоположный конецъ котла.

Здѣсь онъ сталъ на колѣни и началъ рубить накипь. А что-то клубилось и катилось къ горлу, все выше и выше...

Каждый ударъ кирки тоскиво отдавался въ ушахъ Степки и будто говорилъ: «Не правъ, не правъ, не правъ...»

Но его сердце какъ-то сжалось, и ему хотѣлось быть жестокимъ, ему хотѣлось, чтобы Сашка былъ, дѣйствительно, не правъ. Да, тогда бы онъ ужъ однимъ разомъ наплевалъ бы на всѣхъ, за все, что онъ перенесъ...

Стукъ вдругъ прекратился и въ тишинѣ послышались подавленныя всхлипыванья.

Степка поднялъ голову и затаилъ дыханіе.

«Такъ и есть... Этого еще не доставало!

Онъ быстро подползъ и тронулъ его за плечо.

— Перестань... Перестань, чортъ... Сашка!

Сашка рванулся плечомъ и отодвинулся дальше.

— Э-э, чортъ... Ну, перестань!.. Ну ладно, я виноватъ, ну я подлецъ, скотина... ну, чего еще?

Смотрѣлъ онъ сурово и зло, а губы дрожали.

Оба молчали. И это молчаніе становилось невыносимо тяжелымъ и такимъ длиннымъ-длиннымъ...

Вдругъ котелъ наполнился гулкими ударами: кто-то стучалъ по наружной части котла. Рѣзкій, кричащій звукъ врѣзался въ уши и сверлилъ въ нихъ, проникая, казалось, въ самый мозгъ.

Они закрыли руками уши.

Затѣмъ послышался хриплый голосъ кочегара:

— Гей, табельщикъ прыйшлы! Вылазьте сюды скорійше!

Степка посмотрѣлъ на пріятеля,—тотъ сидѣлъ задумавшись,—тогда онъ вылѣзъ изъ котла и подошелъ къ лѣстницѣ.

Его встрѣтили смѣхомъ.

— Якъ той Адамъ!—замѣтилъ кочегаръ.

— Адамъ и есть! Хе, хе, хе!..

Молодому технику, видимо, понравилась острота кочегара и онъ готовъ былъ варьировать ее до безконечности.

Степка вспыхнулъ

— Чего вы смѣетесь?.. Зачѣмъ меня позвали?

— Хо-хо! Хе-хе-хе!..

Этотъ смѣхъ больно хлесталъ Степкино сердце. О, если бы онъ былъ такимъ сильнымъ, что могъ бы справиться съ ними! Но нѣтъ, онъ не можетъ даже выругать ихъ, потому что тогда его ужъ навѣрное уволятъ... а тогда...

Степка повернулся и пошелъ къ люку.

— Постой, погоди!.. Ха! Всякій клопъ тоже топырится! Не

я надъ вами начальникъ!.. Слушай, передай ты своему пріятелю, что оба вы оштрафованы по полтиннику за дервости. Постой!.. Да еще вы останетесь работать ночь, — котелъ нуженъ. Понялъ?

Еще бы! Степка очень ясно представилъ себѣ гнѣвъ своего отца, который будетъ говорить, что вотъ онъ прослужилъ цѣлыхъ двадцать три года и ни разу—ни одного разу!—не былъ оштрафованъ, и что былъ всегда послушнымъ и исправнымъ работникомъ... Да, да,—вотъ онъ станетъ такъ передъ нимъ, сутуловатый, съ острымъ лицомъ землистаго цвѣта, подниметъ вверхъ костлявую и никогда не отмывающуюся руку и назидательно скажетъ:

— Покорливый теленокъ двѣ матки сосетъ.

А потомъ — потомъ дастъ оглушительную затрещину и добавитъ:

— Такъ-то, сыночекъ.

Затѣмъ помолчитъ немного и заявитъ:

— А не то—къ чорту, вонъ изъ дому!

Да... все это Степка отлично понялъ, и когда спускался въ котелъ, на лицѣ его было страданіе.

Сашка нисколько не былъ удивленъ тому, что передалъ Степка; онъ задумчиво смотрѣлъ на лампочку и мысли его были гдѣ-то далеко-далеко...

Степка притихъ тоже. Ему и хотѣлось подѣлиться съ пріятелемъ своими думами, и не былъ онъ увѣренъ въ томъ, что тотъ откликнется на нихъ... Конечно, все это вышло, можетъ быть и глупо...

Онъ посмотрѣлъ въ темный конецъ котла и ему стало жутко.

Хрипло закричалъ гудокъ, его рѣзкіе звуки ворвались въ котелъ и затопили его, и казалось, что они были рождены самимъ котломъ... Теперь рабочіе уходятъ домой, и мастерская пустѣетъ и замолкаетъ; а вечеромъ въ ней, угрюмой и непривѣтной, появятся тѣни—и страшно въ ней тогда: вспоминаются несчастные случаи съ рабочими...

— Степка, а Степка!—тихо позвалъ Сашка.

Степка вздрогнулъ.

— Что тебѣ?—нерѣшительно отозвался онъ.

— На ужинъ у насъ ничего, вѣдь, нѣтъ?

— Ничего.—А внутри что-то радостно прыгнуло.

— Такъ я пойду домой, возьму чего-нибудь.

— Нѣтъ, лучше я пойду: у насъ сегодня свѣжій хлѣбъ пекли.

— Вотъ хорошо-бъ было! А я чайникъ нагрѣю.

Степка вылѣзъ, одѣлся и пошелъ въ контору. Но минутъ черезъ десять пришелъ обратно и предложилъ идти Сашкѣ.

— Ты, Сашка, тово... книжку бы захватилъ... вотъ ту самую... ну, изъ-за которой поспорили... а?

— А что, братъ! Да вѣдь это... Какъ я самъ объ этомъ не подумалъ!? Вѣдь это какая штука!

Сашка сразу оживился; онъ быстро одѣлся и ушелъ.

А Степка приготовилъ чайникъ, сѣлъ на верху лѣстницы и сталъ смотрѣть на кочегара.

Длинный и худой, кочегаръ сидѣлъ согнувшись на ящикѣ съ углемъ и сосалъ коротенькую трубочку, часто сплевывая сквозь зубы, съ особымъ свистящимъ звукомъ. Часто онъ вскидывалъ сѣрые и простодушные глаза на манометръ и заглядывалъ въ небольшое отверстіе топки; затѣмъ открывалъ дверцу и большой выгнутой лопатой бросалъ въ нее уголь,—тогда кочегарка наполнялась яркимъ, краснымъ свѣтомъ и большой, длинной полосой, точно мечомъ, сквозь раскрытую дверь далеко прорѣзалась темная ночь.

Топка дышала жаромъ прямо въ острое, бородатое лицо кочегара, и оно, красное и взъерошенное, было и страшно и жалко. Захлопнувъ съ шумомъ дверцу, онъ неизмѣнно произносилъ: «Подавысь!» затѣмъ бросалъ лопату въ ящикъ, отходилъ къ дверямъ и, широко разставивъ ноги, долго смотрѣлъ на небо; потомъ вытиралъ подоломъ рубахи потъ съ лица, усаживался на ящикъ и набивалъ трубочку.

Степкѣ почему-то жалко было кочегара, и хотѣлось заговорить съ нимъ, но у того былъ такой суровый и утомленный видъ!.. Все же скучно очень,—заговорить развѣ?..

А, вотъ и Сашка, наконецъ-то!

— Ты что долго такъ?

Сашка уныло махнулъ рукой.

— Развѣ это люди? Ха, какъ бы не такъ! Они готовы изъ за полтинника чортъ знаетъ что сдѣлать! Вотъ носъ разбилъ... велѣлъ прощенія просить. Ха, прощенія!.. Тоже—мать... Знаетъ ли онъ, что она сдѣлала? Знаетъ? Ну, такъ вотъ: она пожгла книжки! Да, и одну изъ читальни.

— Но вѣдь это... что же въ самомъ дѣлѣ, а?—воскликнулъ Степка.

— Чортъ знаетъ, что!.. И дернуло жъ меня разсказывать ей про этотъ ядъ самый!

— Про ядъ, ей!? Га, ну, конечно, самъ дуракъ.

— Поди-жъ ты... И добрая вѣдь,—понимаешь, нагнала меня на улицѣ и суетъ кусокъ хлѣба и мяса даже.

— Ну ты что, взялъ?

— Нѣтъ... потому—разозлился.

Степка щелкнулъ языкомъ.

— Досадно, ч-чортъ...

Съ минуту помолчали.

— А впрочемъ, знаешь что, Саша?—голосъ дрогнулъ.—Знаешь, ну ихъ къ чорту, и съ хлѣбомъ ихъ вмѣстѣ!

— И то, братъ!

— Да ей-Богу! Что въ самомъ дѣлѣ!

— Понятно! Лѣземъ въ котелъ, чаю холостого напьемся и баста.

И пріятели исчезли въ котлѣ.

Здѣсь Степка чуть не прыгнулъ отъ радости.

— Принесъ-таки!

— Только это, братъ, не та. А тоже хорошая. Интере-есная.

— А говорилъ мать сожгла.

— Тѣ сожгла. А эту Танюшка запрятала.

— Ну?

— Ей-Богу. Хорошая, братъ, изъ нея дѣвка выйдетъ, право.

— Ишь, вѣдь, шельма! Даромъ что маленькая еще. Ну, давай читать.

— А какъ же котелъ?

— Ну вотъ еще! Мы немножко. А потомъ, вѣдь, и подогнать можно.

— А и то вѣдь! Давай тогда читать. Эхъ, и книжка жъ, братецъ ты мой!

Чайникъ и чашки были внесены въ уголъ котла, а посрединѣ, рядомъ, поставлены двѣ коптилки. Потомъ пріятели постлали по клочку пакли и легли другъ противъ друга, голова къ головѣ. Сашка положилъ книжку передъ лампочками и торопливо развернулъ ее.

— Вотъ... вотъ тутъ, напримѣръ... вотъ, чортъ, гдѣ оно, это мѣсто... А-а, вотъ, слушай, Степа.

И быстро, слегка дрожащимъ отъ волненія голосомъ, Сашка прочелъ:

«...Никола увидѣлъ вдали длинный рядъ летѣвшихъ лебедей. Они представлялись въ видѣ бѣлой полосы на голубомъ небосклонѣ и стройно, какъ войско, летѣли... Никола смотрѣлъ, смотрѣлъ и обратился къ лебедямъ съ воззваніемъ:

«— О, лебеди, лебеди! Еслибъ я могъ полетѣть съ вами!»

Сашка остановился.

— Видишь, онъ сидѣлъ на берегу рѣчки Дуная. Ну, и вотъ видишь...

— Да ты читай.

«...Еслибъ онъ могъ летѣть вмѣстѣ съ лебедями, онъ указалъ бы имъ дорогу не на зеленыя болота, но въ Царьградъ, прямо во дворецъ султана»...

— Ты помнишь, есть стихотвореніе, гдѣ говорится про этотъ городъ?

— «Пѣсня про Вѣщаго Олега?»—Помню.

— Ну, такъ вотъ это самое.

«...Султанъ гуляетъ въ саду. Лебеди прилетаютъ и вдругъ спускаются на него громаднымъ десятитысячнымъ стадомъ»...

— Ты гдѣ досталъ эту книжку?—перебилъ его Степка.

— Въ читальнѣ.

— А давно она у тебя?

— Вчера только вечеромъ взялъ.

— А мнѣ почему не сказалъ?—допрашивалъ Степка.

— Да просто забылъ.

— За-абылъ!

— Да ей-Богу забылъ! Ты что, не вѣришь мнѣ, что-ли?

— Ну, ладно, ладно... Читай дальше.

— Придира,—проворчалъ Сашка слегка упавшимъ тономъ и продолжалъ:

«...Султанъ, конечно, защищался бы, отрѣзалъ бы имъ головы, но, вѣдь, отъ этого ему не стало бы легче, и въ концѣ концовъ онъ-таки принужденъ бы былъ воскликнуть: «Аманъ, аманъ! Чего вы, лебеди, хотите отъ меня?» Тогда бы выступилъ Никола съ готовымъ фирманомъ въ рукѣ и сказалъ:

«— Или подпиши вотъ эту бумагу... или пусть заклюютъ тебя лебеди.

«Конечно, султанъ подписалъ бы бумагу».

— Постой. А что за бумага этотъ фирманъ?

— Фирманъ? Это бумага... ну, понимаешь, бумага, которую долженъ былъ подписать султанъ.

— Да ты и самъ-то, видно, путемъ не понялъ.

— Ну, вотъ еще! Вотъ слушай!

«... Фирманъ заключалъ бы приказъ всѣмъ пашамъ, каймаканамъ, мудирамъ и всѣмъ вообще статскимъ и военнымъ чинамъ, чтобы они тотчасъ же убирались изъ Болгаріи»...

— Ну, вотъ, понялъ теперь?

— Знаешь, Саша, давай-ка ее сначала прочтемъ?

Сашка выпустилъ книжку изъ рукъ и будто нехотя согласился.

— Давай-ка, Саша, я буду читать.

Степка взялъ книжку, поправилъ фитиль лампочки и приготовился читать.

Вдругъ у самаго люка раздался грохотъ.

Пріятели вздрогнули и подняли головы: въ люкъ смотрѣло волосатое, сухое лицо кочегара и, оскаливъ бѣлые зубы, дрожало отъ смѣха.

— Во чреви... во чреви кита! Прр... хо-хо-хо! Ха,-ха,-ха!

Они недоумѣвали и смущенно переглядывались.

— А чи вы живи тутъ? А то я слухаю, слухаю—чого воны мовчатъ? А воны бачъ..! ха-ха!.. Держить, ось кусокъ хлиба прынисъ, завалявся на кочегарци.

И въ люкѣ появилась рука съ чѣмъ-то, похожимъ на камень.

— Трохы пидсохъ, та це не бида, бо у васъ зубы молоденьки.

— Да мы не хотимъ...—возразилъ было Степка.

— Ну-ну, держить скорій, а то въ топци вуголя нема.

И, выпустивъ хлѣбъ изъ руки, кочегаръ скрылся.

Они были голодны,—и въ котлѣ нѣсколько минутъ слышалось хрустѣнье и сосредоточенное и сочное чавканье.

— Добрый мужикъ,—замѣтилъ Сашка.

— Добрый. И насчетъ кита тово... вѣрно, а?

— Да-да. Во чревѣ кита! Здорово, братъ,—ха-ха!

Пріятели весело, совсѣмъ по-дѣтски, засмѣялись.

— Ну, теперь катай, Саша.

— А котелъ?

— Успѣемъ. Катай!

И Сашка каталъ.

Еще часа полтора мысль о чисткѣ котла сидѣла въ головѣ Степки и мѣшала ему слиться съ героями повѣсти и жить съ ними въ далекой и невѣдомой ему Болгаріи. Разъ онъ напомнилъ Сашкѣ про котелъ, но тотъ только рукою махнулъ: онъ въ это время читалъ какъ-разъ то мѣсто, гдѣ Станко душитъ турецкаго офицера, изнасиловавшаго жену невѣдомаго крестьянина Грождана.

И Степка замолчалъ и забылъ про котелъ, и только отъ времени до времени замѣчалъ про себя:

— Вотъ это здорово! Молодецъ! Такъ ихъ, подлецовъ, и нужно. Ай да Стоянъ!

Утомившись лежать на локтяхъ, они повернулись на спины.

Въ одномъ мѣстѣ, благодаря Богъ знаетъ какому ходу мысли, Степка вдругъ спросилъ:

— А что, Саша... не приходилось ли тебѣ думать... ну, вотъ, насчетъ Бога... о человѣкѣ... ну, о жизни, однимъ словомъ... о солнцѣ?..

Сашка оторвался отъ книжки.

— Думалъ,—отвѣтилъ онъ тихо, точно боясь, что его услышитъ кто-то.

— Я, братъ, часто про это думаю. Лежу, бывало, вотъ такъ, въ полѣ или дома, въ саду... особенно по вечерамъ...

— Ну, ну?

— Ну и думаю. Засмотришься это и забудешь все... А потомъ ажъ страшно станетъ чего-то...

Замолчали...

Доносился слабый шумъ, и чудилось, что гдѣ-то близко, надъ люкомъ, находится какое-то существо — безтѣлесное и таинственное...

— Не попадались тебѣ такія книжки?—почти шопотомъ спросилъ Степка.

— Нѣтъ... А знаешь, я думаю, что должны быть, а?

— И я тоже думаю... Потому вѣдь навѣрно многіе объ этомъ думаютъ.

— Знаешь, Степа, мы завтра спросимъ въ читальнѣ, ладно?

— Хорошо. Ну, однако, тово... читай.

И опять они въ Болгаріи. Спускаются со Стояномъ и Петромъ въ подземелье, провозятъ изъ Румыніи прокламаціи. Воображеніе ихъ рвется все впередъ и впередъ, и мысль работаетъ съ удивительной силой; но глаза, утомленные еще за длинный день, отяжелѣли и смыкаются: отъ копоти они воспалены и больно рѣжутъ. Носъ залегъ, въ горлѣ пересохло. Голосъ Сашки хрипитъ и начинаетъ слабѣть; и читаетъ онъ менѣе бѣгло и перевираетъ слова.

— А знаешь что, Саша?

Сашка дочиталъ до точки, медленно отвелъ глаза отъ книги и уставился на Степку.

— Ну?

— Уйду я, братъ, изъ дому,—задумчиво сказалъ Степка.— Надоѣло. Отецъ, мать... чортъ ихъ знаетъ! И любятъ вѣдь они и... ну, не могу я вотъ съ ними!

— А что?! И въ самомъ дѣлѣ! Знаешь, я давно уже думаю объ этомъ.

— Да? Только нужно сперва мало-мало работать подъучиться,— тономъ разочарованія протянулъ Степка.

— Это вѣрно: тогда жить способнѣе.

— Э-эхъ, братъ! Взяли-бъ мы расчетъ, плюнули въ харю машинистамъ и прочей дряни, и—фьюить! Поѣхали бы по разнымъ городамъ... море посмотрѣли бы, турокъ... Знаешь, я слышалъ, какъ одинъ матросъ разсказывалъ, что хорошій слесарь можетъ поступить на любой пароходъ и объѣздить всю землю.

— Вотъ бы-ы-ы!

Глаза зажглись мечтательнымъ огонькомъ, а на черныхъ отъ грязи щекахъ выступилъ румянецъ.

Степка почему-то тяжело вздохнулъ и обронилъ:

— Читай.

И Сашка читалъ.

«...Вотъ заговорщики избѣгли ареста и теперь отсиживаются въ какой-то пещерѣ, въ которую приходится спускаться колод-

*

цемъ, по цѣпи, сидя на бадьѣ... Герцеговинцы уже дерутся съ турками. Но въ это время между Николой и Стояномъ вспыхиваетъ вражда изъ-за дѣвушки Иленки, которую любятъ оба. И Никола не хочетъ даже объясниться съ товарищемъ.

«— Станемъ другъ противъ друга съ револьверами въ рукахъ и будемъ стрѣлять до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ насъ не свалится такъ, чтобы никогда ужъ не вставать...»

— Дур-ракъ!—чуть слышно пролепеталъ Степка, и черезъ минуту послышался слабый храпъ.

А Сашка все еще читалъ. Голосъ охрипъ совсѣмъ, и въ красныхъ глазахъ блестятъ слезы. И читаетъ странно: голосъ его то затихнетъ и спустится, до еле внятнаго шопота, растягивая слова до безконечности; то, будто отъ толчка, голосъ повышался и слова произносились внятнѣе и быстрѣе, пока снова, постепенно, не замирали. Дальше эти толчки происходили все рѣже и рѣже. Книжка то и дѣло падала на грудь, на которой стояла.

Вотъ голосъ дрогнулъ, оборвался на полусловѣ и замеръ совсѣмъ. Руки упали вдоль голаго тѣла, книжка легла на грудь и, чуть слышно, робко шелестнула листкомъ, словно боялась разбудить спящихъ; тихо колыхалась она на мѣрно подымавшейся груди; а коптилки подслѣповато моргали и, слегка склоняя свои чадящіе языки, съ любопытствомъ заглядывали на ея пожелтѣвшія, съ пятнами отъ грязныхъ пальцевъ страницы.

Въ концахъ котла стояли сторожкія тѣни, и онъ казался длиннымъ-длиннымъ...

А. Бибикъ.

ВСЕОБЩЕЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО.

I.

Какъ ни различно политическое положеніе современныхъ странъ, какъ ни разнообразно историческое прошлое ихъ, можно указать одно начало, одно направленіе, въ которомъ совершается политическое развитіе этихъ странъ. Это—политическое избирательное право.

Политическое избирательное право осуществляется двумя путями: или политическіе избиратели совершаютъ непосредственно актъ верховный, вотируя, напримѣръ, данный проектъ закона (равнодѣйствующая всѣхъ голосовъ и принимается за выраженіе народной воли), или они избираютъ представителей, которые и осуществляютъ отъ имени націи ея права. Политическіе избиратели иногда призываются не для прямого выбора народныхъ представителей, а лишь для избранія опредѣленнаго числа новыхъ избирателей. Въ такомъ случаѣ получается непрямая подача голосовъ. Всякій разъ, когда производится подача голосовъ за то или иное постановленіе, за выраженіе воли народа принимается большинство голосовъ.

Непосредственное пользованіе своими политическими правами встрѣчаетъ серіозныя препятствія въ современномъ государственномъ строѣ; лишь въ четырехъ кантонахъ Швейцаріи, весьма незначительныхъ по своимъ размѣрамъ, законы обсуждаются всенароднымъ собраніемъ. Въ остальныхъ государствахъ Западной Европы и Америки народъ не пользуется своими политическими правами непосредственно. Онъ избираетъ представителей, мѣстныхъ или общегосударственныхъ, которымъ и вѣряетъ свои права. Коллегія такихъ представителей, избранныхъ на опредѣленный срокъ, является представительнымъ учрежденіемъ. Не имѣя практической возможности сходиться вмѣстѣ для обсужденія общихъ дѣлъ, народъ однажды на нѣсколько лѣтъ выбираетъ довѣренныхъ, которымъ и вручаетъ законодательную власть, иногда контроль надъ исполнительными органами. Избиратель не переноситъ на избраннаго какихъ-либо принадлежащихъ ему правъ; онъ создаетъ для послѣдняго новое право, котораго тотъ не имѣлъ до сихъ поръ,—право вліянія на теченіе государственныхъ дѣлъ, возможность подать голосъ въ ту

или иную сторону. Объемъ этого права уже не зависитъ отъ воли избирателя. Онъ опредѣляется закономъ. Какъ бы впослѣдствіи ни разошлись взгляды делегата со взглядами выбравшихъ его избирателей, послѣдніе не могутъ лишить его до срока полномочій. Въ отличіе отъ представителей средневѣковыхъ сеймовъ, которые получали свое содержаніе отъ населенія, слѣдовательно, находились въ унизительной зависимости отъ него, современный представитель имѣетъ полную возможность руководиться собственными взглядами, собственными симпатіями и антипатіями; законъ отвергаетъ всякое право избирателя обязывать представителя къ подачѣ голоса въ заранѣе опредѣленномъ направленіи. Его роль лишь въ осуществленіи избирательнаго права.

Группировка избирателей будетъ, конечно, различной, смотря по тому, что легло въ основу даннаго представительства: сословное ли начало, имущественный ли цензъ, или гражданское равенство. Сословное начало, предоставляющее право избранія опредѣленнымъ сословіямъ, приспособляющее это право къ сословнымъ интересамъ и нуждамъ, господствовало въ средніе вѣка. Въ настоящее время его можно встрѣтить лишь въ верхнихъ палатахъ нѣкоторыхъ западно-европейскихъ парламентовъ, въ отдѣльныхъ ландтагахъ союзныхъ германскихъ государствъ, въ нашихъ земскихъ учрежденіяхъ. Оно уже совершенно не соотвѣтствуетъ тому соотношенію силъ, которое представляетъ новое общество. И группировка по имущественному цензу не выражаетъ дѣйствительнаго представительства всѣхъ силъ современной общественной жизни. Однако, эта система до сихъ поръ играетъ видную роль. Она существуетъ еще не только въ Венгріи, Австріи, въ парламентахъ большинства отдѣльныхъ государствъ, входящихъ въ составъ германской имперіи, но и въ Англіи. Въ Венгріи избирателями палаты представителей признаются—за исключеніемъ лицъ извѣстныхъ категорій—лишь граждане, достигшіе двадцатилѣтняго возраста и платящіе прямой налогъ, поземельный и подоходный. Выборъ депутатовъ въ Австріи распредѣленъ между четырьмя различными родами избирательныхъ коллегій: между коллегіями крупныхъ землевладѣльцевъ, коллегіями городовъ, коллегіями торговыхъ и промышленныхъ палатъ, коллегіями сельскихъ общинъ. Во всѣхъ этихъ коллегіяхъ избиратель долженъ имѣть не менѣе двадцати четырехъ лѣтъ и обладать извѣстной собственностью. Въ Швеціи имущественный цензъ требуетъ дохода въ 800 кронъ для лицъ, не состоящихъ собственниками или фермерами земельныхъ участковъ опредѣленной цѣнности. Конечно, въ сравненіи съ этой цифрой «квартирный цензъ» Англіи ничтоженъ. Онъ даруетъ политическое избирательное право всѣмъ, кто занимаетъ домъ или часть дома или—на правахъ жильца—квартиру, наемная плата за которую, безъ мебели, составляетъ не менѣе десяти фунтовъ стерлинговъ въ годъ. Незначительность требуемой платы очевидна. На дѣлѣ, однако,

мы видимъ иное. Очень многіе, пользующіеся по закону правомъ голоса, не могутъ воспользоваться имъ въ дѣйствительности, благодаря тѣмъ формальностямъ, которыми обставлено внесеніе въ избирательные списки. Англійскій же законъ, удерживая старые порядки, связывавшіе избирательное право съ земельной собственностью, создаетъ систему множественнаго вотума, съ той лишь разницей, что онъ основывается на «случайности», являясь скорѣе результатомъ несовершенной регламентаціи, чѣмъ заранѣе обдуманнымъ планомъ.

Однако, стоитъ ближе присмотрѣться къ новому обществу, чтобы убѣдиться, что и имущественный цензъ есть такой же пережитокъ, какъ и сословное начало. Сила историческаго движенія, съ упорной послѣдовательностью, все шире и шире выдвигаетъ другое начало, крайне простое по своей идеѣ, служащее инстинктивнымъ выраженіемъ чувства справедливости, начало, успѣхами котораго опредѣляется все поступательное движеніе новѣйшей демократіи. Это—*всеобщее* избирательное право. Оно отвоевало себѣ уже обширную область. Оно дѣйствуетъ во Франціи, гдѣ впервые и зародилось и гдѣ испытало столь трудную эволюцію, прежде чѣмъ сложилось окончательно, въ Соединенныхъ Штатахъ, другихъ государствахъ Америки, дѣйствуетъ въ швейцарскомъ союзѣ, какъ при федеральныхъ, такъ и при кантональныхъ выборахъ, въ Норвегіи. Отмѣненное въ 1877 году въ Испаніи, оно было возстановлено закономъ 26-го іюня 1890 г. Какъ извѣстно, Германію Бисмаркъ двинулъ въ сторону крайняго радикальнаго преобразованія, считая всеобщее избирательное право «гораздо лучшимъ залогомъ консервативнаго образа мыслей, чѣмъ искусственный, на достиженіе дѣланнаго большинства расчитанный избирательный законъ»*). (Это, разумѣется, не мѣшало Бисмарку въ то же самое время у себя въ Пруссіи находиться въ рѣзкомъ конфликтѣ съ народнымъ представительствомъ изъ-за самыхъ элементарныхъ конституціонныхъ правъ). Правда, рядомъ съ всеобщимъ избирательнымъ правомъ, принятымъ конституціей германской имперіи для выборовъ въ рейхстагъ, мы видимъ такія конституціи, какъ саксонская, баварская, виртембергская и пр. Лишь великое герцогство Баденское ввело всеобщее прямое голосованіе въ текущемъ году.

Мало того, отвоевавъ себѣ извѣстную область, общее избирательное право стремится расширить эту область, вступаетъ въ борьбу съ болѣе отсталыми формами, оттѣсняетъ на задній планъ всѣ прочіе способы возникновенія власти. *Компромиссъ* между всеобщимъ избирательнымъ правомъ и принципомъ имущественнаго ценза представляетъ и Бельгія,

---

*) „Мы знаемъ изъ опыта,—увѣрялъ онъ прусскаго посла при баварскомъ дворѣ,—что массы гораздо честнѣе заинтересованы въ сохраненіи государственнаго порядка, чѣмъ вожди тѣхъ классовъ, которыхъ активное избирательное право привилегируется введеніемъ какого-либо ценза“.

и Пруссія. Въ 1896 году въ Австріи къ 353 депутатамъ, избираемымъ зажиточными слоями населенія, прибавлено 72 депутата, избираемыхъ всеобщимъ голосованіемъ. Такъ—шагъ за шагомъ, путемъ агитаціи въ печати, агитаціи на собраніяхъ, путемъ цѣлаго ряда манифестацій и демонстрацій—всеобщее избирательное право собираетъ подъ свое знамя цивилизованный міръ. Правда, въ то же время мы наблюдаемъ обратное на первый взглядъ явленіе: въ то время, какъ одни сторонники этого принципа, требуя дальнѣйшаго его развитія и распространенія, съ лихорадочнымъ, можно сказать, болѣзненнымъ безпокойствомъ оберегаютъ его, другіе, вчера еще выдававшіе себя за восторженныхъ приверженцевъ системы, сегодня уже не могутъ примириться съ важнѣйшими актами ея, указываютъ на громадную опасность для всего существующаго въ странѣ порядка. Никогда, напр., существующая система выборовъ въ Германіи еще не была такъ ненавистна многимъ и многимъ, какъ сейчасъ. Но объ этомъ послѣ. Прежде чѣмъ перейти къ этому, спросимъ себя: что есть всеобщее избирательное право, каковы его послѣдовательныя ступени?

II.

Если избирательное право—не личное право, не право бюрократическаго учрежденія, то всѣ члены націи должны быть призваны къ осуществленію его, никто не долженъ быть устраненъ отъ него—таковъ первый логическій выводъ. Однако, «всеобщій» характеръ современнаго избирательнаго права нужно понимать cum grano salis, такъ какъ онъ ограничивается цѣлымъ рядомъ изъятій. Категоріи лицъ, лишенныхъ права голоса, различны въ различныхъ государствахъ.

Изъ этого права исключены прежде всего всѣ женщины. Женское избирательное право признано уже въ нѣкоторыхъ штатахъ Сѣверной Америки *) и Австраліи, также въ Новой Зеландіи; даже въ Англіи, благодаря комбинаціи старыхъ и новыхъ принциповъ, женщины пользуются правомъ голоса въ муниципальныхъ дѣлахъ, при муниципальныхъ выборахъ въ городскихъ и сельскихъ приходахъ такъ же, какъ въ мѣстечкахъ. Въ общемъ, однако, устраненіе лицъ женскаго пола составляетъ повсемѣстное ограниченіе всеобщей подачи голосовъ. Требованія женщинъ изъ буржуазной среды встрѣчаютъ лишь очень слабую поддержку со стороны мужчинъ той же среды. Это—характерная особенность буржуазнаго женскаго движенія. Конечно, съ точки зрѣнія гражданскаго права, женщина является такимъ же дѣеспособнымъ лицомъ, какъ и мужчина. Лишеніе ея права участвовать въ политическихъ выборахъ стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ началомъ признанія ея полноправности въ сферѣ частно-правовыхъ отношеній—про-

*) Іоминга и Колорадо.

тиворѣчіи, на которое обратилъ вниманіе еще Джонъ Стюартъ Милль. Еще въ 1789 г. французскія женщины обращались къ королю съ петиціей о предоставленіи имъ избирательныхъ правъ. Буржуазная мораль сознаетъ это и все же категорически противится женской равноправности. Она находитъ, что задача женщины не въ общественныхъ собраніяхъ и связанныхъ съ ними функціяхъ, а въ первоначальномъ воспитаніи дѣтей. Женщина принадлежитъ семьѣ и дому. Она настолько, молъ, неразвита, что способна внести лишь начала смуты въ политическую организацію новѣйшихъ обществъ. Рядомъ съ буржуазнымъ женскимъ движеніемъ растетъ женское движеніе и въ рабочей средѣ, составляющее часть рабочаго движенія вообще. Требованіе равноправности женщины какъ въ гражданской, такъ и въ политической области является однимъ изъ главныхъ требованій соціалъ-демократическихъ партій Европы и Америки. Онѣ возвышаютъ свой голосъ въ парламентахъ за самое высшее и важное право женщинъ: за активное и пассивное избирательное право женщинъ. Онѣ требуютъ для женщины права выбирать и быть избираемой въ общинныя представительства, доступа ко всѣмъ муниципальнымъ должностямъ, участія во всѣхъ отрасляхъ муниципальной дѣятельности. Онѣ добиваются для женщинъ права избранія въ промысловые суды, одинаковаго права въ управленіи всѣми учрежденіями по страхованію рабочихъ. Робкое, еще не окрѣпшее движеніе буржуазныхъ женщинъ запада со страхомъ остановилось передъ этимъ «компрометтирующимъ» ихъ обстоятельствомъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ бельгійская соціалъ-демократическая партія изъ временныхъ соображеній высказалась противъ распространенія права голосованія на женщинъ, но она встрѣтила рѣзкій протестъ со стороны своихъ международныхъ товарищей.

Даже не все мужское населеніе призывается къ участію въ выборахъ. Возрастъ, такъ же, какъ и полъ, является спорнымъ пунктомъ въ теоріи и практикѣ представительнаго правленія. Никто, конечно, не станетъ утверждать, что избирательное право должно принадлежать человѣку, какъ человѣку, даже несовершеннолѣтнему, который еще представленія объ общественныхъ дѣлахъ имѣть не можетъ. Но вопросъ сводится къ тому, что считать совершеннолѣтіемъ. Собственно, гражданское совершеннолѣтіе опредѣляется въ 21 годъ. Однако, возрастъ политической дѣеспособности большей частью не совпадаетъ съ гражданскимъ совершеннолѣтіемъ. Въ большинствѣ государствъ онъ колеблется между 20 и 24 годами. Въ германской имперіи, нѣкоторыхъ союзныхъ государствахъ Германіи *), Бельгіи, Нидерландахъ, Испаніи и Норвегіи установленъ для выборовъ въ парламентъ двадцатипяти-

*) Прусскій избирательный законъ устанавливаетъ право участія въ выборахъ въ прусскій ландтагъ въ 24 года, баварскій и саксенъ-веймарскій въ 21 годъ.

лѣтній возрастъ, въ Даніи даже тридцатилѣтній. Лишь въ Швейцаріи возрастъ политическаго совершеннолѣтія составляетъ 20 лѣтъ, въ отдѣльныхъ кантонахъ даже 18 лѣтъ. Различіе политическаго и гражданскаго совершеннолѣтія въ передовыхъ странахъ имѣетъ совершенно опредѣленныхъ друзей и совершенно опредѣленныхъ противниковъ. Въ то время какъ консервативныя партіи выказываютъ неизмѣнное тяготѣніе въ сторону возможно большаго повышенія возрастной границы, соціалъ-демократія запада самымъ рѣшительнымъ образомъ противится ему, наоборотъ, требуетъ возможнаго пониженія. Она держится того мнѣнія, что при современной сложности жизни, при растущихъ классовыхъ противорѣчіяхъ человѣкъ уже въ 17—18 лѣтъ задумывается надъ своимъ соціальнымъ положеніемъ, выбираетъ политическое знамя, подъ которое необходимо стать, не говоря уже о томъ, что никогда человѣкъ такъ не отдается общественному идеалу, какъ въ молодости, никогда не способенъ жертвовать своими маленькими благами во имя будущаго, какъ тогда. Соціалъ-демократія требуетъ пониженія возрастной границы до 21 года.

Даже для совершеннолѣтнихъ мужчинъ имѣются нѣкоторыя ограниченія. Всѣ избирательныя системы, въ томъ числѣ основанныя на всеобщемъ избирательномъ правѣ, допускаютъ, что граждане, вообще удовлетворяющіе условіямъ, требуемымъ отъ избирателя, могутъ временно или навсегда—вслѣдствіе недостойныхъ поступковъ—лишиться своихъ избирательныхъ правъ. Какъ ни разнообразны эти ограниченія, они, въ общемъ, касаются слѣдующихъ категорій:

1) мужчинъ, надъ имуществомъ которыхъ объявленъ конкурсъ,
2) мужчинъ, находящихся подъ опекой,
3) мужчинъ, состоящихъ подъ призрѣніемъ для бѣдныхъ,
4) мужчинъ, состоящихъ подъ надзоромъ.

Не малыя затрудненія представляетъ вопросъ о правѣ голоса для лицъ, находящихся на государственной службѣ. Запретить совсѣмъ доступъ имъ въ парламентъ—значитъ лишить его лицъ, непосредственно руководящихъ государственной машиной, свѣдѣнія о которой такъ важно парламенту получать во время. Конечно, былъ моментъ въ жизни представительныхъ странъ, когда участіе чиновниковъ въ избирательной системѣ было равносильно умаленію представителей общества. Еще въ 1791 г. функціи французскаго чиновника были объявлены несовмѣстными съ обязанностями народнаго представителя. Въ эпоху реставраціи эти функціи были возстановлены. Въ настоящее время французская конституція опять лишила чиновниковъ права быть избираемыми въ парламентъ, исключая министровъ, посланниковъ, префектовъ полиціи, президентовъ судовъ, архіепископовъ и епископовъ, профессоровъ и др. По конституціи Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, ни одинъ союзный чиновникъ, ни одинъ министръ не можетъ

быть избираемъ въ конгрессъ. Точно также швейцарская союзная конституція устраняетъ отъ выборовъ въ національный совѣтъ союзныхъ чиновниковъ, но не кантональныхъ. Въ Англіи лишь министры являются членами парламента, лишь мировымъ судьямъ, въ виду безвозмезднаго характера ихъ службы, доступъ въ парламентъ открытъ. Всѣ же чиновники, получающіе жалованье, не допускаются къ избранію. Въ Германіи, гдѣ чиновники могутъ быть избираемы въ рейхстагъ даже въ неограниченномъ числѣ, не допускается соединеніе депутатскихъ полномочій съ должностью, оплачиваемой государствомъ. Принимая депутатское полномочіе, должностное лицо должно отказаться отъ занимаемаго имъ мѣста. Законъ прямо принимаетъ мѣры противъ подкупа правительствомъ депутатовъ. «Если какой-либо членъ парламента, — читаемъ мы,—получитъ платное мѣсто на государственной службѣ или повышеніе на ней, то онъ теряетъ свое мѣсто въ рейхстагѣ» *). Правда, по той же статьѣ онъ можетъ быть избранъ вновь, но лишь послѣ вторичнаго одобренія со стороны избирателей. То же отношеніе находимъ мы въ конституціонныхъ законодательствахъ относительно военныхъ. Французскій законъ 30-го ноября 1875 года постановляетъ: «военно-служащіе всѣхъ чиновъ и всѣхъ родовъ войскъ, морскихъ и сухопутныхъ, не принимаютъ участія ни въ какихъ голосованіяхъ, когда они находятся на своемъ посту или при исполненіи своихъ обязанностей». Германскій избирательный законъ 1869 г. гласитъ: «Лица военнаго званія, служащія въ арміи или флотѣ, не имѣютъ права участвовать въ выборахъ, пока состоятъ на дѣйствительной службѣ». Аналогичное постановленіе мы находимъ въ Соединенныхъ Штатахъ, Франціи, Голландіи, Италіи, Австріи, Венгріи и пр. Исключеніе агентовъ правительства изъ парламента въ разное время зависѣло отъ разныхъ причинъ. Они исключались по настоянію депутатовъ, когда правительство проводило своихъ агентовъ съ тѣмъ, чтобы оказывать давленіе на парламентъ, фальсифицируя въ глазахъ страны общественное мнѣніе. Они исключались и по настоянію правительства, когда представительный образъ правленія становился на ноги, и министры опасались плетворнаго вліянія политики на своихъ агентовъ, въ частности на дисциплину арміи, которая, по мнѣнію охранителей, должна быть дальше всѣхъ отъ политической борьбы. Крайняя лѣвая требуетъ отмѣны такого порядка. См., напр., проектъ закона, внесенный въ палату депутатовъ 8-го марта 1894 года Гедомъ и многими изъ его единомышленниковъ.

Ограниченія, представляемыя системой всеобщаго избирательнаго права въ его современной постановкѣ, будутъ почти исчерпаны, если мы упомянемъ еще о тѣхъ лишеніяхъ права голоса, которыя созда-

*) Ст. 21 германской конституціи.

ются на практикѣ, вслѣдствіе необходимости прожить въ теченіе даннаго времени на одномъ и томъ же мѣстѣ для того, чтобы получить извѣстное удостовѣреніе. Конечно, это минимумъ гарантій, требуемыхъ обществомъ, желающимъ имѣть увѣренность въ томъ, что данное лицо дѣйствительно принадлежитъ ему, дѣйствительно. входитъ въ одну изъ установленныхъ имъ категорій. Но такое ограниченіе несовмѣстимо съ принципомъ, признающимъ политическое избирательное право за каждымъ взрослымъ, неопороченнымъ членомъ общества. Какъ справедливо замѣтилъ Гедъ, рабочій, переѣзжая изъ одного мѣста въ другое, никогда не оставляетъ за собой квартиры. Между тѣмъ, промышленная жизнь особенно подвижна, особенно измѣнчива. Такимъ образомъ, рабочій людъ сплошь и рядомъ теряетъ право подачи голоса *).

III.

Всеобщее избирательное право—не все, что знаетъ политическое развитіе передовыхъ странъ Европы и Америки. Это—первый шагъ, за которымъ слѣдуетъ прямое, равное и тайное избирательное право, тотъ клапанъ, черезъ который дѣйствительно проходятъ мысли и настроенія массъ, который дѣйствительно демократизируетъ государственную жизнь народовъ.

Есть страны, гдѣ массѣ избирателей предоставлено избраніе не депутатовъ, а лишь выборщиковъ, которые уже, въ свою очередь, выбираютъ депутатовъ. Тогда получается система двойныхъ выборовъ, тройныхъ и пр. Система двойныхъ выборовъ практиковалась въ 1789 году во Франціи, въ настоящее время она существуетъ въ Соединенныхъ Штатахъ, при выборѣ президента республики, при парламентскихъ выборахъ въ Пруссіи, въ Австріи, Норвегіи. Эта система нерѣдко маскируетъ собой отрицаніе всеобщаго голосованія. Приверженцы ея обыкновенно ссылаются на невѣжество бѣдняка-избирателя, который-де не въ состояніи еще отличить своего недруга отъ истиннаго представителя своихъ интересовъ; пусть, молъ, народъ укажетъ то или иное количество «образованныхъ», пользующихся уваженіемъ края людей. А эти ужъ, «близкіе» къ интересамъ массъ, стоящіе въ курсѣ дѣлъ, выберутъ «настоящихъ представителей»... Этотъ взглядъ представляетъ сплошное заблужденіе. Какъ показываетъ опытъ, народъ превосходно умѣетъ отличать того, кто ему нуженъ, отъ того, кто ему не нуженъ, того, кому онъ можетъ довѣрить свои интересы, отъ того, кому не можетъ. Ему не зачѣмъ для этого руководиться ка-

*) См. А. Эсменъ. „Основныя начала государственнаго права“. Переводъ съ французскаго Н. К. подъ редакціей и съ предисловіемъ М. М. Ковалевскаго. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва. 1898 г., стр. 189.

кими-то абстракціями, ему достаточно для этого руководиться фактами, бросающимися ему прямо въ глаза. Эти факты диктуютъ ему и его мѣсто, и его время, и его дѣло. На фактахъ общественной эволюціи онъ научается нерѣдко большему, чѣмъ другой въ ученомъ кабинетѣ. Помимо того, система посредственныхъ выборовъ превращается въ прямую случайность. Перенося центръ политической тяжести народа въ особую коллегію, она вноситъ весьма вредный коррективъ въ принципъ всеобщаго голосованія. Ослабляя энергію избирателей, она порождаетъ, наконецъ, абсентеизмъ. Вотъ почему всѣ лучшія конституціи построены на началѣ прямой подачи политическихъ голосовъ.

Мы говорили уже о томъ, какой характеръ принимаетъ избирательное право Англіи, благодаря такъ называемому квартирному цензу: одно и то же лицо, владѣющее земельной собственностью въ разныхъ графствахъ, получаетъ право голоса въ нѣсколькихъ избирательныхъ округахъ. А такъ какъ выборы различныхъ округовъ происходятъ въ Англіи въ разные дни, то оно можетъ свободно вотировать во всѣхъ графствахъ, гдѣ находится его собственность. Такого рода система рѣзко нарушаетъ принципъ всеобщности въ истинномъ смыслѣ слова. Принципъ всеобщности находится въ соотвѣтствіи лишь съ тѣмъ краткимъ, выразительнымъ девизомъ, который такъ энергично выкрикиваетъ англійская оппозиція: «каждому человѣму—голосъ и только одинъ». Всеобщее избирательное право должно покоиться на основѣ политическаго равенства.

Гдѣ избирательное право завоевало себѣ прочное положеніе, гдѣ соотношеніе силъ, выраженіемъ которыхъ оно является, заключаетъ въ себѣ крупныя противорѣчія, тамъ громче и громче начинаетъ раздаваться и требованіе тайной подачи голосовъ. Въ странахъ, достигшихъ высокой степени капиталистическаго развитія, гдѣ борьба интересовъ зашла особенно далеко, вопросъ этотъ трактуется съ особой страстностью. Не надо забывать, что мы имѣемъ безусловнымъ сторонникомъ открытаго голосованія такой авторитетъ, какъ Джонъ Стюартъ Милль, который въ своей книгѣ о представительномъ правленіи держался того взгляда, что человѣкъ, признанный политически зрѣлымъ, ни передъ кѣмъ не долженъ скрывать своихъ убѣжденій, что онъ долженъ имѣть мужество открыто высказывать ихъ всюду, каковы бы они ни были. Требованіе «честности» и «прямоты», выставленное Миллемъ, столь пришлось по душѣ всѣмъ реакціоннымъ партіямъ, что они не перестаютъ повторять его съ пѣной у рта. Тайное голосованіе, увѣряютъ они, должно лишь деморализировать народъ. Какъ узнать, если рабочій подаетъ свой голосъ противъ хозяина, противъ котораго онъ поостерегся бы голосовать, если бы онъ долженъ былъ это сдѣлать открыто! Какъ узнать, если какой-нибудь подчиненный, по-

видимому, преисполненный всяческимъ почтеніемъ передъ начальствомъ, бросаетъ въ урну соціалъ-демократическій бюллетень! Нѣтъ, выборы должны производиться подъ контролемъ «общественнаго мнѣнія». Иные аргументы приводятъ въ пользу тайной подачи голосовъ. Защитники ея прежде всего указываютъ на ту экономическую зависимость, въ какой находятся избирательныя массы, на тѣ безцеремонныя злоупотребленія, которыя продѣлываются надъ ними и въ промышленныхъ центрахъ, и въ сельскихъ округахъ сильными міра всего—предпринимателями, управляющими, экономами, инспекторами, всякаго рода старостами, на тѣ увольненія, отставки, внушенія, которыя слѣдуютъ каждый разъ, какъ только давленіе сверху не оказало ожидаемаго дѣйствія. И лишь потомъ противники «прямоты» и «честности» начинаютъ настаивать на той гарантіи, которая—при такой экономической зависимости милліоновъ—одна способна обезпечить независимость политическихъ взглядовъ, стойкость носителей этихъ взглядовъ. Время показываетъ, на чьей сторонѣ сила. Въ нѣкоторыхъ государствахъ бюллетени выдаются избирателямъ въ конвертахъ и возвращаются запечатанными, введены одинаковые избирательные бюллетени, спеціальныя избирательныя помѣщенія, гдѣ каждый избиратель ни для кого незамѣтнымъ образомъ могъ бы положить свой бюллетень въ куверть и пр.

Упрекъ, нерѣдко дѣлаемый системѣ всеобщаго голосованія въ томъ видѣ, въ какомъ мы ее изложили, состоитъ въ томъ, что меньшинство, молъ, затирается большинствомъ, оставаясь обыкновенно безъ вліянія на дѣла. Съ цѣлью обезпеченія интересовъ меньшинства не разъ предлагались проекты реформъ. Изъ этихъ проектовъ особое вниманіе привлекаетъ къ себѣ принципъ пропорціональнаго представительства. Въ странахъ съ слабо развитымъ парламентаризмомъ эта реформа проектируется исключительно крайними теченіями; но въ такихъ странахъ, какъ Англія, Франція, Бельгія, за нее высказываются уже очень многіе. Въ Швейцаріи пропорціональное представительство прямо введено въ нѣкоторыхъ кантонахъ. Принципъ состоитъ въ томъ, чтобы *всѣ* теченія имѣли своихъ представителей въ парламентѣ, чтобы каждое изъ нихъ сохраняло ту или иную степень вліянія; какъ бы меньшинство ни вынуждено было подчиняться большинству, каждое теченіе каждую минуту должно дальнѣйшей пропогандой, агитаціей и организаціей своихъ сторонниковъ вліять на общественное мнѣніе страны. Меньшинство обсуждаетъ, большинство рѣшаетъ. Разумѣется, пропорціональное представительство не является панацеей отъ всѣхъ золъ. Пропорціональное представительство не удовлетворятъ всѣ, безъ исключенія, политическія теченія. Однако, мало-мальски вліятельнымъ группамъ оно обезпечиваетъ значеніе въ парламентѣ.

IV.

Таково всеобщее политическое избирательное право въ его послѣдовательномъ развитіи, благодаря которому демократическія начала проникли постепенно въ страны самыхъ различныхъ историческихъ укладовъ.

Какъ же объяснить то явленіе, на которое мы указывали выше? Если избирательное право передовыхъ странъ дало уже столь очевидный результатъ, для чего же съ такой судорожностью оберегать его? Отчего столь многіе изъ тѣхъ, кто вчера еще являлся приверженцемъ принципа во всей его широтѣ, сегодня уже пятятся назадъ, то и дѣло дѣлаются его заклятыми врагами? Никогда, кажется, замѣтилъ я, существующая система выборовъ въ Германіи не была ненавистна столь многимъ, какъ сейчасъ. Чтобы разобраться въ немъ, этомъ обратномъ на первый взглядъ результатѣ, подойдемъ поближе хотя бы къ той же Германіи.

Извѣстно, при какихъ обстоятельствахъ Бисмаркъ толкнулъ Германію на путь всеобщаго, прямого и тайнаго избирательнаго права, не желая «рвать тѣсно между собой связанное», «валить въ одну кучу людей, ничего общаго между собой не имѣющихъ», «каждую общину мѣрять особой мѣркой». Бисмаркъ боролся противъ либеральной буржуазіи, и ему казалось, что съ помощью всеобщаго избирательнаго права всего легче обезпечить такую побѣду. «Основываясь на долгомъ опытѣ,—писалъ онъ лондонскому послу графу Бернсдорфу,—я вправѣ сказать, что искусственная система косвенныхъ и классовыхъ выборовъ гораздо болѣе опасна, такъ какъ она мѣшаетъ высшей власти соприкасаться съ здоровыми элементами, составляющими основное ядро и массу народа. Въ странѣ съ монархическими традиціями и лойальнымъ образомъ мыслей всеобщее право голоса, устраняя вліяніе класса либеральной буржуазіи, приведетъ и къ монархическимъ выборамъ. Въ Пруссіи же девять десятыхъ народа вѣрны королю и, только благодаря искусственному механизму выборовъ, лишены возможности выражать эту вѣрность... Я, не колеблясь, могу сказать, что косвенные выборы являются существеннымъ вспомогательнымъ орудіемъ революціи, и я думаю, что имѣю въ такихъ дѣлахъ кое-какой практическій опытъ». Это писалось въ 1866 г. — почти сорокъ лѣтъ тому назадъ, когда желѣзныя дороги еще впервые протягивали свои гигантскія щупальцы по странѣ. Еще въ сороковыхъ годахъ въ Германіи господствовалъ старый типъ промышленной жизни. Безъ сомнѣнія, она уже вступила въ новую эру. Основаніе таможеннаго союза, увеличившіяся въ своемъ количествѣ средства обращенія, серьезный подъемъ техники толкали капиталистическое производство все дальше

и дальше съ неизвѣстной до тѣхъ поръ быстротой. Вся континентальная Европа, и во главѣ ея Германія, подошла уже къ тому моменту, въ который началось интенсивное капиталистическое развитіе, переступила порогъ новаго времени. Въ этомъ заключается глубокое значеніе разсматриваемаго историческаго момента. Однако, могъ ли Бисмаркъ въ этотъ моментъ предусмотрѣть послѣдствія всеобщаго избирательнаго права?

Да, время дѣлаетъ свою работу, не считаясь съ планами даже такихъ государственныхъ дѣятелей, какъ Бисмаркъ. Въ то время, какъ онъ строитъ податливую палату депутатовъ, въ эту палату со всей страстью, со всей силой врываются противорѣчія классовыхъ интересовъ, которыя никогда не знаютъ заранѣе обдуманныхъ плановъ, которыя всюду прокладываютъ свои, лишь свои собственные пути. Стоитъ бросить взглядъ на экономическую эволюцію Европы, чтобы убѣдиться, что ни одна изъ европейскихъ странъ за послѣдніе четыре десятка лѣтъ не развивалась такъ быстро, какъ Германія. Стоитъ сопоставить германскія переписи населенія, чтобы получить самое конкретное представленіе объ этомъ развитіи. Ростъ городовъ является однимъ изъ вѣрныхъ показателей экономическаго развитія. Если какихъ-нибудь 40 лѣтъ тому назадъ въ Германіи насчитывалось всего нѣсколько городовъ съ населеніемъ болѣе 100.000 человѣкъ, то въ настоящее время ихъ насчитывается больше тридцати. Изъ 28 городовъ Германіи Мангеймъ и Дюссельдорфъ въ двадцать лѣтъ увеличились болѣе чѣмъ на 100%, восемь другихъ городовъ—на 80—100%, четырнадцать—на 58—80%, остальные на 28—50% *). Если въ 1871 году Германія занимала четвертое мѣсто среди торговыхъ націй, то въ настоящее время она уже заняла второе мѣсто. «Ужасная дуэль подготовляется между Англіей и Германіей», слышимъ мы восклицанія. Вотъ этотъ-то переворотъ и выдвинулъ въ Германіи тѣ массы сознательнаго пролетаріата, необычайный ростъ которыхъ не имѣетъ ничего подобнаго въ исторіи, тѣ широкіе размѣры, въ какихъ эти массы воспользовались своимъ правомъ, тѣ, наконецъ, принципы, приверженцами которыхъ онѣ—вопреки расчетамъ желѣзнаго канцлера—явились. Бисмаркъ убѣждается даже, что можно очень хорошо управлять страною и сообща съ буржуазіей. Онъ догадывается, наконецъ, къ какому «опасному» средству заставила его обратиться вражда къ либеральной буржуазіи. «Когда идетъ борьба на жизнь и смерть,—читаемъ мы уже въ его мемуарахъ,—тогда не особенно присматриваешься къ оружію,

*) Жоржъ Блондель. „Торгово-промышленный подъемъ Германіи". Переводъ подъ редакціей М. И. Туганъ-Барановскаго. Изданіе О. Н. Поповой. С.-Петербургъ. 1900 г.

за которое берешься, и къ тѣмъ сокровищамъ, которыя этимъ оружіемъ разрушаешь».

Положительно ту же перемѣну фронта переживаютъ либералы стараго времени, восторженно привѣтствовавшіе всеобщее избирательное право въ «Національномъ Совѣтѣ», а теперь являющіеся главными ораторами, когда рѣчь заходитъ объ ухудшеніи существующей системы выборовъ. *Оттѣсненные на задній планъ*, они въ самомъ рейхстагѣ еще склонны скрывать свои истинныя симпатіи и антипатіи, но въ парламентахъ союзныхъ государствъ, *гдѣ ихъ значеніе еще велико*, они неизмѣнно выступаютъ за самыя отжившія начала избирательнаго права. О томъ, какъ формулируютъ въ настоящее время свою программу буржуазные депутаты, даютъ представленіе тѣ два параграфа, которые выставилъ въ 1895 году въ своемъ проектѣ «король» Штуммъ: «§ 1. Соціалъ-демократы утрачиваютъ избирательное право; § 2. Вожди соціалъ-демократіи изгоняются изъ страны». Ни одна партія, за исключеніемъ оппозиціи, не является въ настоящее время безусловной сторонницей всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права.

Отсюда тѣ вспышки ненависти, которыя встрѣчаютъ въ Германіи самыя законныя требованія германской оппозиціи.

Такъ, еще и понынѣ основой для выборовъ въ имперскій рейхстагъ служитъ распредѣленіе избирательныхъ округовъ, установленное въ 1867 и 1871 годахъ. Тогда изъ 297 депутатовъ, соотвѣтствовавшихъ государствамъ сѣверо-германскаго союза, на долю Пруссіи приходилось 235, на долю Саксоніи—23, Гессена—3, Мекленбургъ-Шверина 6 депутатовъ и т. д. Когда, вслѣдствіе присоединенія къ союзу южно-нѣмецкихъ государствъ, число избирательныхъ округовъ дополнительнымъ закономъ было увеличено, Баварія получила 48, Вюртембергъ—17, Баденъ—14, великое герцогство Гессенъ—6 избирательныхъ округовъ. Когда присоединились Эльзасъ и Лотарингія, то и они получили свое представительство въ рейхстагѣ. Такъ и составилась та цифра депутатовъ (397), которые еще и въ настоящее время засѣдаютъ въ рейхстагѣ. Но цифра 397 соотвѣтствуетъ населенію въ 39.700.000 душъ, которыя и насчитывались въ свое время въ Германіи. Въ настоящее время, судя по даннымъ, относящимся къ 1900 г., Германія уже насчитываетъ 56.367.000 душъ населенія. Если бы распредѣлить избирательные округа сообразно настоящему населенію, то рейхстагъ вмѣсто 397 депутатовъ долженъ былъ бы состоять приблизительно изъ 530 представителей *). Невыполненіе этого настой-

*) „Государственный строй и политическія партіи въ Западной Европѣ и Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ". Редакція Е. Смирнова. Изданіе Н. Глаголева. С.-Петербургъ. 1904 г. Стр. 110—111.

чиво не разъ поднимавшагося требованія демократической оппозиціи является явнымъ нарушеніемъ дѣйствующей системы выборовъ, такъ какъ, согласно избирательному закону отъ 31-го мая 1869 года *), регулированіе избирательныхъ округовъ, увеличеніе числа депутатовъ сообразно росту населенія считается обязательнымъ. О томъ же говоритъ и 20 ст. имперской конституціи. Между тѣмъ реакціонеры, заинтересованные въ существующемъ порядкѣ вещей, каждый разъ рѣшительнымъ образомъ проваливаютъ предложеніе оппозиціи. Чтобы составить себѣ представленіе о томъ, какое вліяніе оказываетъ существующее въ Германіи распредѣленіе округовъ на существующую систему выборовъ, приведемъ интересную таблицу, относящуюся къ 1898 году и обозначающую число голосовъ, поданныхъ за каждую партію, число депутатовъ каждой партіи, далѣе—число голосовъ, приходящихся на каждаго депутата, наконецъ, то число депутатовъ, которое *пришлось бы* на каждую партію при правильномъ распредѣленіи округовъ:

Партіи.	Число под. голосовъ.	Число депутатовъ.	На каждаго депут. голос.	Число деп. при пропорц.
Соціалъ-демократы . .	2.107.000	56	37.626	108
Центръ	1.455.139	102	13.228	75
Національ-либералы .	971.302	47	20.666	51
Консерваторы	859.222	54	15.911	49
Свободомыслящая . .	558.314	29	19.252	29
Имперская	343.642	23	14.941	17
Антисемиты	284.250	10	28.425	10
Поляки	244.128	14	17.437	12
Свободом. союзъ . . .	195.682	12	16.307	12
Разныя др. партіи . .	143.658	14	10.261	—
Бавар. крест. союзъ .	140.304	4	37.576	8
Союзъ сел. хозяевъ .	110.389	3	36.796	—
Южн. нѣм. народ. п.	108.528	8	13.566	6
Эльзасцы	107.415	8	13.427	4
Вельфы	94.359	9	10.484	5
Датчане	15.439	1	15.439	1

Очевидно, какая партія страдаетъ большею всего отъ неправильнаго распредѣленія округовъ, какія партіи больше всего выигрываютъ. Страдаетъ германская оппозиція и отъ удлиненія избирательнаго періода съ трехлѣтняго срока на пятилѣтній, проведеннаго такъ называемымъ карательнымъ большинствомъ рейхстага въ 1887 году, отъ бездіятности—германскій рейхстагъ одинъ изъ немногихъ европейскихъ

*) § 5.

парламентовъ, депутаты которыхъ не получаютъ денежнаго вознагражденія—оттого, что выборы производятся въ обычный трудовой день, и чѣмъ настойчивѣе оппозиція требуетъ отмѣны стѣснительныхъ постановленій, тѣмъ рѣшительнѣе партіи порядка стремятся къ ихъ упроченію.

Эта картина, наблюдаемая въ особенно острой формѣ въ современной Германіи, наблюдается рѣшительно во всѣхъ странахъ высокаго капиталистическаго развитія, все обостряющейся классовой борьбы, все растущаго нерасположенія опредѣленныхъ партій къ соціальной демократіи. И что же? Всеобщее избирательное право торжествуетъ. Оно развивается въ томъ же направленіи, въ какомъ развивалось до сихъ поръ. Никакія силы не въ состояніи остановить его развитіе. Оно попрежнему захватываетъ область за областью, попрежнему расширяетъ политическую власть и политическое вліяніе народныхъ массъ. Остановить этотъ захватъ значило бы упразднить не только избирательное право, но и всю современную политическую организацію. А это, въ свою очередь, равносильно такого рода потерямъ, которыя придутся не по вкусу не однимъ крайнимъ партіямъ. Вотъ почему мечты, подобныя проектамъ «королей» Штуммовъ, хороши только до тѣхъ поръ, пока онѣ остаются въ ихъ «королевскихъ» головахъ.

Л. Клейнбортъ.

ТИХІЙ СВѢТЪ.

Тихій свѣтъ полночнаго сіянья —
Тихій свѣтъ задумчивой луны...
И плывутъ ко мнѣ изъ тишины
Непонятныхъ звуковъ сочетанья.
Я сегодня имъ не помѣшаю —
Пусть разбудятъ все, что я люблю,
Что себѣ я позабыть велю,
Все, что днемъ я въ сердцѣ заглушаю...
Ложь ушла... И вновь въ душѣ мятежной
Прежній образъ милый и родной,
И опять мечта моя со мной —
Тихій свѣтъ мой ласковый и нѣжный.

Г. Галина.

---

* * *

Еще темно, еще далекъ разсвѣтъ.
И жутко мнѣ, и голосъ мой нѣмѣетъ
И мысль моя безславно цѣпенѣетъ
Въ чаду земныхъ, неправедныхъ суетъ.
Но знаю я—стихія мной владѣетъ;
Въ моей груди нездѣшній вѣтеръ вѣетъ,
Меня томитъ невоплощенный бредъ,
И для него названья въ мірѣ нѣтъ.
Настанетъ день: душа порветъ оковы.
Съ нея спадутъ тяжелые покровы—
Грѣха и лжи презрѣнные дары.
Проснется богъ, и творческое слово,
Какъ молнія мгновенья грозового,
Сверкнетъ въ вѣкахъ и озаритъ міры.

С. Маковскій.

ТЕАТРАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ. VII.

„Въ мутной водѣ“, комедія А. А. Потѣхина.—„Авдотьина жизнь“, драма соч. С. Найденова.—„Крылья связаны“, комедія И. Потапенко.

По удачному совпаденію, ко времени чествованій сорокалѣтія введенія у насъ судебныхъ уставовъ, на сценѣ Императорскихъ театровъ возобновлена была старинная комедія А. А. Потѣхина «Въ мутной водѣ», какъ разъ относящаяся къ эпохѣ великихъ реформъ. Поразительное соотвѣтствіе настроенія въ исходныхъ положеніяхъ теперь и сорокъ лѣтъ назадъ, соотвѣтствіе, увы, и въ брюжжаніи недовольныхъ «новыми вѣяніями» тогда и теперь, въ пассивномъ, но упорномъ противодѣйствіи рутиневъ къ благимъ начинаніямъ, даже къ простымъ разговорамъ о возможныхъ реформахъ. Авторъ именно изобразилъ въ центральной фигурѣ своей комедіи нѣкоего сановника, графа Телятнева, который предпочелъ выйти въ отставку и уѣхать въ деревню, чѣмъ подчиниться «духу времени», и твердо убѣжденъ, что его вскорѣ призовутъ назадъ, что все опять пойдетъ по старому... Онъ въ достаточной мѣрѣ и глупъ, и подловатъ, этотъ графъ Телятневъ; авторъ не поскупился въ изобличеніи всѣхъ его отрицательныхъ свойствъ, но послушайте его разсужденія: первый вопросъ, который онъ задаетъ своему управляющему по пріѣздѣ въ деревню—«какъ отражаются на народѣ новыя реформы?» Телятневъ со страхомъ ждетъ отвѣта, но старикъ управляющій его успокоиваетъ: «Пока еще они не уяснили ихъ себѣ, ваше сіятельство, и плохо ихъ понимаютъ»... Телятневъ въ восторгѣ: «Я такъ и зналъ. Я это всегда говорилъ. Ну, такъ у васъ, значитъ, все тихо и спокойно, потому что движеніе между крестьянами было только тамъ, гдѣ находились добрые люди втолковать ихъ новыя права, объяснять имъ ихъ свободу и независимость отъ помѣщика»... О, какъ онъ ненавидитъ этихъ «добрыхъ людей», которыхъ дальше величаетъ нигилистами; какъ горячо возстаетъ противъ того, чтобы—«сбивали народъ безъ надобности съ его вѣковыхъ привычекъ и понятій», доскажемъ,—привычекъ крѣпостной зависимости. Графъ Телятневъ великолѣпно умѣетъ прикрываться пресловутыми устоями и народными основами, чтобы замаскировать свой чисто эгоистичный страхъ за собственное благополучіе, мирное, обезпеченное и прямыми и косвенными доходами житіе за счетъ рабскаго труда «нашего добраго народа», котораго, дескать, тщетно стараются испортить разными реформами. Слово «реформа» для него настоящій кошмаръ; онъ его не можетъ слышать;

онъ уѣхалъ изъ столицы въ деревенскую глушь, чтобы забыть самую возможность какихъ-либо реформъ, среди «тихаго», забитаго, невѣжественнаго народа. Но вотъ онъ встрѣчается съ сыномъ своего управляющаго, молодымъ человѣкомъ только что кончившимъ университетъ. Графъ хочетъ сперва встать къ нему въ покровительственное отношеніе, обѣщаетъ рекомендаціи для зачисленія на службу, его привело въ восторгъ открытіе, что отецъ этого молодого человѣка никогда еще не слыхалъ слово «нигилистъ» и не понимаетъ его значенія. Однако, на вопросъ графа, какой службы желалъ бы сынъ его управляющаго, онъ слышитъ отвѣтъ: «Я ожидаю судебной реформы. Хочу посвятить себя адвокатской дѣятельности». Это прямой ударъ въ сердце Телятневу: «А-а, вы тоже реформы ждете... гм... Нынче всѣ реформъ ждутъ, только о реформахъ и думаютъ... Ни денегъ, ни средствъ, ни подготовки, а всѣ кричатъ, требуютъ реформы, реформы подавай!..» Не сдается ли, что пьеса точно вчера написана, что сорока лѣтъ промежутка словно не бывало? Господа Телятневы не перевелись, къ сожалѣнію, и понынѣ; хорошо бы имъ, по примѣру ихъ общаго родича, вмѣсто того, чтобы тормозить естественный ростъ общественной жизни, ищущей себѣ соотвѣтствующихъ формъ, хотя бы и черезъ реформу,—обидѣться, оставить службу и ѣхать себѣ въ отдаленныя помѣстья къ мирнымъ «пейзанамъ»—дожидаться наступленія рокового часа, когда болѣе передовые и въ то же время болѣе дальновидные и довѣрчивые къ прогрессивнымъ силамъ общества представители власти вдругъ повернутъ назадъ,—если только возможно, чтобы это когда-либо случилось? Авторъ «Въ мутной водѣ», очевидно, самъ не хотѣлъ вѣрить возможности, чтобы графа Телятнева опять призвали къ дѣятельности. Хорошая то была вѣра и мастерски представлено, какъ ожиданія графа мало по-малу начинаютъ затумaниваться и въ немъ самомъ: и жена его съ достаточной ясностью ему внушаетъ «оставьте всѣ надежды», и даже камердинеръ, собираясь оставить мѣсто, положительно убѣжденъ, что не призовутъ опять: кончена пѣсенка. Дѣйствительно, въ 70-хъ годахъ Телятневыхъ не возвращали на службу, но они всплыли позже: авторъ отчасти и это предусмотрѣлъ. Свѣжее, весеннее настроеніе, которое проходитъ въ изобличительной формѣ въ первыхъ дѣйствіяхъ, характеризуетъ степень довѣрія автора къ первому шагу русскаго общества на пути великихъ рефомъ. Но пьеса все же заканчивается пессимистическимъ аккордомъ.

Мы не станемъ подробно разбирать ея содержанія, въ расчетѣ, что не нынче—завтра она будетъ напечатана въ новомъ изданіи сочиненій А. А. Потѣхина, о первыхъ выпускахъ котораго намъ уже приходилось давать отчетъ. Напомнимъ ее лишь вкратцѣ. Интрига комедіи довольно сложная и нѣсколько отзывается стариной: у графа есть секретарь, г. Кукукъ, бывшій студентъ дерптскаго университета, ловкій проходимецъ, который одновременно ухаживаетъ и за второй женой Телятнева, и за его дочерью отъ перваго брата. Оказывается, что все состояніе принадлежитъ именно этой дочери, которую держатъ подъ строгимъ дозоромъ, чтобы она не узнала объ этомъ и не помѣшала отцу и мачихѣ пользоваться ея средствами, такъ какъ графъ свое со-

стояніе уже прожилъ, а у графини ничего нѣтъ. Затѣивается гнусная интрига, въ которой Кукукъ играетъ двойственную роль, но въ концѣ концовъ спасаетъ состояніе молодой графини, заручившись ея согласіемъ выйти за него замужъ. Это, конечно, для него выгоднѣе. Параллельно этому «роману» идетъ другой между вышеупомянутымъ сыномъ управляющаго Семена Ивановича Козявкина, и дочерью кучера, Глашей, воспитанной какъ свой человѣкъ въ семьѣ Козявкиныхъ: Глашу почти насильно уводятъ въ домъ Телятневыхъ, и подъ предлогомъ отдать ее въ горничныя къ молодой графинѣ и камердинеръ графа (г. Варламовъ), и самъ графъ (г. Ленскій) таятъ гнусные умыслы воспользоваться ея молодымъ тѣломъ. Глаша въ концѣ концовъ отъ нихъ убѣгаетъ, и Петръ Козявкинъ на ней женится. Это нѣкоторый ударъ для старика Козявкина (г. Давыдовъ), который самъ дворянскаго рода, хотя и обѣднѣвшаго; но по существу простой и хорошій человѣкъ, онъ быстро примиряется съ демократическимъ выборомъ сына, а старая экономка въ домѣ Телятневыхъ, уволенная за свою преданность молодой графинѣ и памяти ея матери, обѣщаетъ ей небольшое приданое, чтобы успокоить алчныя побужденія отца Глаши—кучера. Итакъ, въ этой семьѣ все кончается благополучно, но у Телятневыхъ, очевидно, дѣло обстоитъ иначе: Кукукъ всѣхъ надулъ. Графиня-мачиха злорадствуетъ, что ея падчерица выходитъ за проходимца; молодая графиня, растерянная, не знающая жизни, воспитанная въ полной отчужденности отъ всего міра, идетъ за него замужъ безъ любви, видя въ немъ лишь избавителя и отъ затворничества, на которое ее обрекли, и отъ расхищенія ея состоянія. Графъ Телятневъ совсѣмъ уничтоженъ извѣстіемъ, что его дочь станетъ г-жой Кукукъ, и въ то же время пристыженъ разоблаченіями, что онъ какъ бы хотѣлъ ограбить родную дочь... Торжествуетъ лишь Кукукъ: всѣ его планы и расчеты удались; отнынѣ, женившись на богатой и титулованной дѣвушкѣ, онъ видитъ передъ собой всѣ дороги открытыми. «Я знаю себѣ цѣну» говоритъ Кукукъ, и когда Петръ Козявкинъ возражаетъ ему, что цѣна невысокая и невеликое достоинство въ мутной водѣ рыбу ловить, Кукукъ обѣщаетъ послѣ съ нимъ раздѣлаться: «Знаю, — отвѣчаетъ Петръ: черезъ полицію и ложные доносы — это ваше дѣло... (Къ графу) Не печальтесь, графъ. Вы сильны и выведете его въ люди. Мы далеко не пойдемъ, а Кукукамъ на Руси дорога широкая!..» Публика рукоплещетъ понынѣ этой фразѣ, имѣвшей, увы, роковое значеніе въ истекшемъ десятилѣтіи, въ періодъ реакціи. Не забылъ, что призывались-таки обратно Телятневы, и авторъ, въ первыхъ трехъ дѣйствіяхъ комедіи давшій намъ иллюзію, что графъ—конченный человѣкъ, а въ концѣ онъ представилъ возможность его возвращенія, если не прямо на службу, то всячески въ сферу вліяній и направленій въ правящемъ классѣ; а чего добраго, онъ могъ добиться и почетнаго зачисленія въ одну изъ высшихъ бюрократическихъ инстанцій. Такіе примѣры, вѣдь, бывали, и зловѣщее карканье Телятневыхъ принесло свои плоды въ недавнемъ прошломъ. И «широкая дорога» Кукукамъ не закрылась въ восьмидесятые годы... Однако, мы охотнѣе отзовемся на весенее настроеніе автора въ началѣ пьесы; будемъ думать, что не

перевелись и Петры Козявкины; нѣсколько блѣдно очерченъ этотъ образъ у автора, но многое недосказанное угадывается.

Пьеса идетъ, по сравненію съ напечатаннымъ текстомъ въ изданіи 1874 года, съ купюрами: опущена сцена усмиренія мнимаго бунта крестьянъ исправникомъ, пріѣздъ губернатора и т. д. Въ обработкѣ, особенно въ сложности интриги и слишкомъ добросовѣстномъ со стороны автора завязываніи и распутываніи узловъ дѣйствія, чувствуется нѣкоторая архаичность пріемовъ; комическія выходки, вродѣ заявленія нѣмки-горничной графини—что она пріѣхала въ деревню, чтобы «пить козла» (вмѣсто козье молоко), повторенныя съ варіаціями, тоже какъ будто устарѣли и не вызываютъ уже смѣха. Но фигуры главныхъ дѣйствующихъ лицъ полны жизни и правды (повидимому, особенно понравился и теперь типъ Семена Ивановича, честнаго, правдиваго и толковаго управляющаго графскими имѣніями, обѣднѣвшаго помѣщика, стойкаго во всѣхъ превратностяхъ жизни, лицо, прекрасно переданное г. Давыдовымъ), и комедія сохранила и понынѣ несомнѣнно общественное значеніе. Не въ этомъ ли одна изъ причинъ ея устойчиваго успѣха и черезъ сорокъ лѣтъ? Въ пьесѣ (въ ея цѣльномъ видѣ) во всякомъ случаѣ, широкій захватъ русской жизни въ данный историческій моментъ: очерчены и крестьянское сословіе, и мѣстная администрація, и представители высшей бюрократіи, и обѣднѣвшіе дворяне, и слуги стараго и новаго типа, и молодежь въ лицѣ положительныхъ и отрицательныхъ ея представителей (Петръ Козявкинъ и г. Кукукъ). Сатира направлена преимущественно на такія явленія, съ которыми связанъ въ томъ или иномъ отношеніи общій укладъ русской жизни и государственный строй. Быть можетъ, въ картинѣ недостаетъ яркихъ пятенъ и общій фонъ нѣсколько сѣроватъ, но планировка сдѣлана по широкому масштабу.

Новѣйшая комедія не даетъ намъ уже такихъ картинъ, которыя охватывали бы одновременно разныя стороны жизни. Обличительная тенденція остается понынѣ наиболѣе живымъ нервомъ драматической литературы, но область комедіи сузилась. За большія полотна художники рѣдко принимаются, а если и взята широкая рама, то внутри ея въ увеличенныхъ размѣрахъ представляются лишь отдѣльныя фигуры, отдѣльные эпизоды жизни, а не различныя стороны этой жизни въ совокупномъ разсмотрѣніи. Кромѣ того, за послѣднее время въ особенности, и правящіе классы, бюрократія, высшая и низшая, почти совсѣмъ отодвинуты на задній планъ: на сцену выступилъ «обыватель», котораго по преимуществу и изобличаетъ современная «комедія нравовъ». Типы чиновниковъ уже примелькались и, дѣйствительно, трудно было бы обойтись безъ повтореній, при ихъ изображеніи: они и въ жизни застыли съ извѣстными, неотъемлемыми отъ бюрократіи навыками и свойствами, не нуждаясь ни въ новомъ Щедринѣ, ни быть можетъ, даже въ новомъ Гоголѣ, чтобы, при нѣкоторомъ переименованіи должностей, не признать себя въ давно очерченныхъ типахъ и положеніяхъ.

Итакъ, теперь главное вниманіе направлено на «обывателя». Мы въ прошлый разъ разсматривали сцены Горькаго, изобличившаго группу такихъ обывателей; новая пьеса г. Найденова «Авдотьина жизнь» почти что филіаль-

ное отдѣленіе «Дачниковъ». Впрочемъ, съ однимъ существеннымъ отличіемъ: Горькій, какъ было указано, пощадилъ женщинъ, избравъ ихъ представительницами своихъ положительныхъ взглядовъ, а г. Найденовъ остановился именно на изобличеніи одного женскаго образа. Кстати отмѣтимъ, что, повидимому, сами женщины не совсѣмъ остались довольны особымъ положеніемъ, которое имъ отвелъ Горькій; въ газ. «Наша Жизнь» (№ 23) появилась замѣтка г-жи Т—ы Богдановичъ, подъ заглавіемъ «Въ защиту женщинъ», замѣтка, въ которой автору «Дачниковъ» ставится въ укоръ слишкомъ снисходительное отношеніе къ героинямъ пьесы и требуется болѣе равномѣрное обличеніе не только «мужей», но и женъ, если онѣ пассивно подчинились режиму мужей и не съумѣли своевременно выйти изъ категоріи «обыденныхъ обывательницъ». Г-жа Богдановичъ усматриваетъ въ этомъ нѣкоторое «жалѣніе» автора и предпочла бы ему самое безпощадное обличеніе. Намъ думается, что тутъ не столько играетъ роль «жалѣніе», котораго въ пьесѣ мы не усмотрѣли, а большее довѣріе автора къ душевнымъ свойствамъ женщинъ, умѣющихъ сохранять извѣстный фонъ идеализма, даже не всегда активно реагируя противъ среды, чѣмъ у мужчинъ. Причины такой одновременно и большей чистоты стремленій и сдержанности женщинъ сложны и разнообразны, и признаніе этихъ свойствъ за ними, конечно, субъективно. Во всякомъ случаѣ, какъ бы отвѣтомъ на статью г-жи Богдановичъ является эпизодъ «Авдотьиной жизни» г. Найденова. Авторъ, обратно г. Горькому, направилъ главное вниманіе не на мужей-обывателей, а выставилъ именно «обыденную обывательницу», разсказалъ намъ, какъ она попробовала взбунтоваться противъ среды и обстановки, и что изо всего этого произошло. Произошло же нѣчто весьма обыкновенное, но по существу довольное печальное, если не хуже того—трагическое, при все томъ, что ничего не вышло. Сюжетъ пьесы въ двухъ словахъ сводится къ слѣдующему: мелкій банковскій чиновникъ Изюмовъ, получающій всего жалованья 75 р. въ мѣсяцъ (г. Тихоміровъ) женатъ на единственной дочери богатаго купца (г. Александровскій)—Авдотьѣ Степановнѣ (г-жа Коммиссаржевская). Изюмовъ и человѣкъ-то маленькій, ничтожный, но добрый, обожающій свою жену, своихъ дѣтей, въ тоже время не способный выглянуть на свѣтъ Божій за предѣлы своихъ узкихъ интересовъ и того крошечнаго мірка, въ которомъ онъ живетъ. Постоянными гостьями Изюмовыхъ являются—одна пожилая дѣвица Василькова (г-жа Холмская) и сослуживецъ Изюмова нѣкто Абрамъ Евтихичъ Картинкинъ (г. Бравичъ), который весь ушелъ въ свой внутренній міръ, въ свои мечты и грезы, и въ цѣломъ городѣ, кромѣ Изюмовыхъ, никого не знаетъ, ни у кого не бываетъ. Василькова 15 лѣтъ какъ влюблена въ Картинкина, но не встрѣчаетъ взаимности: они вмѣстѣ гуляютъ, распиваютъ чаи у Изюмовыхъ, играютъ въ карты съ хозяевами; Картинкинъ наединѣ читаетъ свои стихи (такъ какъ онъ поэтъ) Васильковой, но самостоятельнаго интереса она въ немъ нисколько не вызываетъ. Жизнь всѣхъ этихъ людей донельзя однообразна: родители Авдотьи Степановны отъ времени до времени пріѣзжаютъ къ нимъ въ гости и это всякій разъ справляется, какъ событіе; празднуются именины, рожденія, разные торжественные дни; дочь надѣляютъ подар-

ками, внуковъ балуютъ, мужчины ходятъ на службу, а женщинамъ предоставлено лишь нянчиться съ дѣтьми и быть признательными за всякое баловство. Но вотъ въ городѣ появляется какой-то молодой человѣкъ—Павелъ Герасимовичъ, который въ пьесѣ довольно загадочно обозначенъ просто, какъ «крестьянскій сынъ». Онъ даетъ книжки читать Авдотьѣ Степановнѣ, пробуждаетъ въ ней духовные запросы къ какой-то иной жизни, словомъ, выступаетъ въ роли «развивателя». Авдотья Степановна увлекается имъ, «бунтуетъ», хочетъ жить по иному, но пока усваиваетъ только грубыя выраженія и пародоксальный афоризмъ нашихъ дней, что «надо быть жестокимъ»... Какъ бы то ни было, знакомство съ Герасимовымъ производитъ цѣлый переворотъ въ душѣ Авдотьи Степановны, которая рвется изъ узъ обывательской жизни, символизируемой въ пьесѣ и вонючимъ каналомъ, который течетъ какъ разъ противъ дома, гдѣ живутъ Изымовы, такъ что въ лѣтнее время оконъ открыть нельзя. Мужъ ревнуетъ, родители возмущены; въ концѣ концовъ, по доносу или Изюмова, или отца Авдотьи Степановны, — Герасимова выселяютъ изъ города. Онъ врывается въ домъ Изюмовыхъ, изобличаетъ доносчиковъ и предлагаетъ Авдотьѣ уйти съ нимъ. Первый порывъ Авдотьи — порвать съ семьей и бѣжать. Ее не могли удержать ни преграды, ни запоры; она уходитъ, но въ послѣднемъ дѣйствіи возвращается назадъ—къ мужу, къ дѣтямъ. Взбунтовалась, и все-таки ничего изъ этого не вышло. На упреки Картинкина въ недостаткѣ энергіи и стойкости, Авдотья Степановна возражаетъ—что она могла сдѣлать? Ни у нея, ни у Герасимова ничего нѣтъ. Онъ—бѣдный и долженъ еще самъ пробить себѣ путь въ жизни. У нея дѣти—она ихъ любитъ, а ни къ какому самостоятельному труду она къ тому же и не способна. И вотъ она опять въ прежней обстановкѣ, опять будетъ получать подарки съ разными шуточками отъ папаши, играть въ карты, ѣздить «для развлеченія» въ семейныя бани, а потомъ ужинать въ семьѣ, лакомясь разными домашними изготовленіями, и т. д. Авторъ не «пожалѣлъ» Авдотьи и довелъ до конца типъ безпомощной, безвольной, избалованной и не способной къ самостоятельности «обывательницы», но при этомъ у зрителей возбуждается не протестъ, не негодованіе, а какое-то скорбное чувство: вѣдь, чтобы Авдотья стала человѣкомъ, нужно всю жизнь ея передѣлать съ начала. Отмеетка, надо надѣяться, будетъ въ дѣтяхъ, которыхъ Авдотья Степановна съумѣетъ воспитать по иному. Авторъ заканчиваетъ пьесу пессимистично: указавъ лишь возможность и въ Авдотьѣ Степановнѣ откликнуться на иныя, высшія стремленія, чѣмъ мелкіе интересы буржуазнаго обихода, онъ заставляетъ ее сдаться, покориться, завянуть. Ей нѣтъ оправданія, но ея неудачный «бунтъ» какъ бы предостереженіе для многихъ. Всего больнѣе это отозвалось на Картинкинѣ, который какъ-то вдругъ почувствовалъ всю безнадежность ихъ обывательскаго житья-бытья и застрѣлился.

Драма Найденова несомнѣнно талантливое произведеніе и въ цѣломъ рядѣ частностей, которыя слишкомъ долго было бы перечислять, чувствуется и наблюдательность автора, и вѣрность письма, и умѣнье очертить живой и цѣльный образъ. Всѣ фигуры у него жизненны и рельефны, за исключеніемъ

«крестьянскаго сына», который, впрочемъ, играетъ аналогичную роль съ «нигилистомъ», Петромъ Козявкинымъ, въ вышеразсмотрѣнной комедіи Потѣхина. Но кое-гдѣ авторъ допускаетъ и натяжки тенденціознаго свойства, вродѣ того, напримѣръ, что Авдотья Степановна, сообщающая, что ее тщательно обучали французскому языку, не понимаетъ слова «проблема», не можетъ усвоить значеніе термина «процессы развитія» и т. д. Положительная сторона ученья «крестьянскаго сына» сильно затушевана, и мы видимъ только, какъ Авдотья Степановна научилась браниться. Есть по временамъ и излишняя «фотографичность» въ рисункѣ и порою чувствуется недосказанность. Конецъ пьесы — заявленіе Картинкина, — что «всѣ мы Авдотьи», какъ Варвара Михайловна въ пьесѣ Горькаго заявляла, что «всѣ мы дачники», какъ легко обобщить каждый частный случай отрицательныхъ явленій, которыми, увы, такъ богата русская дѣйствительность, и затѣмъ его молчаливое самоубійство изъ револьвера, почему-то очутившагося въ спальнѣ Авдотьи,—производитъ странное впечатлѣніе. Онъ придуманъ, а между тѣмъ вся пьеса полна жизненной и житейской правды и рисовка типовъ вполнѣ художественная.

Къ сожалѣнію, мы не можемъ приписать такихъ же качествъ новой пьесѣ г. Потапенка «Крылья связаны», темой которой служитъ опять-таки изобличеніе обывателя, такой же безрезультатный «бунтъ», какъ у Авдотьи, чтобы расправить крылья, и то же поглощенье пошлой житейской прозой не обладающаго достаточной энергіей и силой сопротивленія средѣ человѣка. Но дѣйствіе—не въ отдаленномъ захолустномъ городкѣ, а въ большомъ столичномъ центрѣ, и герой пьесы—профессоръ медицинской академіи, свѣтило науки, по своимъ первымъ дебютамъ, а теперь знаменитость во врачебномъ мірѣ и модный консультантъ. Лагодинъ, такъ зовутъ профессора (г. Дальскій), въ молодости мечталъ быть благодѣтелемъ больного человѣчества; онъ былъ любимымъ ученикомъ Бюхнера; его раннія работы обратили на себя общее вниманіе; у него былъ выдающійся умъ, таланты, наилучшія стремленія. Но, лишившись жены, послѣ которой у него осталось трое дѣтей, онъ женился вторично на красивой и бездушной молодой дѣвушкѣ, Иринѣ Васильевнѣ (г-жа Пушкарева), которая потребовала отъ него роскоши, богатой обстановки, избаловала его дѣтей, кромѣ младшей дочери, Вѣры (г-жа Домашева), пошедшей въ мать, и въ угоду семьѣ Лагодинъ забросилъ свои научныя занятія, завелъ обширную практику, сталъ издавать учебники, по которымъ студенты должны были сдавать у него экзамены, словомъ, весь размѣнялся на ничтожныя дѣла. Самъ работая какъ волъ, онъ служитъ лишь источникомъ матеріальнаго благополучія своей семьи. Неожиданно пріѣзжаетъ сестра второй жены Лагодина,—женщина-врачъ Ксенія Васильевна Радичъ (г-жа Савина), знавшая его еще молодымъ человѣкомъ въ Цюрихѣ и дружившая съ его первой женой; одновременно является и его братъ—земскій статистикъ, Антонъ Петровичъ (г. Петровскій), сохранившій и къ старости весь пылъ юношескихъ стремленій и вѣрность молодымъ завѣтамъ. Оба они стараются пробудить въ Лагодинѣ прежняго человѣка, развязать ему крылья. Ксенія раскрываетъ ему глаза на его семейную обстановку, на печальную картину, которую представляютъ изъ себя его

старшіе—сынъ, студентъ-юристъ, и дочь, оба думающіе лишь о выгодномъ бракѣ; переходя «на ты», по старой памяти, она напоминаетъ Лагодину, какъ его первая жена завѣщала ему вести дѣтей «къ свѣту! только къ свѣту!» и заставляетъ оглянуться на себя. «Въ тебѣ умеръ живой человѣкъ говоритъ Ксенья. — Что ты сдѣлалъ со своимъ умомъ?» — «Я держалъ его впроголодь», безропотно отвѣчаетъ Лагодинъ. Но вотъ, подъ вліяніемъ Ксеніи, онъ вдругъ отряхнулся; онъ отказывается отъ практики, перестаетъ «стряпать» новое изданіе своего учебника, принимается опять за науку, читаетъ блестящій рефератъ и тщательнѣе обрабатываетъ лекціи, за что студенты устраиваютъ ему овацію, а въ медицинскомъ мірѣ вездѣ заговорили опять о его блестящихъ способностяхъ и важныхъ открытіяхъ въ наукѣ. Это длится недолго: съ прекращеніемъ практики сократились доходы; дочь Лагодина тайкомъ выходитъ замужъ за богатаго человѣка, вполнѣ ничтожнаго, котораго она не любитъ и любить не можетъ; жена угрожаетъ, что и она покинетъ домъ и уйдетъ (неизвѣстно куда); Лагодинъ испугался и снова принимается за практику и за учебникъ, все опять идетъ по старому. Выходитъ, что «бунтъ» Лагодина такъ же не удался, какъ и вспышка Авдотьи, и петербуржцы усматривая многое знакомое въ пьесѣ г. Потапенко относительно суетности строя жизни въ Петербургѣ, постояннаго недосуга, массы отклоняющихъ отъ серьезной работы обстоятельствъ и т. д., и т. д., съ такимъ же успѣхомъ могли бы сказать: «всѣ мы Лагодины», какъ Картинкинъ заявилъ, что «всѣ мы Авдотьи»... Но этотъ выводъ предоставленъ зрителямъ, и, конечно, г. Потапенко поступилъ осторожно, обойдясь безъ резонерской ремарки въ устахъ котораго-нибудь изъ дѣйствующихъ лицъ.

Ихъ въ пьесѣ довольно много и мы не останавливаемся на побочныхъ эпизодахъ. Въ общемъ, сюжетъ комедіи даетъ не дурной матеріалъ для повѣсти или разсказа, но драматическая обработка его насъ весьма не удовлетворяетъ. Всѣ переходы отъ одного настроенія къ другому совершаются рѣзко, стремительно, безъ должной убѣдительности. Авторъ словно избралъ своимъ девизомъ—быстрота и натискъ, и его дѣйствующія лица не живутъ передъ вами, какъ настоящіе «живые» люди, а повинуются незримымъ велѣніямъ автора, заставляющаго ихъ говорить и дѣйствовать, по своему усмотрѣнію. Этотъ пріемъ очень расхолаживаетъ. Мы желали бы прочесть намѣченный авторомъ сюжетъ въ повѣсти и заранѣе увѣрены, что онъ гораздо лучше бы намъ его разсказалъ въ повѣствовательной формѣ, какъ опытный и талантливый разсказчикъ. А тема, конечно, интересна. «Есть долгъ важнѣе семьи, выше любви, долгъ передъ своимъ талантомъ, передъ своей душой», говоритъ, между прочимъ, Лагодину Ксенія Васильевна; мы прибавили бы—долгъ и передъ человѣчествомъ, или, по крайней мѣрѣ, передъ обществомъ, которое вычеркиваетъ изъ своего списка тѣхъ, кто замыкается въ рамки узко-эгоистическихъ заботъ. Это сознаніе необходимой солидарной дѣятельности въ жизни должно служить мощнымъ побужденіемъ расправить крылья—всякому, кому лишь крылья даны.

Ѳ. Батюшковъ.

ПАМЯТИ А. Н. ПЫПИНА.

26-го ноября истекшаго года скончался Александръ Николаевичъ Пыпинъ. Смерть пришла внезапно и застигла его среди обычныхъ, непрерывныхъ, научныхъ и журнальныхъ работъ. Недѣли за двѣ до смерти А. Н. издалъ въ свѣтъ отдѣльное изданіе своихъ статей о Некрасовѣ, а въ декабрьской книгѣ «Вѣстника Европы» появилась его рецензія и въ январской—посмертная статья. Порвалась замѣчательно плодотворная ученая и общественная дѣятельность, поразительная и въ качественномъ, и въ количественномъ отношеніяхъ. Не прошло еще двухъ лѣтъ со времени чествованія А. Н. Пыпина по случаѣ пятидесятилѣтняго юбилея его дѣятельности, когда торжественно были заявлены его заслуги передъ наукой и обществомъ. Мы не будемъ останавливаться на событіяхъ жизни А. Н. и фактахъ его литературной біографіи: и тѣ и другіе стали общеизвѣстными послѣ его юбилея. Въ свое время и на страницахъ нашего журнала (1903 г., іюль) была дана оцѣнка общественному значенію трудовъ Пыпина. Ихъ ученое значеніе опредѣляется созданіемъ трехъ «великихъ сводовъ» по исторіи славянскихъ литературъ, по исторіи русской литературы и по исторіи русской этнографіи. Подобные своды, созданные на основаніи внимательнѣйшаго изученія огромной массы частныхъ изслѣдованій, оказываютъ огромное вліяніе на развитіе науки и создаютъ научную эру. Общественный смыслъ ученой дѣятельности А. Н. Пыпина мы видимъ въ выясненіи исторической преемственности идей, лежащихъ въ основѣ современнаго общественнаго движенія, въ опроверженіи славянофильскихъ и оффиціальныхъ взглядовъ на наше прошлое, въ выясненіи исторической необходимости европеизаціи Россіи.

Со смертью А. Н. Пыпина «русская наука понесла невознаградимую потерю». Эта обычная фраза некрологовъ въ буквальномъ смыслѣ, въ объемѣ всего своего содержанія абсолютно вѣрна по отношенію къ А. Н. Пыпину. Дѣйствительно, А. Н. занималъ совершенно исключительное положеніе въ ученомъ мірѣ. Возьмемъ хотя бы область исторіи русской литературы. Въ этой области работаютъ видные спеціалисты, иногда талантливые, а иногда только трудолюбивые и добросовѣстные, но среди нихъ въ настоящее время нѣтъ ни одного, который, обладая, подобно Пыпину, детальнымъ знаніемъ предмета во всемъ его объемѣ, былъ бы способенъ въ такой же мѣрѣ, какъ и А. Н., къ широкимъ обобщеніемъ и синтетическимъ построеніямъ. Рѣдкіе изъ ученыхъ могутъ похвалиться той научной справедливостью, которая такъ отличала всѣ сужденія Пыпина о лицахъ и трудахъ. Вотъ почему всякій начинающій ученый, выпуская свой трудъ, съ перепетіями ждалъ замѣтки о своей книгѣ на страницахъ «Вѣстника Европы», подписанной иниціалами «А. П.». И ученые, расходившіеся въ общественныхъ и принципіальныхъ взглядахъ съ А. Н., быть можетъ, иногда и противъ своего желанія должны были считаться съ авторитетностью замѣтокъ «А. П.». Пыпинъ, дѣйствительно, былъ *авторитетнѣйшимъ ученымъ*. Правда, среди спеціалистовъ, въ особенности изъ

«обиженныхъ» Пыпинымъ, находятся и такіе, которые, изучивъ вдоль и поперекъ какой-нибудь мельчайшій вопросъ, готовы смотрѣть на Пыпина съ трехъаршинной высоты своихъ спеціальныхъ знаній и даже не признавать его ученыхъ заслугъ, но такіе спеціалисты въ счетъ неидутъ: вѣдь это просто, смѣшныя аномаліи *).

Но А. Н. Пыпинъ является высокимъ образцомъ не только для спеціалиста въ сферѣ ученаго творчества. А. Н. Пыпинъ былъ истиннымъ ученымъ, и его жизнь и взгляды являются особенно поучительными въ наше время для ученыхъ нашего времени—чиновниковъ въ профессорскомъ сюртукѣ и профессоровъ, продающихъ науку за чиновничій вицъ-мундиръ. Для А. Н. Пыпина наука не была мертвымъ, схоластическимъ явленіемъ, чуждымъ всякаго активнаго воздѣйствія на жизнь; для него наука была живой, вѣчной и сливалась съ жизнью. Истиннаго ученаго характеризуетъ свободный духъ, и истинная наука всегда борется за естественныя права личности, за свободу проявленій духа. Истинное служеніе наукѣ необходимо предполагаетъ и служеніе идеаламъ освобожденія духа. Поэтому-то и приходится отмѣчать, что Пыпинъ былъ настоящимъ ученымъ въ широкомъ, истинномъ смыслѣ слова; въ дѣятельности Пыпина была живая, дѣйственная связь науки съ жизнью. Всѣ его труды проникнуты сознаніемъ высокаго значенія науки, какъ силы, выясняющей и защищающей естественныя права личности.

А. Н. Пыпинъ высоко цѣнилъ общественное значеніе научной дѣятельности и думалъ, что ученый въ своихъ стремленіяхъ къ общественной пользѣ *можетъ и даже долженъ* удовлетвориться своимъ посильнымъ участіемъ въ посильной разработкѣ науки, въ научномъ творчествѣ. Понятно, что, въ представленіи А. Н. Папина, научная дѣятельность всякаго ученаго должна совершаться въ широкихъ путяхъ общественнаго развитія. А. Н. Пыпинъ глубоко вѣрилъ въ конечное торжество идеаловъ освобожденія, такъ глубоко, что считалъ излишнимъ обращеніе ученаго къ практической дѣятельности. Пишущему эти строки пришлось быть свидѣтелемъ разговора Пыпина съ однимъ, начинавшимъ ученымъ, который, долженъ былъ покинуть Петербургъ и, слѣдовательно, ученую работу. А. Н. искренно огорчился его поведеніемъ и съ нѣкоторымъ раздраженіемъ упрекалъ его: «Ничего вы не достигните вашей практической

---

*) Странное впечатлѣніе производитъ и тяжелое чувство вызываетъ отношеніе историко-филологическаго факультета къ памяти А. П. Пыпина. „Наша Жизнь“ (въ № 24 отъ 29-го ноября) сообщаетъ во поводу похоронъ Пыпина: „Блисталъ своимъ отсутствіемъ петербургскій университетъ. Ни университетъ, ни историко-филологическій факультетъ, членомъ котораго былъ покойный Пыпинъ, не сочли нужнымъ прислать хоть бы вѣнковъ на гробъ. Что это—небрежность или умышленное пренебреженіе къ памяти ученаго, оказавшаго столь мощное вліяніе на развитіе русской науки?“ Особенно страннымъ является это пренебреженіе со стороны факультета, который имѣлъ честь считать Пыпина въ числѣ своихъ членовъ. Надо думать, что представители каѳедръ, по предметамъ которыхъ работалъ Пыпинъ, колеблятся въ признаніи ученыхъ заслугъ А. Н. Пыпина.

дѣятельностью,—говорилъ онъ молодому человѣку.—Вы можете и должны заниматься наукой, и на научномъ поприщѣ вы скорѣй достигнете воплощенія дорогихъ вамъ идеаловъ, на научномъ поприщѣ ваша работа во имя этихъ идеаловъ будетъ гораздо продуктивнѣе и плодотворнѣе». Этотъ эпизодъ ярко иллюстрируетъ и тѣ высокія требованія общественности, которыя предъявлялъ А. Н. Пыпинъ къ наукѣ, и его глубокую вѣру въ активность воздѣйствія науки на жизнь.

П. Щеголевъ.

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ РОССІИ ВЪ НОВОМЪ ОСВѢЩЕНІИ.

Въ октябрьской книжкѣ «Zeitschrift fur Socialwissenschaft» за 1903 годъ появилась статья извѣстнаго знатока сельскаго хозяйства, бреславльскаго профессора Ф. Гольдефлейса, подъ названіемъ: «О русской степи». Статья эта не обратила на себя вниманія нашихъ экономистовъ, между тѣмъ совсѣмъ не лишне познакомиться съ нѣкоторыми изъ наблюденій и выводовъ почтеннаго нѣмецкаго ученаго, основательно изучившаго Россію.

«Южно-русская равнина съ ея степнымъ характеромъ,—начинаетъ свое изслѣдованіе Гольдефлейсъ,—является для многихъ, для очень многихъ, предметомъ глубокаго интереса. Во-первыхъ, почти всѣ путешественники одинаково бываютъ поражены ея необъятнымъ протяженіемъ, повидимому, не имѣющимъ конца, чудесными эффектами ея красокъ и тихими, таинственными чарами гигантскаго однообразія, всегда производящаго впечатлѣніе могучей безконечности. Во-вторыхъ, южно-русская равнина еще больше интересуетъ сельскаго хозяина, благодаря своеобразному составу ея почвы, которой приписывается необычайное плодородіе. Наконецъ, въ-третьихъ, она озабочиваетъ западноевропейскихъ сельскихъ хозяевъ, которые ожидаютъ отъ русской земли необычайной производительности, могущей въ будущемъ овладѣть снабженіемъ населенія Европы продуктами земледѣлія. Этими тремя основаніями,— заканчиваетъ свое введеніе профессоръ,—я также руководился, предпринявъ путешествіе въ Россію, главнымъ образомъ, для изученія породъ скота.»

Описавъ степи, деревни, крестьянъ и ихъ пѣсни, которыя нѣмцамъ, вообще, очень нравятся, назвавъ малороссовъ болѣе зрѣлыми въ политическомъ отношеніи, чѣмъ великороссовъ, профессоръ Гольдефлейсъ подходитъ затѣмъ къ самой сущности дѣла, которую мы передадимъ вслѣдъ за нимъ.

Русскія степи простираются въ видѣ полосы съ запада и юго-запада на востокъ и юго-востокъ, съ западной границы южной Россіи до южной половины Урала, захватывая губерніи: Подольскую, сѣверную часть Бессарабской, Херсонскую, Кіевскую, Полтавскую, Екатеринославскую, Харьковскую, Курскую, Воронежскую, Тамбовскую, Саратовскую, Пензенскую, Симбирскую, Самарскую и Уфимскую. Въ области этой же полосы находятся средніе и нижніе бассейны Днѣстра, Буга, Днѣпра, Дона и средній бассейнъ Волги. Самая широкая часть полосы находится въ серединѣ, по линіи Орелъ-Новочеркасскъ,

расширяясь до 800 километровъ и съуживаясь къ обоимъ концамъ до 400 километровъ. Степная полоса занимаетъ около $^1/_4$ всей площади Европейской Россіи.

Почва этой полосы почти всецѣло состоитъ изъ чернозема. Послѣдній доходитъ до западнаго побережья Чернаго моря, около Одессы, а также до побережья Азовскаго моря. Вслѣдъ за этой полосой идетъ другая, съ не столь темной, съ менѣе плодородной и еще болѣе сухой землей.

Какъ извѣстно, почва степной полосы состоитъ изъ чернозема. Такую почву обыкновенно принято считать за самую плодородную. Нѣмецкій сельскій хозяинъ, равно какъ экономистъ, не отдѣляетъ въ своемъ воображеніи имени Россіи отъ представленія о многоземельи и производительности русской земли. «Тѣмъ не менѣе,—утверждаетъ Гольдефлейсъ,—почва Россіи вовсе не отличается такимъ плодородіемъ, и я считаю разсказы о немъ легендой, не имѣющей основанія ни въ прошломъ, ни въ будущемъ».

Во-первыхъ, слѣдуетъ констатировать, что сравнительно съ огромной площадью Европейской Россіи и съ потребностями ея собственнаго населенія величины черноземной полосы недостаточно. Вѣдь вся обширная площадь земли къ сѣверу отъ линіи Житоміръ-Кіевъ-Черниговъ-Орелъ-Тула-Рязань-Нижній-Новгородъ-Казань и Пермь «по нашимъ понятіямъ мало плодородна, едва ли можетъ быть улучшена, можетъ, да и то съ грѣхомъ пополамъ, кормить собственное населеніе и никогда не дастъ избытка для вывоза». Такимъ образомъ, эпитетъ плодородный позволительно употреблять только по адресу черноземной полосы. Но и въ послѣднемъ случаѣ это плодородіе очень проблематично. Вотъ доказательства, приводимыя профессоромъ Гольдефлейсомъ. Въ лучшихъ плодороднѣйшихъ мѣстахъ черноземной полосы построены фабрики и культивируется свекловица. Фабрики и плантаціи находятся подъ наблюденіемъ опытныхъ, по большей части нѣмецкихъ и французскихъ инженеровъ и сельскихъ хозяевъ, такъ что лучшіе методы раціональнаго хозяйничанія не остаются безъ вниманія. Какіе же результаты даетъ такая обработка землѣ, слывущей дѣвственной и очень плодородной? Гольдефлейсъ вспоминаетъ Мансфельдскій округъ въ Саксоніи, бывшій черноземнымъ. На этой землѣ прежде не сѣяли свекловицы, а когда вздумали засѣивать, то такъ глубоко вспахали почву, что черноземная поверхность была вся взрыта и, смѣшавшись съ нижнимъ слоемъ земли, выглядѣла желтой. Жители сосѣднихъ съ сахарнымъ заводомъ мѣстъ думали, что земля на долгое время испорчена, но событія не оправдали ихъ опасеній. Въ первый же годъ послѣ описанной процедуры съ каждаго моргена было собрано 200 центнеровъ свекловицы. Когда же на прусскій моргенъ лучшей южно-русской земли получается 120 центнеровъ свекловицы, то всѣ говорятъ о хорошемъ урожаѣ. Обыкновенно же получается не болѣе 100 центнеровъ. Урожаи пшеницы на этой хваленой землѣ также не особенные. «По нашимъ понятіямъ, они далеко не блестящи». На прусскій моргенъ не всегда можно получить даже 10 центнеровъ. По большей же части количество вымолотаго зерна бываетъ и того меньше.

Чѣмъ объясняется такое явленіе? Можно ли разсчитывать на улучшеніе въ этомъ направленіи?

Человѣку, интересующемуся сельскимъ хозяйствомъ, при наблюденіи за степью первымъ долгомъ бросается въ глаза то обстоятельство, что ея черноземъ—«сырой» черноземъ углеподобнаго, плохо поддающагося разложенію, состава. Это отражается и на степной флорѣ, которая необычайно однообразна. Трава, покрывающая степь, при достаточномъ дождѣ даетъ, по представленію русскихъ, порядочные луга, но—по нѣмецкимъ понятіямъ—жалкій сѣнокосъ. Все это мѣшаетъ превратить настоящую степь въ пашню. Трудно представить, чтобы кто-нибудь взялся обрабатывать клочокъ земли посреди степи и превратилъ бы его посредствомъ вспахиванія и удобренія въ плодородное поле. Если у степи можно будетъ что-нибудь отнять, то только наступая съ сосѣдней культурной земли, да и то съ большимъ трудомъ. Вотъ потому-то подъ пашней находятся сравнительно небольшія пространства и притомъ лучшей земли, которая прямо-таки отвоевана у степи. Препятствія у большого расширенія пахотной площади слѣдующія.

Во-первыхъ, степь сама по себѣ ни при какихъ обстоятельствахъ не можетъ давать культурныхъ растеній, а, какъ и нѣмецкая земля, нуждается въ регулярномъ удобреніи. Для послѣдняго же, въ свою очередь, нужно скотоводство соотвѣтствующаго размѣра. Его же трудно создать, вслѣдствіе недостатка въ кормѣ. «Россія совершенно не имѣетъ луговъ въ нашемъ смыслѣ: журчащихъ ручьевъ съ разнообразною свѣжею зеленью по берегамъ тамъ нѣтъ, вслѣдствіе сухого климата и состава почвы». То, что въ Россіи называется лугами и пастбищами, не что иное, какъ та же степь, которая бываетъ зелена послѣ дождя, а въ остальное время сѣра и суха. Регулярно же выращивать кормовыя травы въ большомъ количествѣ на пахотной землѣ невозможно, вслѣдствіе рѣдкихъ и неравномѣрныхъ дождей. Такимъ образомъ, для прокормленія незначительнаго количества русскаго скота нужны цѣлыя степи, хватающія на него только благодаря своей обширности. Нѣсколько благопріятнѣе въ смыслѣ питанія скота обстоитъ дѣло вдоль береговъ значительныхъ рѣкъ, но и тѣ теряются среди безконечныхъ степей, иногда даже высыхая лѣтомъ. Въ общемъ вышесказанное вѣрно по отношенію ко всей степной полосѣ, не исключая окрестностей Чернаго моря, гдѣ отъ тѣхъ же причинъ терпятъ нѣмецкіе колонисты, переселившіеся сюда изъ Швабіи въ царствованіе Екатерины II.

Значитъ, великимъ врагомъ прогресса въ веденіи хозяйства на обширной территоріи является чрезмѣрная сухость климата и неравномѣрность атмосферныхъ осадковъ. Количество выпадающаго дождя въ годъ равняется 400 миллиметрамъ. Однако, во многихъ мѣстностяхъ количество дождя еще меньше и оно очень неравномѣрно распредѣляется между отдѣльными мѣстностями. Послѣднее обстоятельство не только мѣшаетъ произрастанію сѣна, но и сокращаетъ урожаи зерна и проч. Если въ промежутокъ времени отъ середины мая, до середины или конца іюня случается дождь, то въ Россіи ожидается хорошій урожай, который «по нашимъ понятіямъ можно считать только посредственнымъ». Если же въ этотъ промежутокъ дождя нѣтъ, что бываетъ чаще, то получается полный неурожай. Послѣдній ежегодно имѣетъ мѣсто, по крайней мѣрѣ, въ нѣсколькихъ изъ губерній черноземной полосы.

Для такой засухи характерно почти полное отсутствіе лѣса въ этой обширной полосѣ. Почему въ степной полосѣ нѣтъ лѣсовъ? Были ли тамъ прежде лѣса и ихъ вырубили, или же ростъ тамъ не возможенъ? Нельзя ли, наконецъ, развести тамъ лѣса? По всей вѣроятности, большихъ лѣсовъ въ степной полосѣ никогда не было, ибо ни историческая традиція, ни какіе-либо остатки въ землѣ не говорятъ за то, что здѣсь росъ лѣсъ. Новѣйшія же попытки лѣсоразведенія въ различныхъ пунктахъ степной полосы не имѣли успѣха. Профессоръ Гольдефлейсъ въ качествѣ иллюстраціи приводитъ насажденія желѣзнодорожнаго вѣдомства для защиты полотна отъ снѣжныхъ заносовъ и говоритъ, что состояніе этихъ деревьевъ очень жалкое. Виновата ли въ этомъ страшная сухость климата или рыхлость и вообще составъ почвы, или все это вмѣстѣ, остается еще рѣшить наукѣ. На сѣверѣ степная полоса граничитъ съ линіей лѣсовъ, которые тянутся черезъ Житоміръ, Черниговъ, Орелъ, Тулу, Рязань, Нижній-Новгородъ, Казань. Слѣдуетъ подумать о томъ, нельзя ли эту линію лѣсовъ расширить засчетъ степи и, такимъ образомъ, отвоевывать у послѣдней шагъ за шагомъ. Вотъ, быть можетъ, единственное средство увеличить площадь лѣсовъ. Въ центральной же части степной полосы лѣсоразведеніе встрѣтило бы еще большія климатическія и почвенныя препятствія.

Во всякомъ случаѣ, нужно считаться съ тѣмъ, что огромная область лишена лѣса и его нельзя скоро развести. Этимъ обстоятельствомъ опредѣляется не только весь ландшафтъ черноземной полосы, но и ея сельскохозяйственныя особенности, которыхъ нельзя сильно измѣнить. Эти особенности таковы: небольшое количество настоящей пахотной земли, а рядомъ съ ней большія пространства необработанныхъ степей, дающихъ скудное пропитаніе небольшому количеству скота. Далѣе слѣдуетъ: немного скота, могущаго дать удобреніе, ибо пашня и здѣсь нуждается въ удобреніи, но вмѣстѣ съ тѣмъ столь ограниченное производство корма, что правильное и широкое скотоводство дѣлается въ общемъ невозможнымъ. И на самомъ дѣлѣ, исключая окрестностей немногихъ городовъ, расположенныхъ на большихъ рѣкахъ, а затѣмъ сахарныхъ заводовъ, скотоводство въ другихъ мѣстностяхъ столь ограничено, что о производствѣ молока и мяса, помимо удовлетворенія своихъ нуждъ, не можетъ быть и рѣчи. Тамъ по большей части встрѣчается сѣрый степной скотъ, служащій для работы и мало дающій молока. На ряду съ этимъ скотомъ попадаются, но въ небольшомъ количествѣ, болѣе цѣнныя красныя коровы.

Возвращаясь опять къ почвѣ черноземной полосы, въ частности къ почвѣ Кіевской губерніи, профессоръ Гольдефлейсъ находитъ, что хотя она и содержитъ въ себѣ много азота, кали, извести и магнезіи, но не несравненно больше, чѣмъ нѣмецкія земли. Въ большинствѣ округовъ Силезіи порядочно пахотной земли, могущей поспорить съ русской своимъ запасомъ естественныхъ питательныхъ веществъ. И тѣмъ не менѣе, она только при регулярномъ удобреніи даетъ обильный урожай. Но чѣмъ русская земля невыгодно отличается отъ нѣмецкой, такъ это бѣдностью фосфоромъ. А о томъ, какое значеніе имѣетъ послѣдній для полученія обильнаго урожая, знаетъ каждый опытный сельскій хозяинъ.

Итакъ, наблюденія показываютъ, что почва южной Россіи вовсе не походитъ на золотое дно, откуда можно безконечно черпать. Ясно, что безъ огромнаго и многолѣтняго напряженія и труда, безъ обильнаго удобренія отъ этой почвы нельзя получить многаго. Гольдефлейсъ посѣтилъ нѣмецкія деревни около Одессы и нашелъ, что, несмотря на ихъ трудолюбіе, знаніе и пользованіе прогрессомъ техники, ихъ положеніе не многимъ лучше положенія русскихъ крестьянъ. «О зажиточности же въ германскомъ смыслѣ этого слова не можетъ быть и рѣчи». Они сами сознались профессору Гольдефлейсу, что, несмотря на энергичную работу, ненадежный и суховатый климатъ и своеобразный составъ почвы дѣлаютъ то, что они не могли замѣтно превзойти въ смыслѣ полученія урожая своихъ швабскихъ предковъ. И это говорятъ нѣмецкіе крестьяне вблизи Чернаго моря, гдѣ климатъ все-таки менѣе сухъ!

Однимъ словомъ, степная полоса вовсе не похожа на сельскохозяйственное эльдорадо, гдѣ легко получать золотые плоды. И конкуренція посредствомъ продуктовъ тяжелаго труда и лишеній не должна пугать германскаго сельскаго хозяина.

При такомъ положеніи дѣлъ, обильный вывозъ зернового хлѣба изъ упомянутаго края обязательно поражаетъ и приковываетъ къ себѣ вниманіе экономиста. Профессоръ Гольдефлейсъ объясняетъ его двумя обстоятельствами. «Я былъ тамъ, — пишетъ онъ, — въ сентябрѣ мѣсяцѣ и видѣлъ слѣдующее. Возможно бо́льшая часть обрабатываемой площади засѣяна пшеницей, остальная часть — маисомъ, картофелемъ, а также коноплей и подсолнухомъ. Въ бытность мою въ тѣхъ краяхъ почти вся пшеница въ деревняхъ, гдѣ она сѣялась, была или уже вымолочена, или вымолачивалась. Жители деревни обыкновенно владѣли совмѣстно большою молотилкою, преимущественно паровою, которою ихъ снабдили агенты, занимающіеся скупкою пшеницы. Горы очищенной пшеницы были ссыпаны въ большіе амбары и въ легко построенныя риги и ждали повозокъ, долженствовавшихъ увезти пшеницу на желѣзную дорогу. Крестьяне продаютъ все на мѣстѣ, ибо выручку приходится немедленно употреблять на платежъ налоговъ, процентовъ и долговъ торговцамъ и поставщикамъ. Крестьянамъ едва удается оставить для себя немного на посѣвъ. Имъ цѣлый годъ приходится питаться кукурузой и другими малоцѣнными продуктами. Вообще поразительно, какъ плохо и какъ мало ѣдятъ крестьяне черноземной полосы. Мнѣніе, что крупный экспортъ пшеницы возможенъ, главнымъ образомъ, благодаря недоѣданію производителей едва ли является преувеличеннымъ. Къ этому же ихъ побуждаютъ, во-первыхъ, агенты, обыкновенно снабжающіе ихъ сельскохозяйственными орудіями и командующіе надъ ними въ качествѣ кредиторовъ, а во-вторыхъ, тяжелые, непосильные налоги и повинности, которыхъ иначе не внесешь.

«Эти обстоятельства,—продолжаетъ профессоръ Гольдефлейсъ,—объясняютъ и второе наблюденіе, сдѣланное мною. Я былъ въ Херсонской губерніи, значительнѣйшимъ городомъ которой является Одесса, и повсюду слышалъ, что какъ въ самой губерніи, такъ и внѣ ея предѣловъ въ тотъ годъ былъ полный неурожай. А что значитъ въ тѣхъ краяхъ неурожай, объ этомъ у насъ

въ Германіи трудно создать себѣ представленіе. Это не значитъ, что уродилось мало или уродилось что-нибудь одно, какъ бываетъ у насъ, а значитъ, что буквально ничего не уродилось: ни пшеницы, ни кукурузы, ни картофеля, ни травы. Такіе годы, къ сожалѣнію, слишкомъ часты во всѣхъ губерніяхъ, болѣе часты, чѣмъ годы съ нормальнымъ урожаемъ, главнымъ образомъ, потому, что дождь не выпадаетъ своевременно. Въ южной Россіи ежегодно въ нѣсколькихъ губерніяхъ бываетъ неурожай, мѣшающій не только вывозить хлѣбъ, но и принуждающій крестьянъ голодать».

Такой порядокъ вещей безусловно не можетъ продолжаться долго. Если въ жизни русскаго крестьянства не произойдетъ никакихъ перемѣнъ, то его энергія и духъ совершенно упадутъ, тѣмъ болѣе, что его трудоспособность и безъ того ослабла отъ постояннаго голоданія. Этотъ печальный порядокъ вещей можетъ,—по мнѣнію Гольдефлейса,—быть измѣненъ только сверху. Вѣдь помочь сами себѣ, напримѣръ, посредствомъ кооперації русскіе крестьяне не смогутъ, да и россійскіе порядки не позволятъ имъ сдѣлать этого. Земледѣліе въ тѣхъ краяхъ — настолько тяжелый промыселъ, что требуетъ сильной поддержки со стороны государства. Такая поддержка будетъ оказана тогда, когда правительство не будетъ давать поводъ къ вывозу того, что нужно для собственнаго прокормленія, когда не будутъ голодать цѣлыя губерніи для того лишь, чтобы сохранить роскошь экспорта, идущаго на пользу другимъ малочисленнымъ классамъ русскаго народа. Когда бремя налогового обложенія будетъ облегчено, улучшится народное питаніе. Потребленіе внутри страны сильно возрастетъ и хлѣба будетъ вывозиться меньше. Теперь же не вывозилось бы ничего, если бы населеніе питалось нормально. Вообще, Россія вовсе не такъ одарена природой, чтобы давать излишекъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ для вывоза его за границу.

Вотъ въ краткомъ изложеніи мнѣніе профессора Гольдефлейса о сельскохозяйственной производительности Россіи. Мы видимъ, что оно не страдаетъ оптимизмомъ, скорѣе наоборотъ. Однако, выводы Гольдефлейса подтверждаются отчасти наблюденіями русскихъ экономистовъ. Напримѣръ, то, что вывозимъ мы не вслѣдствіе изобилія—извѣстно многимъ. Но Гольдефлейсъ идетъ дальше и полагаетъ, что въ будущемъ хлѣбный экспортъ сократится *). Мы не станемъ заниматься гаданіемъ будущаго, а только укажемъ на то, какъ неправы прусскіе аграріи, а вмѣстѣ съ ними и германское правительсто, боящіеся русской конкуренціи, какъ огня. Профессоръ Гольдефлейсъ, совершенно не полемизируя съ ними, тѣмъ не менѣе посрамляетъ ихъ притязанія на каждой страницѣ.

В. Тотоміанцъ.

---

*) Въ „Обзорѣ внѣшней торговли Россіи за 1899 годъ“ приведены цифры хлѣбнаго экспорта за десятилѣтіе 1889—1899 гг. Изъ этихъ цифръ явствуетъ, что наша хлѣбная торговля падаетъ съ 1894 года, понижась отъ 639.511 милл. пудовъ въ 1894 году до 345.784 милл. пудовъ въ 1899 году.

ЗА МѢСЯЦЪ.

Въ «Собраніи узаконеній и распоряженій правительства» отъ 14-го декабря 1904 г. обнародовано:

ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ

о предначертаніяхъ къ усовершенствованію государственнаго порядка.

Правительствующему Сенату.

По священнымъ завѣтамъ Вѣнценосныхъ Предковъ Нашихъ, непрестанно помышляя о благѣ ввѣренной Намъ Богомъ Державы, Мы, при непремѣнномъ сохраненіи незыблемости Основныхъ Законовъ Имперіи, полагаемъ задачу правленія въ неусыпной заботливости о потребностяхъ страны, различая все дѣйствительно соотвѣтствующее интересамъ русскаго народа отъ нерѣдко ошибочныхъ и преходящими обстоятельствами навѣянныхъ стремленій.

Когда же потребность той или другой перемѣны оказывается назрѣвшею, то къ совершенію ея Мы считаемъ необходимымъ приступить, хотя бы намѣченное преобразованіе вызывало внесеніе въ законодательство существенныхъ нововведеній. Не сомнѣваемся, что осуществленіе такихъ начинаній встрѣчено будетъ сочувствіемъ благомыслящей части Нашихъ подданныхъ, которая истинное преуспѣяніе родины видитъ въ поддержаніи государственнаго спокойствія и непрерывномъ удовлетвореніи насущныхъ нуждъ народныхъ.

Во главѣ заботъ Нашихъ поставляя мысль о наилучшемъ устройствѣ быта многочисленнѣйшаго у насъ крестьянскаго сословія, Мы усматриваемъ, что, согласно Нашимъ предуказаніямъ, дѣло это уже подвергается обсужденію; наряду съ подробнымъ, на мѣстахъ, разсмотрѣніемъ первоначальныхъ предположеній министерства внутреннихъ дѣлъ, нынѣ въ особомъ, изъ опытнѣйшихъ лицъ высшаго управленія, совѣщаніи изучаются важнѣшіе вопросы устроенія крестьянской жизни на основаніи свѣдѣній и отзывовъ, заявленныхъ при изслѣдованіи въ мѣстныхъ комитетахъ общихъ нуждъ сельскохозяйственной промышленности. Мы повелѣваемъ, чтобы работы эти привели законы о крестьянахъ къ объединенію съ общимъ законодательствомъ Имперіи, облегчивъ задачу прочнаго обезпеченія пользованія лицами этого сословія признаннымъ за ними Царемъ-Освободителемъ положеніемъ «полноправныхъ свободныхъ сельскихъ обывателей».

Обозрѣвая засимъ обширную область дальнѣйшихъ народныхъ потребностей, Мы, для упроченія правильнаго въ отечествѣ Нашемъ хода государственной и общественной жизни, признаемъ неотложнымъ:

1) принять дѣйствительныя мѣры къ охраненію полной силы закона,—важнѣйшей въ Самодержавномъ Государствѣ опоры Престола,—дабы ненарушимое и одинаковое для всѣхъ исполненіе его почиталось первѣйшею обязанностью всѣхъ подчиненнымъ Намъ властей и мѣстъ, неисполненіе же ея неизбѣжно влекло законную за всякое произвольное дѣйствіе отвѣтственность, и въ сихъ видахъ облегчить потерпѣвшимъ отъ такихъ дѣйствій лицамъ способы достиженія правосудія;

2) предоставить земскимъ и городскимъ учрежденіямъ возможно широкое участіе въ завѣдываніи различными сторонами мѣстнаго благоустройства, даровавъ имъ для сего необходимую, въ законныхъ предѣлахъ, самостоятельность, и призвать къ дѣятельности въ этихъ учрежденіяхъ, на однородныхъ основаніяхъ, представителей всѣхъ частей заинтересованнаго въ мѣстныхъ дѣлахъ населенія; съ цѣлью успѣшнѣйшаго же удовлетворенія потребностей онаго образовать сверхъ нынѣ существующихъ губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденій, въ тѣснѣйшей съ ними связи, общественныя установленія по завѣдыванію дѣлами благоустройства на мѣстахъ въ небольшихъ по пространству участкахъ;

3) въ цѣляхъ охраненія равенства передъ судомъ лицъ всѣхъ состояній, внести должное единство въ устройство судебной въ Имперіи части и обезпечить судебнымъ установленіямъ всѣхъ степеней необходимую самостоятельность;

4) въ дальнѣйшее развитіе принятыхъ уже нами мѣръ по обезпеченію участи рабочихъ на фабрикахъ, заводахъ и промыслахъ, озаботиться введеніемъ государственнаго ихъ страхованія;

5) пересмотрѣть изданныя во времена безпримѣрнаго проявленія преступной дѣятельности враговъ общественнаго порядка исключительныя законоположенія, примѣненіе коихъ сопряжено съ значительнымъ расширеніемъ усмотрѣнія административныхъ властей, и озаботиться при этомъ какъ возможнымъ ограниченіемъ предѣловъ мѣстностей, на которыя они распространяются, такъ и допущеніемъ вызываемыхъ ими стѣсненій правъ частныхъ лицъ только въ случаяхъ, дѣйствительно угрожающихъ государственной безопасности;

6) для закрѣпленія выраженнаго Нами въ Манифестѣ 26-го февраля 1903 г. неуклоннаго душевнаго желанія охранять освященную Основными Законами Имперіи терпимость въ дѣлахъ вѣры, подвергнуть пересмотру узаконенія о правахъ раскольниковъ, а равно лицъ, принадлежащихъ къ инославнымъ и иновѣрнымъ исповѣданіямъ, и независимо отъ сего принять нынѣ же въ административномъ порядкѣ соотвѣтствующія мѣры къ устраненію въ религіозномъ бытѣ ихъ всякаго, прямо въ законѣ не установленнаго, стѣсненія;

7) произвести пересмотръ дѣйствующихъ постановленій, ограничивающихъ права инородцевъ и уроженцевъ отдѣльныхъ мѣстностей Имперіи, съ тѣмъ, чтобы изъ числа сихъ постановленій впредь сохранены были лишь тѣ, которыя вызываются насущными интересами Государства и явною пользою русскаго народа,

и 8) устранить изъ нынѣ дѣйствующихъ о печати постановленій излишнія стѣсненія и поставить печатное слово въ точно опредѣленные закономъ предѣлы, предоставивъ тѣмъ отечественной печати, соотвѣтственно успѣхамъ просвѣщенія и принадлежащему ей вслѣдствіе сего значенію, возможность достойно выполнять высокое призваніе быть правдивою выразительницею разумныхъ стремленій на пользу Россіи.

Предуказывая на сихъ основаніяхъ рядъ предстоящихъ въ ближайшемъ будущемъ крупныхъ внутреннихъ преобразованій, часть которыхъ, по прежде даннымъ Нами указаніямъ, подвергается уже предварительному изслѣдованію, Мы съ тѣмъ вмѣстѣ, по разнообразію и важности сихъ преобразованій, при-

знаемъ за благо установить самый порядокъ для обсужденія способовъ наиболѣе быстраго и полнаго ихъ осуществленія. Въ ряду государственныхъ Нашихъ учрежденій задача тѣснѣйшаго объединенія отдѣльныхъ частей управленія принадлежитъ комитету министровъ; вслѣдствіе сего повелѣваемъ комитету министровъ по каждому изъ приведенныхъ выше предметовъ войти въ разсмотрѣніе вопроса о наилучшемъ способѣ проведенія въ жизнь намѣреній Нашихъ и представить Намъ въ кратчайшій срокъ свои заключенія о дальнѣйшемъ, въ установленномъ порядкѣ, направленіи подлежащихъ мѣропріятій. О послѣдующемъ ходѣ разработки означенныхъ дѣлъ комитетъ имѣетъ Намъ докладывать.

Къ исполненію сего Правительствующій Сенатъ не оставитъ учинить надлежащее распоряженіе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«НИКОЛАЙ».

Въ Царскомъ Селѣ.
12-го декабря 1904 года.

Вслѣдъ за именнымъ Высочайшимъ указомъ въ «Правительств. Вѣстникѣ» опубликовано было слѣдующее «правительственное сообщеніе»:

«Осенью текущаго года въ Петербургѣ происходили собранія нѣкоторыхъ гласныхъ разныхъ губернскихъ земствъ, выразившія рядъ пожеланій о необходимыхъ, по мнѣнію участниковъ ихъ, реформахъ внутренняго управленія Имперіею. Пожеланія эти сдѣлались предметомъ обсужденія печати, различныхъ созывавшихся для сего или по инымъ поводамъ собраній, а также, вопреки требованіямъ закона, обсуждались въ засѣданіяхъ нѣкоторыхъ городскихъ думъ и земскихъ собраній. Подъ вліяніемъ лицъ, стремящихся внести въ общественную и государственную жизнь смуту и воспользовавшихся возникшимъ въ обществѣ волненіемъ умовъ, преимущественно въ воспріимчивой средѣ молодежи,—въ нѣкоторыхъ городахъ Имперіи произошелъ рядъ шумныхъ сборищъ, заявлявшихъ о необходимости представить правительству различныя требованія, недопустимыя въ силу освященныхъ основными законами Имперіи незыблемыхъ началъ нашего государственнаго строя, и цѣлыми скопищами устраивались уличныя демонстраціи, причемъ оказывалось полиціи и властямъ открытое сопротивленіе. Такое движеніе противъ существующаго порядка управленія, чуждое русскому народу, вѣрному исконнымъ основамъ существующаго государственнаго строя, старается придать означеннымъ волненіямъ несвойственное имъ значеніе общаго стремленія. Охваченныя этимъ движеніемъ лица, въ забвеніи тяжелой годины, выпавшей нынѣ на долю Россіи, ослѣпленныя обманчивыми признаками тѣхъ благъ, которыя они ожидаютъ отъ коренного измѣненія вѣками освященныхъ устоевъ русской государственной жизни, сами того не сознавая, дѣйствуютъ на пользу не родины, а ея враговъ.

«Законный долгъ правительства ограждать государственный порядокъ и общественное спокойствіе отъ всякихъ попытокъ прервать правильный ходъ вну-

тренней жизни,—поэтому всякое нарушеніе порядка и спокойствія и всякія сборища противуправительственнаго характера должны быть и будутъ прекращаемы всѣми имѣющимися въ распоряженіи властей законными средствами, а виновные въ сихъ нарушеніяхъ, особенно же лица, состоящія на государственной службѣ, будутъ привлекаемы къ законной отвѣтственности. Земскія и городскія установленія и всякаго рода учрежденія и общества обязаны не выходить изъ предѣловъ предоставленныхъ ихъ вѣдѣнію предметовъ и не касаться тѣхъ вопросовъ, на обсужденіе которыхъ они не имѣютъ законнаго полномочія; предсѣдатели же общественныхъ собраній, за допущеніе въ нихъ обсужденія не относящихся къ ихъ вѣдѣнію вопросовъ общегосударственнаго свойства, подлежатъ отвѣтственности на основаніи дѣйствующихъ законовъ. Органы печати, при трезвомъ отношеніи къ текущимъ событіямъ и при сознаніи лежащей на нихъ отвѣтственности, должны, съ своей стороны, внести необходимое успокоеніе въ общественную жизнь, уклонившуюся въ послѣднее время отъ правильнаго теченія».

6-го декабря предсѣдатель черниговскаго губернскаго земскаго собранія, черниговскій губернскій предводитель дворянства представилъ Его Императорскому Величеству по телеграфу ходатайство означеннаго собранія по цѣлому ряду вопросовъ общегосударственнаго свойства. На телеграммѣ этой Его Императорскому Величеству Государю Императору благоугодно было Собственноручно начертать:

«Нахожу поступокъ предсѣдателя черниговскаго губренскаго земскаго собранія дерзкимъ и безтактнымъ. Заниматься вопросами государственнаго управленія не дѣло земскихъ собраній, кругъ дѣятельности и правъ которыхъ ясно очерченъ законами».

— 10-го ноября 1904 года. На основаніи ст. 178 уст. о ценз. и печ. (св. зак. т. XIV изд. 1390 г.), министръ внутреннихъ дѣлъ *опредѣлилъ*: воспретить розничную продажу нумеровъ газеты «Наша Жизнь».

— Въ виду вреднаго направленія газеты «Право», выразившагося между прочимъ въ статьѣ «Война и Отечество», помѣщенной въ № 46 этого изданія, министръ внутреннихъ дѣлъ на основаніи статьи 144 уст. о ценз. и печ., св. зак. т. XIV (изд. 1900 г.), 14-го ноября *опредлилъ*: объявить газетѣ «Право» *первое* предостереженіе въ лицѣ издателей-редакторовъ ея приватъ-доцента Императорскаго с.-петербургскаго университета, Владиміра Гессена и коллежскаго ассессора Николая Лазаревскаго.

— Въ виду вреднаго направленія газеты «Сынъ Отечества», выразившагося, между прочимъ, въ статьѣ «Благовременно ли?», помѣщенной въ № 1 этой газеты, министръ внутреннихъ дѣлъ на основаніи ст. 144 уст. о ценз. и печ., св. зак. т. XIV (изд. 1890), 18-го нонбря *опредѣлилъ*: объявить газетѣ «Сынъ Отечества» первое предостереженіе въ лицѣ издателя-редактора ученаго лѣсовода Сергѣя Юриципа, и, на основаніи ст. 178 того же устава, воспретить розничную продажу отдѣльныхъ нумеровъ этого изданія.

— Въ виду вреднаго направленія газеты «Сынъ Отечества», выразивша-

гося, между прочимъ, въ статьяхъ «Замѣтки журналистовъ» и «Изъ провинціальнаго портфеля», помѣщенныхъ въ № 8 этой газеты, министръ внутреннихъ дѣлъ, на основаніи ст. 144 уст. о ценз. и печ., св. зак. т. XIV (изд 1890 г.) 25-го ноября *опредѣлилъ*: объявить газетѣ «Сынъ Отечества» второе предостереженіе въ лицѣ издателя-редактора, ея ученаго лѣсовода Сергѣя Юрицына.

— На основаніи статьи 154-й устава о ценз. и печ. св. зак. т. XIV (изд. 1890 г.), министръ внутреннихъ дѣлъ 7-го дек. *опредѣлилъ*: пріостановить изданніе газеты «Бессарабецъ» на три мѣсяца.

— Въ виду непрекращающагося вреднаго направленія газеты «Сынъ Отечества», выразившагося, между прочимъ, въ отдѣлѣ «Провинція» нумера 12-го означенной газеты, министръ внутреннихъ дѣлъ, на основаніи ст. 144 уст. о ценз. и печ., св. зак. т. XIV (изд. 1890 г.), 29-го ноября опредѣлилъ: объявить газетѣ «Сынъ Отечества» третье предостереженіе въ лицѣ издателя-редактора ея, ученаго лѣсовода Сергѣя Юрицына, съ пріостановленіемъ изданія газеты на три мѣсяца.

— Въ виду вреднаго направленія газеты «Право», выразившагося, между прочимъ, въ статьѣ «Итоги юбилея», помѣщенной въ № 48 этого изданія, министръ внутреннихъ дѣлъ, на основаніи ст. 144 уст. о ценз. и печ., св. зак. т. XIV (изд. 1890 г.), 29-го ноября опредѣлилъ: объявить газетѣ «Право» второе предостереженіе въ лицѣ издателей-редакторовъ ея, приватъ-доцента Императорскаго с.-петербургскаго университета, Владиміра Гессена и коллежскаго ассессора Николая Лазаревскаго.

— Въ виду вреднаго направленія газеты «Русская Правда», выразившагося, между прочимъ, во второй передовой статьѣ, помѣщенной въ № 243 этой газеты, министръ внутреннихъ дѣлъ, на основаніи ст. 144 уст. о ценз. и печ., св. зак. т. XIV (изд. 1890 г.), 3-го декабря опредѣлилъ: объявить газетѣ «Русская Правда» первое предостереженіе въ лицѣ издателя-редактора ея, потомственнаго дворянина Михаила Гаккебуша и, на основаніи ст. 178 того же устава, воспретить розничную продажу отдѣльныхъ нумеровъ этого изданія.

— Въ виду вреднаго направленія газеты «Наша Жизнь», выразившагося, между прочимъ, въ статьяхъ передовой и подъ названіемъ «Маленькій Фельетонъ», помѣщенныхъ въ № 33 этого изданія, министръ внутреннихъ дѣлъ, на основаніи ст. 144 уст. о ценз. и печ., св. зак. т. XIV (изд. 1900 года), 9-го декабря опредѣлилъ: объявить газетѣ «Наша Жизнь» первое предостереженіе въ лицѣ издателя-редактора ея, д. с. с. Леонида Ходскаго, и редактора, кол. асс. Артемія Котельникова.

— Въ «Финл. Газ.» напечатано: «Въ № 317 газеты «Русь», подъ заглавіемъ «Настроеніе Финляндіи» напечатана была статья за подписью «П. Артемьевъ», въ которой выражено было осужденіе дѣятельности покойнаго финляндскаго генералъ-губернатора, генералъ-адъютанта Бобрикова. На сдѣланное по сему, по приказанію генералъ-губернатора, соотвѣтствующее сношеніе, главное управленіе по дѣламъ печати, при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, нынѣ увѣдомило, что по распоряженію г. министра внутреннихъ дѣлъ редактору газеты «Русь» сдѣлано за вышеупомянутую статью строгое внушеніе».

— Въ виду не прекращающагося вреднаго направленія газеты «Русская Правда», выразившагося, между прочимъ, въ статьѣ подъ заглавіемъ «Порядокъ», помѣщенной въ № 260 этой газеты, министръ внутреннихъ дѣлъ, на основаніи ст. 144 уст. о ценз. и печ. св. зак. т. XIV (изд. 1890 г.), 21-го декабря *опредѣлилъ*: объявить газетѣ «Русская Правда» второе предостереженіе въ лицѣ издателя-редактора ея, потомственнаго дворянина Михаила Гаккебуша.

— Въ виду вреднаго направленія газеты «Наши Дни», выразившагося, между прочимъ, въ статьяхъ: передовой «Петербургъ» и подъ названіемъ «Расширеніе эксперимента», помѣщенныхъ въ № 5 этой газеты, министръ внутреннихъ дѣлъ, на основаніи ст. 144 уст. о ценз. и печ., св. зак. т. XIV (изд. 1890 г.), 22-го дек. *опредѣлилъ*: объявить газетѣ «Наши Дни» *первое* предостереженіе въ лицѣ издателя-редактора, отставного маіора Петра Невѣжина и, на основаніи ст. 178 того же устава, воспретить розничную продажу отдѣльныхъ нумеровъ этого изданія.

— На основаніи ст. 178 уст. о ценз. и печ. (св. зак. т. XIV, изд. 1890 г.), министръ внутреннихъ дѣлъ 22-го декабря *опредѣлилъ*: воспретить розничную продажу отдѣльныхъ нумеровъ газеты «Русь».

ПО ПОВОДУ.

(Изъ жизни въ провинціи).

„Русскій человѣкъ на rendez-vous“. — Настроеніе ожиданія въ провинціи. — „Мы еще не умѣемъ говорить“.—Какъ „Московскія Вѣдомости ходятъ въ „народъ“.—„Почетные провокаторы“ и изслѣдователи обывательской души: г.г. Безруковы, Любомудровы, Поповы и Сопроновы.—Проектъ „курсовъ для досужихъ слушателей“.—Мнѣніе Достоевскаго о психологіи русскаго шпіона.

Если бы содержанію русской жизни конца истекающаго года требовалось дать краткое названіе, то можно было бы воспользоваться уже готовымъ—«Русскій человѣкъ на rendez-vous». Особенно ноябрь оказался мѣсяцемъ свиданій по преимуществу. Не только люди, съѣхавшіеся изъ разныхъ провинціальныхъ уголковъ, испытали сладость первой встрѣчи, но, что не менѣе важно, свидѣлись впервые и никуда не выѣзжавшіе съ насиженныхъ мѣстъ, основательно пріѣвшіеся другъ другу. На многочисленныя мѣста свиданій, по случаю исполнившагося 2-го ноября сорокалѣтія судебныхъ уставовъ, каждый устремился изъ своей «хаты съ краю» и, пораженный обиліемъ человѣческихъ лицъ, постарался какъ можно скорѣе использовать мимолетную встрѣчу. Трепетъ долго жданнаго свиданья охватилъ всѣхъ. И всеобщее радостное волненіе вывернуло на изнанку всѣ обычныя отношенія: незнакомые между собою оказались вдругъ хорошо знакомыми, а давнишнимъ знакомцамъ, къ ихъ удивленію, пришлось заново знакомиться. Все это потому, что rendez-vous вышло настоящимъ rendez-vous, и русскій человѣкъ спѣшилъ на свиданіе, какъ и полагается въ такихъ случаяхъ, позабывъ дома свой паспортъ. Онъ говорилъ, негодовалъ, радовался, въ «удостовѣреніе чего» не прилагалъ ни свидѣтельства объ оспопрививаніи,

ни свидѣтельства о крещеніи, ни вида на жительство. Эти участковыя рекомендаціи были совершенно излишни, потому что причины негодованія и поводъ къ радости у всѣхъ были одни и тѣ же. Долго жданный часъ свиданія пробилъ, и русскій человѣкъ впервые насладился общностью чувствъ, общими переживаніями со своимъ землякомъ, столь знакомымъ незнакомцемъ. Единство настроенія было поражающее, а кн. Мещерскій, обезкураженный потокомъ однѣхъ и тѣхъ же рѣчей, почти одинаковыхъ формулъ, раздавшихся въ разныхъ концахъ Россіи, рѣшилъ, что предъ нимъ маньяки, «сумасшедшіе». Конечно, княжескія милостивыя слова звучали далеко не въ ласковомъ брюзжащемъ тонѣ и не имѣли въ виду успокоить возбужденныхъ свиданіемъ людей. Очевидно княжескій эпитетъ, какъ многія другія слова сіятельнаго «Гражданина», явились плодомъ зрѣлообдуманнаго легкомыслія.

Кромѣ того, слѣдуетъ отмѣтить, что всѣ эти «свиданія» являются только первымъ провозвѣстникомъ грядущихъ свиданій. Ибо потребность въ нихъ громадна и неизгладима, и все больше и больше русскихъ людей желаютъ, наконецъ, увидѣть лицо своего ближняго. Журналисты готовы къ съѣзду, и даже, какъ сообщаетъ «Южное Обозрѣніе», цензорамъ предстоитъ съѣздъ.

Мы ничуть не сомнѣваемся, что и предстоящія rendez-vous окажутся столь же единодушны и будутъ являть такія же чувства. Насъ только смущаетъ, какъ бы эта солидарность на одномъ изъ будущихъ съѣздовъ не была ложно понята, и кто-нибудь, подобно бравому бюргеру во Франкфуртскомъ парламентѣ, не возопилъ бы:

— Требую свободы печати и цензуры!

* * *

Каковъ русскій человѣкъ на rendez-vous и какъ онъ себя ведетъ на свиданіи, достаточно всѣмъ извѣстно, несмотря на скудость, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже отсутствіе сообщеній.

Полная освѣдомленность о томъ, что и какъ гдѣ дѣлается, создала даже своего рода шаблонъ, какъ поступать въ случаѣ, если соберется компанія. Теперь можно утверждать, что если сойдутся трое русскихъ людей, то получается одно мнѣніе и одна телеграмма. Напр., въ слободѣ Покровской, сообщаютъ «Приволжскому Краю», тридцать интеллигентовъ собралось освятить новое общественное учрежденіе. Послѣ окончанія оффиціальной части торжества, начались возліянія и рѣчи. «Всѣ новыя и старыя слова—«буржуазія», «бюрократія», «аристократія», «интеллигенція», «пролетарій» и проч., и проч. были связаны. Добрались, наконецъ, до мужика. Одинъ молодой ораторъ, бія себя въ перси, закричалъ: «что же мужикъ молчитъ? Гдѣ онъ?! Выходи! Настало время твоего торжества и славы!.. Говори!» Выступаетъ представитель крестьянскаго сословія. Онъ помялся, кашлянулъ и сказалъ только девять словъ: «Насъ сорокъ лѣтъ учили молчать! Мы не умѣемъ еще говорить!..» Эти слова были подхвачены апплодисментами.

«— Телеграмму! Телеграмму!

«Черезъ полчаса была готова и телеграмма. Сама «щука» и «головель» подписались подъ ней».

Поводъ для привѣтственной телеграммы, какъ видимъ, не совсѣмъ удобный, но таковъ порядокъ требованія техники современныхъ свиданій. Поэтому тѣмъ большаго порицанія заслуживаютъ самарскіе юристы, что они еще не увѣренно владѣютъ новѣйшей формой общественности и, благополучно доведя собраніе до телеграммы, начинаютъ въ этомъ пунктѣ сомнѣваться. Терзаемые колебаніями, они обратились въ Саратовъ съ характернымъ письмомъ:

«Предполагаемъ послать привѣтственную телеграмму. Желательно, чтобы послали и вы. Ежели согласны, то телеграфируйте: «дѣло будетъ слушаться», если нѣтъ—«дѣло отложено».

Саратовъ отвѣтилъ: «Слушалось дважды».

Еще обиднѣе становится, когда подвергается искаженію не только форма «оживленія», но и сущность его. «Самарская Газета» описываетъ, какъ обыватели одного города набросились на пріѣзжаго петербуржца, который оказался заикой, и никакъ не могъ выговорить названія того дѣла, о которомъ говорятъ въ столицѣ: «кон... кон... кон...», и дальше перваго слога не смогъ одолѣть.

Такъ какъ эту сценку, неизмѣнно начинающуюся словами: «Сам. Газ.», остроумно описываетъ...», намъ пришлось прочесть не менѣе пятидесяти разъ въ разныхъ газетахъ, то и обида наша за обывателей возросла непомѣрно, а остроуміе газеты въ концѣ концовъ не только потеряло свою соль, но еще пріобрѣло особую сатирическую горечь. Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что это остроуміе относится къ эпохѣ до «русскаго человѣка на rendez-vous», и, пожалуй, петербуржца и могли не понять. Но, хотя и теперь такія картинки повторяются, онѣ совсѣмъ не приводятъ собесѣдниковъ въ недоумѣніе. Издающаяся въ Николаевѣ газета «Южная Россія» недавно очень сильно заикнулась. «На-дняхъ,—говоритъ газета,—полученъ, наконецъ, давно ожидаемый № 1 газеты «Сынъ Отечества». Къ сожалѣнію, мы лишены возможности привести цитаты изъ него». И все. Но, нѣтъ сомнѣнія, что самарскій анекдотъ уже невозможенъ въ Николаевѣ, и «сообщеніе «Южной Россіи» не вызвало тамъ несуразныхъ объясненій. И именно потому, что настоящій моментъ отличается быстрымъ темпомъ жизни и не менѣе быстрымъ пониманіемъ. Не только легко различаютъ множественное и единственное число, не только довольствуются четверть-словами (да и некогда цѣлое произнести), но и еще быстрѣе спрягаютъ. Начавъ съ прошедшаго времени, лѣтъ за 40 тому назадъ, примѣнительно къ рожденію судебныхъ уставовъ, моментально переходятъ къ настоящему времени и, правильно проспрягавъ его, еще быстрѣе спрягаютъ въ будущемъ времени.

* * *

Лихорадочное стремленіе идти вровень съ жизнью и не пропустить момента вызвало въ провинціи особое состояніе тревожнаго ожиданія. «Ждутъ!» — однимъ словомъ характеризуетъ «Волынь» настроеніе въ провинціи: «Ждутъ событій высокой общественной важности; а за отсутствіемъ таковыхъ удовлетворяются новостями». Изъ Оренбурга въ «Самар. Газ.» пишутъ: «Настроеніе общества—тревожное. Никто не увѣренъ. Никто не имѣетъ чего-либо опредѣленнаго. Всѣ заняты вопросомъ: а дальше что будетъ?»

Но не слѣдуетъ думать, что всероссійское томительное ожиданіе носитъ совершенно неопредѣленный характеръ. Ждутъ не того, что что-то будетъ, а, напротивъ, пребываютъ въ неизвѣстности, будетъ ли опредѣленное нѣчто. Въ этомъ смыслѣ являются крайне характерными свидѣтельства кіевскихъ книгопродавцевъ. «Такія книги, какъ «Нужды деревни», еще недавно интересовали весьма узкій кругъ читателей, а теперь ими интересуются очень и очень многіе. Вышедшая на-дняхъ книга К. К. Арсеньева «Свобода совѣсти и вѣротерпимости» пользуется настолько широкимъ спросомъ, что кіевскіе книгопро-продавцы никакъ не успѣваютъ удовлетворять ему.

«— Сегодня получишь партію, а на завтра приходится новый заказъ посылать.

«Такъ же оживленно спрашиваютъ въ магазинахъ и другую книгу г. Арсеньева—«Законодательство о печати» *).

Это ожиданіе въ опредѣленномъ направленіи измѣнило обывателя, измѣнило читателя и читательскіе нравы. Его потребностямъ стараются удовлетворить всѣ газеты хотя бы при помощи четверть - словъ. Все это сильно повліяло на общій тонъ. Намъ, изо дня въ день слѣдившимъ за постепеннымъ наростаніемъ общественнаго подъема, конечный результатъ не такъ бросается въ глаза. Но вотъ впечатлѣніе людей, давно уже оторванныхъ отъ родной обстановки. Г. Н. Кирилловъ пишетъ въ «Письмахъ корреспондента» о дѣйствіи русской «весны» въ Манчжуріи.

«У всѣхъ сознаніе, что давно, давно пора. И вспять вернуться невозможно. Это было бы гибелью, общимъ банкротствомъ.

«И не только высшіе военные здѣсь понимаютъ и открыто говорятъ объ этомъ, но и многіе, многіе нижніе чины.

«Дѣло въ томъ, что у насъ не прежняя армія, что тридцать лѣтъ тому назадъ.

«Въ Россіи многое перемѣнилось за послѣдніе годы. Уже давно общественное самосознаніе работаетъ, даже въ самыхъ низшихъ слояхъ.

«А у перемѣнившейся Россіи, естественно, и измѣнившаяся армія.

«И надо сказать, что вѣсти, идущія теперь изъ Россіи, дѣйствуютъ на армію самымъ лучшимъ, ободряющимъ образомъ.

«Недавно я былъ на передовой позиціи недалеко отъ Шахэ, «подъ самымъ японцемъ», какъ говорятъ солдаты. Я обыкновенно беру съ собой нѣсколько номеровъ газетъ, потому что нигдѣ такъ не скучаютъ солдаты, какъ на передовыхъ позиціяхъ, когда общеніе съ міромъ почти прекращается. И тутъ я пробрался съ нѣкоторымъ трудомъ и рискомъ; раздалъ газеты, всего два номера, сѣлъ между солдатами; болтаемъ, смѣемся, они мнѣ разсказываютъ о своихъ дѣлахъ, о японцахъ, а меня распрашиваютъ, что дѣлается на остальномъ фронтѣ, что слышно изъ Россіи.

«Я пробылъ часа два, затѣмъ сталъ прощаться и хотѣлъ пробираться назадъ, какъ ко мнѣ подходитъ солдатъ, все время сидѣвшій въ сторонѣ, читая газету.

«— Хорошо въ твоей газетѣ пишутъ и совсѣмъ иначе, — сказалъ онъ.

---

*) „Кіевская Газета“, № 334.

«— Какъ иначе? — спросилъ я.

«— Да такъ, читать даже прекрасно. Дѣло пишутъ. За наше просвѣщеніе, противъ темноты, значитъ. Да и пишутъ какъ-то особенно, точно голосъ другой. Правильно пишутъ, — отрывисто, по своему почувствовалъ и опредѣлилъ солдатъ болѣе открытый тонъ нашей печати.

«— Я ужъ давно замѣтилъ. Это мнѣ третья газетка рассейская въ руки попадается. Са-авсѣмъ новымъ духомъ запахло. Ну, и пишутъ, что просвѣщеніе да самоправленіе намъ нужно, а безъ него крестьянамъ изъ бѣды не вылѣзти,—толково и понятливо объяснялъ другой, совсѣмъ молодой солдатъ.

«— А вы развѣ понимаете, что такое самоуправленіе?—поинтересовался я.

«— А мы нешто дураки?—даже обидѣлся за второго его сосѣдъ.—Нешто мы не понимаемъ? Самоуправленіе—волость, земство, міръ; сами, значитъ, мы дѣла рѣшаемъ, что да какъ намъ нужно, а не то что земскій наоретъ, да въ морду норовитъ, аль губернаторъ,—тотъ въ губерніи сидитъ и всѣмъ тоже отъ себя управляетъ съ канцеляріей своей. Очень даже хорошо мы понимаемъ. Такъ что прежде, подумаешь, и домой-то не больно охота была, въ каторгу снова впрягаться, а теперь ребята заговорили, только бы японца поскорѣе доконать да въ Рассею вернуться! Потому всему народу облегченье, слышь, дано за службу нашу вѣрную,—съ твердымъ, непоколебимымъ убѣжденіемъ сказалъ и еще многое говорилъ солдатъ; остальные, видимо, съ довѣріемъ, молча, слушали его» («Русь» № 351).

* * *

Мы выше упомянули о неимовѣрно быстромъ спряженіи глаголовъ, какъ оно практикуется въ настоящее время. Вотъ только насчетъ наклоненій нѣкоторые ошибаются. Сотрудникъ «Сам. Газ.» г. Молотъ излилъ свое оживленіе въ слѣдующихъ строкахъ:

«Я забросилъ свое старое, заржавленное перо...

«Прощай, мой товарищъ!

«Долго ты жалобно пищало, какъ мышь, которой сдавили горло...

«Долго дрожало ты...

«Въ тебя летѣли бризантныя бомбы.

«Онѣ отрывали тебѣ ноги, онѣ изранили твою грудь, онѣ отрывали тебѣ и голову...

«Но ты все же жилъ, мой бѣдный товарищъ!

«Тебя лишили ногъ» и т. д. Здѣсь г. Молотъ постепенно и систематически уничтожаетъ свое перо, пока, наконецъ, не восклицаетъ:

«И я бросаю тебя, мой старый товарищъ...

«Бросаю робкое, дрожащее перо...

«Чу, слышишь ты новыя пѣсни?

«Онѣ несутся все властнѣе и властнѣе...

«Онѣ зовутъ къ настоящей жизни...

«Но, воспитанное рабьимъ страхомъ, ты, кажется, боишься... Твой конецъ обрѣзанъ? Да?..

«Тогда, прочь! Прочь отъ меня, старый заржавленный мечъ!..

«О, дайте мнѣ новое перо!..»

Если г. Молотъ, дѣйствительно, купилъ новое перо, то плакала его копейка, и напрасно онъ забросилъ старое. Но въ виду очевидной его рѣзвости, онъ не такъ скоро придетъ въ отчаяніе. А вотъ въ «Южномъ Курьерѣ» дѣло поставлено совсѣмъ плохо, и отъ реформы зависитъ жизнь редакціоннаго мальчика, а почему, тому слѣдуютъ стихи:

„Строчки... ни слова!.. все чисто, какъ было!
Мальчикъ отъ цензора вдругъ прибѣжалъ,
Точно въ груди его что-то ожило,
Такъ его голосъ отрадой звучалъ...
Ручкой безкровной, худой вытираетъ
Потъ онъ на изжелта-блѣдномъ лицѣ:
Листъ изъ-за пазухи онъ извлекаетъ,
Только лишь надпись на немъ на концѣ...
„— Дядя! быть можетъ, ходить ужъ не надо?
Черкать не будутъ... Вѣдь холодъ какой!
Мамка, охъ, знаете, будетъ такъ рада.
Если я скоро вернусь къ ней домой!“
Думой томимый, внимаю ему я:
Хочется мальчика къ „мамкѣ“ пустить,
Хочется также промолвить ликуя:
„Къ цензору больше не надо ходить!“

Стихи, вѣроятно, называются «Средство отъ малокровія дѣтей».

И клики г. Молота, и стихи въ «Южномъ Курьерѣ» очень благородны и заслуживаютъ всякаго сочувствія. Важность переживаемаго момента живо чувствуется и фельетонистами, и поэтами, какъ для себя, такъ и для блѣдныхъ мальчиковъ, но они попробовали изложить эти чувства своими словами, и вышло не важно. И потому не важно, что въ лексиконѣ массъ нѣтъ еще полнозвучныхъ словъ, соотвѣтствующихъ истинному чувству. «Насъ сорокъ лѣтъ учили молчать. Мы еще не умѣемъ говорить», какъ выразился крестьянинъ изъ слободы Покровской.

И поэтому стихи «съ идеей» изъ «Южнаго Курьера» очень напоминаютъ пересказъ евангельскихъ строкъ крестьяниномъ въ одномъ изъ очерковъ Глѣба Успенскаго. Крестьянинъ чувствуетъ, что только что прочитанное ему Евангеліе обращается прямо къ его сердцу и очень важно для его настроенія, но попросите его разсказать, что онъ слышалъ, и вы услышите что-нибудь вродѣ:

«Наслѣжу, говоритъ (всхлипываетъ)... слѣдовъ, а ты, говоритъ (плачетъ)... по нимъ... и ходи (рыданія)»...

* * *

Маленькая экскурсія въ область «оживленной» прозы «Московскихъ Вѣдомостей».

Какъ извѣстно, сотрудники московской газеты пользуются правомъ хожденія въ «народъ», причемъ «народъ» любезно платитъ имъ хожденіемъ въ «Московскія Вѣдомости». Кто у кого поучается, неизвѣстно, но эта дружеская циркуляція и свиданія «Московскихъ Вѣд.» со своимъ «народомъ» особенно участились за послѣднее время. И сихъ «истинно-русскихъ» людей заразила

общая жажда свиданій! Такъ отражается «весна» на почтенной газетѣ. Но только такъ. Припадая чаще прежняго другъ къ другу на плечо, сотрудники «Моск. Вѣд.» и «народъ» не ждутъ ничего и не желаютъ ждать. Совсѣмъ наоборотъ. Если подъ письмомъ въ редакцію «Моск. Вѣд.» вы увидите подпись «крестьянинъ» или «рабочій», знайте, что авторъ ни за что не отступится отъ своихъ крестьянскихъ правъ, дабы не лишиться навѣки вѣковъ гостепріимства «Моск. Вѣд.». Въ какомъ видѣ являются народу сотрудники газеты, мы, къ сожалѣнію, не знаемъ. Но, вѣроятно, и они такъ же открыто приходятъ и такъ же просто объявляютъ «народу»:

«— Отъ Карла-Амаліи Грингмута».

А затѣмъ ужъ все понятно, и течетъ дружеская рѣчь. Толкуютъ, конечно, о современныхъ вѣяніяхъ и настроеніяхъ. Мирная бесѣда съ «народомъ» ведется по разъ выработанному шаблону. Напр., «дворянинъ Кузьминъ» говоритъ крестьянамъ о г. Петрункевичѣ, авторѣ статьи въ «Правѣ». «Голосъ изъ народа», который безмятежно благоденствовалъ до сего времени, не имѣя понятія о «Правѣ», спрашиваетъ:

«—Что, живъ этотъ, что говорилъ эти слова. Гдѣ это? Кому онъ говорилъ?» «Дворянинъ Кузьминъ» терпѣливо объясняетъ, что не «говорилъ», а «писалъ», что статья только напечатана въ газетѣ, и даетъ еще нѣкоторыя руководящія указанія. «Голосъ изъ народа», окончательно возмущенный, восклицаетъ:

«— А я думалъ, что онъ на сходкѣ дерзнулъ говорить такія слова и удивился, что онъ еще живъ. Его, негодяя, растерзать надо, непремѣнно надо»...

Послѣ чего весь «народъ», ничего знать не желающій при видѣ человѣка отъ Грингмута, заявляетъ:

«— Если бы съ такими рѣчами Петрункевичъ явился къ намъ, то, конечно, съ нимъ порѣшили бы немедленно».

Резюмэ «дворянина Кузьмина»: «Какъ же осмѣлился гнусный нахалъ Петрункевичъ лгать и клеветать на насъ? Если онъ задыхается отъ злобы при видѣ честныхъ людей, то самое лучшее,—ему слѣдовало бы со своими рѣчами явиться на крестьянскій сходъ, гдѣ онъ дѣйствительно задохнулся бы... навѣки... Это вѣрно!»

Или еще проще бесѣдуетъ съ народомъ г. Бодиско.

«— О! Еслибъ этотъ народъ зналъ, что въ Россіи есть крамольники, особливо же ихъ цѣли, ихъ союзъ съ врагами отечества!»

Но такъ какъ «народъ» изъ «Моск. Вѣд.» (не вѣрнѣе ли было бы писать: г. «народъ»?) по самому своему естеству ничего знать не можетъ и не хочетъ, то г. Бодиско и отвѣчаетъ за него:

«— На клоки бы разорвалъ онъ этихъ подлыхъ измѣнниковъ».

Иногда, а особенно теперь, «народъ» самъ начинаетъ просвѣщать «Моск. Вѣд.» Но такъ какъ онъ все же ничего не видалъ и ничего не знаетъ, то и говоритъ о томъ, что ему «представляется». «Намъ, крестьянамъ, жителямъ деревни,—пишетъ «народъ» въ «Моск. Вѣд.»,—студентъ представляется самымъ пропащимъ человѣкомъ. Студентъ—безбожникъ, студентъ—заговорщикъ противъ Царя, студентъ—бунтовщикъ; вотъ отзывы, которые всегда вы услышите отъ крестьянъ. И не мудрено. Кто входитъ въ Казанскій соборъ въ Пе-

тербургѣ въ шапкѣ, съ папироской въ зубахъ?—Студенты. Кто Великимъ постомъ, съ пѣснями, буйною толпой идетъ по улицамъ Москвы, ломая деревья на бульварахъ, разбивая стекла?—Студенты. И въ результатѣ такого ихъ поведенія слово «студентъ» стало употребляться у крестьянъ какъ слово бранное. Отецъ, разсержанный поведеніемъ сына, ругая его, крикнетъ: такой-сякой, а теперь: «ты чисто студентъ окаянный!» Такъ вотъ какой славой пользуется у крестьянъ имя студента».

Удивительная интуиція! По одному слову «студентъ» творческая фантазія создаетъ цѣлый образъ даже съ папироской въ зубахъ.

Единодушіе трогательное. Печально только то, что въ эту оживленную переписку «Моск. Вѣд». съ «народомъ» вмѣшались постороннія лица. «Къ сожалѣнію, — пишутъ «Моск. Вѣд.»,—въ этой массѣ писемъ оказалось одно подложнымъ, какъ о томъ насъ письменно извѣстилъ авторъ этого фальсификата, скрывающійся подъ псевдонимомъ «А. Петровъ» и хвастающійся тѣмъ, что онъ для «мистификаціи» прислалъ намъ напечатанное въ № 307 нашей газеты письмо за подписью нѣсколькихъ крестьянъ, имена которыхъ онъ «выдумалъ», написавъ ихъ «правою и лѣвою рукой, мѣняя перья».

Хотя это грустное сообщеніе не измѣнитъ, надѣемся, отношеній «Моск. Вѣд.» къ народу, но все же въ сердце невольно закрадывается сомнѣніе... Нѣтъ, хорошо сдѣлалъ г. Дм. Бодиско, что самъ отвѣчалъ за «народъ». Этакъ вѣрнѣе.

* * *

Кромѣ этихъ голосовъ изъ «народа», совращающаго «дворянъ» Страстного бульвара на путь убійствъ и прочихъ дѣйствій, предусмотрѣнныхъ «Уложеніемъ о наказаніяхъ» (да устоятъ «Моск. Вѣд.» на правомъ пути!), раздается еще много подобныхъ кликовъ. На ряду съ резолюціями и привѣтственными телеграммами они звучатъ въ нарочитомъ контрастѣ, какъ бы подчеркивая то, что они исходятъ изъ «хаты съ краю» и знать не знаютъ объ уличномъ оживленіи.

Въ засѣданіи воронежской думы 25-го ноября городской голова Н. А. Клочковъ предложилъ почтить память недавно скончавшагося Н. Ф. Бунакова вставаніемъ. Но гласный Безруковъ заявилъ протестъ, который не имѣлъ послѣдствій, и г. Безруковъ остался сидѣть одинъ. Затѣмъ гл. Шауровъ предложилъ назвать одну изъ городскихъ школъ именемъ Бунакова. Но г. Безруковъ, благодаря своей исключительной благонамѣренности, моментально получилъ возможность влѣзть въ состояніе души уже покойнаго, и заявилъ:

— «Для души покойнаго гораздо было бы полезнѣе отслужить панихиду, нежели называть школу его имени». «Гласный же Шауровъ,—продолжалъ дальше г. Безруковъ,—отъ лица котораго сдѣлано предложеніе, какъ извѣстно, отличается крайней неблагонадежностью» *).

Залѣзть въ душу живого человѣка послѣ того, какъ былъ продѣланъ болѣе трудный фокусъ съ душой, не имѣющей мѣстопребыванія въ семъ мірѣ, конечно, не удивительное дѣло для г. Безрукова. Онъ пошелъ дальше и, на посыпавшіеся со всѣхъ сторонъ горячіе протесты, попросилъ даже занести свои

---

*) Цит. по „Русп“ № 360.

слова въ журналъ засѣданія: «онъ настаиваетъ, что предложеніе, подобное тому, какое сдѣлано гласнымъ Шауровымъ—не что иное, какъ антиправительственная демонстрація!»

Всѣ увѣщанія и упреки ничуть не дѣйствовали на г. Безрукова. Онъ остался твердъ въ своемъ убѣжденіи, что назвать школу именемъ уважаемаго человѣка значитъ устраивать антиправительственную демонстрацію. Эту все возрастающую стойкость г. Безрукова мы никакъ иначе не можемъ объяснить, какъ тѣмъ, что онъ втайнѣ ощупывалъ своей паспортъ и ощущалъ отъ этого новый приливъ силъ, подобно древнему Антею, который увеличивалъ свои силы прикосновеніемъ къ землѣ.

Не менѣе любопытный инцидентъ получилъ недавно должное рѣшеніе и освѣщеніе со стороны московскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ. 29-го октября 1903 года тульскій гласный г. Любомудровъ, онъ же мѣстный присяжный повѣренный, предложилъ думѣ воздержаться на этотъ разъ отъ ежегоднаго ассигнованія пособія тульской общественной библіотекѣ на томъ основаніи, что дѣятельность библіотеки неблагонадежна. Неблагонадежность библіотеки г. Любомудровъ доказывалъ слѣдующими пятью пунктами: 1) въ библіотеку закрытъ доступъ учащимся, 2) два года тому назадъ одинъ гласный разсказывалъ въ думѣ, что на его просьбу выдать ему какую-то книгу К. П. Побѣдоносцева получилъ отъ библіотекарши отвѣтъ: «Мы такой дряни не держимъ», 3) на обыскѣ у одного рабочаго нашли выданную изъ общественной библіотеки книгу о французской революціи, въ которой, по заявленію рабочаго, онъ ровно ничего не понималъ, но книгу порекомендовала ему библіотекарша, 4) по городу распространены брошюры въ обложкѣ «Житія святыхъ» съ антиправительственною «начинкою», и 5) въ библіотекѣ полиція «днюетъ и ночуетъ». Тогда же г. Любомудрову разъяснили, что пунктъ первый вызванъ министерскими правилами, распространяющимися на библіотеки всей Россіи; разсказъ про отзывъ библіотекарши о сочиненіяхъ Побѣдоносцева принадлежитъ гласному, явившемуся въ засѣданіе думы прямо изъ психіатрической больницы и на другой день, послѣ засѣданія думы, помѣщенному въ ту же больницу. Что же касается пристрастія полиціи къ библіотечному помѣщенію, то, несмотря на постоянные обыски и пр., ничего компрометирующаго найдено не было. Затѣмъ самому г. Любомудрову предложено было указать на источникъ, изъ котораго онъ узналъ, что говорилъ рабочій во время обыска, но г. тульскій присяжный повѣренный отъ объясненій уклонился, а на предложеніе установить связь между «Житіями святыхъ» и дѣятельностью общественной библіотеки отвѣтилъ:

— «Я—старый адвокатъ, а потому я остороженъ; я могъ бы, господа, сообщить многое, но не желаю изъ залы думскаго засѣданія перейти въ камеру городского судьи» *).

«Осторожность» «стараго адвоката» привела къ тому, что общественная библіотека была закрыта тульскимъ губернаторомъ, а такъ какъ «осторож-

*) Цит. по „Нашей Жизни“ № 37.

ность» г. Любомудрова проявилась и въ засѣданіи городского попечительства трезвости, то и общество трезвости также было закрыто губернаторомъ. Поэтому 22 лица (двое тульскихъ присяжныхъ повѣренныхъ, предсѣдатель тульской губернской земской управы кн. Львовъ, писатель Вересаевъ, епархіальный архитекторъ, онъ же предсѣдатель правленія общественной библіотеки и другіе) обратились въ московскій совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ съ просьбой разрѣшить вопросъ, какъ понимать «осторожность» и, вообще, поведеніе г. Любомудрова. На предложеніе совѣта представить объясненія по поводу полученыхъ заявленій, г. Любомудровъ не могъ отвѣтить до 1-го мая 1904 г., ибо на страстной недѣлѣ онъ говѣлъ и не имѣлъ времени для писанія бумагъ, а на пасхальной недѣлѣ, въ дни неприсутственные, не можетъ добыть всѣхъ необходимыхъ бумагъ.

1-го мая объясненія, наконецъ, были представлены. «Осторожный» адвокатъ и не подумалъ опровергнуть фактическую сторону дѣла. Онъ ограничивается тѣмъ, что представляетъ многочисленныя свидѣтельства о своей полицейской благонадежности, которая для такихъ господъ, какъ онъ или г. Безруковъ, исполняетъ всѣ человѣческія обязанности и замѣняетъ человѣческое лицо. Г. Любомудровъ перечислилъ всѣ должности, какія онъ занимаетъ, и лицъ, съ которыми онъ находится въ интимной перепискѣ: архіерей призываетъ Божіе споспѣшествующее благословеніе на дѣятельность своего «высокочтимаго и возлюбленнѣйшаго о Господѣ А. А.», а губернаторъ обращается къ «глубокоуважаемому» и расписывается «душой вамъ преданный». Г. Любомудровъ представилъ свои фельетоны изъ «Губернскихъ Вѣдомостей» и брошюры, приводящія въ восторгъ архіерея и губернатора, и подчеркиваетъ, что проводимыя имъ начала православія и единодержавія «какъ будто не къ лицу проповѣдникамъ свободы личности», т.-е. лицамъ, подавшимъ заявленіе въ совѣтъ (намекъ по методу «осторожности»!) Между прочимъ совѣтъ цитируетъ слѣдующее мѣсто изъ одной брошюры г. Любомудрова («Пора»), гдѣ онъ призываетъ читателей къ борьбѣ за нормальныя (съ его точки зрѣнія) условія государственной жизни и восклицаетъ: «Дѣйствуйте же всѣ и *дѣйствуйте всякими способами*»...

Внимательно разсмотрѣвъ всѣ обстоятельства дѣла г. Любомудрова, совѣтъ заключаетъ: «Ужасъ объемлетъ сердца его судей-товарищей, краска стыда заливаетъ ихъ лица отъ одного сознанія, что въ средѣ нашего сословія могъ находиться такой сочленъ. Г. Любомудровъ не постѣснялся выступить публично съ такимъ заявленіемъ, въ которомъ ясно слышался злостный политическій доносъ»... Что же касается объясненій г. Любомудрова, то «отливая всѣми цвѣтами самаго обыкновеннаго провокаторства, такая самозащита цѣли своей достичь не можетъ», а потому совѣтъ опредѣляетъ: «Г-на Любомудрова изъ сословія присяжныхъ повѣренныхъ исключить».

Лишенный одного изъ своихъ многочисленныхъ званій, г. Любомудровъ можетъ замѣнить его хотя бы званіемъ... «велосипедиста». И осторожно, и благонадежно, и «мирному житію» не вредитъ... до времени.

Менѣе осторожно дѣйствовали дьяконъ Поповъ съ женой и полицейскій

стражникъ Сопроновъ въ селѣ Макарьевѣ Воронежскаго уѣзда. Они взялись извести сельскаго учителя Гонорскаго и учительницу Кириллову. По словамъ корреспондента «Руси», дьяконъ работалъ надъ религіозно-нравственной стороной вопроса, а стражникъ, какъ тонкая политическая штучка, отмежевалъ себѣ политику. Дьяконъ внушалъ крестьянамъ, что учитель держитъ у себя толстовскія книжки, учитъ по нимъ дѣтей, исповѣдуетъ «толстовскую вѣру», живетъ безъ брака съ учительницей, а учительница—потаскушка и шлюха»; а стражникъ писалъ все время «секретные» протоколы, обвиняя учителя и учительницу въ сношеніяхъ съ тремя японцами и двумя японками и только по недостатку военно-юридическаго образованія не могъ навѣрное рѣшить, повѣсятъ ли ихъ за такія дѣла или разстрѣляютъ. Хотя именно на такой почвѣ политическаго доноса Сопроновъ погубилъ земскаго работника, трудившагося на педагогическомъ поприщѣ 40 лѣтъ (19-го мая 1904 г. Гонорскій, а также и г-жа Кириллова были уволены по предложенію губернатора), но очевидное невѣжество союзниковъ привело ихъ на скамью подсудимыхъ за клевету.

Попова и Сопроновъ приговорены къ аресту, каждый на мѣсяцъ. Дѣло же о дьяконѣ Поповѣ съѣздъ призналъ себѣ неподсуднымъ и передалъ его консисторіи.

* * *

Недостатокъ высшихъ точекъ зрѣнія, что, напр., видно изъ послѣдняго факта, настолько даетъ себя чувствовать, что среди стражниковъ и прочихъ полицейскихъ чиновъ теперь замѣтна сильная тенденція къ самообразованію. Въ «Сар. Дн.» напечатано письмо учителя повторительныхъ курсовъ въ Балашовскомъ уѣздѣ г. Веденяпина, посланное имъ въ губернскую управу. «На вечерніе классы, открытые въ с. Турки, явились два полицейскихъ стражника и попросили меня записать ихъ», пишетъ г. Веденяпинъ. Но «послѣ поступленія стражниковъ, на вечернихъ курсахъ слушатели стали отказываться отвѣчать мнѣ, мотивируя этотъ отказъ присутствіемъ полицейскихъ стражниковъ». Да и самъ учитель сталъ смущаться «присутствіемъ чиновъ министерства внутреннихъ дѣлъ». Не желая заниматься съ двумя стражниками вмѣсто цѣлой группы обычныхъ слушателей, г. Веденяпинъ просилъ обратить вниманіе на этотъ «вопіющій фактъ».

Управа отвѣтила слѣдующимъ постановленіемъ:

«Правилами объ урокахъ для взрослыхъ, учреждаемыхъ при учебныхъ заведеніяхъ, на полицію не возложено никакихъ обязанностей блюсти преподаваніе. Полагаемъ, что ближайшая отвѣтственность первѣе всего лежитъ на преподавателѣ, а затѣмъ на земской управѣ, хозяинѣ. Въ силу этого полицейскій, *какъ таковой*, не можетъ быть допускаемъ въ школу. Далѣе полагаемъ, что спеціальная должность полицейскаго чина совершенно исключаетъ возможность систематическаго прохожденія курса *и въ качествѣ записавшагося ученика*, а потому и записываться учениками стражники допускаемы быть не могутъ. Этого одного было бы достаточно, но ихъ присутствіе, кромѣ того, какъ видно изъ указанія учителя, понятно, смущаетъ и стѣсняетъ весь контингентъ настоящихъ учениковъ, окончательно дурно вліяя на ввѣренное земствомъ своему учителю дѣло преподаванія».

Объ этомъ сообщено всѣмъ учителямъ вечернихъ классовъ, и г. Веденяпину предложено исключить изъ числа «вольнослушателей» полицейскихъ чиновъ и впредь ихъ на вечерніе классы не допускать.

Такъ какъ подобное стремленіе къ свѣту обнаруживается не только въ с. Туркахъ, то, думается намъ, [не назрѣла ли потребность въ самообразовательныхъ курсахъ для полицейскихъ стражниковъ? Учащимся было бы присвоено званіе «досужихъ слушателей» (отнюдь не «вольнослушателей»,—это «вольно» звучитъ слишкомъ неблагонамѣренно). Г. Безруковъ могъ бы читать лекціи по курсу «Загробное состояніе крамольной души и ея нужды съ наглядньшъ демонстрированіемъ живыхъ крамольниковъ». Г. Любомудровъ развивалъ бы, какъ «старый адвокатъ», высшія юридическія точки зрѣнія въ курсѣ «Объ осторожной ѣздѣ на велосипедѣ». Гг. сотрудники «М. В.» согласились бы, я думаю, иногда наѣзжать для собесѣдованіи на разныя темы, напр., «О наиудобнѣйшемъ способѣ рвать на клочки и хватать за икры «разныхъ» Петрункевичей», «можно ли либерала опровергнуть еще съ какой-нибудь точки зрѣнія, не считая повѣшенія и потопленія?» и т. д. На практическія занятія «досужихъ слушателей» можно было бы посылать въ Одессу, гдѣ таковыя поставлены недурно, о чемъ свидѣтельствуетъ приказъ по одесской полиціи, въ которомъ градоначальникъ предлагалъ 50 р. тому изъ чиновъ, кто укажетъ статью закона въ три слова. И нашелся премудрый чинъ, нашедшій эту статью: «кулачный бой воспрещается».

Пройдя полный курсъ и изучивъ самые краткіе законы, «досужій слушатель» получаетъ званіе «досужаго зрителя» съ сохраненіемъ прежняго названія. Послѣ чего развиваетъ дѣятельность. На живого либерала идетъ съ «аргументами», на мертваго съ панихидой, на велосипедѣ катается и способствуетъ произрастанію свидѣтельствъ о поведеніи.

Только при такой системѣ возможна преемственная передача провокаторскихъ традицій, и г. Любомуровъ получитъ надежду потомственнаго почетнаго провокатора.

* * *

Еще Достоевскій посвятилъ однажды страничку въ своихъ произведеніяхъ сравнительной психологіи французскаго, нѣмецкаго и русскаго шпіона. Къ сожалѣнію, мы не можемъ процитировать на память этихъ остроумныхъ изысканій, но что касается русскаго шпіона, Достоевскій подчеркивалъ указанную нами безсистемность и даже фантастическій складъ русскихъ шпіоновъ. Русскій шпіонъ ограничивается тѣмъ, что подслушиваетъ только *одно* слово, а затѣмъ по этому слову создаетъ себѣ мечту, о которой и докладываетъ по начальству.

Новѣйшая иллюстрація въ этой характеристикѣ, иллюстрація, буквально подтверждающая слова нашего писателя, имѣла мѣсто въ селѣ Б. Самарской губ. Учительница мѣстной школы демонстрировала грамофонъ въ присутствіи своихъ учениковъ и ихъ родителей. Заглянулъ на представленіе и мѣстный урядникъ. Все шло хорошо, пока граммофонъ не запѣлъ некрасовское: «Укажи мнѣ такую обитель,... гдѣ бы русскій мужикъ не стоналъ»...

Досужій слушатель встревожился... и арестовалъ граммофонъ.

Достаточно было одного слова «стоналъ», произнесеннаго «человѣчьимъ голосомъ», чтобы въ умѣ урядника создалась картина о потрясеніи основъ.

Эта «главная причина» въ злоключеніяхъ «машинки» является вполнѣ логическимъ заключеніемъ общаго невѣжества, въ которомъ коснѣетъ русская провокація. Преслѣдуя «человѣчій голосъ», досужій слушатель вполнѣ резонно обращаетъ тревожное вниманіе даже и на неодушевленный предметъ, разъ онъ способенъ на членораздѣльное «слово». «Слово» для него законнымъ образомъ сочетается лишь съ «дѣломъ» и звучитъ «секретно». Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ оно съ удобствомъ можетъ замѣняться «бумагой» за номеромъ.

Обиліе человѣческихъ словъ, раздавшихся въ послѣдніе мѣсяцы въ провинціи, масса открытыхъ человѣческихъ лицъ съ одушевленными «человѣчьими голосами», имѣвшихъ возможность войти въ общеніе другъ съ другомъ, какъ видимъ, далеко не устранило явленій стараго порядка и старыхъ «спасительныхъ» пріемовъ. Человѣчій голосъ звучитъ въ хорѣ «секретныхъ», и паспортъ попрежнему живетъ на ряду съ его владѣльцемъ. Новое явленіе въ провинціальной жизни, свиданія и бесѣды *людей*, отразилось на досужихъ слушателяхъ, пожалуй, только тѣмъ, что произвело среди нихъ крайнюю растерянность. Слишкомъ много словъ они услышали, слишкомъ много лицъ увидѣли. Фантазія ихъ утомлена наплывомъ матеріала и вмѣсто стройной провокаторской мечты нелѣпо путается между панихидой и антиправительственной демонстраціей, какъ безпомощно упорствовалъ хотя бы г. Безруковъ. Или же, отчаявшись справиться съ невиданнымъ доселѣ кошмаромъ, призываетъ къ убійству и деликатныя «политическія» краски замѣняетъ грубыми ругательствами по методу «Московскихъ Вѣдомостей». Можетъ быть, наиболѣе хладнокровные изъ досужихъ мечтателей и работаютъ теперь въ тиши надъ обработкой небывалаго количества матеріала. Но «осторожность, осторожность, осторожность, господа»! Дѣло новое, и «велосипедисту» случается падать. До сихъ поръ вы упражнялись надъ тѣмъ, какъ бы одно слово превратить въ цѣлое дѣло, теперь придется работать надъ массой словъ, и шаблонный способъ механическаго преувеличенія уже не нуженъ. А какія же еще средства имѣются въ распоряженіи нашихъ провокаторовъ?

І. Ларскій.

ИЗЪ РУССКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Новыя данныя по дѣлу Чернышевскаго.—Новая замѣтка о попыткѣ его освобожденія.—„Воспоминанія о Чернышевскомъ“ В. Т. Короленко въ «Русскомъ Богатствѣ“.—„Всемірный Вѣстникъ» ст. г. Батуринскаго. „Герцень, его друзья и знакомые“.—Еще о Сахалинѣ ст. Сѣнча въ „Русской Мысли“.

Исполнившееся недавно пятнадцатилѣтіе со дня смерти Николая Гавриловича Чернышевскаго обогатило касающуюся этого знаменитаго писателя литературу нѣкоторыми новыми данными, между которыми находятся и весьма цѣнныя. Всѣ эти данныя, надо замѣтить, имѣя цѣнность абсолютную, отличаются въ то же время еще большею цѣнностью относительною, ибо послѣ ознакомленія съ ними предъ читателемъ возстаетъ съ еще большею ясностью мысль

о томъ, какъ мало мы еще знаемъ о самыхъ крупныхъ событіяхъ изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго движенія, какъ скудны располагаемые нами для познанія этого явленія матеріалы и сколько еще находится въ этой области такого, что отчасти таится въ недоступныхъ и до настоящаго времени государственныхъ тайникахъ, а частью, быть можетъ, погибло безвозвратно, такъ какъ тѣ люди, которые могли бы повѣдать своимъ ближнимъ многое цѣнное, уже сошли въ могилы, унеся съ собой въ вѣчность и многое изъ того, что должно было бы принадлежать тоже вѣчности, да только въ другомъ смыслѣ. Жизнь Николая Гавриловича Чернышевскаго, вообще, его участіе въ общественномъ движеніи конца пятидесятыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ и тотъ почти непроглядный мракъ, который окутываетъ и до настоящаго времени его процессъ, служатъ яркою иллюстраціею къ размышленіямъ на эту тему. Процессъ Чернышевскаго! Много ли знаемъ мы о немъ? Правда, въ свое время была напечатана въ «Колоколѣ», а потомъ и въ другихъ изданіяхъ извѣстная «сенатская записка» по дѣлу Чернышевскаго, но развѣ этого достаточно, особливо, если принять во вниманіе хотя бы такія строки изъ дневника Никитенко, помѣченныя 21 мая 1864 года:

«Я спрашивалъ у сенатора Любощинскаго, доказано ли юридически, что Чернышевскій виноватъ соотвѣтственно тому, къ чему его присудили? Онъ отвѣчалъ мнѣ, что ему извѣстныхъ юридическихъ доказательствъ нѣтъ, но что моральное убѣжденіе прямо противъ Чернышевскаго. Какъ же, однако, осудили его? Въ государственномъ совѣтѣ нѣкоторые изъ членовъ не находили достаточныхъ уликъ и доказательствъ для приговора его къ тому, къ чему онъ приговоренъ. Тогда князь Долгорукій (шефъ жандармовъ) показалъ имъ какія-то бумаги изъ III отдѣленія, и члены вдругъ перестали противорѣчить. Но что это за бумаги? Это тайна. Зачѣмъ же дѣлать изъ нихъ тайну, если въ нихъ заключаются точныя доказательства вины Чернышевскаго? Жаль!..» *).

«Жаль!»—вотъ все, чѣмъ комментировалъ Никитенко полученныя имъ отъ Любощинскаго свѣдѣнія о томъ, что Чернышевскій былъ осужденъ на основаніи тайнаго «dossier» III отдѣленія...

Что же это за бумаги?—повторяемъ мы и теперь, черезъ 40 лѣтъ послѣ осужденія Чернышевскаго въ каторгу, вопросъ Никитенко Любощинскому?

— Это тайна,—отвѣчаютъ намъ попрежнему самыя скрижали исторіи...

Да, это тайна. Въ ряду недавно опубликованныхъ воспоминаній о Чернышевскомъ есть, напримѣръ, такое, принадлежащее г. Захарьину - Якунину и помѣченное 14 ноября 1904 года:

«Покойная графиня Александра Андреевна Толстая была въ дружескихъ сношеніяхъ со многими выдающимися русскими писателями и между прочимъ съ гр. А. К. Толстымъ, однимъ изъ товарищей дѣтства и отрочества покойнаго государя Александра Николаевича, авторомъ «Смерти Грознаго» и «Князя Серебрянаго». Гр. Толстой былъ егермейстеромъ двора и хотя большую часть времени посвящалъ литературѣ, живя въ своемъ имѣніи Красный Рогъ, но,

*) Никитенко, т. II, стр. 454—455.

тѣмъ не менѣе, продолжалъ пользоваться особенною пріязнью государя и, когда пріѣзжалъ въ Петербургъ, останавливался въ Зимнемъ дворцѣ; если же пріѣзжалъ по зимамъ, а въ это время случалась царская охота, то принималъ въ ней участіе. И вотъ что, по разсказу гр. А. А., случилось во время государевой охоты въ зиму 1864—1865 гг. въ Новгородской губерніи. Въ оступѣ былъ обойденъ медвѣдь; распорядитель охоты егермейстеръ Скарятинъ разставилъ полукругомъ всѣхъ охотниковъ, и Толстому, какъ близкому человѣку къ государю и рѣдкому петербургскому гостю, пришлось стоять съ нимъ рядомъ. Въ ожиданіи пока всѣ займутъ свои мѣста, а собаки и загонщики поднимутъ звѣря, государь подозвалъ Толстого и сталъ разговаривать вполголоса, какъ слѣдуетъ быть на охотѣ, и безъ постороннихъ свидѣтелей. И вотъ тутъ-то литераторъ А. К. Толстой, хорошо, конечно, освѣдомленный о всѣхъ деталяхъ процесса несчастнаго Чернышевскаго (т.-е. надо полагать о «деталяхъ» въ томъ смыслѣ, что и ему, вѣроятно, было извѣстно о фактѣ предъявленія судьямъ Чернышевскаго Долгорукимъ третьеотдѣленскаго «dossier» и т. д. *В. Б.*), рѣшился замолвить государю слово за осужденнаго, котораго онъ отчасти зналъ лично.

«На вопросъ государя, что дѣлается въ литературѣ и не написалъ ли онъ, Толстой, что-либо новое, графъ отвѣтилъ, что «русская литература надѣла трауръ по поводу *несправедливаго* (курсивъ подлинника) осужденія Чернышевскаго»...

«Но государь не далъ Толстому даже и окончить его фразы. «Прошу тебя, Толстой, *никогда* (курсивъ подлинника) не напоминать мнѣ о Чернышевскомъ», проговорилъ онъ недовольнымъ и непривычно строгимъ голосомъ и затѣмъ, отвернувшись въ сторону, далъ понять, что бесѣда ихъ кончена».

Что значитъ весь этотъ эпизодъ? Разъяснился ли онъ хоть теперь?

Это тайна.

За что же осужденъ, наконецъ, Чернышевскій?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ даютъ намъ лишь слѣдующія оффиціальныя строки:

«Государственный Совѣтъ въ Департаментѣ Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ, по разсмотрѣнію опредѣленія правительствующаго Сената, 5-го Департамента, объ отставномъ титулярномъ совѣтникѣ Николаѣ Чернышевскомъ тридцати пяти лѣтъ, призналъ его по уликамъ и обстоятельствамъ дѣла виновнымъ въ сочиненіи возмутительнаго воззванія, передачѣ онаго для тайнаго напечатанія съ цѣлью распространенія и въ принятіи мѣръ къ ниспроверженію существующаго въ Россіи порядка управленія, *мнѣніемъ положилъ*, утвердить по настоящему дѣлу заключеніе правительствующаго Сената и, вслѣдствіе сего, отставного титулярнаго совѣтника Николая Чернышевскаго на основаніи приведенныхъ въ томъ заключеніи узаконеній, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на четырнадцать лѣтъ, а затѣмъ поселить въ Сибири навсегда. На подлинномъ собственнаго Е. И. В. рукою написано: «Быть по сему, но съ тѣмъ, чтобы срокъ каторжной работы былъ сокращенъ на половину». Въ С.-Петербургѣ 7-го апрѣля 1864 года *).

*) „Сенатскія Вѣдомости“, 8-го мая 1864 г., № 37.

Много ли свѣта пролила исторія на эти строки? Нѣтъ, очень немного, но зато и то немногое, что все-таки въ этомъ отношеніи сдѣлано, указываетъ на такія вещи, надъ которыми уже готовится праведный судъ исторіи. Тотъ же г. Захаринъ, отрывки изъ статьи котораго мы уже приводили выше, разсказываетъ о занимающемъ насъ вопросѣ чрезвычайно интересныя вещи. Его статья, вызванная малоинтересною замѣткою о Чернышевскомъ въ «Новомъ Времени» г. Скальковскаго, называется «О подложномъ письмѣ въ дѣлѣ Чернышевскаго». Въ ней разсказывается между прочимъ слѣдующее:

«Самымъ тяжкимъ обвиненіемъ противъ писателя Чернышевскаго было, какъ извѣстно, его «преступное письмо къ Плещееву», покойному поэту Алексѣю Николаевичу. Г. Плещеевъ сынъ въ своемъ письмѣ говоритъ, что «первая экспертиза (чья?) признала письмо написанное *не* Чернышевскимъ».

«Весною 1864 г., т.-е. сорокъ лѣтъ назадъ, я жилъ въ Петербургѣ, и въ литературныхъ кружкахъ того времени знали не только о томъ, что письмо это подложное, но даже и то, какимъ путемъ самъ Чернышевскій доказалъ его подложность. Вотъ что мнѣ довелось слышать въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1864 г. въ редакціи журнала «Эпоха», редактируемаго М. М. Достоевскимъ.

«Когда Чернышевскому на одномъ изъ послѣднихъ допросовъ было показано это роковое письмо и предложенъ былъ вопросъ, его ли это почеркъ? то Чернышевскій отвѣтилъ слѣдующее: «Почеркъ мой, но письмо это писано не мною: оно поддѣльно подъ мой почеркъ».

«Чернышевскому на это возразили: письмо это—ваше. Припомните хорошенько... Прочтите его.

«Тогда подсудимый, взявъ письмо, прочелъ его, затѣмъ, разглядывая его на свѣтъ, указалъ прозусу военно-судной комиссіи на водяные знаки почтоваго листа большого формата, на которомъ было написано это письмо: *поддѣльнымъ* почеркомъ Чернышевскаго былъ выставленъ подъ письмомъ 1863 г., а водяные знаки удостовѣряли, что бумага сдѣлана на фабрикѣ въ 1864 г... Это именно обстоятельство и служитъ отвѣтомъ на слова г. Скальковскаго въ «Дневникѣ меланхолика»—почему Плещеевъ не былъ привлеченъ къ отвѣтственности за сношенія съ Чернышевскимъ. Несомнѣнно, многіе писатели, находящіеся въ живыхъ, проживавшіе въ началѣ шестидесятыхъ годовъ въ Петербургѣ, помнятъ этотъ разсказъ о подложномъ письмѣ въ процессѣ Чернышевскаго, проникшій въ литературные кружки того времени».

Нужны ли тутъ коментаріи?..

Приведемъ еще одинъ документъ, вызванный въ свѣтъ тѣми же замѣтками Скальковскаго. Мы говоримъ о появившемся въ газетахъ слѣдующемъ письмѣ г-жи Юстины Глинка:

«Въ статьѣ г. Скальковскаго: «Изъ дневника меланхолика» въ «Новомъ Времени» въ ноябрѣ сего года, сказано между прочимъ слѣдующее: «То, что не удалось сдѣлать графу Лорисъ-Меликову, осуществилъ графъ Толстой уже при Александрѣ III въ 1883 году. Вслѣдствіе его ходатайства Чернышевскій могъ умереть на родинѣ въ Саратовѣ».

«Еще въ 1882 г., въ бытность министромъ внутреннихъ дѣлъ графа Н. П.

Игнатьева, было исходатайствовано мною письменно предъ Его Величествомъ Императоромъ Александромъ III освобожденіе Чернышевскаго изъ его ссылки въ Сибири, гдѣ онъ тогда уже находился сверхъ срока. Государь Императоръ тотчасъ же повелѣлъ графу Игнатьеву привести это мое ходатайство въ исполненіе. Г. министръ съ своей стороны сдѣлалъ всѣ распоряженія къ осуществленію царской воли. Между тѣмъ, прошло два мѣсяца съ того момента, а Чернышевскаго все не освобождали. Генералъ-адъютантъ Черевинъ, который дѣйствительно сочувственно относился къ этому вопросу, обратился ко мнѣ съ совѣтомъ напомнить Государю о его рѣшеніи относительно Чернышевскаго, прибавивъ, что ему, Черевину, положительно извѣстно о мѣрахъ, принятыхъ графомъ Игнатьевымъ касательно освобожденія Чернышевскаго, но что оффиціальныя приказанія изъ Петербурга встрѣчаютъ сопротивленіе въ мѣстныхъ сибирскихъ властяхъ. Слѣдуя этоту совѣту, я снова обратилась къ Императору Александру III и *довела до свѣдѣнія его, что его приказанія мѣстныя власти не признаютъ и исполнять не желаютъ*, основываясь на болѣзненномъ состояніи Чернышевскаго, впавшаго будто даже въ дѣтство. Объ этомъ мнѣніи сибирскихъ властей относительно психическаго состоянія Чернышевскаго мнѣ было также передано Черевинымъ. Послѣ моего вторичнаго доклада, вновь послѣдовало распоряженіе графу Игнатьеву относительно ссыльнаго Чернышевскаго. Несмотря на это, прошло еще не мало времени, прежде чѣмъ Чернышевскій былъ освобожденъ изъ заточенія; въ этотъ промежутокъ времени графъ Игнатьевъ пожелалъ удалиться отъ занимаемаго имъ поста, и уже при его преемникѣ, графѣ Толстомъ, состоялось самое возвращеніе Чернышевскаго въ Европейскую Россію, что, вѣроятно, и подало поводъ г. Скальковскому предположить, что ходатайствовалъ о Чернышевскомъ графъ Толстой, который объ этомъ и не помышлялъ и всей своей дѣятельностью довольно наглядно доказалъ, что такого рода ходатайства не были вообще въ его духѣ».

Характерный во многихъ отношеніяхъ разсказъ г-жи Глинка прибавляетъ, конечно, кое-что новое и къ біографіи Чернышевскаго...

Мы извиняемся передъ читателемъ, если онъ будетъ сѣтовать на насъ за то, что мы отвлеклись, повидимому, такъ далеко отъ нашей прямой задачи—обозрѣнія журналовъ, но это только «повидимому», такъ какъ, принимаясь за ноябрьскую книжку «Русскаго Богатства», мы имѣемъ въ виду говорить именно на эту самую тему, и, такимъ образомъ, все предыдущее имѣетъ съ нашею прямою задачею самую непосредственную связь.

Въ ноябрьской книжкѣ «Русскаго Богатства» помѣщены весьма интересныя «Воспоминанія о Чернышевскомъ» г. Короленко. Воспоминанія эти г. Короленко начинаетъ съ чисто личнаго момента: «Я помню,—пишетъ онъ.—еще въ раннемъ дѣтствѣ мнѣ попался фантастическій польскій разсказъ. Герой его молодымъ человѣкомъ пробрался потаеннымъ ходомъ въ погребокъ, гдѣ хранилось чудесное старое вино, лежавшее въ землѣ въ невѣдомомъ тайникѣ нѣсколько столѣтій. Молодой человѣкъ выпилъ стаканъ вина и заснулъ. Заснулъ такъ крѣпко, что пока онъ спалъ въ своемъ убѣжищѣ, на землѣ бѣжали года, событія мѣнялись событіями, XVIII столѣтіе отошло въ вѣчность, Польшу раз-

дѣлили между собою враги. И вотъ въ одинъ прекрасный день, на улицѣ русской уже Варшавы, съ вывѣсками на двухъ языкахъ и съ городовыми на каждомъ углу,—появляется какая-то архаическая фигура въ старопольскомъ одѣяніи съ «карабеллой» у пояса, съ кармазиновыми отворотами рукавовъ и съ страшной сѣдой бородой». Судьба Чернышевскаго напомнила автору этотъ именно разсказъ. Сходство тутъ, дѣйствительно, большое, бросающееся въ глаза. Помнили въ свое время, конечно, и исчезнувшаго молодаго поляка, а потомъ, когда пришли новые люди и новыя событія, около него стала образовываться легенда. Такъ и съ Чернышевскимъ. «Теперь изъ моихъ читателей рѣдко кто знаетъ уже, что были въ свое время попытки освободить Чернышевскаго, что одна изъ такихъ попытокъ чуть было не увѣнчалась успѣхомъ и что за это люди платили цѣлою жизнью каторги и одиночнаго заключенія. А между тѣмъ все это было, и мнѣ пришлось даже встрѣтиться съ главнымъ героемъ главной попытки, именно съ Мышкинымъ,—когда его отправляли на Кару. Но уже въ то время, когда я его видѣлъ, другія событія и другія «злобы дня» закрыли отъ общественнаго вниманія и имя Чернышевскаго, и самую попытку его освобожденія, такъ что теперь я могу передать лишь незначительныя черты этого эпизода. Мышкинъ явился въ Вилюйскъ (Якутской области) въ формѣ жандармскаго офицера и предъявивъ предписаніе немедленно отдать ему Чернышевскаго для препровожденія, если не ошибаюсь, въ Иркутскъ. У исправника возникло подозрѣніе (говорили, что у Мышкина аксельбантъ былъ повѣшенъ не на той сторонѣ, гдѣ надо, но, кажется, что невѣрно), тѣмъ болѣе, что пріѣзжій не доставилъ предписанія отъ якутскаго губернатора. Исправникъ отказался выдать Чернышевскаго. Мышкинъ пытался бѣжать, былъ арестованъ и потомъ все-таки бѣжалъ и судился уже впослѣдствіи по такъ называемому «большому процессу». Послѣ этого Чернышевскій обратился съ положительной и категорической просьбой—не дѣлать впредь подобныхъ попытокъ, и эта просьба была напечатана въ 70-хъ годахъ въ заграничныхъ изданіяхъ».

Эпизодъ съ попыткою Мышкина освободить Чернышевскаго столь интересенъ, что мы снова сдѣлаемъ отступленіе отъ разсказа г. Короленко. Дѣло въ томъ, что объ этомъ же эпизодѣ говорится и въ недавно напечатанныхъ въ «Закаспійскомъ Обозрѣніи» воспоминаніяхъ о Чернышевскомъ В. С. Соловьева (хранившихся у г. Ѳедорова). Выписку изъ этихъ-то воспоминаній мы и хотимъ здѣсь привести:

«По окончаніи срока (каторги),—говорится въ цитируемыхъ воспоминаніяхъ,—онъ (Чернышевекій) былъ поселенъ въ г. Вилюйскѣ, въ 450 верстахъ отъ г. Якутска (неточно: болѣе 600 верстъ *В. Б.*). Отсюда его 12-го іюля 1875 г. пытался освободить и увезти за границу Мещериновъ, явившійся въ формѣ жандармскаго офицера къ вилюйскому исправнику съ формальными предписаніями отъ генералъ-губернатора Восточной Сибири и иркутскаго жандармскаго управленія о передачѣ ему Чернышевскаго для перевода послѣдняго изъ Вилюйска въ Благовѣщенскъ. Попытка эта едва не удалась, если бы не одна случайность, которая обнаружила обманъ. Дѣло въ томъ, что офицеръ, назвавшійся Мещериновымъ и такъ формально обставившій все свое предпріятіе, надѣлъ аксельбантъ не на ту сторону мундира, гдѣ ему надлежало быть,

чѣмъ и возбудилъ подозрѣніе исправника. Мнимый жандармъ Мещериновъ былъ немедленно задержанъ. Онъ оказался политическимъ преступникомъ Ипполитомъ Мышкинымъ. Самъ Чернышевскій, какъ мнѣ онъ разсказывалъ впослѣдствіи, въ этомъ дѣлѣ никакого участія не принималъ. Весь заговоръ былъ сдѣланъ безъ его вѣдома».

По поводу воспоминаній Соловьева о Чернышевскомъ мы получили замѣтку, авторъ которой желалъ бы, чтобы она была такъ или иначе использована. Мы и сдѣлаемъ попытку воспроизвести ее здѣсь почти полностью.

«Неоднократно упоминалось,—пишетъ авторъ замѣтки, между прочимъ, что попытка Мышкина увезти въ 1875 году изъ Вилюйска Чернышевскаго не удалась только потому-де, что Мышкинъ «надѣлъ аксельбантъ не на ту сторону мундира, гдѣ ему надлежало быть, чѣмъ и возбудилъ подозрѣніе исправника. Странное дѣло! Кто бы ни разсказывали, кто бы ни писалъ по поводу этой попытки,—какъ на причину неудачи Мышкина всегда и неизбѣжно приводятъ легенду о злополучномъ аксельбантѣ. Пишущему эти строки, какъ и всѣмъ его многочисленнымъ товарищамъ по ссылкѣ неоднократно приходилось слышать этотъ анекдотъ и въ Якутскѣ и вообще по Сибири отъ лицъ самыхъ разнообразныхъ общественныхъ положеній; среди этихъ лицъ было немало и чиновниковъ и казаковъ въ Якутскѣ, современниковъ происшествія. Но всѣ они пѣли съ чужого голоса, такъ что при всемъ нашемъ желаніи добраться до первоисточника самой легенды—это такъ-таки и не удалось. Да, строго говоря, это и не важно, потому что дѣйствительная причина неудачи заключалась вовсе не въ аксельбантѣ (который былъ именно тамъ, гдѣ ему и надлежало быть), такъ какъ мундиръ былъ шитъ у лучшаго московскаго военнаго портного, заказанный военнымъ же, и все было заранѣе прилажено къ своему мѣсту, а въ другомъ, совершенно непредвидѣнномъ Мышкинымъ и неожиданномъ для него обстоятельствѣ, вынырнувшемъ уже на мѣстѣ, какъ deus ex machina, а также и въ его стремительной натурѣ. Исторію своей попытки освободить Чернышевскаго Мышкинъ разсказывалъ намъ на Карѣ, во время своего кратковременнаго пребыванія тамъ (1881—1882 г.) вмѣстѣ съ нами въ карійской государственной каторжной тюрьмѣ, и я передаю здѣсь этотъ разсказъ въ существенныхъ чертахъ его словами.

«Когда рѣшено было попытаться освободить Чернышевскаго изъ вилюйской тюрьмы и увезти его заграницу черезъ Владивостокъ, гдѣ помощь для этого была организована заранѣе, Мышкинъ, взявшійся за это дѣло, былъ уже «нелегальнымъ», какъ выражались тогда, и разыскивался для привлеченія къ отвѣтственности за государственное преступленіе. До перехода же въ «нелегальные» онъ состоялъ довольно продолжительное время въ должности правительственнаго стенографа при московскомъ окружномъ судѣ, гдѣ, между прочимъ, имъ былъ стенографированъ и весь нечаевскій процессъ. Добравшись (то съ извозчиками, то на пароходѣ) до Красноярска, Мышкинъ двинулся оттуда въ Иркутскъ пѣшкомъ съ богомольцами, отправлявшимися на поклоненіе въ Иркутскій (близъ Иркутска) Иннокентьевскій монастырь. Въ Иркутскѣ Мышкинъ сталъ искать случая познакомиться съ кѣмъ-нибудь изъ низшихъ чи-

новъ иркутскаго жандармскаго управленія и ему это удалось сдѣлать въ одной изъ харчевенъ. При посредствѣ этого чина онъ сошелся съ однимъ изъ писарей жандармскаго управленія, «подмазалъ» его и при его содѣйствіи попалъ, какъ «хорошо грамотный», вольнонаемнымъ писцомъ въ канцелярію управленія. Здѣсь онъ прослужилъ около пяти мѣсяцевъ и за это время, вполнѣ освоившись съ «дѣлопроизводствомъ», изготовилъ себѣ *всѣ*, какъ ему казаюсь, необходимые документы; затѣмъ, разсчитавшись честь-честью (и даже за свою «полезность» получивъ 10 рублей награды и предложеніе адъютанта — заявляться и впредь), двинулся въ путь. Для лучшаго зарекомендованія и удостовѣренія своей личности и важности миссіи (какой-то, не помню теперь, внезапной ревизіи), онъ на всемъ пути отъ Качуги до Витима велъ селя крайне сурово и требовательно на станціяхъ и съ ямщиками, угрожая нерѣдко, но не приводя, конечно, угрозы въ исполненіе, нагайкой—непререкаемымъ аттрибутомъ большой власти маленькихъ властителей на Руси святой. Изъ Витима до Вилюйска онъ ѣхалъ верхомъ. По прибытіи въ Вилюйскъ онъ подъѣхалъ прямо къ тюрьмѣ и предъявилъ надзиравшему за Чернышевскимъ жандарму (съ безсмѣнно же жившимъ при тюрьмѣ казакомъ якутскаго казачьяго полка), отворившему и вышедшему къ нему за ворота, но не впустившему внутрь, надлежащія «бумаги», потребовалъ немедленнаго снаряженія Чернышевскаго въ дорогу. Вотъ тутъ-то и обнаружилась недостаточность свѣдѣній, имѣвшихся у Мышкина, о степени охраны Чернышевскаго. Жандармъ, во-первыхъ, не допустилъ Мышкина къ Чернышевскому (котораго онъ такъ и не видалъ) и, осмотрѣвъ у воротъ предъявленныя бумаги, заявилъ, что безъ разрѣшительной бумаги исправника и его личнаго присутствія, онъ не имѣетъ права никого впускать въ тюрьму. Какъ ни кипятился Мышкинъ, доказывая, что для него, жандармскаго офицера, да еще питерскаго, какой-то тамъ вилюйскій исправникъ ничего не значитъ, жандармъ не сдался и съ рукой у козырька, вытянувшись въ струнку, почтительно докладывалъ, что «безъ г. исправника невозможно-съ, такъ какъ имѣется спеціальная бумага насчетъ доступа къ г. Чернышевскому». Пришлось отправиться къ исправнику. Вопросъ о «спеціальной бумагѣ» засѣлъ въ голову Мышкина гвоздемъ, взволновалъ его, выбилъ изъ занятой позиціи, напрягъ нервы и заставилъ сдѣлать тотъ шагъ, который разстроилъ весь планъ предпріятія и погубилъ его самого.

«Спеціальная бумага», дѣйствительно, какъ оказалось, была и явилась она по слѣдующему случаю, о которомъ Мышкинъ, хотя и зналъ, но не былъ освѣдомленъ, что этотъ случай вызвалъ спеціальную бумагу. Дѣло въ томъ, что за годъ или за 1½ передъ тѣмъ пытался освободить Чернышевскаго Германъ Лопатинъ, который дальше Иркутска не пошелъ: здѣсь онъ былъ арестованъ, посаженъ въ тюрьму и, просидѣвъ въ ней нѣкоторое время, бѣжалъ изъ бани (чуть не нагишомъ) и при помощи проживавшихъ въ Иркутскѣ ссыльныхъ поляковъ уѣхалъ за границу. Попытка Лопатина и вызвала ту «спеціальную бумагу», какъ выразился жандармъ, спеціальное дополнительное распоряженіе, о которомъ не зналъ Мышкинъ и которое заключалось въ томъ,

что всякаго рода сношенія съ Чернышевскимъ—оффиціальныя и частныя—должны были совершаться съ вѣдома и разрѣшенія якутскаго губернатора, дававшаго предписаніемъ на имя вилюйскаго исправника каждый разъ отдѣльное разрѣшеніе. Если бы Мышкинъ зналъ объ этомъ заранѣе, онъ бы проѣхалъ прямо въ Якутскъ и никакой остановки въ полученіи разрѣшительной бумаги отъ губернатора не встрѣтилъ бы. Но онъ, повторяю, объ этомъ не зналъ. Явившись къ исправнику, онъ сталъ было и у него требовать выдачи Чернышевскаго, но исправникъ, ссылаясь на то же распоряженіе, отказалъ исполнить требованіе и предложилъ ему съѣздить въ Якутскъ, причемъ предложилъ ему даже въ проводники казака. Въ виду того, что ни жандарму, ни исправнику (въ Вилюйскѣ) не бросилось въ глаза, что «командированный изъ Петербурга» жандармскій офицеръ пріѣхалъ изъ Иркутска безъ казака,—Мышкину—по его словамъ post factum—слѣдовало бы принять предложеніе исправника, оставшись въ Вилюйскѣ на нѣсколько дней подъ видомъ необходимыхъ «заготовокъ» на дорогу, улучшить удобную минуту и удрать. Но Мышкинъ сдѣлалъ это почти тутъ же, еще засвѣтло осѣдлавъ коня и ускакавъ по той же дорогѣ, по которой и пріѣхалъ... Это вотъ обстоятельство и взбудоражило исправника, который и послалъ за нимъ въ погоню казаковъ. Одного изъ казаковъ Мышкинъ тяжело ранилъ или убилъ—теперь вспомнить не могу. Его арестовали, донесли въ Якутскъ и Иркутскъ и мѣсяца черезъ два пріѣхалъ жандармскій офицеръ, который и доставилъ его въ Иркутскъ. Изъ Иркутска въ Петербургъ отвезъ Мышкина жандармскій штабсъ-капитанъ Бурлей, бывшій впослѣдствіи (въ 1882—83 гг.) у насъ на Карѣ комендантомъ и встрѣтившійся здѣсь съ Мышкинвымъ, какъ со старымъ знакомымъ.

Вставивъ это, на нашъ взглядъ, весьма важное дополненіе къ разсказамъ о попыткѣ Мышкина освободить Чернышевскаго, за что читатели должны быть, конечно, очень благодарны автору замѣтки, мы теперь возвратимся снова къ разсказу г. Короленко.

Въ 1881 году судьба забросила г. Короленко въ Якутскую область. Тамъ стали доходить до него разные слухи о проживавшемся въ Вилюйскѣ Николаѣ Гавриловичѣ. Встрѣтился въ это же время г. Короленко съ ссыльными поляками, дѣлившими одно время наказаніе вмѣстѣ съ Чернышевскимъ до поселенія его въ Вилюйскѣ. «Къ этому времени,—пишетъ, г. Короленко,—относится одинъ разсказъ, слышанный мною также отъ очевидца: «Вообще,—говорилъ мнѣ одинъ интеллигентный полякъ, тоже жившій вмѣстѣ съ Чернышевскимъ,—мы никогда не видали его унывающимъ или печальнымъ. О причинахъ своей ссылки онъ говорить не любилъ: «Богъ ихъ знаетъ, можетъ быть, они и знаютъ, за что сослали, а я не знаю»,—и затѣмъ отдѣлывался какимъ-нибудь анекдотомъ или шуткой. Только одинъ разъ мы видѣли, какъ онъ заплакалъ. Мы сидѣли съ нимъ на дворѣ, когда принесли письма и журналы. Чернышевскій надѣлъ очки, развернулъ книгу, перелистовалъ ее, потомъ книга выскользнула у него изъ рукъ, онъ всталъ и быстро ушелъ къ себѣ. Мы замѣтили у него на глазахъ слезы». Въ журналѣ были напечатаны извѣстные стихи Некрасова Муравьеву (тѣ самые, по поводу которыхъ при-

слано Некрасову стихотвореніе: «Не можетъ быть»). Когда я передавалъ этотъ эпизодъ современникамъ и знакомымъ Некрасова и Чернышевскаго,— они выражали нѣкоторыя сомнѣнія въ точности самого разсказа или моей передачи. Помнится, что дѣйствительно стихи Некрасова Муравьеву были прочитаны на торжественномъ обѣдѣ, но напечатаны не были, и на вопросъ поэта—Муравьевъ будто бы самъ отвѣтилъ: «мой совѣтъ—не печатать». Я привожу этотъ разсказъ потому, во-первыхъ, что все-таки далеко не увѣренъ, что, хотя бы и по какому-нибудь другому случаю, не было подобнаго эпизода, а во-вторыхъ, онъ до извѣстной степени рисуетъ настроеніе, которое приходилось переживать Чернышевскому въ далекомъ Забайкальи, когда до него доходили вѣсти о жестокостяхъ съ одной, и отступничествахъ съ другой стороны въ эти первые годы, послѣдовавшіе за его ссылкою»...

Пишущему эти строки пришлось также слышать въ Сибири про тотъ самый эпизодъ изъ жизни Чернышевскаго, о которомъ разсказываетъ г. Короленко, лишь съ небольшимъ измѣненіемъ. Та передача, въ которой пришлось слышать этотъ эпизодъ мнѣ, исключаетъ и тѣ «нѣкоторыя сомнѣнія» въ справедливости изложеннаго эпизода, которыми встрѣтили устный разсказъ г. Короленко современники Некрасова и Чернышевскаго. Стихотвореніе Некрасова къ Муравьеву напечатано, дѣйствительно, авторомъ не было (оно впервые появилось въ печати въ «Русскомъ Архивѣ» въ 1885 году), но въ апрѣльской книжкѣ «Современника» за 1866 годъ было напечатано другое стихотвореніе Некрасова (въ честь Комисарова) и оно-то и произвело на Чернышевскаго столь сильное впечатлѣніе. Съ этой поправкой разсказъ нисколько не противорѣчитъ объективнымъ даннымъ исторіи русской журналистики и рисуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ настроеніе Чернышевскаго въ первые годы его ссылки.

Кромѣ поляковъ, вмѣстѣ съ Чернышевскимъ одно время были «каракозовцы» и нѣкоторыя другія лица, осужденныя за государственныя преступленія. Этотъ періодъ пребыванія Чернышевскаго въ ссылкѣ г. Короленко, на основаніи разсказовъ очевидцевъ, рисуетъ такими штрихами:

«Порой въ общей камерѣ устраивались чтенія или рефераты. Въ кружкѣ были свои поэты, политико-экономы, критики и публицисты. Чернышевскій тоже слушалъ эти чтенія, а иногда и участвовалъ въ нихъ очень оригинальнымъ образомъ. Онъ приходилъ съ толстой тетрадью, садился, раскрывалъ ее и читалъ свои повѣсти, длинныя аллегоріи и т. д. Чтеніе это продолжалось иногда два-три вечера. Одинъ изъ слушателей (г. Шагановъ) записалъ впослѣдствіи содержаніе нѣкоторыхъ изъ этихъ произведеній.

«Я не стану повторять ихъ здѣсь, тѣмъ болѣе, что большая часть деталей, полученныхъ мною уже изъ вторыхъ рукъ, исчезла изъ моей памяти. Скажу только, что одинъ изъ записанныхъ г. Шагановымъ разсказовъ представляетъ цѣлую повѣсть, съ очень сложнымъ дѣйствіемъ, съ массой приключеній, отступленій научнаго свойства, психологическимъ и даже физіологическимъ анализомъ. Читалъ Чернышевскій неторопливо, но спокойно и плавно. Каково же было удивленіе слушателей, когда одинъ изъ нихъ, заглянувъ

черезъ плечо лектора, увидѣлъ, что онъ самымъ серьезнымъ образомъ смотритъ въ чистую тетрадь и переворачиваетъ незаписанныя страницы».

Оговариваясь, что при передачѣ свѣдѣній о Чернышевскомъ нужно всегда имѣть въ виду особую манеру думать и говорить, которою отличался этотъ замѣчательный человѣкъ, г. Короленко пишетъ слѣдующее:

«Съ этой оговоркой я могу, пожалуй, привести и содержаніе самой повѣсти, прося помнить, что мы не имѣемъ данныхъ для сужденія, насколько мысли, въ ней высказанныя, слѣдуетъ принимать серьезно или считать простой шуткой, упражненіемъ могучаго и нѣсколько юмористически въ то время направленнаго ума среди казематной скуки и казематнаго бездѣлья. Замѣчу, что заглавіе повѣсти было, по словамъ г. Шаганова, «Не для всѣхъ».

«Дѣйствующія лица: русская дѣвушка и два ея поклонника. Оба умны, оба хороши собой, оба влюблены въ нее. У обоихъ есть, конечно, свои особенности ума и характера, есть и недостатки; но все это природа распредѣлила между ними такъ, что черты одного дополняютъ черты другого. Дѣвушка и любитъ ихъ обоихъ. Когда порой она рѣшается отдать предпочтеніе одному изъ искателей, то чувствуетъ также, что другой образъ ей приходится съ болью отрывать отъ сердца, что тѣ свойства души, которыя приходится отвергнуть, тоже привлекаютъ ее и ей трудно отъ нихъ отказаться. Тогда два друга - соперника рѣшаются кинуть жребій, и одинъ уступаетъ съ пути, исчезая куда-то безъ вѣсти и навсегда.

«Молодая женщина сильно чувствуетъ все-таки потерю; любовь мужа не можетъ дать ей полнаго успокоенія. Она чахнетъ и доктора совѣтуютъ путешествіе. На Великомъ океанѣ ихъ застаетъ штормъ. Корабль носится по волнамъ безъ руля, съ изорванными парусами приблизительно такъ, какъ это происходитъ во многихъ романахъ съ «захватывающей» фабулой, которые съ большимъ юморомъ пародируются въ этой части разсказа. Конецъ бури застаетъ молодого человѣка и его жену погибающими въ волнахъ вблизи невѣдомаго острова. Въ послѣднія мгновенія, когда истощены всѣ силы,—кто-то кидается къ нимъ съ острова на помощь и они спасены.

«Но тутъ оказывается, что спасенные отъ ярости стихій,—они становятся «игралищемъ» насмѣшливой судьбы. Ихъ спаситель — никто иной, какъ все тотъ же, навсегда исчезнувшій другъ и соперникъ, и вопросъ возникаетъ вновь въ формѣ тѣмъ болѣе трагической, что островъ совершенно необитаемъ и они на немъ единственные жители, окруженные со всѣхъ сторонъ насмѣшливо ревущимъ океаномъ. Разыгрывается цѣлый романъ со сценами мученій ревности и безысходнаго отчаянія. Наконецъ, когда положеніе обостряется до послѣдней степени, кому-то (кажется, именно молодой женщинѣ) приходитъ въ голову исходъ изъ невыразимо запутаннаго положенія и при томъ исходъ, который, если и грѣшитъ чѣмъ-нибудь, то именно излишней простотой. Зачѣмъ всѣ эти мученія, ведущія къ ненависти, къ возможности убійства, къ очевидной гибели всѣхъ троихъ, когда все дѣло въ томъ, чтобы жить всѣмъ троимъ, то-есть... втроемъ. Дѣло такъ ясно... Пробуютъ, — и послѣ легкой побѣды надъ

нѣкоторыми укоренившимися чувствами—все устраивается прекрасно. Наступаетъ миръ, согласіе и вмѣсто ада на необитаемомъ островѣ воцаряется рай.

«Далѣе—опять какъ въ романахъ съ приключеніями — тоска по родинѣ, печальные взгляды на необозримую даль океана, парусъ на горизонтѣ, смѣна надежды, отчаянія, опять надежды... Они на кораблѣ, они въ Европѣ.

«И именно въ Англіи. Они считаютъ ее страной свободы, а скрываться они не желаютъ, такъ какъ не признаютъ въ своемъ необычномъ союзѣ ничего противообщественнаго. Оказывается, однако, что именно въ Англіи, этой странѣ традицій и семейнаго романа, гдѣ развратъ терпится при условіи пуританскаго соблюденія внѣшности и рутины, но величайшая добродѣтель не спасаетъ отъ наказанія за нарушеніе этой внѣшности, — ихъ союзъ производитъ соблазнъ, начинаются сосѣдскія сплетни, общественное мнѣніе вынуждаетъ власть къ вмѣшательству, и три наши героя оказываются на скамьѣ подсудимыхъ, — все это описывалось чрезвычайно подробно. Въ послѣднемъ словѣ одинъ изъ подсудимыхъ (кажется, именно женщина) произноситъ блестящую рѣчь, гдѣ отстаиваетъ право каждаго устраивать свою жизнь по указаніямъ своей совѣсти. Она разсказываетъ о своихъ попыткахъ устроитъ ее на основаніи общественнаго кодекса, о томъ къ какимъ результатамъ чуть не привели онѣ всѣхъ троихъ; какъ ихъ выходъ спасъ отъ ненависти и убійства. Присяжные ихъ оправдываютъ и они уѣзжаютъ въ Америку, гдѣ, среди броженія новыхъ формъ жизни, и ихъ союзъ находитъ терпимость и законное мѣсто.

«Повторяю,—я не могу сказать, была ли эта простая шутка или тутъ отразилась обычная черта временъ «бури и натиски», когда подвергаются пересмотру всѣ «общепринятыя положенія»... Во всякомъ случаѣ, нѣкоторый элементъ шутки и лукаваго юмора присутствовалъ въ этомъ эпизодѣ несомнѣнно. «Кромѣ этой повѣсти, въ запискахъ, о которыхъ я говорю, приводилось еще содержаніе шуточно-аллегорической комедіи, написанной Чернышевскимъ и даже разыгранной въ казематѣ. Содержаніе этой шутки, юморъ которой весь испарился уже въ первой передачѣ, я, понятно, пересказывать не берусь».

Воспоминанія о Чернышевскомъ г. Шаганова были когда-то и въ моихъ рукахъ. Помнится, что названіе романа, который изложилъ здѣсь очень хорошо г. Короленко, не «Не для всѣхъ», а «Другимъ нельзя». Помню очень хорошо, что тамъ же излагалось также содержаніе романовъ Чернышевскаго «Прологъ» (долженствовавшій слѣдовать за романомъ «Прологъ къ Прологу», напечатаннымъ, какъ извѣстно, за границей), «Разсказы въ Бѣломъ Залѣ» (кажется, такъ) и нѣкоторыхъ другихъ. Что касается до идеи романа «Другимъ нельзя», то мнѣ кажется, что, хотя, по мѣткому замѣчанію г. Короленко, въ немъ несомнѣнно присутствовалъ столь характерный для Чернышевскаго, какъ для писателя, элементъ «лукаваго юмора», но тѣмъ не менѣе, въ романѣ выразилось одно изъ самыхъ глубокихъ убѣжденій автора, несомнѣнно возстававшаго (въ области мысли, конечно) противъ «религіи, собственности и *семьи*»... Вспомните мнѣнія о брачномъ союзѣ, ревности и т. д. Рахметова въ романѣ «Что дѣлать» и вы

найдете, что дѣвушка въ романѣ «Другимъ нельзя» обстоятельствами самой жизни приведена къ необходимости пойти по тому самому пути *наилучшаго* устройства ея личной жизни, теоретическую разумность котораго отстаивалъ Рахметовъ...

Еще замѣчаніе. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ «Русскомъ Богатствѣ» была напечатана статья о Чернышевскомъ г. Пекарскаго, который несомнѣнно ввелъ въ нее многое изъ воспоминаній г. Шаганова. У меня нѣтъ сейчасъ подъ рукою этой книжки «Русскаго Богатства», но читателя, который бы пожелалъ пополнить свои свѣдѣнія о литературной дѣятельности Чернышевскаго въ Сибири, я отсылаю именно къ статьѣ г. Пекарскаго.

На поселеніи Чернышевскому пришлось жить, какъ уже упоминалось въ городѣ Вилюйскѣ. «Въ шестидесятыхъ годахъ, — пишетъ г. Короленко,—тамъ была выстроена особая тюрьма, приспособлена для помѣщенія одного арестанта. Сначала въ ней помѣстили д-ра Дворжачека, потомъ поляка Іосафата Огрызко, знаменитаго въ свое время тѣмъ, что, занимая въ свое время очень важный постъ въ министерствѣ финансовъ, онъ держалъ въ своихъ рукахъ вмѣстѣ съ тѣмъ многія нити «польской интриги». Въ передовицахъ «Московскихъ Вѣдомостей» много разъ имя Огрызко употреблялось, какъ нарицательное для воплощенія «польскаго коварства». Когда по манифестамъ, слѣдовавшимъ поочередно одни за другими, очередь помилованія дошла до Огрызко, который получилъ право свободныхъ переѣздовъ по Сибири и занялъ видное мѣсто по пріисковому дѣлу, — его тюрьма осталась пустой и туда перевели Чернышевскаго».

Тутъ все совершенно вѣрно за исключеніемъ одной неточности: вилюйская тюрьма была сразу построена человѣкъ на 60 поляковъ, но по какимъ-то причинамъ никого, кромѣ Дворжачека и Огрызко, туда не привозили. Она была настолько обширна, что въ ней въ девяностыхъ годахъ отбывали наказаніе всѣ лица, осужденныя въ каторжныя работы за «вооруженное сопротивленіе властямъ» въ Якутскѣ 22-го марта 1888 года. Въ то время, когда содержался въ ней Чернышевскій (камера, въ которой онъ жилъ, была, по распоряженію одного изъ якутскихъ губернаторовъ, должно быть изъ желанія оказать Чернышевскому особую любезность, оклеена обоями), въ самомъ городѣ Вилюйскѣ никого изъ «политическихъ», конечно, не поселяли, и Чернышевскій жилъ тамъ на полномъ безлюдьѣ. Уже послѣ увоза оттуда Чернышевскаго стали «населять» и Вилюйскъ. Первымъ попалъ туда административно-ссыльный нѣкто Іорданъ, который тамъ и скончался. Затѣмъ туда было прислано сразу 8 человѣкъ, въ числѣ которыхъ былъ и пишущій эти строки. Мы слышали тамъ отъ вилюйскихъ жителей кое-какія небезынтересныя черточки изъ жизни Чернышевскаго. Не имѣя, однако, отнюдь въ виду впадать здѣсь въ область личнаго мемуара, я скажу только, что въ тюрьму Чернышевскій былъ привезенъ въ кандалахъ. Эти кандалы и хранились однѣ-единственныя въ вилюйской тюрьмѣ. Старый якутскій казакъ указалъ намъ на мѣсто ихъ нахожденія. Тогда, — надо покаяться, тѣмъ болѣе, что это теперь безопасно, такъ какъ съ того времени были уже манифесты, покрывающіе всякія не-

открытыя продерзости давностью, — мы, попросту говоря, стащили эти кандалы, разбили ихъ на куски и роздали ихъ многимъ товарищамъ. Изъ такихъ желѣзныхъ кусковъ отъ кандаловъ Чернышевскаго сдѣланы были потомъ кольца, и донынѣ у нѣкоторыхъ изъ насъ находящіяся...

Еще два слова относительно воспоминаній г. Короленко о Чернышевскомъ. Великолѣпно описываетъ почтенный авторъ воспоминаній тѣ мѣры, которыя принимали сибирскія власти, чтобы сохранить въ тайнѣ фактъ увоза Чернышевскаго изъ Якутской области. Но у насъ уже нѣтъ мѣста останавливаться на этомъ интереснѣйшемъ эпизодѣ. Не имѣемъ мы, къ сожалѣнію, мѣста останавливаться и на нѣкоторыхъ превосходныхъ сценкахъ изъ описанія г. Короленко его личнаго свиданія съ Чернышевскимъ въ Саратовѣ. Отсылаемъ читателя къ подлиннику.

* * *

Въ прошломъ нашемъ обозрѣніи мы уже говорили о печатающихся въ «Всемірномъ Вѣстникѣ» весьма интересныхъ статьяхъ г. Батуринскаго «А. И. Герценъ, его друзья и знакомые». Какъ читатель припоминаетъ, рѣчь шла о дуэли въ Иркутскѣ Неклюдова и Беклемишева, произведенномъ ею впечатлѣніи, вмѣшательствѣ въ это дѣло Петрашевскаго и Бакунина и письма по этому поводу Бакунина къ Герцену въ защиту Муравьева-Амурскаго. Въ ноябрьской книжкѣ «Всемірнаго Вѣстника» г. Батуринскій выясняетъ истинную роль нѣкоторыхъ лицъ въ этихъ событіяхъ и доказываетъ съ полною убѣдительностью положительную несостоятельность обвиненій Петрашевскаго въ тѣхъ «доносахъ», которые ему приписывались. «Доносы»—на кого? На генералъ-губернатора? Г. Батуринскій приводитъ слѣдующій отрывокъ изъ письма Муравьева къ Корсакову отъ 2-го октября 1860 года:

«...Максимовъ, разъѣзжающій вездѣ отъ имени Его Высочества (великаго князя Константина Николаевича), производитъ и этимъ уже впечатлѣніе на всѣхъ, особенно на моряковъ. Что за несчастный этотъ Амуръ! Ни Кавказъ, ни Оренбургскій край никогда не подвергались подобнымъ инквизиціямъ и нигдѣ оцѣнка дѣйствій высшаго правленія въ краѣ не подчинялась *доносамъ Петрашевскихъ, Розенталей и т. п.* Если все это для того только, чтобы меня вывести изъ терпѣнія, то этого давно уже достигли и пора перестать».

Сопоставляя это письмо Муравьева съ нѣкоторыми другими, имъ уже написанными, г. Батуринскій справедливо говоритъ:

«Какъ читатели могли убѣдиться изъ вышеприведенныхъ выдержекъ изъ писемъ Муравьева-Амурскаго къ Корсакову, Муравьевъ довольно своеобразно понималъ слово «доносъ», ставя его рядомъ со словомъ «жалоба», хотя эти слова вовсе не однозначныя. Притомъ же «доносы» обыкновенно бываютъ безъименными; анонимность является однимъ изъ отличительныхъ признаковъ доноса. Этотъ признакъ отсутствуетъ въ «доносахъ» Петрашевскаго, онъ не только подписываетъ ихъ, но сообщаетъ ихъ содержаніе своимъ знакомымъ, нисколько не скрывая своего авторства».

Апелляція къ болѣе высокимъ, чѣмъ генералъ-губернаторъ, властямъ въ борьбѣ Петрашевскаго съ сибирской администраціей,—вотъ въ чемъ повиненъ

былъ онъ, вотъ что Муравьевъ квалифицировалъ, какъ «доносы» на него и вотъ что, очевидно, со словъ Муравьева, повторилъ о Петрашевскомъ въ письмѣ къ Герцену и Бакунинъ.

Иная моральная подоплека скрывалась несомнѣнно у жившаго въ то время въ Читѣ Завалишина, характеристикѣ котораго посвящаетъ г. Батуринскій не мало строкъ, не только на основаніи бывшихъ уже въ литературѣ данныхъ, но также и на вышедшихъ недавно, мало извѣстныхъ еще въ Россіи, двухтомныхъ запискахъ самого Завалишина. Изъ этихъ записокъ г. Батуринскій дѣлаетъ нѣкоторыя выдержки. Лично намъ эти записки уже знакомы. Въ цѣломъ мы имъ особаго значенія придать не можемъ, но кое-что любопытное въ нихъ содержится. Въ особенности помогаютъ онѣ для окончательнаго приговора надъ личностью самого автора записокъ. Г. Батуринскій и пользуется ими съ этой стороны весьма хорошо. Работа г. Батуринскаго становится все болѣе и болѣе интересною.

* * *

Въ ноябрьской книжкѣ «Русской Мысли» помѣщено окончаніе статьи г. Сѣича «Сахалинъ, какъ колонія», статьи, о которой намъ уже приходилось говорить въ одномъ изъ нашихъ предыдущихъ журнальныхъ обозрѣній. Мы говорили тогда объ общихъ условіяхъ жизни на «соколиномъ островѣ», теперь остановимся на положеніи на этомъ островѣ ссыльно-каторжныхъ женщинъ въ частности. Женщинъ на Сахалинѣ немного, но тѣмъ тяжелѣе отъ этого ихъ судьба. Роль ссыльно-каторжныхъ женщинъ въ качествѣ колонизаціоннаго элемента острова Сахалина разсматривалась очень долго съ весьма оригинальной точки зрѣнія.

До 1893 года каторжная женщина отдавалась сахалинской администраціей въ сожительство, такъ сказать, въ поощреніе трудовъ каждаго поселенца, кто доставлялъ шестьдесятъ бревенъ или перевозилъ извѣстное количество груза. Этотъ порядокъ былъ затѣмъ измѣненъ въ томъ отношеніи, что женщины стали раздаваться въ видѣ награды «достойнѣйшимъ», уже безъ всякой платы. О свободѣ выбора себѣ сожителя самими женщинами не было и рѣчи, ибо сожительство ихъ съ тѣми лицами, которыя для того назначались, начальствомъ разсматривалось, какъ особый видъ отбыванія назначеннымъ женщинамъ каторжныхъ работъ. «Бывали случаи,—говоритъ г. Сѣичъ,—что послѣ назначенія къ совершенно неизвѣстному поселенцу женщины обращались съ ходатайствами о разрѣшеніи имъ сожительства съ тѣми лицами, съ которыми онѣ добровольно сошлись ранѣе, но получали отказъ и должны были отправляться въ то мѣсто и къ тому лицу, къ которому были назначены. Даже заявленіе о желаніи вступить въ бракъ не могло избавить женщину отъ необходимости вступать въ сожительство съ неизвѣстнымъ ей поселенцемъ, если это было опредѣлено приказомъ начальства. Ссыльно-каторжная Сосновская, напримѣръ, объясняя въ своемъ ходатайствѣ, что она состоитъ въ связи съ ссыльно-каторжнымъ Островскимъ и уже беременна, просила о разрѣшеніи вступить съ нимъ въ бракъ, но на это прошеніе послѣдовала резолюція: «каторжныя женщины высылаются для совмѣстнаго веденія домохозяйства съ поселенцами ост-

рова и выбирать въ мужья каторжныхъ не имѣютъ права, почему предлагаю отправить Сосновскую, куда она назначена».

Часто случалось, что поселенецъ, который получалъ отъ начальства сожительницу, было ли то «за хорошее поведеніе» или по другимъ основаніямъ, начиналъ ею торговать. «Никакой протестъ здѣсь не достигалъ своей цѣли. Отказъ отъ сожительства влекъ за собою тюрьму, карцеръ и новую высылку «на поселье».

Только въ 1899 году, приказомъ по острову, порядокъ принудительной отдачи женщинъ въ сожительство поселенцамъ воспрещенъ, согласно этому приказу, ссыльно-каторжная женщина, желающая вступить въ сожительство съ кѣмъ-либо изъ поселенцевъ, должна подать объ этомъ прошеніе, которое хранится при ея статейномъ спискѣ, какъ доказательство ея добровольной связи. Существу дѣла это, однако, мало помогло, такъ какъ «другимъ важнымъ факторомъ развитія незаконныхъ сожительствъ, между ссыльными женщинами, — говоритъ г. Сѣнчъ, — является ихъ экономическая безпомощность. Устроенная для нихъ тюрьма слишкомъ мала, да и не можетъ защитить ихъ честь отъ посягательствъ; наниматься въ прислуги, даже къ семейнымъ чиновникамъ, имъ воспрещено, а трудъ чернорабочаго для нихъ непосиленъ, да и вообще найти какой-либо заработокъ на Сахалинѣ весьма трудно. Такимъ образомъ, обезпеченная одинаково съ мужчиной казеннымъ пайкомъ, женщина въ отношеніи заработка поставлена въ неизмѣримо худшія, сравнительно съ нимъ, условія, и естественный выходъ изъ этого—сожительство.

«Но какъ ни тяжело положеніе ссыльной женщины,—продолжаетъ г. Сѣичъ,—оно все-таки лучше, *чѣмъ положеніе жены, добровольно послѣдовавшей за своимъ мужемъ*. Преступленіе первой даетъ ей *право* на кровъ и содержаніе въ тюрьмѣ и на ежедневное пищевое довольствіе по выходѣ изъ нея. Добровольно же послѣдовавшія жены въ теченіе двухъ лѣтъ со времени прибытія ихъ на островъ не получаютъ по 3 рубля въ мѣсяцъ»...

Легко себѣ представить, что получается изъ этого для добровольно послѣдовавшихъ на Сахалинъ женъ и ихъ дѣтей. Наступаетъ, разумѣется, въ полномъ смыслѣ слова нищета, которая, быстро доводитъ несчастныхъ женщинъ не только до торговли собою, но и ихъ малолѣтними дочерьми. «Дѣвочки 12—13 лѣтъ нерѣдко живутъ открыто на содержаніи у тюремныхъ надзирателей, писцовъ и различныхъ чиновъ администраціи. Среди зарегистрированныхъ проститутокъ поста Александровскаго встрѣчаются совершенныя дѣти, которыя, однако, уже не первый годъ занимаются этимъ промысломъ. Докторъ Лобасъ говоритъ, что, по требованію судебныхъ властей, ему не разъ приходилось свидѣтельствовать дѣвочекъ 12—13 лѣтъ, которыя производили впечатлѣніе уже готовыхъ проститутокъ. Г. Дриль разсказываетъ объ уже сифиличкѣ 9 лѣтъ. Бывшій мировой судья на о. Сахалинѣ г. Новомбергскій разсказываетъ, что въ его практикѣ былъ случай обвиненія родителей въ систематической торговлѣ своею 10-ти-лѣтней дочерью. Самому г. Сѣичу извѣстенъ случай продажи матерью ея двѣнадцатилѣтней дочери за бутылку водки и 3 рубля денегъ»...

Словомъ, и въ этомъ отношеніи наша бюрократія исполнила задачу колонизаціи Сахалина самымъ блестящимъ образомъ. Нарисованная г. Сѣичемъ правдивая картина умѣлаго распоряженія бюрократіей государственныхъ дѣлъ на Дальнемъ Востокѣ говоритъ сама за себя слишкомъ хорошо, чтобы ее комментировать. Приведемъ, впрочемъ, еще два слова изъ статьи г. Сѣича. «Колонизація Сахалина, благодаря его неисчерпаемымъ и разнообразнымъ богатствамъ, съ одной стороны, и вслѣдствіе его географическаго положенія, создающаго изъ него огромной величины фортъ для всего Пріамурья, съ другой— есть дѣло громадной государственной важности, предъ которымъ совершенно меркнетъ его значеніе, какъ мѣста ссылки. Но заселить Сахалинъ свободными переселенцами не представляется возможнымъ, такъ какъ репутація Сахалина установлена въ народѣ слишкомъ прочно и туда добровольно никто не пойдетъ».

Ну вотъ и quod demonstrandum est. Государственное дѣло колонизаціи Сахалина свободными переселенцами до такой степени уже испорчено бюрократіей, что «добровольно туда никто не пойдетъ», а въ качествѣ мѣста ссылочнаго она же, бюрократія, превратила островъ тоже въ нѣчто трудноописуемое... Какъ же тутъ быть?

В. Богучарскій.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Борьба съ реакціей во Франціи. — Рѣчи Жореса и Анатоля Франса. — Дѣло Гренье.—Дебаты въ германскомъ рейхстагѣ.—Митингъ и рѣчь Чэмберлена въ лондонскомъ Истъ-Эндѣ.—Отношеніе рабочей партіи къ предстоящимъ выборамъ въ Англіи.—Общее настроеніе Китая.

Оппозиція дѣлаетъ во Франціи отчаянныя усилія свергнуть кабинетъ Комба. Министерскій кризисъ несомнѣнно виситъ въ воздухѣ, но все же нельзя предсказать, когда онъ разразится окончательно. Чрезвычайно запутанное положеніе дѣла во Франціи можетъ имѣть для страны гораздо болѣе серьезныя послѣдствія, чѣмъ простая смѣна министерства. Партійная борьба все болѣе принимаетъ характеръ слѣпого ожесточенія, которое, особенно во Франціи, не разъ уже приводило къ совершенно неожиданнымъ исходамъ. Строго говоря, тутъ происходитъ столкновеніе двухъ элементовъ: республиканцевъ и монархическихъ и клерикальныхъ реакціонныхъ партій. Подраздѣленій этихъ группъ множество, но главные принципы, которыми онѣ вдохновляются, это — республиканская демократія съ одной стороны и реакція въ ея различныхъ формахъ—съ другой. Ни одна сторона, однако, не выказала до сихъ поръ большой щепетильности въ выборѣ средствъ и способовъ борьбы, и въ концѣ концовъ борьба эта достигла такой рѣзкости, что всякое оружіе считается пригоднымъ, лишь бы оно могло нанести вредъ врагу. Хуже всего то, что націоналисты, составляющіе самую дѣятельную часть оппозиціи, всѣми силами стараются вызвать въ арміи недовольство республикой. Армія въ теченіе долгаго времени находилась подъ вліяніемъ и авторитетомъ самыхъ реакціонныхъ факторовъ въ странѣ, и только послѣ дѣла Дрейфуса правительство серьезно занялось вопросомъ объ изгнаніи реакціоннаго духа изъ военной среды.

Кризисъ въ военномъ министерствѣ разрѣшился выходомъ министра Андре въ отставку, что отняло у націоналистовъ оружіе, которымъ они дѣйствовали противъ министерства и на время лишило ихъ основанія для своихъ нападковъ. Но зато они перенесли свою дѣятельность на другую почву, въ область просвѣщенія. Застрѣльщиками новой націоналистской кампаніи выступили ученики лицея Кондорсе, обидѣвшіеся на своего профессора Таламу за непочтительное отношеніе къ Іоаннѣ д'Аркъ. Самъ по себѣ незначительный фактъ школьной жизни принялъ характеръ парламентскаго инцидента, и вслѣдствіе безтактности министра просвѣщенія Шомье, который въ угоду націоналистамъ удалилъ профессора Таламу изъ лицея Кондорсе, но перевелъ его въ лицей Карла Великаго, чуть чуть не вызвалъ министерскаго кризиса. Шомье, впрочемъ, считается человѣкомъ далеко не симпатизирующимъ политикѣ нынѣшняго министра-президента, и націоналисты, затѣвая новую кампанію, имѣли въ виду главнымъ образомъ не его, а все ненавистное министерство, которое однако уцѣлѣло, несмотря на ожесточенный натискъ, благодаря рѣчи Жореса, въ которой онъ прославлялъ орлеанскую дѣву какъ жертву церкви, какъ воплощеніе французскаго идеализма и мученицу за свободу вѣры. Вся палата пришла въ сильное возбужденіе подъ впечатлѣніемъ его рѣчи. Правая дрожала отъ безсильной злобы, а лѣвая, какъ одинъ человѣкъ, неистово апплодировала. Жоресъ съумѣлъ затронуть и взволновать самыя глубокія чувства французовъ, избравъ Іоанну д'Аркъ и ея участь темою для своей рѣчи, въ которой онъ со свойственнымъ ему краснорѣчіемъ изобразилъ вѣковую борьбу свободы духа съ церковною ортодоксіею, борьбу за независимость противъ Рима, который сначала осудилъ на сожженіе орлеанскую дѣву, а затѣмъ канонизировалъ ее, чтобы, объявивъ ее святой, эксплуатировать воспоминаніе о ней и національное поклоненіе ей, какъ народной героинѣ, и извлечь изъ этого выгоды для церкви. Понятно, какое впечатлѣніе должна была произвести рѣчь Жореса на французовъ и въ какое бѣшенство она привела его враговъ.

Громадный митингъ, состоявшійся въ залѣ Трокадеро, на которомъ присутствовало до шести тысячъ человѣкъ и который былъ посвященъ соціальнымъ реформамъ, также ознаменовался прекрасными рѣчами Жореса, Прессансе и Анатоля Франса. На этотъ разъ самое сильное впечатлѣніе произвела рѣчь послѣдняго. Первую часть ея онъ посвятилъ жгучему вопросу объ отдѣленіи церкви отъ государства. Два обстоятельства придаютъ особенный характеръ этой проблемѣ. Во-первыхъ, католическое духовенство, вслѣдствіе безбрачія, не связано никакими болѣе или менѣе тѣсными узами со своими согражданами, а во-вторыхъ, по отдѣленіи церкви отъ государства, оно будетъ подчинено только чужеземной власти. «Будьте увѣрены, церковь не будетъ намъ благодарна за ту свободу, которую мы ей дадимъ въ своемъ государствѣ, послѣ того какъ состоится отдѣленіе,—сказалъ Анатоль Франсъ.—Она приметъ эту свободу отъ насъ какъ оскорбленіе. Она сдѣлается непримиримымъ врагомъ правительства, которое дастъ ей эту свободу. Не будемъ бояться будущаго, которое она намъ уготовляетъ, но постараемся подготовиться къ нему. Когда конкордатъ будетъ отклоненъ, то папа останется единственнымъ главой церкви

*

во Франціи. Когда онъ одинъ только будетъ назначать епископовъ, то мы можемъ быть увѣрены, что онъ будетъ выбирать ихъ изъ монашескихъ орденовъ, іезуитовъ, ассумпціонистовъ и капуциновъ. Администрація епархіи перейдетъ постепенно въ руки монаховъ. Церковь будетъ прибѣгать къ насиліямъ. Ей нужны мученики и всѣ ея надежды возлагаются на религіозную войну. Вѣдь въ первый разъ отдѣленіе церкви отъ государства оказалось для нея очень выгоднымъ, потому что ему предшествовало царство террора, и оно приведено было въ исполненіе при помощи кровавыхъ законовъ. Но преслѣдуя духовенство, государство только придаетъ ему силу, и оно можетъ побѣдить духовенство, только выказывая къ нему самую широкую терпимость. Не надо никакихъ притѣсненій, никакихъ раздражающихъ мѣропріятій. Чтобы быть дѣйствительными, законы должны быть проникнуты духомъ снисходительности и твердости. Наша свободная печать можетъ нейтрализовать всякія поджигающія проповѣди и пастырскія посланія, и такъ же будетъ дѣйствовать наша свобода собраній. Намъ нечего бояться революціонной церковной пропаганды и не зачѣмъ прибѣгать противъ нея къ репрессіямъ, которыя всегда только оказываютъ обратное дѣйствіе. У насъ есть честныя и открытыя средства бороться съ нею».

Анатоль Франсъ предсказываетъ, что когда прекратится кооперація церкви съ государствомъ и государство будетъ дѣйствовать разумно, не прибѣгая къ притѣсненіямъ, то церковь сама расколется на секты и единство церкви во Франціи прекратится. «Тогда, въ нашей странѣ, исчезнетъ самая страшная сила угнетенія, которая когда-либо давила на націю. Тогда прекратитъ свое существованіе старинный врагъ, истребитель мысли и знанія».

Анатоль Франсъ коснулся и восточно-азіатскихъ событій. Онъ сказалъ, что Россія расплачивается въ Японскомъ морѣ и въ ущельяхъ Манчжуріи не только за свою политику, но и за всю колоніальную политику Европы. Переходя къ вопросу о «желтой опасности», онъ прибавилъ: «Если эта опасность существуетъ, то кто же ее создалъ? Вѣдь никакъ не желтые люди явились обижать бѣлыхъ. Мы только теперь увидѣли «желтую опасность», а, между тѣмъ, азіатскіе народы давно уже ознакомились съ «бѣлою опасностью». Развѣ у китайцевъ не достаточно поводовъ жаловаться на насъ, и развѣ японцы могли чувствовать себя въ безопасности у себя дома подъ пушками Портъ-Артура? Мы сами создали бѣлую опасность, а она, въ свою очередь, породила «желтую». Будемъ же, наконецъ, справедливы. Перестанемъ хвалить себя. Европа, въ теченіе многихъ поколѣній, дѣйствовала путемъ насилія на Дальнемъ Востокѣ, но Дальній Востокъ трудно было расшевелить. И вотъ теперь онъ двинулся, и намъ приходится подвергнуть пересмотру многое въ своихъ отношеніяхъ и въ своихъ понятіяхъ о «презрѣнной желтой расѣ». Старая Европа и новая Европа, подъ которою мы подразумѣваемъ Америку, организовали экономическую войну. Всѣ націи ведутъ между собой промышленную войну, и мы не имѣемъ права жаловаться, когда появляются новые факторы, нарушающіе равновѣсіе всемірнаго рынка. Да и къ чему жаловаться? Вѣдь мы же только и признаемъ право сильнаго! Если Японія окажется сла-

бѣе, то ей дадутъ это почувствовать. Если нѣтъ—мы ничего не поставимъ ей въ упрекъ. Но было бы незамѣнимою потерею для цивилизаціи, если бы восточно-азіатскіе рынки оказались запертыми или же доступъ на нихъ былъ затрудненъ интеллигентнымъ и активнымъ расамъ Запада. Напротивъ, намъ бы слѣдовало подготовить глубокое проникновеніе и широкое распространеніе европейцевъ въ Азіи. Только этого нельзя достигнуть путемъ варварскихъ и разрушительныхъ конфликтовъ. Сокращая и уменьшая одну часть человѣчества въ кровавомъ столкновеніи, мы дѣйствуемъ во вредъ себѣ. Въ нашихъ интересахъ, чтобы народы всѣхъ расъ и всѣхъ оттѣнковъ были свободны, богаты и сильны. Наше процвѣтаніе и богатство находятся въ тѣсной зависимости отъ ихъ процвѣтанія и богатства. Чѣмъ больше они производятъ, тѣмъ больше будутъ и потреблять. Чѣмъ больше мы доставляемъ имъ выгодъ, тѣмъ больше получаемъ и сами отъ нихъ. Пусть они свободно пользуются плодами нашихъ трудовъ, и мы, въ свою очередь, воспользуемся ихъ трудами».

Анатоль Франсъ увѣренъ, что между восточными и западными націями можетъ быть установленъ modus vivendi, который создастъ, наконецъ, благопріятныя условія для мирной цивилизаторской работы.

Для выясненія той роли, какую играютъ во Франціи до сихъ поръ іезуиты, можетъ служить слѣдующее дѣло о наслѣдствѣ, которымъ въ настоящее время занятъ судъ въ Э. Суть этого дѣла такова. Въ Марсели умерла нѣкая дѣвица Амели Гренье, оставившая все свое огромное состояніе какой то госпожѣ Оливьери и затѣмъ двумъ очень отдаленнымъ родственникамъ, совершенно обдѣливъ своего родного брата. Этотъ послѣдній и возбудилъ дѣло о наслѣдствѣ, заявивъ, что наслѣдники, упоминаемые въ завѣщаніи—подставныя лица, которыя должны передать все это огромное состояніе іезуитамъ. Дѣйствительно, на судѣ выяснилось, что умершая находилась совершенно во власти іезуитовъ и безъ ихъ согласія не дѣлала ни малѣйшаго шага въ жизни. Оказалось, что несчастная дѣвушка была настоящею мученицей; она подвергала себя самымъ ужаснымъ истязаніямъ; духовные отцы, руководившіе ею, постоянно пугали ее муками ада и рисовали ей соблазнительную картину райскаго блаженства, увѣряя, что она избрана Богомъ и что она творитъ Его святую волю, подвергая себя мученіямъ. Судъ установилъ также, что госпожа Оливьери представляетъ послушное орудіе іезуитскаго ордена и съ умершей ее связывало только общее имъ обѣимъ чувство преданности іезуитамъ, родства же между ними не было никакого.

По требованію истца, имущество Амели Гренье было опечатано. Въ числѣ ея вещей находится, между прочимъ, окровавленный инструментъ пытки и дневникъ, который Амели вела до послѣднихъ дней своей жизни, но не тайкомъ отъ своего духовника. Напротивъ, она показывала свой дневникъ наставникамъ своей души и они вносили туда свои замѣчанія. Въ виду этого, ея дневникъ, выдержки изъ котораго печатаются во французскихъ газетахъ получаетъ особенный интересъ.

Амели Гренье, хорошенькая и веселая дѣвушка, происходила изъ благоче-

стивой семьи, жившей въ Бордо. Воспитаніе свое, подобно многимъ французскимъ дѣвушкамъ, она получила въ монастырѣ, въ которомъ пробыла до 17 лѣтъ. Тамъ она познакомилась съ патеромъ Руканьеръ, который быстро подчинилъ ее своему вліянію. Это вліяніе не исчезло и тогда, когда она вернулась домой. Патеръ не захотѣлъ выпустить изъ рукъ такую богатую добычу, и Амели пришлось выдержать жестокую борьбу между своею любовью къ родителямъ и преданностью патеру, который всѣми средствами старался возбудить и развить въ ней болѣзненное и фанатическое религіозное чувство. Изъ дневника Амели можно видѣть, какъ жестоко страдала она послѣ каждаго столкновенія съ родителями, съ матерью, которую она нѣжно любила. Но патеръ Руканьеръ былъ сильнѣе, онъ требовалъ, чтобы она отвернулась отъ своихъ родителей, чтобы она принесла ихъ въ жертву своему Богу, и она исполняла его волю. Когда родители, наконецъ, убѣдились, что они ничего не могутъ сдѣлать со своею дочерью, которая все больше подпадаетъ подъ вліяніе іезуитовъ, то они рѣшили перемѣнить мѣстожительство и переѣхать изъ Бордо въ Марсель. Отецъ Амели писалъ по этому поводу своему сыну Раймунду: «Какъ все это печально! Чѣмъ увѣнчалась моя жизнь, полная труда и самопожертвованія!» Амели также писала объ этомъ въ своемъ дневникѣ: «Мое сердце объято тоской. Я чувствую, что у меня уже не хватаетъ силъ. Мое бѣдное сердце! Оно такъ нуждается въ спокойствіи и мирѣ, а между тѣмъ я его не имѣю. Мнѣ такъ грустно, такъ тяжело причинять горе своимъ, а между тѣмъ я должна продолжать свое дѣло ради спасенія своей души!» Въ примѣчаніи на поляхъ, сдѣланномъ въ этомъ мѣстѣ патеромъ Руканьеромъ, онъ напоминаетъ ей о послушаніи. И она была послушна. «Когда я буду вдали, я все-таки не сдѣлаю ни одного шага безъ вѣдома и согласія моего святого отца (патера Руканьера), — пишетъ далѣе Амели. — О послушаніе, это такая великая и прекрасная вещь. Я хочу быть послушной, хочу подчиняться во всемъ моему «отцу». Послушаніе будетъ моимъ руководствомъ въ жизни»

Амели слѣдуетъ за своими родителями въ Марсель, но роковое вліяніе патера Руканьера и тутъ даетъ себя чувствовать. Она ведетъ съ нимъ постоянную переписку и онъ руководитъ всѣми ея поступками. Ея воля подчасъ противится этому самоуничтоженію, но онъ предписываетъ ей покаяніе и она подвергаетъ себя всевозможнымъ истязаніямъ, но все напрасно—ей не удается уничтожить въ своей душѣ тоску, сомнѣнія. Она пишетъ въ своемъ дневникѣ: «Нигдѣ нѣтъ проблеска свѣта!.. Я должна умертвить свою волю. Но мною овладѣваетъ безнадежное отчаяніе, слезы, усталость, отвращеніе и даже... возмущеніе!»

Она отправляется въ Римъ, въ надеждѣ, что тамъ почерпнетъ мужество. Она успокаивается послѣ свиданія съ генераломъ іезуитскаго ордена, но не надолго. Снова начинаются мучительныя сомнѣнія. Она пишетъ: «У меня, вѣроятно, нѣтъ настоящей любви. Когда любишь—все переносить легко. А мнѣ все тяжело». Патеръ Руканьеръ даетъ ей новыя наставленія, но ничто не помогаетъ. Любовь не приходитъ. «Я чувствую глубокую горечь и безутѣшное

отчаяніе,—пишетъ она.—Вокругъ меня — пустыня. Я не люблю никого!» Ея родители умираютъ, но она уже едва замѣчаетъ эту потерю, поглощенная своими душевными муками. «Какъ горька чаша! Какъ тяжелъ крестъ!—восклицаетъ она.—Ни одного мгновенія счастья и радости, ни призрака утѣшенія!..»

Въ 1897 году умеръ патеръ Руканьеръ, но его замѣнилъ Рувье, котораго марсельскій судъ назвалъ палачомъ, такъ какъ онъ поощрялъ Амели подвергать себя бичеванію. Она сообщала ему о числѣ ударовъ, которые наносила себѣ, и онъ говорилъ: «Этого довольно!» когда находилъ, что она достаточно истязала себя. Онъ заставлялъ ее подробно описывать раны, произведенныя бичеваніемъ у нея на тѣлѣ. Но и бичеваніе не помогало, не уничтожало сомнѣній. Она постоянно жаловалась на пустоту, на отсутствіе любви и за два дня написала въ своемъ дневникѣ: «О какъ ужасно должна страдать душа здѣсь, на землѣ!»

Дневникъ этотъ былъ прочтенъ на судѣ и произвелъ подавляющее впечатлѣніе, также какъ и показанія свидѣтелей, подтвердившихъ, что духовная независимость и воля систематически умерщвлялись въ несчастной жертвѣ іезуитовъ. Судъ объявилъ завѣщаніе недѣйствительнымъ и ожидаютъ, что апелляціонный судъ, куда обратились наслѣдники, подтвердитъ это рѣшеніе.

Пренія о бюджетѣ въ германскомъ рейхстагѣ дали поводъ къ словесному поединку между графомъ Бюловымъ и вождемъ соціалъ-демократовъ Бебелемъ. Бюлову пришлось развернуть все свое дипломатическое краснорѣчіе, чтобы парировать нападки Бебеля, который въ своей рѣзкой критикѣ не оставилъ камня на камнѣ въ политикѣ германскаго правительства. Обсуждая общее европейское положеніе и созывъ новой гаагской конференціи, Бебель замѣтилъ: «Со всѣхъ сторонъ такъ и сыплются третейскіе договоры, и президентъ Рузвельтъ одновременно подписываетъ приглашеніе на новую конференцію мира и проектъ увеличенія американскаго флота. Никто не думаетъ о разоруженіи, а, между тѣмъ, оно должно быть поставлено въ основу всѣхъ такихъ договоровъ». Далѣе Бебель говорилъ о кенигсбергскомъ процессѣ и о поведеніи нѣмецкихъ властей по отношенію къ русскимъ студентамъ. «Намъ, какъ нѣмцамъ приходится стыдиться дѣйствій своего правительства! — воскликнулъ онъ.—На кенигсбергскомъ процессѣ прусское правительство понесло неслыханное нравственное пораженіе. Нашимъ властямъ были представлены фальшивые переводы постановленій законовъ и хотя показанія профессора Рейснера на процессѣ освѣтили яркимъ свѣтомъ положеніе вещей, но наши власти, не взирая на это, продолжаютъ свою услужливую политику и берутъ на себя почетную роль полицейскихъ служителей, подвергая притѣсненіямъ мирныхъ русскихъ студентовъ и студентокъ и выслѣживая дѣйствія русскихъ, живущихъ въ Германіи».

Бюловъ, въ свою очередь, напалъ на соціалъ-демократовъ, говоря, что они желаютъ поссорить Германію съ Россіей. «Если бы мы предоставили свободу такимъ дѣйствіямъ, которыя были обнаружены кенигсбергскимъ процессомъ,—

прибавилъ Бюловъ,—то, конечно, мы бы испортили добрыя отношенія съ нашей сосѣдкой. Но мы не хотимъ вмѣшиваться въ ея дѣла». Чтобы подчеркнуть отношеніе соціалъ-демократической партій къ Россіи, Бюловъ прочелъ наиболѣе выдающіяся изъ статей соціалъ-демократической печати и рѣчей ораторовъ этой партіи. Это чтеніе вызвало бурные возгласы одобренія со стороны соціалъдемократическихъ депутатовъ. Хотя эти статьи и рѣчи были всѣмъ извѣстны, но такой подборъ наиболѣе выпуклыхъ мѣстъ произвелъ впечатлѣніе не совсѣмъ желательное для канцлера. Вождь націоналъ-либераловъ, д-ръ Пааше упрекалъ графа Бюлова за его пренебрежительное отношеніе къ критикѣ другихъ партій и исключительное вниманіе ко всему тому, что говорятъ соціалъ-демократы.

Жалобы д-ра Пааше вызвали насмѣшливое замѣчаніе со стороны Бебеля, что если имперскій канцлеръ не считаетъ нужнымъ возражать на рѣчи націоналъ-либераловъ, то только потому, что націоналъ-либералы всегда сдѣлаютъ все, что имъ прикажутъ, поэтому и не зачѣмъ тратить словъ.

Бебель сказалъ, между прочимъ, что онъ не вѣритъ слухамъ о существованіи тайнаго договора между Германіей и Россіей. Графъ Бюловъ навѣрное постарался не связывать подобнымъ образомъ германское правительство, но тѣмъ не менѣе Германія дѣйствуетъ именно такъ, какъ будто она подписала подобный договоръ. Любопытно также было его признаніе, что въ вопросѣ о свободѣ торговли и протекціонизмѣ его партія не придерживается ни той, ни другой стороны, т.-е. соціалъ-демократы не принадлежатъ ни къ абсолютнымъ фритредерамъ, ни къ абсолютнымъ протекціонистамъ. «Мы всегда разсматривали каждый данный случай отдѣльно по вопросу о необходимости покровительственной пошлины и ея размѣрахъ—прибавилъ онъ.—Въ нашихъ рядахъ находятся люди, взгляды которыхъ склоняются даже въ пользу протекціонизма».

Несмотря на жалобы націоналъ-либераловъ, интересъ преній рейхстага все-таки сосредоточивался, главнымъ образомъ, на рѣчахъ соціалъ-демократовъ по вопросамъ внѣшней политики, что и отвлекло вниманіе отъ финансовой проблемы, связанной съ проектируемымъ новымъ увеличеніемъ морскихъ и военныхъ силъ Германіи. Министръ финансовъ не скрылъ труднаго финансоваго положенія страны, сказавъ, что этотъ годъ врядъ ли обойдется безъ дефицита. Онъ даже нарисовалъ довольно мрачную картину, прибавивъ, что нельзя дальше идти по тому же пути и такъ какъ въ моменты серьезной опасности нельзя говорить объ экономіи, то необходимо прибѣгнуть къ рѣшительной радикальной и основательной реформѣ имперскихъ финансовъ.

Общественное мнѣніе считаетъ эту рѣчь министра финансовъ прелюдіей новыхъ налоговъ. Говорятъ, что имѣется въ виду обложеніе пива и табаку. Но рессурсы Германіи имѣютъ границы, и въ этомъ графу Бюлову придется убѣдиться весьма скоро. Несомнѣнно, когда снова соберется рейхстагъ, послѣ рождественскихъ вакацій, вопросъ о новыхъ налогахъ и финансовой реформѣ вызоветъ серьезные дебаты. Тѣмъ не менѣе Бюловъ можетъ быть доволенъ. Ему удалось все-таки закончить общія пренія о бюджетѣ до закрытія рейхстага по случаю наступленія праздниковъ и бюджетъ былъ переданъ для раз-

смотрѣнія въ парламентскую коммиссію. Въ газетахъ, между прочимъ, было подчеркнуто то, что въ оффиціальной стенограммѣ рѣчи Бюлова была сдѣлана одна любопытная поправка. Бюловъ употребилъ выраженіе «благожелательный нейтралитетъ», говоря объ образѣ дѣйствій Германіи по отношенію къ Россіи. Но въ оффиціальномъ отчетѣ слово «благожелательный» замѣнено словомъ: «вполнѣ лойяльный». Очевидно, графъ Бюловъ обмолвился.

Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ полной бездѣятельности, глава англійскихъ протекціонистовъ Чэмберленъ снова появился на политической аренѣ и открылъ кампанію сенсаціонною рѣчью, которую онъ произнесъ притомъ въ самомъ центрѣ рабочаго квартала, гдѣ ютится самое бѣдное населеніе, въ лондонскомъ Истъ-Эндѣ. Рабочіе классы, вообще, относятся съ недовѣріемъ къ проповѣди протекціонизма, и Чэмберлену не удается ихъ соблазнить никакими заманчивыми картинами золотого вѣка, который, по его словамъ, ихъ ожидаетъ со введеніемъ покровительственныхъ пошлинъ. Они припоминаютъ то время, когда таможенный тарифъ вызвалъ искусственное вздорожаніе хлѣба и рабочимъ классамъ пришлось страдать вдвойнѣ, и отъ пониженія заработной платы, и отъ повышенія цѣнъ на предметы первой необходимости. И самъ Чэмберленъ вначалѣ пробовалъ играть на имперіалистской и патріотической струнѣ, но не встрѣтилъ особеннаго сочувствія въ колоніяхъ. Правда, колоніи охотно повторяли хоромъ имперіалистскій припѣвъ, но ни Канада, ни Австралія не намѣреваются открывать свои рынки продуктамъ метрополіи. Въ самомъ дѣлѣ, Англія не можетъ обложить пошлиною хлѣбъ и съѣстные припасы, безъ которыхъ не можетъ обходиться нація, не можетъ представить никакихъ таможенныхъ преимуществъ своимъ колоніямъ, которыя были бы для нихъ соблазнительны. Съ другой стороны, колоніи не могутъ согласиться покровительствовать, въ ущербъ своимъ зарождающимся промышленностямъ, ввозу продуктовъ британской промышленности. Повидимому, и Чэмберленъ начинаетъ сомнѣваться, удастся ли ему побѣдить это затрудненіе, поэтому и прибѣгаетъ теперь къ разнымъ побочнымъ аргументамъ. Его рѣчь въ Истъ-Эндѣ особенно изобилуетъ такими аргументами. Онъ явился проповѣдывать введеніе пошлинъ на жизненные припасы въ самый центръ лондонской безработицы, среди голодающаго населенія, и тамъ, гдѣ ютится до 10.000 русскихъ евреевъ, онъ громко говорилъ о еврейской преступности и о необходимости воспрещенія еврейской иммиграціи и объ отправкѣ евреевъ въ самую глубь центральной Африки. И среди 4.000, наполнявшихъ залу, не нашлось ни одного человѣка, который бы поднялъ свой голосъ противъ него. Но эта загадка разрѣшается очень просто. Изъ населенія квартала никто не присутствовалъ въ залѣ, и Чэмберленъ могъ безпрепятственно говорить цѣлыхъ два часа и спокойно оставить залу. Правда, снаружи, за хорошо охраняемыми дверями залы, раздавалось по временамъ громкое шиканіе, доносившееся и въ залу. Этимъ шиканіемъ и свистомъ былъ встрѣченъ Чэмберленъ на улицѣ, когда показался его экипажъ, такъ что даже лошади испугались и чуть-чуть не понесли. Враждебная демонстрація повторилась и при отъѣздѣ Чэмберлена. Но въ залѣ было все

спокойно. Издатель газетъ «Daily Esxpress» и «Standard» Пирсонъ, устроитель собранія, очень тщательно выбралъ публику для этого митинга. Онъ раздалъ 4.000 билетовъ, но съ большимъ выборомъ, такъ какъ желающихъ было до 40.000. Во всякомъ случаѣ было изъ кого выбирать. И вотъ, въ Истъ-Эндъ, чтобы послушать Чэмберлена, явилась публика, главнымъ образомъ, изъ аристократическаго Вестъ-Энда. Вся эта публика отправлялась слушать Чэмберлена также, какъ она отправлялась въ театръ, чтобъ послушать какого-нибудь тенора. О типичномъ же рабочемъ собраніи, какъ это сначала увѣряли чэмберленовскія газеты, тутъ не могло быть и рѣчи. Рабочіе блистали своимъ отсутствіемъ.

Но устроители, повидимому, очень боялись, что митингъ не пройдетъ спокойно. Въ послѣдній моментъ одинъ изъ организаторовъ, чуть не задыхаясь отъ страха, потребовалъ полицейскихъ. Но ему было отказано. Въ Англіи полиція имѣетъ право вмѣшаться только тогда въ какое-нибудь собраніе, когда тамъ произойдетъ рукопашная схватка, а въ данномъ случаѣ у нея не было повода являться въ залу. «Ну, а если толпа ворвется въ залу?» боязливо замѣтилъ кто-то. Но толпа не ворвалась.

Когда Чэмберленъ появился на эстрадѣ съ неизмѣннымъ моноклемъ въ глазу и неизмѣнною орхидеей въ петлицѣ, его встрѣтили шумными оваціями. Нѣсколько минутъ въ залѣ стоялъ гулъ отъ рукоплесканій. Но общій восторгъ еще усилился, когда Чэмберленъ упомянулъ о предстоящихъ выборахъ и при этомъ замѣтилъ, что чѣмъ скорѣе они произойдутъ, тѣмъ будетъ лучше. «Мы васъ сдѣлаемъ тогда первымъ министромъ!» послышалось въ залѣ и слова эти были покрыты громомъ апплодисментовъ. Чэмберленъ очень искусно обходилъ разные жгучіе экономическіе вопросы, но въ сущности публика, собравшаяся его послушать, интересовалась вовсе не этимъ, а имъ самимъ; она пришла посмотрѣть и послушать этого почти семидесятилѣтняго старика, который съ юношескимъ жаромъ говорилъ въ теченіе двухъ часовъ, не выказавъ ни утомленія, ни вялости, и фешенебельная вестъ-эндская публика смотрѣла на него, какъ на своего вождя.

Но когда эта блестящая публика разъѣхалась по домамъ, то состоялся другой митингъ. Толпа рабочихъ собралась послушать своего любимаго оратора Джона Бёрнса, который очень остроумно и зло осмѣялъ «лже-пророка изъ Бирмингэма», расточавшаго цвѣты краснорѣчія передъ «вздорной элегантной публикой Вестъ-Энда», выдававшей себя за доковыхъ рабочихъ. Въ сущности этотъ маневръ организаторовъ митинга въ рабочемъ кварталѣ никого не обманулъ, но чэмберленовскимъ газетамъ далъ поводъ говорить о «рабочей аудиторіи, слушавшей Чэмберлена».

Толки о будущихъ парламентскихъ выборахъ принимаютъ все болѣе опредѣленный характеръ и партіи уже теперь начинаютъ къ нимъ готовиться. Въ Ливерпулѣ, въ скоромъ времени, соберется очень важная конференція, созываемая комитетомъ рабочей партіи. Эта конференція должна рѣшить, будетъ ли на предстоящихъ выборахъ рабочая партія дѣйствовать въ союзѣ съ либералами или же противъ нихъ. Въ комитетъ рабочей партіи, кромѣ пред-

ставителей трэдъ-юніоновъ, вошли и члены такъ называемой независимой рабочей партіи и фабіановскаго общества. Эти двѣ послѣднія организаціи носятъ рѣзко выраженный соціалистическій характеръ, и благодаря ихъ вліянію комитетъ слѣдовалъ политикѣ, которая дѣлаетъ неизбѣжнымъ разрывъ между либерализмомъ и рабочей партій. Между прочимъ, комитетъ этотъ раньше постановилъ, что ни одинъ кандидатъ, котораго поддерживаетъ рабочая партія, не долженъ принимать поддержку отъ другихъ партій или самъ ихъ поддерживать. Однако, на ливерпульскомъ конгрессѣ трэдъ-юніоновъ было высказано мнѣніе о необходимости попытаться измѣнить эту политику изоляціи, но для этого нужно прежде всего подавить вліяніе соціалъ-демократовъ въ комитетѣ, не допускающихъ никакихъ компромиссовъ. На предстоящихъ парламентскихъ выборахъ рабочая партія намѣрена выставить, по крайней мѣрѣ, восемьдесятъ кандидатовъ (теперь въ парламентѣ 14 депутатовъ рабочей партіи), слѣдовательно вопросъ объ отношеніяхъ либерализма къ рабочей партіи пріобрѣтаетъ важное значеніе. Если соглашеніе не будетъ достигнуто, то протекціонистскіе кандидаты могутъ пройти въ нѣкоторыхъ округахъ незначительнымъ меньшинствомъ, такъ какъ перебаллотировокъ въ англійскомъ избирательномъ правѣ не существуетъ.

Александръ Уларъ, въ статьѣ, напечатанной въ «Revue», говоритъ о замѣчательномъ проектѣ милитаризаціи Китая, предложенномъ Робертомъ Гартомъ начальникомъ китайскихъ таможенъ, который имѣетъ цѣлью организовать китайскій народъ такъ, чтобы онъ составлялъ государство, и снабдить это государство дѣйствительнымъ авторитетомъ во внутреннихъ дѣлахъ, упорядочить его финансы, создать ему армію и флотъ, народное просвѣщеніе и оплоченную администрацію, словомъ, создать національную жизнь въ Китаѣ, которой до сихъ поръ тамъ не существовало.

Въ сущности китайская имперія до сихъ поръ служила только приманкою для другихъ и была лишена всего, что въ глазахъ европейцевъ составляетъ необходимое условіе для образованія, если не націи, то государства. Въ Китаѣ національное единство только кажущееся, лингвистическаго единства не существуетъ; нѣтъ также единства административнаго, денежнаго, судебнаго и военнаго. Если бы не было единства культуры, со всѣми проистекающими отсюда послѣдствіями, то трудно было бы повѣрить въ реальное существованіе Китая, организованнаго въ государство.

У китайца нѣтъ родины; у него только есть родной округъ. Политическая проблема ему неизвѣстна и его интересуютъ только экономическія проблемы. Націи у него нѣтъ, а есть только семья. У него нѣтъ государства, а есть общество. У него нѣтъ монарха, а есть только чиновники. Чу-Хи, философъ XII вѣка, авторъ великихъ комментаріевъ къ произведеніямъ Конфуція, говоритъ объ искусствѣ управленія: «Принцъ, не выполняющій своего долга, какъ администраторъ, не можетъ претендовать на уваженіе и послушаніе своего народа; онъ долженъ быть устраненъ какъ можно скорѣе и замѣненъ другимъ, лучшимъ, потому что благосостояніе всѣхъ не должно быть принесено въ

жертву благосостоянію одного человѣка». Эта теорія преподается китайцамъ и эта фраза заучивается во всѣхъ школахъ Китая.

Уларъ, хорошій знатокъ азіатскаго востока, отрицаетъ союзъ желтыхъ и желтую опасность въ томъ видѣ, въ какомъ ее понимаютъ въ Европѣ. По его словамъ, расовое различіе между китайцемъ и японцемъ еще больше, нежели между французомъ и индусомъ. Корейцы же боятся японскаго преобладанія почти въ такой же степени, какъ и преобладанія европейцевъ. Да и китайцы сами сколько разъ они обращались къ интеллектуальной поддержкѣ европейцевъ противъ захвата японцами въ свои руки народнаго просвѣщенія въ Китаѣ. И только убѣдившись въ полнѣйшемъ равнодушіи западныхъ народовъ къ этому вопросу, упрямо считающихъ пушки лучшими цивилизаторами, центральная администрація и провинціальныя администраціи рѣшились предоставить японцамъ свободу дѣйствій въ этомъ отношеніи. Такимъ образомъ, если бы, дѣйствительно, образовался союзъ и возстаніе желтыхъ, то Европа получила бы только то, что она заслужила, но союзъ этотъ еще большая утопія, нежели союзъ бѣлыхъ, который также невозможенъ.

Китайцы никогда не подумаютъ защищаться тѣми способами, которые употребляютъ западные народы, чтобы нападать на нихъ, т.-е. союзъ на основахъ національности, организація національной обороны, укрѣпленіе, если не прямо основаніе китайскаго государства, единаго и нераздѣльнаго, которое, въ виду неистощимыхъ рессурсовъ, имѣющихся у него въ распоряженіи, могло бы быстро сдѣлаться самою могущественною и грозною державой, которая оказывала бы давленіе на судьбы міра. Но такой способъ защиты такъ же антипатиченъ китайскому народу, какъ антипатична, напр., англичанамъ самая идея обязательности военной службы. И хотя Европа воображаетъ Китай такимъ же автократическимъ государствомъ, какъ Россія, но на самомъ дѣлѣ китаецъ, по своему характеру, сформированному подъ вліяніемъ неискоренимыхъ вѣковыхъ соціальныхъ обычаевъ, гораздо менѣе склоненъ допускать вмѣшательство государственныхъ властей въ свои дѣла, нежели французъ. Въ политическомъ отношеніи китаецъ весьма добродушенъ, но это добродушіе тотчасъ же исчезаетъ, какъ только государство вмѣшивается въ его экономическія дѣла.

итайская территорія покрыта цѣлою сѣтью административныхъ организацій, но имѣетъ мало общаго съ федеральнымъ государствомъ. Децентрализація въ Китаѣ доведена до крайней степени, автономія каждой провинціи почти абсолютна; каждый департаментъ, округъ, кантонъ непремѣнно выдвигаетъ верховенство мѣстныхъ интересовъ, которые только одни имѣютъ значеніе въ его глазахъ, и благодаря этому усилія центральнаго правительства управлять совершенно безплодны. Въ самомъ дѣлѣ, у этого послѣдняго существуетъ только одинъ способъ управлять страной: онъ долженъ для этого заручиться благорасположеніемъ вице-королей, которые съ своей стороны должны просить содѣйствія департаментовъ, хотя бы только для того, чтобы собрать налоги. Единственный принудительный способъ, который имѣется въ рукахъ правительства, это—угроза отрѣшенія отъ должности. Слѣдуетъ прибавить, что деревни устанавливаютъ свой бюджетъ независимо отъ правительства и этому послѣднему

ничего не остается другого, когда деревни отказываются увеличить свои налоги, какъ оказать давленіе на правительственнаго чиновника, который, чтобы избѣжать немилости, прибѣгаетъ уже къ шантажу и вымогательству. Экономическій здравый смыслъ китайцевъ не дозволяетъ имъ признавать необходимыми разныя дорого стоющія политическія или военныя предпріятія центральнаго правительства, и поэтому между этимъ послѣднимъ и народомъ существуетъ постоянный конфликтъ, съ той самой поры, какъ въ Китаѣ царствуетъ не китайская династія, претендующая на то, чтобы управлять по своему произволу превосходно устроеннымъ обществомъ, какъ будто бы это была какая-нибудь манчжурская орда. Въ Европѣ замѣчаютъ только отзвукъ этого конфликта, являющійся въ формѣ «безсилія китайскаго правительства» и полнаго отсутствія у него какихъ-либо рессурсовъ.

Крупные финансисты, администраторы общества, директора разныхъ кооперацій вполнѣ ясно сознаютъ эту истину. Это они являются самыми яростными врагами милитаристскихъ тенденцій, которыя обнаруживаются у двухъ другихъ факторовъ китайской національной жизни, въ китайскомъ дворѣ и у мандариновъ. Одинъ изъ администраторовъ крупнѣйшей кооперации «Золотой драконъ» такъ изложилъ свою точку зрѣнія: «Мы не хотимъ, чтобы дворъ и государственные чиновники мѣшались въ наши дѣла. Мы не можемъ и не хотимъ содержать огромную армію. Мы отлично знаемъ, по опыту, что военныя силы существуютъ только для того, чтобы защищать интересы и навязывать намъ волю двора и генералъ-губернаторовъ. А ихъ интересы вовсе не тождественны съ нашими интересами. У васъ, въ Европѣ, дѣло обстоитъ иначе. Но неужели вы думаете, что даже у васъ торговля и промышленность были бы сторонниками вашихъ чрезмѣрныхъ вооруженій, еслибъ онѣ тутъ не извлекали громадныхъ выгодъ на военныхъ поставкахъ? Но если бы у насъ императоръ и генералъ-губернаторы вздумали подражать вамъ, то мы бы ничего не выиграли отъ этого. Все покупалось бы за границей, а солдатъ пришлось бы содержать намъ и притомъ они служили бы для того, чтобы вымогать отъ насъ налоги въ пользу тѣхъ, кто не работаетъ... Мы не боимся европейцевъ. Пусть они являются къ намъ, но только для честной торговли и мы съ ними отлично сговоримся. Военный же вопросъ—это частное дѣло мандариновъ и двора».

Но теперь, когда вспыхнула война между Японіей и Россіей, для Китая возникаетъ вопросъ, который можетъ имѣть огромное вліяніе на его будущее. Въ тотъ моментъ, когда будетъ заключенъ миръ, онъ долженъ возвысить свой голосъ такъ, чтобы его могли услышать въ европейскомъ концертѣ, который соберется для рѣшенія вопросовъ, вращающихся около войны. Несомнѣнно, Китай будетъ нуждаться для этого въ постоянной арміи и значительныхъ морскихъ силахъ. Онъ долженъ отнять у западныхъ націй всякій предлогъ ко вмѣшательству. Въ данный моментъ, однако, въ распоряженіи центральнаго правительства не имѣется необходимыхъ для этого фондовъ, и вотъ Робертъ Гартъ выступаетъ со своимъ проектомъ поземельнаго налога, который вовсе не будетъ тяжелъ для населенія, но принесетъ казнѣ 400 милліоновъ

таёловъ. Разумѣется, чтобы эта фискальная реформа могла осуществиться и принести плоды, необходима коренная реорганизація администраціи. Необходимо прежде всего внушить народу сознаніе, что онъ является членомъ государства, лойяльно администрируемаго, а отнюдь не жертвою бюрократіи, которая его эксплоатируетъ. Всѣ повинности, уплачиваемыя чиновникамъ, должны быть уничтожены, и мандарины будутъ получать только установленное жалованье и притомъ настолько большое, что оно вполнѣ удовлетворитъ ихъ потребностямъ. Затѣмъ, Китай, который привлекаетъ столько алчныхъ взоровъ, долженъ превратиться въ первоклассное военное государство. Сэръ Робертъ Гартъ очень подробно излагаетъ такую схему, и въ Китаѣ къ его проекту отнеслись далеко не такъ, какъ къ совѣтамъ заинтересованныхъ западныхъ державъ. Онъ съумѣлъ заинтересовать своимъ преоктомъ не только династію и центральное правительство, но и большинство чиновниковъ и почти весь народъ.

ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Уроки войны.—Статьи японскихъ авторовъ и толки о мирѣ. — Финансы Японіи.—Эволюція англійскаго трэдъ-юніонизма.

Въ то время, какъ на Дальнемъ Востокѣ продолжаетъ бушевать военная буря, въ другихъ странахъ продолжаетъ развиваться мирная пропаганда, имѣющая цѣлью всеобщее международное соглашеніе. Въ англійскихъ и американскихъ журналахъ привѣтствуется иниціатива Рузвельта относительно созыва новой гаагской конференціи. «Nineteenth Century» говоритъ по этому поводу, что великая американская республика находится въ данный моментъ въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, чтобы содѣйствовать дѣлу международнаго третейскаго суда. «North American Review» напоминаетъ, что со временъ классической древности часто пускались въ ходъ различныя вліянія, чтобы пріостановить враждебныя дѣйствія и примирить враждующія стороны. Въ теченіе XIX-го вѣка также множество конфликтовъ, достигшихъ критическаго періода, были улажаны третейскимъ судомъ. Но господствующія идеи относительно правъ націй, вѣроятно, будутъ еще долго препятствовать введенію обязательности третейскаго суда, и нельзя ожидать никакихъ благопріятныхъ результатовъ отъ такого трибунала, который пожелалъ бы въ данный моментъ навязать свою юрисдикцію правительствамъ, на которыя могутъ жаловаться другія государства. Тѣмъ не менѣе, нельзя все-таки отрицать, что во многихъ цивилизованныхъ странахъ идея третейскаго суда пріобрѣтаетъ все больше сторонниковъ. Къ несчастью, прибавляетъ американскій журналъ, ни Японія, ни Россія, повидимому, не помышляютъ о мирѣ, и, чтобы побудить ихъ къ этому, нужны особенные доводы, которые теперь еще не найдены.

Этотъ же самый журналъ печатаетъ статью японскаго сенатора, барона Кентаро Канеко, который говоритъ, что обѣ державы вступили въ кровавый бой только потому, что каждая изъ нихъ желаетъ быть цивилизаторомъ Дальняго Востока. Какъ Россія, такъ и Японія увѣряютъ, что война на Дальнемъ

Востокѣ не вызвана никакими завоевательными замыслами. Оба противника доказываютъ, что они только хотятъ мира и больше ничего! Японія, напр., по словамъ барона Кентаро Канеко, близко къ сердцу принимаетъ интересы мира. Ея положеніе на Дальнемъ Востокѣ требуетъ сохраненія мира, но... Японія должна опираться на свою армію и флотъ. Развивая далѣе свою идею, что Японіи по праву принадлежитъ цивилизаторская миссія на азіатскомъ востокѣ, авторъ говоритъ, что даже географическое положеніе страны дѣлаетъ ее наиболѣе пригодной для этой миссіи. Она находится какъ разъ на пути, является ли цивилизація съ Запада, изъ Суэцкаго канала, подъ контролемъ Англіи, или же она притечетъ черезъ Панамскій каналъ, подъ руководствомъ Америки. Вообще Японія призвана собрать богатую жатву прогресса и наукъ Запада и разсѣять ея плоды по всему Дальнему Востоку, возстановивъ гармонію между двумя формами цивилизаціи, восточной и западной, какъ нѣкогда этого добился Римъ, желавшій установить гармонію между народами сѣвера и юга Европы. Именно поэтому японскій національный духъ такъ тѣсно связанъ съ войной, которая преслѣдуетъ вполнѣ ясную, опредѣленную цѣль, отнюдь не завоевательнаго характера.

Другой японскій авторъ пишетъ въ «Atlantic Monthly»: «Имперія цвѣтовъ, искусствъ, мирной работы вдругъ превратилась въ обширный лагерь, и весь народъ, мужчины и женщины, одинаково готовы все принести въ жертву ради успѣха общаго народнаго дѣла. Но изъ всѣхъ тѣхъ, кто долженъ бы понимать этотъ народъ, именно теперешній врагъ Японіи не понялъ его духа, но это непониманіе доставило Японіи возможность показать міру, на что она способна».

Редакторъ «Bibliothèque Universelle», издающейся въ Лозаннѣ, Таллише, съ пренебреженіемъ отзывается о «желтой опасности». По его мнѣнію, уже одно то, что японцы, несмотря на свою храбрость и превосходную организацію, не могли до сихъ поръ нанести рѣшительнаго удара противнику, доказываетъ, какъ призрачны опасенія, что они могутъ когда-либо явиться серьезною угрозой для Европы, ставъ во главѣ желтыхъ расъ. Но кромѣ того теперешняя война указала и на то, что хотя Россія и великая держава, но силы ея очень ограничены. На возстановленіе ея престижа какъ морской державы очень мало шансовъ, такъ какъ настоящихъ моряковъ у нея мало и она возстановила противъ себя свое наиболѣе способное морское населеніе, а именно финляндцевъ. Авторъ полагаетъ, что паденіе Портъ-Артура могло бы послужить благопріятнымъ поводомъ, для заключенія мира. Европейское общественное мнѣніе рѣзко несочувственно относится къ войнѣ и къ Россіи, и въ виду этого, быть можетъ, выгоднѣе и благоразумнѣе было бы окончить войну, въ которой японцы и русскіе выказали себя одинаково достойными противниками.

«Человѣчество устало слушать ужасающія подробности международной дуэли, происходящей на Дальнемъ Востокѣ,—пишетъ Деллонъ въ «Contemporari Review», и отъ души желало бы, чтобы всѣ эти разсказы о войнѣ исчезли со столбцовъ газетъ и перешли въ область исторіи. Война, какъ утверждаютъ, можетъ быть необходимостью, можетъ быть даже «небомъ посланною грозою»,

чтобы прочистить тяжелую нравственную атмосферу, но она не должна все-таки вырождаться въ нечеловѣческую ярость и не должна мѣшать моральнымъ народамъ въ ихъ занятіяхъ, ихъ сношеніямъ и торговлѣ. Ей долженъ быть положенъ какой-нибудь предѣлъ. Россія, безъ сомнѣнія, сдѣлала достаточно, даже болѣе чѣмъ достаточно, для своего великаго престижа. Защита Портъ-Артура это — чудо геройства и выносливости, а отступленіе къ сѣверу изъ Ляояна было великолѣпнымъ стратегическимъ актомъ. Чего же еще нужно? Японія также можетъ быть довольна тѣми лаврами, которые она стяжала. Еще недавно она была расой, къ которой относились съ пренебреженіемъ, теперь же она блестящимъ образомъ подтвердила свои права на занятіе мѣста въ ряду высокопросвѣщенныхъ націй и великихъ морскихъ и военныхъ державъ міра. Ея сухопутныя силы въ глазахъ міра явились тѣмъ, чѣмъ была армія Мольтке въ глазахъ Европы тридцать лѣтъ тому назадъ, а ея флотъ разрѣшилъ гораздо болѣе трудную проблему, чѣмъ та, которая когда-либо выпадала на долю англійскаго флота. Во всякомъ случаѣ Японія не можетъ быть названа «parvenue», она «arrivée» (достигла) и теперь могла бы почить на лаврахъ. Не можетъ быть болѣе подходящаго момента для прекращенія военныхъ дѣйствій. Даже когда падетъ Портъ-Артуръ, послѣ геройскаго сопротивленія, японцы не могутъ надѣяться проникнуть за Харбинъ. Они могли бы сказать, что сдѣлали все, что возможно въ наступательной войнѣ, также какъ и русскіе въ оборонительной. Продолжать борьбу значило бы обмѣняться ролями и разиграть игру въ ничью. Безъ сомнѣнія, ни одна изъ сторонъ не можетъ надѣяться одержать рѣшительную побѣду, Россія не въ состояніи диктовать условій мира въ Токіо, также какъ и Японія не можетъ диктовать ихъ въ Москвѣ. Дальнѣйшее продолженіе войны повлекло бы только къ истощенію рессурсовъ обѣихъ націй безъ всякой пользы для которой-нибудь изъ нихъ. Россія уже лишена возможности удержать за собою господствующее положеніе на берегахъ Тихаго океана, Японія же безсильна совершенно изгнать ее оттуда. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что положеніе дѣлъ въ восточной Азіи сильно измѣнилось со времени возникновенія войны, и такъ какъ Россія уже не можетъ ухватить тѣ нити, которыя она держала въ рукахъ, то она поступитъ разумнѣе, если перестанетъ гоняться за недостижимымъ и постарается извлечь пользу изъ того, что имѣетъ подъ руками. Время не улучшитъ положенія, а откладываніе мирнаго рѣшенія только ухудшитъ его».

Таковы вкратцѣ аргументы, которые выставляются противниками войны. Диллонъ указываетъ еще, кромѣ того, на постоянно распространяющіеся въ печати слухи о стараніяхъ съ разныхъ сторонъ примирить противниковъ. То Франція предлагаетъ свои услуги своей союзницѣ, то Великобританія и Соединенные Штаты обращаются со своими представленіями къ Японіи, то, наконецъ «честный маклеръ»—Германія выступаетъ на сцену и собирается построить золотой мостъ, по которому могли бы пройти оба врага, чтобы на нейтральной почвѣ переговорить о мирѣ. Но... все это только однѣ надежды и предположенія, и никто не въ состояніи предсказать, какъ долго продлится

война. Японія, впрочемъ, готова заключить миръ во всякое время, но на такихъ условіяхъ, которыя хотя и могутъ быть названы разумными и умѣренными, но тѣмъ не мѣнѣе не могутъ быть приняты Россіей. «Но война до послѣдней крайности, которую теперь проповѣдуетъ русская печать (?) и въ возможность которой вѣритъ огромное большинство газетныхъ читателей во всемъ свѣтѣ, можетъ на самомъ дѣлѣ принять совершенно другой оборотъ, чѣмъ тотъ, который имѣется въ виду,—говоритъ въ заключеніе Диллонъ.— Японія, вынужденная принять унизительный миръ,—явится хроническою опасностью для Россіи. Она будетъ подготовляться къ будущей войнѣ, съ тою энергіей, предусмотрительностью и самоотверженіемъ, результаты которой могутъ даже превзойти блестящіе успѣхи, достигнутые ею за послѣдніе двадцать пять лѣтъ. Въ такомъ случаѣ Россіи придется содержать постоянную армію въ 800 тысячъ человѣкъ въ Манчжуріи, готовую выступить по первому требованію, и удвоить свой военный и морской бюджетъ. Но этого мало. Россіи придется перенести центръ всѣхъ своихъ силъ на Дальній Востокъ и постоянно ослаблять рессурсы своихъ центральныхъ областей въ пользу своихъ окраинъ. Однако, теперь, когда Россія лишила флота свои балтійскіе берега, лишила солдатъ свои западныя границы, когда сундуки государства начинаютъ пустѣть, населеніе обѣднѣло, общественный кредитъ падаетъ и общественное мнѣніе выказываетъ все болѣе враждебное настроеніе, — голоса, призывающіе къ миру, могутъ пролить бальзамъ на раны и къ нимъ начнутъ прислушиваться тѣ, кто въ данный моментъ отворачивается отъ такихъ рѣчей. Тѣ русскіе публицисты, которые находятъ, что никакія жертвы не могутъ быть велики для поддержанія престижа страны, основываютъ свои розовыя надежды на томъ, что Россія можетъ послать милліонъ солдатъ, тогда какъ дѣйствующія силы японскаго войска не превышаютъ 600.000. Но что касается японскихъ рессурсовъ, то всѣ подобные разсчеты построены на такихъ же шаткихъ основаніяхъ, какъ и тѣ, которые высказывались семь-восемь мѣсяцевъ тому назадъ. Ея сила и слабость извѣстны только ей одной. Однако, ни для кого не составляетъ тайны, что она можетъ выставить въ будущемъ году по крайней мѣрѣ 240.000 человѣкъ, начавшихъ свою военную службу въ 1903 г., не говоря уже о національной гвардіи новѣйшей формаціи. Словомъ, еще въ теченіе 18 мѣсяцевъ равновѣсіе континентальныхъ силъ врядъ ли будетъ нарушено, такъ какъ Россія, несмотря на усиленіе перевозочныхъ средствъ, все-таки не можетъ отправлять на театръ военныхъ дѣйствій больше 35.000 человѣкъ въ мѣсяцъ. По мѣрѣ того какъ идетъ время, условія восточно-азіатской проблемы измѣняются и въ нее вступаютъ новые факторы, съ которыми нельзя не считаться. Захочетъ ли Россія подвергать себя риску, какъ внѣшнему, такъ и внутреннему, который неминуемо повлечетъ за собою такая истребительная война, или же она воспользуется какимъ-нибудь благопріятнымъ оборотомъ, который доставитъ ей успѣхъ въ правильномъ сраженіи, и заключитъ свой споръ со своимъ грознымъ врагомъ?»

Журналъ «La Revue» помѣщаетъ статью японскаго профессора изъ Кіото, Одаки Гото, считающагося авторитетомъ по финансовымъ вопросамъ, посвященную обсужденію финансоваго положенія Японіи. Профессоръ Гото приводитъ статистическія таблицы, которыя должны разсѣять ложное мнѣніе, господствующее насчетъ японскихъ финансовъ, распространяемое тѣми самыми пророками, которые нѣкогда утверждали, будто Японія не можетъ выставить болѣе 150.000 войска. Изъ этихъ таблицъ видно, что производство риса, этой основной пищи японцевъ, возрастало вмѣстѣ съ ростомъ населенія въ теченіе того періода, когда совершалось превращеніе Японіи изъ чисто земледѣльческой страны въ торговое и промышленное государство. Затѣмъ таблицы указываютъ на замѣчательно быстрое развитіе фабрикъ, желѣзныхъ дорогъ, торговаго судоходства и какъ внутренней, такъ и внѣшней торговли Японіи. Экономическая дѣятельность Японіи выражается въ цифрахъ операцій ликвидаціонной конторы, которыя возросли съ 253.000.000 іенъ въ 1894 г. до 3.587.000.000 іенъ въ 1903 г. Внѣшняя торговля Японіи за этотъ періодъ времени почти утроилась.

Ростъ капитала встрѣчаетъ очень благопріятныя условія въ такой новой странѣ и это можно прослѣдить на операціяхъ японскаго банка. Крестьянство и рабочіе классы имѣютъ свою долю въ процвѣтаніи страны. Добавочное обложеніе плательщиковъ податей равняется всего лишь одной пятой обычнаго бюджета, покрытіе двухъ третей военныхъ расходовъ займами, по словамъ профессора, вполнѣ обезпечено. Онъ особенно подчеркиваетъ тотъ фактъ, что значительная часть этихъ займовъ была помѣщены въ Японіи и что экономическая жизнь страны, ея внутренняя и внѣшняя торговля не нарушаются въ своемъ нормальномъ теченіи. Къ концу сентября въ японскомъ банкѣ еще оставался достаточный золотой резервъ и въ ростѣ банковыхъ оборотовъ не замѣчается никакого ущерба, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ доказанное превосходство японскихъ морскихъ силъ обезпечиваетъ сношенія съ японскими портами. Въ виду всѣхъ этихъ данныхъ и замѣчательно хорошаго урожая риса въ этомъ году, профессоръ Гото находитъ, что японскому правительству не зачѣмъ прибѣгать къ внѣшнимъ займамъ, такъ какъ оно обладаетъ вполнѣ достаточными внутренними рессурсами. Бремя бюджета, утроившагося за послѣднее десятилѣтіе, не составляетъ чрезмѣрной тяжести для страны, гдѣ населеніе увеличивается на 10 процентовъ въ десятилѣтній періодъ времени, гдѣ внѣшняя торговля возросла втрое за послѣднее десятилѣтіе, крестьяне продаютъ свои продукты вдвое дороже, чѣмъ прежде, и заработокъ рабочихъ также увеличился вдвое, не говоря уже о фабрикантахъ и капиталистахъ, барыши которыхъ сильно возросли.

Поль Луи обсуждаетъ въ «Revue Bleue» эволюцію англійскаго трэдъ-юніонизма. Онъ говоритъ, что рабочій классъ въ Англіи переживаетъ очень серьезный кризисъ, важныя послѣдствія котораго не замедлятъ въ скоромъ времени обратить на себя вниманіе. Въ теченіе многихъ лѣтъ рабочій классъ исключительно занимался только развитіемъ синдикальной дѣятельности и взаимо-

помощи, систематически уклоняясь отъ всякихъ политическихъ вопросовъ, теперь же они переходятъ къ политической дѣятельности, и эта внезапная эволюція рабочаго класса начинаетъ сильно озабочивать двѣ главныя политическія партіи въ Англіи, консерваторовъ и либераловъ, оспаривающихъ другъ у друга благосклонность общественнаго мнѣнія. Благодаря отреченію рабочихъ отъ политической дѣятельности, эти партіи привыкли смотрѣть на себя, какъ на руководителей страны, надъ которою они господствовали попеременно. Въ Англіи рабочихъ насчитываются милліоны въ трехъ главныхъ отрасляхъ британской промышленности (горнорабочей, бумагопрядильной и металлургической) и поэтому, даже при отсутствіи всеобщаго голосованія, число рабочихъ, обладающихъ правомъ голоса, настолько велико, что оно можетъ произвести настоящій переворотъ въ обычной парламентской классификаціи.

Британскій трэдъ-юніонизмъ постоянно противопоставлялся экономистами континентальному соціализму. Хвалили благоразуміе, умѣренность и тактъ англійскихъ синдикальныхъ рабочихъ. Англія, въ самомъ дѣлѣ, не знала до сихъ поръ соціальной борьбы, которая два раза разражалась во Франціи, ни кровавыхъ столкновеній, возникавшихъ въ Италіи и Испаніи, ни постоянной угрозы, которою является бельгійская рабочая партія и германская соціалъ-демократія. Трэдъ-юніонисты требовали только болѣе возвышенной заработной платы, сокращенія рабочихъ дней, гигіеническихъ мѣропріятій и т. п. Они то вели переговоры съ патронами относительно коллективныхъ контрактовъ, доставляющихъ гарантіи промышленности, то объявляли стачку для подкрѣпленія своихъ требованій, отвергая всякое насиліе. Случалось, что они организовывали все-таки легальную агитацію, чтобы добиться какого-нибудь покровительственнаго закона, но вообще они были противъ всякаго переворота. Даже возникновеніе «новаго юніонизма», сгруппировавшаго другихъ рабочихъ, не обученныхъ, доковыхъ и др., нисколько не измѣнило настроенія синдикальныхъ рабочихъ. Идея классовой борьбы была принята въ Англіи лишь небольшими группами рабочихъ, оставаясь научною теоріей, не способной распространяться и вліять на массы. Замѣчательно, что именно въ той странѣ, гдѣ Марксъ изучилъ экономическое превращеніе XIX-го вѣка и наблюдалъ вблизи явленія, руководящія промышленною эволюціей, его идеи имѣли наименьшій успѣхъ. Въ Лондонѣ и Бирмингэмѣ, Манчестерѣ и Глазго его ученіе наталкивалось на громадныя препятствія, въ то время какъ вездѣ, въ другихъ мѣстахъ, въ Германіи, Австріи, Россіи, Италіи, Франціи, Голландіи, Швейцаріи и Бельгіи оно все больше пріобрѣтало сторонниковъ. Зависѣло ли это отъ характера историческаго развитія англійскаго народа, отъ особенностей его интеллекта и его логическаго метода—вопросъ открытый. Во всякомъ случаѣ до сихъ поръ трэдъ-юніонизмъ уклонялся отъ всякой системы, имѣющей въ виду отдаленные результаты, и ограничивался только непосредственной практическою дѣятельностью. Но теперь это измѣнилось. Рабочій классъ организуется съ цѣлью занять свое законное мѣсто въ палатѣ общинъ и отказывается отъ своего прежняго политическаго индиферентизма. Причины такой эволюціи, которая зай-

метъ свое мѣсто въ исторіи, можно, по мнѣнію Поля Луи, раздѣлить на двѣ категоріи. Съ одной стороны, тутъ дѣйствовали всякаго рода преслѣдованія, прямыя и косвенныя нападки на корпоративныя организаціи и цѣлая юриспруденція, имѣющая цѣлью подавить дѣятельность ассоціаціи; съ другой—тяжелое бремя, обрушившееся на плечи народа благодаря торжеству имперіализма и всѣ связанныя съ этимъ бѣдствія. Во всякомъ случаѣ вѣковая политика, британскаго парламента должна будетъ въ скоромъ времени ощутить на себѣ вліяніе этой эволюціи.

Къ концу XIX-го вѣка синдикальные рабочіе составляли уже одну изъ величайшихъ рабочихъ организацій въ цѣломъ мірѣ. Начиная съ 1875 г., персоналъ рабочихъ синдикатовъ, ихъ рессурсы и дѣятельность продолжали возрастать почти въ математической прогрессіи. Въ 1903 г. число синдикальныхъ рабочихъ достигло 1.950.000 и на каждомъ конгрессѣ трэдъ-юніоновъ, собиравшемся ежегодно (послѣдній происходилъ въ Лидсѣ), на которомъ присутствовали делегаты всѣхъ провинцій, всякій разъ заявлялось о постоянномъ и правильномъ ростѣ синдикатовъ. Но трэдъ-юніонизмъ обладаетъ не только дисциплинированною арміей; у него есть и военный фондъ, и для полученія понятія объ его финансовомъ могуществѣ достаточно вспомнить, что съ 1892 по 1893 г. годовой доходъ 100 главныхъ рабочихъ союзовъ возросъ съ 36 до 53 милліоновъ, а резервный фондъ—съ 32 до 109 милліоновъ. Обладая такими громадными рессурсами, трэдъ-юніонизмъ, сохранявшій до сихъ поръ свой консервативный характеръ, явится чрезвычайно важнымъ факторомъ въ политической жизни страны, какъ только онъ захочетъ сказать свое слово.

НАУЧНЫЙ ФЕЛЬЕТОНЪ.

I.

Физика, химія и метеорологія.

Лучеиспусканіе въ солнечной системѣ. На основаніи новѣйшихъ работъ Рубенса, Люммера и Курлбаума въ области изученія лучей съ большою длиною волны и лучеиспусканія черныхъ поверхностей, англійскій ученый *Пойнтингъ* (Poynting) приходитъ къ ряду чрезвычайно интересныхъ выводовъ относительно лучеиспусканія въ солнечной системѣ. Этому предмету посвящена лекція Пойнтинга, прочтенная имъ на послѣднемъ собраніи британской ассоціаціи наукъ въ Кэмбриджѣ.

Авторъ останавливается, прежде всего, на послѣднихъ работахъ въ этой области Курлбаума, касающихся опредѣленія дѣйствительныхъ количествъ энергіи, которыя испускаются черными поверхностями. Количества энергіи, которыя испускаются 1 кв. сантиметромъ черной или совершенно лучеиспускающей поверхности, выражаются, по Курлбауму, слѣдующей таблицей:

При абсолютныхъ температурахъ:	Испускается калорій въ теченіе 1 сек.
0°	0,0
100° (t° кипѣнія воздуха)	0,000127
300° (t° земной поверхности)	0,0103
1000 (t° краснаго каленія)	1,27
3000 (t° дуговой лампы)	103
6000	1650
6250	1930

Иллюстрируя законъ Стефана относительно лучеиспусканія (такъ называемый законъ четвертой степени) *), авторъ старается опредѣлить возможную температуру солнца, въ томъ случаѣ, если исходить изъ допущенія, что солнце является совершеннымъ лучеиспускателемъ, т.-е., что его охлажденная поверх-

*) По закону Стефана лучеиспусканіе тѣла пропорціонально 4-ой степени его абсолютной температуры; потеря теплоты тѣла выражается по этому закону формулою $A (T^4 - T_1^4)$, гдѣ T—абсолютная температура даннаго тѣла и T_1—температура окружающихъ тѣлъ. Абсолютныя температуры отсчитываются отъ абсолютнаго нуля, который обозначаетъ температуру *минусъ* 273° по скалѣ Цельзія.

ность будетъ совершенно черною. Можно приблизительно измѣрить потокъ энергіи, посылаемый солнцемъ, если перехватить пучокъ лучей, падающихъ на какую-нибудь поверхность, измѣрить количество теплоты, получаемое этой поверхностью въ 1 секунду, и вычислить, какую долю всей массы потока составляетъ разсматриваемый нами пучокъ. Это и было сдѣлано впервые Пулье и его методъ можетъ служить иллюстраціей для всѣхъ другихъ методовъ подобнаго рода измѣреній. Въ его аппаратѣ солнечный свѣтъ падаетъ на коробку, наполненную водой, причемъ скоростью нагрѣванія воды опредѣляется энергія потока солнечныхъ лучей, попадающихъ на коробку. Несмотря на простоту опыта, эти опредѣленія связаны съ огромными трудностями. Главная изъ этихъ трудностей заключается въ опредѣленіи доли энергіи солнечнаго лучеиспусканія, которая поглощается атмосферой. До сихъ поръ мы не въ состояніи съ достаточной точностью опредѣлить это количество. Фактически мы еще не можемъ сказать, составляетъ ли истеченіе энергіи солнца величину постоянную или величина эта подвержена колебаніямъ. Съ большею вѣроятностью можно допустить послѣднее предположеніе, и проф. Лэнглей, много лѣтъ работающій надъ этимъ вопросомъ, получилъ недавно новые доказательства, подтверждающія это предположеніе. Мы можемъ, однако, допустить, что потокъ солнечныхъ лучей, падающій перпендикулярно на площадку въ 1 кв. сантиметръ, находящуюся на границѣ земной атмосферы, можетъ нагрѣть приблизительно 1 граммъ воды въ теченіе 1 секунды на $^1/_{24}{}^0$ Ц., т.-е., другими словами, этотъ потокъ энергіи даетъ $^1/_{24}$ калоріи въ секунду.

При такихъ условіяхъ и при допущеніи, что солнце есть совершенный лучеиспускатель, температура его излучающей поверхности будетъ равна 6.000° Ц., и есть основаніе полагать, что вышеуказанное допущеніе будетъ недалеко отъ истины. Постараемся дать иллюстрацію для закона 4-й степени.

Допустимъ, что небольшой черный шаръ, хорошій проводникъ тепла, выставленъ на солнечный свѣтъ на такомъ разстояніи отъ солнца, какъ земля. Допустимъ, что, въ среднемъ, поверхность его равна 1 квадр. сант. и что, слѣдовательно, количество получаемой имъ лучистой теплоты будетъ равно $^1/_{24}$ калоріи. При этихъ условіяхъ взятое нами тѣло достигнетъ очень скоро такой температуры, при которой оно будетъ отдавать и получать одинаковое количество теплоты, и такъ какъ поверхность тѣла незначительна, то теплота эта быстро распространится по всѣмъ его частицамъ, такъ что температура его вскорѣ будетъ вездѣ одинакова. Но поверхность шара съ экваторіальнымъ сѣченіемъ въ 1 квадр. сантиметръ равняется 4 квадрат. сантиметрамъ, такъ что каждый квадратный сантиметръ такого шара будетъ отдавать $^1/_{96} = 0{,}0104$ калорій въ одну секунду. Изъ вышеприведенной таблицы видно, что это фактически отвѣчаетъ абсолютной температурѣ приблизительно въ 300° абсолютн. или 27° Ц. Слѣдуетъ замѣтить, что это справедливо лишь по отношенію къ небольшому круглому тѣлу. Плоская пластинка, выставленная на солнце, нагрѣется на 60° Ц. больше, тогда какъ если эта пластинка обращена ребромъ къ солнцу, она будетъ значительно холоднѣе.

Посмотримъ теперь, какова будетъ температура небольшого чернаго шара

при другихъ разстояніяхъ отъ солнца. Не трудно видѣть, что, такъ какъ количество получаемой и отдаваемой теплоты обратно пропорціонально квадрату разстоянія отъ ея источника, температура, по закону четвертой степени, должна измѣняться какъ квадратные корни изъ разстояній. Слѣдующая таблица указываетъ на измѣненія температуръ небольшого чернаго шара, подвергнутаго дѣйствію солнечныхъ лучей на различныхъ разстояніяхъ отъ солнца.

Разстоянія отъ центра солнца.	Температуры въ градусахъ Цельзія.
$3^3/_4$ милліоновъ миль	1200° (температура плавленія чугуна).
23 » »	327° (почти темпер. плавлен. свинца).
На разстояніи планеты Меркурія .	21° (почти темпер. плавлен. олова).
Венеры . .	85° (темпер. кипѣнія спирта).
Земли . . .	27° (темпер. теплаго лѣтняго дня).
Марса . . .	—30° (полярный холодъ).
Нептуна . .	—219° (темпер. затвердѣванія азота).

Изъ этой таблицы мы видимъ, что температура на разстояніи земли отъ солнца удивительно приближается къ средней температурѣ земной поверхности, которая обыкновенно опредѣляется въ 16° Ц. Въ этомъ нельзя видѣть лишь случайное совпаденіе. Количество теплоты, получаемой земною поверхностью извнутри, какъ намъ извѣстно, безконечно ничтожно по сравненію съ количествомъ теплоты, получаемымъ отъ солнца, и, слѣдовательно, въ этомъ отношеніи мы зависимъ отъ солнца. Земля достигла на самомъ дѣлѣ такой температуры, при которой она излучаетъ въ пространство все, что получаетъ отъ солнца. Земля слишкомъ велика для того, чтобы распространеніе теплоты черезъ теплопроводность могло играть серьезную роль въ уравненіи температуръ различныхъ областей земного шара,—но вращеніе земли около оси обезпечиваетъ почти равномѣрную температуру въ предѣлахъ одной и той же широты, тогда какъ движенія атмосферы стремятся уравнять температуру и между различными широтами. Поэтому мы можемъ ожидать, что земля, въ среднемъ должна обладать температурою небольшого чернаго тѣла, находящагося на одинаковомъ съ нею разстояніи отъ солнца, или лишь немного меньшею, такъ какъ она отражаетъ часть солнечныхъ лучей; и, дѣйствительно, мы находимъ, что разница не превышаетъ 10°. Профессору Вину (Wien) принадлежитъ первому мысль, что дѣйствительная температура земли близка къ той, какая выводится теоретически изъ закона 4-й степени.

Слѣдующая таблица даетъ среднія температуры поверхностей 4-хъ первыхъ планетъ при допущеніи, что эти планеты во всѣхъ отношеніяхъ подобны землѣ.

Таблица температуръ для планетъ, сходныхъ съ землею:

Меркурій.	196°	Цельзія
Венера	79°	»
Земля.	17°	»
Марсъ	— 38°	»

Наиболѣе интересною въ данномъ случаѣ представляется планета Марсъ. Какъ извѣстно, планета эта обладаетъ почти одинаковою съ землею продол-

жительностью дня. Ея ось лишь немного болѣе наклонена къ эклиптикѣ, чѣмъ ось земли; Марсъ обладаетъ и нѣкоторою атмосферою. Поэтому въ высшей степени трудно допустить, чтобы средняя температура Марса могла значительно отклоняться отъ — 38° Ц. Атмосфера Марса, повидимому, болѣе проницаема, такъ что его дневная температура должна быть выше, но зато ночная температура—ниже, но даже его наивысшая экваторіальная температура не должна значительно превышать среднюю цифру (— 38° Ц.). При нѣкоторыхъ допущеніяхъ можно найти, что температура Марса должна быть не выше —20° Ц. Трудно допустить поэтому, чтобы полярныя пятна Марса представляли замерзающую зимнюю воду, которая лѣтомъ образуетъ каналы и рѣки. Если Марсъ не отличается рѣзко отъ нашей планеты, то на всей поверхности его должна господствовать температура ниже точки замерзанія.

Отъ чисто температурнаго дѣйствія лучеиспусканія перейдемъ теперь къ другому порядку явленій,—явленіямъ, которыя обусловливаются давленіемъ лучеиспусканія.

30 слишкомъ лѣтъ тому назадъ, Клэркъ Максуэлль показалъ, что, на основаніи его электромагнитной теоріи свѣта, свѣтовые и подобные имъ лучи должны оказывать давленіе на поверхность, которую они встрѣчаютъ на своемъ пути. Обратно, такое же давленіе должно обнаруживаться и на поверхности, отъ которой отражаются лучи или изъ которой они исходятъ, какъ изъ источника; величина этого давленія будетъ равна энергіи, заключающейся въ одномъ кубическомъ сантиметрѣ потока лучистой энергіи. Существованіе этого давленія было доказано нѣсколько лѣтъ тому назадъ блестящими и совершенно независимыми опытами, съ одной стороны, Лебедева и съ другой—Никольса и Хёлля (Nichols and Hull), причемъ свѣтовые лучи приводили въ колебательное движеніе тонкія слюдяныя пластинки, помѣщенныя въ безвоздушномъ пространствѣ. При этомъ были найдены величины давленія, близкія къ тѣмъ, которыя вытекали изъ теоріи Максуэлля. Опыты, недавно повторенные Никольсомъ и Хёллемъ, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что это давленіе существуетъ и что величина его близка къ указанной Максуэллемъ.

Такимъ образомъ, лучи, испускаемые солнцемъ, не представляютъ собою только потока энергіи, а также и потокъ давленія, который давитъ на небесныя тѣла, лежащія на его пути. Такъ какъ потокъ этотъ при такихъ столкновеніяхъ ослабляется пропорціонально квадратамъ разстояній, то вслѣдствіе этого и величина давленія на данную поверхность выражается тѣмъ же закономъ.

Мы знаемъ, что энергія, заключающаяся въ 1 куб. сант. солнечнаго свѣта на разстояніи земли отъ солнца и переносящаяся со скоростью свѣта, можетъ доставить $^1/_{24}$ калоріи въ 1 секунду. Отсюда легко вычислить, что на всю поверхность земли будетъ приходиться только 70.000 тоннъ этого давленія, тогда какъ солнце притягиваетъ землю съ силою 3 милліоновъ билліоновъ тоннъ. Это приводитъ насъ къ вопросу объ отношеніи между давленіемъ лучистой энергіи и силой притяженія. Первое дѣйствуетъ на поверхность и про-

порціонально этой поверхности, тогда какъ второе проникаетъ черезъ поверхность и дѣйствуетъ на каждый граммъ всего объема вещества. Если бы мы могли раздѣлить землю на 8 равныхъ шаровъ то каждый изъ нихъ имѣлъ бы діаметръ, равный половинѣ діаметра земного шара, и поверхность, равную четверти его поверхносги. Такимъ образомъ, всѣ эти восемь шаровъ представляли бы поверхность въ два раза большую поверхности земного шара. Давленіе лучистой энергіи, испытываемое землею въ этомъ случаѣ, слѣдовательно, удвоилось бы, тогда какъ сила притяженія осталась бы прежнею. Дѣля далѣе каждый изъ восьми шаровъ на 8 равныхъ частей, мы учетверили бы величину давленія лучистой энергіи, тогда какъ сила притяженія снова осталась бы безъ измѣненія.

Продолжая этотъ процессъ, мы, очевидно, могли бы, наконецъ, получить маленькіе шары, общая поверхность которыхъ была бы настолько велика, что давленіе лучистой энергіи на нее могло бы придти въ равновѣсіе съ силою испытываемаго ею притяженія. Простое вычисленіе показываетъ, что такое равновѣсіе наступило бы въ томъ случаѣ, если бы земля была раздѣлена на шарики съ діаметромъ въ $^1/_{40000}$ сантиметра каждый. Другими словами, шарикъ съ діаметромъ въ $^1/_{40000}$ сант., обладающій одинаковой съ землею плотностью, не будетъ ни притягиваться, ни отталкиваться солнцемъ. Равновѣсіе это было бы дѣйствительнымъ для всѣхъ разстояній нашего шарика отъ солнца, такъ какъ обѣ силы варіируютъ съ разстояніемъ въ одинаковомъ направленіи. Такого же эффекта можно было бы достигнуть, если превратить земной шаръ въ тончайшую шарообразную оболочку съ радіусомъ, величина котораго была бы въ 4 раза больше разстоянія Нептуна отъ солнца:—отталкивающая сила солнечного свѣта, падающаго на эту поверхность, уравновѣсила бы силу притяженія солнца и эти небесныя тѣла не притягивались бы другъ къ другу. При дальнѣйшемъ дробленіи земли отталкиваніе превышало бы силу притяженія и частички стали бы удаляться отъ солнца.

Здѣсь возникаютъ нѣкоторыя интересныя соображенія относительно кометныхъ хвостовъ, на которыя уже обращали вниманіе Бойсъ и Лебедевъ. Можно представить, что ядро кометы состоитъ изъ небольшихъ метеоритовъ; когда они проходитъ вблизи солнца, то нагрѣваются, въ нихъ происходятъ взрывы и легкая, невидимая до того пыль дѣлается замѣтной. Если пыль эта достаточно мелка, то давленіе лучистой энергіи превышаетъ силу притяженія, заставляетъ эту пыль удаляться отъ солнца, и мы замѣчаемъ ее въ хвостѣ кометы.

Но оставимъ это пока въ сторонѣ и разсмотримъ вопросъ съ другой точки зрѣнія.

Снова вернемся къ нашимъ маленькимъ чернымъ шарамъ, имѣющимъ въ поперечномъ разрѣзѣ 1 кв. сант. и 1,13 сант. въ діаметрѣ, съ плотностью, равной плотности земного шара. При этомъ сила притяженія будетъ въ 42.000 разъ больше давленія лучистой энергіи.

Разсмотримъ теперь вліяніе величины тѣла, испускающаго лучистую энергію. Представимъ поперечникъ солнца вдвое меньше, тогда масса его уменьшится

въ 8 разъ, поверхность же въ 4 раза; сила притяженія уменьшится въ 8 разъ, сила же давленія лучистой энергіи въ 4. Слѣдовательно, сила притяженія будетъ только въ 21.000 разъ больше силы давленія лучистой энергіи. Если же еще разъ уменьшить діаметръ солнца вдвое, тогда притяженіе будетъ только въ 10.500 разъ больше давленія. Если, однимъ словомъ, представить себѣ солнце такое же горячее, какъ и наше, но только имѣющее всего 30 верстъ въ діаметрѣ, то такое солнце будетъ отталкивать тѣла меньше 1 сан. въ діаметрѣ и будетъ удерживать лишь болѣе крупныя. Но такое солнце должно имѣть меньшую температуру, чѣмъ 6.000°. Допустимъ, что температура его ниже въ 20 разъ, т.-е. 300° абсол.; тогда излученіе уменьшится въ 20^4 разъ, т.-е. въ 160.000 разъ, а діаметръ уменьшится до $^1/_{160.000}$ отъ 30 верстъ, иначе говоря, до 20 сантим.; въ такомъ случаѣ излученіе и притяженіе останутся въ равновѣсіи. Можно легко показать, что 2 одинаковыхъ шара, имѣющіе плотность и температуру земли, не будутъ ни притягиваться, ни отталкиваться, если ихъ діаметръ достигаетъ приблизительно 8,6 сант. (т.-е. шары эти имѣютъ величину крикетнаго шара). Примѣняя все сказанное къ метеоритамъ, можно понять, почему мелкіе метеориты обладаютъ способностью скапливаться въ одномъ мѣстѣ. Если ихъ величина не превышаетъ величины крикетнаго шара, они не вращаются другъ около друга. Если они еще меньше, они стремятся удалиться другъ отъ друга и разсѣяться.

Въ заключеніе нужно обратить вниманіе еще на одно очень важное дѣйствіе давленія лучистой энергіи. Представимъ себѣ покоющійся въ пространствѣ шаръ; исходящіе изъ него во всѣ стороны лучи производятъ давленіе на его собственную поверхность. Очевидно, что всѣ эти давленія, равныя и противоположныя, другъ друга уравновѣшиваютъ.

Представимъ теперь, что шаръ начинаетъ двигаться, тогда впереди его испускаемая имъ энергія какъ бы скапливается и, слѣдовательно, производитъ на переднюю часть поверхности шара уже нѣсколько большее давленіе. Съ другой стороны, энергія, испускаемая задней половиной шара, частью увлекаясь имъ при его движеніи впередъ, какъ бы нѣсколько разрѣжается; вслѣдствіе чего давленіе, производимое ею на заднюю половину шара, оказывается нѣсколько меньшимъ, чѣмъ тогда, когда шаръ былъ въ покоѣ. Въ результатѣ мы имѣемъ нѣкоторую задерживающую силу, вродѣ тренія, которая постоянно стремится уменьшить скорость шара. Подсчетъ показываетъ, что величина этой силы, задерживающей движеніе нашего земного шара, достигаетъ 20 килогр.; это вполнѣ ничтожная величина. Дѣйствіе ея скажется болѣе ощутительнымъ образомъ развѣ черезъ билліоны лѣтъ. Однако, если бы наша земля уменьшилась до величины пылинки въ $^1/_{1000}$ сант. въ діаметрѣ, тогда дѣйствіе этой задерживающей силы, дало бы себя знать уже черезъ столѣтіе. Все дѣло, такимъ образомъ, зависитъ отъ величины.

Представимъ себѣ, что отъ земли во время ея движенія оторвалась пылинка. Она продолжаетъ движеніе земли, нагрѣвается солнцемъ и сама испускаетъ лучи, но ея движенію препятствуетъ задерживающая сила и солнце начинаетъ притягивать ее къ себѣ, вслѣдствіе чего скорость движенія увеличивается, а

также и сопротивленіе одновременно съ этимъ, повышается температура пылинки, что еще болѣе увеличиваетъ сопротивленіе. Пылинка описываетъ все болѣе и болѣе быстро спирали и, наконецъ, падаетъ на солнце.

Такимъ образомъ, солнце само очищаетъ пространство отъ метеорной пыли. Если частицы слишкомъ малы, оно отталкиваетъ ихъ въ пространство, если же онѣ побольше, оно притягиваетъ ихъ къ себѣ. Можетъ быть, въ этомъ кроется причина такъ называемаго зодіакольнаго свѣта, широкаго кольца свѣтящейся пыли, которое распространяется отъ солнца далеко за орбиту земли.

Къ вопросу о радіоактивности. За 9 мѣсяцевъ, прошедшихъ съ послѣдняго нашего фельетона (мартъ 1904 г.), въ которомъ мы говорили о радіоактивности, не было добыто новыхъ интересныхъ фактовъ въ этой области, но появились нѣкоторыя теоретическія соображенія. Мы остановимся на наиболѣе интересномъ изъ нихъ—на статьѣ недавно скончавшагося извѣстнаго нѣмецкаго химика Клеменса Винклера, помѣщенной имъ въ «Berichte der Deutschen Chemischen Gesellschaft» (Bd. II. 1904.).

Химическая сторона вопроса о радіоактивныхъ веществахъ, говоритъ Винклеръ, разрабатывалась до сихъ поръ далеко не съ такою тщательностью, какъ то дѣлается вообще при установленіи химической природы вновь открытыхъ элементовъ. Объясняется это какъ трудностью химическаго изслѣдованія столь незначительныхъ количествъ чистаго вещества, имѣвшихся подъ руками въ данномъ случаѣ, такъ и исключительнымъ интересомъ къ своеобразному и загадочному явленію радіоактивности.

Въ результатѣ—развѣ объ одномъ только радіи мы можемъ въ настоящее время сказать съ большею или меньшею увѣренностью, что онъ представляетъ самостоятельный химическій элементъ. Для полученія радія изъ сырого матеріала, его содержащаго, примѣняется методъ такъ называемаго фракціонированія; аналитическимъ признакомъ радія является только характерный для него спектръ, но соединенія радія достаточно точно не изслѣдованы и до сихъ поръ не извѣстно опредѣленныхъ, характерныхъ для него реакцій. Для признанія радія въ качествѣ самостоятельнаго элемента рѣшающее значеніе имѣетъ его высокій атомный вѣсъ, заставляющій помѣстить его, при всемъ его сходствѣ съ баріемъ, какъ особый членъ въ группу щелочноземельныхъ металловъ.

Радіосвинецъ въ химическомъ отношеніи былъ подробнѣе изслѣдованъ, чѣмъ радій; при этомъ оказалось, что его реакціи не отличаются существенно отъ реакцій обыкновеннаго свинца. Правда, для атомнаго вѣса радіосвинца найдена была значительно бо́льшая величина (260,2, между тѣмъ какъ атомный вѣсъ свинца 208), но правильность этого опредѣленія (по содержанію SO_4 въ сульфатѣ) сомнительна, такъ какъ удаленіе избытка сѣрной кислоты изъ сульфата производилось не прокаливаніемъ, а только сушеніемъ при 400—420°. Вообще столь замѣчательныя изслѣдованія о радіоактивности веществъ въ ихъ химической части оставляютъ желать многаго. Даже результаты фракціонированія нужно принимать съ осторожностью, потому что они легко даютъ поводъ къ ошибочнымъ заключеніямъ. Такъ, въ періодъ особеннаго увлеченія

спектральнымъ анализомъ очень серьезно думали, что удалось разложить кальцій, когда фракціоннымъ осажденіемъ раствора хлористаго кальція достигли въ одной изъ полученныхъ фракцій исчезновенія зеленой линіи въ его спектрѣ. Прроизошло ли нѣчто подобное и при фракціонной обработкѣ радіоактивныхъ веществъ, конечно, сказать мы не можемъ. Но мы можемъ спросить, справедливо ли вообще предполагать существованіе въ веществѣ новаго элемента только потому, что оно радіоактивно. Было бы очень странно, если бы каждый изъ многочисленныхъ до сихъ поръ извѣстныхъ элементовъ, у которыхъ обнаружена радіоактивность, содержалъ новый элементъ-спутникъ, владѣющій, повидимому, совершенно тѣми же химическими свойствами. Противъ такого предположенія говоритъ очень многое. Такъ, напр., уже простой обработкой воднаго азотно-кислаго урана эфиромъ, или дробной кристаллизаціей, или, наконецъ, дробнымъ разложеніемъ, при нагрѣваніи, этотъ урановый препаратъ В. Круксъ разлагалъ на двѣ части, активную и неактивную, не обнаруживающія никакой разницы въ химическомъ отношеніи. Извѣстны и другія подобныя же изслѣдованія.

Что касается якобы матеріальной эманаціи радіоактивныхъ «элементовъ», ихъ непостоянства, ихъ распаденія съ отщепленіемъ гелія и до распаденія самихъ элементовъ, то до сихъ поръ, по мнѣнію К. Винклера, мы не имѣемъ никакого доказательства въ пользу того, чтобы элементы высокаго атомнаго вѣса, къ которымъ причисляются также и золото, и платина, были полимерами элементовъ меньшей атомности и могли распадаться на эти послѣдніе.

Съ каждымъ днемъ становится все болѣе и болѣе яснымъ, что радіоактивность имѣетъ необыкновенно широкое распространеніе въ природѣ, и невольно возникаетъ вопросъ, не можетъ ли она быть чисто физическимъ процесссомъ, не вліяющимъ на химическія свойства вещества. Допустимо, быть можетъ, сравненіе радіоактивности съ магнитизмомъ магнитной желѣзной руды; подобно радіоактивности, и магнитизмъ повышается, переносится, по видимости исчезаетъ и появляется вновь; подобно ей, онъ представляетъ исходящее изъ вещества таинственное проявленіе энергіи; однако, никто не предполагаетъ въ магнитномъ желѣзнякѣ другого элемента, чѣмъ въ немагнитномъ желѣзномъ блескѣ.

Къ вопросу о метеорологическихъ изслѣдованіяхъ при помощи воздушныхъ змѣевъ и шаровъ-зондовъ. Извѣстный французскій мотеорологъ *Тиссеранъ-де-Боръ* (Tisserenc de Bort) недавно выпустилъ въ свѣтъ интересную кингу подъ заглавіемъ «Travaux de la station franco-scandinave de sondages aériens», посвященную метеорологическимъ наблюденіямъ, производившимся почти въ теченіе цѣлаго года въ Гальдъ (Hald), около Выборга (Данія).

Эти наблюденія производились при помощи воздушныхъ змѣевъ или воздушныхъ шаровъ-зондовъ съ конца іюля 1902 до мая 1903 г. Змѣи спускались на продолжительное время, достигавшее иногда до $26^1/_2$ часовъ.

Наблюдательная станція расположена въ пустынной мѣстности, покрытой верескомъ; на станціи имѣется электрическая лебедка для спуска змѣевъ, а на крышѣ ея прикрѣпленъ автоматически регистрирующій анемометръ *). Имѣются на станціи и приборы не только для чисто метеорологическихъ наблюденій, напр., пиргеліометръ Энгстрема для измѣренія солнечной инсоляціи.

Окрестности Выборга выбраны мѣстомъ для этой станціи потому, что, какъ показали метеорологическія карты копенгагенскаго метеорологическаго института, здѣсь, въ датской Ютландіи скрещивается очень большое число барометрическихъ депрессій. Эти депрессіи незначительнаго радіуса возвѣщаются обыкновенно поворотомъ нижняго вѣтра къ югу; этотъ поворотъ вѣтра идетъ снизу и достигаетъ затѣмъ областей, гдѣ расположены кучевыя облака, но верхнія воздушныя теченія не участвуютъ въ этомъ движеніи. Температуры воздуха, отмѣченныя шарами-зондами зимой, въ общемъ, не показываютъ значительнаго пониженія сравнительно съ соотвѣтственными температурами окрестностей Парижа; но крайне интересно громадное паденіе температуры (0°9 на 100 метровъ), а именно зарегистрированное на высотѣ 4.400 метровъ воздушнымъ шаромъ, пущеннымъ 15-го марта 1903, — 38° Ц.; воздушный шаръ, пущенный въ тотъ же день въ окрестностяхъ Парижа, указалъ на той же высотѣ всего—17°. 13-го марта того же года температура на той же высотѣ была одинакова (—16°) и въ окрестностяхъ Парижа и въ окрестностяхъ Выборга. Между тѣмъ, температура воздуха около поверхности земли отличалась въ эти два дня всего на 2 градуса.

Вышеприведенный фактъ является поразительнымъ примѣромъ того, еще недавно совершенно неизвѣстнаго, явленія, что измѣненіе темпереторы воздуха на нѣкоторой высотѣ рѣзче, чѣмъ около земли.

Наблюденія, произведенныя на станціи Гальдъ, при помощи воздушныхъ змѣевъ, позволяютъ придти къ выводу, что въ громадномъ, большинствѣ случаевъ, даже при относительно низкомъ атмосферномъ давленіи, скорость вѣтровъ, дующихъ съ юго-запада на сѣверо-востокъ, уменьшается на нѣкоторой высотѣ отъ поверхности земли; это уменьшеніе силы вѣтра происходитъ то постепенно, по мѣрѣ того, какъ возрастаетъ высота, то—вначалѣ вѣтеръ сохраняетъ свою силу, а въ нѣкоторыхъ слояхъ, особенно въ сосѣдствѣ съ пластами снѣга, сила вѣтра даже увеличивается, но затѣмъ, при дальнѣйшемъ повышеніи, наступаетъ внезапное пониженіе этой силы, настолько рѣзкое, что поднимающійся шаръ-зондъ останавливается въ своемъ движеніи кверху, задержанный полосой воздуха съ столь слабымъ вѣтромъ.

Нужно также отмѣтить, что часто значительное усиленіе вѣтра, грозившее порвать шнуры воздушныхъ змѣевъ, смѣняется такимъ покоемъ атмосферы, что змѣи не могутъ уже держаться въ воздухѣ и падаютъ на землю съ высоты болѣе чѣмъ 1.000 метровъ.

---

*) Анемометрами называются приборы, измѣряющіе силу вѣтра.

II.

Біологія и медицина.

Объ органахъ чувствъ у растеній. Не посвящая пока этому фундаментальному вопросу біологіи большой спеціальной статьи, мы все же хотимъ познакомить читателя съ самыми существенными чертами этой проблемы, придерживаясь, главнымъ образомъ, тѣхъ данныхъ, которыя приводитъ наиболѣе компетентный въ этой области ученый — проф. Габерландтъ въ своей рѣчи, сказанной на одномъ изъ общихъ собраній 76-го съѣзда нѣмецкихъ естествоиспытатей и врачей въ Бреславлѣ, въ сентябрѣ 1904 г.

Впродолженіи многихъ вѣковъ естествоиспытатели старались выяснить различіе между животными и растеніями, и только во второй половинѣ XIX-го вѣка возникло противоположное стремленіе; на первый планъ выступила общая біологія и главное вниманіе направилось постепенно на отысканіе не различій, а сходства и даже подобія въ организаціи міра животныхъ и растеній. Открытіе клѣточнаго строенія животныхъ и растительныхъ организмовъ было первымъ крупнымъ шагомъ въ этомъ направленіи; клѣточка и животнаго и растенія, обладаетъ одинаковыми основными свойствами, живая протоплазма клѣтки заключаетъ въ себѣ всѣ загадки бытія.

Основнымъ признакомъ каждаго животнаго служитъ его чувствительность; подобную же чувствительность начали мы замѣчать и у растеній (листъ мимозы, явленіе геліотропизма и т. п.).

Въ 1848 году Густавъ Фехнеръ издалъ очень интересную книгу «Нанна или духовная жизнь растеній» гдѣ фантазія переплетается съ научными данными; въ этой замѣчательной книгѣ Фехнеръ приписываетъ растеніямъ «богато развитую духовную жизнь». Въ послѣднія десятилѣтія XIX-го вѣка многіе физіологи растительной жизни сравниваютъ чувствительность растеній съ внутренними и внѣшними чувствами у животныхъ, а нѣкоторые даже отожествляютъ ихъ. Если растенія, подобно животнымъ, одарены способностью чувствовать, то у нихъ, конечно, должны быть и соотвѣтствующіе органы.

Въ этомъ году исполнилось столѣтіе одному очень важному открытію: въ 1804 году С. Эдварсъ открылъ присутствіе чувствительности шести маленькихъ щетинокъ на верхней сторонѣ листа *Dionaea muscipula.*

Это насѣкомоядное растеніе вмѣстѣ съ мимозой вывезено изъ Америки. Можно было бы предполагать, что подобное открытіе послужитъ толчкомъ для дальнѣйшихъ изысканій въ этомъ направленіи; но вышло не такъ—фактъ этотъ отмѣтили только какъ любопытное и странное явленіе. Тѣмъ не менѣе открытіе Эдварса послужило первымъ этапомъ на пути изслѣдованія органовъ чувствъ у растеній. Вторымъ этапомъ было открытіе Ч. Дарвина, что какъ въ животномъ, такъ и въ растительныхъ организмахъ мѣсто воспріятія раздраженія и мѣсто реагированія на него отдѣлены другъ отъ друга извѣстнымъ пространствомъ. Раздѣленіе это предполагаетъ, конечно, возможность передачи

воспринятаго раздраженія; фактическое доказательство этой передачи составляетъ третій этапъ. Эдуардъ Тэнгль (E. Tangl) впервые указалъ на тончайшія нѣжныя ниточки плазмы, соединяющія между собою сосѣднія клѣточки и проникающія внутрь ихъ; эти плазматическія нити имѣютъ сходство съ нервами животныхъ и, вѣроятно, передаютъ раздраженіе изъ одной клѣточки въ другую.

Задачу изученія органовъ чувствъ у растеній можно расчленить на нѣсколько частей. Первая часть состоитъ въ томъ, чтобы изучить строеніе, отправленія и распространеніе тѣхъ органовъ чувствъ у растеній, которые служатъ, въ тѣсномъ смыслѣ слова, для воспріятія механическихъ раздраженій и такимъ образомъ соотвѣтствуютъ органамъ осязанія у животныхъ.

У нѣкоторыхъ растеній внѣшнія раздраженія, напр., толчокъ, треніе, вызываютъ оборонительныя движенія, иногда настолько быстрыя, что Дюбуа-Реймондъ называлъ зеленыя хлорофильныя растенія «животнымъ съ высокоразвитыми органами». Весьма возможно, что всѣмъ извѣстная способность мимозы—складывать свои листья—служитъ защитою отъ нападенія насѣкомыхъ. При ненарушенной, нормальной чувствительности мимозы достаточно дотронуться до одного изъ ея волосковъ концомъ обыкновевной иголки, чтобы вызвать оборонительное движеніе. У основанія прямо стоящаго, довольно толстаго волоска съ одной стороны мы замѣчаемъ чувствительную подушечку, которая сильно сжимается, какъ только мы наклонимъ ворсинку. Такое же устройство чувствительной щетинки встрѣчается и у другого растенія—*Biophytum sensitivum.*

Крайне интересно подобное сходство въ строеніи чувствительныхъ щетинокъ у этихъ растеній, столь отдаленныхъ другъ отъ друга по мѣсту происхожденія (Южная Америка и тропическая Азія) и столь различныхъ по другимъ своимъ свойствамъ; это можно объяснить только тѣмъ, что одинаковыя потребности вызвали и одинаковое устройство соотвѣтствующаго органа.

Другое, тоже вполнѣ отвѣчающее своему назначенію, строеніе органа замѣчаемъ мы на чувствительныхъ щетинкахъ насѣкомоядныхъ растеній—*Dionaea muscipula* (мухоловка) и *Aldrovandia vesiculosa.*

Основаніе каждой изъ 6 щетинокъ листа Dionaea окружено рядомъ чувствительныхъ, богатыхъ плазмой, клѣточекъ; клѣточки эти играютъ роль какъ бы суставовъ. При каждомъ прикосновеніи къ щетинкѣ, служащей рычагомъ, чувствительныя клѣточки измѣняютъ свою форму, такъ какъ плазма, облегающая стѣнки этихъ клѣточекъ, при этомъ сильно сдавливается или растягивается. Чувствительныя щетинки *Aldrovandia* (маленькое насѣкомоядное плавающее водяное растеніе) принадлежатъ къ тому же типу.

Можно привести еще много примѣровъ, съ ясностью показывающихъ, что и въ растеніи наблюдается тотъ же, что и у животныхъ, основной принципъ построенія органовъ чувствъ, предназначенныхъ для воспріятія механическихъ раздраженій. Принципъ этотъ, по мнѣнію Габерландта, выражается въ концентраціи раздраженія: анатомическое строеніе данныхъ органовъ устроено

такъ, чтобы на механическое раздраженіе отвѣчало какъ можно скорѣе соотвѣтственное измѣненіе формы чувствительной плазмы и чтобы наибольшая часть общей интенсивности внѣшняго механическаго воздѣйствія направлялась къ соотвѣтсвующимъ мѣстамъ чувствительныхъ клѣтокъ.

Очень разнообразны движенія, вызываемыя механическими раздражителями у различныхъ органовъ цвѣтка, особенно у тычинокъ. Въ природѣ движенія эти, въ большинствѣ случаевъ очень быстрыя, вызываются насѣкомыми. Почти всегда можно констатировать присутствіе чувствительныхъ органовъ въ тѣхъ частяхъ цвѣтка, до которыхъ дотрагиваются насѣкомыя, отыскивающія медъ или цвѣточную пыль. Способность реагировать на внѣшнія раздраженія существуетъ у каждаго растенія, но у большинства она находится въ рудиментарномъ состояніи и развивается только тамъ, гдѣ есть біологическая потребность въ ней.

Одной изъ существенныхъ жизненныхъ потребностей надо считать способность растенія оріентироваться въ пространствѣ и находить для своихъ отдѣльныхъ органовъ наиболѣе подходящее положеніе. Важнѣйшимъ средствомъ для этого оріентированія въ пространствѣ служитъ способность узнавать направленіе, по которому дѣйствуетъ сила тяготѣнія, и соотвѣтственнымъ образомъ размѣщать свои органы.

Обыкновенно способность эта извѣстна подъ именемъ *геотропизма*. Главные корни деревьевъ, растущіе внизъ по вертикальной линіи—положительно геотропичны, стволъ же, растущій вверхъ въ вертикальномъ направленіи,—отрицательно геотропиченъ.

Найтъ (Knight) уже въ 1806 г. нашелъ, что этотъ различно направленный геотропизмъ корня и стебля обусловленъ дѣйствіемъ тяжести. Когда онъ выращивалъ молодые проростки на быстро вращающемся колесѣ, то корень и стебель такого проростка измѣняли свое естественное направленіе, изгибались и располагались относительно направленія развивающейся при этомъ центробѣжной силы, такъ же, какъ при естественныхъ условіяхъ роста, они располагались относительно направленія силы тяжести. Такимъ образомъ стало ясно, что въ нѣкоторыхъ органахъ растенія (корень и стебель) сила тяжести вызываетъ спеціальное раздраженіе. Впослѣдствіи оказалось, что органъ, чувствительный къ дѣйствію силы тяжести (напр., кончикъ корня), обнаруживаетъ измѣненіе (напр., изгибъ кончика корня) только послѣ довольно продолжительнаго (15—20 минутъ) дѣйствія этой силы и эффектъ измѣненія зависитъ отъ продолжительности раздраженія; затѣмъ самое измѣненіе, въ данномъ случаѣ изгибъ корня, происходитъ не тамъ, гдѣ раздраженіе воспринимается и, слѣдовательно, нужно допустить и у растенія, какъ и у животнаго, проводимость раздраженія. Были открыты и другія аналогіи. Но до самаго послѣдняго времени неизвѣстенъ былъ у растеній органъ, который функціонировалъ у нихъ въ данномъ случаѣ, и только 3 года тому назадъ два ученыхъ—Немецъ и Габерландтъ—одновременно и независимо другъ отъ друга—выяснили вопросъ и съ этой стороны.

У низшихъ животныхъ органъ слуха служитъ также и органомъ воспрія-

тія движенія и перемѣщенія. Давленіе *статолитовъ* *) на чувствительныя части *статоцистъ* вызываетъ ощущеніе, указывающее, въ какомъ направленіи дѣйствуетъ сила тяготѣнія, и тѣмъ даетъ животному возможность удерживать равновѣсіе.

Нѣчто подобное происходитъ и у растеній. У высшихъ растеній каждая статоциста состоитъ изъ одной клѣточки, въ которой находится нѣсколько свободно двигающихся по направленію силы тяжести твердыхъ зернышекъ (крахмала), соотвѣтствующихъ статолитамъ низшихъ животныхъ. Кожица, выстилающая стѣнки такой клѣточки, обнаруживаетъ различную степень чувствительности относительно лежащихъ на ней подвижныхъ зернышекъ; при нормальномъ геотропическомъ равновѣсіи зернышки эти не оказываютъ никакого давленія на плазму, или, по крайней мѣрѣ, не вызываютъ въ ней раздраженія; если же органъ будетъ выведенъ изъ своего положенія, то зернышки, перемѣщаясь, вызываютъ раздраженіе въ стѣнкахъ клѣточки, заставляютъ ее сокращаться и такимъ путемъ возстановлять утраченное равновѣсіе. Эти клѣточки-статоцисты съ свободно-двигающимися въ нихъ зернышками можно назвать геотропическимъ органомъ чувствъ.

Статоцисты встрѣчаютъ безъ исключенія во всѣхъ органахъ, обладающихъ геотропизмомъ; части растеній не имѣющіе этой способности, не имѣютъ также и этого аппарата.

Перейдемъ теперь къ органу, воспринимающему *свѣтъ*. У низшихъ растеній (у эйгленовыхъ, пиридиновыхъ, а также у многихъ споръ водорослей) давно извѣстно, красное «глазное пятно» (Augenfleck) съ прилегающей къ нему безцвѣтной плазмой. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ Энгельмана именно эта плазма и является органомъ, воспринимающимъ свѣтъ, а не самое «глазное пятно».

У высшихъ растеній главную роль въ воспріятіи свѣтовыхъ раздраженій играютъ, по мнѣнію Габерландта, зеленыя листья кроны. Листья расположены обыкновенно перпендикулярно къ направленію падающаго свѣта. Такимъ положеніемъ достигается лучшее освѣщеніе и болѣе легкая ассимиляція углерода. Органомъ, воспринимающимъ свѣтъ и его направленіе, Габерландтъ считаетъ слой кожицы на верхней сторонѣ листа; слой этотъ состоитъ обыкновенно изъ одного ряда безцвѣтныхъ клѣточекъ; тонкая прозрачная плазма покрываетъ ихъ стѣнки. Внѣшнія стѣнки этихъ клѣточекъ, обращенныя наружу, въ большинствѣ случаевъ болѣе или менѣе выпуклы, внутреннія, наоборотъ, плоскія, такъ что каждая отдѣльная клѣточка кожицы имѣетъ сходство съ плоско выпуклой линзой и функціонируетъ подобно собирательному стеклу. Это легко можно видѣть подъ микроскопомъ или на фотографическихъ снимкахъ. Лучи свѣта, перпендикулярные къ поверхности листа и параллельные оси такого

*) Названіе статолиты и статоцисты ввелъ Ферворнъ; раньше эти образованія назывались отолитами и отоцистами. Отолитами у низшихъ животныхъ могутъ служить крупинки различныхъ постороннихъ веществъ; отолитами у растеній являются крахмальныя зерна.

естественнаго оптическаго стекла, какимъ являются эти эпидермальныя клѣтки, преломляются такъ, что болѣе всего освѣщаютъ середину внутренней стѣнки клѣточки, оставляя кругомъ болѣе или менѣе широкій неосвященный поясъ; при такихъ условіяхъ наблюдается геліотропическое равновѣсіе; какъ только свѣтъ начинаетъ падать не перпендикулярно, а наклонно на поверхность листа, то равновѣсіе это нарушается, фокусъ перемѣщается въ сторону, темный поясъ становится съ одной стороны шире, чѣмъ съ другой. Это необычное распредѣленіе свѣта служитъ толчкомъ для геліотропическаго движенія листа или его черешка.

Такимъ образомъ, по мнѣнію Габерландта, верхній эпидермисъ листа можно разсматривать, какъ чувствительный къ свѣтовымъ раздраженіямъ эпителій,— онъ покрываетъ внѣшнюю поверхность листа, образуя какъ бы фасеточный глазъ насѣкомыхъ. Каждая клѣтка этого эпидермиса является одновременно и линзой и чувствительной клѣткой; внутренняя же поверхность этихъ клѣтокъ, покрытая слоемъ чувствительной къ свѣтовымъ раздраженіямъ плазмы, во всей своей совокупности соотвѣтствуетъ ретинѣ глаза животныхъ.

Въ громадномъ большинствѣ случаевъ всѣ клѣтки верхняго эпидермиса листа относятся совершенно одинаковымъ образомъ къ воспріятіи свѣта, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ наблюдается и нѣкоторое раздѣленіе труда. Такъ, на одномъ перувіанскомъ растеніи—*Acanthacee Fittonia Verschaffelti*—Габерландтъ наблюдалъ на верхней поверхности листьевъ маленькія эпидермальныя клѣтки, образовавшія цѣлую систему петель. Каждая такая петля была заполнена большой круглой клѣткой, которая выпячивалась въ видѣ купола; на макушкѣ ея сидѣла другая маленькая клѣтка, имѣющая форму двояковыпуклой линзы и наполненная совершенно прозрачнымъ, сильно преломляющимъ свѣтъ содержимымъ. Наблюденія показали Габерландту, что эта послѣдняя клѣтка функціонируетъ, какъ собирающая свѣтъ линза, тогда какъ внутренняя большая клѣтка съ своей ровной внутренней поверхностью является прежде всего чувствующей, воспринимающей свѣтовыя раздраженія.

Подобное же раздѣленіе функцій наблюдалъ Габерландтъ и у растенія *Impatiens Mariannae* (изъ сем. бальзаминовыхъ).

Такимъ образомъ, и по отношенію къ воспріятію свѣта, растительный міръ въ существенномъ не отличается отъ міра животныхъ.

До сего времени у растеній не найдено органовъ чувствъ для воспріятія химическихъ, вкусовыхъ и обонятельныхъ раздраженій; также неизвѣстно, существуетъ ли у растеній органы чувствъ для тепловыхъ раздраженій.

Но, по мнѣнію Габерландта, достаточно найденныхъ уже аналогій, какъ анатомическихъ, такъ и физіологическихъ, въ органахъ чувствъ, предназначенныхъ для воспріятія механическихъ и свѣтовыхъ раздраженій и силы тяжести, чтобы утверждать, что и въ области органовъ чувствъ между растительнымъ и животнымъ міромъ не только не наблюдается противоположности, но, наоборотъ, глубокія и основныя черты сходства.

Ритмъ при клѣточномъ дѣленіи. Е. Ліонъ, на основаніи своихъ работъ, приходитъ къ заключенію, что сопротивленіе яйца иглокожихъ различнымъ ядамъ бываетъ не одинаково въ различныя фазы дѣленія его. Такъ, имъ было констатировано, что яйца иглокожихъ въ теченіе 10—15 минутъ послѣ оплодотворенія очень легко подвергаются отравленію, т.-е., иными словами, яйца эти оказываютъ очень мало сопротивленія дѣйствію такихъ ядовъ, какъ, напримѣръ, ціанистый калій или водородъ; въ послѣднемъ случаѣ вѣрнѣе сказать, что яйца отравляются благодаря прекращенію притока кислорода (пропусканіемъ струи водорода). Черезъ 10—15 мин. послѣ оплодотворенія до начала перваго акта дѣленія сопротивленіе ядамъ увеличивается. Затѣмъ снова наступаетъ періодъ чувствительности къ ядамъ, но во время второго акта дѣленія сопротивленіе ядамъ опять увеличилось. Безъ сомнѣнія, ритмъ этотъ продолжается и въ послѣдующія фазы дѣленія.

При дѣйствіи на яйца холода или жары, ритмъ сопротивленія также наблюдается. Послѣ опытовъ съ ціанистымъ каліемъ, водородомъ, жаромъ и холодомъ, Ліону вполнѣ естественно пришла въ голову мысль, что во время дѣленія яйца и образованіе угольной кислоты, по всей вѣроятности, совершается ритмически.

Для того, чтобы провѣрить, вѣрно ли это предположеніе, Ліонъ поступилъ такъ: онъ взялъ цѣлую серію трубокъ, имѣющихъ каждая по 2 отверстія, закрывающихся пробками; эти отверстія сдѣланы были для того, чтобы черезъ трубки можно было бы прогонять воздухъ. Въ первыя 2 трубки былъ помѣщенъ ѣдкій калій съ той цѣлью, чтобы имъ поглощалась изъ воздуха имѣющаяся въ послѣднемъ угольная кислота; въ 3-й трубкѣ находился ѣдкій баритъ, который поглощалъ также угольную кислоту, почему-либо не поглощенную первыми 2-мя трубками. Въ 4-ю трубку помѣщалась вода, содержащая сперматозоиды Arbacia; въ 5-й же — неоплодотворенныя яйца того же Arbacia; наконецъ, въ 6-й и 7-й трубкахъ также помѣщался ѣдкій баритъ для того, чтобы можно было узнать, не произошло ли образованія угольной кислоты въ 5-й и 6-й трубкахъ. Вся серія трубокъ содержалась при одной и той же постоянной температурѣ. Самый опытъ начинался съ того, что прежде всего убѣждались въ отсутствіи угольной кислоты въ трубкахъ № 6 и № 7; затѣмъ производилось искусственное оплодотвореніе, смѣшиваніемъ содержимаго 4-й и 5-й трубокъ. Послѣ этого каждыя 10 минутъ трубки № 6 и № 7 отнимались съ тѣмъ, чтобы затѣмъ ихъ тотчасъ же снова соединить съ остальными; это дѣлалось для того, чтобы констатировать послѣ оплодотворенія присутствіе угольной кислоты въ каждый изъ періодовъ, продолжительность которыхъ равнялась всего 10 минутамъ.

Весь опытъ длился 2 часа, результаты его были слѣдующіе. Въ первые 10—15 минутъ послѣ оплодотворенія замѣчалось все увеличивающееся образованіе угольной кислоты; затѣмъ ея уменьшеніе. Во время же образованія первыхъ 2-хъ бластомеръ (черезъ 45 — 60 минутъ послѣ оплодотворенія) снова усиливается образованіе угольной кислоты, затѣмъ—опять уменьшеніе ея и, наконецъ, снова увеличеніе во время вторичнаго дѣленія.

Наконецъ, явился вопросъ, существуетъ ли какая-нибудь связь между поглощеніемъ оплодотворенными яйцами кислорода и образованіемъ угольной кислоты, идутъ ли эти 2 процесса параллельно въ зависимости другъ отъ друга. Пастеръ, напр., при своихъ опытахъ надъ дрожжами, пришелъ къ тому выводу, что если имѣется большой притокъ кислорода, то преобладаютъ синтезъ и ростъ; выдѣленіе же угольной кислоты въ это время—слабое. Если же наоборотъ, притокъ кислорода слабый, то происходитъ броженіе съ обильнымъ образованіемъ угольной кислоты. Опыты Ліона показали, что во время наиболѣе сильнаго поглощенія кислорода выдѣленіе угольной кислоты — умѣренное; максимумъ же образованія угольной кислоты совпадаетъ съ наименьшимъ поглощеніемъ кислорода.

Опыты Ліона еще продолжаются и, по всей вѣроятности, они намъ дадутъ еще много другихъ интересныхъ фактовъ. До сихъ поръ Ліонъ произвелъ свои опыты надъ 17 милліонами яицъ.—Во всякомъ случаѣ ясно, что существуетъ извѣстный ритмъ, извѣстная періодичность процессовъ.

Новый методъ уничтоженія водорослей и нѣкоторыхъ болѣзнетворныхъ бактерій, находящихся въ водѣ. Недавно вашингтонскимъ департаментомъ земледѣлія опубликованы результаты опытовъ, поставленныхъ бюро, цѣлью котораго являются патологическія и физіологическія изслѣдованія растительнаго царства; въ данномъ же спеціальномъ случаѣ цѣль этого бюро была открыть дешевый и легко примѣнимый на практикѣ способъ обезпложиванія воды.

Нѣкоторыми предварительными опытами было установлено, что очень слабый растворъ мѣднаго купороса очень быстро уничтожаетъ водоросли, придающія водѣ непріятный вкусъ и цвѣтъ.

Въ концѣ 1901 года начались первые опыты надъ грядой, засѣянной крессомъ, которая была наводнена водорослью - спирогирою; при этомъ растворъ мѣднаго купороса, бравшагося для уничтоженія этой водоросли, былъ таковъ, что одна часть его приходилась на 50 милліоновъ частей воды при температурѣ послѣдней въ 70°. Въ нѣсколько дней водоросли совершенно исчезли, причемъ растворъ мѣднаго купороса не причинилъ крессу никакого вреда.

Зачѣмъ опыты продолжались въ томъ же направленіи. Весною 1903 года водопроводное общество въ Кентукки обратилось за содѣйствіемъ въ департаментъ земледѣлія и просило помочь дезинфицировать недавно-сооруженный бассейнъ, вода котораго издавала невозможный запахъ. Микроскопическій анализъ воды показалъ, что онъ содержитъ громадное количество различныхъ водорослей. Резервуаръ былъ вмѣстимостью въ 25 милліоновъ галлоновъ (галлонъ—4.543 куб. метра) воды, поэтому было рѣшено для уничтоженія громаднаго количество водорослей, находящихся въ немъ, взять растворъ мѣднаго купороса въ пропорціи—1 на 4 милліона, т. е. всего 50 фунтовъ его. Это количество мѣднаго купороса помѣстили въ мѣшокъ изъ грубаго полотна, который привязали къ лодкѣ; гребецъ же медленно приводилъ лодку въ движеніе по всему бассейну, пока весь купоросъ не растворился въ водѣ. Въ первые 2 дня послѣ этого запахъ воды еще болѣе усилился и вода сдѣлалась коричневой вслѣдствіе

поднятія на поверхность ея всѣхъ убитыхъ водорослей; въ послѣдующіе же дни запахъ совершенно исчезъ и вода резервуара приняла голубовато-зеленый цвѣтъ. Микроскопическіе же анализы показали, что черезъ 10 дней послѣ опыта вода бассейна *совершенно* не содержала водорослей. Истрачено было на это всего 50 долларовъ (100 рубл.).

Затѣмъ, съ тѣмъ же успѣхомъ опыты были поставлены надъ бассейнами вмѣстимостью отъ 10 до 60 мил. галлоновъ воды.

Наконецъ, вышеупомянутое бюро задалось цѣлью выяснить, не убиваетъ ли мѣдный купоросъ также и болѣзнетворныхъ бактерій. Многочисленные опыты показали, что растворъ мѣднаго купороса 1:10.000, дѣйствительно, убиваетъ тифныхъ и холерныхъ бациллъ въ теченіе 3—4 часовъ лѣтомъ и 24 часовъ зимой.

Такимъ образомъ, слѣдовательно, дешевый и простой способъ обезпложиванія воды былъ найденъ.

Но важно было убѣдиться еще въ томъ, не ядовиты ли для животныхъ такіе, хотя бы и очень слабые, растворы мѣднаго купороса. Безчисленные опыты показали безвредность ихъ для рыбъ и лягушекъ.

Этотъ способъ обезпложиванія воды, если и не вытѣснитъ употреблявшихся до сихъ поръ и не замѣнитъ фильтрованія воды, все же несомнѣнно окажетъ большія услуги въ виду дешевизны его, скорости полученія благопріятныхъ результатовъ и легкости его примѣненія для громадныхъ бассейновъ.

О новой попыткѣ леченія рака. На конгрессѣ французской ассоціаціи хирурговъ, продолжавшемся отъ 17-го до 22-го октября 1904 г., извѣстный хирургъ Дуаэнъ (Doyen) сдѣлалъ докладъ о лѣченіи рака. При этомъ Дуаэнъ прежде всего предупредилъ, что онъ не претендуетъ, во-первыхъ, на то, что имъ найденъ общій способъ излеченія рака, и, во-вторыхъ, на то, что имъ открытъ специфическій микробъ рака; имъ де былъ только найденъ въ тканяхъ новообразованій микробъ, названный имъ *micrococcus neoformans*, культуры котораго, ослабленныя различными способами и смѣшанныя съ хининомъ или мышьякомъ, образуютъ основу его противораковой сыворотки. Затѣмъ, Дуаэнъ упоминаетъ, съ какими трудностями сопряжено добываніе токсиновъ, особенно выдѣляемыхъ культурами микроба micrococcus neoformans, требующаго цѣлыхъ годовъ наблюденія и различныхъ манипуляцій, пока, наконецъ, токсины эти могутъ быть употреблены для терапевтическихъ цѣлей.

Послѣ этого Дуаэнъ представилъ статистику различныхъ случаевъ рака, лѣченныхъ по его способу. По этой статистикѣ изъ 242 случаевъ 42 онъ считаетъ излѣченныхъ; 46 случаевъ находятся еще подъ наблюденіемъ, 20 больныхъ потеряны изъ виду; 128 случаевъ не дали никакого результата, такъ какъ леченіе больныхъ этой категоріи или было начато слишкомъ поздно, или прекращено рано, наконецъ, 6 больныхъ умерли отъ случайныхъ причинъ въ то время, какъ излѣченіе ихъ казалось обезпеченнымъ.

Показаніями къ леченію рака противораковой сывороткой служитъ по мнѣнію Дуаэна:

1) всѣ случаи, гдѣ раковая опухоль хотя и локализирована, но извлеченная оперативнымъ путемъ, почти неизбѣжно дастъ рецидивы;

2) случаи, гдѣ распознанная и локализированная раковая опухоль не можетъ быть удалена операціей вслѣдствіе опасности затронуть важные органы;

3) случаи, не могущіе быть подвергнутыми операціи или вслѣдствіе обширности раковаго пораженія, или же вслѣдствіе того, что ракомъ поражены такіе органы, какъ печень, почки.

Свой докладъ Дуаэнъ закончилъ предположеніемъ о возможности употреблять противораковую сыворотку, какъ средство, предупреждающее появленіе рака у тѣхъ лицъ, у которыхъ, благодаря наслѣдственности или же благодаря болѣзнямъ, предрасполагающихъ къ раку, можно предвидѣть развитіе этой болѣзни. По Дуаэну возможно, что впрыскиванія его сыворотки сдѣлаютъ организмъ невоспріимчивымъ къ раку на много лѣтъ.

Послѣ доклада Дуаэна послѣдовали очень жаркія пренія, тѣмъ болѣе ожесточенныя, что, по мнѣнію почти всѣхъ извѣстныхъ врачей Парижа, Дуаэнъ скомпрометировалъ себя въ дѣлѣ Крокэра (Crocker). Дѣло это состоитъ въ томъ, что Дуаэнъ (цитируемъ по «Русск. Врач.», № 43, 1904 г.) взялся лечить жену американскаго богача Крокэра, у которой, не смотря на операцію, появился возвратъ рака. При этомъ Дуаэнъ заявилъ Крокэру, что «его сыворотка излечиваетъ ракъ». Когда послѣ 10-го вспрыскиванія, Крокэръ спросилъ счетъ, то Дуаэнъ потребовалъ 100.000 франковъ. Видя колебанія Крокэра, Дуаэнъ заявилъ, что въ такомъ случаѣ онъ прекратитъ лѣченіе. Тогда Крокэръ уплатилъ эту сумму, но заставилъ Дуаэна дать расписку, что онъ больше денегъ не потребуетъ. Послѣ этого было сдѣлано еще 2 или 3 впрыскиванія, совершенно не улучшающія, но, наоборотъ, какъ и первыя 10, все ухудшавшія состояніе больной. Впрыскиванія были прекращены, больная перешла къ другому врачу и затѣмъ черезъ 7 недѣль послѣ этого умерла. Тогда Крокэръ черезъ судъ потребовалъ съ Дуаэна свои деньги обратно, а между парижскими профессорами и этимъ послѣднимъ началась полемика, въ которой профессора упрекали его въ томъ, что онъ, не имѣя на то никакихъ основаній, взялся лечить болѣзнь завѣдомо неизлечимую. Дуаэнъ оправдывался, употребляя не совсѣмъ корректные пріемы. На судѣ же фигурировало удостовѣреніе декана медицинскаго факультета, извѣстнаго профессора Дебовъ, что, при настоящемъ состояніи науки, ракъ болѣзнь неизлечимая, т.-е., другими словами, клеймящее Дуаэна за его категорическое заявленіе Крокэру, что ракъ излечимъ. Другой же извѣстный профессоръ, Корниль, назвалъ это дѣло лавочническимъ, торгашескимъ.

Мы изложили все это дѣло съ цѣлью показать, насколько сыворотка Дуаэна и его «micrococcus neoformans» имѣетъ мало успѣха въ ученомъ мірѣ и самое существованіе его micrococcus для ученыхъ было подъ большимъ сомнѣніемъ, а, слѣдовательно, подъ большимъ сомнѣніемъ находилась и противораковая сыворотка. Все это и было высказано во время преній о вышеупомянутомъ докладѣ. Поэтому, совершенно неожиданнымъ и крайне интереснымъ для насъ является отчетъ о засѣданіи парижскаго хирургическаго общества, гдѣ Дуаэнъ

представилъ 5 больныхъ ракомъ, леченныхъ имъ его сывороткой, съ указаніемъ результатовъ, отъ нея полученныхъ. Интересъ конечно, является не въ этомъ, а въ представленной Дуаэномъ запискѣ, составленной Мечниковымъ по просьбѣ Дуаэна и на основаніи контрольныхъ опытовъ самого Мечникова. Приводимъ, въ виду чрезвычайной важности и глубокаго довѣрія къ Мечникову, эту записку цѣликомъ, какъ это и сдѣлано также въ «Revue scientif.» (въ № отъ 24-го декабря 1904 г.).

«1) Во многихъ серіяхъ пробирокъ, въ которыя Дуаэнъ вводилъ, въ моемъ присутствіи, кусочки раковыхъ опухолей, оперированныхъ имъ, я могъ получить чистыя культуры микроба, тожественнаго съ тѣмъ, который Дуаэнъ описалъ подъ именемъ *micrococcus neoformans*. Въ одномъ случаѣ пробирки оказались стерильными, во многихъ же другихъ оказались культуры микробовъ. Въ большинствѣ случаевъ это были культуры микроба Дуаэна, въ нѣкоторыхъ же культуры содержали стрептококковъ, палочку синяго гноя и нѣкоторыхъ другихъ микробовъ (случай съ изъязвленіями, см. ниже).

«Въ случаяхъ, оперированныхъ Дуаэномъ, я особенно обращаю вниманіе на три случая рака груди, оперированныхъ въ одинъ и тотъ же день. Изъ нихъ 2 случая рака были закрытые, т.-е. не изъязвленные; они дали культуры микроба Дуаэна; 3-й же случай, гдѣ раковое пораженіе было очень обширнымъ и очень изъязвленнымъ, далъ только культуры палочки синяго гноя и одного вида стрептококка. Всѣ эти микробы, какъ и микробъ Дуаэна и микробы другихъ случаевъ рака, развивались въ пробиркахъ, наполненныхъ бульономъ, на которомъ и были посѣяны кусочки самой опухоли, точно также, какъ и сосѣднія лимфатическія железы.

«Внѣ клиники Дуаэна мною были изучены, кромѣ того, въ сотрудничествѣ съ гг. Леводити и Вейнбергомъ, много другихъ случаевъ рака. Два случая неизъязвленнаго рака, также какъ одинъ случай рака обоихъ яичниковъ съ распространеніемъ его на сальникъ, дали равнымъ образомъ чистыя культуры микроба Дуаэна.

«Само собой разумѣется, что были приняты всѣ необходимыя предосторожности, чтобы быть увѣреннымъ въ стерильности среды, на которой развивались культуры и въ невозможности зараженія частицъ опухоли, вводимыхъ въ пробирки.

«2) Изучая культуры микроба Дуаэна, мы могли констатировать, что всѣ ихъ свойства совпадали со свойствами, описанными Дуаэномъ по отношенію къ его *micrococcus neoformans*. Вопросъ о спицифичности этого микроба не былъ окончательно рѣшенъ. Задача эта очень трудна. Полезно, напр., для различенія видовъ бактерій употреблять усовершенствованные методы, какими является склеиваемость бактерій при дѣйствіи на нихъ специфическихъ сыворотокъ. Мы и стараемся приготовить подобныя сыворотки, но результаты могутъ быть получены только черезъ два или три мѣсяца.

«По своему виду *micrococcus neoformans* представляетъ большое сходство съ coccus polymorphus кожи, но изученіе культуръ обоихъ показываетъ нѣкоторую разницу между двумя этими микробами.

«3) Изученіе болѣзнетворнаго дѣйствія микроба Дуаэна на животныхъ, требуетъ гораздо болѣе продолжительнаго періода времени, чѣмъ тотъ, которымъ я до сихъ поръ располагалъ.

«4) Моя роль, какъ бактеріолога, ограничивается тремя первыми параграфами данной записки. Мои микробіологическія познанія ни въ какомъ случаѣ не могутъ уполномочивать меня разсмотрѣть клиническую сторону вопроса и это тѣмъ болѣе, что я не хирургъ и даже не врачъ, у меня нѣтъ права для сужденія; но такъ какъ, благодаря моимъ бактеріологическимъ изслѣдованіямъ, я имѣлъ возможность наблюдать много разъ и въ теченіе около двухъ мѣсяцевъ большое количество больныхъ ракомъ клиники Дуаэна, то у меня получилось впечатлѣніе, что состояніе многихъ изъ больныхъ, съ очень тяжелой формой рака, было улучшено впрыскиваніями Дуаэна».

Послѣ чтенія этой записки хирургическое общество избрало коммиссію, состоящую изъ Берже, Кирмиссона, Нелатона, Моно, Дельбе; послѣдняго для изученія клиническаго пользованія рака, а первыхъ для изученія остальныхъ сторонъ этого вопроса.

Наука и капиталисты. За послѣдніе 50 лѣтъ капиталисты всего міра какъ будто стараются превзойти другъ друга въ щедрости, съ которой они осыпаютъ различныя ученыя учрежденія и даже представителей науки. Вторая половина 1904 года была особенно богата яркими примѣрами такой щедрости.

Только что состоялось новое (кажется третье) присужденіе грандіозныхъ нобелевскихъ премій и среди почтенныхъ крупной суммой (около 100.000 р.) находится нашъ извѣстный ученый—физіологъ проф. И. П. Павловъ *).

Нѣсколько же раньше, если вѣрить не всегда достовѣрнымъ американскимъ свѣдѣніямъ, произошло событіе, еще болѣе ошеломляющее грандіозностью цифръ и замысла. Въ Вашингтонѣ происходилъ съѣздъ представителей 40 академій наукъ, собравшійся для рѣшенія вопроса объ осуществленіи завѣщанія извѣстнаго милліардера и «покровителя наукъ» американца Кэрнеджи, оставившаго *два милліарда франковъ* (около 800.000.000 рублей) для основанія международнаго института его имени для разработки естественныхъ наукъ. Ежегодный доходъ съ этого капитала составляетъ 80.000 000 фр. (30.000.000 р.). Вотъ это завѣщаніе, какъ оно приведено въ журналѣ «Естествознаніе и Географія»: «Оставаясь вѣрнымъ своему девизу—умереть такимъ же бѣднякомъ, какимъ я родился, завѣщаю изъ моего капитала 400 милліоновъ долларовъ на устройство центральнаго международнаго института для разработки естественныхъ наукъ и на содержаніе нужнаго въ немъ персонала на вѣчныя времена. Приведеніе въ исполненіе этого моего желанія предоставляю предсѣдателямъ естественнонаучныхъ отдѣловъ академій наукъ всего свѣта. Послѣ конституированія сказаннаго учрежденія оно становится самостоятельной юридической единицей и управляется собственнымъ центральнымъ комитетомъ». Послѣ небольшихъ споровъ представители академій огромнымъ большинствомъ

---

*) „Міръ Божій“ уже знакомилъ своихъ читателей (въ 1902 г.) съ работами И. П. Павлова; въ этомъ году мы надѣемся также посвятить статью этому выдающемуся ученому.

голосовъ рѣшили построить «Институтъ Кэрнеджи» въ Швейцаріи, «нейтралитетъ которой обезпеченъ всей Европой,—странѣ, сохранившей чистоту патріархальныхъ нравовъ и обладающей прекраснымъ климатомъ и географическимъ положеніемъ». Для управленія дѣлами института рѣшено образовать центральный административный совѣтъ изъ 9 членовъ—представителей академій наукъ главныхъ культурныхъ племенъ, а именно 2 отъ славянскаго племени — изъ Петербурга и изъ Праги, 2 отъ германскаго—изъ Берлина и изъ Стокгольма, 2 отъ романскаго — изъ Парижа и изъ Рима, 2 отъ англо-саксонскаго — изъ Лондона и изъ Вашингтона и 1 отъ венгерцовъ—изъ буда-пештской академіи наукъ. Предсѣдателемъ центральнаго совѣта избранъ представитель Парижской академіи наукъ, товарищемъ его—представитель вашингтонской академіи, секретаремъ—берлинской и казначеемъ—лондонской. Центральный ученый совѣтъ, который собственно и будетъ вѣдать распредѣленіемъ работъ между различными отдѣлами естествознанія, состоитъ изъ 38 членовъ. Медицинѣ какъ наукѣ прикладной, въ институтѣ Кэрнеджи не дано мѣста *).

Извѣстно, что особенно широкое меценатство по отношенію къ наукѣ проявляютъ американскіе богачи. Это объясняется, во-первыхъ, тѣмъ, что въ Америкѣ богачей больше и они крупнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, во-вторыхъ, болѣе внутренней—психологической причиной: американцы болѣе, чѣмъ европейцы, проникнуты вѣрой въ *соціальную* мощь знанія и науки и въ грядущее колоссальное значеніе науки, а честолюбивый человѣкъ, не закрѣпившій своего имени въ будущемъ ни въ какой области творчества, жаждетъ связать свое имя съ тѣмъ, что ему кажется наиболѣе прочнымъ. И мы думаемъ, что практическіе янки не ошибаются: наши потомки во имя *своей* справедливости разрушатъ многія изъ нашихъ установленій, а институтъ Кэрнеджи будетъ еще стоять среди этихъ развалинъ, хотя и въ немъ въ зародышѣ таятся многія несправедливости... Уже одно то, и теперь даже ясное, что ученые будутъ производить въ этомъ институтѣ и хорошія и плохія научныя изслѣдованія на деньги, собранныя благодаря «угашенію духа» многихъ сотенъ тысячъ людей. И невольно встаетъ вопросъ, не лучше ли, оставляя въ сторонѣ уже вопросъ нравственности, по просту—*не выгоднѣе* ли было бы *и для самой науки*, для быстроты ея развитія, еслибъ эта милліардная «прибавочная стоимость», обезкровившая мозгъ сотенъ тысячъ рабочихъ, не высасывалась бы изъ нихъ и дала бы возможность всѣмъ имъ развить гармонично свою индивидуальность?!

Можетъ быть, и даже навѣрное институтъ Карнеджи, въ которомъ будутъ работать наши дѣти, задавилъ въ зародышѣ у ихъ отцовъ много геніальныхъ открытій и мыслей и вернутся ли эти мысли снова въ той же формѣ, въ которой могли бы проявиться — Богъ вѣсть... Но отъ добра не ищутъ добра, а институтъ Кэрнеджи—все же добро.

В. Агафоновъ.

---

*) Свѣдѣнія, полученныя нами уже послѣ верстки этой статьи, заставляютъ насъ еще болѣе сомнѣваться въ полной достовѣрности завѣщанія Кэрнеджи. Въ слѣдующемъ № „Міра Божьяго“ мы окончательно выяснимъ этотъ „темный“ вопросъ. *В. Аг.*

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ".

Январь. 1905 г.

Содержаніе: Беллетристика. — Критика и исторія литературы. — Публицистика. — Соціологія и политическая экономія. — Естествознаніе. — Народныя изданія. — Новыя книги, поступившія для отзыва въ редакцію. — Поправка.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Петеръ Альтенбергеръ. „Эскизы".—*Эмерихъ Мадачъ.* „Трагедія человѣчества".

Эскизы Петера Альтенберга. Переводъ А. и Е. Герцыкъ. Москва. Изд. Д. П. Ефимова, 1904 г. Ц. 50 коп. Съ нѣкоторыхъ поръ имя Петера Альтенберга, какъ моднаго представителя импрессіонизма въ литературѣ, стало все чаще и чаще произноситься въ соотвѣтственныхъ русскихъ литературныхъ кругахъ. И даже не произноситься, а провозглашаться. Кто же онъ, Петеръ Альтенбергъ?

Передъ нами русское изданіе нѣкоторыхъ эскизовъ Альтенберга (заимствованныхъ изъ двухъ оригинальныхъ сборниковъ: «Wie ich es sehe», «Was der Tag mir zuträgt»), и изъ предисловія переводчика мы прежде всего узнаемъ объ авторѣ, что: «Такого еще не было». Дальнѣйшую характеристику мы опускаемъ, такъ какъ она оказалась, главнымъ образомъ, передачей своими словами нѣкоторыхъ изъ помѣщенныхъ дальше эскизовъ, Поэтому, мы и обратимся непосредственно къ нимъ. Какъ и слѣдовало ожидать отъ автора, изображающаго, «какъ онъ видитъ», героемъ всѣхъ ихъ является самъ Альтенбергъ. И, слѣдовательно, мы безбоязненно можемъ воспользоваться тѣмъ же методомъ литературной характеристики, какъ и переводчикъ. Но вмѣсто того, чтобы слѣдить за Альтенбергомъ въ обстановкѣ всѣхъ его эскизовъ, мы возьмемъ одинъ изъ нихъ— «Флиртъ», — наиболѣе цѣнный, для отвѣта на поставленный вначалѣ вопросъ, кто такой Петеръ Альтенбергъ. Смущенные все громче звучащимъ въ устахъ нашихъ импрессіонистовъ незнакомымъ именемъ Петера Альтенберга, мы чувствуемъ себя въ положеніи той барышни, мыслью которой начинается «Флиртъ»:

«— Я въ первый разъ сижу рядомъ съ поэтомъ,—подумала она, и внутренній трепетъ охватилъ ее.

«— Какія у васъ чудныя руки, барышня,—сказалъ онъ».

«— Настоящій поэтъ,—подумала она».

Затѣмъ бесѣда продолжается въ такомъ родѣ. Упомянувъ объ Іисусѣ Христѣ, Либкнехтѣ и Толстомъ, поэтъ (читай, Альтенбергъ) съ жаромъ настаиваетъ, что «мать, нарушающая сонъ своей дочери, недостойна называться матерью»... («пророкъ, фанатикъ», подумала собесѣдница). «А онъ продолжалъ» утверждать, что женщина врядъ ли заслуживаетъ имени «женщины», если не съумѣетъ сказать, какой сортъ рису считается наилучшимъ, причемъ идетъ подробное описаніе лучшаго зерна рису («Поваръ», подумала барышня). Дальше оказывается, что быть «женщиной» значитъ имѣть

своимъ символомъ самый лучшій рисъ («Этого я совсѣмъ не понимаю. Онъ глупъ»... думала молодая дѣвушка). Потомъ онъ горячо говорилъ «о стеклянной машинѣ для выжиманія лимона» (цѣна 50 геллеровъ, подробнѣйшее описаніе), которую онъ назвалъ «яйцомъ Колумба». Эскизъ кончается діалогомъ между подругами, издали съ завистью слѣдящими за собесѣдницей поэта. Одна утверждаетъ, что они говорятъ о «Метерлинкѣ,—а, можетъ быть, объ Ибсенѣ». Другая полагаетъ «о любви», третья—«понятно, объ измѣнѣ». «Самая младшая же изъ нихъ подумала: Разъ говоришь *съ поэтомъ*... не все ли равно, *о чемъ* съ нимъ говоришь»...

Альтенбергъ такъ любовно и такъ серьезно останавливается въ своихъ различныхъ эскизахъ на чрезвычайно мелкихъ и обыденныхъ вещахъ, что, если не считать его то «поваромъ», то «пророкомъ» (правда, пророкомъ «обстановочки»), то просто «глупымъ», приходится думать, что онъ занятъ «флиртомъ» со своими читателями. Онъ значительно разсказываетъ имъ о лучшемъ сортѣ рису или о машинкѣ для выжиманія лимона, а со стороны кажется, будто онъ въ серьезъ объясняется въ любви или, по крайней мѣрѣ увлеченъ разговоромъ «можетъ быть объ Ибсенѣ». Но, слегка и, можетъ быть, намѣренно одурачивъ бѣдную «собесѣдницу» своими рѣчами и выборомъ темъ, Альтенбергъ все же серьезно заключаетъ: «Разъ говоришь съ *поэтомъ*... не все ли равно, *о чемъ* съ нимъ говоришь»... И продолжаетъ въ томъ же духѣ. Онъ чувствуетъ себя поэтомъ и потому говоритъ «все равно, о чемъ»... отнюдь не о «любви», «измѣнѣ» или какихъ-либо явленіяхъ побольше рисоваго зерна. И все это продѣлывается съ такой нарочитой осторожностью, съ такой якобы тончайшей отдѣлкой жеста, будто предъ «поэтомъ» не «машинка для выжиманія лимона», а начиненная бомба. Переводчикъ характеризуетъ манеру Альтенберга изображать женщинъ: «Иногда онъ только молча, съ нѣжностью, прикасается къ нимъ и уходитъ... Онъ всегда уходитъ». Мы бы даже сказали, что онъ не прикасается, а только «понюхаетъ и прочь пойетъ», — столь велика деликатность манеръ Петера Альтенберга. Поэтому, мы не рѣшаемся передать своими словами, каковы женскіе образы Альтенберга. Ибо, если отвлечь свое вниманіе отъ магическихъ манипуляцій писателя, окажется, что подъ его руками была нѣкая туманная матерія, и еще «не проснувшаяся» (какъ Полина въ новеллѣ того же названія). И, несмотря на нѣкоторую преднамѣренность «Флирта» съ бѣдной, сбитой съ толку собесѣдницей, мы все же увѣрены, что Альтенбергъ по преимуществу флиртуетъ. Литературный флиртъ со всѣми его послѣдствіями—это прирожденное художественное качество вѣнскаго писателя, это необходимая сущность его эскизовъ, и Альтенбергъ иначе не можетъ. Игра нюансовъ ощущенія можетъ быть и крайне важной, и весьма интересной, если само ощущеніе представляется значительнымъ. Но если въ концѣ концовъ дѣло сводится къ тому, что «она сидѣла на скамейкѣ у озера и вязала желтой мохнатой персидской шерстью», не взирая ни на какую погоду («Прилежаніе»), то это будутъ одни только нюансы безъ ощущенія—флиртъ.

Что же касается увѣреній Альтенберга, что «природа — величайшая художница» и нуженъ только «хорошій Кодакъ въ нѣжной, заботливой рукѣ», чтобы овладѣть ея сокровищами, то этотъ хорошій совѣтъ лучше всего выполненъ у насъ, въ Россіи. Мы имѣемъ въ виду «нѣжныя, заботливыя руки» Чехова, до котораго Альтенбергу и очень далеко. Самъ Альтенбергъ даетъ великолѣпный матеріалъ для почти буквальнаго сравненія. Его «Дѣтское горе» по содержанію, мысли, настроенію и даже эпизодамъ одинаковаго характера съ чеховскимъ разсказомъ «Дома» изъ дѣтской жизни. И посмотрите сколько подлинной, *естественной* нѣжности въ нюансахъ у Чехова, какъ мягко и властно охватываетъ васъ дѣтская грусть, какъ довѣрчиво раскрывается пе-

редъ тонкимъ художникомъ маленькая душа, кажется, безъ малѣйшаго усилія автора, не тратящаго лишняго слова! И сопоставьте это съ манипуляціями при помощи «хорошаго Кодака». Тутъ вспоминается и выраженіе лица Элеоноры Дузе и Джемма Беллинчіони и пр. для поясненія «дѣтскаго горя», словомъ, всѣ средства испытаннаго во флиртѣ писателя.

Есть въ русскомъ сборникѣ эскизовъ Альтенберга одинъ разсказъ—horribile dictu!—публицистическаго характера—«Тристанъ и Изольда», весьма напоминающій по мысли «Прогулку» (еще страшнѣе сказать!) Глѣба Успенскаго. Буржуазное совмѣстительство «высшихъ точекъ зрѣнія» и грубаго приниженія личности ближняго изъ четвертаго сословія изображены въ одномъ и томъ же мотивѣ какъ у Альтенберга, такъ и у Успенскаго. И опять сравненіе по силѣ и цѣльности впечатлѣнія не въ пользу Альтенберга. У беллетриста-публициста Успенскаго оказалось больше оттѣнковъ въ краскахъ и меньше искусственности въ художественномъ построеніи, чѣмъ у поэта нюансовъ ощущеній.

Тамъ, гдѣ Альтенбергъ хочетъ только «видѣть», онъ видитъ гораздо хуже нашихъ художниковъ-писателей, а во всѣхъ прочихъ частяхъ онъ представляетъ «вящше изломанную» фигуру, расчитывающую на успѣхъ благодаря лишь своимъ изысканнымъ манерамъ. И сентенція самой младшей изъ подругъ въ заключеніи «Флирта» звучала бы далеко не оправдательнымъ приговоромъ для такого времяпровожденія, если бы сія дѣвица была менѣе довѣрчива: «Разъ поэтъ говоритъ... далеко не все равно, о чемъ онъ говоритъ»...

Л. Б.

Эмерихъ Мадачъ. Трагедія человѣчества. Переводъ Н. А. Холодковскаго. «Дешевая библіотека», изд. А. С. Суворина. 1904 г. Въ майской книжкѣ «Міра Божія» за 1904 г. былъ помѣщенъ отрывокъ драматической поэмы Мадача въ переводѣ и съ предисловіемъ Холодковскаго. Предисловіе, напечатанное и въ отдѣльномъ изданіи перевода, заключаетъ краткую біографію автора и общую характеристику произведенія, содержаніемъ котораго является, какъ читатель помнитъ, вызванное Люциферомъ видѣніе, открывающее первому человѣку Адаму всю дальнѣйшую судьбу человѣческаго рода, причемъ прародитель человѣчества, въ качествѣ типическаго представителя послѣдняго становится участникомъ происходящей драмы.

Переводъ Холодковскаго (сдѣланный по двумъ нѣмецкимъ переводамъ), въ общемъ слѣдуетъ признать удачнымъ. Даровитый и добросовѣстный переводчикъ «Фауста» далъ и въ этомъ случаѣ законченный тщательный трудъ, хотя отличающійся мѣстами меньшею точностью чѣмъ переводъ, съ венгерскаго оригинала, Мазуркевича (въ журналѣ «Всемірный Вѣстникъ» за 1904 г.), но по большей части превосходящій этотъ переводъ стройностью и силою языка.

Упомянутое предисловіе г. Холодковскаго представляетъ особенный интересъ потому, что о знаменитомъ венгерскомъ поэтѣ написано на русскомъ языкѣ чрезвычайно мало; статьею К. Тр—н—к—аго въ «Русскомъ Обозрѣніи» (1893 г. 7 л.) и коротенькимъ параграфомъ въ «Большомъ Энциклопедическомъ Словарѣ» Брокгауза и Ефрона (т. 35) дается очень немного для ознакомленія съ творчествомъ Мадача.

Правильно и ярко освѣщая общую концепцію трагедіи, г. Холодковскій относится, повидимому, менѣе внимательно къ отдѣльнымъ образамъ, вслѣдствіе чего даетъ имъ не вполнѣ правильную и не вполнѣ ясную оцѣнку. Ева для него (стр. 13) «измѣнчивый элементъ красоты, вносящій нѣкоторое утѣшеніе ...въ общій мрачный колоритъ трагедіи». Но Мадачъ изображаетъ въ своей Евѣ нѣчто большее: это такой же типическій образъ, какъ Адамъ, воплощеніе *женскаго начала* въ каждый моментъ эволюціи человѣчества. Египетская рабыня, средневѣковая монахиня, лондонская мѣщанка — все это

одинъ образъ въ различныхъ формахъ, образъ отвлеченнаго идеала, das Ewig-weibliche въ своихъ высокихъ и низкихъ воплощеніяхъ. Мадачъ самъ подчеркиваетъ это значеніе Евы въ концѣ сц. XI, гдѣ, въ то время, какъ преходящіе человѣческіе образы одинъ за другимъ исчезаютъ въ могилѣ, — Ева, безсмертный идеалъ, возносится къ небу, и Адамъ узнаетъ въ ней свою вѣчную спутницу (стр. 197 у Холодковскаго). *Личностью* въ индивидуальномъ смыслѣ Еву назвать нельзя; но нельзя назвать такою личностью и Адама, что упускаетъ изъ виду г. Холодковскій, подчеркивая измѣнчивость образа Евы. Адамъ *всечеловѣкъ*, человѣкъ вообще, какъ Ева—женщина вообще. Если ея образъ еще неопредѣленнѣе и общѣе, чѣмъ у Адама, то это объясняется особенностями *женской* натуры. Г. Холодковскій говоритъ о вліяніи Шопенгауера на Мадача; думается, что это вліяніе сказалось и въ пониманіи женщины, *не являющейся человѣкомъ въ собственномъ смыслѣ* и лишенной самостоятельнаго индивидуальнаго значенія. Воплощеніе настоящей человѣчности—Адамъ; Ева лишь *отраженіе* элементовъ этой человѣчности въ пассивномъ, безличномъ женскомъ началѣ, измѣняющемся сообразно измѣненіямъ самого человѣческаго типа и могущей воплотить одинаково и низкое, и высокое.

Наряду съ Адамомъ, центральною фигурою трагедіи является Люциферъ, во многомъ представляющій сходство съ Мефистофелемъ Гёте. Указывая на это сходство, г. Холодковскій подчеркиваетъ и, надо признаться, преувеличиваетъ различіе между двумя носителями отрицанія. Указываемая имъ тѣлесность, реальность, человѣчность Мефистофеля, въ противоположность отвлеченности Люцифера, представляется весьма сомнительною. Правда, Гёте придаетъ Мефистофелю извѣстныя черты тѣлесности въ сценахъ Вальпургіевой ночи и классическаго шабаша, но именно роль Мефистофеля въ этихъ сценахъ дѣйствуетъ на читателя странно и непривычно и не ассоціируется прочно съ его образомъ, остающимся въ общемъ почти безплотнымъ. Съ другой стороны попытки очеловѣчиванья Люцефера въ области грубыхъ тѣлесныхъ побужденій, встрѣчаются и у Мадача (сц. VI, XI). Разсматривая Люцифера, какъ носителя отрицанія, г. Холодковскій замѣчаетъ (стр. 12): «Вмѣсто тонкой иронія Мефистофеля, порою переходящей почти въ юморъ, мы въ немъ находимъ вѣчно лишь ѣдкій, холодный, злой и часто грубый сарказмъ». Слѣдовало бы сказать, что Люциферъ, какъ образъ, вообще *уже* Мефистофеля. Послѣднему достаточно свойственъ тотъ сарказмъ, о которомъ идетъ рѣчь; но первому недоступна ни близкая къ юмору тонкая насмѣшка, ни крайности грубаго цинизма Мефистофеля. Однако, достаточною грубостью и рѣзкостью отличаются нерѣдко и его шутки; и именно въ этой области приходится упрекнуть переводчика въ недостаточномъ проникновеніи духомъ подлинника. Приведемъ одинъ примѣръ. Въ сценѣ XII, по поводу попытки ученаго грядущихъ дней произвести искусственнымъ, химическимъ путемъ человѣческое существо, Люциферъ дѣлаетъ рѣзкое и весьма ясное замѣчаніе, передаваемое такъ нѣмецкимъ переводчикомъ: «Человѣкъ вѣрно очень состарился, если онъ долженъ прибѣгать къ ретортѣ и мѣху, чтобы производить организмы».

Г. Холодковскій переводитъ (стр. 212):

„Знай: разслабленья старческаго признакъ,
Когда свободной жизни человѣкъ
Въ ретортѣ ищетъ“.

Смыслъ неясенъ, и весь колоритъ измѣненъ.

Излишняя торжественность языка, которою грѣшилъ въ свое время переводчикъ «Фауста», чувствуется иногда и здѣсь, производя невыгодное, расхолаживающее впечатлѣніе. Въ той же XII сценѣ (стр. 222) обезумѣвшая отъ волненія мать, у которой отнимаютъ ея ребенка, обращается къ незнакомому

заступнику съ шаблонно-реторичной фразой: «Благодарю, о, добрый чужестранецъ!»

Въ чисто-философскихъ мѣстахъ драмы,—разумѣется, наиболѣе трудныхъ для перевода, — встрѣчаются неясности и неточности. Напр., въ сценѣ XIII, очень трудно понять, что подъ словами духа земли и Люцифера о «лжи» (стр. 230—231) надо подразумѣвать смерть. Слѣдуетъ упомянуть также о произвольномъ измѣненіи заглавія трагедіи: «Трагедія человѣчества»—вмѣсто «Трагедія человѣка (Az emb̈er tragédiája»). Г. Холодковскій правъ, говоря, что дѣло идетъ о *человѣкѣ вообще*; но философскій смыслъ этого понятія не совпадаетъ цѣликомъ съ понятіемъ *человѣчества*. Послѣднее въ драмѣ дѣйствуетъ лишь воплощенное въ лицѣ Адама, герой — именно *онъ*, какъ *представитель человѣчности* въ различные историческіе моменты. Поэтому правы нѣмецкіе переводчики и г. Мазуркевичъ, сохраняющіе заглавіе «Трагедія человѣка». *С.*

КРИТИКА И ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

А. Н. Пыпинъ. „Н. А. Некрасовъ".—*А. В. Никитенко.* „Записки и дневникъ".

А. Н. Пыпинъ. Н. А. Некрасовъ. Спб. 1905. Стр. 321. Цѣна 2 р. Книга о Некрасовѣ замыкаетъ цѣлый рядъ въ высшей степени цѣнныхъ сочиненій недавно скончавшагося академика Пыпина. Эта книга по своимъ научнымъ достоинствамъ не можетъ быть, конечно, сопоставлена съ такими монументальными трудами Пыпина, какъ «Исторія русской литературы» или «Исторія русской этнографіи». Она не имѣетъ и такого выдающагося общественнаго значенія, какое имѣли въ свое время и продолжаютъ сохранять донынѣ такіе труды, какъ «Характеристики литературныхъ мнѣній» или «Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I». По богатству біографическаго и историко-литературнаго матеріала книга о Некрасовѣ далеко ниже и двухтомной біографіи, посвященной Пыпинымъ Бѣлинскому. Скорѣе всего послѣдняя книга покойнаго академика можетъ быть сопоставлена съ его сочиненіемъ о Салтыковѣ. Обѣ эти книги даютъ намъ не полное и всестороннее изслѣдованіе о жизни и литературной дѣятельности избранныхъ писателей, а только бѣглыя замѣтки о нихъ.

Первое мѣсто въ книгѣ о Некрасовѣ занято статьей «Нѣсколько воспоминаній», знакомящей насъ съ положеніемъ Некрасова въ редакціи «Современника» и съ его отношеніемъ къ старымъ и новымъ сотрудникамъ этого журнала. Очень хорошо и вѣрно объясняетъ Пыпинъ разрывъ Некрасова со своими старыми друзьями. Не матеріальный разсчетъ руководилъ Некрасовымъ, когда онъ отдавалъ предпочтеніе Добролюбову и Чернышевскому даже передъ Тургеневымъ, однимъ изъ лучшихъ своихъ друзей, а убѣжденіе, что люди новаго поколѣнія являются «болѣе вѣрными хранителями» завѣтовъ Бѣлинскаго, чѣмъ личные друзья великаго критика и первые сотрудники «Современника». Что касается личныхъ впечатлѣній Пыпина, вынесенныхъ имъ изъ знакомства съ Некрасовымъ, они кратко резюмированы въ слѣдующихъ словахъ: «Многое въ этомъ характерѣ не давало нравственнаго удовлетворенія; но въ общемъ счетѣ и по силѣ благопріятныхъ впечатлѣній, въ моихъ впечатлѣніяхъ скорѣе преобладали и преобладаютъ симпатіи» (стр. 7).

Не лишенныя интереса и въ настоящемъ своемъ видѣ, воспоминанія Пыпина несомнѣнно могли бы быть гораздо интереснѣе, если бы покойный академикъ и здѣсь не проявилъ своей обычной сдержанности и осторожности, дошедшей до того, напримѣръ, что Чернышевскій нигдѣ не называется полнымъ

именемъ. И это въ книгѣ, помѣченной 1905 годомъ. Можно упрекнуть покойнаго автора этихъ воспоминаній и въ нѣкоторыхъ неточностяхъ, которыхъ легко было бы избѣжать. Такъ, напримѣръ, никакого закрытія «Современника» въ 1861 году не было, а была пріостановка его на восемь мѣсяцевъ лѣтомъ 1862 года. Невѣрно также заявленіе Пыпина, что въ пятидесятыхъ годахъ «славянофиламъ просто запрещали писать (!) или представлять въ цензуру какія-нибудь свои статьи» (стр. 15—16). Запрещенія писать не было, а было только распоряженіе, чтобы братья Аксаковы, Хомяковъ, Ив. Кирѣевскій и кн. Черкасскій представляли свои рукописи прямо въ главное управленіе цензуры. Къ рукописной патріотической литературѣ, вызванной крымской войной, Пыпинъ относитъ и знаменитое стихотвореніе о «воеводѣ Пальмерстонѣ», хотя оно было напечатано въ «Сѣверной Пчелѣ» 1854 года по желанію императора Николая I. Говоря о рукописной литературѣ оппозиціонныхъ записокъ, вызванныхъ той же войной, Пыпинъ дѣлаетъ любопытное заявленіе: «Извѣстно было, что одна изъ самыхъ значительныхъ записокъ принадлежала Грановскому» (стр. 18). Но біографы знаменитаго профессора знаютъ только одну его записку, относящуюся къ этому времени. Это записка въ защиту древнихъ языковъ противъ естествознанія. Трудно предположить, чтобы другая какая-то, несомнѣнно болѣе важная, записка Грановскаго затерялась. Очевидно тутъ какое-то недоразумѣніе. Невѣрно также указано, что извѣстный отзывъ К. Аксакова о «Хорѣ и Калинычѣ» относится къ срединѣ пятидесятыхъ годовъ (стр. 28). Этотъ отзывъ былъ сдѣланъ еще въ 1847 году. Неточно и указаніе: «самъ Тургеневъ пишетъ», что Чернышевскій—змѣя, а Добролюбовъ—очковая змѣя. Этого Тургеневъ нигдѣ не писалъ, а записанъ этотъ его отзывъ Чернышевскимъ.

Вторая статья, вошедшая въ составъ книги о Некрасовѣ, представляетъ основанныя на печатномъ матеріалѣ «историко-литературныя справки» о томъ кружкѣ писателей, который группировался около «Современника», до появленія тамъ новыхъ людей. Главное вниманіе при этомъ удѣлено Тургеневу и его отношеніямъ къ Некрасову. «Очевидно,—говоритъ Пыпинъ о Тургеневѣ,—это былъ характеръ живой, впечатлительный, но нерѣдко неустойчивый и несдержанный, и въ своихъ увлеченіяхъ упрямый,—что было для него не однажды причиной весьма непріятныхъ столкновеній,—хотя послѣднія бывали также и вызываемы. Думаемъ, что эта несдержанность, нетерпимость и самолюбивая поспѣшность въ заключеніяхъ составили не малую долю и въ его разрывѣ съ Некрасовымъ и «Современникомъ» (стр. 67—68).

Далѣе слѣдуетъ самая цѣнная часть книги: болѣе шестидесяти писемъ Некрасова къ Тургеневу, представляющихъ выдающійся интересъ, особенно для характеристики ихъ взаимныхъ отношеній. Эти письма, равно какъ и письма Тургенева къ Некрасову, опубликованныя въ «Русской Мысли» 1902 года (январь), свидѣтельствуютъ о тѣсной дружбѣ, которая соединяла ихъ до половины пятидесятыхъ годовъ, и которая, конечно, продолжалась бы до самой смерти одного изъ нихъ, если бы не вмѣшательство какихъ-то постороннихъ обстоятельствъ, надлежащимъ образомъ не разъясненныхъ и до настоящаго времени. Можно только сказать, что роль Герцена въ ссорѣ Тургенева и Некрасова, выдвинутая на первый планъ г. Гутьяромъ въ его опрометчивой статьѣ («Русская Старина» 1903 г., январь) была очень незначительна. Тургеневъ не могъ повѣрить той клеветѣ, взведенной на Некрасова, которой имѣлъ слабость повѣрить Герценъ. Сообщивъ Тургеневу въ 1857 году о своемъ желаніи съѣздить въ Лондонъ и повидаться съ Герценомъ, Некрасовъ продолжаетъ: «Но, какъ кажется, онъ противъ меня возстановленъ—чѣмъ, не знаю, подозрѣваю, что извѣстной исторіей огаревскаго дѣла. Ты лучше другихъ можешь знать, что я тутъ столько же виноватъ и причастенъ, какъ ты, напримѣръ. Если

вина моя въ томъ, что я не употребилъ моего вліянія, то прежде надо бы знать, имѣлъ ли я его — особенно тогда, когда это дѣло разрѣшалось. Если оно и могло быть, то гораздо прежде» (стр. 170). Для безпристрастнаго читателя этихъ строкъ вполнѣ достаточно, чтобы считать Некрасова въ данномъ случаѣ жертвой клеветы.

И для другой темной исторіи, тяготѣющей надъ памятью Некрасова, для исторіи его отношеній къ Бѣлинскому при основаніи «Современника», разсматриваемыя письма даютъ интересное указаніе. Въ первомъ же изъ этихъ писемъ Некрасовъ сообщаетъ, что онъ предложилъ Бѣлинскому условіе, которое обезпечивало ему при хорошемъ ходѣ журнала, кромѣ жалованья (въ 8 т. р. асс.), еще до 5 т. р. асс. ежегодно, даже въ томъ случаѣ, если бы великій критикъ почему-либо и прекратилъ свое сотрудничество въ «Современникѣ». Къ сожалѣнію, непрактичный Бѣлинскій не воспользовался этимъ предложеніемъ, хотя бы въ пользу своей семьи. «Но онъ странный человѣкъ,—пишетъ Некрасовъ:—сказалъ, что для него будетъ лучше постепенное увеличеніе платы за его труды по мѣрѣ успѣховъ журнала, и на этомъ порѣшили» (стр. 87). О положеніи Бѣлинскаго въ новой редакціи «Современника» можно судить по слѣдующему сообщенію Некрасова въ томъ же письмѣ: «за Огарева на-дняхъ съ Бѣлинскимъ мы воевали (впрочемъ, въ дружелюбномъ тонѣ), и побѣда осталась за нимъ — «монологи погибли для свѣта» (стр. 88). Если мы вспомнимъ, что рѣчь идетъ объ одномъ изъ лучшихъ произведеній Огарева, тогда будетъ понятно, какимъ вѣсомъ пользовалось слово Бѣлинскаго въ редакціи новаго журнала. Найдутся, конечно, скептики, которые скажутъ, что къ заявленіямъ Некрасова нельзя относиться съ полнымъ довѣріемъ. Но писать о такихъ вещахъ неправду Некрасовъ не могъ уже по одному тому обстоятельству, что онъ зналъ о существованіи въ это время дружеской переписки Тургенева съ Бѣлинскимъ, которая, между прочимъ, касалась того же самаго вопроса о положеніи знаменитаго критика въ редакціи «Современника».

Вообще, этотъ сборникъ писемъ даетъ для біографіи Некрасова драгоцѣннѣйшій матеріалъ, тѣмъ болѣе, что другихъ писемъ поэта мы почти не имѣемъ въ печати.

За письмами Некрасова слѣдуютъ замѣтки о его литературной дѣятельности въ качествѣ романиста, литературнаго критика и рецензента. Тутъ разсматриваются его романъ «Три страны свѣта», въ которомъ Пыпинъ видитъ «апоѳеозъ личнаго труда», затѣмъ статья о русской поэзіи, гдѣ Некрасовъ первый указалъ на выдающійся поэтическій талантъ Тютчева. Далѣе дѣлаются очень важныя поправки къ показаніямъ г. Скабичевскаго о прозаическихъ сочиненіяхъ Некрасова. Вопреки первому біографу нашего поэта, онъ не писалъ ни критическихъ статей, кромѣ только что упомянутой статьи о русской поэзіи, ни фельетоновъ подъ названіемъ «смѣси», ни журнальныхъ замѣтокъ 1856 г., которыя почти всецѣло написаны Чернышевскимъ. Затѣмъ приведены выдержки изъ замѣтокъ одного близкаго къ Некрасову лица, вызванныхъ посмертнымъ изданіемъ его стихотвореній. Въ концѣ статьи покойный академикъ горячо защищаетъ некрасовскую поэзію отъ поклонниковъ пресловутаго «искусства для искусства». «Никакія требованія «искусства»,—по его словамъ, — не могутъ обособить поэта отъ настроеній, тревогъ, порывовъ общества, которому онъ принадлежитъ: поэтъ имѣетъ полное право быть не только мечтателемъ, живописателемъ, но и «пророкомъ»... Такимъ образомъ Некрасовъ нисколько не нарушалъ требованій «искусства», когда многія изъ своихъ произведеній посвящалъ интересамъ общественнымъ».

Послѣднее мѣсто въ книгѣ занято «Библіографическимъ обзоромъ литературы о Некрасовѣ» съ конца 1877 года до 1904 года. Обзоръ этотъ сопровождается иногда обширными цитатами изъ статей о Некрасовѣ, между про-

чимъ, изъ статей гг. Буренина, Розанова, Бобрищева-Пушкина и Вогюэ и изъ предисловія къ «Запискамъ» кн. Волконской. Въ общемъ, при всей своей отрывочности, книга Пыпина, особенно благодаря письмамъ Некрасова, должна быть признана очень цѣннымъ вкладомъ въ нашу небогатую литературу о «пѣвцѣ народнаго горя». *С. Ашевскій.*

А. В. Никитенко. «Записки и Дневникъ» (1804—1877 гг.). Изданіе 2-е, исправленное и дополненное по рукописи подъ редакціей, съ примѣчаніями и алфавитнымъ указателемъ М. К. Лемке. Спб. 1905. 2 т. Стр. 629 + 610. Цѣна 7 рублей. Читатели «Русской Старины» 1889—1892 годовъ живо еще помнятъ, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидалась тогда каждая книжка журнала и съ какой лихорадочной поспѣшностью разрѣзывались и прочитывались страницы, занятыя «Дневникомъ» Никитенка. Позже, когда «Записки» и «Дневникъ» появились въ 1893 году отдѣльнымъ изданіемъ въ трехъ томахъ, книга скоро была распродана и сдѣлалась библіографической рѣдкостью. Рѣдкій успѣхъ, выпавшій на долю «Дневника» и доставившій его автору такую популярность, какой онъ никогда не пользовался при жизни, былъ вполнѣ заслуженнымъ. Какъ профессоръ и преподаватель словесности во многихъ учебныхъ заведеніяхъ Петербурга, какъ цензоръ и редакторъ «Современника» и «Сѣверной Почты», какъ академикъ и членъ разныхъ коммиссій по цензурнымъ и университетскимъ вопросамъ, Никитенко былъ поставленъ въ очень благопріятныя условія для того, чтобы сдѣлаться лѣтописцемъ нашей государственной и общественной жизни за цѣлую половину вѣка, обнимающую царствованія Николая I и Александра II почти цѣликомъ. Немного найдется вопросовъ, занимавшихъ правительство и волновавшихъ общество съ 1826 года до 1877 года, которые не отразились бы такъ или иначе въ «Дневникѣ» Никитенка. Особенно богатые матеріалы даетъ онъ для исторіи русской цензуры, журналистики, высшей и средней школы. Представляя собою единственнаго въ своемъ родѣ лѣтописца русской жизни за указанный періодъ времени, Никитенко въ то же время является и безпощаднымъ обличителемъ непорядковъ и нестроеній, господствовавшихъ тогда въ Россіи.

Какъ въ передачѣ безобразныхъ и возмутительныхъ фактовъ нашего «былого», такъ и въ своихъ «думахъ» объ основныхъ причинахъ всѣхъ этихъ безобразій Никитенко проявилъ даже извѣстную долю мужества. Едва ли можно сомнѣваться, что если бы его дневникъ попалъ въ руки III-го отдѣленія временъ императора Николая I, однимъ политическимъ мученикомъ въ Россіи было бы больше. Ни гр. Бенкендорфъ, ни кн. Орловъ не потерпѣли бы, чтобы профессоръ и цензоръ, да еще вышедшій изъ крѣпостныхъ крестьянъ, могъ писать потомству одинъ изъ самыхъ «ужасныхъ доносовъ» на дореформенный режимъ и главныхъ его дѣятелей. «Общественное устройство подавляетъ всякое развитіе нравственныхъ силъ» (I, 319). «Какой же логической дѣятельности можно отъ насъ требовать тамъ, гдѣ все рѣшаетъ слѣпая прихоть и произволъ, основанный только на томъ, что я хочу и могу?» (I, 331). «Государственное воровство и такъ называемыя злоупотребленія—это наша оппозиція, нашъ протестъ противъ неограниченнаго своевластія». «Насъ бичуютъ, какъ во времена Бирона; насъ трактуютъ, какъ безсмысленныхъ скотовъ» (I, 363). Вотъ немногіе образчики тѣхъ записей, которыя можно найти въ «Дневникѣ» первой половины сороковыхъ годовъ. Не останавливаясь передъ нападками на коренные догматы дореформеннаго строя, Никитенко особенно неумолимо относился къ тогдашней бюрократіи, представителями которой могли быть завѣдомые воры, убійцы и даже сумасшедшіе (см. I, 298). «Хотѣть управлять народомъ,—говоритъ Никитенко,—посредствомъ одной бюрократіи, безъ содѣйствія самаго народа, значитъ въ одно и то же время угнетать народъ, развращать его и подавать поводъ бюрократамъ къ безчисленнымъ злоупотребленіямъ» (I, 352).

Приведенныя запись сдѣлана въ 1844 году. Но и впослѣдствіи, послѣ «эпохи великихъ реформъ», радостно встрѣченныхъ Никитенкомъ, рѣзкіе отзывы о бюрократіи не прекращаются, да и не могли прекратиться, потому что бюрократія не замедлила урѣзать тѣ реформы, которыми было положено прочное начало для обновленія государственнаго строя, осужденнаго Никитенкомъ еще въ сороковыхъ годахъ. «Россія... всѣми силами желаетъ избавиться отъ бюрократіи» (II, 331). «Нѣтъ ничего безобразнѣе русской бюрократіи. Характеристика ея въ двухъ словахъ: воровство и произволъ» (II, 333). «Къ двумъ вещамъ нельзя имѣть никакого довѣрія—къ порядкамъ русской администраціи и къ петербургскому климату» (II, 340). «Бюрократическая администрація въ союзѣ съ . . . . . всегда парализировала у насъ духъ народа и его дѣятельность» (II, 399). Такія записи начинаются въ «Дневникѣ» съ 1866 года, когда, послѣ выстрѣла Каракозова, особенно сталъ замѣтенъ поворотъ назадъ. И такое враждебное отношеніе къ русской бюрократіи питалъ человѣкъ очень умѣренный и аккуратный, который не только Герцена, Чернышевскаго, Добролюбова, Писарева и Лаврова обзывалъ «краснокожими либералами» и приписывалъ имъ вредное вліяніе на молодежь, но даже Краевскаго зачислялъ въ разрядъ «красныхъ».

Новое изданіе «Дневника» является исправленнымъ и значительно дополненнымъ, хотя, къ сажлѣнію, исправленія и дополненія могли быть сдѣланы, только начиная съ 1838 года. Предыдущая же часть «Дневника», а равно и «Записки», доведенныя до 1824 года, представляютъ перепечатку съ изданія 1893 года, потому что копія «Записокъ» и «Дневника» до 1838 года, снятая дочерьми Никитенка, оказалось утерянной. Объ этомъ приходится сильно пожалѣть, такъ какъ и въ «Русской Старинѣ», и въ отдѣльномъ изданіи 1893 года «Дневникъ» напечатанъ съ большими пропусками и искаженіями. Пропущены разнаго рода мелочи относительно погоды, здоровья и домашняго обихода, но пропущены или искажены и очень важные факты и сужденія Никитенка. Вотъ нѣсколько примѣровъ искаженія текста вслѣдствіе цензурныхъ соображеній:

Изд. 1893 г.	Изд. 1905 г.
„Очень трудно мириться съ положеніемъ вещей въ странѣ, во главѣ бюрократіи которой стоятъ Валуевы, Шуваловы, гдѣ министры до того слабы, что ѣздятъ и посылаютъ въ Москву спрашивать у Каткова и Леонтьева, что и какъ имъ дѣлать“ (III, 170—171).	„Очень трудно мириться съ положеніемъ вещей въ странѣ, которою. . . . Валуевы, Шуваловы, Толстые, гдѣ министры до того ничтожны и слабы, что ѣздятъ въ Москву спрашивать у Каткова и Леонтьева, что и какъ имъ дѣлать (II, 350).
„Либералы враждуютъ противъ абсолютизма властей...“ (III, 212).	„Либералы враждуютъ противъ абсолютизма правительства, и они правы“. (II, 384).
„Графъ Толстой раздѣляетъ мнѣніе Каткова и Леонтьева. . . . . Катковъ почти безвыходно сидитъ у графа Толстого и дѣйствуетъ въ пользу своего проекта“ (о классическихъ гимназіяхъ, III, 266).	„Министръ видитъ глазами и судитъ умомъ Каткова и Леонтьева . . . Катковъ почти безвыходно у него сидитъ, начиняя его аргументами въ пользу своего проекта (II, 427, 428).
„Два чрезвычайно характеристичныя слова: . . . . . *распекать* и *подтянуть*“ (III, 329).	„Два чрезвычайно характеристичныя слова, изъ которыхъ каждое выражаетъ цѣлую эпоху и цѣлую систему, господствующую въ высшихъ административныхъ кругахъ: *распекать* принадлежитъ николаевскому времени, *подтянуть*—нынѣшнему“ (II, 483).

Изрѣдка встрѣчаются въ этихъ изданіяхъ и разногласія, которыя могутъ быть устранены только справками съ рукописью. Такъ, въ 1827 году, прочитавъ «Обрывъ» Гончарова, Никитенко записалъ: «да проститъ намъ высокодаровитый писатель, и этотъ характеръ въ заключеніе является психологической фальшью и клеветой на русскую женщину». По первому изданію тутъ

идетъ рѣчь о Вѣрѣ, по второму—о бабушкѣ. Подъ 4-мъ декабря 1862 г. записано: «Обѣдалъ у графа Блудова. Никого не было, кромѣ А. Ѳ. Воейкова», а по первому изданію, «кромѣ А. А. Воейковой». Въ данномъ случаѣ несомнѣнна ошибка во второмъ изданіи, потому что А. Ѳ. Воейкова въ это время давно не было въ живыхъ.

Несравненно болѣе въ новомъ изданіи «Дневника» всякаго рода дополненій, начиная съ отдѣльныхъ словъ, чаще всего именъ, отмѣченныхъ въ первомъ изданіи одной буквой, и кончая цѣлыми страницами. Подобнаго рода вставокъ и дополненій можно насчитать цѣлыя сотни. Въ той части «Дневника», которая относится къ царствованію императора Николая I, дополненій сравнительно не много, и касаются они, главнымъ образомъ не фактовъ, а разсужденій самого Никитенка. Такъ, возстановлено то мѣсто, гдѣ Никитенко проклинаетъ Византію, которая сообщила намъ «подавляющую іерархію, ослѣпительную пышность, чтобы отвести глаза, отуманить умы—(дала) все, кромѣ христіанской простоты и человѣчности» (I, 345). Возстановлено слѣдующее разсужденіе Никитенка о причинахъ революцій: «Государственные перевороты, имѣющіе цѣлью утвержденіе закона и справедливости, не могутъ быть плодомъ теорій: ихъ вызываетъ крайняя нужда, а эта нужда обыкновенно состоитъ въ отсутствіи законности, порождаемомъ развратомъ власти» (I, 355). Возстановлены тѣ мѣста, гдѣ Никитенко выражаетъ сочувствіе февральскай революціи и негодуетъ на ту «нелѣпую и дикую, жалкую для человѣческаго достоинства, комическую для постронняго зрителя» драму, которая разыгралась въ Россіи послѣ западно-европейскихъ событій 1848 года.

Сравнительно немного дополненій и въ «Дневникѣ» 1855—1860 годовъ. Но уже въ «Дневникѣ» 1861 года сдѣланы очень важныя и интересныя вставки, касающіяся воскресныхъ школъ, прокламацій, арестовъ, варшавскихъ событій, рѣчи Чернышевскаго на могилѣ Добролюбова и т. д. Такъ, о воскресныхъ школахъ говорится, что «князь Долгорукій подалъ государю записку о ихъ пагубности: онѣ де угрожаютъ революціей и еще чортъ знаетъ чѣмъ» (II, стр. 1). О рѣчи Чернышевскаго сообщается: «темою было, что Добролюбовъ умеръ жертвою цензуры, которая обрѣзывала его статьи и тѣмъ довела до болѣзни почекъ, а затѣмъ и до смерти» (II, стр. 58). Особенно много дополненій относительно студенческихъ волненій и неудачнаго министерства адмирала Путятина. «Видно вообще,—говоритъ Никитенко,—что графъ Путятинъ не понимаетъ многихъ вопросовъ и задачъ по управленію министерствомъ (народнаго просвѣщенія). Его идеи во многомъ очень странны, чтобы не сказать дики; напримѣръ, о преподаваніи исторіи, теоріи механики и т. д. Онъ склоняется къ классическому образованію. Но почему?—самъ не знаетъ. Такъ видѣлъ онъ въ Англіи. Мнѣ, кажется, что графъ вообще ограниченъ. Въ голову его трудно вложить свѣтлую и полезную мысль, потому что онъ и упоренъ, какъ всѣ ограниченные люди» (II, стр. 33).

Въ «Дневникѣ» за послѣдующіе годы возстановлены, между прочимъ, отзывы Никитенка о современныхъ ему государственныхъ дѣятеляхъ, напримѣръ, о Головинѣ, Валуевѣ, графѣ Шуваловѣ, Тимашевѣ, гр. Паленѣ, гр. Д. Толстомъ, Деляновѣ и др. Возстановлены также рѣзкіе отзывы о бюрократіи, о реакціонныхъ теченіяхъ, о классицизмѣ и многое другое. Особеннаго вниманія заслуживаютъ новыя сообщенія Никитенка о проведеніи гимназической реформы и его отзывы о гр. Д. Толстомъ, съ которымъ онъ былъ близко знакомъ и даже друженъ. Гр. Толстой изображается въ «Дневникѣ» человѣкомъ безхарактернымъ, самонадѣяннымъ, тщеславнымъ, врагомъ печати, за исключеніемъ «Московскихъ Вѣдомостей», передъ авторитетомъ которыхъ онъ преклонялся. «Девизомъ графа Д. А.—по отзыву Никитенка—могутъ служить слова: «всѣ дураки, кромѣ меня одного» (II, 501).

Новое изданіе «Дневника» Никитенка не только исправлено и дополнено, но и снабжено еще примѣчаніями г. Лемке, гдѣ «указаны или ошибки автора, или неясность и неполнота сообщенія, при которыхъ самый фактъ становится недостаточно понятнымъ для современнаго читателя». Къ сожалѣнію, эти примѣчанія и поправки, иногда очень цѣнныя, касаются, главнымъ образомъ, фактовъ изъ исторіи русской цензуры и журналистики, а въ остальномъ очень многое оставлено безъ объясненія и поправокъ. Но съ этимъ недостаткомъ слѣдуетъ примириться уже потому, что присоединеніе къ «Дневнику» подробныхъ комментаріевъ на манеръ г. Саитова или г. Барсукова увеличило бы изданіе вдвое, если не болѣе, и помѣшало бы его распространенію.

Несравненно болѣе важнымъ недостаткомъ является масса пропусковъ. Пропущены отдѣльныя слова, которыя иногда легко подразумѣваются, но пропущены также и цѣлыя фразы и отрывки, о содержаніи которыхъ не дано никакихъ указаній. Удивленіе читателя при видѣ черточекъ, которыми отмѣчены пропуски, увеличится еще сильнѣе, когда онъ изъ предисловія редактора узнаетъ, что «въ громадномъ большинствѣ случаевъ они (пропущенныя мѣста) представляютъ собой не фактическое изложеніе, а лишь мысли и выводы самого А. В. Никитенка». Итакъ, «въ наше время, когда и т. д.», нельзя еще знать, о чемъ мечталъ и думалъ тридцать-сорокъ лѣтъ тому назадъ очень благонамѣренный человѣкъ, весь либерализмъ котораго ограничивался осужденіемъ бюрократіи, защитой реформъ и скромными мечтами о конституціи въ отдаленномъ будущемъ (см. II, 561). Будемъ надѣяться, что скоро наступитъ то время, когда цензоръ Никитенко окажется вполнѣ «цензурнымъ» писателемъ, и третье изданіе его «Дневника» выйдетъ безъ всякихъ урѣзокъ и пропусковъ.

С. Ашевскій.

ПУБЛИЦИСТИКА.

А. С. Пругавинъ. „Монастырскія тюрьмы“ (къ вопросу о вѣротерпимости). — *У. Уорнеръ.* „Неотложное дѣло“. — *В. Л. Новгородцевъ.* „Германія и ея политическая жизнь“.

А. С. Пругавинъ. Монастырскія тюрьмы въ борьбѣ съ сентантствомъ (къ вопросу о вѣротерпимости). Изданіе «Посредника» для интел. читателей. Эта небольшая книга наводитъ на очень большія размышленія. Она знакомитъ съ существованіемъ въ Россіи такого огромнаго зла, съ которымъ можетъ сравниться развѣ только средневѣковая испанская инквизиція или наша эпоха «слова и дѣла». Но и инквизиція, и канцелярія тайнаго приказа уже давно отошли въ область ужасныхъ преданій, а монастырскія тюрьмы со всѣми ихъ ужасами представляютъ самое современное зло, онѣ сохранились до нашихъ дней и въ XX столѣтіи сохранили всѣ специфическія черты средневѣкового человѣконенавистничества и жестокости. А. С. Пругавинъ, въ рядѣ живыхъ очерковъ, проникнутыхъ чувствомъ истинной гуманности къ судьбѣ монастырскихъ узниковъ, рисуетъ цѣлую галлерею типовъ людей, большинство которыхъ, вмѣсто пожизненнаго или многолѣтняго заключенія въ тюрьмѣ, по своимъ нравственнымъ качествамъ или по силѣ своего духа достойны были бы удивленія и поклоненія. Большая часть ввергнутыхъ въ монастырскія тюрьмы въ «доброе старое время» принадлежала къ числу «религіозныхъ отщепенцевъ», людей, которые предпочитали смерть или вѣчную тюрьму какой-нибудь хотя ничтожной уступкѣ въ области своихъ вѣрованій. Въ новѣйшее время, кромѣ «еретиковъ и пропагаторовъ», какъ аттестуетъ ихъ епархіальное начальство, въ монастырскіе казематы стали попадать люди не за одни только

религіозныя убѣжденія. Вотъ, напримѣръ, какого узника скрывала еще недавно знаменитая тюрьма Спасо-Ефиміева монастыря: архангельскій уроженецъ Василій Осиповичъ Раховъ былъ посаженъ туда въ 1894 года за дѣятельность, которая характеризуетъ его, какъ замѣчательнаго гуманиста, насквозь проникнутаго идеею беззавѣтной любви къ ближнему. Отказавшись отъ предстоявшей ему хорошей карьеры и безпечальнаго существованія, онъ всю свою жизнь посвятилъ оказанію помощи страждущимъ и неимущимъ. Являясь всюду, гдѣ царила нищета и порокъ, Раховъ на свои средства устраивалъ безплатныя столовыя, почлежные пріюты, чтенія, раздавалъ и читалъ бѣдотѣ книги духовно-нравственнаго содержанія, разносилъ по домамъ семейныхъ бѣдняковъ, муку, дрова, хлѣбъ и т. п. Разумѣется, такая «недозволенная» и «странная» дѣятельность навлекала на Рахова неоднократно гнѣвъ начальства и онъ былъ дважды высылаемъ изъ мѣстъ своей необыкновенной подвижнической дѣятельности. Наконецъ, начальство добилось того, что онъ былъ преданъ суду архангельской судебной палаты, которая, однако, не нашла въ его дѣйствіяхъ ничего преступнаго и оправдала его. Мѣстная администрація, во главѣ съ губернаторомъ А. П. Энгельгардтомъ, также ничего не имѣла противъ Рахова и его дѣятельности, но архангельское епархіальное начальство возбудило ходатайство о ссылкѣ и заточеніи его въ Суздальскій Спасо-Ефиміевъ монастырь. Ходатайство это было немедленно уважено и Раховъ просидѣлъ въ одиночной тюрьмѣ 8 лѣтъ; только въ 1902 году ему возвратили свободу такъ же безпричинно, какъ и лишили ея. Примѣровъ такого заточенія, если не столь яркихъ по внѣшнимъ обстоятельствамъ, то совершенно аналогичныхъ по духу, г. Пругавинъ приводитъ въ своей книгѣ великое множество. Какъ большинство случаевъ заточенія не вызвано было никакими преступными дѣяніями заточенныхъ, такъ и самый «институтъ» заключенія въ монастырскихъ тюрьмахъ не предусмотрѣнъ ни однимъ русскимъ законодательнымъ актомъ. Авторъ нигдѣ не нашелъ никакого закона, относящаго до ссылки и заточенія въ монастырскихъ тюрьмахъ и условій содержанія въ нихъ. Вся эта многовѣковая расправа съ ни въ чемъ неповинными людьми была результатомъ произвола. Въ монастыри заточали не какія-либо опредѣленныя власти, а положительно кто хотѣлъ. Въ 1835 году, при ревизіи соловецкой тюрьмы, обнаруженъ былъ одинъ узникъ, нѣкто Левъ Павловъ, сосланный туда «за старообрядчество» по секретному отношенію архангельскаго губернскаго правленія! Нужно ли болѣе яркой характеристики царящаго въ этой области произвола и безправія.

Не совсѣмъ обычна книга г. Пругавина и по своему литературному содержанію: кромѣ трехъ отдѣловъ, принадлежащихъ перу автора, книга содержитъ въ себѣ «критическія замѣчанія духовнаго цензора», какъ обозначено на обложкѣ, іеромонаха Александра. Нсожиданный, а можетъ быть и непрошенный сотрудникъ г. Пругавина снабдилъ нѣкоторыя обличенія автора своими примѣчаніями, въ которыхъ читатель, однако, не найдетъ опроверженія ни одного изъ возмутительныхъ фактовъ, приведенныхъ г. Пругавинымъ; замѣчанія сводятся къ незначительнымъ отпискамъ, никого не убѣждающимъ и ничего не опровергающимъ. *Ю. Лавриновичъ.*

У. Уорнеръ. Неотложное дѣло. Тяжкій обвинительный актъ—таково содержаніе главныхъ частей посвященной нашему желѣзнодорожному дѣлу поучительной книги У. Уорнера. Авторъ не умѣетъ ни обобщать явленій, ни доискаться первоисточника ихъ. Просто и незатѣйливо, фактъ за фактомъ, страница за страницей разсказываетъ авторъ въ главной части своей книги, какъ воистину невозможно положеніе нашего желѣзнодорожнаго хозяйства. На первый взглядъ прямо-таки невѣроятныя указанія автора снабжены ссылками на

оффиціальные источники. Повсюду проведена параллель между нашими желѣзнодорожными порядками и тѣми, какіе уже давнымъ давно установлены въ С.-А. Соед. Штатахъ.

На фонѣ этого сравненія вырисовывается грандіозная картина нашей путаницы, безалаберщины и поразительнаго неустройства. Глазъ читателя раньше всего останавливается именно на отдѣльныхъ деталяхъ. Во многихъ мѣстахъ, обладающихъ желѣзнодорожными путями сохранилась у насъ гужевая перевозка. Благодаря всяческому «неустройству» гужевыя перевозки эти практикуются рядомъ съ рельсовыми путями и оказываются значительно выгоднѣе и скорѣе.

Скорость товарныхъ поѣздовъ въ Соед. Штатахъ, оказывается, несравненно выше нашихъ курьерскихъ поѣздовъ (стр. 17).

Тарифы на нашихъ дорогахъ—до послѣдней степени произвольны и спутаны. Грузы, предназначаемые къ отправкѣ, напримѣръ, на югъ, во многихъ мѣстахъ *нарочно* отправляютъ раньше на извѣстное разстояніе на сѣверъ, чтобы уже оттуда отправить ихъ на югъ, снова провозя ихъ мимо станціи отправленія. Такъ оказывается для отправителей дешевле и скорѣе (стр. 198).

Всѣ эти и подобные, во множествѣ разсѣянные въ книгѣ Уорнера, факты не являются у насъ чѣмъ-либо исключительнымъ или случайнымъ. Это общее и *привычное* явленіе.

Всякія бываютъ привычки. «Свинья есть животное грязное—за что и получила свое названіе», разсказывалъ будто бы на экзаменѣ нѣкій ученикъ. У. Уорнеръ, дѣлясь своими наблюденіями, разсказываетъ, что «въ Соед. Шт., гдѣ свиней держатъ въ чистотѣ, въ хорошихъ помѣщеніяхъ, моютъ щетками—свиньи не пойдутъ въ грязь. Я не разъ наблюдалъ,—пишетъ г. Уорнеръ своимъ страннымъ, не вполнѣ русскимъ стилемъ,—что свиньи не выйдутъ изъ своего помѣщенія, если передъ дверью образовалась лужа, пока не положатъ для перехода ея мостковъ».

Всякія бываютъ привычки. Тѣ, которыя установились въ нашемъ желѣзнодорожномъ дѣлѣ, несомнѣнно показываютъ, что далеко не во всѣхъ областяхъ мы «отстали». Есть отрасли, въ которыхъ мы идемъ далеко впереди Соед. Штатовъ. Это области денежныхъ затратъ на желѣзныя дороги и несчастныхъ случаевъ на нихъ.

Несчастные случаи являются у насъ даже не случаями, а системой. На каждую тысячу верстъ пути, при несравненно меньшей скорости и частотѣ движенія, число несчастій въ Россіи *въ шесть разъ больше* чѣмъ въ Соед. Штатахъ (стр. 20). При этомъ въ Соед. Шт. количество несчастій съ каждымъ годомъ непрерывно уменьшается, а у насъ возрастаетъ. За послѣднія 10 лѣтъ число несчастій на каждую тысячу верстъ выросло у насъ болѣе, чѣмъ втрое (стр. 25).

Еще того хуже обстоитъ дѣло въ Азіатской Россіи, гдѣ однихъ только убитыхъ, по сравненію съ остальными *русскими* же путями, въ среднемъ, больше на 510 процентовъ (стр. 26).

Благомъ для страны нашей является развѣ только *медленность* увеличенія нашего желѣзнодорожнаго пути говоритъ У. Уорнеръ. Съ этимъ положеніемъ безусловно трудно не согласиться.

Какъ извѣстно, въ Соед. Шт. постройка дорогъ представлена исключительно частному почину. Никакихъ субсидій, сдачъ въ казну и т. п. благъ вовсе не имѣется. Собственники дорогъ остаются на почвѣ свободной конкуренціи подъ строгимъ контролемъ и отвѣтственностью. Полностью взыскиваются съ дорогъ всѣ убытки не только за задержку грузовъ или порчу ихъ, но и убытки отъ снѣжныхъ заносовъ, циклоновъ и т. п. причинъ (стр. 109).

Несмотря на это, дороги, при тарифѣ въ 2,6 раза болѣе низкомъ, чѣмъ у насъ, приносятъ огромные доходы.

Совершенно иначе обстоитъ дѣло у насъ. Помимо казенныхъ затратъ въ 700 милліоновъ рублей (стр. 35) за 1901 годъ напр., одни только *проценты* по займамъ для желѣзнодорожныхъ предпріятій обошлись казнѣ въ 192½ милліона рублей (стр. 36). Эти затраты естественно возрастаютъ. За 1901 годъ каждая верста нашихъ путей принесла въ среднемъ убытку свыше 138 тысячъ рублей.

Любопытно подробнѣе остановиться на данныхъ, относительно Сибирскаго пути, получившаго теперь такое грустное значеніе: «Стоимость постройки Сибирскаго пути,—констатируетъ Уорнеръ,—заставила казначейство поплатиться вмѣсто смѣтной суммы въ 47 тысячъ рублей ужасающей цифрой въ 104 тысячи за версту.

«Я не буду, —продолжаетъ онъ—говорить о впечатлѣніи, которое произвела эта постройка, вызывающая постоянно неудовольствіе и осужденіе не только въ Россіи, но и въ Америкѣ. Выведенная сумма стоимости дороги, такъ плохо построенной, конечно, не окончательная: много денегъ еще на нее потребуютъ и все-таки не сдѣлаютъ ее лучшей» (стр. 91).

Г. Уорнеръ приводитъ сообщенія парижскаго географическаго общества о Сибирской желѣзной дорогѣ.

«Дорога построена дурно, поѣздъ идетъ 13 верстъ въ часъ, послѣ дождя вагоны и самый путь смываются и уносятся, о несчастіяхъ не сообщаютъ, отчего они неизвѣстны»—вотъ главныя частности этого сообщенія.

«Когда начали строить круго-байкальскую дорогу, стоившую непомѣрную сумму 220 тысячъ рублей за версту—пришлось дорогу ломать и относить на новое мѣсто—разсказываетъ далѣе У. Уорнеръ.—Всѣ разсказы очевидцевъ о Великомъ Сибирскомъ пути приводятъ въ ужасъ», заключаетъ онъ (стр. 92).

Наблюдается, однако, и извѣстный «порядокъ» въ нашемъ желѣзнодорожномъ дѣлѣ. Сказывается онъ въ томъ, что во всѣхъ областяхъ дѣло обстоитъ одинаково и почти равномѣрно грустно.

«Русскіе тарифы все равно, что китайская грамота, заявляетъ г. Уорнеръ: —ихъ никто не понимаетъ, да ихъ и нельзя понять. Въ одной только тарифной таблицѣ, напр., за № 6833 заключается тетрадь въ 99 страницъ цыфръ плюсъ LXXII разсчетныхъ таблицы и еще 36 добавочныхъ таблицъ» (стр. 192).

Таковъ тарифъ за № 6833, такихъ тарифовъ еще много, много десятковъ тысячъ...

Поучительной—назвали мы книгу Уорнера. Исключительно къ фактической части книги относится этотъ эпитетъ. Совершенно иной представляется остальная часть.

Языкъ книги «деревянный», неправильный и неуклюжій. Поражаетъ манера автора безъ малѣйшихъ переходовъ перескакивать отъ мелочныхъ частностей къ обобщающимъ выводамъ и обратно. Система совершенно отсутствуетъ. Мысль автора безпорядочно прыгаетъ. Не продумана даже самая цѣль: на что именно, на какого читателя разсчитана книга. Отъ имѣющихъ общее значеніе и общій интересъ данныхъ авторъ неожиданно переходитъ къ утомляющимъ описаніямъ различныхъ винтиковъ и гаекъ и т. п. деталямъ, неумѣстнымъ въ отнюдь не технической, популярной работѣ, какою по существу своему является разсчитанная на широкій кругъ читателей книга Уорнера. Личныя воззрѣнія У. Уорнера относительно вопросовъ дипломатіи, внутренней и внѣшней политики и т. п., которыми, къ сожалѣнію, въ изобиліи снабжена книга, только нарушаютъ цѣнность приводимыхъ имъ фактовъ и данныхъ. Пока г. Уорнеръ говоритъ о нашемъ желѣзнодорожномъ дѣлѣ, онъ въ своей

сферѣ. Стоитъ ему, однако, уклониться въ сторону своихъ соображеній, и получается что-то ненужное, непріятное, а главное—неразумное. Главное зло Россіи, оказывается, это иностранцы. «Эксплоатируютъ Россію иностранцы,—увѣдомляетъ неоднократно, г. Уорнеръ:—иностранцы, снабжающіе ее своими не высокаго качества произведеніями по баснословно дорогой цѣнѣ». Зачѣмъ же и почему покупаютъ въ Россіи эти не высокаго качества произведенія, да еще по баснословно дорогой цѣнѣ—сути этого вопроса г. Уорнеръ не замѣчаетъ.

«Иностранцамъ у насъ нѣтъ преграды (стр. 206), заявляетъ онъ снова и снова:—они находятся въ Россіи въ такихъ условіяхъ, которыя лишаютъ русскихъ возможности конкурировать съ ними».

Очень явственно слышится въ разсужденіяхъ г. Уорнера и специфическій запахъ «Новаго Времени».

«По моему мнѣнію, по замиреніи Кавказа слѣдовало бы назначать (?) туда только русскихъ», немилостиво рѣшаетъ онъ (стр. 206).

«Строили дороги,—грустно вспоминаетъ г. Уорнеръ грѣхи нашего прошлаго: евреи, какъ Шмуль Поляковъ..., плотникъ П. У. Губонинъ..., достигшіе чина Д (д?)ѣйствительнаго С (с?)татскаго С (с?)овѣтника и имъ подобные»... «Это время хорошо описалъ Скальковскій въ «Новомъ Времени», утѣшается г. Уорнеръ.

Хотя главная цѣнность труда У. Уорнера именно компилятивная, но къ писавшимъ до него г. Уорнеръ относится очень подозрительно. «Исписали массу бумаги и ничего не объяснили, переливая изъ пустого въ порожнее гнѣвается онъ, (стр. 201).—Пусть это останется на совѣсти пишущей братіи»,—говоритъ онъ (стр. 201) по этому поводу.

Книга У. Уорнера, несмотря на недостатки свои,—поучительная книга... Изо всей изображаемой имъ чисто бюрократической путаницы и неразберихи, этой свистопляски десятковъ тысячъ лишнихъ смертей, этой вакханаліи лишнихъ и на вѣтеръ выброшенныхъ милліардовъ народныхъ денегъ властно вырисовывается общая, гораздо болѣе многообъемлющая картина.

Видится вся эта унылая, колоссальная страна, «счастье которой въ томъ, что *мало* еще въ ней желѣзнодорожныхъ путей». Видятся и дороги эти, сиротливо разбросанныя по неоглядной равнинѣ.

Эти клади, которые гужомъ «по старинкѣ» приходится везти рядомъ съ рельсовыми путями, эти залежи—милліоны народнаго хлѣба, гніющаго на станціяхъ—все это характерно, характерно не менѣе, чѣмъ и лишніе десятки тысячъ «происшествій», чѣмъ и лишніе на вѣтеръ брошенные милліарды рублей.

Тягостнымъ и яркимъ знаменіемъ, своеобразнымъ символомъ общаго положенія встаетъ передъ глазами вся эта мрачная путаница и мучительная безалаберщина. И чѣмъ больше вчитываешься въ факты книги У. Уорнера, чѣмъ глубже вдумываешься въ значеніе ихъ, тѣмъ ярче видна общая картина, «какъ солнце въ малой каплѣ водъ» отразившаяся здѣсь. И все яснѣе и яснѣе чувствуется иной, общій и непредвидѣнный авторомъ смыслъ словъ, избранныхъ имъ для заглавія его книги, простыхъ и ясныхъ словъ: «Неотложное дѣло!..»

И. Василевскій.

Л. В. Новгородцевъ. Германія и ея политическая жизнь. Изд. товарищества «Знанія». Историко-политическая библіотека. № 6. 1904 г. Цѣна 1 руб. 20 к. Благодаря многимъ условіямъ, перечислять которыя не мѣсто въ краткой библіографической замѣткѣ, русскій читатель съ особенной живостью и интересомъ слѣдитъ за ходомъ политической жизни у зарубежныхъ народовъ. И можно сказать навѣрное, что многія стороны этой чуждой жизни большинству читателей даже средняго развитія гораздо лучше знакомы, чѣмъ соотвѣтственныя черты нашего государственнаго строя. До сихъ поръ этотъ политическій интересъ, естественно направленный за границу, встрѣчалъ со-

чувственный откликъ со стороны иностранныхъ корреспондентовъ нашихъ газетъ и журналовъ, историковъ и публицистовъ. Но въ послѣдніе годы мы должны отмѣтить и особенно большой выборъ книгъ и сборниковъ, удовлетворяющихъ указанную любознательность читающихъ массъ. Нельзя сказать, чтобы многочисленныя сочиненія, знакомящія русскую публику съ политическимъ строемъ западныхъ государствъ, отличались исчерпывающей полнотой изложенія или претендовали на строгую научность. Да къ этому авторы и не стремятся. Преимущественно *публицистическая* манера, съ которой они трактуютъ избранный предметъ, и говоритъ убѣдительнѣе всего, что книга разсчитана на широкій кругъ читателей и имѣетъ въ виду не чисто научную любознательность.

Книга г. Л. В. Новгородцева относится къ сочиненіямъ того же рода и отличается тѣми же самыми достоинствами и недостатками. Впрочемъ, авторъ сознательно пожелалъ избѣжать обычныхъ «недостатковъ», вытекающихъ, какъ мы сказали, главнымъ образомъ, изъ публицистической манеры письма. «Книга, —заявляетъ авторъ въ предисловіи,—имѣетъ въ виду читателей, ищущихъ въ данномъ случаѣ не защиты консервативныхъ, либеральныхъ или соціалистическихъ взглядовъ, а данныхъ о силѣ и значеніи политическихъ факторовъ современной Германіи». Но это благое пожеланіе, судя по предлагаемой книгѣ, не подъ силу русскому писателю. Все время сдерживая себя и напоминая факты, только факты, авторъ принужденъ былъ пользоваться «какъ можно больше» статистическими данными. Конечно, такой методъ безусловно «объективенъ», и въ книгѣ есть много любопытныхъ цифровыхъ данныхъ о политической жизни въ Германіи. Но въ книгѣ слишкомъ много цифръ, и нѣкоторыя главы напоминаютъ скорѣе какое-нибудь справочное оффиціальное изданіе по разнымъ отраслямъ народной жизни, чѣмъ книгу, предназначенную для «историко-политической библіотеки». У автора цифра совсѣмъ не говоритъ (до того доходитъ ея «объективность»!), а чтобы превратиться въ «живую цифру», ей необходимо нѣсколько больше связующихъ словъ и идей, чѣмъ ихъ отпустилъ авторъ для своего сочиненія. Иногда конспективность изложенія доходитъ до того, что скорѣй прилична въ оглавленіи, чѣмъ въ текстѣ: «Рядъ побѣдъ. Паденіе Наполеона. Полный разгромъ Франціи. Потоки крови. Торжество политики Бисмарка. Патріотическое опьяненіе нѣмецкаго народа. Преодолѣніе сопротивленія Баваріи и Вюртемберга». Такъ авторъ описываетъ франко-прусскую войну и ея послѣдствія. Съ другой стороны, нельзя не отмѣтить поражающія и даже непонятныя среди этого немногословія три страницы, передающія личныя впечатлѣнія автора отъ студенческихъ «мензуръ», дуэлей. И въ нѣкоторыхъ другихъ отдѣлахъ (напр., въ главѣ, посвященной нѣмецкой соціалъ-демократіи) авторъ точно также внезапно переходитъ отъ сухихъ строкъ справочнаго изданія къ жанровымъ сценкамъ фельетоннаго характера. Такая неуравновѣшенность въ манерѣ изложенія сильно вредитъ впечатлѣнію, и картина политической жизни въ Германіи, не выдержанная въ одномъ тонѣ, бросается въ глаза ненужными деталями на сѣромъ, смутномъ фонѣ «объективныхъ» цифръ. При всемъ стремленіи писать, главнымъ образомъ, арабскими знаками, авторъ не удержался отъ нѣкоторыхъ теорій, которыя опять-таки мало способствуютъ изобразительности. Такъ, напр., предпосылая характеристикѣ политическихъ партій изображеніе общей соціальной структуры Германіи, какъ среды, изъ которой политическія партіи происходятъ, авторъ совсѣмъ не достигъ намѣченной имъ цѣли потому только, что подъ соціальной средой имъ разумѣется та же «объективная» комбинація цифръ. Дѣленіе общества на три класса по источнику дохода онъ отвергаетъ, какъ не совсѣмъ правильное, на очень простомъ ариѳметическомъ основаніи: «поземельная рента можетъ повышаться лишь насчетъ заработной платы или

прибыли капитала; прибыль капитала можетъ повышаться лишь насчетъ поземельной ренты или заработной платы, наконецъ, заработная плата можетъ повышаться лишь насчетъ прибыли капитала или поземельной ренты. Но вѣдь и процентъ денежныхъ капиталистовъ можетъ повышаться лишь насчетъ одной изъ этихъ группъ, поэтому и ихъ надо признать классомъ», заключаетъ свою критику авторъ. Увлекшись ариѳметическимъ дѣленіемъ, авторъ совершенно позабылъ о томъ, что ему необходимо разобраться въ *соціологическомъ* основаніи дѣленія общества на классы по источнику дохода. Продолжая въ томъ же духѣ, можно было бы утверждать, что и каждый отдѣльный человѣкъ представляетъ особый «классъ», потому что и его доходъ можетъ повышаться лишь насчетъ дохода прочихъ «классовъ» при «данной величинѣ національнаго дохода». Исходя изъ этой пресловутой «данной» величины національнаго дохода, столь же пригодной въ соціологіи, какъ и родственная ей теорія «данной» величины «рабочаго фонда», похороненная наукой, авторъ и велъ свое опроверженіе. Вмѣсто этого г. Новгородцевъ предлагаетъ другое дѣленіе на классы,—по *величинѣ* дохода,—на «бѣдныхъ», «средній слой» и «богатыхъ». Почему эта бухгалтерія, не имѣющая ничего общаго съ соціологической классификаціей, положена авторомъ въ основаніе общественной структуры Германіи,—неизвѣстно. Тѣмъ болѣе, что удовольствовавшись такимъ коммерческимъ подсчетомъ, безъ единаго указанія на соціальныя связи между этими «классами», авторъ... отложилъ свою схему въ сторону. Ибо «при группировкѣ германскихъ политическихъ партій,—говоритъ г. Новгородцевъ,—не считаемъ возможнымъ исходить изъ какой-нибудь заранѣе теоретически установленной схемы». Все это еще болѣе способствуетъ смутности общей картины, и, напр., соціальное происхожденіе и значеніе «центра», не укладывающагося, по заявленію автора, въ трехпартійную схему (на основаніи подраздѣленія общества по источнику дохода), остается совершенно невыясненнымъ, такъ какъ не вмѣщается и въ соціальной структурѣ, придуманной авторомъ. Вообще, характеристика политическихъ партій не отличается яркой опредѣленностью и глубиной и не создаетъ хорошо запоминаемаго образа.

«Объективизмъ» автора не позволилъ ему нарисовать картины, если подъ объективизмомъ разумѣть старательное воздержаніе отъ какихъ бы то ни было идей, оплодотворяющихъ безжизненныя цифры. Послѣднихъ, мы должны повторить, въ книгѣ собрано достаточно и среди нихъ есть много, дѣйствительно, интересныхъ статистическихъ данныхъ о жизни въ Германіи. *Л. Б.*

СОЦІОЛОГІЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

В. Зомбартъ. „Идеалы соціальной политики".—*І. Шмеле.* „Соціалъ-демократическіе союзы въ Германіи".

В. Зомбартъ. Идеалы соціальной политики. Пер. съ нѣмецкаго П. Ф. Теплова. Изд. 2-е товарищества «Знаніе». Спб. 1905. Цѣна 40 коп. Небольшая, но весьма содержательная брошюрка В. Зомбарта по праву пользуется у насъ вниманіемъ и требуетъ новыхъ изданій. Кромѣ ясности и блеска изложенія, столь свойственныхъ автору, она отличается еще и чрезвычайной ясностью мысли при богатствѣ идейнаго содержанія. Послѣдовательное развитіе основнаго принципа, знаніе авторомъ того, что онъ хочетъ сказать, сообщаетъ сочиненію Зомбарта особенную стройность, не искажаемую никакими посторонними, хотя бы и цѣнными логическими пристройками. Читатель легко слѣдуетъ за авторомъ, испытывая при этомъ эстетическое наслажденіе отъ того,

какъ Зомбартъ ведетъ его къ строгому опредѣленію, что такое соціальная политика и чѣмъ она должна быть.

Въ сущности все произведеніе и состоитъ въ томъ, чтобы найти опредѣленіе понятія «соціальной политики» и освободить его отъ несоціальныхъ примѣсей. Уже одной умѣлой постановкой задачи автору удается въ самомъ началѣ книги выдѣлить соціальную политику, какъ «мѣропріятія экономической политики, которыя имѣютъ цѣлью или слѣдствіемъ сохраненіе, содѣйствіе развитію или уничтоженіе, подавленіе опредѣленной экономической системы или ея составныхъ частей». Анализируя это понятіе въ его соціальныхъ основаніяхъ, освѣтивъ его съ точки зрѣнія разнообразныхъ индивидуальныхъ стремленій и идеаловъ, Зомбартъ приходитъ къ строго вытекающему изъ опредѣленія заключенію: «Здоровая соціальная политика должна имѣть своей задачей возможную поддержку того соціальнаго класса, который является носителемъ экономическаго прогресса, потому что лишь такимъ путемъ можетъ быть осуществленъ ея идеалъ: высшее развитіе производительныхъ силъ, достиженіе котораго необходимо требуется въ интересахъ культурнаго прогресса».

Прочно сплетенная руководящая нить позволяетъ автору въ интересахъ своей задачи подвергнуть уничтожающей критикѣ точку зрѣнія этическихъ и вѣроисповѣдныхъ соціалъ-политиковъ, теорія и практика которыхъ пользуется и у насъ большимъ распространеніемъ. Ихъ этическую и вѣроисповѣдную систему Зомбартъ характеризуетъ, какъ оцѣнку «отъ случая къ случаю». «У нихъ идетъ непрерывное зашиваніе прорѣхъ и смягченіе золъ—сегодня капитализма, завтра ремесла, послѣзавтра крестьянства, а тамъ крупнаго землевладѣнія, и въ результатѣ, конечно, получается хаосъ». Относясь отрицательно къ какой-нибудь части общей системы (причемъ вся экономическая система въ цѣломъ ими не осуждается), «этики», что характерно для ихъ критики точки зрѣнія, заимствуютъ понятіе о «справедливомъ» изъ до-капиталистическаго времени. «Проблема отношенія этики къ экономикѣ всегда пріобрѣтаетъ большое практическое значеніе лишь тамъ, гдѣ этика выступаетъ консервативной или реакціонной экономически».

Стремясь въ своей государственной политикѣ къ общему «примиренію» или «соглашенію» всѣхъ интересовъ, «этики», естественно, становятся въ рѣзкое противорѣчіе съ авторомъ, который утверждаетъ, что «цѣлесообразная соціальная политика неизбѣжно должна быть классовой». Не о штопаньи прорѣхъ капитализма, не о мѣстномъ лѣченіи одного изъ многочисленныхъ золъ современнаго строя можетъ идти рѣчь тамъ, гдѣ вся «экономическая жизнь находится въ процессѣ непрерывныхъ переворотовъ», гдѣ «примиреніе», проводимое государственными средствами, въ сущности означаетъ подавленіе наиболѣе прогрессивныхъ явленій, репрессіи относительно слишкомъ рвущихся къ свободному развитію общественныхъ группъ. Тамъ, гдѣ господствуетъ шатаніе общественной мысли соотвѣтственно колебанію государственнаго курса, «безжалостная», но ярко выраженная точка зрѣнія Зомбарта поможетъ пролить не менѣе «безжалостный» свѣтъ на все зло въ цѣломъ, систематическомъ его видѣ. Дѣломъ соціальной политики можетъ быть только расчистка пути, «по которому человѣчество стремится впередъ къ свѣту и свободѣ». Поэтому она засоряется чуждыми ей цѣлями, если вмѣсто того, чтобы выдвигать все жизнеспособное, она старается «примирить» и «согласить» одряхлѣвшія формы жизни съ новыми и прогрессивными явленіями. Бодрая, здоровая рѣчь Зомбарта направлена на обоснованіе и въ защиту постоянной «весны» жизни, безпрерывнаго соціальнаго творчества. Все, что говоритъ о «смягченіи» различныхъ золъ, чуждо этому творчеству. Оно строитъ новую жизнь и не знаетъ пово-

рота назадъ для «соглашенія» съ старымъ укладомъ. Этотъ укладъ долженъ быть уничтоженъ.

Нельзя не привѣтствовать новаго изданія этой статьи Зомбарта, которая, помимо своей научной цѣнности, полна бодрящаго настроенія и вѣры въ силу соціальнаго творчества. *Л. Б.*

I. Шмѣле. Соціалъ-демократическіе профессіональные союзы въ Германіи со времени изданія закона противъ соціалистовъ. Перев. съ нѣм. подъ ред. С. Н. Прокоповича. 1904 г. За послѣдніе годы литература профессіональнаго рабочаго движенія возросла настолько, что эта еще такъ недавно мало извѣстная у насъ область соціальной жизни можетъ быть изучена теперь съ достаточною полнотою. Почти все, что появилось до сихъ поръ о рабочихъ союзахъ въ иностранной литературѣ, сдѣлалось доступнымъ и русской публикѣ, благодаря изданнымъ переводамъ наиболѣе выдающихся работъ. Въ особенности сильно обогатилась литература на русскомъ языкѣ изслѣдованіями англійскихъ трэдъ-юніоновъ и германскихъ рабочихъ союзовъ (первымъ посвящены двѣ большихъ классическихъ работы С. и Б. Веббъ и книга французскихъ изслѣдователей П. Д. Рузье и др., послѣднимъ—сочиненія проф. Брентано, Кулемана и В. Зомбарта, кромѣ многихъ другихъ работъ болѣе второстепеннаго значенія). Книга г. Шмёле, переведенная подъ редакціею С. Н. Прокоповича, служа дополненіемъ къ перечисленнымъ сочиненіямъ о германскихъ союзахъ, представляетъ собою опытъ спеціальнаго изслѣдованія историческаго характера, вродѣ извѣстнаго труда С. и Б. Веббъ «Исторія англійскихъ трэдъ-юніоновъ». Но въ то время, какъ англійскіе изслѣдователи изучили все трэдъ-юніонистское движеніе въ Англіи за все время его существованія, г. Шмёле ограничилъ свою работу изслѣдованіемъ только соціалъ-демократическихъ профессіональныхъ союзовъ и только за время, слѣдующее за изданіемъ извѣстнаго закона противъ соціалистовъ. Впрочемъ, эта кажущаяся частность изслѣдованія мало вліяетъ на цѣльность подобной работы, потому что болѣе двухъ третей германскаго профессіональнаго движенія сосредоточено въ соціалъ-демократическихъ организаціяхъ, а самое движеніе получило свое наибольшее развитіе именно со времени изданія закона противъ соціалистовъ *). Трудъ г. Шмёле, кромѣ того, представляетъ интересъ еще въ томъ отношеніи, что для надлежащей характеристики профессіональнаго движенія въ Германіи авторъ считаетъ необходимымъ разсмотрѣть развитіе соціалъ-демократической партіи, обѣщая собрать для этой цѣли «нѣкоторый, заслуживающій вниманія матеріалъ». Какъ исполнитъ свое обѣщаніе авторъ—судить по настоящей книгѣ невозможно, потому что она представляетъ лишь первую, подготовительную часть труда г. Шмёле. Въ ней описывается возникновеніе широкаго профессіональнаго движенія въ Германіи и отмѣчаются отдѣльныя направленія и важнѣйшія для дальнѣйшаго развитія движенія тенденціи и предложенія; затѣмъ, выясняются тѣ обстоятельства, которыя благопріятствовали или мѣшали возрожденію профессіональныхъ организацій, уничтоженныхъ исключительнымъ закономъ противъ соціалистовъ. Вторую часть авторъ намѣренъ посвятить развитію и строенію отдѣльныхъ профессіональныхъ организацій въ разныхъ профессіональныхъ группахъ. Но наиболѣе интересною частью изслѣдованія г. Шмёле несомнѣнно представляется та, въ которой, кромѣ описанія «генеральной ком-

*) По В. Зомбарту, изъ числа около 700.000 рабочихъ, насчитывавшихся въ 1898 году во всѣхъ германскихъ союзахъ, болѣе 500.000 чел. были членами соціалъ-демократическихъ союзовъ, остальные же принадлежали къ гиршъ-дункеровскимъ, христіанско-соціальнымъ и консервативнымъ союзамъ. Ко времени изданія закона противъ соціалистовъ, соціалъ-демократическихъ союзовъ насчитывалось не болѣе 30 съ 49.000 членовъ.

миссіи нѣмецкихъ профессіональныхъ союзовъ» и мѣстныхъ «профессіональныхъ картелей», авторъ обѣщаетъ «выяснить характеръ отношеній между соціалъ-демократическимъ и профессіональнымъ рабочимъ движеніемъ впродолженіи послѣднихъ пятнадцати лѣтъ, затѣмъ дать статистическія свѣдѣнія о распространеніи профессіональныхъ союзовъ и ихъ положительныхъ результатахъ и, наконецъ, дать общій обзоръ нѣмецкихъ профессіональныхъ союзовъ съ точки зрѣнія интересовъ всего общества и, въ заключеніе, выяснить вопросъ о желательномъ отношеніи законодательства къ профессіональнымъ организаціямъ въ будущемъ» (стр. 24). Но какъ ни интересна программа обѣщаемаго изслѣдованія, она будетъ представлять и научный, и публицистическій интересъ только въ томъ случаѣ, если авторъ съумѣетъ остаться объективнымъ изслѣдователемъ, что въ разсматриваемой части его работы ему далеко не вездѣ удавалось достигнуть. Являясь по своимъ взглядамъ сторонникомъ англійскаго типа рабочихъ союзовъ и, слѣдовательно, не сочувствуя притязаніямъ соціалъ-демократической партіи привить профессіональному движенію марксистскія тенденціи, г. Шмёле нерѣдко склоненъ приписывать свои собственныя заключенія участвующимъ въ профессіональномъ движеніи рабочимъ и ихъ вожакамъ. Такъ, напримѣръ, говоря о неопредѣлившемся характерѣ нѣмецкаго профессіональнаго движенія, до сихъ поръ ощупью ищущаго пути для своего развитія, авторъ замѣчаетъ: «Въ послѣднее время, однако, нѣкоторые вожди профессіональныхъ союзовъ поняли, наконецъ, что, помимо препятствій со стороны администраціи и законодательства, главная причина малоуспѣшности профессіональнаго движенія заключается въ распространеніи соціалъ-демократіи» (стр. 15). Далѣе, г. Шмёле констатируетъ, что «чѣмъ тѣснѣе сплачивается рабочій классъ подъ знаменемъ соціалъ-демократіи, тѣмъ шире распространяется убѣжденіе, что умственныя и моральныя качества массы, несмотря на ростъ соціалъ-демократической партіи и распространеніе марксистскихъ ученій, развиваются слишкомъ медленно, чтобы можно было серьезно думать о скоромъ устраненіи классоваго государства посредствомъ одной только политической агитаціи» (стр. 16). Такъ какъ авторъ не подкрѣпляетъ этихъ заключеній никакими опредѣленными фактами, то было бы осторожнѣе, если бы онъ высказывалъ ихъ непосредственно отъ своего собственнаго имени, тѣмъ болѣе, что въ заключительной части своей книги онъ совершенно опредѣленно высказываетъ почти аналогичную мысль, служащую для подкрѣпленія его взгляда на нежелательность вмѣшательства политическаго элемента въ дѣятельность профессіональныхъ союзовъ. Едва ли также не грѣшитъ г. Шмёле противъ истины, утверждая, «въ противоположность тому взгляду, что развитіе буржуазнаго общества ведетъ къ все большему пониженію уровня жизни рабочихъ вплоть до состоянія общаго пауперизма, пока, наконецъ, совершенная безнадежность ихъ положенія не принудитъ рабочихъ къ объединенію», что «именно болѣе развитые и лучше поставленные рабочіе воспользовались средствомъ профессіональной организаціи и съ ея помощью еще болѣе поднялись надъ среднимъ уровнемъ матеріальнаго положенія рабочихъ и ихъ духовнаго и нравственнаго развитія» (стр. 296). Вѣдь большинство профессіональныхъ союзовъ въ Германіи—соціалъ-демократическія организаціи, слѣдовательно, «болѣе развитые и лучше поставленные рабочіе» объединяются именно съ соціалъ-демократическими, а не одними трэдъ-юніонистскими цѣлями.

Обращаясь къ непосредственной темѣ автора—положенію союзовъ послѣ изданія закона противъ соціалистовъ, нужно признать, что г. Шмёле собралъ весьма обширный матеріалъ для характеристики этого положенія. Описанію преслѣдованій, чинимыхъ полиціею противъ союзовъ, посвящена значительная часть книги, причемъ авторъ, не ограничиваясь перечнемъ закрытыхъ поли-

ціею и судами союзовъ и привлекавшихся къ отвѣтственности за участіе въ нихъ лицъ, приводитъ и мотивировки судебныхъ постановленій, отличавшіяся необыкновенною разнорѣчивостью и часто діаметральной противоположностью. Повидимому, судьба всѣхъ реакціонныхъ законовъ—быть истолкованными превратно, потому что реакціонный законъ отводитъ главное мѣсто личному усмотрѣнію, а проявляющія личное усмотрѣніе власти всегда стараются быть болѣе реакціонными, чѣмъ самъ законъ. Реакція родитъ произволъ. И вотъ на этой почвѣ происходитъ въ Германіи возмутительная комедія, отъ которой рабочее движеніе страдало впродолженіи десятковъ лѣтъ. По буквѣ закона полиціи предоставлялоеь право запрещать всякаго рода общества и союзы, которые въ силу своихъ соціалъ-демократическихъ, соціалистическихъ и коммунистическихъ стремленій имѣютъ цѣлью насильственное измѣненіе существующаго государственнаго или общественнаго строя. То же относится и къ обществамъ и союзамъ, обнаруживающимъ эти стремленія въ формѣ, угрожающей общественному спокойствію, главнымъ же образомъ—мирнымъ отношеніямъ между различными классами населенія. Пользуясь довольно неопредѣленнымъ указаніемъ закона, полиція широко проктиковала закрытіе даже такихъ союзовъ, которые ни въ своей дѣятельности, ни въ уставѣ не содержали ничего соціалъ-демократическаго; въ этихъ случаяхъ достаточно было, если кто-либо изъ членовъ союза, гдѣ-нибудь въ публичнымъ собраніи, хотя бы и внѣ союза, обнаружилъ соціалъ-демократическіе взгляды. Если же, на основаніи закона противъ соціалистовъ придраться было совершенно невозможно, то организацію старались подвести подъ законъ союзовъ, закрывая ее на основаніи этого закона. Наконецъ, если и здѣсь союзъ оказывался неуязвимымъ, къ услугамъ полиціи былъ законъ о страховыхъ обществахъ, подъ который подводился всякій союзъ, имѣвшій въ своемъ уставѣ пунктъ о выдачѣ пособій членамъ. Но всѣ эти мѣры привели къ обратнымъ результатамъ. Характеръ лицъ, группировавшихся вокругъ мѣстныхъ обществъ и свободныхъ вспомогательныхъ, кассъ, говоритъ г. Шмёле, не оставлялъ никакого сомнѣнія въ томъ, что профессіональныя организаціи призваны быть важной опорой для соціаль-демократической пропаганды» (стр. 195). Хотя подъ давленіемъ полиціи, соціалъ-демократическая пропаганда и обсужденіе политическихъ вопросовъ въ союзахъ тщательно избѣгались, «зато,—констатируетъ авторъ въ другомъ мѣстѣ,—съ 1885 года стачки участились въ ужасающихъ размѣрахъ и привели къ сильному возбужденію всего рабочаго класса. Успѣхи профессіональныхъ организацій выразились въ увеличенномъ упорствѣ и продолжительности стачекъ, въ усиленіи солидарности между товарищами по профессіи и въ обостреніи классоваго антагонизма». (стр. 205).

Но, констатируя это бурное и неудержимое шествіе нѣмецкой соціалъ-демократіи, авторъ все-таки не допускаетъ мысли, что ея вмѣшательство въ борьбу классовъ можетъ имѣть рѣшающее значеніе. «Хотя медленно,—говоритъ онъ,—но неизмѣнно растетъ убѣжденіе въ томъ, что государство и немногочисленный слой обезпеченныхъ должны взять на себя тяжелыя обязательства по отношенію къ неимущимъ» (стр. 290). Здѣсь авторъ разумѣетъ ту соціальную политику, на путь которой германское правительство вступило при Бисмаркѣ. Защититъ ли г. Шмёле этотъ тезисъ въ обѣщанныхъ томахъ продолженія этой работы – покажетъ будущее. Во всякомъ случаѣ, если автору удастся выполнить всю намѣченную имъ программу своего труда, сочиненіе его дастъ несомнѣнно богатый матеріалъ для изученія профессіональнаго рабочаго движенія.

Книга переведена тяжеловатымъ языкомъ, а изданіе страдаетъ множествомъ опечатокъ. Цѣна книги (1 р. 75 к. за 329 стр. средняго размѣра) мало благопріятна для широкаго ея распространенія. *Ю. Лавриновичъ.*

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

С. П. Глазенапъ. „Друзьямъ любителямъ астрономіи“.—*Ф. П. Трэдуэллъ.* „Курсъ аналитической химіи“.—*М. Усковъ.* „Первые уроки естествовѣдѣнія“.—*К. Кейльгакъ.* „Практическая геологія“.

Друзьямъ и любителямъ астрономіи, заслуженнаго профессора С. П. Глазенапа, предсѣдателя русскаго астрономическаго общества. Со многими рисунками, портретами и звѣздными картами въ текстѣ. С.-Петербургъ, 1904 г. Стр. 448. Ц. 2 р. Изъ приведеннаго титула книги нельзя сдѣлать никакого вывода относительно предмета, содержанія и цѣли ея, но въ предисловіи автора читаемъ (стр. 6): «Исходя изъ положенія, что небо доступно всѣмъ и каждому, и что нѣкоторыя наблюденія могутъ быть производимы просто глазомъ, я *поставилъ себѣ задачею составить руководство къ астрономическимъ наблюденіямъ, начавъ съ простѣйшихъ изъ нихъ. Въ настоящей книгѣ излагаются наблюденія, которыя можно производить или просто глазомъ, или же въ обыкновенный театральный бинокль* *). Если читатель освоится съ наблюденіями, изложенными въ настоящей книгѣ, то затѣмъ онъ можетъ перейти къ болѣе сложнымъ наблюденіямъ, съ помощью астрономическаго телескопа. Считаю необходимымъ замѣтить, что при описаніи созвѣздій я вышелъ изъ намѣченной рамки и въ нѣкоторыхъ случаяхъ *описалъ телескопическія свѣтила* *). Да извинитъ мнѣ снисходительный читатель. Признаюсь, я увлекся дивнымъ строеніемъ нѣкоторыхъ міровъ вселенной и въ нѣсколькихъ строкахъ передалъ о нихъ уважаемому читателю».

Въ напечатанныхъ курсивомъ строкахъ этой выдержки цѣль автора поставлена совершенно опредѣленно, и ей нельзя не сочувствовать; но, къ сожалѣнію, внимательное знакомство съ книгой приводитъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) Только треть (приблизительно) изъ всего заключающагося въ ней матеріала отвѣчаетъ этой цѣли; остальныя же двѣ трети позволительно назвать лишнимъ багажомъ, неизвѣстно зачѣмъ въ книгу введеннымъ и потому совершенно напрасно поднимающимъ стоимость ея въ продажѣ. 2) Изложеніе такъ неровно и невыдержанно, что никакъ нельзя отвѣтить на совершенно естественный вопросъ, для какого круга читателей, въ смыслѣ подготовленности ихъ къ пониманію написаннаго, предназначается книга, и 3) изложеніе отличается безсистемностью и въ немъ встрѣчаются, притомъ совсѣмъ не рѣдко, такія неясности и неточности въ опредѣленіяхъ, что если бы авторъ не имѣлъ титула «заслуженнаго профессора», то мы могли бы предположить, что онъ и самъ неясно представляетъ себѣ то, о чемъ говоритъ. Такъ какъ, однако, при наличности вышеупомянутаго титула, послѣднее предположеніе не допустимо, то приходится сказать, что авторъ отнесся къ своей работѣ непростительно небрежно.

Если читатель настоящей рецензіи, прочтя предшествующія строки наши, склоненъ обвинить насъ въ излишней рѣзкости, то мы не сомнѣваемся, что онъ измѣнитъ свое мнѣніе, прочтя нижеслѣдующее «оправданіе» сказаннаго нами.

Въ первой главѣ, озаглавленной «Звѣздное небо» и состоящей изъ пятнадцати страницъ, авторъ на семи страницахъ дѣлаетъ никому не интересныя выкладки, имѣющія цѣлью доказать, что «по видимому блеску звѣздъ оказалось возможнымъ судить объ ихъ относительныхъ разстояніяхъ отъ земли», и говоритъ (стр. 17), что эта «задача—одна изъ замѣчательныхъ въ звѣздной

*) Курсивъ нашъ.

астрономіи». Во-первыхъ, если бы эта задача была таковою дѣйствительно, то цѣль книги не требуетъ упомянутыхъ выкладокъ и расчетовъ, а во-вторыхъ, послѣдніе, во всякомъ случаѣ, неумѣстны въ популярномъ сочиненіи, такъ какъ окончательныхъ выводовъ въ наукѣ они не представляютъ, что, очевидно, признаетъ и самъ авторъ, замѣчающій (на стр. 18), что «...приведенные выше расчеты основаны на предположеніи, что всѣ звѣзды одного и того же класса имѣютъ одинаковый абсолютный и видимый блескъ. Въ дѣйствительности онѣ могутъ быть весьма различнаго абсолютнаго блеска, кромѣ того, и видимый блескъ звѣздъ одного и того же класса неодинаковъ».

Далѣе, въ главѣ II-й, «Координаты небесныхъ свѣтилъ», находимъ очень мало о координатахъ, но зато очень много свѣдѣній совсѣмъ изъ другой области и притомъ до смѣшного ненужныхъ и не гармонирующихъ съ задачей книги. Такъ, и на страницѣ 32-й авторъ говоритъ: «Судьба Улугъ-бека, этого высокаго покровителя наукъ, была очень печальная и мало заслуженная: онъ былъ убитъ по приказанію своего сына, пожелавшаго унаслѣдовать его престолъ. Жестокій сынъ, желая упрочить свое положеніе умертвилъ также и брата. Улугъ-бекъ похороненъ въ Самаркандѣ въ усыпальницѣ, носящей названіе Гуръ-Эмиръ, что означаетъ могила Эмира (Тамерлана); она изображена на рис. 7, а на рис. 6 изображена внутренность этой усыпальницы. Красивый минаретъ Гуръ-Эмира рухнулъ въ январѣ 1704 года и превратился въ груду камней. Имя Улугъ-бека увѣковѣчено замѣчательнымъ астрономическимъ трудомъ: составленіемъ звѣзднаго каталога. Въ наше время въ Туркестанѣ, къ сѣверо-западу отъ Самарканда, устроена на средства русскаго правительства прекрасная обсерваторія, астрономы которой подъ мирнымъ правленіемъ испытуютъ небо.—Астрофизикъ этой обсерваторіи В. В. Стратоновъ извѣстенъ своими замѣчательными изслѣдованіями надъ распредѣленіемъ звѣздъ и туманныхъ пятенъ въ небесномъ пространствѣ; онъ же постоянными наблюденіями β Лиры изучилъ весьма обстоятельно порядокъ измѣненія ея блеска». Сейчасъ же послѣ этого авторъ опять возвращается къ Улугъ-беку... Ну развѣ умѣстна такая безсистемная «болтовня» въ главѣ о координатахъ свѣтилъ?

Что касается оправданія 2-го изъ нашихъ заключеній о разсматриваемой книгѣ, то достаточно указать хотя бы только на то, что въ главѣ IV-й, «Звѣздныя карты и небесный глобусъ» авторъ говоритъ о стереографической и гномонической проекціяхъ, въ главѣ VIII-ой, «Перемѣнныя звѣзды», онъ обращается къ математическимъ выкладкамъ, основаннымъ на способѣ наименьшихъ квадратовъ, а въ главѣ VIII-ой, «Игра солнца», находитъ возможнымъ занимать читателя слѣдующими курьезами (стр. 433): «Въ Свѣтлое Воскресенье солнышко играетъ, гласитъ народная примѣта. Въ чемъ заключается эта игра, всякій понимаетъ по своему; одинъ убѣжденъ, что солнышко прыгаетъ, другой—что оно мерцаетъ, третій—что оно мѣняетъ свой видъ, свое очертаніе. Повидимому, твердыхъ и опредѣленныхъ понятій насчетъ игры солнца не существуетъ»... Не правда ли, что комментаріи къ этому излишни?

Самымъ тяжелымъ «обвиненіемъ» нашимъ является, конечно, 3-е, но и его оправдать нетрудно. Начнемъ съ того, что въ предисловіи авторъ говоритъ, напримѣръ, слѣдующее: «Древніе вавилоняне знали о 19-лѣтнемъ кругѣ солнечныхъ затменій, названномъ Саросомъ: они могли открыть его только въ томъ случаѣ, если наблюденія обнимали много 19-лѣтнихъ круговъ, въ теченіе которыхъ законъ повторяемости затменій былъ замѣченъ и изученъ». Кому, даже хотя бы только изъ любителей астрономіи, не извѣстно, что Сарос или *драконическій періодъ* заключаетъ въ себѣ не 19 лѣтъ, а 18 лѣтъ и около $11\frac{1}{3}$ дней, по прошествіи которыхъ затменіе луны и солнца повторяется въ прежнемъ порядкѣ. Слѣдовательно, если уже округлять продолжительность Сароса, то можно это сдѣлать до 18, а не до 19 лѣтъ.

Въ главѣ второй вопросъ о координатахъ небесныхъ свѣтилъ изложенъ такъ, что кто не знаетъ его, тотъ ничего не пойметъ изъ изложенія автора, а кто знаетъ, тотъ не можетъ не придти въ недоумѣніе, какимъ образомъ такое изложеніе можетъ принадлежать профессору астрономіи. Совершенно то же должно быть сказано и о главѣ III-й: «Звѣздное истинное и среднее время». Такъ, авторъ, постоянно употребляя по необходимости выраженіе «небесная сфера», ничѣмъ не опредѣляетъ это понятіе. Говоря же о томъ, что центръ небесной сферы можетъ быть принятъ какъ въ центрѣ земли, такъ и въ глазѣ наблюдателя безразлично, авторъ не упоминаетъ, что при этомъ, однако, необходимо условіе, чтобы въ обоихъ случаяхъ постоянныя плоскости и линіи, проведенныя черезъ глазъ наблюдателя и центръ земли, были между собою параллельны. Далѣе, на страницѣ 24, онъ употребляетъ терминъ «кругъ склоненія», не опредѣливъ его ранѣе; на страницѣ 25 говоритъ о точкѣ весенняго равноденствія и объ ея «медленномъ прецессіональномъ движеніи», не объясняя, что такое точка весенняго равноденствія. Если авторъ предполагаетъ, что это извѣстно читателямъ, то зачѣмъ онъ объясняетъ, что такое небесный экваторъ и небесные меридіаны? На страницѣ 46 читаемъ: «Часовой уголъ средняго солнца есть *среднее или гражданское время*» *)... Это опредѣленіе совершенно *невѣрно*, такъ какъ гражданскій счетъ времени раздѣляетъ сутки на двѣ половины: отъ полночи (начало сутокъ т.-е. 0 часовъ) до полдня (12 ч.) и отъ полдня (опять 0 ч.) до полночи (12 ч.). Часовой же уголъ солнца считается, какъ автору, конечно, слишкомъ хорошо извѣстно, совсѣмъ иначе.

Въ главѣ VI-й, на страницѣ 119, читаемъ: «Какъ только обычныя зимою свинцовыя тучи разсѣются и заблестятъ ночныя звѣзды, мы видимъ почти въ самомъ зенитѣ блестящую звѣзду первой величины: это—«Возничаго или Капелла». Вѣдь если бы даже авторъ указалъ ту широту, въ которой онъ предполагаетъ наблюдателя, то и тогда эти строки не имѣли бы никакого смысла! Въ самомъ дѣлѣ, развѣ свинцовыя тучи разсѣиваются какъ разъ въ тотъ моментъ, когда Капелла у наблюдателя въ зенитѣ? Развѣ не столько же вѣроятно, что тучи разсѣются во всякій другой моментъ ночи?

Полагаемъ, что приведенныя нами указанія совершенно достаточны для того, чтобы мы не боялись голословности нашего утвержденія, что незнающаго читателя сообщаемыя профессоромъ свѣдѣнія введутъ въ заблужденіе. Что же касается неточности и, такъ сказать, стилистическихъ курьезовъ изложенія, то имъ въ книгѣ «несть числа». Напримѣръ, на страницѣ 10-й находимъ: «Въ общемъ, небо въ своихъ созвѣздіяхъ представляетъ отпечатокъ цивилизаціи»(?!). Или дальше, на той же и 11-ой страницахъ: «Когда лѣтъ двѣсти тому назадъ звѣздное небо стало предметомъ болѣе обстоятельнаго научнаго изученія, замѣтили, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ небесный сводъ не занятъ никакими созвѣздіями, и тогда же *было предложено заполнить пустоты новыми созвѣздіями* **), которымъ дали странныя названія,—напримѣръ, созвѣздіе: Щитъ Собѣскаго, Быкъ Понятовскаго и т. д. Нѣкоторыя изъ этихъ дополнительныхъ созвѣздій удержались и до настоящаго времени, но большая часть ихъ забыта, и пустоты отнесены къ сосѣднимъ созвѣздіямъ, причемъ ихъ границы были нѣсколько измѣнены, а созвѣздія увеличены». Знающій читатель, хотя и поморщившись отъ такого изложенія, все-таки догадается, что значитъ выраженіе «предложено заполнить пустоты новыми созвѣздіями», но не знающій въ чемъ дѣло читатель напрасно только будетъ ломать голову надъ смысломъ всей этой выдержки.

*) Курсивъ автора.
**) Курсивъ нашъ.

Въ книгѣ находимъ много иллюстрацій, и многія изъ нихъ недурны, но подборъ ихъ плохо оправдывается. При чемъ, напримѣръ, среди нихъ мечеть Тилля-Кари, могила Улугъ-бека, усыпальница Гуремира, медаль имени астронома А. О. Голубева и т. п.? Портреты астрономовъ также далеко не всѣ умѣстны, если искать какого-либо отношенія ихъ дѣятельности къ задачѣ книги, какъ опредѣлилъ ее авторъ въ предисловіи. Но курьезнѣе всего, что авторъ, увлекшись, вѣроятно, желаніемъ «натолкать въ книгу по больше рисунковъ», помѣстилъ даже фотографію обыкновеннаго театральнаго бинокля (стр. 229).

Мы останавливаемся на этомъ потому, что всѣ лишнія иллюстраціи, безъ сомнѣнія, поднимаютъ цѣну книги, которая опредѣлена въ 2 рубля. По типографскимъ достоинствамъ книги (бумага, печать, рисунки) и объему ея, цѣна эта должна быть признана весьма скромной, но тѣмъ не менѣе, по нашему мнѣнію, основанному на вышеприведенныхъ указаніяхъ, сколько-нибудь понимающій дѣло читатель, прочтя книгу, пожалѣетъ, что заплатилъ за нее и такія деньги. *Н. П. А.*

1) **F. P. Treadwell. Курсъ аналитической химіи въ двухъ томахъ. Томъ I. Качественный анализъ. Съ 14 рис. и 1 спектральной таблицей. Перевелъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія А. С. Комаровскій подъ редакціей профессора Л. В. Писаржевскаго, съ предисловіемъ профессора М. И. Коновалова. Изданіе книжнаго магазина Е. П. Распопова. Одесса. 1904 г. Ц. 2 р. 25 к. 2) Качественный химическій анализъ Ф. П. Тревуэлля. Переводъ съ третьяго нѣмецкаго изданія подъ редакціей Л. Ю. Явейна. Съ 14 рис. и 1 спектральной таблицей. Изданіе К. Л. Риккера. Спб. 1904 г Ц. 3 р. 20 к.** Книга проф. Тредвелля безспорно принадлежитъ къ числу лучшихъ руководствъ по аналитической химіи. Вопреки проявляющейся иногда тенденціи придать этой важной отрасли химіи узко-практическій, такъ сказать фармакопейный характеръ, авторъ построилъ свой курсъ на строго научныхъ основахъ. Съ другой стороны, ему удалось избѣжать излишней теоретизаціи, заслоняющей собою реальную сторону предмета, какъ это наблюдается въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ нѣмецкихъ учебникахъ, написанныхъ черезчуръ рьяными послѣдователями іонной теоріи. По справедливому замѣчанію проф. М. И. Коновалова, книга Тредвелля занимаетъ среднее положеніе между извѣстными руководствами Меншуткина и Фрезеніуса: она несравненно подробнѣе перваго и гораздо короче второго. Важно при этомъ замѣтить, что Тредвелль не преслѣдуетъ исключительно учебныхъ цѣлей, какъ Меншуткинъ; поэтому его книга одинаково полезна и въ научной лабораторіи, и въ рукахъ практика. «Расходясь со взглядомъ многихъ,—пишетъ авторъ въ предисловіи къ первому изданію, я даю послѣ предварительнаго объясненія реакцій таблицы *отдѣленія* металловъ другъ отъ друга». Воздерживаясь отъ подробнаго разсмотрѣнія этого очень важнаго съ педагогической точки зрѣнія вопроса, мы замѣтимъ, однако, что однѣ таблицы не въ состояніи помочь занимающимся *сознательно* ориентироваться среди массы реакцій, разъ онѣ не сопровождаются критическимъ разсмотрѣніемъ общаго хода анализа. А такихъ обзоровъ общихъ реакцій элементовъ аналитическихъ *группъ* какъ разъ нѣтъ у Тредвелля.

Какъ видно изъ заголовка рецензіи, переводовъ книги Тредвелля появилось два. Переводъ г. Комаровскаго сдѣланъ очень тщательно. Не говоря уже объ отсутствіи сколько-нибудь замѣтныхъ ошибокъ и опечатокъ, къ положительнымъ качествамъ русскаго перевода слѣдуетъ отнести еще и то, что здѣсь сглажены кой-какія неточности и шероховатости нѣмецкаго оригинала. Одна досадная опечатка подлинника, къ сожалѣнію, осталась незамѣченной (стр. 353). Именно на стр. 377 оригинала, въ таблицѣ XII внизу, присутствіе кислотъ III и IV группы опредѣляется реакціей амміака. Появленіе мутной зоны ука-

зываетъ на присутствіе кислотъ, не появленіе—очевидно на *отсутствіе* ихъ (*Ab*wesend вмѣсто напечатаннаго *An*wesend).

Совершенно противоположное впечатлѣніе производитъ переводъ подъ ред. Л. Ю Явейна. Кромѣ массы неоговоренныхъ пропусковъ и опечатокъ, встрѣчающихся даже въ оглавленіи и въ указателѣ, смыслъ нѣкоторыхъ мѣстъ оригинала переданъ совершенно невѣрно. Напримѣръ, на стр. 99 говорится, что «растворившаяся часть (сѣрнистаго желѣза) настолько мала, что мы не въ состояніи опредѣлить ее ни химическимъ, *ни физическимъ способомъ*». Цо-нѣмецки сказано: «wohl aber auf physikalischem (Wege)», т.-е. «мы можемъ опредѣлить ее *только* физическимъ, а не химическимъ способомъ». На стр. 246 напечатано, что при обжиганіи двусѣрнистаго олова «оно вполнѣ превращается *въ олово* и двуокись олова», вмѣсто: «оно превращается въ двуокись олова *безъ потери олова*» («ohne Verlust an Zinn»). На стр. 252 примѣчаніе переведено такъ: «Большей частью получается гремучее золото, которому отвѣчаетъ формула»... На самомъ дѣлѣ нужно перевести: «Въ большинствѣ случаевъ составъ гремучаго золота выражаютъ формулой» («Meistens findet man Knallgold durch die Formel... ausgedrückt»). Приведенные нами *на выдержку* примѣры далеко не единственные: ошибки есть даже въ таблицахъ анализа! Такъ въ таблицѣ XB на стр. 372 оставлена безъ перевода цѣлая длинная фраза («Das Ba-freie Filtrat verdampft man auf ein kleines Volumen» и т. д.), т.-е. пропущена цѣлая аналитическая операція! Подобнаго рода промахи въ учебникѣ недопустимы. Остается лишь удивляться, какъ такой опытный редакторъ, какъ г. Явейнъ, могъ не замѣтить такихъ очевидныхъ недочетовъ, бросающихся въ глаза даже безъ сличенія нѣмецкаго текста съ русскимъ. *Д. М.*

Первые уроки естествовѣдѣнія. I часть. Воздухъ, вода и земля. Составилъ М. В. Усковъ. Цѣна 50 коп. Спб. 1904 г. 102 стр. Эта книга «представляетъ собою тотъ начальный курсъ естествовѣдѣнія», съ котораго авторъ «считаетъ необходимымъ начинать изученіе природы съ учащимися въ младшемъ классѣ средней школы». Курсъ поставленъ слѣдующимъ образомъ. Сначала даются элементарныя понятія о различномъ состояніи тѣлъ, о способахъ измѣренія ихъ, о теплотѣ, о температурѣ, затѣмъ сообщаются свѣдѣнія о воздухѣ и водѣ и наконецъ о горныхъ породахъ, о минералахъ и о почвѣ. Все изложеніе идетъ въ связи съ цѣлымъ рядомъ хорошо подобранныхъ и демонстративныхъ опытовъ, производимыхъ при помощи самыхъ простыхъ, самодѣльныхъ приборовъ. Авторъ признаетъ, что основы естествознанія особенно въ средней школѣ должны быть усваиваемы въ классѣ, при совмѣстной работѣ учителя и учениковъ, что послѣдніе должны, по возможности, сами продѣлать всѣ опыты и потому учебникъ является какъ бы излишнимъ. Но въ школьной практикѣ встрѣчаются все же случаи, когда, по мнѣнію автора, и учебникъ можетъ принести нѣкоторую пользу,—напр., когда ученикъ пропустилъ одинъ или нѣсколько уроковъ или поступилъ прямо во второй классъ.

Съ этимъ нельзя не согласиться, но, по нашему мнѣнію, такой учебникъ долженъ содержать въ себѣ какъ можно больше фактовъ, въ видѣ описаній и опытовъ, и какъ можно меньше опредѣленій. Между тѣмъ, въ учебникѣ г. Ускова отводится довольно значительное мѣсто опредѣленіямъ такихъ словъ, какъ природа, явленіе, теплота. При этомъ природа опредѣляется, какъ «все, что насъ окружаетъ и вблизи и вдали... и самъ человѣкъ»; теплота называется «причиной, которая вызываетъ таяніе снѣга, кипѣніе воды, плавленіе чугуна и т. д.». Что ребенокъ вынесетъ изъ такихъ опредѣленій? Лучше было бы ихъ не давать вовсе и предоставить ребенку самому подмѣчать внутреннюю логику въ послѣдовательности явленій. Что касается теплоты, то, по нашему мнѣнію, было бы и научнѣе, и понятнѣе для ученика дать ему представленіе о теплотѣ, какъ о движеніи частицъ.

*

Также желательно было бы во второмъ изданіи этого учебника избѣжать нѣкоторыхъ неточностей, напр., утвержденія, что «мраморъ отличается отъ другихъ известняковъ своимъ бѣлымъ цвѣтомъ»... или, что графитъ есть «особый видъ каменнаго угля». Впрочемъ, неточностей этихъ такъ немного, что онѣ не мѣшаютъ признать книжку г. Ускова однимъ изъ лучшихъ элементарныхъ учебниковъ по естествознанію *В. Аг.*

К. Кейльгакъ. Практическая геологія. Методы изслѣдованія и пріемы работъ въ области геологіи, минералогіи и палеонтологіи. Перев. съ нѣмецкаго съ измѣненіями и дополненіями А. М. Скрипникова, подъ ред. проф. В. П. Амалицкаго, Т. I. 350 стр. съ 177 рисунками и чертежами. Москва. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ Ц. 2 р. 75. Нельзя достаточно рекомендовать эти книгу лицамъ, желающимъ познакомиться съ методами геологическихъ изслѣдованій. Къ сожалѣнію, вышелъ пока I-ый томъ, охватывающій только такъ называемы «работы въ полѣ», т.-е. наблюденія, производимыя геологами на мѣстѣ выхода тѣхъ или иныхъ горныхъ породъ или обнаруженія тѣхъ или иныхъ геологическихъ явленій (теченіе рѣкъ, вулканическія явленія, землетрясенія и т. д.). Всѣ лабораторныя изслѣдованія и работы, а также вся минералогія и почти вся палеонтологія, видимо, отнесены во 2-ой томъ. Кажущееся исключеніе сдѣлано только для геологической картографіи и для качественнаго анализа воды, — конечно, потому что эти работы все же могутъ быть произведены во время экскурсіи, хотя, конечно, и не въ самомъ полѣ.

Все сочиненіе разбито на 4 отдѣла. Первый—самый большой (31 глава—221 стр.)—посвященъ изслѣдованіямъ въ полѣ, необходимымъ для составленія геологической карты изслѣдуемой мѣстности; второй (7 главъ—32 стр.)—методамъ изслѣдованія водъ; третій—отыскиванію и изслѣдованію технически-полезныхъ отложеній и, наконецъ, четвертый (3 главы)—наблюденіямъ надъ дюнами, ледниками, оврагами, балками, пещерами и землетрясеніями. Нужно отмѣтить, что многія изъ этихъ главъ не принадлежатъ Кейльгаку и впервые появляются въ русскомъ изданіи—это главы (4), трактующія о почвахъ, о провалахъ, оползняхъ и обвалахъ, оврагахъ и пещерахъ и объ изслѣдованіяхъ рѣкъ и озеръ; онѣ составлены переводчикомъ, главнымъ образомъ, на основаніи работъ русскихъ ученыхъ. Кромѣ того, многія главы подверглись тщательной переработкѣ въ томъ направленіи, что примѣры и объекты наблюденія изъ германской природы замѣнены русскими, имѣется масса дополненій и измѣненій и другого рода. Вообще во всей книгѣ видна большая и внимательная работа переводчика и редактора, за которую лица, интересующіяся геологическими изслѣдованіями и не получившія спеціальной подготовки, навѣрное поблагодарятъ и автора, и переводчика, и издателя.

Переводъ сдѣланъ вполнѣ удовлетворительно, издана книга чистенько.

В. Аг.

НАРОДНЫЯ ИЗДАНІЯ.

Изъ вновь вышедшихъ дешевыхъ книжекъ, относящихся къ странамъ и событіямъ на Дальнемъ Востокѣ, отмѣтимъ двѣ книжки о Кореѣ: **Н. Березина. Чао-Сянъ. Страна утра. Корея и корейцы. 47 стр. Ц. 15 к.** Въ живомъ и доступномъ изложеніи, хотя и очень коротенько, знакомитъ въ ней авторъ читателей съ природой страны, ея жителями, ихъ прошлымъ и настоящимъ и указываетъ на главнѣйшія черты корейскаго правительства. Недурные рисунки и карта страны дополняютъ изложеніе, а хорошая печать и бумага производятъ пріятное впечатлѣніе.

Другая книжка о Кореѣ: **Корея. Н. П. Бѣлоконскаго. Ц. 4 к. Стр. 32. Изд. «Дон. Рѣчи»**, написана болѣе обстоятельно и даетъ читателю полное понятіе о географіи страны, ея управленіи, занятіи жителей, торговлѣ, земледѣліи и промышленности; указаны также роль и значеніе иностранцевъ и главнымъ образомъ японцевъ въ жизни страны. Книга написана, однако, довольно сухо и потому можетъ заинтересовать лишь читателя хорошо подготовленнаго.

Въ небольшой книжечкѣ **М. Георгіевскаго: Японія и японцы. Изд. т-ва «Сѣверное Эхо». 16 стр Ц. 5 к.**, авторъ затрагиваетъ слишкомъ много сторонъ жизни прошлаго и настоящаго Японіи, а потому въ краткомъ очеркѣ даетъ лишь поверхностное знакомство съ жизнью страны и ея современнымъ состояніемъ.

То же можно сказать о книжкѣ **Н. М. Ѳедорова: Дальній Востокъ. Японія, Корея. Манчжурія. Изд. книж. маг. «Помощь». Стр. 23. Ц. 10 к.**, исключительно почти говорящей о Японіи и дающей историко-географическій очеркъ страны и характеристику ея внѣшней политики, которая и привела къ современной войнѣ.

Японія. Изд. торг. дома Сизякова и К° въ Москвѣ (цѣна не обозначена) издана очень небрежно и малосодержательна.

Ребакинъ. Наша война съ Японіей. Книгоизд. «Разсвѣтъ» Одесса. Ц. 5 к. 32 стр. Въ очень простомъ изложеніи, мѣстами напоминающемъ поддѣлку подъ народную рѣчь, авторъ даетъ исключительно географическій очеркъ Россійской имперіи и Японіи и характеристику ихъ сосѣдей и союзниковъ, отмѣчая лишь трудность для Россіи войны съ Японіей въ географическомъ отношеніи.

Необходимо упомянуть еще о цѣломъ рядѣ дешевыхъ разсказовъ на военныя темы, изданныхъ товариществомъ И. Д. Сытина въ Москвѣ: І. А. Любича-Комурова «Георгіевскій крестъ», «За чужую жизнь», «Шпіонъ»; Н. Васина: Въ свѣтлую ночь на «Манчжуріи», Н. А. Тургенева: «Побѣгъ изъ японскаго плѣна».

Тяжелая обстановка войны, самоотверженіе сестеръ милосердія, подвиги солдатъ, различные драматическіе моменты войны: побѣгъ изъ плѣна, задержаніе шпіона и другіе т. п. случаи—вотъ темы этихъ въ достаточной степени искусственныхъ, мало художественныхъ разсказовъ, дѣйствующихъ на воображеніе читателя, способныхъ иногда пробудить въ немъ враждебное отношеніе къ ужасамъ войны, но не настолько сильныхъ и яркихъ, чтобъ возбудить сознательное отношеніе къ войнѣ и ея послѣдствіямъ.

Книгоиздательское т-во «Донская Рѣчь» вновь выпустило цѣлый рядъ интересныхъ разсказовъ, между которыми слѣдуетъ обратить вниманіе на слѣдующіе: Короленко: «Мгновеніе и «Огоньки», Золя: «Кровь», Мельшинъ: «Маленькіе люди», Чириковъ: «Коля и Колька», Елпатьевскій: «Присяжнымъ засѣдателемъ», Бѣлоконскій: «Страшное мѣсто», Мирбо: «Бродяга», Наживинъ: «Волосы Мадонны», Боженко: «На войну», Темный: «Сироткинъ» Рубакинъ: «Искорки».

Изъ научно-популярныхъ книгъ дешевой серіи укажемъ на книжку **С. Русовой. «Друзья римскаго народа братья Гракхи» 23 стр. Ц. 3 к.** Книга переноситъ читателя въ обстановку и жизнь древняго Рима, познакомивъ его кратко съ классовыми противорѣчіями римской жизни, съ ея хозяйственнымъ строемъ, покоившемся на рабскомъ трудѣ, авторъ даетъ очеркъ жизни, воспитанія и дѣятельности борцовъ за народныя права—братьевъ Гракховъ, погибшихъ въ борьбѣ съ римской знатью. Характеръ римскаго управленія и земельныхъ отношеній, вѣроятно, останутся неясными мало подготовленному читателю, но идея, за которую боролись и погибли Гракхи ярко освѣщена авторомъ и останется въ памяти у всѣхъ читателей.

Н. Рубакинъ. Дѣдушка время. Новогодняя сказка, разсказанная книжнымъ червякомъ. 64 стр. 7 к. Попытку познакомить читателя съ основами

мірозданія, жизни вселенной и человѣчества въ формѣ беллетристическаго разсказа нельзя считать вполнѣ удачно выполненной авторомъ; для читателя подготовленнаго книжка можетъ дать нѣкоторый матеріалъ для обобщеній, но такому читателю едва ли нужна беллетристическая форма, только мѣшающая послѣдовательному изложенію.

Изъ стихотвореній, вышедшихъ въ изданіяхъ т-ва «Донской Рѣчи» отмѣтимъ, какъ наиболѣе интересные: **Зарницы. Ц. 5 к.**, гдѣ послѣ краткой характеристики новой молодой поэзіи и ея значенія даются нѣкоторыя стихотворенія М. Горькаго, П. Я., Скитальца и Тана, впервые выходящіе въ свѣтъ въ дешевомъ изданіи, **Пѣсни рабочей жизни. Ѳ. Поступаева. Ц. 10 к.** Обѣ части этого сборничка стихотвореній (1) «У земли» и 2) «У котла») затрагиваютъ темы, очень близкія народу, всегда волнующія народныя массы и найдутъ сочувственный откликъ въ ея средѣ.

Значительно пополнилась за послѣднее время и серія историческихъ научно-популярныхъ книгъ въ изданіи т-ва «Донская Рѣчь». Очень интересны книги А. А. Кизеветтера, хотя почти всѣ онѣ по изложенію доступны лишь читателямъ болѣе или менѣе подготовленнымъ, знакомымъ съ фактами русской исторіи. Въ совокупности всѣ онѣ даютъ читателямъ хорошую картинку изъ исторіи русскаго общества и законодательства въ XVII, XVIII и XIX вв.

Въ біографическомъ очеркѣ **Протопопъ Аввакумъ. 28 стр. Ц. 8 к.**, Кизеветтеръ даетъ яркую картинку общественнаго настроенія и идейной борьбы двухъ теченій—приверженцевъ старины и сторонниковъ западно-европейскаго просвѣщенія въ московскомъ государствѣ конца XVII в. Первое изъ нихъ нашло свое выраженіе въ яркой и сильной личности протопопа Аввакума, твердо стоявшаго за старую вѣру и за старые обычаи и открыто выступившаго въ ихъ защиту. Ни ссылка, ни заточеніе, ни церковное проклятіе, ни царскій гнѣвъ не могли сокрушить волю глубоко убѣжденнаго въ своей правотѣ Аввакума и въ изгнаніи продолжавшаго свою проповѣдь, пока смерть на кострѣ не прервала его страдальческую жизнь.

Въ книжкѣ **Русское общество въ восемнадцатомъ столѣтіи. 48 стр. 15 к.**, тотъ же авторъ даетъ читателю понятіе о сословномъ и классовомъ строеніи русскаго общества въ XVIII в. до реформы Петра, о значеніи этихъ реформъ и начавшемся послѣ нихъ раскрѣпощеніи дворянства съ одной стороны и ростѣ закрѣпощенія крѣстьянъ—съ другой. Уже въ концѣ XVIII было брошено первое зерно будущаго движенія въ пользу освобожденія крестьянъ, широкой волной охватившее русское общество въ XIX ст. Краткой исторіей русскаго города и развитія городского сословія въ XVIII ст. заканчивается авторомъ эта интересная книга.

Книга **Девятнадцатый вѣкъ въ исторіи Россіи 48 стр. 15 к.**, является непосредственнымъ продолженіемъ предыдущей и знакомитъ читателя съ тѣмъ, какъ подготовлялось и осуществлялось раскрѣпощеніе крестьянъ, отмѣна крѣпостного права и послѣдовавшіе затѣмъ реформы податная, земская, городская и судебная.

Въ книжкѣ **Изъ исторіи законодательства въ Россіи XVII—XIX в. 42 стр. 15 к.** Кизеветтеръ останавливаетъ вниманіе читателя на трехъ моментахъ въ исторіи русскаго законодательства: Соборное Уложеніе 1648—49 г., законодательныя работы Екатерины II и 60-е годы XIX ст. и отмѣчаетъ тотъ фактъ, что всякій разъ, когда Россіи предстояло приступить къ серьёзнымъ реформамъ своего внутренняго строя, правительство обращалось къ населенію и, благодаря дѣятельному участію послѣдняго въ разработкѣ стоявшихъ на очереди законодательныхъ вопросовъ, проводило назрѣвшія преобразованія. Въ различныя историческія эпохи мѣнялся характеръ и измѣнялись формы участія народа въ разработкѣ законодательныхъ проектовъ, на что и

указываетъ авторъ болѣе или менѣе подробно въ своей книгѣ, но всегда участіе это оказывало существенное вліяніе на ходъ предстоявшихъ реформъ и ихъ дальнѣйшее развитіе.

Наконецъ, послѣдняя книжка Кизеветтера, **Кузнецъ-гражданинъ. Изъ 60-хъ годовъ 47 стр. 15 к.** въ очеркѣ дѣятельности Н. А. Милютина знакомитъ читателя со всѣми деталями подготовки и разработки крестьянской реформы въ редакціонныхъ коммиссіяхъ и съ возгорѣвшейся здѣсь борьбой двухъ партій—землевладѣльцевъ-крѣпостниковъ и защитниковъ крестьянскихъ интересовъ,—исходъ которой такъ сильно отразился на окончательной судьбѣ реформы 61-го года. Энергичная, сильная личность Милютина и его неутомимая дѣятельность яркими штрихами очерчена авторомъ и оставляетъ глубокое впечатлѣніе.

Необходимо отмѣтить, что эта книга и книга о протопопѣ Аввакумѣ написаны живѣе другихъ книгъ того же автора и доступны болѣе широкому кругу читателей.

Вл. Щербина. Изъ исторіи русской школы. 34 стр. 10 к. Изд. т-ва «Донъ. Рѣчь». Указавъ на сплошное невѣжество народныхъ массъ въ московскомъ періодѣ древней Руси, авторъ переходитъ къ реформамъ Петра, но чисто служебный характеръ народной школы, созданный имъ для нуждъ государственныхъ и церковныхъ, не подвинулъ впередъ дѣло народнаго образованія въ широкихъ массахъ. Попытки знаменитой коммиссіи при Екатеринѣ II и послѣдующія начинанія въ дѣлѣ народнаго образованія Александра I и Николая I не привели къ практическимъ результатамъ, такъ какъ встрѣтили на своемъ пути непреоборимое препятствіе—крѣпостное состояніе народа. Только уничтоженіе крѣпостного права въ 61 г. дало возможность поставить на правильную почву дѣло народнаго просвѣщенія. Принявъ въ этомъ дѣлѣ скудное наслѣдство, вновь учрежденное земство быстро двинуло впередъ дѣло народнаго образованія, создало впервые на Руси истинно народную школу и правильно поставило дѣло начальнаго обученія. Горячая, усиленная и сравнительно свободная работа земства въ первый періодъ его существованія при дѣятельномъ содѣйствіи всего русскаго общества совершено преобразовала русскую народную школу и дала плодотворные результаты, подсчетъ которыхъ и даетъ авторъ въ своей книгѣ. Однако, широкое участіе общества въ дѣлѣ развитія народнаго образованія съ первыхъ же шаговъ встрѣтило препятствія и ограниченія со стороны правительства, стѣснявшаго сначала развитіе общественной, а затѣмъ и земской дѣятельности въ области народнаго образованія. Глухой періодъ въ дѣлѣ развитія русской народной школы въ 80-хъ и въ началѣ 90-хъ годовъ объясняется, главнымъ образомъ, этими внѣшними ограниченіями. Страшное экономическое безсиліе народныхъ массъ и ихъ глубокое невѣжество, обнаружившіяся въ періодъ голода 90—91 г. вновь поставили вопросъ о народномъ образованіи на первую очередь. Оживленіе общественной и земской дѣятельности въ этомъ направленіи могло бы вновь сильно содѣйствовать росту народнаго образованія, но тѣ же преграды и затрудненія на каждомъ шагу стѣсняли ихъ дѣятельность. Въ концѣ книги авторъ даетъ цифровыя данныя, рисующія отсталость Россіи по народному просвѣщенію въ сравненіи со всѣми западно-европейскими и многими внѣевропейскими государствами. Книга написана просто и доступна для болѣе или менѣе подготовленнаго читателя.

Д. Петрушевскій. Великая хартія вольностей 55 стр., Ц. 15 к. Изд. т-ва «Донъ. Рѣчь». Интересный историческій моментъ въ государственной жизни Англіи изложенъ авторомъ слишкомъ сухимъ и научнымъ языкомъ, потому книга, при всемъ своемъ значеніи и научной цѣнности, едва ли будетъ доступна и подготовленному читателю изъ народа. Масса иностранныхъ словъ,

часть которыхъ, правда, объяснена въ примѣчаніи, и слишкомъ длинные періоды въ изложеніи очень затрудняютъ читателя.

Т-во «Донск. Рѣчь» переиздало книжку **Н. Карышева. Экономическія бесѣды. 87 стр., 20 к.**, выходящую 7-мъ изданіемъ и уже хорошо извѣстную публикѣ, какъ популярный курсъ политической экономіи.

Въ изданіи вятскаго товарищества вышелъ романъ **И. Вазова. Подъ игомъ. Изъ жизни болгаръ наканунѣ освобожденія. Перев. съ болгарскаго. 295 стр., ц. 50 к.** Яркая картина угнетенія болгаръ, ростъ освободительнаго движенія и возстаніе, вотъ содержаніе этого романа, извѣстнаго читателямъ «Міра Божія». Появленіе его въ хорошемъ, дешевомъ изданіи мы можемъ только привѣтствовать и пожелать ему самаго широкаго распространенія.

У. А. В — въ. Какъ защищать свои имущественныя права на судѣ. (Судебныя права истца и отвѣтчика). Ц. 10 к. 42 стр. Изд. вят. т-ва. Задача автора — познакомить читателя съ чуждой ему процедурой гражданскихъ судебныхъ дѣлъ и выяснить взаимоотношеніе сторонъ на судѣ выполнена имъ вполнѣ удачно. Очень простое и ясное изложеніе хода дѣла, правъ истца и отвѣтчика въ гражданскомъ процессѣ и подсудности гражданскихъ дѣлъ, иллюстрировано подходящими примѣрами, а потому книжка доступна и можетъ быть полезна самому широкому кругу читателей.

Изъ другихъ новыхъ изданій вятскаго т-ва отмѣтимъ историческій разсказъ **Е. Волковой. Въ лютое время. Изъ временъ царствованія Алексѣя Михаиловича. 76 стр., ц. 12 к.** Борьба двухъ идейныхъ теченій, разбившихъ все русское общество конца XVII в. на два лагеря—сторонниковъ западноевропейскаго просвѣщенія и защитниковъ старины — олицетворена авторомъ въ боярынѣ Матвѣевѣ, съ одной стороны, и протопопѣ Аввакумѣ—съ другой, жизнь которыхъ дала автору богатую тему для разсказа, характеризующаго эту историческую эпоху. Менѣе интересенъ, но также недурно написанъ и другой историческій разсказъ **Е. Волковой Несчастный женихъ. 92 стр., 15 к.**, изъ временъ царствованія Бориса Годунова. Разсказъ этотъ характеренъ болѣе для освященія быта и обычаевъ русскаго народа того времени, чѣмъ для выясненія историческаго момента экономическаго и политическаго кризиса, переживавшагося тогда Россіей.

Разсказъ **Н. Астырева Книга жизни. 40 стр., ц. 6 к. Изд.** вятскаго т-ва, даетъ картинку изъ жизни, рисующую отношеніе къ народу обыкновеннаго русскаго культурнаго обывателя и пропасть, раздѣляющую ихъ жизнь и интересы.

Л. К—ва.

ПОПРАВКА. Въ рецензію Д. М. о русскихъ переводахъ диссертаціи *Склодовской-Кюри*, помѣщенную въ декабрьской книжкѣ на стр. 157—160, вкралось нѣсколько искажающихъ смыслъ опечатокъ. Стр. 158: строка 9 св.—„Появилось“ вмѣсто „Появившееся“; строка 11 св.—„вышедшее“ вмѣсто „вышло въ свѣтъ“; строка 24 сн.—„измѣреній“ вмѣсто „излученій“. Стр. 159: строка 24 сн.—„мѣсто“, нужно читать: „мѣсто, гдѣ Кюри говоритъ“. Стр. 160: стр. 23 св.—„основная азотная соль, а не азотное соединеніе“, нужно читать: „основная азотно-кислая соль, а не азотистое соединеніе“.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

(отъ 15-го ноября по 15-е декабря 1904 г.).

Н. Ленау. «Фаустъ». Поэма. Пер. съ нѣм. Изд. ред. журн. «Образованіе». Спб. 1905. Ц. 80 к.

А. Миропольскій. Лѣствица. Изд. книгоиздат. «Грифъ». Москва. 1905. Ц. 1 р.

Ф. Бейерлейнъ. Вечерняя заря. Изд. книгоиздат. «Новое Товарищество». Кіевъ. 1905. Ц. 35 к.

М. Хвостовъ. Подъ осень. Стихотворенія. Спб. Ц. 1 р.

Бруно Кенигъ. Черные кабинеты въ Западной Европѣ. Пер. съ нѣм. Изд. Прокоповича. Москва. 1905. Ц. 60 к.

Танъ. Очерки и разсказы. Т. 5-й и 6-й. Изд. Глаголева. Спб. 1905. Ц. кажд. тома. 1 р.

Фругъ. Полное собраніе сочиненій. Т. 3, 4. Изд. журн. «Еврейская жизнь». Спб. 1905.

Н. Соколовъ. Аріасвати. Романъ. Изд. Сойкина. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

И. Бѣпоконскій. Разсказы. Т. 3-й. Изд. «Донской Рѣчи». Ростовъ н./Д. 1905.

Энпе. (Н. Е. Поповъ). Въ мірѣ отверженныхъ. Москва. 1904. Ц. 60 к.

А. Радченко. На распутьи. (Стихотворенія). Спб. 1905. Ц. 60 к.

А. Свирскій. Полное собраніе сочиненій. Т. 1-ый. Изд. маг. «Книжное дѣло» Москва. 1905. Ц. 1 р.

Е. Кристи. Стихотворенія. Одесса. 1905. Ц. 1 р.

Н. Бѣлозерскій. Записки учителя. Изд. М. Пирожкова. Спб. 1905. Ц. 75 к.

Кучакъ Нагапетъ. Пѣсни любви. Спб. 1905. Ц. 40 к.

В. Воморъ. Слезы ангела. (Сборникъ разсказовъ). Москва. 1904. Ц. 75 к.

Инькова. Пловучая ладья по морю житейскому. Казань. 1902. Ц. 1 р. 50 к.

Ѳедоръ Смородскій. Пѣсни человѣка. Спб. 1904. Ц. 50 к.

П. Яворская. Стихотворенія. Кіевъ. 1904. Ея же. Вирши украиньски. Кіевъ. 1904. Ея же. Марыня. (Поэма). Кіевъ. 1904.

А. В. Никитенко. Записки и дневникъ. Изд. 2-ое Пирожкова. Т. I и II. Спб. 1905. Ц. за оба тома 7 р.

А. Фаресовъ. Семидесятники. (Очерки умственныхъ и политическихъ движеній въ Россіи). Спб. 1905. Ц. 2 р.

Нужды деревни. Сборникъ статей. Т. II. Изд. Львова и Стаховича. Спб. 1904. Ц. 3 р. 50 к.

Проф. И. А. Сикорскій. Всеобщая психологія съ физіогномикой въ иллюстрированномъ изложеніи. Кіевъ. 1905. Ц. 5 р.

А. Бороздинъ. Литературныя характеристики. (Девятнадцатый вѣкъ). Съ 18 портретами. Изд. Пирожкова. Вып. I. Спб. 1905. Ц. 1 р. 75 к.

Е. Чебышева-Дмитріева. Вопросы начальной школы и педагогическіе очерки. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Баронъ Дризенъ. Матеріалы къ исторіи русскаго театра. Изд. Бахрушина. Москва. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Проф. Оскаръ Уегеръ. Всеобщая исторія. Вып. I. Изд. Маркса. Спб. 1905. Ц. перваго выпуска 1 р.

Ог. де-Винъ. Среди фламандскихъ рабочихъ. Пер. съ франц. Изд. журн. «Образованіе». Спб. 1904. Ц. 50.

П. Милюковъ. Государственное хозяйство Россіи. Изд. 2-ое Пирожкова. Спб. 1905. Ц. 3 р. 50 к.

Л. Бѣлявинъ. Начальный курсъ физики и механики. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Проф. М. Грушевскій. Очеркъ исторіи украинскаго народа. Спб. 1904. Ц. 2 р.

А. Флёровъ. Указатель книгъ для дѣтскаго чтенія. (Въ возрастѣ 7—14 лѣтъ). Изд. Тихомирова. Москва. Ц. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Файфъ. Исторія Европы въ XIX в. Изд. Пирожкова. Спб. 1904. Ц. 5 р. 50 к.

С. Прокоповичъ. Мѣстные люди о нуждахъ Россіи. Изданіе Кусковой. Спб. 1904. Ц. 2 р.

Генри Джорджъ. Избранныя рѣчи и статьи. Пер. съ англ. Изд. «Посредника». Москва. 1905. Ц. 2 р. 50 к.

Фридрихъ Энгельсъ. Философія, политическая экономія и соціализмъ Пер. съ нѣм. Изд. В. Яковенко Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Изданія Т-ва «Просвѣщеніе»: Д-ръ Вильгельмъ Мейеръ. «Жизнь природы». Вып. 1 и 2—4. Спб. 1904. Ц. кажд. вып. 50 к. Проф. Ратцель. «Земля и жизнь». Т. I, вып. 8—10 и 11—13. Спб. 1904. Ц. кажд. вып. 50 к. «Энциклопедія промышленныхъ знаній». Т. VIII. Обработка волокнистыхъ веществъ. Вып. I. Спб. 1904. Ц. кажд. вып. 50 к.

К. Жаковъ. Теорія перемѣннаго и предѣла въ гносеологіи и въ исторіи познанія. Изд. Пирожкова. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Вильгельмъ Виндельбандъ. О свободѣ воли. (Двѣнадцать лекцій). Изд. Фондаминскаго. Москва. 1904. Ц. 1 р. 25 к.

Проф. Ф. Содди. Радіоактивность. Пер. съ англ. Спб. 1905. Ц. 2 р.

Курсъ гигіены. Составили врачи А. А. Черевкова и В. Д. Черевковъ. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Г. Задёръ. Медицинскіе дѣятели въ произведеніяхъ А. П. Чехова. Ростовъ н./Д. 1905. Ц. 50 к.

К. Литвиненко. Систематическій сводъ правилъ русскаго правописанія. Изд. Тихомирова. Москва. 1904. Ц. 60 к.

Н. Адамовичъ. Подводныя лодки, ихъ устройство и исторія. Изд. Вазлова. Спб. 1905. Ц. 1 р. 25 к.

Барельефъ. Портреты русскихъ писателей. Изд. худ. цинкографіи Гринбергъ. Ростовъ н./Д. 1904. Вып. I. Ц. 1 р. 50 к.

А. Колкотинъ. Кустарный вопросъ въ Россіи. Спб. 1905. Ц. 1 р.

В. Чернышевъ. Гоненія на христіанъ въ Римской имперіи. Изд. Пирожкова. Спб. 1904. Ц. 50 к.

С. Житковъ. Формула денежнаго обращенія. Спб. 1905.

Алексѣй Ачкасовъ. «Повѣяло весной». Изд. Ефимова. Москва. 1904. Ц. 50 к.

В. Норовъ. Казенная винная монополія при свѣтѣ статистики. Ч. I. Спб. 1904. Ц. 1 р.

С. Комаровъ. Японскіе студенты. Изд. Серебровскаго. Москва. 1905. Ц. 50 к.

Р. Змъ. Къ вопросу о старости и смерти. Ч. I. Екатеринославъ. 1904. Ц. 70 к.

Церковно-приходская школа, составилъ В. Давыденко. Харьковъ. 1903. Ц. 2 р.

Графъ Э. Ревентловъ. Русско-японская война. Вып. 1-й, 2-й, 3-й. Спб. 1904. Ц. кажд. вып. 30 к.

В. Саводникъ. Къ вопросу о пушкинскомъ словарѣ. Спб. 1904.

Е. Аренсъ. Русскій флотъ. Историческій очеркъ. Изд. экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ. Спб. 1904. Ц. 20 к.

Баронъ Ф. Коссинскій. Состояніе русскаго флота въ 1904 году. (Съ 11 рисунками). Изд. экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ. Спб. 1904. Ц. 10 к.

Д-ръ Бруно-Борхардъ. Въ началѣ столѣтія. Пер. съ нѣм. Изд. Ефимова. Москва. 1905. Ц. 40 к.

К. Кр—инъ. Взаимопомощь среди животныхъ и людей. Изд. т-ва Орѣхова и К°. Спб. 1905. Ц. 1 р. 25 к.

В. Корнаковъ. Краткій практическій курсъ геометрическаго черченія. Изд. 5-е. Спб. 1904. Ц. 50 к.

Н. Горбовъ. О внѣшнихъ пріемахъ воспитанія въ народной школѣ. Изд. Тихомирова. Москва. 1904. Ц. 30 коп.

О. Шмейль. Животныя. Изд. Тенишевскаго училища. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Дм. Ройтманъ. Начала геометріи. Изд. Лиговскаго народнаго дома. Спб. 1905. Ц. 40 к.

Общедоступный сборникъ основныхъ крестьянскихъ законовъ. Спб. 1904.

Изданія Девріена. 1) Минцловъ: «Война и приключенія оловянныхъ солдатиковъ». Спб. 1905. Ц. 50 к. 2) Желиховская: «На весенней зарѣ». Снб. 1905. Ц. 90 к. 3) Сомова: «Васни въ лицахъ». Спб. 1905. Ц. 80 к. 4) Свенъ Гединъ: Таримъ. Лобъ-Норъ. Тибетъ. Путешествіе. 1899—1902. Спб. 1905. 5) Поспѣловъ: «Въ снѣгахъ восточной Сибири. Спб. 1905. Ц. 90 к. 6) С. Васюковъ. «Крымъ и горные татары». Спб. 1905. Ц. 80 к. 7) Н. Толстой. «Три сестры», (сказка). Спб. 1905. 8) Д-ръ Р. Браунсъ. «Царство минераловъ», вып. IV. Спб. 1904. Цѣна всѣхъ 10 выпусковъ 25 рублей.

Изданія «Библіотеки для семьи и школы». 1) Бѣлоусовъ. Стихотворенія. Москва. 1905. Ц. 25 к. 2) «Державный вождь земли русской, императоръ Петръ Великій». Москва. 1905. Ц. 60 к. 3) «Картинки изъ японской жизни». Москва. 1905. Ц. 15 к. 4) «Черезъ Алай и Памиръ». Очерки путешествій. Москва. 1905. Ц. 15 к. 5) В. Голиковъ. «Природа». (Уроки и бесѣды по естествовѣдѣнію). Москва. 1904. Ц. 65 к.

Изданія журнала «Родникъ». 1) А. Федоровъ. «Во востокъ» (очерки). Спб. 1905. Ц. 1 р. 20 к. 2) Сборникъ «Родника» (въ пользу сиротъ воиновъ, павшихъ въ русско-японской войнѣ). Спб. 1904—5. Ц. 1 р. 25 к.

Изданія О. Н. Поповой. 1) Серія «Разсказы о родной странѣ и ея обитателяхъ». Е. Э. Спб. №№ 53—62. Ц. отъ 5 до 13 к. за кажд. книжку. 2) В. Анучинъ. «Уважили». Спб. 1905. Ц. 2 к. «Сибирскія легенды». Спб. 1905. Ц. 5 к. 3) О. Попова. «Годъ на материкѣ южнаго полюса». Снб. 1905. Ц. 30 к.

Изданія Раппъ и Потапова. 1) А. Фогаццаро. «Холера». Харьковъ. 1905. Ц. 3 к. 2) Короленко. «Страстная суббота». Харьковъ. 1905. Ц. 3 к. 3) Юрьева. «Дѣло Жерома». Харьковъ. 1905. Ц. 3 к.

О. Лазарева. «Русскія былины», вып. I и II. Изд. И. Жиркова. Москва. 1904. Ц. 30 к. и 20 к.

Евгенія де-Турже-Турманская. «Сапожникъ» (очеркъ). Москва. 1905. Ц. 7 к.

А. Алтаевъ. «Бенвенуто Челлини». Изд. Сойкина. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Н. Ульяновъ. «Японія», (съ 14 рисунками). Изд. Лебедева. Нижній-Новгородъ. 1904. Ц. 25 к.

Крѣпостное право на Руси. (Сборникъ). Изд. т-ва Орѣхова и К°. Спб. 1905. Ц. 8 к.

Н. Сѣверовъ. «Шербекскіе выборы (разсказъ). Изд. Орѣхова и К°. Спб. 1905. Ц. 50 к.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*Anglo-african who's whos and biographical Sketch book. Edited by Walter H. Wills and M. S. Barret, 1905.* (*Routledge*). *6 s.*». (*Англо-африканскіе біографическіе очерки*). Въ этой книгѣ заключается около сотни краткихъ біографій разныхъ африканскихъ дѣятелей. Изъ нихъ европейскимъ читателямъ извѣстенъ только лордъ Мильнеръ, имена же другихъ, хотя и игравшихъ выдающуюся роль въ развитіи Южной Африки, совсѣмъ неизвѣстны.

(Academy).

«*The Origin of Civilisation and the primitive condition of Man*»; *Mental and social condition of Savages. Sixth Edition, with numerous Additions; by Lord Asebury. With 6 Plates and 20 illustrations in the Text.* (*Longmans, Green and C°.*). (*Происхожденіе цивилизаціи и первобытныя условія человѣка*). Прекрасная книга, въ которой популярно изложена исторія цивилизаціи, причемъ особенное вниманіе обращено на умственныя и соціальныя условія дикарей.

(Times).

«*Die Karrikatur der europäischen Völker vom Jahre 1848 bis zur Gegenwart*». *Von Eduard Fuchs. Mit 815 Illustrationen und 65 Beilagen hervorragender und seltener Kunstblätter in Schwarz- und Farbendruck.* (*Hoffmann und C°.*) *Berlin.* (*Карикатура у европейскихъ народовъ съ 1848 года по нынѣшнее время*). Это второй томъ исторіи карикатуры въ Европѣ, изслѣдующій уже ея дальнѣйшее развитіе, тогда какъ въ первомъ говорится о самыхъ первыхъ ея начаткахъ и ея развитіи до 48-го года. Рисунки карикатуръ воспроизведены очень хорошо.

(Frankfurt. Zeit.).

«*The Republican Party*». *A History of its Fifty Years Existence, and a Record of its Measures and Leaders, 1854—1904. By Francès Curtis. Tevo, Vols.* (*Putnam*). *25 s.* (*Республиканская партія*). Республиканская партія въ Соединенныхъ Штатахъ отпраздновала въ 1904 году пятидесятилѣтній юбилей своего существованія и такъ какъ пятьдесятъ лѣтъ представляютъ очень долгій срокъ въ великой американской республикѣ, живущей очень быстро, то республиканская партія считаетъ себя уже въ правѣ именоваться «великою старою партіей» (Grand Old Party) или же сокращенно: G. O. P. Въ книгѣ разсказана ея исторія съ самаго начала ея организаціи и до настоящаго времени, а также исторія ея вождей и ихъ дѣятельности, тѣсно связанной съ общей исторіей республики.

(Times).

«*L'Islamisme*», *par O. Houdas.* (*Librairie Dujarrie*). (*Исламизмъ*). Очень цѣнное и интересное изслѣдованіе исламизма, дозволяющее читателю заглянуть въ самую душу народовъ, исповѣдующихъ Исламъ, понять ихъ настроеніе и ихъ приверженность догмѣ. Авторъ знакомитъ читателей съ мусульманскими обществами, въ которыхъ сливаются духовный міръ и область свѣтской жизни. Какъ гражданская, такъ и религіозная жизнь подчиняются тутъ одинаковымъ принципамъ. Нравственность, публичное и частное право вытекаютъ изъ одного единственнаго источника, но тѣмъ не менѣе мусульманскій міръ, хотя и вдохновляется однимъ и тѣмъ же ученіемъ, все же представляетъ большое разнообразіе. Священные тексты остаются одни и тѣ же, но съ теченіемъ времени мѣняются ихъ толкованія и, такимъ образомъ, повинуясь общему закону, также претерпѣваетъ измѣненія, отражающіяся въ народной жизни.

(Temps).

«*Character and Conduct*». *A book of helpful Thoughts by Great Writers of Past and Present Ages.* (*Simpkin, Marschall and C°*) *3 s. 6 d.* (*Характеръ и поведеніе*). Въ книгѣ собраны изреченія и разсужденія великихъ умовъ всѣхъ временъ, вплоть до великихъ писателей современной эпохи, касающіяся нравственныхъ вопросовъ и нравственной дисциплины. Выборъ цитатъ сдѣланъ очень хорошо, съ большимъ умѣньемъ и знаніемъ дѣла.

(Saturday Review).

«*Who's Who*», *1905. Price. 7 s. 6 d.* (*Black*). (*Біографическій ежегодникъ*). Въ это новое изданіе вошли 18.000 біографій. Кромѣ этой книги, издана еще другая, «Who's Who Year book» (Price), въ которую включены таблицы и добавочныя статьи, помѣщенныя въ прежнихъ изданіяхъ, и новыя.

(Academy).

La Société française sous le Consulat», *par Gilbert Stenger*; *tome I: la Renaissance de la France*; *tome II: Aristocrates et républicains*; *les Emigrés et les Complots*; *les Hommes du Consultat.* (*Librairie académique, Perrin, éditeur*). (*Французское общество во время консульства*). Авторъ желаетъ представить всѣ измѣненія соціальной жизни, происшедшія въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ консульскаго правительства. Онъ изучалъ симптомы возрожденія во Франціи и въ этомъ своемъ трудѣ изучаетъ міръ аристократовъ и республиканцевъ, эмигрантовъ, устраивающихъ безполезные заговоры, и людей консульства, салоны, литературу и литераторовъ, театры и артистовъ, затѣмъ армію, духовенство, магистратуру и университетъ.

(Revue Bleue).

«*The Philosophers of the French Revolution*», *by P. A. Wadia* (*Sonnenschein*). *2 s. 6 d.* (*Философы французской революціи*). Авторъ этой книги, профессоръ исторіи и политической экономіи въ коллегіи Ахмедабада, оспариваетъ общераспространенный взглядъ, что философы стараго режима были настоящими авторами революціи. Онъ доказываетъ, что эти философы не только не руководили сами народомъ, но ими руководили высшіе классы, и они явились только выразителями того направленія и взглядовъ, которые существовали въ то время въ высшемъ французскомъ обществѣ. Книга написана очень живо и читается съ большимъ интересомъ.

(Times).

«*Ueber Willensfreicheit*», *von Wilh. Windelband, Tübingen, 1904.* (*Mour Siebeck*). *3 M. 60.* (*О свободѣ воли*). Въ двѣнадцати лекціяхъ, помѣщенныхъ въ этой книгѣ и предназначенныхъ для образованной публики, авторъ разбираетъ центральную проблему этики—вопросъ о свободѣ воли. Съ понятіемъ о волѣ и въ особенности о «свободѣ» связываютъ столько различныхъ, многообразныхъ, но въ то же время близко соприкасающихся другъ къ другу представленій, что точное опредѣленіе этихъ разнообразныхъ понятій является безусловною необходимостью. Въ своей первой лекціи авторъ даетъ общій краткій обзоръ проблемы, подлежащей обсужденію, и затѣмъ анализируетъ ее въ подробностяхъ уже въ слѣдующихъ лекціяхъ, касаясь сначала только психологической стороны вопроса. Затѣмъ онъ переходитъ къ его этической сторонѣ и въ шестой лекціи разсматриваетъ «свободу нравственности и ея психологическое значеніе». Въ послѣдней лекціи онъ обсуждаетъ взаимныя отношенія свободы и отвѣтственности.

(Litterarisches Zentralblatt).

«*Economic Methods and Economic Fallacies*», *by W. W. Carlile* (*Arnold*). *10 s. 6 d.* (*Экономическіе методы и экономическія заблужденія*). Авторъ этого основательнаго изслѣдованія—сторонникъ свободы торговли, хотя и возстаетъ противъ нѣкоторыхъ общихъ аргументовъ, которые выдвигаются на первый планъ фритрэдерами. Онъ доволенъ какъ теперешнимъ положеніемъ дѣлъ, такъ и перспективами, которыя открываются англійской промышленности. Но главная суть книги заключается въ главахъ объ экономическихъ методахъ, гдѣ онъ разбираетъ «логику политической экономіи» и «типы экономическихъ заблужденій», подвергая при этомъ рѣзкой критикѣ нѣкоторыя изъ существующихъ экономическихъ теорій.

(Times).

«*The Dream of Peace*», *by Francis Gribble.* (*Chapman and Hall*). (*Мечта о мирѣ*). Въ этой книгѣ авторъ обсуждаетъ вопросъ о войнѣ съ антимилитаристской точки зрѣнія и подкрѣпляетъ свои взгляды разсказомъ, производящимъ очень сильное впечатлѣніе.

(Times).

«*The Working Men's College*», *1854—1904, edited by the Rev. I. Hewelyn.* (*Macmillan*). *4 s.* (*Коллегія рабочихъ*). Въ книгѣ разсказано происхожденіе, развитіе и дѣятельность коллегіи рабочихъ и говорится объ ея основателяхъ. Коллегія отпраздновала недавно свой 25-ти-лѣтній юбилей и поэтому случаю была издана эта книга. Коллегія явилась результатомъ христіанскаго соціалистскаго движенія, возникшаго почти полстолѣтія тому назадъ, и затѣмъ развилась постепенно изъ лекцій и курсовъ, организованныхъ обществомъ для поддержанія рабочихъ ассоціацій. Пятеро оставшихся въ живыхъ изъ сотрудниковъ основателя коллегіи сообщаютъ къ книгѣ свои воспоминанія. Очень интересенъ разсказъ одного изъ нихъ о рисовальныхъ классахъ подъ руководствомъ Рёскина, Россетти, Бернъ-Джонса и др. Лордъ Эвбюри, стоявшій во главѣ коллегіи отъ 1883 по 1898 годъ, сообщаетъ свои впечатлѣнія. Въ теченіе этого времени число студентовъ возросло съ 607 до 700. Къ тексту приложены, между прочимъ, двадцать хорошихъ портретовъ разныхъ дѣятелей.

(Times).

«*The Working Classes in France*», *by H. Stecle. 6 d.* (*Twenteeth Cenutry Press*). (*Рабочіе классы во Франціи*). Авторъ прожилъ 23 года во Франціи въ близкомъ соприкосновеніи съ промышленными классами. Онъ описываетъ ихъ образъ жизни, ихъ взгляды и доказываетъ необходимость соглашенія между рабочими Франціи и Англіи.

(Times).

«*The Heart of a Continent*», *by Colonel F. E. Younghusband. London.* (*Murray*). *1904. 6 s.* (*Сердце одного континента*). Разсказъ автора, руководившаго послѣднею тибетскою экспедиціей, о его прежнихъ странствованіяхъ по Манчжуріи, пустынѣ Гоби и Гималаямъ, представляетъ современный интересъ въ виду событій на Дальнемъ Востокѣ. Онъ описываетъ свое десятилѣтнее пребываніе и приключенія среди азіатскихъ народовъ, высококультурныхъ индусовъ и грубыхъ первобытныхъ племенъ въ Гималаяхъ. Онъ рисуетъ картины азіатской природы, начиная съ величественныхъ высотъ и живописныхъ долинъ въ Гималаяхъ и Памирѣ и до уединенныхъ, знойныхъ пустынь, черезъ которыя ему приходилось странствовать, перенося порою тяжелыя лишенія и подвергаясь многочисленнымъ опасностямъ.

(Saturday Review).

«*L'Envers de la Gloire*», *par Adolphe Brisson.* (*Flammarion*). (*Оборотная сторона славы*). Личность писателей, ихъ жизнь, черты характера и особенности всегда интересуютъ читателя и онъ невольно ищетъ въ ихъ произведеніяхъ отраженія ихъ собственной личности. Эта книга, заключая въ себѣ рядъ очень тонкихъ психологическихъ очерковъ, можетъ вполнѣ удовлетворить читателя. Авторъ говоритъ о Викторѣ Гюго, Кинэ, Ренанѣ, Мюссе. Золя и многихъ другихъ, о которыхъ онъ сообщаетъ много интересныхъ свѣдѣній, еще нигдѣ не напечатанныхъ. Кромѣ того, читатель знакомится съ интимною жизнью писателей, съ ихъ обстановкою, привычками, съ тѣми затрудненіями, которыя имъ приходится преодолѣвать въ жизни, и узнаетъ такимъ образомъ оборотную сторону славы.

(Journal des Débats).

«*Wie Ich wurde, was Ich ward*», *von Julius Bahnsen. Nebst anderen Stücken aus dem Nachlass des Philosophen, herausgegeben von Rudolf Louis.* (*München und Leipzig, bei Georg Müller*). (*Какъ я сдѣлался тѣмъ, чѣмъ я былъ*). Очень интересный автобіографическій очеркъ одного изъ наиболѣе выдающихся учениковъ Шопенгауера, философа-пессимиста Юліуса Бангена, занимаетъ больше половины книги. Въ остальной части собраны нѣкоторые изъ его очерковъ: «Во власти загадочнаго», «Субъективный и объективный нигилизмъ», «Къ пониманію нынѣшняго пессимизма», и очень интересный очеркъ о Шекспирѣ и его женскихъ типахъ. Къ книгѣ приложенъ хорошо исполненный портретъ автора.

(Berlin. Tag.).

«*The Gems of the East*», *by A. Savage Landor, London.* (*Macmillan*). *1904. 30 s.* (*Драгоцѣнности востока*). Авторъ описываетъ Филиппинскій архипелагъ, состоящій приблизительно изъ 1.400 острововъ съ населеніемъ около восьми милліоновъ и состоящимъ изъ племенъ, во многомъ отличающихся другъ отъ друга. Нѣкоторыя племена, живущія въ лѣсахъ, совершенно бѣлыя, другія показываютъ негроидные признаки, третьи почти карлики, четвертые отличаются особенностями строенія, пятые живутъ на деревьяхъ и т. д., словомъ, разнообразіе образа жизни, характера и наружности очень велико. Само собою разумѣется, что архипелагъ, столь изобилующій этнологическими богатствами, долженъ привлекать изслѣдователей и путешественниковъ. Авторъ провелъ годъ среди такихъ племенъ, которыя почти неизвѣстны бѣлымъ, и на такихъ островахъ, которые ими никогда не посѣщались. Много разъ онъ рисковалъ жизнью и если въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ его изысканія нельзя назвать особенно глубокими, то, во всякомъ случаѣ, надо имѣть въ виду, что онъ шелъ не по проторенной дорогѣ, а по совершенно неизвѣданному пути. Все-таки, матеріалъ, собранный въ его книгѣ, очень интересенъ и заключаетъ въ себѣ много новаго. Особенно заслуживаютъ вниманія тѣ главы, гдѣ онъ говоритъ о политическомъ развитіи туземнаго населенія крупныхъ острововъ и о плохихъ качествахъ американцевъ, какъ колонистовъ.

(Saturday Review).

«*Historical Mysteries*», *by Andrew Lang.* (*Smith Elder and C°*). *9 s.* (*Историческія тайны*). Интересная небольшая книга, въ которой разсказаны таинственные эпизоды всемірной исторіи, дающіе много пищи уму и сердцу читателей, которымъ авторъ разъясняетъ факты на основаніи историческихъ документовъ.

(Saturday Review).

Издательница **М. К. Куприна-Давыдова.** Редакторъ **Ѳ. Д. Батюшковъ.**

НОВАЯ КНИГА:

Н. Рожковъ.

ОБЗОРЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ СЪ СОЦІОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ,

ч. II, вып. 1-й.

Изд. редакціи журнала: **„Міръ Божій“** Спб. 1905 г. Ц. **1** р.

Складъ изданія въ конторѣ журнала Спб. Разъѣзжая, 7.

Выписывающіе изъ конторы за пересылку не платятъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на

„ИЛЛЮСТРИРОВАННУЮ БИБЛІОТЕКУ НИВЫ“ на 1905-й годъ,

ВЪ СОСТАВЪ КОТОРОЙ ВОЙДЕТЪ НОВЫМЪ ИЗДАНІЕМЪ

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРІЯ

проф. ОСКАРА ІЕГЕРА

въ 12-ти **ежемѣсячныхъ** выпускахъ, которые составятъ 4 большихъ тома, заключающ. въ себѣ около 2.600 стр. текста большого 8°, около 1000 художественно-исполненныхъ гравюръ, 80 отдѣльн. приложеній, отпечат. золотомъ, серебромъ, черною и цвѣтными красками, и около 40 историч. картъ и плановъ. Первые 3 тома—въ переводѣ и съ дополненіями (по русской исторіи) **П. Н. Полевого**—вновь пересмотрѣны и исправлены **Л. З. Слонимскимъ** по **послѣднему нѣмецкому изданію,** а 4-й томъ—въ новомъ переводѣ подъ редакц. и съ дополн. **Л. З. Слонимскаго. — Изложеніе событій доведено до 1905 г.,** со включеніемъ иллюстрирован. **очерка русско-японской войны.**

„Всеобщая исторія“ проф. Оскара Іегера представляетъ собою трудъ, замѣчательный по своимъ научнымъ достоинствамъ и еще болѣе по чрезвычайно умѣлому изложенію историческаго матеріала, которымъ авторъ владѣетъ въ совершенствѣ, а потому и передаетъ его въ удивительно простой, ясной и доступной формѣ. Важнымъ преимуществомъ этого прекраснаго труда слѣдуетъ, конечно, считать строго критическое отношеніе проф. Іегера къ историческому матеріалу, но авторъ не упускаетъ изъ виду и другихъ весьма важныхъ сторонъ: онъ постоянно выдвигаетъ на первый планъ то, что естественно должно болѣе интересовать, болѣе привлекать вниманіе образованнаго человѣка, не утомляетъ читателя сухимъ сопоставленіемъ историческихъ фактовъ, а предлагаетъ ему рядъ картинъ, вѣрно и живо изображающихъ возникновеніе, возрастаніе и гибель государствъ, возвышеніе, процвѣтаніе и паденіе народовъ.

Одно изъ важныхъ достоинствъ труда О. Іегера составляетъ чрезвычайное обиліе строго согласованныхъ съ текстомъ иллюстрацій, воспроизведенныхъ по памятникамъ и живописующихъ эпоху, къ которой онѣ относятся.

„Всеобщая Исторія“ въ 1-мъ изданіи, нынѣ совершенно распроданномъ, была: 1) допущ. Учен. Комит. Мин. Нар. Просв. въ ученич. средн. и старш. возраст. библіотеки средне-учебн. завед.; 2) разсмотр. Военно-Учен. Комит., и о выходѣ ея объявлено въ цирк. Главн. Штаба 17 окт. 1896 г. № 284.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на все изданіе въ 12 выпуск., по одному въ мѣсяцъ:

Безъ доставки: въ С.-Петербургѣ—12 р. **Съ дост. въ СПБ. и съ перес. во всѣ мѣста Россіи — 14 р.** За границу — 16 руб.

РАЗСРОЧКА ПЛАТЕЖА ВЪ 2, 3, 4 и 6 СРОКОВЪ.

☞ Для ознакомленія съ изданіемъ, ПЕРВЫЙ ВЫПУСКЪ ПРОДАЕТСЯ ОТДѢЛЬНО и высылается иногороднимъ за ОДИНЪ РУБЛЬ (можно ПОЧТОВЫМИ МАРКАМИ). Подробное иллюстрированное объявленіе о подпискѣ высылается БЕЗПЛАТНО.

Адресъ: въ Контору изданій А. Ф. МАРКСА, С.-Петербургъ, улица Гоголя, № 22.

UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY
BERKELEY

Return to desk from which borrowed.
This book is DUE on the last date stamped below.

8Feb'49 DB

9Feb'62KL

REC'D LD
FEB 6 1962

LD 21–100m-9,'48(B399s16)476

U. C. BERKELEY LIBRARIES
C042637194